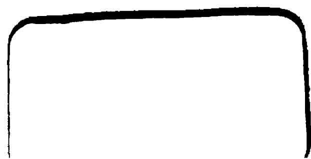

Жизнь, какъ она есть.

ПОВѢСТЬ

въ 3-хъ частяхъ.

Томъ II.

Часть II.

(Гл. XVII—XLV).

 Поставщикъ Высочайшаго Двора Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Москва, Петровка, № 22.

1898.

Жизнь,

какъ она есть.

Повѣсть въ 3-хъ частяхъ.

Часть II

(ОКОНЧАНІЕ).

Жизнь, какъ она есть.

Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ
Что радикальныя потребны тутъ лѣкарства:
Желудокъ больше не варитъ...

Часть II.

XVII.

Невольную грусть навѣяло на Алгасова это прощаніе съ женщиной, когда-то такъ страстно имъ любимой. Долго смотрѣлъ онъ вслѣдъ за отъѣзжающимъ поѣздомъ и медленно пошелъ потомъ по платформѣ.

Онъ вышелъ на подъѣздъ и въ раздумьи тамъ остановился. Куда ему дѣваться? Не въ томъ настроеніи былъ онъ, чтобы ѣхать куда-нибудь въ театръ или въ гости, но и одному оставаться тоже не хотѣлось. Съ минуту подумалъ онъ—и рѣшилъ ѣхать къ Бачуринымъ. Тамъ тихо, покойно, ни гостей, ни шума, ни оживленія; молча можно тамъ наслаждаться дивной красотой Ирины, а при одномъ воспоминаніи о ней въ эту минуту грусти такъ всѣмъ существомъ его и завладѣла эта красота, и звала къ себѣ...

Въ гостинной, куда онъ вошелъ, было тихо, и въ углу огромной комнаты Алгасовъ не сразу разглядѣлъ свою тетку: Аделаида Филипповна играла въ пикетъ.

— Здравствуй, Саша, встрѣтила она племянника. Всѣ ли у васъ здоровы? Пять картъ, продолжала она, не дожидаясь его отвѣта.

— Карты хороши, отвѣтилъ ея партнеръ.

— Благодарю, тетя, началъ Алгасовъ. Наши вамъ кланяются. Здравствуйте, Николай Сергѣевичъ.

И поздоровавшись, Алгасовъ сѣлъ возлѣ Аделаиды Филипповны и сталъ глядѣть въ ея карты.

Партнеръ Аделаиды Филипповны, Николай Сергѣевичъ Авринскій, былъ человѣкъ, въ то время извѣстный цѣлой Москвѣ. Лѣтъ ему было за сорокъ, онъ былъ холостъ, носилъ хорошую фамилію, имѣлъ порядочныя средства и, при внѣшности представительной и вылощенной, обладалъ талантами самыми разнообразными и нужными, дѣлавшими его общимъ любимцемъ всѣхъ дамъ и барышень.

Безпечно, весело и легко жилось ему на свѣтѣ. Никакими вопросами онъ не задавался, никакихъ особыхъ желаній не зналъ и ни одно облачко не омрачало его жизни, подобной лучезарному небу юга.

Въ молодости онъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при одномъ важномъ лицѣ, и былъ идеальнымъ чиновникомъ, расторопнымъ, вѣжливымъ, исполнительнымъ, услужливымъ, умѣвшимъ въ мѣру и угождать, и соблюдать собственное достоинство. Но карьеры Николай Сергѣевичъ не сдѣлалъ, потому, впрочемъ, что и не гнался за ней. Какъ только мало-мальски солидными сдѣлались его лѣта, какъ только получилъ онъ послѣ двоюродной тетки хорошенькое состояньице—онъ тотчасъ же вышелъ въ отставку и на свободѣ сталъ наслаждаться всѣми благами обезпеченной свѣтской жизни.

Знакомыхъ у него было множество во всѣхъ слояхъ московскаго общества и всюду былъ онъ желаннымъ гостемъ. Это былъ неоцѣнимый человѣкъ. Всѣ рѣшительно новости ему всегда были извѣстны, разговоръ онъ могъ вести о чемъ угодно, при всевозможныхъ затрудненіяхъ онъ всегда находилъ, что посовѣтовать, никакой вопросъ никогда не могъ поставить его въ тупикъ, онъ могъ и разговаривать, и спорить, и молчать, и разсказывать, и слушать.

Но особенно любили его дамы. Тутъ уже онъ былъ рѣшительно въ своей сферѣ. Болѣе пріятнаго дамскаго кавалера трудно даже и придумать, ибо и самъ болѣе всего на свѣтѣ любилъ онъ женское общество и всѣ свои таланты развивалъ именно такъ, чтобы быть пріятнымъ и полезнымъ дамамъ. Онъ былъ постоянно съ ними, онъ за ними ухаживалъ, услуживалъ имъ, наслаждался ихъ обществомъ, красотой, разговоромъ—и это было все, чего онъ требовалъ

отъ жизни, и жизнь давала ему это, и онъ былъ вполнѣ доволенъ и счастливъ.

Онъ игралъ, танцовалъ, пѣлъ, рисовалъ, сочинялъ недурные стихи, имѣлъ необыкновенную способность исполнять самыя невозможныя порученія, зналъ толкъ во всемъ касавшемся туалета, моды, хозяйства или дамскихъ работъ, обладалъ бездной вкуса, массой свободнаго времени и усердіемъ необычайнымъ.

И дамы любили его, пользовались его услугами, удостаивали его довѣрія, охотно проводили съ нимъ время въ легкой и пріятной болтовнѣ, всегда во всемъ съ нимъ совѣтовались и о немъ первомъ всегда вспоминали во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.

— Николай Сергѣевичъ, идите въ пикетъ играть, говоритъ ему важная старуха, въ родѣ Аделаиды Филипповны. И Николай Сергѣевичъ тотчасъ же садится и охотно даже проигрываетъ рубль или два, если старуха такого сорта что не любитъ проигрывать.

— Николай Сергѣевичъ, кавалера нѣтъ, идите танцовать, подбѣгаетъ къ нему барышня, и Николай Сергѣевичъ, обрывая дѣльный разговоръ о необходимости развитія у крестьянъ раціональнаго взгляда на хозяйство, извиняется передъ своимъ собесѣдникомъ и идетъ танцовать,

— Николай Сергѣевичъ, завтра бенефисъ Патти, а у меня ложи нѣтъ, пристаетъ къ нему молодая дама. Гдѣ хотите, а доставайте мнѣ билетъ, и на глаза безъ него не показывайтесь! Николай Сергѣевичъ ѣдетъ и достаетъ, какими путями—это уже ему только одному извѣстно.

— Николай Сергѣевичъ, вотъ вамъ образчикъ шерсти, подберите мнѣ подъ тѣнь. И Николай Сергѣевичъ покупаетъ шерсть точь-въ-точь такую, какую надо.

— Николай Сергѣевичъ, скучно, съиграйте что-нибудь, и онъ садится и играетъ, а что играетъ—это совершенно для него безразлично, Бетховена ли, Шумана, Оффенбаха или же послѣднюю модную кадриль, онъ все игралъ одинаково хорошо и съ одинаковымъ чувствомъ.

— Николай Сергѣевичъ, мнѣ повара нужно, и Николай Сергѣевичъ отвѣчаетъ, что онъ знаетъ отличнаго повара и честнѣйшаго малаго, котораго завтра же и пришлетъ

И т. д. Съ какимъ бы требованіемъ ни обратилась къ нему дама, слово *нѣтъ* никогда не сходило съ его языка и всякое порученіе онъ всегда исполнялъ съ удовольствіемъ и полной готовностью.

Быть среди дамъ и дѣвушекъ, любоваться ими, угождать имъ—ничего не зналъ онъ выше этого и не было у него большей радости. Сколько красавицъ выросло на его глазахъ, повышло замужъ, состарилось, и онъ былъ неизмѣннымъ кавалеромъ, неизмѣннымъ поклонникомъ и другомъ ихъ всѣхъ. Онъ жилъ, окруженный ихъ юной красотой, съ улыбкой, съ отрадой глядѣлъ онъ на вызванныя впечатлѣніями перваго бала счастливыя ихъ улыбки, слушалъ ихъ молодой смѣхъ, подмѣчалъ первое біеніе ихъ сердца, провожалъ ихъ къ алтарю, няньчилъ ихъ первенцовъ, а когда первая сѣдина появится въ еще роскошной косѣ, когда первая морщина прорѣжетъ еще бѣлый и красивый лобъ—тутъ уже новыя красавицы окружаютъ Николая Сергѣевича, новая расцвѣтающая жизнь смѣняетъ жизнь увядающую, и Николай Сергѣевичъ остается другомъ этой послѣдней и поклонникомъ первой.

Но неужели же такъ одинаково всѣми и любовался Николай Сергѣевичъ и изъ этого роя окружавшихъ его красавицъ ни одна не заставила дрогнуть его сердце? Какъ знать? Кто проникнетъ въ самую глубину души человѣка, спокойнаго, всегда приличнаго, всегда въ мѣру веселаго, хорошо одѣтаго, тщательно причесаннаго свѣтскаго человѣка? Можетъ-быть, можетъ-быть и да, да и нельзя, казалось бы, иначе, но что значатъ для Николая Сергѣевича волненія любви и надежды въ сравненіи съ покоемъ и комфортомъ завидной его жизни?

А вѣрно одно, что самъ ничье не заставилъ онъ дрогнуть, ни дѣвичье, ни женское сердце. Никого не любяли всѣ онѣ вмѣстѣ такъ сильно, какъ Николая Сергѣевича, никого не встрѣчали съ такой единодушной и искренней радостью, ни о комъ такъ часто не вспоминали, ничьими услугами не пользовались такъ мило, ни съ кѣмъ такъ весело не болтали, ни съ кѣмъ такъ много не кокетничали, но не было ни одной между ними, которая съ волненіемъ ждала бы его, съ восторгомъ его слушала, съ любовью на него глядѣла...

Онъ обладалъ особой способностью сходиться съ людьми, и стоило ему раза два побывать въ домѣ, какъ онъ уже становился тамъ своимъ человѣкомъ. Своимъ человѣкомъ былъ онъ у Вёдровыхъ, гдѣ онъ курилъ съ Павломъ Ивановичемъ и разсуждалъ съ нимъ о политикѣ и ухаживалъ за Надеждой Семеновной, что великое доставляло удовольствіе этой неизбалованной успѣхами барынѣ. А кромѣ того, онъ умѣлъ доставать для нея индѣекъ необычайныхъ, говядину, по мягкости своей болѣе походившую на пухъ, чѣмъ на говядину, стерлядей величины идеальной, икру изумительную, арбузы гигантскіе, и къ тому же онъ зналъ столько рецептовъ всякихъ кушаній, куличей, соусовъ, квасовъ, онъ такъ хорошо умѣлъ обращаться съ дѣтьми, такъ ихъ ласкалъ, такія игрушки доставалъ имъ, что Надежда Семеновна рѣшительно не могла безъ него обойтись. Своимъ человѣкомъ былъ онъ и у Апалевыхъ, гдѣ онъ пѣлъ дуэты и игралъ въ 4 руки съ княгиней Софьей Семеновной и исполнялъ ея порученія, а съ княземъ игралъ въ шахматы, любовался его цвѣтами и коллекціями, доставалъ ему рѣдчайшія гравюры и книги и спорилъ съ нимъ послѣ обѣда, утверждая, что обязанность каждаго русскаго двигать впередъ свое отечество, сѣять сѣмена прогресса, цивилизаціи, гуманности, что это задача вѣка и никто не смѣетъ отъ нея отрекаться подъ страхомъ нравственной смерти.

У Бачуриныхъ онъ сталъ своимъ человѣкомъ еще задолго до окончанія траура. Познакомился онъ съ ними у Вёдровыхъ и вскорѣ же сдѣлался незамѣнимымъ партнеромъ для Аделаиды Филипповны, терпѣливо всегда выслушивая всѣ ея жалобы на жизнь. Сама гордая Ирина, и та благоволила къ нему, снисходительной улыбкой отвѣчала на его комплименты и даже поручала иногда купить ей какія-нибудь мелочи, въ родѣ лентъ или перчатокъ.

Съ полчаса просидѣлъ Алгасовъ возлѣ тетки, глядя въ ея карты и изрѣдка подавая ей совѣты насчетъ сноса или хода. Наконецъ въ гостинную вошелъ Константинъ Платоновичъ, а за нимъ появилась и Ирина, до-нельзя прекрасная, одѣтая необыкновенно изящно и съ рѣдкимъ вкусомъ, хотя никуда въ этотъ вечеръ не собиралась она и на ней было одно изъ самыхъ простыхъ ея платьевъ. При ея

входѣ Авринскій немедленно же всталъ и съ сладкой улыбкой пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Здраствуйте, здраствуйте, царица всюду и вездѣ! привѣтствовалъ онъ ее, цѣлуя ея руку и съ восторгомъ ею любуясь.

— А, вы здѣсь, Николай Сергѣевичъ, небрежно отвѣтила Ирина. А ваше обѣщаніе, забыли?

— Не могъ, Ирина Платоновна, повѣрьте, не могъ такъ скоро! Но на дняхъ же буду имѣть счастье вамъ ее вручить.

Дѣло шло объ одной запрещенной книгѣ, которую онъ обѣщалъ достать для Ирины.

— Ну смотрите, я жду. Здравствуй, Саша. Что это, какой ты хмурый? Мама, чай готовъ. Ты опять выиграла?

— Пустяками кончилась игра, съ пріятной улыбкой отвѣтилъ Николай Сергѣевичъ и, вынувъ бумажникъ, положилъ на столъ новенькую, еще несогнутую ассигнацію и нѣсколько блестящихъ, тоже новенькихъ двугривенныхъ.

Аделаида Филипповна взяла деньги, сказала, что ей нездоровится и чтобы чай прислали ей въ ея комнату, простилась и вышла, захвативъ съ собою лежавшую на столѣ книжку *Revue des deux Mondes*. Алгасовъ, Авринскій и Константинъ Платоновичъ вслѣдъ за Ириной пошли въ столовую.

— А собственно говоря, намъ уже пора бы и отправляться, началъ Авринскій, глядя на свои часы и обращаясь къ Константину Платоновичу. Скоро 9 часовъ.

— Нѣтъ, Николай Сергѣевичъ, я не поѣду, помолчавъ, отвѣтилъ ему Бачуринъ.

— Напрасно! Васъ ждутъ, спокойно замѣтилъ Авринскій, садясь и принимая отъ Ирины стаканъ чая.

Бачуринъ промолчалъ.

— Куда это вы? вмѣшался Алгасовъ.

— Да вотъ мы съ Константиномъ Платоновичемъ собирались было къ Муравьевымъ, т. е. собственно говоря, мнѣ велѣли его привезти. Я и заѣхалъ, а онъ, вотъ видите, раздумалъ!

— Что же это, Костя? съ улыбкой обратился къ нему Алгасовъ. Съ которыхъ поръ сталъ ты бѣгать отъ нихъ?

— Я не бѣгаю, Саша, но въ послѣднее время я бывалъ у нихъ слишкомъ часто. Съ этимъ надо покончить. Нѣтъ, Николай Сергѣевичъ, скажите, что я извиняюсь, что мнѣ некогда, а я не поѣду. Да мнѣ и въ самомъ дѣлѣ некогда: завтра у меня важное дѣло въ судѣ и надо къ нему подготовиться.

— А, Костя, испугался! А чего? Оля Муравьева премилая дѣвочка...

— Очень милая, Саша, прервалъ его Бачуринъ.

— И ты ей нравишься, досказалъ свою мысль Алгасовъ, да и она тебѣ тоже...

— Что же изъ этого? Къ чему все это?

— Она хорошая дѣвушка, Костя, ее можно полюбить...

— Что же изъ этого? Все это очень хорошо... Впрочемъ, я самъ виноватъ. Я былъ слишкомъ неостороженъ, но все такъ быстро случилось, что это отчасти извиняетъ меня. За то я долженъ быть осторожнѣе теперь. Она не должна мнѣ нравиться, а слѣдовательно, и я не долженъ ей нравиться. Вѣдь жениться я на ней не могу... Все это очень ужъ какъ-то глупо вышло...

Всѣ замолчали.

— Я вполнѣ понимаю ваше положеніе, началъ, размѣшивая чай, Авринскій, но вы слишкомъ уже все преувеличиваете. Повѣрьте, еще нѣтъ ничего серьезнаго. Правда, осторожность никогда не мѣшаетъ, но къ чему же все дѣлать такъ рѣзко? Сегодня у нихъ гости, и они будутъ очень огорчены вашимъ отсутствіемъ...

— Оно такъ, но вѣдь у меня и въ самомъ дѣлѣ много работы, я не шучу... Нѣтъ, ужъ лучше въ другой разъ, а сегодня, пожалуйста, какъ-нибудь оправдайте меня!

— Дѣло ваше! Въ такомъ случаѣ до свиданья, мнѣ пора...

Авринскій всталъ, простился и вышелъ.

— Не знаю, Костя, если ужъ не Оли Муравьевой, кого тебѣ надо? началъ Алгасовъ. Хорошенькая, молоденькая, весела, умна, мила, ты ей очень нравишься...

— Ты-то почемъ знаешь?

— Не безпокойся, правду говорю. Мнѣ Соня Остелецкая по секрету сказала, вѣдь мы съ ней пріятели, а Соня съ Муравьевой.

— Тѣмъ болѣе мнѣ причинъ вести себя какъ можно осторожнѣе!

— Да вѣдь и она тебѣ нравится, и не можетъ она кому нибудь не нравиться...

— А тебѣ?

— Мнѣ! Я слишкомъ къ ней привыкъ, вѣдь я еще дѣвочкой засталъ ее, на моихъ глазахъ она выросла, мы какъ-то приглядѣлись другъ къ другу... Ну да объ этомъ говорить нечего, разговоръ не обо мнѣ идетъ!

— Нравится, точно этого довольно!

— Погоди—полюбишь!

— Другъ мой, мало ли влюбляемся мы въ жизни!

— Эхъ, Костя, все это не то, и ты очень хорошо это понимаешь. Ты знаешь, о комъ идетъ рѣчь. Ты молодъ, но тебѣ уже 25 лѣтъ, ты человѣкъ спокойный, дѣловой, серьезный, однимъ словомъ, ты не изъ тѣхъ, кого пугала бы женитьба. Ольга Андреевна такая дѣвушка, что въ нее не только влюбиться, ее и полюбить можно, и она будетъ хорошей женой, она обѣщаетъ много счастья...

— Въ томъ-то и суть! Она не изъ тѣхъ дѣвушекъ, за которыми можно безопасно ухаживать... А жениться, да чудакъ ты! Точно такъ это просто!

— Да вѣдь женишься же когда-нибудь!

— Ну?

— И ты самъ знаешь, что такой жены найти не легко...

— А потомъ что, послѣ сватьбы? Переселяться на жительство въ Блазны?

— Къ чему это?

— У Муравьевой нѣтъ самаго для меня нужнаго—ни состоянія, ни связей. Жениться на ней, для меня это значитъ разбить свою жизнь, чего я вовсе не желаю, и напротивъ, всячески хотѣлъ бы я застраховать себя отъ подобной случайности.

— Я думалъ, что сватьбы по разсчету ужъ вышли изъ моды, отвѣтилъ ему Алгасовъ.

— Не по разсчету, а съ разсчетомъ, не забывай этой разницы, ее ужъ разъ объясняли вамъ, г.г. Адуевы! Будь у той же Муравьевой хоть какія-нибудь связи, будь у нея

приданое, которое по крайней мѣрѣ дало бы мнѣ возможность жить съ ней ну хоть такъ, какъ мы сейчасъ живемъ—тогда другое дѣло, тогда и не искалъ бы я никакой болѣе выгодной партіи, и еслибы даже была такая, не задумался бы кого мнѣ выбрать. Но къ сожалѣнію, ничего этого нѣтъ— и что дѣлать? Надо имѣть силу воли отказаться отъ того, что хотя и хорошо, и соблазнительно, и манитъ къ себѣ, но что имѣетъ и свою обратную сторону.

— И ради чего же отказываться отъ любви, отъ счастья, и у тебя хватитъ на это силъ? удивленно воскликнулъ Алгасовъ.

— Должно хватить, а если должно, такъ и хватитъ.

— Не знаю!

— А ты, Саша, ты какъ поступилъ бы въ подобномъ случаѣ? вмѣшалась въ разговоръ Ирина.

— Ирина, какъ могу я отвѣтить на такой вопросъ? Отъ любви я не убѣгу, не испугаюсь ея, а подробности моего поведенія—онѣ будутъ зависѣть отъ случая, отъ обстоятельствъ, опредѣленныхъ правилъ у меня нѣтъ.

— Мнѣ кажется, взглядъ Кости на любовь совершенно правиленъ, продолжала Ирина. Въ жизни нельзя поступать наобумъ, и если ясно видишь, что изъ любви не выйдетъ ничего путнаго, надо во время позаботиться, чтобы ея не было...

— И ничего не разбирая—какая любовь, къ кому, можетъ быть, къ лучшей даже изъ женщинъ?..

— Странный ты человѣкъ, Саша, снова началъ Константинъ Платоновичъ. Не всѣ же такіе сумасшедшіе, какъ ты! Мнѣ дорога жизнь, ея спокойствіе, та цѣль, которую я поставилъ себѣ. Не могу же я всѣмъ этимъ пожертвовать изъ-за вспышки страсти, изъ-за одного, двухъ лѣтъ пріятной жизни! Страсть, любовь пройдетъ, а разбитая жизнь останется, на горе и мнѣ, и ей, той, ради которой я разбилъ ее. Въ пылу страсти еще дозволительно многое, и еслибы я во время сейчасъ не остерегся—черезъ мѣсяцъ или два я не поручился бы за себя... Но человѣкъ долженъ быть выше своихъ страстей. Если онъ не въ силахъ съ ними бороться въ самомъ ихъ разгарѣ—то онъ всегда и въ силахъ, и долженъ не допускать ихъ до этого.

— И ты, Ирина, думаешь точно также? обратился къ ней Алгасовъ.

— Развѣ я сказалъ что-нибудь очень уже позорное въ твоихъ глазахъ? спросилъ его Константинъ Платоновичъ.

— Скорѣе непонятное, отвѣтилъ Алгасовъ.

— А по-моему, это очень понятно, но не очень легко, начала Ирина. Саша, развѣ это дурно, что онъ говоритъ? Какой другой путь ведетъ къ спокойствію?

— Къ спокойствію—именно этотъ. Но къ счастью...

— Ну а путь къ счастью, укажи намъ его, сказалъ Бачуринъ.

— Путь извѣстный. Два раза онъ можетъ и не встрѣтиться въ жизни, а если встрѣтился онъ—за него надо хвататься, а не бѣжать отъ него. Быть-можетъ, спокойствія и не найдешь на этомъ пути, но... я не знаю, я выбралъ бы счастье, а не спокойствіе. Да, приходится платить за любовь и счастье, приходится платить и потерей спокойствія, и страданіями, и сожалѣніями, и много силъ надо, чтобы пережить конецъ любви. Костя, и еслибы зналъ ты, какъ тяжело это! Но какъ бы это ни было тяжело, и зная даже всю громадность цѣны, которой приходится покупать счастье, я, Костя, я все-таки не въ силахъ былъ бы отказаться отъ него!

— Любовь! Что можетъ быть лучше въ жизни! Это единственное, что ее украшаетъ, это одно только и придаетъ ей цѣну и т. д. все въ томъ же духѣ. Говорить на эту тему можно безъ конца, но все это давно уже извѣстно, насмѣшливо проговорилъ Бачуринъ, закуривая сигару.

Алгасовъ ничего ему не сказалъ на это.

— А есть и другая любовь, началъ онъ, помолчавъ, она легче, короче, не такъ цѣнятся ея радости, она не знаетъ страданій ни въ началѣ, ни въ концѣ, но столько же, нѣтъ, что я—еще больше наслажденій даетъ она, мгновенныхъ, скоропроходящихъ, забывающихся, но все же завидныхъ, чудныхъ и ничѣмъ не омраченныхъ наслажденій...

— Которую же выбралъ бы ты? спросила Ирина.

— Чтобы любить, Ирина, чтобы умѣть взять отъ любви все счастье, какое можетъ она только дать, для этого надо имѣть смѣлость не бояться ничего, чѣмъ бы ни пришлось

заплатить за любовь и счастье. А разъ есть эта смѣлость— можетъ ли быть вопросъ о выборѣ? А тебѣ, Костя, я вотъ что скажу. Не одна только любовь украшаетъ нашу жизнь, но она дѣйствительно есть ея лучшее украшеніе. Смѣяться надъ этимъ можно, но вѣдь отъ этого любовь не перестанетъ быть лучшей, завѣтной мечтой каждаго изъ насъ.

— Да, Саша, лучшей, пожалуй, т. е. самой пріятной, но не главной, сказала Ирина. Скажи, неужели же не можетъ быть въ жизни цѣли выше, чище и лучше?

— Чище, а истинная любовь не чиста? Выше и лучше могутъ быть цѣли, и когда онѣ есть на лице—и разговора быть не можетъ. Но когда ихъ нѣтъ, что же и толковать о нихъ?

— И по-твоему, надо жить для одной только любви?

— Ирина, неужели же любовь такъ уже совершенно и исключаетъ все въ жизни? Еслибы такъ это было, Ирина, да у кого же силъ хватило бы тогда жить?

— Ты слишкомъ рѣзко ставишь вопросъ, возразила Ирина. Любовь вовсе не исключаетъ всего, пожалуй, сама и ничего не исключаетъ она, но многое не совмѣстимо съ ней, ибо она рѣдко является въ чистомъ своемъ видѣ; по большей части ее усложняютъ разныя житейскія обстоятельства, и они-то и заставляютъ иногда призадуматься надъ ней.

— Дѣйствительно заслуживающія вниманія обстоятельства—они встрѣчаются слишкомъ уже рѣдко, такъ рѣдко, что и говорить о нихъ не стоитъ.

— Напротивъ, очень даже часто, какъ и въ данномъ случаѣ, про который зашелъ разговоръ. Женившись на Муравьевой, Костя сильно повредитъ своей карьерѣ, повредитъ хотя бы уже тѣмъ, что имъ нельзя будетъ жить, какъ этого требуетъ его общественное положеніе.

— Т. е. иначе—любовь не всякому по карману, ибо не всѣ мы Ротшильды. Нѣтъ, Ирина, свѣтъ не клиномъ сошелся на чинѣ тайнаго совѣтника. Счастье любви слишкомъ дорого, чтобы имъ жертвовать ради роскошной гостинной или титула превосходительства. Муравьева мила, очень мила, это хорошая, добрая дѣвушка, съ чудной и чистой душой, она можетъ любить горячо и много счастья дастъ она тому,

кого она полюбитъ. Можетъ быть, женившись на ней, тайнымъ совѣтникомъ Костя и не будетъ, этого я не знаю, но развѣ нельзя иначе устроить жизнь, развѣ нельзя найти счастье въ чемъ-нибудь, кромѣ высокаго чина? Какова бы ни была жизнь мужа, Муравьева всегда ее скраситъ и всегда въ ней будетъ его вѣрнымъ другомъ.

— Твои разсужденія—разсужденія юноши, вмѣшался въ разговоръ Бачуринъ. Они хороши, но неприложимы къ жизни, ибо гнаться надо не за тѣмъ, что проходитъ, а за тѣмъ, что обѣщаетъ извѣстные, вѣрные, осязательные результаты. Ими только и красна вѣдь жизнь!

— А ты, Ирина, ты тоже поступила-бы, какъ Костя?

— Не знаю, и это зависитъ отъ подробностей, кого и какъ я полюбила бы... Хорошіе, достойные любви люди могутъ вѣдь встрѣтиться во всѣхъ слояхъ общества, и что ты скажешь, Саша, еслибы пришлось мнѣ полюбить одного изъ этихъ достойныхъ, ну хоть среди...

— Tiers état?

— Да. Что ты скажешь?

— А ты какъ поступила бы въ подобномъ случаѣ?

— Костя, если онъ женится на Муравьевой, онъ долженъ измѣнить всю свою жизнь, отказаться отъ свѣта, отъ карьеры, отъ всѣхъ своихъ привычекъ, связей, стремленій и цѣлей. У меня нѣтъ такой опредѣленной цѣли, какъ у него. Въ жизни у меня одно назначеніе—быть женой и матерью; никакой бракъ не помѣшаетъ мнѣ выполнить это назначеніе, и у меня не можетъ, слѣдовательно, быть тѣхъ побужденій, которыя останавливаютъ Костю. Встрѣться мнѣ человѣкъ, по своему общественному положенію стоящій настолько-же ниже меня, насколько Муравьева ниже Кости, и полюби я его—я бы не задумывалась и пошла бы за него. Это былъ бы человѣкъ небогатый, незнатный, но все-таки человѣкъ моего круга и моей жизни. Но, Саша, мое рожденіе налагаетъ на меня нѣкоторыя обязанности, ими я не должна и не хочу пренебрегать, и еслибы случай заставилъ меня полюбить человѣка, принадлежащаго къ низшему сословію—всѣ силы употребила бы я, чтобы заглушить въ себѣ эту любовь, и я скорѣе пожертвовала бы ею, чѣмъ своими обязанностями.

— Ирина, а еслибы любимый тобою человѣкъ не могъ или не захотѣлъ на тебѣ жениться?

— Т. е. какъ, не захотѣлъ?.. Еслибы онъ не могъ, т. е. не былъ свободенъ—я бы постаралась не видаться, разстаться съ нимъ, забыть его, если можно, но что значитъ—не захотѣлъ бы? Этого я не понимаю... Значитъ, онъ не любилъ бы меня, а такого и я любить не могу и не стану...

— Не то, Ирина, не то... Любить это одно, а навсегда, навѣки связать себя—это совсѣмъ иное, пробовалъ объяснить слегка смущенный Алгасовъ.

— Нѣтъ, Саша, твердо перебила его Ирина, такой любви я не допускаю и не понимаю. На романическія приключенія я не способна, да и не вѣрю въ нихъ. Еслибы мнѣ стали говорить о любви, не упоминая о сватьбѣ, какъ ни любила бы я этого человѣка—я бы никогда ему не повѣрила и разсталась бы съ нимъ.

— Да, ты и тутъ прежде всего хочешь обезпечить себѣ спокойствіе, ты хочешь избѣжать тѣхъ сильныхъ ощущеній, которыя неразрывны съ каждымъ рѣшительнымъ шагомъ и сильнымъ чувствомъ. Все это зависитъ отъ характера, Ирина, да и неизвѣстно еще, хватило ли бы у тебя силъ на эту жертву. Но положимъ, и хватило бы. Что изъ этого? Ирина, надо жить, а жить—значитъ пользоваться жизнью, не бѣжать отъ нея, не бояться счастья, какой бы цѣной ни приходилось платить за него. Все другое для меня непонятно.

— Знаешь, слушалъ я, слушалъ тебя, Саша, началъ Бачуринъ, и жаль мнѣ стало тебя: не сносить тебѣ головы.

— Я вѣдь не ищу спокойствія, Костя!

— Да, я знаю, ты его презираешь!..

— Я никогда и ничего не презираю, кромѣ очевидно и для всѣхъ безспорно достойнаго презрѣнія. Я не ищу спокойствія, ибо для меня это могила за-живо, а я хочу жизни, счастья, радостей...

— Саша, грустно произнесла Ирина, все это хорошо, что ты говоришь, все и быть не должно бы иначе, но не намъ съ тобой передѣлывать міръ. Скажи самъ, можно ли жить, какъ ты говоришь?

— Но *должно* бороться за эту жизнь, стремиться къ ней, а не складывать оружіе передъ первымъ же встрѣчнымъ затрудненіемъ. Спокойствіе! Оно хорошо, но не оно даетъ счастье.

— А вѣдь есть же счастье... задумчиво продолжала Ирина, глядя куда-то вдаль и ни къ кому не обращаясь. Отчего же не дается оно безъ борьбы, да и то, дается ли? Ну я, напримѣръ, гдѣ найду я это счастье, съ кѣмъ, съ чѣмъ бороться мнѣ за него?

— А не ты ли сейчасъ говорила, что пожертвуешь имъ ради долга, налагаемаго рожденіемъ?

— Пожертвовать! Я сумѣла бы пожертвовать, было бы только чѣмъ! Меня не испугаетъ никакая жертва, но когда нѣтъ и не видать нигдѣ счастья, тогда вѣдь и жертвовать нечѣмъ. Это уже спокойствіе невольное, Саша. Но любовь!.. Что же, такъ уже ничего и нѣтъ кромѣ нея въ жизни? Саша! почти крикнула она, и глаза ея, сверкающіе, чудные, обратились на него, и сидѣла она, прекрасная, какъ и всегда, съ той же холодной, мраморной красотой, живѣй лишь стала красота эта, освѣщенная взглядомъ, полнымъ гнѣва, тоски, надежды, силы, величія...

Алгасовъ долго молчалъ.

— Ирина, что скажу я тебѣ? тихо началъ онъ наконецъ. Сама жизнь должна дать намъ счастье...

— Отчего же она не даетъ его?

— А что же и дорого въ ней, кромѣ счастья, какая другая цѣль можетъ въ ней быть?...

— А его все-таки нѣтъ, отвѣтила Ирина, встала и отошла къ окну.

Никогда и среди даже волненія не покидала Ирины обычная ея, полная дивнаго изящества грація; величественная и печальная, какъ статуя Скорби, молча стояла Ирина у окна, и Алгасовъ не могъ отвести отъ нея глазъ — такъ хороша она была въ эту минуту...

Мертвое молчаніе воцарилось въ комнатѣ. Ирина продолжала стоять у окна, задумчиво глядя въ темноту морозной ночи. Алгасовъ молчалъ, занятый своими мыслями и въ то же время невольно любуясь Ириной. Константинъ Платоновичъ курилъ. Самоваръ давно уже потухъ, и передъ

нимъ стоялъ недолитый стаканъ, забытый Ириной въ пылу разговора.

— Однако поздно уже, началъ Константинъ Платоновичъ, вставая. Продолжайте, друзья мои, вашъ интересный разговоръ, а я пойду составлять обвинительные акты!

— Да и мнѣ пора, тоже вставая, сказалъ Алгасовъ. Прощай, Костя, прощай Ирина, продолжалъ онъ, взялъ шапку и вышелъ.

Братъ и сестра остались одни.

— Я тебя не видалъ еще такою, Ирина, обратился къ ней Константинъ Платоновичъ.

— Да? разсѣянно спросила она.

— Послушай, неужели теперь и ты обвиняешь меня, что я не хочу сближаться съ Муравьевой?

— Нѣтъ, Костя. У тебя есть цѣль впереди; какова бы ни была она, но, какъ и всякая цѣль, она требуетъ жертвъ, а къ тому же я не смотрю, да и не могу такъ смотрѣть на нее, какъ смотритъ Саша. Все, что онъ говоритъ, это хорошо, очень хорошо, но въ жизни вѣдь это невозможно ..

— Онъ мало жилъ, т. е. мало боролся въ жизни; до сихъ поръ жизнь давалась ему слишкомъ легко, слишкомъ его баловала, а потому и не знаетъ онъ ея...

— Ты, можетъ-быть, и счастьемъ пожертвовалъ, но, по крайней мѣрѣ, ты знаешь, *чему* ты имъ пожертвовалъ. А что дѣлать, если и не чѣмъ, и не чему жертвовать... Гдѣ ужъ тутъ о счастьи думать?

— Не лучше ли такъ, Ирина? грустно произнесъ Константинъ Платоновичъ.

— Его слова запали мнѣ въ память. „Я никогда и ничего не презираю"... „Надо пользоваться жизнью, не бѣжать отъ нея, не бояться счастья, какъ бы дорого ни пришлось за него заплатить!"... Не знаю, правда ли это, но невольно задумываешься надъ этимъ.

— Да, съ точки зрѣнія настоящей, реальной жизни онъ говоритъ сумасбродства, но среди нихъ встрѣчаются иногда блестящія мысли. А что, Ирина, хорошъ Саша, хорошо говоритъ онъ?

Ирина ничего не отвѣтила брату; молча поцѣловала она его и вышла изъ комнаты. Константинъ Платоновичъ тоже

пошелъ къ себѣ и принялся за работу, но, хотя и не особенно дѣятельное участье принималъ онъ въ только-что кончившемся разговорѣ, все-таки не сразу могъ онъ овладѣть собой и углубиться въ кипу лежавшихъ передъ нимъ судейскихъ бумагъ.

А Ирина долго не ложилась и все ходила по комнатѣ. Сильно подѣйствовало на нее страстное, горячее слово Алгасова, много совершенно для нея новыхъ мыслей пробудило оно въ ней и напрасно силилась она прогнать ихъ. Все еще звучала въ ея ушахъ рѣчь Алгасова, все еще видѣла она передъ собой блестящіе глаза его и невольно срывался съ ея устъ отвѣтъ ему, а иногда и вопросъ...

Алгасовъ быстро шелъ домой. И онъ въ умѣ продолжалъ съ Ириной тотъ же разговоръ, прислушиваясь къ ея безпорядочнымъ, полнымъ страсти и скорби фразамъ. Онѣ были такъ новы для него изъ устъ Ирины и она стояла передъ нимъ, еще болѣе, чѣмъ всегда прекрасная, съ этими фразами на устахъ, съ устремленными на него сверкающими синими глазами—и не могъ онъ не любоваться этими глазами, и невольно подумалось ему, какъ хороши должны они быть, когда оживитъ и согрѣетъ ихъ любовь...

XVIII.

Около этого времени пріѣхала въ Москву Нина Измайлова. Радостное волненіе охватило Алгасова при этомъ извѣстіи, и въ тотъ же день поспѣшилъ онъ къ Вельяшевымъ, у которыхъ снова поселилась Нина: несмотря на годы, несмотря на всѣ событія пестрой своей жизни, все еще помнилъ онъ Нину и даже ждалъ ея...

И много радости доставило ему свиданіе съ нею, много хорошаго, юнаго вспомнилось ему тутъ; Нина была все такая же хорошенькая и съ удовольствіемъ любовался ею Алгасовъ, но уже не вернулась къ нему его прежняя любовь, не вернулась, несмотря и на то, что сердце его было въ сущности свободно, несмотря даже и на то, что иначе уже относилась къ нему теперь сама Нина. Онъ ей очень понравился и уже не онъ за ней—она видимо стала за нимъ ухаживать и кокетничать съ нимъ, всячески стараясь привлечь его къ себѣ, и все напрасно.

— Что, еслибы тогда была она такою... съ грустью думалъ онъ, холодно любуясь ласковымъ ея взглядомъ и милой улыбкой.

Уже не былъ онъ прежнимъ мальчикомъ и не въ диковинку ему были теперь улыбки и кокетство дѣвушекъ. Ему шелъ 24-й годъ и въ свѣтѣ уже не былъ онъ новичкомъ. Ровный, мягкій, ловкій, не знающій смущенія, со всѣми и со всѣмъ знакомый, съ виду ко всему привыкшій, во всемъ носилъ онъ на себѣ отпечатокъ этой жизни, свободной, широкой, блестящей и спокойной въ сознаніи непоколебимаго своего значенія. Страстно любилъ ее Алгасовъ, и онъ дѣйствительно бралъ отъ нея все, что она могла ему дать, и если не минуты счастья получалъ онъ отъ нея, то уже навѣрное минуты полнаго наслажденія—наслажденія и забвенія...

Но отдаваясь ей и любя ее, принимая отъ нея внѣшнюю полировку, онъ сохранилъ нетронутымъ ею главное—свой умъ, свою душу и сердце, онъ не отлился въ одну законченную фигурку, подобно ничтожному Авринскому, но остался тѣмъ же, какимъ онъ былъ и въ юности, съ своими независимыми отъ свѣта требованіями отъ жизни, съ своими интересами, думами и стремленіями. Не поддалась его нравственная личность опошляющему вліянію богатой праздной жизни и подъ блестящей маской свѣтскаго человѣка не трудно было узнать въ немъ прежняго страстнаго и дѣятельнаго студента.

Какъ и прежде, онъ былъ душой всей окружавшей его живой молодежи, и университетской, и свѣтской. Часто собирались къ нему его пріятели и знакомые, и весело, въ разговорахъ и шуткахъ, проходило у нихъ время, но если порой затрогивался какой-нибудь важный вопросъ—общественный, литературный или научный—тутъ смолкали шутки, и горячій, одушевленный споръ занималъ ихъ мѣсто, споръ, въ которомъ главное участье всегда принималъ самъ хозяинъ. Тутъ разнообразные его занятія приносили плодъ и другимъ, и ему самому. Тутъ высказывалъ онъ всѣ свои сомнѣнія, уясняя ихъ самому себѣ, тутъ еще разъ переживалъ онъ самый ходъ пріобрѣтенія взглядовъ и знанія, закрѣпляя за собой пріобрѣтенное, тутъ онъ чутко

прислушивался ко всему, что могло бы натолкнуть его на новыя мысли и новыя занятія.

А для другихъ всегда были открыты богатые запасы его знаній и начитанности, и его живая мысль. Зря не расточалъ онъ своихъ сокровищъ, но если встрѣчался ему человѣкъ, ищущій, какъ и онъ, исхода изъ мучительныхъ сомнѣній, ищущій свѣта и правды, Алгасовъ служилъ ему, чѣмъ только могъ, разговоромъ, совѣтомъ, указаніями, книгами, деньгами. Его замѣчательная способность быстро схватывать самую суть предмета и вѣрно всегда отличать все важное отъ неважнаго—она дѣлала его содѣйствіе въ высшей степени полезнымъ для каждаго. Онъ свободно читалъ по-французски и по-нѣмецки, понималъ, хотя и съ лексикономъ, по-англійски, и эти его познанія тоже всегда были къ услугамъ всѣхъ истинно въ нихъ нуждающихся и никогда не отказывался онъ, что бы то ни было перевести или объяснить.

Но важнѣе всего былъ его разговоръ, отражавшій въ себѣ весь его умъ и страстное его стремленіе къ истинѣ. Рѣдкій могъ устоять противъ его пламенныхъ рѣчей и невольно, даже не соглашаясь съ нимъ, подчинялись ему многіе—столько убѣжденія слышалось въ его словахъ. Но главная привлекательность и польза его разговора состояла въ томъ, что, говоря, онъ забывалъ самого себя и весь переселялся въ интересы, думы и сомнѣнія своего собесѣдника, словно это были его собственныя думы и сомнѣнія. Горячій послѣдователь ученія, которое онъ проповѣдовалъ со всѣмъ жаромъ юности, онъ не былъ сухимъ доктринеромъ и не извлекалъ изъ этого ученія готовыхъ отвѣтовъ и сентенцій. Вмѣстѣ съ своимъ собесѣдникомъ проходилъ онъ весь путь его сомнѣній и, если не было уже иного исхода изъ нихъ—тогда только, убѣдившись въ этомъ вмѣстѣ съ нимъ, тогда указывалъ ему Алгасовъ этотъ исходъ въ своемъ ученіи счастья, свободы и жизни, отданной наслажденіямъ и радостямъ. И насколько пламенны и полны горячей вѣры были рѣчи Алгасова, когда требовалось опровергать, убѣждать противника, настолько же тутъ, въ этихъ бесѣдахъ, посвященныхъ исканію истины и выхода изъ мрачныхъ сомнѣній, настолько же тутъ его рѣчь была

тиха, робка, неувѣренна, далека отъ убѣжденія и проповѣди—и обаятельное дѣйствіе этой рѣчи было еще глубже и сильнѣе.

— Я понимаю васъ, говорилъ онъ, и мнѣ знакомы ваши сомнѣнія... Вы спрашиваете, къ чему, какъ жить, въ чемъ искать цѣль и смыслъ жизни, чтобы жизнь была хороша? Я вижу, вы понимаете всю важность этого вопроса. А кто дастъ вамъ отвѣтъ на него? Еслибъ зналъ я этотъ отвѣтъ!... Нѣтъ, отвѣта не ждите. Или забудьте эти вопросы, а если не забудете ихъ—живите съ ними, но, видитъ Богъ, это не легко! Вотъ одно, что я могу сказать. Въ чемъ цѣль жизни, т. е. говоря проще—что есть истина? Ищите ее, ищите въ жизни, ибо, какова бы не была она, но внѣ жизни она стоять не можетъ. Это ясно. А гдѣ и какъ искать ее? Въ этомъ весь и вопросъ. Что бы ни стали вы дѣлать, какой ни избрали бы жизненный путь—ничто не будетъ свободно отъ сомнѣній въ пользѣ и смыслѣ этого дѣла, не какъ занятія, а какъ дѣла, и главное—въ отсутствіи въ немъ всякаго зла, хотя бы и въ зародышѣ только, а, скажите, подобное сомнѣніе, не есть ли это сомнѣніе и въ самомъ уже этомъ дѣлѣ? А разъ ужъ есть хоть какое-нибудь сомнѣніе, хоть ничтожное—тогда прощай покой, ужъ этого дѣла вамъ будетъ мало для жизни, ибо сразу же станетъ вамъ ясно, что вы не на пути, ведущемъ къ истинѣ. Гдѣ же, гдѣ это дѣло, способное дать вамъ жизнь, всепоглощающее, разумное, свободное отъ всякихъ сомнѣній? Вотъ уже сколько ищу я его! Свободна ли отъ нихъ сама даже наука? Но пусть, рѣшать подобной задачи я не беру на себя, пусть она свободна отъ нихъ, допустимъ это. Ищите же въ ней спасенья, пишите 4 тома in folio *De particula „a"*, или какое-нибудь изслѣдованіе о городскихъ общинахъ при Лонгобардахъ, станьте прислужникомъ науки, ибо еслибы призваны вы были быть однимъ изъ ея творцовъ—никогда и не пришли бы вы ко мнѣ, и не было бы у васъ никакихъ сомнѣній. Но вдумайтесь поглубже. Пока еще мы нашли одно только—науку, а доступна ли она всѣмъ, возможно ли, чтобы она была всѣмъ доступна, даже и какъ занятіе, мыслимо ли такое построеніе жизни? А разъ этого нѣтъ, значитъ, не всѣ и найдутъ въ ней убѣжище, значитъ, не

всѣмъ доступенъ и миръ, даваемый ею, а развѣ возможно это допустить, возможно развѣ принять, что миръ, т. е. счастье, есть лотерея, и притомъ съ весьма и весьма ограниченнымъ числомъ выигрышей? Вѣдь этого мира одинаково желаютъ и просятъ всѣ! И неужели хватитъ у кого духа спрятаться въ это, повидимому, единственное убѣжище—науку, въ изслѣдованіе объ общинахъ при Лонгобардахъ, и спокойно имъ наслаждаться, зная, сколько людей осталось за его порогомъ, на волю всевозможнымъ сомнѣніямъ и, что важнѣе всего—даже безъ надежды хоть когда-нибудь избавиться отъ нихъ и найти себѣ миръ? Нѣтъ, я по крайней мѣрѣ, я не въ силахъ былъ бы жить этимъ по счастливому случаю доставшимся мнѣ миромъ, зная, что братья мои лишены его. Да что братья, положимъ, своя рубашка къ тѣлу ближе, но разъ миръ и счастье есть ни что иное, какъ лотерейный выигрышъ, могу ли я утѣшаться тѣмъ, что онъ выпалъ на мою долю, когда это счастье не обезпечено даже сыну моему? А вѣдь мой сынъ—это я самъ, это уже не ближніе мои, стало-быть, и послѣдній, хотя и шаткій якорь спасенія—своя рубашка къ тѣлу ближе—и онъ измѣняетъ, оказывается, что ни своей, ни чужой и никакой рубашки нѣтъ, а есть одни только никуда негодныя лохмотья да развѣ еще, какъ высшая мудрость—печальное „après nous le déluge"... И счастливъ, трижды счастливъ искренній послѣдователь этого ученія, еще счастливѣе тотъ, кто можетъ жить, не вдумываясь въ жизнь, довольный ея благами, каковы бы ни были они!... Нѣтъ, я вѣрю, я горячо, глубоко вѣрю, что счастье, понимаемое, какъ миръ душевный и полное довольство жизнью, если оно существуетъ, то одинаково доступно оно всѣмъ жаждущимъ его, безъ исключенія всѣмъ, и если оно неразрывно связано съ какимъ-нибудь дѣломъ, то и дѣло это должно быть такое, которое тоже всѣмъ и каждому одинаково доступно. Хотѣлось бы утѣшить себя мыслью, что не всѣ такъ мучительно жаждутъ счастья, что эта жажда есть удѣлъ однихъ только избранныхъ—но и этого нѣтъ, напротивъ, самые ничтожные, самые пустые люди, и тѣ жалуются на скуку и тоску, слѣдовательно, и ихъ не удовлетворяетъ жизнь, и имъ не даетъ она мира, хотя и не знаютъ они нашихъ сомнѣній и къ жизни предъ-

являютъ требованія, до смѣшнаго микроскопическія! Гдѣ же еще искать этого мира? Въ религіи? Вѣра въ Бога, она нужна, необходима намъ, это единственная наша поддержка одинаково на всѣхъ путяхъ нашей жизни, но, вѣдь, это не рѣшеніе вопроса. Мы рождены, чтобы жить, вѣра—это одна лишь изъ сторонъ жизни, а монастырь—отреченіе отъ нея. Въ отреченіи ли этомъ истина? Но вѣдь и оно—оно тоже немногимъ лишь подъ силу, а силы человѣка, ихъ надо уважать, сверхъ ихъ ничего нельзя отъ него требовать. Я знаю, мнѣ укажутъ дѣло, повидимому всѣмъ доступное—это благо ближнихъ и польза общественная, и какъ я мечталъ о ней! Но гдѣ она? Какъ послужить ей? На службѣ? Это единственный путь, единственный исходъ, другаго нѣтъ. Но бѣда въ томъ, какая служба или должность избавлены отъ сомнѣній, какая наполнитъ вашу жизнь, возьметъ всю душу вашу и отвѣтитъ на вашъ вопросъ, давъ вамъ не одни только занятія, но и счастье, и миръ? Вѣдь пожертвовать собой, всего себя отдать этой общественной пользѣ, ничего, кромѣ служенія ей, не имѣя для своего личнаго счастья, на ничтожныхъ плодахъ служебной какой-нибудь дѣятельности примириться съ пустотой своей личной жизни—это снова не всякому подъ силу, своей жизни хочется, и кто же виноватъ, что служеніе обществу и общественной этой пользѣ не можетъ, не въ силахъ наполнить его жизни? А какое мѣсто, мироваго судьи или предсѣдателя земской управы, удовлетворяетъ нашей жаждѣ жизни или по крайней мѣрѣ даетъ намъ забыть, что нѣтъ у насъ этой жизни, нѣтъ счастья, недостаетъ чего-то? И я еще взялъ должности изъ самыхъ, казалось бы, плодотворныхъ, наиболѣе способныхъ наполнить жизнь и взять силы; всѣ не могутъ же непремѣнно быть мировыми судьями или предсѣдателями управъ, потому не могутъ, что общество одинаково нуждается и въ судебныхъ приставахъ, и въ акцизныхъ надзирателяхъ, и въ армейскихъ штабсъ-капитанахъ, и даже въ отверженцахъ общества—шпіонахъ и сыщикахъ, даже въ палачахъ, но если въ служеніи обществу, какъ таковомъ, видѣть истину и въ немъ указывать прибѣжище жаждущимъ жизни—то именно во всей уже совокупности всѣхъ его проявленій, въ самой идеѣ этого служенія, а не въ

избранныхъ только должностяхъ, а вы видите, куда насъ это заводитъ?.. А иной разъ дѣйствительно является нѣкоторымъ счастливцамъ всепоглощающее, несомнѣнное, разумное дѣло, именно такое, какаго мы съ вами ищемъ. Вспомните хоть нашихъ писателей 30-хъ и 40-хъ годовъ. Мы имъ обязаны всей нашей жизнью, нашимъ развитіемъ, всѣмъ. Прекрасна, завидна была ихъ жизнь, вся посвященная проповѣди Истины, Добра и Красоты! Я вѣрю, имъ хорошо жилось, и уже одно по крайней мѣрѣ несомнѣнно—ихъ жизнь не была пуста... Но вспомните, сколько зла, несчастій, невѣжества и горя легло въ основу наполнявшаго ее дѣла, ибо, не будь этого зла и несчастій, не было бы тогда и надобности во всей сдѣланной ими работѣ. Ихъ жизнь была полна, и разумна, и хороша, но не должны-ли мы благословлять судьбы, что не предстоитъ уже намъ подобной же всепоглощающей и свѣтлой дѣятельности? А меня всегда занималъ вопросъ, отчего ни на какой общественной службѣ, ни на какой даже избранной должности не находимъ мы полнаго, несомнѣннаго, разумнаго дѣла, могущаго наполнить собою всю нашу жизнь, взять нашу любовь и заставить насъ забыть о счастьѣ и личныхъ радостяхъ? Я нашелъ отвѣтъ, единственный, какой только могъ найти: занимая какую бы то ни было должность, мы служимъ исключительно лишь *удобствамъ* людей, а не чему-либо иному, вотъ почему и не свободна отъ сомнѣній никакая общественная служба. Невольно думается: эти удобства, дѣйствительно ли такъ уже всеобщи и необходимы они, чтобы стоило посвящать имъ свою жизнь и служить имъ, забывъ самого себя? Вѣдь удобство—это только удобство, и больше ничего, а есть нѣчто и понужнѣе удобства—насущныя потребности, и нѣчто покрасивѣе его—роскошь, и это не говоря уже о счастьи. Поклоняться же комфорту и въ немъ видѣть идеалъ—этого я не могу, не въ силахъ, весь авторитетъ и Бокля, и иныхъ коммерцій-философовъ не можетъ меня заставить ему поклониться. А знаете, порой на себя досадно, что не можешь вѣрить этимъ авторитетамъ—такъ все у нихъ просто, послѣдовательно, ясно и главное—легко и доступно! Итакъ, гдѣ же миръ, къ чему идти въ жизни? И опять повторю: кто можетъ отвѣтить на это? А жить надо...

Вотъ единственное, что очевидно, что не допускаетъ никакихъ возраженій. Такъ живите... А гдѣ-же разрѣшеніе сомнѣній? Я вижу его только въ одномъ: смотрите на свою жизнь, какъ на полную, законную и неотъемлемую свою собственность и пользуйтесь ею для себя, для радости своей и счастья своего. Жизнь для себя, для своего счастья—но это жизнь эгоизма и зла? скажете вы. Нѣтъ, какъ я ее вижу—она-то и есть жизнь плодотворнаго добра: такъ создалъ Господь въ благости Своей, что зло не даетъ человѣку мира и счастья, и потому ради именно себя и собственнаго счастья и будетъ каждый уклоняться отъ всякаго зла, одинаково, и въ личныхъ своихъ дѣйствіяхъ, и въ проявленіяхъ общественной жизни. Такъ живите для себя. Другого отвѣта я не знаю. Вѣрьте въ одно, что когда жизнь потребуетъ васъ на добро, на дѣло настоящее, отъ котораго зависитъ не удобство только людей, а нѣчто болѣе для нихъ важное и дорогое, тогда и силъ не хватитъ у васъ оставаться празднымъ, ни трудъ, ни опасности, ничто не остановитъ васъ, и ради именно себя, ради счастья и мира своего и пойдете вы на эти труды и опасности. А должность мироваго судьи, какъ дѣло—ни счастья вамъ не дастъ, ни жизни вашей не наполнитъ. Сопоставьте все это рядомъ—и пусть ваша совѣсть укажетъ вамъ исходъ.

Такихъ скромныхъ словъ не слыхали отъ него ни его другъ Вульфъ, ни Костыгинъ, ни Бачуринъ, не слыхали они отъ него такой рѣчи, съ виду полной самой безнадежной неизвѣстности и несокрушимой своей логикой неуклонно приводившей въ то же время къ вѣрѣ въ единственное, что еще доступно человѣку на землѣ или, по крайней мѣрѣ, за что возможно ему бороться—къ вѣрѣ въ его личную свободу и въ личное счастье, какъ въ конечную цѣль его дней, если только жизнь и совѣсть не указываютъ ему иной, высшей цѣли и инаго счастья.

И жизнь, повидимому, оправдывала ученіе Алгасова: хорошо жилось ему и весело проходили его дни, вдобавокъ еще украшенные присутствіемъ его красавицы-сестры.

Но точно ли значительное мѣсто занимала въ его жизни Ирина? На этотъ вопросъ и самъ не съумѣлъ бы онъ отвѣтить. Ея красота его сильно поразила и произведенное на

него Ириной впечатлѣніе было настолько же совершенно, насколько совершенна была ея красота. Даже и въ голову не могло бы придти Алгасову съ кѣмъ бы то ни было сравнить Ирину: лучше всѣхъ, выше всѣхъ была для него Ирина, красивая, изящная, умная.

Но дальше безграничнаго, холоднаго восторга не шло его чувство; что-то чужое чувствовалось Алгасову въ мраморной красотѣ Ирины, въ безстрастномъ ея спокойствіи и надменномъ обращеніи— и это *что-то* какъ будто удерживало его сердце. Не ждалъ онъ ея любви и не тосковалъ по ней, но порой, любуясь Ириной, невольно думалъ онъ, какъ хороша должна она быть въ минуту любви и признанія, какъ хороши и красивы должны быть ея поцѣлуи... Не страстная жажда этой любви и этихъ поцѣлуевъ заставляла его мечтать о нихъ, а все та же красота Ирины и желанье увидѣть эту красоту въ новомъ освѣщеніи. Не такъ ли передъ каждымъ баломъ томительно ждалъ онъ часа, когда онъ увидитъ Ирину въ новомъ роскошномъ туалетѣ? Правда, первыя мечты были дороже, много дороже, но именно не милѣе, а красивѣе и дороже, и еще бы не были онѣ дороже?

А съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе нравилась ему Ирина и самая даже ея холодность и гордость, которыя такъ его пугали и не давали его восхищенью выости до любви, и онѣ ему нравились въ ней, какъ нѣчто нераздѣльное съ нею, безъ чего и представить даже себѣ не могъ бы онъ Ирины.

Неожиданное ея волненіе во время послѣдняго ихъ разговора—какъ-то смутно отозвалось оно на его чувствѣ. И въ самомъ порывѣ волненія попрежнему хороша и изящна была Ирина, попрежнему мраморной казалась ея красота, но такъ ново было въ ней для Алгасова это волненіе... Словно рванулось что-то къ ней навстрѣчу въ его сердцѣ, на мгновеніе теплѣе стало оно, но на слѣдующій же день снова ту же холодную, безстрастную, гордую Ирину увидѣлъ онъ, и какъ и не бывало минутнаго теплаго впечатлѣнія...

Сама же Ирина была къ нему совершенно равнодушна. Его нравственныхъ качествъ она не знала, а на вѣру чу-

жихъ словъ принимать не умѣла. То, что она слышала отъ брата, заставило ее обратить на Алгасова нѣсколько болѣе вниманія, т. е., собственно говоря, ей хотѣлось его послушать, не потому, чтобы споръ съ нимъ былъ ей дѣйствительно нуженъ, а просто потому, что его разговоръ, о которомъ ей столько наговорили, интересовалъ ее съ внѣшней стороны, со стороны своей красоты, какъ своего рода рѣдкость, точно такъ же, какъ интересовалъ ее голосъ Патти, искусство Гранцевой и вообще все изъ ряда выходящее. Но какъ ни старалась Ирина, Алгасовъ не высказывался при ней и она видѣла въ немъ ловкаго только свѣтскаго человѣка, неглупаго, веселаго; она съ удовольствіемъ съ нимъ видалась и далеко не послѣднее мѣсто занималъ онъ въ числѣ ея свѣтскихъ знакомыхъ, но его непонятная для нея жизнь, казавшаяся ей пустой и безнравственной—въ ея глазахъ она лишала его всякаго права на первое мѣсто среди другихъ. Невольно для себя, въ душѣ Ирина слегка даже презирала его за его жизнь, и если въ холодномъ и равнодушномъ ея обращеніи ни въ чемъ не проглядывало это презрѣніе, то это единственно благодаря лишь свѣтской ея выдержкѣ и умѣнью скрывать свои ощущенія. Да и нельзя ей было иначе: она, пожалуй, презирала и большинство своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, однако же все-таки жила среди нихъ и всегда была съ ними любезна...

Не умѣла она быть снисходительной ни къ слабостямъ другихъ, ни къ ихъ заблужденіямъ, ни даже къ тому, что ей было непонятнаго въ ихъ жизни, предполагать же въ этомъ непонятномъ что-нибудь хорошее—этого и подавно не умѣла она...

Послѣдній вечеръ произвелъ однако же нѣкоторую перемѣну въ ея отношеніяхъ къ Алгасову. Алгасовъ съумѣлъ затронуть, взволновать ее—это было много и въ глазахъ самой Ирины. Сильно повліяла на нее живая, свободная его рѣчь, что-то новое, искреннее почувствовалось ей въ его словахъ, и теперь не изъ-за одной уже только красоты его рѣчи хотѣлось ей еще и еще съ нимъ говорить... Но дни шли за днями, минутное настроеніе обоихъ не возвращалось и снова все не удавалось ей вызвать его на откровенный разговоръ...

Еще одна зима канула въ вѣчность и Мартовскія оттепели смѣнили ея морозы. Наступилъ великій постъ.

Въ тѣ времена еще не было никакихъ великопостныхъ спектаклей и постъ проходилъ тихо и скромно. Два раза въ недѣлю давались въ Большомъ театрѣ концерты и живыя картины, въ которыхъ принимали иногда участье и первоклассные даже драматическіе артисты; изрѣдка тамъ же показывали свое искусство заѣзжіе фокусники, и затѣмъ еще концерты въ Собраніи—вотъ и всѣ развлеченія тогдашняго поста. На одинъ изъ этихъ концертовъ собирались Бачурины, а потому и Алгасовъ взялъ себѣ билетъ.

Хотя это было и не по дорогѣ, онъ заѣхалъ сначала къ Бачуринымъ, чтобы вмѣстѣ уже ѣхать въ Собраніе и не искать ихъ потомъ по всей залѣ. Но онъ опоздалъ.

— Ихъ превосходительство и Константинъ Платоновичъ только что уѣхали, доложилъ ему швейцаръ.

— А Ирина? Развѣ она осталась? съ удивленіемъ спросилъ его Алгасовъ.

— Такъ-съ точно, барышня дома.

Алгасовъ снялъ пальто и пошелъ наверхъ. Ирина была въ своей комнатѣ; ей немного нездоровилось, и она хотѣла уже раздѣваться, когда ей доложили объ Алгасовѣ. Тотчасъ же пошла она въ гостиную.

— Здравствуй, Саша, начала она. Что тебѣ?

— Отчего ты не поѣхала въ концертъ?

— Такъ, не хочется что-то. Голова немного болитъ, я и осталась.

— Напрасно! Этотъ концертъ очень хорошъ!

— Такъ чего же ты? Поѣзжай, пора ужъ!

— Еще успѣю... Они вѣдь всегда тамъ опаздываютъ...

— Разумѣется, поспѣешь, начала было Ирина и остановилась. А то знаешь, Саша, помолчавъ, продолжала она, оставь этотъ концертъ, мало ли ихъ еще будетъ? Посиди со мной!..

— Съ удовольствіемъ, если ты этого хочешь!

— Ну вотъ и отлично. Садись. А я сейчасъ вернусь.

Она вышла. Алгасовъ положилъ шляпу, поправилъ волосы и сѣлъ на кресло. Сильно удивила его неожиданная просьба Ирины: никогда еще до сихъ поръ не случалось

ничего подобнаго, и онъ нисколько не жалѣлъ о брошенномъ концертѣ.

— Вёдровы поѣдутъ въ концертъ? обратилась къ нему вернувшаяся Ирина, садясь на диванъ.

— Павелъ Ивановичъ поѣдетъ, а Надя гдѣ-то въ гостяхъ.

— Да, можетъ быть, и ты хочешь ѣхать? Ты говори, не стѣсняйся!

— Нѣтъ, Ирина...

— Ну, какъ знаешь. А я, пожалуй, и жалѣю, что не попала сегодня въ концертъ. Но съ другой стороны я рада и посидѣть вечерокъ дома и отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Я рада, что наступилъ наконецъ постъ и нѣтъ уже ежедневныхъ этихъ выѣздовъ и танцевъ. Все это хорошо, но въ мѣру, и подъ конецъ не то, что надоѣдаетъ, а какъ-то невыносимо скучно становится среди этихъ безконечныхъ удовольствій, и такъ радуешься отдыху!... Ты не испыталъ этого?

— Нѣтъ, перемѣна иногда дѣйствительно пріятна, но скучать—къ чему скучать, Ирина? Надо умѣть со всѣмъ мириться и во всемъ находить удовольствіе...

— И ты умѣешь?..

— Пожалуй—и да...

— И не знаешь скуки?

— Да, скуки ужъ не знаю!

— Счастливый человѣкъ!

— Развѣ этого довольно для счастья?

— А чего же еще надо?

— Скука — понятіе, по-моему, здѣсь не подходящее. Счастье заключается главнымъ образомъ въ довольствѣ собою и своею жизнью, а этого можетъ и не быть и въ нескучной по внѣшности жизни...

— Какъ это, объясни, пожалуйста!

— Мнѣ весело на балу, напр., но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что я счастливъ, ибо имѣю возможность бывать на всѣхъ балахъ. Надо еще, чтобы ничто не отравляло мнѣ промежутковъ между балами, чтобы никакія думы не портили остальной моей жизни, свободной отъ бальнаго оживленія...

— И такой человѣкъ, у котораго есть подобныя думы, ты полагаешь, онъ поѣдетъ когда-нибудь на балъ?

Алгасовъ пожалъ плечами.

— Ну допусти, что хоть по слабости характера, сказалъ онъ.

— Да... Ну хорошо. Ты про себя это говоришь?

— Нѣтъ, усмѣхаясь, отвѣтилъ Алгасовъ. Я доволенъ своей жизнью, ничто ея не смущаетъ. Я хотѣлъ только поправить твое не совсѣмъ точное выраженіе.

— Саша, и ты дѣйствительно счастливъ и доволенъ своей жизнью?

— Кто можетъ сказать это, не будучи еще на смертномъ одрѣ? Вспомни Креза! Я доволенъ своимъ настоящимъ, и большаго никто не можетъ сказать...

— И эта жизнь, которую ты ведешь, дѣйствительно удовлетворяетъ тебя, она не кажется тебѣ однообразной и пустой?

— Моя-то жизнь однообразна? Ирина, помилуй!

— И не пуста?

Алгасовъ началъ понимать, къ чему клонятся вопросы Ирины. Но тутъ, наединѣ съ нею, чувствуя на себѣ взглядъ большихъ и красивыхъ синихъ ея глазъ, далеко не такихъ спокойныхъ и холодныхъ, какъ всегда, здѣсь не сталъ онъ уклоняться отъ вызова. Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Ирина молча и неподвижно сидѣла, слѣдя за нимъ глазами.

— Хоть и пуста, Ирина, тихо произнесъ онъ наконецъ, этого я не знаю и не берусь рѣшать. Не ученику жизни отвѣчать на подобные вопросы. Но укажи мнѣ другую, лучше, полнѣе!

— Жизнь, полная дѣла, не лучше развѣ твоей жизни?

— Укажи мнѣ дѣло, отвѣтилъ онъ, останавливаясь передъ нею.

— Ну хоть служба!

— Ахъ, Ирина, и ты за то же! Служба! Дѣло ли это? Подъ словомъ *дѣло* я понимаю дѣло настоящее, всепоглощающее, которому стоило бы отдать свою свободу, ибо взамѣнъ оно мнѣ дало бы нѣчто дороже и лучше ея. А служба! Что такое служба? Это всего только занятіе и далеко еще не дѣло.

— Ну, Саша, дай хоть образчикъ того дѣла, о которомъ ты мечтаешь, а то и понять-то тебя невозможно!

— Дѣло настоящее состоитъ въ служеніи счастью людей, и еслибы я зналъ, какъ дать имъ счастье, еслибы могъ я помочь имъ достигнуть довольства жизнью и полнаго душевнаго спокойствія—тогда имѣлъ бы я дѣло, которое было бы выше моего личнаго счастья и которому я долженъ былъ бы пожертвовать и собой, и своимъ счастьемъ, и своей личной жизнью. Наша же штатная служба есть лишь охраненіе мелочныхъ удобствъ обезпеченнаго нашего существованія, вотъ почему и не можетъ она называться дѣломъ.

—Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ,
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ...

помолчавъ немного, тихо продекламировала Ирина, и оттѣнокъ уже нескрываемаго презрѣнія зазвучалъ въ ея голосѣ и сверкнулъ въ ея гордомъ взглядѣ. Она уже не глядѣла на Алгасова и неподвижно сидѣла, прекрасная, точно изваянная и не менѣе спокойная.

Сильно вздрогнулъ и весь поблѣднѣлъ Алгасовъ при этихъ ея словахъ. Все стало ему ясно и понялъ онъ тутъ, что думаетъ о немъ Ирина. Страшно оскорбило его это незаслуженное презрѣніе и въ то же время невольный стыдъ и боль почувствовалъ онъ при мысли, что его презираетъ эта красавица, сближеніе съ которой такъ имъ желалось, красавица, царившая если не въ его сердцѣ, то въ его воображеніи. Чѣмъ болѣе былъ онъ избалованъ всеобщимъ окружавшимъ его уваженіемъ, тѣмъ сильнѣе волновали его неожиданныя эти презрительныя слова Ирины, и такъ велико было его волненіе, что долго не могъ онъ сказать ни слова.

— Безчестенъ тотъ человѣкъ, началъ онъ наконецъ, который, имѣя передъ собою дѣло, то дѣло, о которомъ я говорилъ, а не службу съ окладомъ въ двѣ тысячи и съ чиномъ тайнаго совѣтника впереди, если онъ испугался трудовъ и опасностей, сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ, и бросилъ его, даже и не измѣняя ему вполнѣ, не переходя

на сторону его враговъ. Этотъ человѣкъ ослушался велѣній долга, и ничье презрѣнье не сравнится съ его виной. Сейчасъ мнѣ вспомнился одинъ примѣръ. Ты знакома съ жизнью Грановскаго? Нѣтъ? Это имя дорогое всей Россіи, еще вдвойнѣ дороже намъ, имѣющимъ честь жить въ городѣ, прославленномъ его жизнью. Надо тебѣ сказать, что въ началѣ 48-го года, вслѣдствіе одной университетской исторіи, Грановскій и еще нѣсколько профессоровъ подали просьбы объ отставкѣ. Отставки Грановскаго Уваровъ, очень имъ дорожившій, не принялъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Грановскій не отслужилъ еще срока, который обязанъ былъ отслужить за свою заграничную поѣздку—и такимъ образомъ насильно былъ онъ удержанъ на службѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого сказались у насъ послѣдствія извѣстныхъ февральскихъ событій. Чѣмъ было это время—послѣ 48-го года—я думаю, ты знаешь, разсказывать нечего. Уваровъ вышелъ въ отставку, начались гоненія на литературу, на образованіе, на университеты, ограничили число студентовъ, поговаривали о закрытіи даже университетовъ, за профессорами и ихъ лекціями стали слѣдить и главнымъ образомъ за Грановскимъ. И Грановскій, только-что передъ тѣмъ подававшій въ отставку, съ такой грустью говорившій объ отказѣ въ ней, теперь, съ ухудшеніемъ обстоятельствъ, видя опасности, грозящія русскому просвѣщенію, теперь, когда охотно дали бы ему отставк и даже намекали о ней—тутъ онъ рѣшилъ и не думать о ней и служить, пока не выгонятъ, онъ удвоилъ свою дѣятельность, всячески стараясь сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобы, несмотря на всѣ преграды, возможно болѣе послужить своему дѣлу. Вотъ поступокъ человѣка, исполняющаго свой долгъ, и въ моихъ глазахъ этотъ поступокъ Грановскаго даже въ *его* жизни сіяетъ дивнымъ свѣтомъ! Вотъ, Ирина, вотъ что такое дѣло. Замѣть: во времена сравнительно спокойныя, когда все шло своимъ порядкомъ—хорошъ онъ или дуренъ, это все равно—Грановскій подаетъ въ отставку. И онъ имѣлъ на это право, ибо, какъ-ни-какъ—но именно его, Тимоѳея Николаевича Грановскаго, присутствіе въ такое время на каѳедрѣ было скорѣе роскошью, чѣмъ насущной потребностью и онъ имѣлъ

такимъ образомъ полное нравственное право располагать своей жизнью и свободой: немного, можетъ-быть, хуже, немного, можетъ-быть, позже, но его работу за него всегда сдѣлали бы и другіе, тѣ, которымъ по обстоятельствамъ личной ихъ жизни удобнѣе было бы взяться за эту работу. Но чуть перемѣнились обстоятельства, грозя и дѣлу, которому служилъ Грановскій, и ему самому, тутъ профессорская его дѣятельность становится уже не роскошью, не болѣе или менѣе великимъ и славнымъ занятіемъ, но именно тѣмъ, о чемъ я говорилъ тебѣ—служеніемъ не удобствамъ людей, но ихъ благу и счастью; тутъ никто уже другой не смогъ бы замѣнить его въ университетѣ, и Грановскій остается, не думая о себѣ, остается, несмотря на всѣ непріятности, въ ожиданіи, что, не ныньче—завтра, его выгонятъ, а можетъ и еще какъ похуже съ нимъ поступятъ. Видишь, въ извѣстное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, человѣкъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а въ другое время—нѣтъ... Я свободенъ и, какъ человѣкъ, имѣю право пользоваться этой свободой, и самъ не откажусь отъ нея никогда. Ирина, не служить обязанъ человѣкъ. Служащіе всегда найдутся, или нуждающіеся въ службѣ, или же тѣ, которыхъ она забавляетъ, какъ твоего брата. Наслѣдье богатыхъ отцовъ! Да, мнѣ досталось это наслѣдье, и я не откажусь отъ него, я хочу и буду имъ пользоваться и, слѣдовательно, дѣйствительно не нуждаюсь въ малыхъ трудахъ. Малые труды! Да кого они интересуютъ, кого могутъ удовлетворить, кто въ состояніи отдать имъ жизнь? Да понималъ ли Некрасовъ, что онъ говоритъ, когда писалъ эти стихи? Эти люди именно казались и ничтожны, и пусты, и все, но почему? Потому что они дали себя увѣрить, что для каждаго обязательно служеніе обществу, а между тѣмъ силъ не было у нихъ отдаться малымъ трудамъ, и не ихъ въ томъ вина, ибо дѣйствительно на малые труды способны или очень уже малые люди, или люди, нуждающіеся въ нихъ, или же, тѣ, жизни, комфорту и свободѣ которыхъ ни въ чемъ не мѣшаютъ они, эти милые малые труды. А Агаринъ и его современники не знали этого и, чтобы оправдать себя и въ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ, стали искать исполинскаго дѣла, и естественно ничего не находили, ибо дѣла этого не ищутъ,

оно само найдетъ тебя, если только создастъ его жизнь. Вѣдь не искалъ же Грановскій случая проявить свою гражданскую доблесть, напротивъ, всего за полгода чуть въ отставку не вышелъ онъ, и онъ былъ правъ, ибо за полгода и въ поминѣ даже не было того дѣла, которое впослѣдствіи явилось и прославило его. А потомъ, Ирина, кто сказалъ тебѣ, что я ищу исполинскаго какого-нибудь дѣла, кто далъ тебѣ право упрекать меня въ презрѣніи къ малымъ трудамъ? Я праздношатающійся, ты права, я лѣнтяй, я тунеядецъ, я все, что тебѣ угодно, но на моей совѣсти не лежитъ ни одного напраснаго упрека ни въ чемъ, и никому въ этомъ я не былъ и не буду никогда виноватъ! Ты глубоко ошибаешься, я не ищу никакого исполинскаго дѣла, а потому и не презираю малыхъ трудовъ, и если когда-нибудь такъ сложатся обстоятельства, что не станутъ эти малые труды мѣшать моему комфорту и личной моей жизни—я возьмусь за нихъ и возьмусь ради нихъ самихъ, ради возможности хоть въ чемъ-нибудь скрасить жизнь моихъ согражданъ и дать имъ хоть нѣсколько хорошихъ минутъ, а не изъ-за чина тайнаго совѣтника и не изъ-за жалованья—я не забуду, что у меня есть наслѣдье богатыхъ отцовъ. Я не дѣла ищу и искать его никогда не стану, я ищу жизни, ищу счастья, ищу путь къ этому счастью, къ счастью всеобщему, равно доступному и мнѣ, и тебѣ, и каждому изъ насъ, вотъ чего я ищу. Гдѣ ищу я это счастье, спросишь ты? Но можно-ли указать путь къ цѣли невещественной? Я знаю, ты будешь смѣятся надъ этой цѣлью, какъ надъ вздорной, несбыточной мечтой. Что же, если мнѣ суждено не достигнуть ея и ничѣмъ не проявить своей дѣятельности на этомъ пути— я готовъ принять на себя весь позоръ служенія сумосбродной идеѣ и даже не буду защищаться, если мнѣ станутъ говорить, что я лишь прикрывалъ этой цѣлью пустую и праздную жизнь, что я, какъ Агаринъ, искалъ исполинскаго дѣла, презирая малые труды и наслаждаясь наслѣдьемъ богатыхъ отцовъ. Но чѣмъ презирать и осуждать, Ирина, лучше докажи мнѣ, что я ошибаюсь, докажи нелѣпость и вздорность моихъ стремленій, Ирина, еслибы знала ты, какъ буду я благодаренъ тебѣ за это, съ какимъ рвеніемъ устремлюсь я тогда въ погоню за чиномъ тайнаго совѣтни-

ка! Ирина, вырви изъ меня это убѣжденіе, что если Господь далъ намъ жизнь, этотъ лучшій изъ даровъ Своихъ, то Онъ далъ намъ ее не для того, чтобы мы жертвовали этимъ драгоцѣннымъ, святымъ Его даромъ какимъ-нибудь малымъ трудамъ, а для того, чтобы мы пользовались ею и широко пользовались, чтобы мы жили и насладились жизнью и счастьемъ, скажи, Ирина, не выше-ли эта цѣль всевозможныхъ малыхъ трудовъ? А разъ это такъ, должно же быть счастье на землѣ, счастье, на которое всѣ люди имѣютъ равное право и котораго всѣ они могутъ достигнуть, счастье, одиноково доступное всѣмъ безъ исключенія, а не однимъ только избраннымъ. Вырви изъ меня это убѣжденіе, и тогда я перестану искать несуществующаго— вѣдь это не легко, Ирина, это не балъ, не забава, не погоня за карьерой и чинами...

Онъ смолкъ и сталъ у окна, задумчиво глядя въ темноту. Сложивъ руки, неподвижно, съ горящими глазами, съ лицомъ, на которое волненіе наложило легкую краску, прерывисто дыша, сидѣла Ирина, глядя на Алгасова, слѣдя за пламенной, гордой его рѣчью, и тѣни уже недавняго презрѣнія не было теперь въ ея утратившемъ все обычное свое спокойствіе взглядѣ. Это волненіе, этотъ интересъ къ словамъ Алгасова совершенно оживили они холодную ея красоту, и по одной только позѣ ея, попрежнему полной изящества и граціи, можно еще было узнать въ ней прежнюю Ирину...

— А во всякомъ случаѣ, снова началъ Алгасовъ, отходя отъ окна, человѣкъ свободенъ и долженъ быть свободенъ, ибо внѣ полной свободы нѣтъ личнаго счастья, а счастье и одного даже человѣка неизмѣримо дороже и выше удобства милліоновъ. А разъ человѣкъ свободенъ, очевидно, онъ имѣетъ право жить такъ, какъ находитъ для себя лучшимъ, на жертвы не всякій способенъ, и нельзя ихъ требовать отъ каждаго, нельзя посягать на свободу, это, послѣ жизни, самое драгоцѣнное достояніе человѣка. Долгъ велитъ мнѣ жертвовать собой благу, но не комфорту моихъ ближнихъ, а служба—это ничто иное, какъ служеніе ихъ комфорту. Служи ему, это прекрасно и похвально, и тебя вознаградятъ за это, но это не обязательно. Та служба, которая обяза-

тельна, на ней плохое вознагражденіе — матеріальное, но нравственное... Впрочемъ, мой выводъ о свободѣ жизни и выбора жизни проистекаетъ изъ той же идеи счастья, какъ законнаго достоянія человѣка, изъ моего ученія, что каждый человѣкъ, свободный отъ велѣній долга, *обязанъ* даже искать и добиваться счастья; я не знаю, понимаешь ли ты меня...

— Удобства!... не сразу начала Ирина. Ты слишкомъ уже презрительно къ нимъ относишься... Плохо безъ нихъ, Саша!

— Посмотри, какъ хорошо у васъ, оглядываясь, сказалъ ей на это Алгасовъ, какая обстановка, и все изъ лучшихъ петербургскихъ и московскихъ магазиновъ и даже изъ Парижа, какая красивая, покойная, мягкая мебель, а ты же разсказывала мнѣ о простомъ, изъ простыхъ еловыхъ досокъ, крашеномъ шкафѣ ландграфини Тюрингенской св. Елизаветы, который ты видѣла въ Вартбургѣ, о жесткой и неудобной кровати императора Адольфа Нассаускаго въ Висбаденскомъ замкѣ и о скромной спальнѣ Савойскихъ герцогинь въ Шильонѣ... Ну что же, и ты не согласилась бы съ ними помѣняться? А кромѣ вѣдь удобной мебели, къ твоимъ услугамъ такія еще удобства и такой комфортъ, какой и во снѣ даже не снился никому изъ нихъ...

Ирина посмотрѣла на него и ничего ему не отвѣтила. Онъ тоже замолчалъ, снова обратившись къ окну. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Саша, а если ты ошибаешься? первая прервала это молчаніе Ирина.

— Можетъ быть. Что же изъ этого? Въ состояніи развѣ остановить, разубѣдить меня какое-нибудь *можетъ-быть*? И развѣ я виноватъ, если я ошибаюсь? Вспомни великія слова Каннинга: человѣкъ отвѣчаетъ только за искренность своихъ убѣжденій, а не за ихъ правильность.

Ирина встала и подошла къ окну, у котораго стоялъ Алгасовъ.

— Всѣ, говоришь ты, произнесла она. А гдѣ же, развѣ эти всѣ наслаждаются счастьемъ, развѣ оно доступно имъ? продолжала она, легкимъ наклоненіемъ головы указывая на улицу и устремляя на Алгасова красивый свой, преобра-

женный взглядъ. Но Алгасовъ былъ слишкомъ уже взволнованъ, чтобы обратить вниманіе на его красоту.

— Нѣтъ, но развѣ это доказательство, что оно дѣйствительно невозможно для нихъ и никогда не станетъ имъ доступно?

— Тебѣ хорошо живется, но вѣдь единственно исключительное лишь твое положеніе даетъ тебѣ возможность жить такъ привольно и весело. Неужели, Саша, никогда не смущало тебя это?

— А тебя?

— Точно мы въ одномъ положеніи! Кто я? Дѣвушка, самой судьбой обрѣченная на извѣстную, точно опредѣленную жизнь, и всѣ мои доблести, весь долгъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы повиноваться требованіямъ этой жизни. Ты свободенъ, я нѣтъ. Я и не могу, и не хочу измѣнить своей жизни, ибо съ этой жизнью, кромѣ потребностей и привычекъ, меня связываютъ всѣ мои близкіе. Еслибы я думала о томъ, о чемъ я спросила тебя, еще тяжелѣе стало бы мнѣ жить—и только, а исхода изъ противорѣчій я и не нашла бы его. На шагъ рѣшительный и характера-то хватитъ ли, шагъ половинный, Саша, стоитъ ли онъ труда?

— Да, эта разница между нашей и ихъ жизнью, она плохо гармонируетъ съ моей теоріей. Но гармонія должна быть. Какъ она создастся—я не знаю, какъ не знаю и того, приду ли я когда къ рѣшенію моей задачи, даже меньше, хоть на шагъ облегчу ли я своимъ послѣдователямъ это рѣшеніе: я знаю только, что внѣ этой гармоніи нѣтъ и никакого рѣшенія. Но тутъ видимый пока выходъ одинъ—отказаться намъ отъ нашихъ богатствъ, т. е. выходъ невозможный, ибо никто не приметъ его, ибо и представить даже не можемъ мы себѣ общества безъ собственности, ибо, наконецъ, богатство и собственность—это фундаментъ всей нашей цивилизаціи, а цивилизація—вѣдь это самое драгоцѣнное наше достояніе, которымъ врядъ ли рѣшимся мы пожертвовать... А разъ признать собственность—она должна быть полной, droit d'user et d'abuser, другой она быть не можетъ, ибо всякая другая уже не собственность, а слѣдовательно и пользоваться ею можно вполнѣ, какъ и сколько угодно и ничѣмъ не смущаясь. Что же, не подачками же

нищимъ и не подписками успокаивать свою совѣсть! Если пользоваться, надо вѣрить, Ирина. А гармонія должна быть. Какъ создастся она, на какой почвѣ сольется наше счастье съ ихъ счастьемъ—я не знаю, но эта почва должна существовать. Я ищу ее въ жизни семейной и общественной, въ общественныхъ удовольствіяхъ, всѣмъ равно доступныхъ, въ наслажденіяхъ природой, красотой и геніальными созданіями искусства и поэзіи...

— Вѣрить! Но возможна ли цѣльная вѣра, когда вокругъ столько сомнѣвающихся?

— Ирина, да кто же говоритъ, что нѣтъ въ нашемъ строѣ мѣшающихъ гармоніи прорѣхъ, которыя необходимо зачинить? Но починка не есть еще перестройка. Кто правъ? Вѣрно одно, что въ концѣ концовъ побѣдитъ именно правый, и побѣда рѣшится тогда только, когда наступитъ царство счастья на землѣ. Мы побѣдимъ—значитъ, нашъ строй, за который мы держимся, не мѣшаетъ всеобщему счастью и, слѣдовательно, онъ хорошъ, ибо онъ красивъ. Побѣдятъ они—значитъ, невозможно счастье при нашемъ строѣ, и тогда къ чему онъ, кто станетъ за него держаться? Но это споръ вѣковъ. Теоретическими разсужденіями не докажешь того, что рѣшить могутъ лишь время и жизнь.

— Хорошо. А пока?

Алгасовъ не сразу ей отвѣтилъ.

— Недавно попалась мнѣ книга, медленно началъ онъ— иллюстрированное изданіе *Reine Margot* Дюма, и я сталъ въ ней пересматривать картинки. Какъ покойно и привольно поживали они въ романтичныхъ этихъ залахъ Лувра, всѣ эти Карлы IX, Екатерины Медичи, Маргариты Валуа, герцоги Анжуйскіе, Алансонскіе, Бурбоны, Гизы и пр., погруженные въ свои заботы, въ свои интриги, дѣла, власть, удовольствія, роскошь—во всѣ аттрибуты ихъ царственной жизни! И такъ ярко рисовалась мнѣ тутъ вся величавая и беззаботная жизнь той эпохи... Помнишь первое дѣйствіе *Гугенотъ*, роскошный замокъ въ Турэни и веселый пиръ молодыхъ вельможъ?—„Fût-ce le roi lui-même, je n'y suis pas!.. lorsqu'à table je bois“... Вотъ эти люди жили, умѣли и могли жить... Да... И невольно подумалось мнѣ, что, еслибы злой или добрый какой геній пред-

сказалъ имъ будущее? Смутило ли бы это предсказаніе ихъ жизнь и ихъ радости, утѣшило ли бы ихъ сознаніе, что имъ дано слишкомъ еще 200 лѣтъ власти и покоя? Кто отвѣтитъ на это? И такъ грустно мнѣ стало, такъ порадовался я за нихъ, что никакой услужливый пророкъ не явился смутить ихъ удовольствій. Къ чему? А что, сталъ ли бы Генрихъ IV также усиленно добиваться французскаго престола, если-бы ему была извѣстна судьба его праправнука? Сталъ ли бы трудиться Ришелье, сталъ ли бы Людовикъ XIV строить Версаль? Недавно, не помню уже гдѣ, не то въ газетѣ, не то въ журналѣ, въ какой-то статьѣ объ эмиграціи изъ Германіи, прочелъ я такія рѣчи: и въ томъ же селѣ, откуда столько несчастныхъ должны были, навѣки разставшись съ родиной, отправиться на чужбину, тамъ же разстилается обширный паркъ, занимающій пространство, способное прокормить десятки и сотни людей—и владѣлецъ парка никогда и не заглядываетъ даже въ него. Нелегко мнѣ это было читать, Ирина. Надо пользоваться тѣмъ, что есть, и вѣрить въ это, ибо оно уже существуетъ вѣка, и тысячелѣтній опытъ всего человѣчества, все, къ чему пришло оно, все это воплотилось въ нашемъ строѣ жизни. Противъ него началась борьба—тѣмъ сильнѣе надо вѣрить въ него, ибо лишь вѣрующій можетъ побѣдить, а всѣми силами должны мы стараться за собой удержать побѣду, ибо счастье, которое мы дали бы человѣчеству, нашъ идеалъ счастья—во всякомъ случаѣ, онъ возвышеннѣе и красивѣе ихъ идеала...

— Саша, нѣтъ счастья!.. съ тоской возразила Ирина. Гдѣ же оно, отчего же нигдѣ не видать его, ни въ своей, ни въ чужой жизни?

— *Нѣтъ* еще не значитъ, что и *не будетъ*, и *не можетъ быть*. Оно не дается даромъ, это мы видимъ, за него надо бороться, но неужели же насъ можетъ испугать борьба изъ-за него?

— А какъ оно должно быть хорошо!..

— Что же и хорошо на землѣ, кромѣ счастья?

Оба они замолчали. Ирина стояла, углубившись въ свои думы. Слова Алгасова затронули ее; совершенно другимъ человѣкомъ явился онъ ей въ этотъ вечеръ, она повѣрила въ его искренность и поняла его жизнь—вѣдь никогда еще

доселѣ не высказывался онъ передъ нею такъ вполнѣ. А онъ не спускалъ съ нея глазъ, невольно любуясь ею—такъ хороша она была, вся преображенная и оживленная охватившимъ ее волненіемъ, и не зналъ еще онъ, какую побѣду онъ одержалъ...

Оба они долго молчали. Алгасовъ высказался весь и больше ему нечего было прибавить. Ирина молчала, ибо слишкомъ уже много новыхъ мыслей пробудили въ ней только-что слышанныя ею слова. Она гордилась, что *ей* сказалъ онъ все это, и въ то же время ей хотѣлось, чтобы всѣ это услышали послѣ нея, чтобы всѣ въ него такъ же повѣрили, какъ повѣрила она; въ своихъ мечтахъ она даже видѣла картину всеобщей этой вѣры въ Алгасова и въ его слова, она видѣла его самого въ лучахъ блестящей славы и себя возлѣ него, раздѣляющую его славу и гордую ею... Хороши были эти мечты, и страстно захотѣлось Иринѣ, чтобы сбылись онѣ...

— Саша, къ нему обратилась она, ты ничего не пишешь?

— Я?

— Да?

— Ничего. А что?

— Саша, теперь я иначе смотрю на тебя, съ одушевленіемъ и восторгомъ вдругъ заговорила Ирина. Судьба дала тебѣ рѣдкій даръ—то самое исполинское дѣло, котораго ты не ищешь, но которое само нашло тебя. Это дѣло—твой геній. И неужели имѣешь ты право скрывать его отъ людей, не дѣлиться съ ними великими твоими мыслями?

Алгасовъ не сразу ее понялъ, но, когда понялъ—тяжело и даже непріятно стало ему, что и теперь, въ полномъ преклоненіи передъ нимъ, все-таки не вѣритъ она ему и навязываетъ ему дѣло, нисколько не подумавъ, что и самъ отдался бы онъ этому дѣлу, еслибы чувствовалъ призваніе къ нему и еслибы твердая, уже установившаяся вѣра въ истину его ученія побуждала его передать это ученіе людямъ.

— Ирина, началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, писать— это тогда только дѣло и долгъ, когда имѣешь что сказать людямъ, а если этого нѣтъ, если самъ только

ищешь и выпытываешь у жизни, истина ли то, во что ты вѣришь, тогда писать—это преступленіе, и даже одно изъ самыхъ гнусныхъ. Я не пробовалъ писать, т. е., положимъ, пробовалъ, хотя и мало, но я никогда и ничего не могъ написать, ибо я не помню часа даже въ моей жизни, свободнаго отъ теперешнихъ моихъ думъ, а такъ какъ въ нихъ нѣтъ еще ничего опредѣленнаго и доказаннаго, никакой ясной и строгой системы, то и не могъ я ничего написать и ничего не выходило у меня. Это поприще не для меня, по крайней мѣрѣ сейчасъ, да и вообще-то, я думаю, что мое дѣло искать и безпрестанно готовиться къ воспріятію истины, а не писать...

— Ну ты откроешь ее, она дастся тебѣ. Кто же тогда узнаетъ ее?

— Тогда и будемъ говорить объ этомъ. Я ли напишу, другой ли это сдѣлаетъ—это все тогда, а не теперь... Тогда легко будетъ написать, это забота второстепенная...

— Нѣтъ, Саша, такъ нельзя, съ тѣмъ же одушевленіемъ снова заговорила она. Тебя ждетъ слава, я въ это вѣрю, и не имѣешь ты права отказываться отъ нея и пренебрегать ею: вѣдь и она—она тоже даръ Бога, и дорогой даръ! Что выше и прекраснѣе ея въ жизни? И неужели твои исканія и мысли, та великая цѣль, которую ты поставилъ себѣ, неужели не поучительно все это людямъ и не нужно имъ?

— Приготовленія ученика, кому это нужно? А слава! Ирина, не награды мнѣ нужно, не ради нея живу я. Разъ ужъ обѣщали мнѣ эту славу, славу ученаго, и я знаю, она досталась бы мнѣ, пойди я тогда учить ихъ науку. Но я не славы ищу и потому отказался отъ ихъ блестящихъ предложеній, чѣмъ и удивилъ ихъ несказанно.

— Ты словно рисуешься этой скромностью!

— Тебѣ виднѣй, Ирина. Что мнѣ сказать на это?

— Прости мнѣ, Саша, протягивая ему руку, произнесла Ирина, это невольно сорвалось у меня... Но я слишкомъ уже вѣрю, что писать—это твое призваніе...

— Ирина, что же мнѣ писать, разсказы о томъ, какъ она его любила, ее онъ обожалъ, причемъ оба блещутъ не столько силой страсти, сколько гражданской доблестью

и передовыми идеями? Такъ на это спеціально существуютъ сотрудники журнала *Дѣло*. А учить... Да пойми же, Ирина, чему стану я учить, самъ ничего не зная, самъ еще только учась? Писать насильно, не имѣя никакого даже побужденія къ этому!.. Да вѣдь я на каторжный трудъ обрекъ бы себя, еслибъ вздумалъ это дѣлать, и вдобавокъ, вмѣсто славы, насмѣшилъ бы только православный народъ. Надо знать, что хочешь писать, надо это ясно понимать и вѣрить въ это. Какими глазами посмотрю я на самого себя, если вздумаю теперь описывать свои исканія, а жизнь мнѣ вдругъ докажетъ, что я заблуждался?..

— Иногда и заблужденія даже поучительны и полезны. Твои слова, какъ много новаго они мнѣ открыли...

— Ирина, дай мнѣ дѣлать то, что полезнѣй и нужнѣй— учиться и готовиться. Ты говоришь, что слова мои поучительны, даже если я и заблуждаюсь. Не стану рисоваться скромностью—я тоже это думаю. Но если дѣйствительно такъ важны мои взгляды—не бойся, не пропадутъ они и всегда дойдутъ до людей, еще болѣе развитые и прекрасные. Ты думаешь, я свое говорю? Разувѣрься! Я передаю слова женщины, никому неизвѣстной, теперь уже покойной, и, какъ видишь, ея слова, всѣ эти вопросы, надъ которыми она размышляла и къ рѣшенію которыхъ стремилась— они пережили ее и живутъ во мнѣ. Такъ точно оживутъ они и послѣ меня въ лицѣ тѣхъ, которые примутъ отъ меня наслѣдье моего учителя. Эту женщину ты знала, Ирина, это Полянская, и если только удастся мнѣ стать для кого-нибудь тѣмъ же, чѣмъ была она для меня—моя жизнь не будетъ потеряна.

И снова замолчали они, волнуемые каждый своими мыслями. Пріѣхали изъ концерта Аделаида Филипповна и Константинъ Платоновичъ.

— Саша, ты здѣсь? воскликнулъ Бачуринъ. А мы-то ищемъ тебя по всему собранію! Что ты не пріѣзжалъ?

— Да вотъ, съ Ириной заговорился...

— И много потерялъ, мой другъ, начала Аделаида Филипповна. Концертъ былъ необыкновенно хорошъ, Рубинштейнъ игралъ неподражаемо, такой игры не скоро услышишь!..

— Да вѣдь я, ma tante, не особенный любитель музыки...

— Ахъ, Саша, ну какъ это не любить музыки? Это могутъ одни только черствые, безсердечные люди...

— Что дѣлать, ma tante!

Ирина велѣла подавать ужинъ. Она сразу-же овладѣла собой, и теперь ничто уже не выказывало въ ней недавняго ея волненія. Такъ ловко распоряжалась она, такъ хладнокровно разспрашивала о подробностяхъ концерта и такъ величаво-равнодушно выслушивала извѣстія о разныхъ знакомыхъ, что никто никогда не догадался бы, какія мысли въ это же самое время волновали ея голову. Алгасовъ не могъ надивиться на эту перемѣну. Вновь передъ нимъ безстрастная, мраморная эта красавица... А самъ—разсѣянно отвѣчалъ онъ на вопросы тетки и Константина Платоновича и никакъ не могъ скрыть своего еще не остывшаго волненія. Ирина во все время не сказала съ нимъ ни слова.

Послѣ ужина онъ поспѣшилъ уйти. Когда онъ съ ней прощался, она тихо и торопливо шепнула ему:

— Саша, ты простилъ мнѣ?..

— Что, Ирина? спросилъ удивленный Алгасовъ.

— Некрасовскіе стихи. Прости, Саша!

Она глядѣла на него, и дивно хороши были большіе, полные тихой ласки глаза ея.

— Ирина! отвѣтилъ Алгасовъ, котораго это обращеніе скорѣе удивило, чѣмъ обрадовало.

Ирина тоже поспѣшила проститься съ матерью и братомъ и уйти къ себѣ. Ей не хотѣлось говорить о томъ, что произошло между ней и Алгасовымъ.

Долго не могъ заснуть Алгасовъ и все стояла передъ нимъ красивая, оживленная Ирина. Вдругъ вспомнились ему ея слова: „теперь я иначе смотрю на тебя!“—и чудная красота Ирины, и смутныя мечты о какомъ-то еще невѣдомомъ счастьѣ, и волненія только-что пережитаго вечера, все это вмѣстѣ овладѣло тутъ всѣми его мыслями.

XIX.

Ирина ушла къ себѣ, но долго не ложилась она: слишкомъ уже много всевозможныхъ думъ волновало ее, и не

могла она спать. Невольно любовалась она Алгасовымъ, его красотой, его пламенной рѣчью, его умомъ и самой его идеей, несмотря даже и на то, что идея эта все еще не была ей вполнѣ ясна—но тѣмъ упорнѣе продолжала Ирина вдумываться въ нее, и все выше и прекраснѣе казались ей его слова.

Было почти уже утро, когда она заснула. Проснулась она съ той же мыслью объ Алгасовѣ и о вчерашнемъ разговорѣ, но долго не могъ продолжаться въ Иринѣ первый пылъ одушевленья, такова уже была она, холодная сердцемъ и до послѣдней къ тому же степени совершенства доведенная воспитаніемъ и свѣтской выдержкой. Уже безъ волненія, въ холодномъ восторгѣ отъ его краспорѣчія, неподвижно сидѣла она на постели. Не горячность его рѣчи, такъ ее взволновавшая наканунѣ, была теперь предметомъ ея восторга и удивленія и даже не самыя его мысли, но только та красота, съ которой онъ ихъ излагалъ. Только ею и восхищалась теперь Ирина, какъ бы дополняя этимъ вчерашнее свое впечатлѣніе, и снова такъ захотѣлось ей увидѣть красавца-Алгасова, окруженнаго славой, всеобщимъ почитаніемъ и удивленіемъ, достойно вознагражденнаго лаврами за свой геній... Красиво и ясно рисовалась въ умѣ ея великолѣпная эта картина, и, какъ естественное къ ней дополненіе, въ своихъ мечтахъ Ирина видѣла себя предметомъ любви великаго человѣка, учителя и кумира народовъ, раздѣляющею съ нимъ его славу...

Не трудно было ей замѣтить, что она нравится Алгасову—онъ никогда не умѣлъ скрывать своихъ ощущеній—но до сихъ поръ она не обращала на это вниманія и нисколько не интересовалась тѣмъ впечатлѣніемъ, которое она произвела на него. Не вспомнила она объ этомъ и вчера, въ первомъ порывѣ горячаго увлеченія, но теперь—всѣ мельчайшіе знаки его вниманія, всѣ они вспомнились ей и даже вспомнились прекраснѣе и полнѣе, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ; ни минуты и не подумала она усомниться въ его любви, и какъ она гордилась теперь этой любовью! О томъ, любитъ ли его она сама—объ этомъ и не подумала даже Ирина. Но его слава ей была необходима, и эта слава принадлежитъ ему, ему стоитъ только взять ее, въ этомъ

Ирина была убѣждена. Ей суждено вдохновить его и пробудить въ немъ дремлющія силы, съ восторгомъ мечтала она. И она исполнитъ свой долгъ, она заставитъ его взять эту славу, онъ это сдѣлаетъ изъ любви къ ней, Иринѣ, она этого добьется отъ него...

Послѣ чая, оставшись наединѣ съ братомъ, въ общихъ чертахъ передала она ему свой вчерашній разговоръ съ Алгасовымъ.

— Ну что же, перемѣнила ты свой взглядъ на него? спросилъ ее Константинъ Платоновичъ.

— Да, теперь я вижу, что ты былъ правъ...

— Главная прелесть въ Сашѣ, это—его искренность, и его простота, снисходительность... Хоть когда-нибудь выставляетъ ли онъ свой умъ и свои знанія на показъ? Смотритъ-ли онъ хоть на кого-нибудь свысока? А въ то же время никогда и ни отъ кого не скрываетъ онъ своихъ взглядовъ и мыслей—и такъ все это въ немъ гармонично и мягко! Это и влечетъ къ нему всѣхъ, и замѣть, всѣ рѣшительно его любятъ, между тѣмъ какъ самъ нисколько и не думаетъ онъ, чтобы кому-нибудь угодить или понравиться. Но у него слишкомъ уже во всемъ преобладаетъ чувство, разсудокъ у него совсѣмъ на второмъ планѣ, а въ жизни это не годится...

Первой мыслью Алгасова въ это утро было поскорѣе увидѣть Ирину, но когда онъ пришелъ къ Бачуринымъ, когда онъ увидѣлъ ее, такую же холодную и спокойную, какъ и всегда, какъ и прежде—его какъ будто снова что-то оттолкнуло отъ нея. А между тѣмъ Ирина страшно ему обрадовалась, въ его раннемъ приходѣ видя еще лишнее доказательство его любви, она ждала его съ нетерпѣніемъ и волненіемъ—и все это осталось ему совершенно неизвѣстнымъ, въ обычномъ ея поведеніи, никогда не носившемъ на себѣ никакихъ слѣдовъ ея впечатлѣній и мыслей, въ немъ потонула и радость ея, и нетерпѣніе, и все измѣнившееся ея отношеніе къ Алгасову. Въ душѣ и тѣни уже не было у нея пренебреженія и безучастія къ нему, но такъ искусно до сихъ поръ скрывались эти чувства подъ маской любезности и вниманія, что откровенный Алгасовъ и не подо-

зрѣвалъ даже о ихъ существованіи, а потому и не замѣтилъ никакой перемѣны въ ея обращеніи.

Разговоръ не клеился у нихъ, да оно и понятно. Трудно было имъ сразу перейти къ обычнымъ темамъ вседневныхъ разговоровъ, а вчерашній разговоръ не возобновлялся.

Но теперь они стали видаться еще чаще, почти каждый день. Ирина сама искала теперь его общества, заговаривала съ нимъ, дѣлила съ нимъ свои впечатлѣнія, часто его спрашивала, если чего не могла рѣшить сама, часто просила его разъяснить что-нибудь не совсѣмъ ей понятное въ ихъ послѣднемъ разговорѣ, и всѣ ея вопросы показывали, что она много думаетъ объ этомъ разговорѣ и вообще о взглядахъ Алгасова. Все это льстило увлекающемуся юношѣ и нравилось ему, и ещѐ тѣмъ болѣе нравилось въ Иринѣ. Ея присутствіе уже не смущало его, напротивъ, вдохновляемый ея красотой и вниманіемъ, онъ говорилъ съ особымъ одушевленіемъ и жаромъ, высказывая всѣ самыя завѣтныя свои думы; вполнѣ раздѣлить ихъ съ Ириной—теперь это стало единственнымъ его желаніемъ.

Онъ любилъ съ ней говорить. Въ высшей степени дорого было ему ея сочувствіе и то вниманіе, съ которымъ его слушала красивая дѣвушка, но и кромѣ этого, такъ украшало ее волненіе, овладѣвавшее ею въ пылу разговора, такъ хорошъ былъ оживленный ея взглядъ, что самъ не свой всегда уходилъ отъ нея Алгасовъ послѣ подобныхъ бесѣдъ. И наединѣ все продолжалъ онъ говорить съ нею, онъ видѣлъ передъ собою ея сверкающіе глаза, и не покидали его безотвязныя мечты объ Иринѣ, о ея красотѣ, о ея умѣ, о томъ участьи, которое она принимаетъ во всѣхъ его исканіяхъ и думахъ. Еще не жаждалъ онъ ея любви и не думалъ о ней, но въ эти минуты ему казалось, что онъ любитъ ее, и такъ страстно хотѣлось ему вполнѣ отдаться своему чувству, признаться въ немъ Иринѣ...

Но только лишь приходилъ онъ къ ней—и при одномъ взглядѣ на холодную, сдержанную дѣвушку, при одномъ звукѣ красивой, большей частью французской ея рѣчи разомъ покидали его и его любовь, и всѣ его мечты. Онъ чувствовалъ, что никогда не хватитъ у него смѣлости сказать Иринѣ о своей любви, да не только смѣлости—и по-

требности говорить о любви не ощущалъ онъ въ подобныя минуты и лишь попрежнему любовался Ириной, ловилъ каждый ея взглядъ, каждый вопросъ, съ которымъ она къ нему обращалась. Вопросы эти заводили все далѣе и далѣе, снова затѣвался горячій разговоръ, и Алгасовъ уходилъ, полный безумной любви, мечтая, хакъ хороша Ирина, какъ дорога она ему. Въ этихъ мечтахъ она являлась ему такою, какой онъ любилъ ее и желалъ бы ее видѣть, а все непривлекательное, все, что его пугало въ ней и, пожалуй, даже отталкивало отъ нея—это забывалось имъ, и поневолѣ казалось ему, что онъ любитъ ее, и безконечно счастливъ былъ онъ, мечтая о ней и любя ее. И еще полнѣе стало восторженное его блаженство, когда въ постоянномъ вниманіи къ нему Ирины впервые блеснула ему надежда на ея взаимность: въ первую минуту даже ошеломила его мысль, что его можетъ полюбить эта гордая дѣвушка, эта недоступная красавица—но эта мысль была такъ хороша, и невольно поддавался ей Алгасовъ, и страстная жажда любви Ирины овладѣвала имъ въ эти минуты, казалось бы, годами жизни готовъ онъ заплатить за каждый ея поцѣлуй... А увидитъ онъ настоящую Ирину, не ту, какую являло ему его воображеніе—и снова безслѣдно исчезали всѣ его мечты, словно боялись онѣ ея присутствія...

И для Ирины не прошло даромъ ея сближеніе съ Алгасовымъ, хотя и въ голову даже не приходила ей мысль о возможности полюбить его. Правда, она много мечтала о его любви и даже желала ея, но мечты эти шли все въ одномъ опредѣленномъ направленіи и источникомъ ихъ были скорѣе тщеславіе и гордость, чѣмъ сердце. Ее заинтересовали его взгляды, она говорила съ нимъ, слушала его и невольно любовалась его красотой, она любила съ нимъ читать и дѣлить свои мысли—и все дороже и дороже становился онъ ей съ каждымъ днемъ, что начало тщеславіе, то докончило сердце.

Не сразу замѣтила Ирина эту любовь и не сейчасъ ее поняла. Ея холодное сердце не вѣдало и самой даже мысли о любви и никогда не ощущало потребности полюбить. Ирина и не знала, что такое любовь, и, по правдѣ, даже не понимала хорошенько этого слова. Въ подобномъ серд-

цѣ любовь не ощущается сразу, но ростетъ и зрѣетъ медленно, за то и любовь выростаетъ прочная, одна и навсегда, ибо другая и не можетъ уже вырости.

Часто и безпрепятственно, и наединѣ, и въ обществѣ видаясь съ Алгасовымъ, пользуясь всѣми преимуществами родства и давней дружбы, видя его неизмѣнное къ ней вниманіе, Ирина, естественно, не могла ощущать никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ въ своихъ чувствахъ къ нему, и долго не сознавала она любви, уже зародившейся въ ея сердцѣ. Когда же впервые смутно сказалось ей возникающее это чувство, Ирина сама испугалась его, не вѣрила и не смѣла ему повѣрить, скрывала отъ самой себя, гнала его, пока была въ силахъ, со страхомъ и ужасомъ слѣдила за его ростомъ, и какія мучительныя сомнѣнія въ любви Алгасова овладѣвали ею минутами! Мучительна была для нея мысль, что вдругъ она полюбитъ его, а онъ и не думаетъ между тѣмъ о ней и даже любитъ, пожалуй, совсѣмъ другую, и когда Ирина видѣла его съ другими дѣвушками, нечеловѣческія усилія должна была употреблять она, чтобы скрыть свою ревность и свое чувство... А впервые именно ревностью и сказалась въ ней любовь.

Ирина не оставила своихъ гордыхъ мечтаній, но всѣ ея убѣжденія, что Алгасовъ долженъ пользоваться своимъ дарованіемъ и жить для извѣстности и славы, онъ принималъ ихъ такъ горячо и такъ настойчиво повторялъ тѣ же доводы противъ нихъ, что Ирина перестала ему говорить объ этомъ прямо, хотя намеками не разъ высказывала ту же мысль, всячески стараясь затронуть его самолюбіе и пробудить въ немъ тщеславіе и гордость. Возраженія Алгасова оставались тѣ же. Горечь начинала въ нихъ сказываться, но, слишкомъ уже увлеченная красивыми своими мечтами, Ирина не замѣчала этой горечи. Его отказы она принимала за недостатокъ любви—и мучительную боль испытывало тутъ ея гордое сердце...

Дѣйствительно, крайне тяжелы и непріятны были Алгасову эти слова и намеки Ирины, непріятны вообще, и еще тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе хотѣлось ему сблизиться съ нею, чѣмъ болѣе мечталъ онъ о ея любви. Какъ желалъ онъ, чтобы именно Ирина вполнѣ поняла его, и грустно было

ему видѣть, что всѣ его рѣчи остаются совершенно ей непонятными, что ей чужды самыя завѣтныя его убѣжденія и взгляды, которыми, повидимому, она такъ живо интересуется. Это грустное сознаніе отравляло ему все его счастье, и въ минуты полнаго даже увлеченія, когда, послѣ горячаго разговора съ нею, такой идеально-прекрасной и привлекательной ему являлась Ирина въ его мечтахъ, и тутъ, лишь стоило ему вспомнить какой-нибудь подобный ея намекъ—какъ мигомъ разлеталось очарованіе, и горькое, непріятное чувство смѣняло недавнія чудныя мечты.

А въ то же время увлеченіе его росло съ каждымъ днемъ—такъ нравилась ему Ирина, такъ хотѣлось ему любить эту красавицу, цѣловать ее, знать, что и она его любитъ... Страстно хотѣлось ему признаться ей въ любви, и какъ онъ мечталъ объ этомъ признаніи... Сдѣлать его никогда не хватало у него смѣлости—такое расхолаживающее вліяніе имѣло на него присутствіе Ирины. И невольно порой овладѣвали имъ смутныя какія-то сомнѣнія—дѣйствительно-ли любитъ онъ Ирину? И самъ онъ видѣлъ, что есть что-то странное въ его чувствѣ, но тѣмъ не менѣе онъ принималъ его за любовь и хотѣлъ вѣрить, что это любовь.

Своимъ обычнымъ порядкомъ шла между тѣмъ ихъ шумная свѣтская жизнь, на яркомъ фонѣ которой, словно роскошные цвѣты, раскидывались радости, волненія, страхи, мечты и надежды ихъ рождающейся любви: эта любовь оживляла и красила для нихъ и самую жизнь, давая имъ чувствовать ее, жить и пользоваться ею, и не могли они пожаловаться на безцвѣтность и однообразіе своихъ дней. А смѣнившая зиму весна въ свою очередь готовилась уже уступить мѣсто лѣту. Май перевалилъ уже за половину, и Москва быстро пустѣла.

Первыми покинули ее Апалевы; зимой князь былъ выбранъ предводителемъ, и потому еще въ апрѣлѣ уѣхали они въ деревню. За ними и Аделаида Филипповна переселилась съ Ириной на дачу, которую онѣ наняли въ концѣ Сокольниковъ, недалеко отъ великолѣпной дачи Вѣдровыхъ. Вѣдровы еще были въ Москвѣ, но и они тоже собирались на дачу. Алгасовъ не сталъ ихъ дожидаться и занялъ свою прежнюю комнату на мезонинѣ ихъ дачи—большую, свѣт-

лую комнату съ особымъ балкономъ, съ обширнымъ видомъ на лѣса, поля и луга, и, живя такимъ образомъ почти рядомъ, цѣлые дни проводили Алгасовъ и Ирина вдвоемъ, въ прогулкахъ и безконечныхъ разговорахъ. Тутъ, почти наединѣ, вполнѣ свободные, они сблизились еще болѣе, и быстрыми шагами пошла къ развязкѣ ихъ любовь.

Все яснѣе и яснѣе становилось Алгасову, что Ирина любитъ его. Она ничего не говорила ему, но въ разныхъ мелочахъ, ему лишь одному замѣтныхъ, невольно высказывалось ея чувство. Безконечно радовали и волновали Алгасова всѣ малѣйшія проявленія любви этой гордой красавицы, дотолѣ казавшейся ему такой недоступной; отрадно было ему сознавать, что онъ любимъ ею, отрадно было мечтать о любви и красотѣ Ирины, и часто заря заставала его на балконѣ въ этихъ мечтахъ. Но на рѣшительный шагъ, на признаніе, все еще не хватало у него духа. Не то, чтобы онъ боялся услышать, что Ирина не любитъ его; даже напротивъ, чѣмъ болѣе убѣждался онъ въ ея любви, тѣмъ упорнѣе избѣгалъ всякаго разговора, касавшагося чувствъ и любви. Онъ помнилъ когда-то высказанный ею взглядъ, что признаніе въ любви само по себѣ уже есть предложеніе, что иначе не понимаетъ она любви—и невольно пугала его безповоротность этого шага и удерживала отъ признанія. Онъ любовался Ириной, ухаживалъ за нею, всячески старался ей выказать свое вниманіе и свою любовь, но ни слова никогда не говорилъ о своихъ чувствахъ. Впрочемъ, онъ говорилъ о нихъ, въ страстныхъ выраженіяхъ признавался онъ ей въ любви—но слышали его лишь восходящее солнце да старыя сосны сокольничьей рощи. Въ присутствіи Ирины признанія замирали на его устахъ, а между тѣмъ непреодолимая какая-то сила влекла его къ Иринѣ, все болѣе и болѣе подчиняя его чарамъ ея дивной красоты. И отрадно было ему любить ее, и порой такъ страшила его эта любовь, и, несмотря на все свое увлеченіе красотой Ирины, не могъ онъ вполнѣ и беззавѣтно отдаться холодной этой дѣвушкѣ. Дѣйствительно, мало измѣнила Ирину любовь: попрежнему холодная, безстрастная, надменная, съ тѣми же изящными манерами и небрежнымъ обращеніемъ, всего уже менѣе походила она на влюбленную дѣвушку.

А настала наконецъ минута, когда Ирина должна была сознаться себѣ въ своей любви, окончательно уже завладѣвшей ея сердцемъ. Уже поздно было гнать ее и отказываться отъ нея, и Ирина отдалась ей, уже не думая о сопротивленіи, да и вообще ни о чемъ не думая. Она любила —вотъ все, что она знала и понимала въ эту минуту и ни за какія сокровища въ мірѣ не отдала бы она теперь своей любви. Она узнала, наконецъ, это чувство, дотолѣ совершенно ей незнакомое и чуждое, и съ радостью, съ гордостью отдалась она любви, гордясь и чувствомъ своимъ, и любимымъ человѣкомъ.

Но ни счастья, ни радости не дали ей первые дни ея любви. Ирина отдалась ей тѣмъ съ большей силой, чѣмъ позже ее узнала; ей мало было любить самой, ей хотѣлось чувствовать себя любимой, хотѣлось изведать все счастье взаимности, и молчаніе Алгасова было ей мучительно, и оскорбительно вмѣстѣ. Она не допускала даже мысли, что Алгасовъ можетъ не любить ея, что и ей, Иринѣ, какъ и всякой другой, надо кокетствомъ и лаской покорять сердце любимаго человѣка—для этого Ирина была слишкомъ горда. Чѣмъ же объяснить его молчаніе?

Тяжело было ей. Она всячески старалась сдержать себя и въ свою очередь ничѣмъ не выказать ему своего чувства, еще холоднѣе и небрежнѣе старалась она обращаться и съ нимъ, и съ другими, и дошла наконецъ до того, что во всѣхъ ея словахъ и поступкахъ стало проглядывать что-то неестественное и натянутое, понятно, нисколько ея не украшавшее. Эта неожиданная перемѣна въ Иринѣ еще болѣе запугала Алгасова. Ирина не стала хуже въ его глазахъ, не уменьшилось нисколько его увлеченіе, но поневолѣ еще скупѣе сталъ онъ на внѣшнія проявленія своего чувства. Самой же сдѣлать первый шагъ и снизойти до признанія— это было невозможно, немыслимо для гордой Ирины, лучше уже согласилась бы она выносить и еще большія страданія.

Ихъ взаимныя отношенія были натянуты до крайности. Ирина молчала въ его присутствіи, не замѣчала его, старалась его избѣгать, была съ нимъ холодна, держала себя недоступно и гордо и всячески дѣлала видъ, что ей очень

весело, хотя кошки скребли у нея въ сердцѣ и не знала она, куда дѣваться отъ боли, стыда и обиды. Алгасовъ еле смѣлъ глядѣть на нее и терялся передъ нею, терялся тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе тускнѣли и меркли недавнія его надежды на ея любовь. Если и прежде не хватало у него смѣлости признаться ей въ любви, то теперь, еслибы и въ самомъ даже дѣлѣ любилъ онъ ее—и тогда не посмѣлъ бы онъ этого сдѣлать. Смутно сталъ онъ сознавать, что есть что-то въ Иринѣ, что не даетъ ему вполнѣ отдаться ей, а уйти отъ нея тоже не было силъ, она была такъ хороша... Къ тому же вдругъ прорвется въ ней порой ея чувство, вдругъ станетъ она теплѣе, ласковѣй... Это рѣдко случалось и продолжалось недолго, сейчасъ же вновь овладѣетъ она собой и вновь, какъ въ броню, запрется въ свой недоступно-гордый видъ, но такъ хороши были эти рѣдкія минуты! Жадно ловилъ ихъ Алгасовъ, онѣ лишь и красили ему общество Ирины, а подчасъ даже скучно было ему возлѣ нея, какъ ни старался онъ скрыть отъ себя эту скуку. Обоимъ было одинаково тяжело.

А кругомъ шла неторопливая и нескучная дачная жизнь, далекая отъ всякихъ тревогъ и волненій, всецѣло посвященная отдыху и покою. Въ прогулкахъ, въ чтеніи, за какой-нибудь работой, въ хозяйственныхъ хлопотахъ незамѣтно пролетало утро; обѣдали большею частью у Вёдровыхъ и у нихъ же проводили остальную часть дня. Каждый день кто-нибудь да навѣщалъ ихъ, или дачные сосѣди, или московскіе знакомые. Все общество собиралось на просторномъ балконѣ; подавалась земляника, дыни, арбузы; изъ сада доносились веселые дѣтскіе голоса, передъ глазами красиво пестрѣли цвѣточныя клумбы, и такъ пріятно было разговаривать о разныхъ интересныхъ и не мѣшающихъ въ то же время пищеваренію пустякахъ, наслаждаясь чистымъ деревенскимъ воздухомъ и любуясь яснымъ закатомъ. Тихо и безмятежно проходили такъ цѣлые вечера. Соберутся, погуляютъ, потолкуютъ о новостяхъ, о бывшей тогда выставкѣ [1]), вспомнятъ минувшую зиму, погадаютъ о зимѣ будущей—веселая ли будетъ она, кто женится, кто выйдетъ замужъ, поиграютъ, пожалуй, въ карты, особенно въ дурную погоду —и разойдутся послѣ ранняго ужина, вполнѣ довольные

проведеннымъ вечеромъ, зная, что и завтрашній день будетъ такъ же покоенъ и хорошъ ..

Былъ жаркій, тихій лѣтній день. Высоко среди безоблачнаго неба сіяло солнце и, словно истомленная знойными его ласками, лѣниво отдыхала природа подъ его палящими лучами.

Среди окружавшаго Вёдровскую дачу тѣнистаго сада, въ концѣ одной аллеи стояли на свѣжей и сочной лужайкѣ двѣ старыя липы и въ ихъ густой тѣни сидѣла Ирина. Въ рукахъ у нея была книга, но Ирина даже не раскрывала ея и сидѣла, углубленная въ невеселыя свои думы. И о любви своей думала она, и объ Алгасовѣ, и тутъ, одна, на свободѣ, вся отдалась она любви, наслаждаясь и ею, ея сознаніемъ, и красотой любимаго человѣка. Какъ хороша любовь, думала Ирина, какъ много могла бы она дать и счастья, и даже славы, и какъ мало дала до сихъ поръ, и дастъ ли когда все то, что обѣщаетъ? И въ то же время невольно вспомнился Иринѣ взглядъ, которымъ проводилъ ее Алгасовъ, когда она сходила съ балкона. Какъ хорошъ былъ этотъ взглядъ, какъ хороши глаза Алгасова, полные силы, ума и безпокойнаго огня молодости! Отчего не любовью полны они? съ грустью думала Ирина.

Долго сидѣла она такъ. По аллеѣ раздались шаги. Она посмотрѣла туда и увидала Алгасова.

Онъ шелъ къ ней. Еще издали, изъ аллеи, замѣтилъ онъ ее. Она сидѣла одна, не думая о томъ, что кто-нибудь можетъ ее увидѣть, и что-то до того простое и милое было въ печальной ея позѣ, что даже обычное изысканное ее изящество не бросалось на этотъ разъ въ глаза и почти даже не было замѣтно. Алгасовъ поневолѣ остановился, пораженный ея красотой. Глубоко тронула его грусть, написанная въ опущенныхъ ея глазахъ. „О чемъ она?“ подумалъ онъ, быстро приближаясь къ Иринѣ.

Ирина услыхала его шаги и обернулась въ его сторону; глаза ея не успѣли сразу принять своего обычнаго выраженія и на мгновеніе Алгасовъ увидѣлъ ихъ полными грусти и любви—и какъ хороши тутъ были они!.. Но это не долго продолжалось: Ирина тотчасъ же оправилась, выпрямилась, подавила свою грусть и раскрыла книгу.

— Надя послала меня спросить тебя, не хочешь ли ты земляники? поспѣшилъ сказать Алгасовъ, видя, что Ирина безмолвно ждетъ отъ него начала разговора.

— Благодарю, не хочу, тихо отвѣтила она.

— Сейчасъ только-что принесли свѣжей, ты вѣдь любишь ее, снова началъ было Алгасовъ.

— Не хочу, съ досадой повторила Ирина, и стала быстро переворачивать страницы своей книги.

Алгасовъ замолчалъ, не зная, что еще сказать. Ирина тоже молчала и не глядѣла даже на него, занятая книгой. Онъ продолжалъ стоять все на томъ же мѣстѣ, у выхода изъ аллеи.

— Ирина, что съ тобой, скажи мнѣ, началъ наконецъ Алгасовъ, дѣлая къ ней нѣсколько шаговъ.

— Со мной? Ничего! Что это ты спросилъ?

Алгасовъ помолчалъ немного.

— Ничего!.. Нѣтъ, Ирина, сказалъ онъ, прислоняясь къ одной изъ липъ, сейчасъ я видѣлъ тебя, когда ты была одна... Ты сидѣла такая грустная, словно у тебя горе какое...

Ирина не сразу ему отвѣтила.

— А хотя бы и горе, тебѣ то что? вдругъ сказала она, устремляя на него грустный взглядъ свой. Она не стала уже скрывать своей грусти, да и не въ силахъ была бы этого сдѣлать.

Алгасовъ глядѣлъ на нее. Она была такъ хороша, и подъ впечатлѣніемъ ея грусти и красоты разомъ проснулись въ немъ его любовь и всѣ его мечты.

— Развѣ ты думаешь, что твое горе такъ уже совсѣмъ ничего и не значитъ для меня? тихо проговорилъ онъ, не спуская съ нея глазъ.

— Что значитъ для насъ горе другаго? Къ чему намъ знать его? Ты утѣшать меня хочешь? Успокойся! Я не нуждаюсь въ утѣшеніяхъ.

— Ирина, развѣ ты другая, посторонняя для меня? Вспомни, вѣдь мы росли вмѣстѣ... попытался оправдаться Алгасовъ, испуганный и смущенный холодными ея словами.

А Ирина сама не понимала, что съ ней происходитъ. Не утѣшенія, разумѣется, желала и ждала она отъ Алга-

сова, а слова любви. Никогда еще, казалось, любовь ея не была такъ сильна, и въ то же время обида, злость и досада на Алгасова, не говорившаго этого слова, бушевали въ ея сердцѣ.

— Да, вмѣстѣ росли, хоть это не совсѣмъ такъ, вѣрнѣе сказать, что иногда вмѣстѣ катались съ ометовъ соломы—и только, твердо начала она. Но это прошло, Саша, и не это даетъ право на участье. Можно и съ ометовъ кататься, и все-таки быть чужими. Нѣтъ, совсѣмъ иное нужно, чтобы чувствовать и понимать горе другаго, какъ свое собственное.

Слова эти еще болѣе расхолодили его. Онъ почти уже готовъ былъ признаться ей въ любви, и теперь снова не выговаривалось это признаніе, достаточно было одного гордаго взгляда Ирины, чтобы сразу разсѣялись всѣ мечты смущенно стоявшаго передъ ней Алгасова.

— И я совсѣмъ чужой для тебя? грустно проговорилъ онъ наконецъ.

Ирина ничего ему не сказала на это.

— И не другъ, ничего? продолжалъ Алгасовъ.

— Почемъ я знаю?

— Да, если ты можешь это спрашивать, такъ должно быть и въ самомъ дѣлѣ чужой, сказалъ онъ, и такъ грустно стало ему при мысли, что ничто, рѣшительно ничто не связываетъ его съ Ириной. А я думалъ, что ты считаешь меня... ну, хоть другомъ, кончилъ онъ.

— А гдѣ, изъ чего могу я видѣть эту дружбу? Въ чемъ она когда выражалась?

— Развѣ ты ея не видишь?

— Саша, часто кажется, будто видишь одно, а на дѣлѣ находишь совершенно другое. А можешь ли ты за себя поручиться, что ты всегда все видишь и не просматриваешь иногда вещей, гораздо поважнѣе дружбы? Иначе не пришелъ бы ты утѣшать меня! Утѣшенія и никогда не особенно лестны, а бываютъ случаи, когда они просто оскорбительны.

Слишкомъ глубоко затронули Ирину его слова и невольно высказала она все, что было у нея на душѣ. Не дружбы его жаждала она, а любви, какое дѣло ей до его дружбы, какое право имѣетъ онъ требовать, чтобы замѣчала и цѣ-

нила она эту дружбу, когда онъ не видитъ и не цѣнитъ ея любви?

Задумчиво слушалъ ее Алгасовъ. Инстинктивно что-то угадывалъ онъ въ ея словахъ, а что—онъ еще не могъ и не имѣлъ времени себѣ уяснить.

— Ирина, началъ онъ, легко отличить чужаго человѣка отъ человѣка... преданнаго...

— Это изъ твоихъ бальныхъ комплиментовъ, изъ нихъ должна я заключить о твоей дружбѣ?

— И неужели, кромѣ нихъ, никогда и ни въ чемъ не выражались мои отношенія къ тебѣ?

Ирина молчала. Какъ хотѣлось ему сказать ей, что онъ къ ней чувствуетъ, сердцемъ понималъ онъ связь между собой и горемъ Ирины—и все никакъ не могъ рѣшиться на признаніе.

Ирина встала. Силъ у нея не хватило сдерживаться далѣе.

-- Ну что же, почти безсознательно начала она, ты хочешь, чтобы я сама тебѣ сказала, что я тебя люблю? Ты этого хочешь? Ну радуйся, тебѣ удалось.

Какъ громомъ, поразили его эти слова. Давно уже догадывался онъ о ея любви и мечталъ о ней, и все-таки признаніе Ирины застало его въ расплохъ. Вотъ и всѣ мечты его сбылись, а онъ стоялъ, не зная, что сказать ей въ отвѣтъ. Объ отступленіи онъ не думалъ, да и не смогъ бы заставить себя отступить и отказаться отъ ея любви, и въ то же время яснѣе, чѣмъ когда-либо почувствовалъ онъ въ эту минуту, что, безъ этого вызова Ирины, самъ никогда не рѣшился бы онъ сказать ей, что любитъ ее.

А Ирина стояла передъ нимъ, прекрасная, стройная, молодая, и столько любви было въ обезсиленномъ волненіями, гордомъ ея взглядѣ, такъ былъ онъ хорошъ...

— Ирина... Ты любишь меня?!. испуганно какъ-то шепталъ Алгасовъ, не спуская съ нея глазъ и не имѣя силъ ни подойти къ ней, ни отвѣтить ей такимъ же признаніемъ, и даже радости ничто не выказывало въ немъ.

Ирина страдала ужасно. Все, и любовь, и гордость—все было въ ней затронуто и оскорблено его молчаніемъ.

— Да, люблю, повторила она, собравъ послѣдній оста-

токъ силъ. Ты просмотрѣлъ мою любовь и требуешь, чтобы я замѣчала твою дружбу!..

— Нѣтъ, Ирина, не дружбу, и я не одну только дружбу къ тебѣ чувствую, началъ онъ, казалось, тутъ лишь вполнѣ понявъ признаніе Ирины. Я тоже люблю тебя, и если до сихъ поръ я не говорилъ тебѣ о своей любви, то это еще не значитъ, что я не люблю...

Слова эти, такъ долго и такъ томительно ею жданныя— разомъ излѣчили они горе Ирины. Она ему повѣрила, она хотѣла ему вѣрить, и красивая, полная счастья улыбка смѣнила грустное выраженіе ея лица.

— Саша, такъ это правда, ты любишь меня, я не ошибалась, не обманывалась, мечтая о твоей любви? воскликнула она.

— Я люблю тебя, Ирина, повторилъ Алгасовъ и взялъ ея руку. Ирина не отнимала этой руки.

— Какъ хорошо мнѣ! говорила она, любуясь имъ. Саша, милый Саша, люби меня, вѣдь кромѣ тебя я никогда еще никого не любила, ты одинъ мой, и навсегда, да, Саша?

— Да, Ирина!

— Милый, вотъ видишь, вотъ и утѣшилъ ты меня, теперь я весела, не правда ли? Вотъ какого утѣшенія нужно мнѣ было, и зачѣмъ ты молчалъ, зачѣмъ заставилъ меня первую сказать, что я люблю тебя, зачѣмъ?

— Ирина, мнѣ страшно было, вѣдь я не зналъ, что ты любишь меня, не зналъ, какъ примешь ты мои слова...

— Страшно? Чего? Развѣ я страшная, Саша? Погляди, развѣ я не хороша, не лучше всѣхъ? Скажи!..

— Ты хороша, Ирина, чудо, какъ хороша!..

— Да? И чего-же ты боялся?

— Ирина, что говорить о томъ, что было? Теперь я не боюсь, я люблю тебя...

— И еслибы я сама не сказала, ты такъ и молчалъ бы? Ну, теперь все равно. Я счастлива, Саша! Теперь пойдемъ и землянику ѣсть, и обѣдать, и все, что хочешь, впрочемъ, нѣтъ, ты потомъ придешь, я не хочу чтобы насъ вмѣстѣ видѣли. Только скорѣй приходи, я тебя видѣть хочу, слышишь?

— Милая Ирина! говорилъ онъ, цѣлуя ея руку.

Ирина высвободила ее и, не оборачиваясь, тихо пошла по аллеѣ обычной величавой своей походкой. Алгасовъ проводилъ ее взглядомъ, но не пошелъ за ней. Полный думъ объ этомъ неожиданномъ своемъ счастьи, неподвижно сидѣлъ онъ на той же скамейкѣ и попеременно, то всего захватывало его счастье, любовь Ирины, ея дивная красота, то какая-то пустота, что-то страшное и холодное чувствовалось ему на мѣстѣ счастья и любви.

— Навсегда! шепталъ онъ. Неужели и въ самомъ дѣлѣ навсегда, и это все, что я увижу и узнаю въ жизни? А какъ она хороша! съ восторгомъ думалъ онъ объ Иринѣ.

Такъ сидѣлъ онъ, пока не прибѣжалъ за нимъ старшій его племянникъ, Сеня, его крестникъ и любимецъ.

— Дядя Саша! иди обѣдать, кричалъ онъ еще издали.

— Развѣ ужъ подали? невольно спросилъ Алгасовъ. Ему не хотѣлось идти, все еще не успѣлъ онъ освоиться съ новымъ своимъ положеніемъ и понять, что съ нимъ такое приключилось.

— Иди! повторилъ мальчикъ. Мама звать велѣла...

И Сеня взялъ его за руку и сталъ тащить со скамейки.

— Ну пойдемъ, экій ты сильный! шутливо говорилъ Алгасовъ, идя за тащившимъ его мальчикомъ.

Дома онъ нашелъ гостей и въ числѣ ихъ Авринскаго. Съ спокойной улыбкой говорила съ нимъ Ирина и ни въ небрежной ея позѣ, ни въ ровномъ голосѣ, ни въ пустыхъ фразахъ—ни въ чемъ ничто не показывало, что въ этотъ день случилось такое важное событіе въ ея жизни. Невольно дивился Алгасовъ, глядя на нее, и не могло усилить его любви это ея изумительное искусство владѣть собой...

Насталъ чудный вечеръ, тихій, душистый и теплый. Солнце зашло, исчезли послѣдніе его лучи, звѣзды засіяли на темномъ небѣ, а все еще не расходились гости, продолжая сидѣть на балконѣ, вечеръ былъ такъ хорошъ, что всѣмъ было жаль съ нимъ разстаться.

Ирина полулежала на качалкѣ, въ сторонѣ отъ остальныхъ. Алгасовъ сѣлъ возлѣ нея, взялъ ея руку и поднесъ ее къ губамъ. Ирина не противилась. Горячо поцѣловалъ

онъ маленькую эту ручку, не спуская глазъ съ красиваго личика Ирины, еле виднаго въ прозрачной ночной полутьмѣ. Слабымъ пожатіемъ его руки отвѣтила ему Ирина, и безконечнымъ счастьемъ наполнила сердце юноши эта робкая ласка.

Когда же онъ остался одинъ, тѣ же смутныя думы овладѣли имъ вновь и не зналъ онъ, радоваться ли ему своему счастью, или же бѣжать отъ него. Все еще звучало въ его ушахъ неожиданное признаніе Ирины, онъ словно держалъ еще теплую трепещущую ея ручку, которую онъ только-что цѣловалъ, изъ темноты глядѣли на него синіе глаза ея, покоренные, полные счастья и любви — и тутъ же рядомъ вдругъ вспоминалось ему одно сказанное ею слово, и ни о чемъ, кромѣ этого слова, не могъ уже думать Алгасовъ.

— И навсегда, только это, и больше ничего, ничего, ни мечты, ни надежды...

Не въ силахъ былъ онъ понять, какъ это навсегда всю жизнь свою отдать одной Иринѣ и ото всѣхъ отказаться ради нея... Ни о комъ особенно и не думалъ онъ въ эту минуту, но до сихъ поръ, свободный любить и выбирать, сколько очарованія всегда находилъ онъ въ женскомъ обществѣ! Теперь ему казалось, что одна только свобода и краситъ жизнь, что не къ чему и видѣть безъ нея женщинъ и дѣвушекъ, а не видѣть ихъ, не любоваться ими—слишкомъ уже мрачнымъ и тоскливымъ какимъ-то казалось ему подобное будущее, и какъ пугало оно его... „Положимъ, Ирина лучше, красивѣе всѣхъ, думалъ онъ, ужъ не найдешь вѣдь другой подобной красавицы, и она любитъ меня!“ Мелькала въ головѣ у него пугливая мысль, что благоразумнѣе бы отказаться отъ этой любви, но какъ это сдѣлать, и потомъ—Ирина была такъ хороша, и еслибы только не это *навсегда*, такъ торопливо ею сказанное... Нѣтъ, отказываться поздно, объ этомъ надо было раньше думать, и съ невольнымъ вздохомъ пошелъ онъ впередъ, къ зіявшей передъ нимъ пропасти, добросовѣстно стараясь увѣрить себя, что онъ очень счастливъ. Въ этомъ помогала ему красота любившей его дѣвушки и, какъ за послѣдній якорь спасенія, страстно хватался Алгасовъ за эту красоту.

— Она хороша, думалъ онъ, такъ хороша, что ее можно полюбить навсегда и всѣхъ оставить ради нея...

Было совсѣмъ уже свѣтло, а онъ все еще сидѣлъ на балконѣ, машинально играя сорванной имъ бѣлой астрой.

XX.

А Ирина была счастлива, впервые счастлива въ своей жизни, и вся отдалась она счастью и любви. Признаніе, робкій поцѣлуй Алгасова, ея такая же робкая ласка, а главное—чувство, что ее любятъ и что сама она любитъ, такъ тепло и хорошо было все это и такъ въ то же время ново для нея, такія чудныя грёзы навѣвало на нее, такая сладкая нѣга охватила ея сердце... Не легко покорилось это сердце любви, но за то, полюбивъ, тѣмъ полнѣе ощущала теперь Ирина все блаженство и счастье любви и, подъ ея обаяніемъ, словно другой совсѣмъ дѣвушкой стала она, теплѣе, мягче, проще, милѣе—все въ ней заглушила любовь, все украсила и сгладила.

Нѣсколько дней такъ прошло для Ирины въ безмятежномъ этомъ блаженствѣ, нѣсколько дней, полныхъ свѣта и счастья первой минуты любви. Алгасовъ былъ возлѣ нея, онъ говорилъ съ ней, ласкалъ ее, любовался ею, и всей душой наслаждалась Ирина своимъ счастьемъ. А первый поцѣлуй, почти насильно сорванный съ ея губъ Алгасовымъ—какъ онъ ей показался хорошъ!

Ирина любила сильно и горячо, это была ея первая и единственная любовь, вся ея жизнь, все ея счастье заключалось въ этой любви и тѣмъ полнѣе отдалась она ей, кромѣ нея, ни о чемъ уже и не думая въ эти первые дни... Объ одномъ лишь подумала Ирина, что они съ Алгасовымъ еще не объявленные женихъ и невѣста и что поэтому другіе не должны пока знать о ея счастьи, и, ласковая, нѣжная наединѣ съ Алгасовымъ, при другихъ она была съ нимъ той же прежней холодной и гордой Ириной, еще не знавшей любви. Ничѣмъ не выдавала себя Ирина, и Алгасовъ былъ очень этому радъ: въ душѣ онъ страстно желалъ, чтобы все происшедшее между ними оставалось ихъ тайной.

Не могъ онъ такъ же искренно отдаться любви, какъ отдалась ей Ирина: ему мѣшалъ тотъ страхъ за себя и за свою жизнь, который овладѣлъ имъ въ первый же вечеръ послѣ ея признанія, его охлаждала невольная дума, невольный порывъ къ чему-то иному и къ другой какой-то любви, и тяжелой тучей висѣло надъ юнымъ его счастьемъ это страшное *навсегда*. Но искренняя и счастливая любовь молодой дѣвушки уже стала на него оказывать вліяніе, неотразимо влекла его красота полюбившей Ирины, ея ласковыя улыбки и рѣдкіе, горячіе поцѣлуи, и чувство болѣе полное уже готово было загорѣться въ его сердцѣ, по крайней мѣрѣ на время. Любовь заразительна, и эта же любовь совершенно преобразила Ирину, сдѣлала ее милѣе, проще, а та доля сдержанности, которая никогда ея вполнѣ не покидала, еще болѣе заставляла она цѣнить ея любовь и немногія тихія ласки. Какъ любовался онъ Ириной, когда, оставаясь съ нимъ наединѣ, вдругъ вся мѣнялась она, любовью и нѣгой загорались ея красивые глаза, милая, счастливая улыбка оживляла ея личико, легкій румянецъ покрывалъ ея щеки и такая хорошенькая становилась она въ эти минуты! Пріятно было ему сознавать, что лишь онъ одинъ знаетъ и видитъ ее такой хорошенькой и милой, совершенно непохожей на ту гордую красавицу, которой всѣ такъ восхищались, и, цѣлуя ласкавшуюся къ нему дѣвушку, любуясь ею, онъ былъ близокъ къ тому, чтобы забыть это *навсегда* и беззавѣтно ее полюбить. Образъ нѣжной и любящей Ирины сталъ заслонять въ его сердцѣ другой ея образъ—и еще немного, совершилось бы невозможное: любовь обоюдная соединила бы людей несоединимыхъ.

Но невозможное остается невозможнымъ. Въ первые дни любовь совершенно поглотила Ирину, заставивъ ее забыть все остальное, но долго это продолжаться не могло, Ирина была не изъ тѣхъ, которыя живутъ одной только любовью, и даже не изъ тѣхъ, для которыхъ любовь самое главное въ жизни. Алгасовъ только-что начиналъ любить, понемногу весь отдаваясь Иринѣ, когда Ирина, очнувшись отъ первой минуты счастья, стала уже думать о жизни, и главное, о жизни удобной, покойной и блестящей, вполнѣ принаровленной къ ея любви и счастью.

Однажды, это было недѣлю спустя послѣ ихъ объясненія, гуляя, они разговорились о прошломъ, о Веденяпинѣ, о своемъ дѣтствѣ и обо всѣхъ тогдашнихъ прогулкахъ и играхъ; невольно увлекъ ихъ этотъ разговоръ, и все новыя и новыя картины возставали въ ихъ памяти.

Ирина вспомнила Семена Степановича. Алгасовъ съ жаромъ заговорилъ объ отцѣ, съ восторгомъ отзываясь о его умѣ, о его оживленіи, о его добротѣ и всегдашней готовности каждому помочь и быть полезнымъ.

— Да, онъ и отцу много помогалъ, замѣтила Ирина, и папа долженъ былъ сдать Блазны въ аренду, когда умеръ дядя. А между тѣмъ они вовсе не такіе вѣдь близкіе были...

— Т. е., какъ не близкіе? Двоюродные братья! Мать дяди была...

— Ну да, это я знаю, но развѣ это такое уже близкое родство—двоюродные?

— И не дальнее! Живемъ же мы дружно, а мы даже и не двоюродные, а троюродные...

— О, мы—мы почти чужіе! А какъ это счастливо, Саша! По крайней мѣрѣ насъ обвѣнчаютъ безъ хлопотъ.

— Да, безъ хлопотъ...

Одно это слово сразу пробудило въ Алгасовѣ всѣ его недавніе, задремавшіе было страхи и думы. „Навсегда“! вотъ что было теперь въ его головѣ, только это слово, это представленіе о чемъ-то неизбѣжномъ и вѣчномъ. Такъ просто и спокойно говорила Ирина о предстоящей ихъ сватьбѣ, и ясно было видно, что она не допускаетъ даже мысли о возможности какой-либо перемѣны. Дѣйствительно, она считала, что все уже порѣшено между ними, что слово *люблю* равносильно помолвкѣ, что ни ошибки, ни увлеченія—ничего подобнаго и быть не можетъ, что теперь, живя жизнью болѣе близкою, не изучаютъ они только, годятся ли они другъ для друга, а такъ, неизвѣстно лишь ради чего не пользуются офиціально жениху и невѣстѣ присвоенными правами и прерогативами. И какое-то непріятное, тяжелое впечатлѣніе произвело на Алгасова, что первая заговорила она о сватьбѣ, еще ничего на слыхавъ отъ него, ничего, кромѣ необдуманнаго, глупаго, насильно почти

вырваннаго этого *навсегда*. Точно цѣпи какія почувствовалъ онъ на себѣ, и цѣпи болѣе даже тяжелыя, чѣмъ самый бракъ, ибо онѣ были преждевременны и ненужны. И невольно спросилъ онъ себя—дѣйствительно ли хватитъ у него когда-нибудь духа воспользоваться тѣми преимуществами, которыя даетъ имъ ихъ дальнее родство?

Алгасовъ замолчалъ, весь поглощенный мрачными своими мыслями. Ирина шла рядомъ съ нимъ, спокойная и веселая, совсѣмъ и не замѣтивъ того тяжелаго впечатлѣнія, которое произвели на него ея слова: сама она давно уже ихъ забыла, такъ обыденны и просты казались они ей. Но Алгасовъ продолжалъ молчать. Ирина съ удивленіемъ взглянула на него.

— Что съ тобой, Саша? спросила она.

— Такъ... ничего... Комаровъ ужъ очень много, пойдемъ домой.

— Хорошъ! Идетъ со мной и думаетъ о комарахъ!

— Да вѣдь они—не ты, Ирина, они кусаютъ, и даже очень больно, попробовалъ онъ отшутиться.

— Но я-то не кусаюсь!.. быстро во всѣ стороны оглянувшись и положивъ ему руку на плечо, съ полной ласки улыбкой сказала Ирина.

— Ты-то... началъ было онъ, и запнулся, и ничего не сказалъ, молча лишь обнялъ ее одной рукой и тихо поцѣловалъ.

Ирина прижалась къ нему, положивъ къ нему на плечо свою красивую головку.

— Милый мой, я люблю тебя, шептала она.

Этотъ поцѣлуй хорошенькой дѣвушки и эти ласковыя слова, на мгновеніе помогли они Алгасову забыться, но лишь остался онъ одинъ, безъ Ирины—и снова встали передъ нимъ тѣ же думы и сомнѣнія, и въ тупомъ отчаяніи склонилъ онъ голову, даже и не пытаясь отъ нихъ отдѣлаться.

И много хорошихъ и часовъ, и дней портили они ему потомъ, безотвязно его преслѣдуя и уже не давая вполнѣ отдаться Иринѣ.

Но это было лишь начало. Ирина знала, что она любитъ Алгасова, что онъ тоже ее любитъ и что, слѣдовательно, не далѣе, какъ зимой, будетъ ихъ свадьба—съ этой стороны

все было ясно и не о чемъ было думать. Но любовь не ослѣпляла ея: перспектива быть женой отставного коллежскаго секретаря Александра Семеновича Алгасова нисколько не улыбалась ей, да врядъ ли и могла бы она полюбить какого-нибудь коллежскаго секретаря, хотя бы и Веденяпинскаго въ то же время помѣщика. Нѣтъ, въ Алгасовѣ она полюбила его будущую славу, его геній, въ который она увѣровала.—„Онъ самъ не знаетъ своихъ силъ", думала она. „Мнѣ выпала великая доля вдохновить его, но тѣмъ большая часть его славы будетъ принадлежать мнѣ"! Если прежде она говорила ему о великомъ его призваніи лишь изрѣдка и сдержанно, то теперь не то. Тогда ее останавливало то неудовольствіе, которое вызывали въ Алгасовѣ ея слова, теперь же она считала себя въ правѣ уже не обращать на это вниманія и не просить или совѣтовать, а требовать, ибо теперь это касалось и ея также самой. И едва прошли первые дни ихъ юнаго счастья, едва успѣла она насладиться этими днями и освоиться съ чарами любви, какъ она принялась уже работать надъ осуществленіемъ своихъ надеждъ и плановъ.

Они были въ саду, подъ тѣми же липами, гдѣ такъ еще недавно признавалась она ему въ любви. Ирина сидѣла на скамейкѣ, Алгасовъ полулежалъ на травѣ, у ногъ своей красавицы-подруги, и они продолжали модный въ то время разговоръ объ одномъ богачѣ, страстномъ охотникѣ, громадный капиталъ убившемъ на устройство образцовой, баснословно-роскошной охоты, за что единодушно накинулись на него всѣ фельетоны либеральныхъ газетъ [2]). Не было, казалось, достаточно словъ, чтобы выразить все омерзѣніе и презрѣніе, которое возбуждалъ этотъ богачъ въ благородныхъ сердцахъ фельетонистовъ. Онъ былъ у нихъ и безсердечнымъ эгоистомъ, и мотомъ, и Митрофанушкой, и паразитомъ на народномъ организмѣ и т. д., онъ же мечталъ воскресить нелѣпые и гнусные идеалы героевъ крѣпостного права, онъ же, кстати, оказался виновнымъ въ смерти какихъ-то двухъ старухъ, которыя будто бы гдѣ-то повѣсились отъ голода. По дорогѣ задѣли и членовъ общества Охоты, подписавшихъ адресъ богатому своему сочлену.

— Нельзя этого, Ирина, говорилъ Алгасовъ, нельзя требовать отъ человѣка, чтобы онъ непремѣнно жилъ согласно съ тѣми нравственными правилами, которыя вдругъ вздумалось тебѣ облюбовать и признать. Уважайте человѣка, свое богатство употребляющаго на дѣла добра, преклоняйтесь передъ нимъ, воздавайте ему какія угодно почести—и всякій пойметъ ваши чувства и раздѣлитъ ихъ, но нельзя отъ каждаго непремѣнно требовать доброты. Если человѣкъ совершилъ явное преступленіе—пусть его караетъ законъ. А дѣла, дозволенныя закономъ—оставьте ихъ на судъ Бога и собственной совѣсти человѣка. Жить хочетъ каждый и каждый по своему понимаетъ жизнь, и нельзя требовать отъ человѣка, чтобы онъ отказался отъ жизни, ибо жить и пользоваться жизнью—это святое, неотъемлемое его право.

— Но если онъ пользуется этой жизнью въ ущербъ жизни другихъ?

— Мы говоримъ про извѣстный случай, а тутъ есть ничто иное, какъ простое пользованіе правомъ собственности. Разъ цѣлый рядъ вѣковъ установилъ порядокъ, при которомъ существуетъ и признается собственность, несправедливо требовать отъ одного отдѣльнаго человѣка, чтобы именно онъ отказался отъ нея, и нельзя бросать въ него грязью, если онъ не повинуется этому требованію. Оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о самой собственности, хороша она или нѣтъ, просто нельзя требовать, чтобы отдѣльный человѣкъ отказался отъ привычекъ и потребностей, воспитанныхъ въ немъ существующимъ порядкомъ, ибо, первѣе всего, не виноватъ одинъ человѣкъ, что данный порядокъ существуетъ и воспиталъ его, вызвавъ въ немъ тѣ, а не другія привычки и желанія. Не ненависть, не презрѣніе должны мы чувствовать при видѣ всякаго срединнаго человѣка, а скорѣе снисхожденіе, и въ крайнемъ уже случаѣ—равнодушіе.

— Саша, но мы тутъ видимъ безцѣльное, глупое мотовство, швырянье денегъ, которыя такъ нужны, и особенно теперь, когда цѣлая губернія голодаетъ...

— Не онъ виноватъ, что она голодаетъ! Я не говорю уже о томъ, что мы бранимъ его, не зная даже навѣрное,

точно ли отказалъ онъ въ помощи голодающимъ, а вѣдь можетъ случиться, что онъ далъ, и даже больше нашего, что тогда? За что клевещемъ мы на невиннаго? Но хотя бы и ничего не далъ онъ, что это доказываетъ? Люди бываютъ разные. Одни такъ созданы, что кусокъ не пойдетъ имъ въ горло при одномъ даже слухѣ о страданіяхъ другихъ, которые всѣмъ готовы дѣлиться, да и не только дѣлятся, а все отдаютъ, ничего не оставляя себѣ. Мы имъ удивляемся, мы уважаемъ, любимъ ихъ—и совершенно справедливо! Другіе иначе созданы и до тѣхъ поръ способны беззаботно наслаждаться всѣми благами жизни, пока страданія и бѣдствія происходятъ гдѣ-то вдали и до нихъ доносятся только слухи объ этихъ бѣдствіяхъ. Такихъ людей большинство, десятки, если не сотни милліоновъ, и уже это одно доказываетъ, что подобное отношеніе къ несчастьямъ нашихъ ближнихъ есть преобладающая черта въ характерѣ людей, т. е. въ характерѣ человѣка вообще... Наконецъ, третій сортъ людей, тѣ, которыхъ не трогаетъ и самый видъ страданій—но я и тѣхъ не сталъ бы чернить. Пускай ихъ! Не мнѣ ихъ судить и карать. Ихъ самихъ я не исправлю моими словами, ихъ же примѣромъ другіе не заразятся, этого бояться нечего, не заразятся именно потому, что они иные люди, иначе созданы, и просто силъ не хватило бы у нихъ хладнокровно смотрѣть на чужія страданія. Слѣдовательно, скажи, какая цѣль всѣхъ подобныхъ осужденій?

— Но какъ же будетъ идти прогрессъ гуманности, если равнодушно молчать обо всѣхъ возмутительныхъ явленіяхъ жизни?

— Не знаю какъ, но только не нравственными проповѣдями о добродѣтели. О ней, во-первыхъ, всѣ уже знаютъ, а во-вторыхъ—есть болѣе сильныя и болѣе могучія слова, да и тѣ плохо на насъ дѣйствуютъ. Ты же говоришь объ указаніяхъ на возмутительныя явленія, ну а подѣйствовали ли они на тебя, эти указанія? Ты возмущена поступкомъ Борецкаго, ты согласна съ этими фельетонами, ты восхищаешься ими и всѣ ихъ читаешь. Но скажи пожалуйста, почему не замѣнишь ты хорошенькіе эти свои часики—ну хоть серебряными, и не пошлешь разницы въ цѣнѣ какимъ-нибудь голодающимъ? А между тѣмъ однихъ брилліантовъ,

которыми осыпаны эти часики, хватило бы для спасенія отъ голода нѣсколькихъ семей.

— Но послушай, это уже крайности...

— Почему? Почему запрещаешь ты Борецкому имѣть дорогую охоту, а сама хочешь сохранить дорогіе часы? Проведи параллель между твоимъ состояніемъ и состояніемъ Борецкаго, и пожалуй выйдетъ, что его охота ему болѣе по средствамъ, чѣмъ тебѣ—твои брилліанты.

— Я не знаю... Это уже совсѣмъ иной разговоръ...

— Иной, потому что онъ прямо уже насъ съ тобой касается. Или такъ успокоили тебя тѣ 100 рублей, которые ты подписала на дняхъ? Такъ, можетъ, Борецкій и нѣсколько десятковъ тысячъ подписалъ, почемъ мы знаемъ? Ирина, всякая прихоть есть и остается прихотью, стоитъ ли она сто тысячъ или сто рублей. Если быть послѣдовательнымъ, то, запрещая другому его прихоти, надо сначала отказаться отъ своихъ, а идя по этому пути, естественно придешь къ вопросу: что въ нашей жизни не прихоть? А иной мы не знаемъ. И хорошее вино—прихоть, и хорошее платье—прихоть, и пирожное, и чай, и кружева, и ложа въ бель-этажѣ, и просторная квартира, и перчатки, пожалуй, и сама даже либеральная газета въ 17 рублей—все это прихоти. А не только—согласишься ли ты, просто, можно ли, въ силахъ ли ты отказаться отъ этихъ прихотей, да и многіе ли въ силахъ? Ну разъ, ну два ты отъ чего-нибудь откажешься, но что эти два раза въ цѣломъ морѣ прихотей, составляющихъ нашу жизнь, до того сплотившихся съ нами, что онѣ стали даже потребностями, и потребностями первой необходимости? Нѣтъ, Ирина, не такими пошлыми нападками на склонности и радости человѣка двигается впередъ цивилизація и гуманность. И вотъ тебѣ доказательство. Всѣ мы читали эти фельетоны, вслѣдъ за ними всѣ мы возмущались поступкомъ Борецкаго, всѣ мы осуждали его, а укажи мнѣ, кто изъ насъ хотя бы отъ одного хорошаго обѣда, отъ одной хоть бутылки шампанскаго, отъ одного единственнаго, я уже не говорю брилліанта, а хоть рубина отказался изъ-за этихъ фельетоновъ? Губернія-то вонъ голодаетъ, а мы съ тобой, имѣя прекрасныя городскія квартиры съ садами при нихъ—мы все-таки для болѣе чистаго

воздуха переѣхали на дачи, между тѣмъ какъ у насъ есть и деревенскіе дома, которые стоятъ пустыми... Подумай, вѣдь на деньги, заплаченныя за наши дачи, можно бы спасти отъ голода порядочную деревушку! Нѣтъ, Ирина, будь строга къ себѣ и снисходительна къ другимъ, къ ихъ слабостямъ и даже недостаткамъ, этимъ скорѣе заслужишь ты и миръ душевный, и любовь и уваженіе людей, а можетъ, и хорошимъ примѣромъ кому послужишь. Но если не въ силахъ ты быть строгой къ себѣ, не я тебя стану осуждать за это. Живи и пользуйся жизнью, это твое право, но и другимъ давай жить, уважай ихъ свободу дѣлать добро или зло, вспомни, Самъ Господь далъ ее людямъ, и ты хочешь ея коснуться?...

— Свободу даже совершать преступленія?

— Да! Господь ее далъ и люди пользуются ею. Но самыя рѣзкія преступленія, слишкомъ уже нарушающія свободу и жизнь другихъ, люди караютъ ихъ по праву самозащиты, а вовсе не съ цѣлью возмездія за нарушеніе завѣта не дѣлать зла.

— А тутъ развѣ не то же самое? Тратить по сто тысячъ въ годъ на собакъ...

— Опять повторяю, пользованіе правомъ собственности, правомъ, на которомъ цѣлые вѣка зиждется общество—это не есть и не можетъ быть преступленіемъ караемымъ, потому уже не можетъ имъ быть, что, если не дѣломъ, то хоть мыслью, но это есть преступленіе слишкомъ уже громаднаго большинства, а подумай, Ирина, можетъ ли существовать причина выше и уважительнѣе? Споръ противъ собственности, это иной вопросъ, но плохое это ученіе, если оно нуждается въ нападкахъ на личности! Вотъ если когда-нибудь отрицаніе собственности станетъ убѣжденіемъ большинства, тогда сама собою падетъ собственность, ибо отъ нея откажутся сами собственники, и тогда послѣднихъ могиканъ стараго ученія можно уже будетъ побивать и насмѣшкой, и презрѣніемъ, и чѣмъ угодно, ибо это дѣйствительно будутъ уже личности. А теперь нельзя этого, больше даже, подобныя нападки вредятъ тому самому прогрессу гуманности, двигателями котораго ты ихъ считаешь. Тебя это удивляетъ? А это очень просто: всѣ мы живемъ и по-

ступаемъ, какъ Борецкій, разница только въ суммѣ, но я поневолѣ ни на собакъ и ни на что другое не истрачу ста тысячъ, ибо у меня ихъ и нѣтъ. Наша жизнь, сопоставленная съ бѣдствіями нашихъ ближнихъ и уже тѣмъ болѣе съ ужасами голода—не можетъ она не вызывать въ насъ хоть легкихъ упрековъ совѣсти, хоть мимолетной непріятной думой да отзовется она, а иногда и разростется эта дума... А тутъ вдругъ подвертывается намъ Борецкій съ безумной своей тратой на охоту, мы, разумѣется, въ благородномъ негодованіи, слѣдствіемъ этого негодованія является мысль, что вотъ, молъ, какіе мы молодцы, мы этого не дѣлаемъ, и расходимся мы, совершенно довольные собой, примирившись даже съ своей совѣстью, ибо самое наше негодованіе на Борецкаго естественно уже представляется намъ добрымъ дѣломъ, чуть не стоющимъ даже награды, а громадность его траты подавляетъ въ насъ всякую мысль о нашихъ подобныхъ же грѣхахъ, которые, по своей мелочности, какъ будто блѣднѣютъ и теряются передъ его грѣхомъ. Ишь чѣмъ нашли удивить! Сто тысячъ! Да что значатъ и сто тысячъ предъ моремъ народной нужды? Ужасное преступленіе: человѣкъ любитъ охоту, и хочетъ завести у себя хорошую охоту!...

Ирина молчала. Эта длинная рѣчь произвела на нее впечатлѣніе.

— Много это денегъ—сто тысячъ, снова началъ Алгасовъ, но какъ ихъ ни верти—это всего лишь триста пятьдесятъ на ассигнаціи и больше ничего. А если бы мы были послѣдовательны, если бы всѣ, кидающіе теперь грязью въ Борецкаго, ну хоть для того, чтобы имѣть *право* на это удовольствіе, если бы всѣ они отказались отъ половины, куда! отъ четверти, отъ десятой доли своихъ прихотей, изъ этихъ пожертвованій составились бы такіе милліоны, что самыя эти сто тысячъ можно бы прямо отбросить для округленія цифры.

— Послушай, милый, отчего же такъ все это неладно, такъ идетъ въ разрѣзъ одно съ другимъ, гдѣ же выходъ изъ этихъ противорѣчій? помолчавъ, спросила Ирина.

— Его нѣтъ, Ирина! Разная жизнь и разныя требованія отъ жизни—они необходимо вызываютъ эти противорѣчія и

доколѣ жизнь не объединится въ одномъ требованіи жизни, счастья и свободы, не смѣшивая этихъ понятій съ комфортомъ и парламентомъ, доколѣ я буду хотѣть одного, а ты другого, дотолѣ эти противорѣчія неизбѣжны. Они грустны, я согласенъ, они многое намъ отравляютъ, но съ ними приходится мириться, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ...

— А это возможно? Возможно ей объединиться?

— По крайней мѣрѣ надо вѣрить въ это...

— Въ чемъ же, на какой почвѣ произойдетъ это объединеніе?

Алгасовъ долго молчалъ, опустивъ голову.

— Еслибъ это знали, Ирина, тихо произнесъ онъ наконецъ, неужели думаешь ты, что сами люди захотѣли бы удержать у себя ту неурядицу, которая называется у насъ цивилизованной общественной жизнью?

— Но если это невозможно, какъ же вѣрить въ это?

— Несуществующее не есть еще невозможное. Давно ли и въ поминѣ даже не было желѣзныхъ дорогъ, а теперь мы почти ужъ и забыли, что это за штуки такія—дормёзъ и почтовая кибитка?

— Значитъ, мы должны вѣрить въ несуществующее и неизвѣстное?

— Но какъ же найдутъ люди это неизвѣстное, если вѣрой въ него не будетъ освѣщена вся ихъ жизнь, если не будетъ она полна исканіемъ его и стремленіемъ къ нему?

Ирина ничего ему на это не сказала.

Оба они замолчали. И подъ впечатлѣніемъ горячей его рѣчи съ новой силой проснулись въ головѣ Ирины ея мечты и надежды, и въ первый разъ послѣ ихъ объясненія тутъ обратилась она къ нему съ прежнимъ совѣтомъ:

— Саша, милый, съ волненіемъ заговорила она, и не стыдно, не грѣхъ тебѣ скрывать эти мысли?

— Что скрывать?

— Ну вотъ яркій примѣръ—эта исторія съ Борецкимъ, насколько мнѣнія и взгляды общества расходятся съ твоими убѣжденіями. Неужели тебѣ это все равно, неужели не хочется тебѣ выступить борцомъ за свои убѣжденія? А между тѣмъ съ какимъ жаромъ, съ какой силой ты гово-

ришь! Но что толка говорить, когда я только одна могу тебя слышать? А ты могъ бы убѣждать...

— Ирина, да мнѣ гораздо пріятнѣе говорить тебѣ, чѣмъ даже цѣлой аудиторіи, улыбаясь, попробовалъ возразить Алгасовъ.

— Ты, можетъ быть, думаешь сказать мнѣ этимъ что-нибудь очень пріятное? Ошибаешься! Я и такъ тебя знаю, но еслибы съ этой же рѣчью я увидѣла тебя передъ другими, борцомъ за истину, учителемъ людей, на вершинѣ славы—насколько больше тогда я любила бы тебя, Саша, какъ бы я гордилась и тобой, и твоей любовью, и твоей славой, и твоимъ геніемъ, который, можетъ быть, мнѣ только одной и извѣстенъ теперь. Ахъ, Саша, Саша!

Алгасовъ не сразу ей отвѣтилъ.

— Ирина, это невозможно... проговорилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, Саша. Тебѣ лѣнь работать, ты не хочешь, я ужъ и не знаю что, но ты можешь работать, ты много имѣешь сказать людямъ, въ этомъ я убѣждена. И ты долженъ работать, это твой долгъ. Богъ предназначилъ тебѣ славу и безсмертіе, и грѣхъ будетъ, если ты пренебрежешь этимъ Его даромъ...

— Если суждена мнѣ слава—я и получу ее. А сейчасъ—я и не знаю даже, какъ добиваться ея, что для этого дѣлать, и я не могу...

— Это не оправданіе: не могу! Не могу—значитъ: не хочу, для твердой воли нѣтъ препятствій. Но ты неправъ, Саша, неправъ передъ другими, передъ собой и наконецъ—передо мной! Твоя слава, эта награда за твой трудъ—мнѣ суждено раздѣлить ее съ тобой, и какое право имѣешь ты лишать этой славы меня, меня, которую ты любишь?

— Ты не хочешь понять меня, Ирина. Это грустно! Повѣрь, если когда-нибудь примусь я за перо, такъ во всякомъ уже случаѣ сдѣлать это заставитъ меня не такой пустякъ, какъ нашъ сегодняшній разговоръ. Не знаю, важны ли тѣ мысли, которыя я тебѣ высказалъ, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ это ничтожный лишь отрывокъ изъ общей системы, внѣ которой онъ имѣетъ весьма мало цѣны. Эта система—это жизнь, гармоничная и счастливая, обьединяю-

щая все человѣчество въ одномъ культѣ счастья, свободы и радостей. Вотъ цѣль моихъ исканій, цѣль всей моей жизни, если только я съумѣю и буду въ силахъ такъ ее направить, чтобы уяснить себѣ хотя путь, ведущій къ этой цѣли... Но пока я не знаю даже и намека на этотъ путь, и скажи, Ирина, какой же я учитель? Я самъ ученикъ! Только въ этомъ исканіи, только въ немъ моя сила, для проповѣди же требуется другое—знаніе и вѣра. Неужели же все дѣлается только изъ-за награды? Моя жизнь посвящена исканію истины и правды. Очень можетъ быть, что другой, а не я, воспользуется тѣмъ, къ чему я приду—и неужели моя темная жизнь станетъ отъ этого безполезной и дурной?

— Къ чему же свое уступать другому?

— Если придется, если другой лучше и яснѣе меня поймётъ и съумѣетъ изложить мои мысли? Я хочу жить, Ирина, ибо я вѣрю, что только жизнь можетъ привести меня къ рѣшенью моей задачи. И если это рѣшенье будетъ истиной, я вѣрю, что такъ или иначе—а не пропадутъ плоды моихъ исканій и моей жизни, и не надо мнѣ иной награды.

— И даже мою любовь не захочешь ты заслужить трудомъ и славой?

— Ты знаешь все внутреннее содержаніе моей жизни, и тебѣ этого мало, чтобы любить меня? Тебѣ нужно еще внѣшнихъ отличій? Значитъ, я, самъ по себѣ, я не стою твоей любви?

— Ты не такъ меня понялъ, начала слегка смущенная Ирина. Но даже и ученическія твои упражненія, какъ ты ихъ называешь, и они важны, и они нужны и полезны людямъ, вотъ почему хоть чѣмъ-нибудь да хочу я заставить тебя трудиться.

— Ты судишь за меня и обо мнѣ! Это странно! Я тебѣ говорю, что не чувствую никакого внутренняго призванія къ этому труду, и ты не вѣришь мнѣ, значитъ, ты сомнѣваешься въ искренности моихъ словъ? Ты мнѣ не вѣришь, что я не имѣю для передачи людямъ ничего яснаго, опредѣленнаго, ничего вполнѣ доказаннаго жизнью и моимъ разсудкомъ? Ну хорошо, положимъ, я послушаюсь тебя, рѣшу сдѣлаться сочинителемъ. Начало легко: поѣхать къ Даціаро, купить бумаги, перьевъ и чернилъ, сшить тетрадь

и сѣсть за столъ, все это очень быстро, точь въ точь, какъ быстро двинулось дѣло Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, то самое дѣло, которое потомъ лежало, лежало, лежало... Не то же ли случится и со мной? Что я начну писать? Будетъ ли это философскій трактатъ о добродѣтели, политико-ли-экономическая статья о вредѣ неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ, или же историческое разъисканіе о предкахъ Бирона съ материнской стороны, или же наконецъ—романъ, поэма, драма, комедія, трагедія, водевиль, ну что это будетъ?

— Пишутъ же другіе!..

— Но вѣдь другіе и воюютъ, и торгуютъ, и служатъ, и рисуютъ, и путешествуютъ. Каждый дѣлаетъ то, къ чему онъ призванъ. Тургеневъ великій писатель, но если бы, позавидовавъ славѣ Брюллова, остался онъ при первоначальныхъ своихъ занятіяхъ живописью, очень можетъ быть, что вмѣсто геніальныхъ повѣстей, мы имѣли бы лишь посредственныя какія-нибудь картины...

— Но, Саша, какъ бы я была счастлива, какъ бы я любила тебя!

Тяжело и горько стало на душѣ у Алгасова отъ этихъ словъ.

— Ирина! началъ онъ, и вся горечь эта сказалась въ одномъ этомъ словѣ. Ирина поняла, что она зашла слишкомъ далеко.

— Ну прости меня, милый, дорогой, начала она, обнимая и цѣлуя его. Что же дѣлать, если я слишкомъ люблю тебя?...

Почти машинально отвѣчалъ на ея поцѣлуи Алгасовъ. Даже и эти ласки молодой дѣвушки, противъ обаянія которыхъ никогда не могъ онъ устоять, и онѣ даже не могли на этотъ разъ вполнѣ изгладить впечатлѣнія, произведеннаго ея послѣдними словами.

— Повѣрь мнѣ, Ирина, началъ онъ, грустно глядя вдаль, ничего нельзя дѣлать насильно, и если нѣтъ искренняго призванія къ дѣлу, то это значитъ, что дѣло это и не нужно...

— Ну милый, прости свою Ирину, поцѣлуй ее, вѣдь о тебѣ же думаетъ она, ну перестань сердиться!

Алгасовъ улыбнулся и взглянулъ на Ирину, и такъ хороша была она, такъ безукоризненно-красиво было въ ней все, до маленькой ножки въ щегольской ботинкѣ, до послѣдней складки на платьѣ—что не могъ онъ, хотя на минуту, не забыть своего огорченія и одно только видѣть и чувствовать—ея красоту, ея любовь и ласки.

Но все-таки разговоръ этотъ не прошелъ вполнѣ безслѣдно и новый ударъ нанесъ онъ чувству Алгасова. Еще мучительнѣе стали теперь для Алгасова часы колебаній и сомнѣній въ своей любви и въ своемъ будущемъ и еще безотраднѣе—думы объ этомъ будущемъ.

А Ирины не смутила первая неудача. Ея мечты ее слишкомъ соблазняли и слишкомъ вѣрила она, что осуществимы и возможны эти мечты. Среди поцѣлуевъ и словъ любви часто заводила она все тѣ же разговоры, хотя менѣе настоятельные, но всегда кончавшіеся тѣмъ, что онъ долженъ это сдѣлать, что она имѣетъ право на эту жертву съ его стороны. Ирина вѣрила, что въ концѣ концовъ онъ ей все-таки уступитъ, и потому не оставляла упрямыхъ своихъ домогательствъ, крайне мучительно отзывавшихся на душѣ Алгасова.

— Саша, начала однажды Ирина, ты говоришь, что цѣль жизни—это счастье.

— По крайней мѣрѣ въ жизни я не вижу ничего лучшаго и болѣе достойнаго нашихъ исканій. Но въ чемъ оно, гдѣ найти его, вотъ вопросъ!

— Искать его надо въ томъ, что всего дороже людямъ, чего они сами всего болѣе себѣ желаютъ...

— Это такъ, но прошлое, къ сожалѣнію, не оставило намъ никакихъ ясныхъ указаній на то, что всего дороже людямъ и всего имъ нужнѣе. Нѣтъ ни одного человѣка, вся жизнь котораго не была бы одушевлена жаждой счастья, стремленіемъ къ нему, исканіемъ его, но каждый преслѣдуетъ свой собственный идеалъ счастья и оттого такое разнообразіе жизненныхъ стремленій, другъ другу мѣшающихъ и потому уже ложныхъ. Жизнь не борьба, по крайней мѣрѣ, не должна ею быть. Если-бъ идеалъ счастья уже былъ нами сознанъ—жизнь, согласная съ нимъ, была бы жизнью любви, а не борьбы...

— Въ такомъ случаѣ, въ чемъ же состоитъ прогрессъ, какъ не въ безпрестанномъ приближеніи къ этому идеалу?

— Да. Быть-можетъ, человѣчество и далеко еще отъ сознанія идеала счастья, но, несомнѣнно, оно стремится къ нему и рано или поздно, а достигнетъ его...

— Но если такъ, вся міровая исторія въ сущности должна быть исторіей стремленія къ нему человѣчества, хотя, можетъ-быть, и медленнаго?

— Это вѣрно, я такъ и смотрю на нее.

— Саша, съ волненіемъ начала Ирина, вотъ тебѣ дѣло, великое дѣло! Возьми это, какъ руководящій взглядъ на исторію, напиши ее, освѣтивъ этимъ фонаремъ ея событія. Чѣмъ принесешь ты болѣе пользы, въ чемъ, какъ не въ подобномъ трудѣ, полнѣе разовьешь свои мысли, что, наконецъ, лучше тебѣ поможетъ самому себѣ уяснить идеалъ счастья?

— Я думалъ объ этомъ, и я много занимаюсь исторіей, ибо, дѣйствительно, ничто не можетъ мнѣ дать болѣе полныхъ указаній на то, гдѣ и въ чемъ искать отвѣта на мой вопросъ. Но дать этотъ отвѣтъ должна и можетъ жизнь—и только жизнь. А пока еще она не дала его, до тѣхъ поръ нельзя приниматься за исторію. Надо знать, что есть идеалъ счастья, чтобы подмѣтить всѣ малѣйшія проявленія стремленій къ нему человѣчества, стремленій, часто совершенно инстинктивныхъ. Для подобной работы не годятся наши разнообразныя понятія о счастьи, ибо исторія должна тутъ быть не полемъ исканія, а доказательствомъ.

— Послѣ тебя другіе дальше пойдутъ, но и ты, какъ много ты можешь сдѣлать своимъ трудомъ, хотя бы и несовершеннымъ, положивъ начало такому взгляду на исторію...

— Къ чему тратить время на трудъ несовершенный, заранѣе зная, что совершеннымъ онъ и не будетъ, и не можетъ быть? Тутъ не въ началѣ дѣло. Разъ узнаютъ люди истинный идеалъ счастья, тогда взглядъ на исторію, вѣрнѣе—на смыслъ ея событій, онъ тотчасъ же измѣнится самъ собой.

— Саша, но твои невольныя ошибки не уменьшатъ ни

цѣны твоего труда, ни твоей славы... Она останется за тобой, какъ слава перваго на этомъ пути...

— Опять, Ирина!

И снова принималась она поцѣлуями и лаской заглушать произведенное ея словами непріятное впечатлѣніе, продолжая вѣрить, что въ концѣ концовъ побѣда все-таки останется за нею. Но Алгасовъ не высказывалъ ей тайныхъ своихъ думъ и потому не могла она знать, какой осадокъ остается на его душѣ ото всѣхъ ея подобныхъ рѣчей.

А не высказывалъ онъ ей ничего, потому что и самъ не понималъ еще хорошенько, что съ нимъ происходитъ, откуда эта неполнота его любви, между тѣмъ, какъ онъ все-таки чувствовалъ, что есть въ Иринѣ что-то, что влечетъ его...

Въ другой разъ они вмѣстѣ читали романъ, печатавшійся въ одномъ журналѣ.

— Какъ это приняли въ журналъ подобную вещь? было первымъ словомъ Ирины, когда Алгасовъ кончилъ читать.

— Да, написано плохо, отвѣтилъ онъ, а вдумайся въ смыслъ романа, какое богатое содержаніе, какъ много можно бы сказать по поводу затронутыхъ здѣсь вопросовъ...

И онъ сталъ развивать свой взглядъ на только что прочитанный романъ, показывая, что написано и что могло бы быть написано, если бы авторъ иначе взглянулъ на тотъ же предметъ и имѣлъ больше силъ для его выполненія. Ирина жадно его слушала.

— Саша, начала она, напиши все такъ, какъ ты говоришь, какъ это будетъ хорошо!

— Будетъ ли? Быть критикомъ и писателемъ, вѣдь это не одно и то же....

— Будетъ, Саша, я знаю, что будетъ! Ну сдѣлай это для меня, пусть это будетъ твой первый подарокъ мнѣ, вѣчный памятникъ начала нашей любви...

Алгасовъ не сразу ей отвѣтилъ.

— Не могу, Ирина, началъ онъ наконецъ, опять повторяю, не могу дѣлать что-либо насильно...

— Даже для меня?

Алгасовъ нахмурился и ничего ей не отвѣтилъ. Ирина тоже замолчала.

И мало-по-малу началъ наконецъ понимать Алгасовъ, что внутренней связи нѣтъ у него съ Ириной и потому-то такъ пугаетъ его ея любовь. Ему стало ясно, что онъ увлекся внѣшностью Ирины, ея наружнымъ вниманіемъ къ его словамъ, а также и тѣмъ, наконецъ, что слишкомъ уже труднымъ и даже невозможнымъ, пожалуй, казалось ему сначала добиться ея любви. Понялъ онъ источникъ и этой любви ея: и въ немъ не имъ самимъ, не душой его увлеклась Ирина, не его взглядами и даже не внѣшностью его, а внѣшнимъ лишь блескомъ его краснорѣчія. Ему стало ясно, что Ирина не можетъ понять его стремленій, того, что составляетъ сущность всей его жизни, а потому и требуетъ отъ него невозможнаго, не сознавая даже, какъ она мучаетъ его этими требованіями. И при такихъ-то условіяхъ должны они соединиться, чтобы рука объ руку идти въ жизни? Да возможно ли это? Одна красота и внѣшность—это связь непрочная. Ей скоро наскучатъ тѣ самыя тирады его, которыми теперь она такъ любуется, ему приглядится ея красота, и что будетъ тогда, что станутъ они дѣлать? съ ужасомъ думалъ Алгасовъ.

Понялъ онъ наконецъ, почему постоянно смущала его мысль, что не одна же Ирина хороша, что и кромѣ нея есть еще много хорошенькихъ. Красота Ирины владѣла имъ безраздѣльно, порабощала его, неотразимо влекла его къ себѣ—а думы о томъ, что есть хорошенькія и кромѣ Ирины, эти думы все-таки не покидали его. Припоминая прошлое, онъ видѣлъ, что ничего подобнаго не бывало еще съ нимъ никогда, что въ періодъ и полу-дѣтской даже любви его къ Нинѣ Измайловой, и тогда совершенно не существовали для него другія красавицы. Онъ жилъ среди нихъ, онъ видѣлъ ихъ каждый день и даже не думалъ о нихъ и не замѣчалъ ихъ. Теперь же ни одной, не только хорошенькой, но даже просто ни одной молодой дѣвушки не могъ онъ видѣть безъ острой, жгучей боли. Грустнымъ взглядомъ провожалъ онъ каждую встрѣчавшуюся дѣвушку, съ мучительной тоской вспоминая, что всѣ уже не существуютъ онѣ болѣе для него, что нечего уже любоваться ими и глядѣть на нихъ, что однимъ необдуманнымъ словомъ навсегда связанъ онъ съ Ириной.

Онъ понялъ теперь, что потому именно и пугаетъ его мысль о жизни съ Ириной, потому и не можетъ Ирина вызвать въ немъ беззавѣтнаго и полнаго чувства, что совершенно не годится она для него и не подходитъ ни къ его характеру, ни къ его жизни. Съ грустью сознавалъ онъ, что будь не такъ поразительно она хороша—и пожалуй и внѣшней даже связи не было-бы тогда между ними...

Если и прежде ему были мучительны его еще неясныя сомнѣнія въ своей любви, то насколько тяжелѣе стало ему теперь, когда завѣса спала съ его глазъ и онъ увидѣлъ, что и надежды не можетъ у него быть на возможность счастья съ Ириной, даже на возможность простого съ ней согласія, а между тѣмъ тяжелымъ камнемъ висѣло надъ нимъ это слово: навсегда. Глубокая и спокойная увѣренность Ирины въ ихъ сватьбѣ (она даже назначила ее зимой, послѣ Рождества), эта увѣренность не давала Алгасову хоть пока-то считать себя свободнымъ, хоть на минутку обмануть себя сладкой мечтой, и въ то же время отнимала у него послѣднія силы для борьбы за свою свободу. У него духа не хватало сказатьИринѣ, что сватьба эта не рѣшена еще навѣрное; и потому не хватало, что страшно было ему коснуться этой глубокой ея увѣренности, и потому, что онъ еще чувствовалъ что-то въ родѣ любви къ Иринѣ, Ирина еще нравилась ему и влекла его къ себѣ и не могъ онъ рѣшиться на рѣзкій разрывъ; а ко всему еще присоединялось дѣтское желаніе какъ-нибудь не слишкомъ уже прямо и съ честью отказаться отъ даннаго слова.

Одно только понималъ онъ въ этомъ хаосѣ, что бракъ ихъ невозможенъ и не долженъ состояться, и Алгасовъ внутренно чувствовалъ, что этотъ бракъ и не состоится. Но бракъ этотъ былъ слишкомъ въ то же время очевиденъ, и Алгасовъ то и дѣло переходилъ отъ глубокаго унынія, отъ пламенной молитвы, чтобы спасъ его Господь отъ ужаснаго брака, къ ясной увѣренности, что брака этого не будетъ, хотя и не могъ понять Алгасовъ, какимъ чудомъ избавитъ его Господь отъ неминуемаго.

— И что тогда всѣ мои мечты о счастьи, о жизни, что съ ними будетъ? съ тоской думалъ онъ по цѣлымъ ночамъ.

А въ то же время, чѣмъ яснѣе становилось ему, что,

какъ бы то ни было, а непремѣнно надо покончить съ Ириной, когда, еще не смѣя проявиться наружу, таилась уже въ душѣ его увѣренность, что онъ и покончитъ съ нею, въ то же время еще дороже становилась ему Ирина, но дороже все тѣмъ же внѣшнимъ чувствомъ. Когда онъ бывалъ возлѣ нея, онъ не могъ на нее наглядѣться, не спускалъ съ нея глазъ, не отходилъ отъ нея, словно спѣша вполнѣ насладиться послѣдними поцѣлуями красавицы. Онъ и жаждалъ разрыва съ нею, мучительно жаждалъ, и боялся о немъ думать, въ ужасъ приводила его мысль потерять красавицу Ирину... И такъ проходили цѣлыя недѣли: днемъ страстные поцѣлуи, по ночамъ отчаяніе, слезы, молитвы.

Если раньше его неопредѣленныя думы ничѣмъ не проявлялись въ его разговорахъ съ Ириной, то теперь, когда все болѣе или менѣе уже уяснилось ему, теперь то и дѣло стали прорываться въ его словахъ оговорки, имѣвшія цѣлью сохранить ему хоть тѣнь свободы, хоть нѣсколько смягчить это страшное *навсегда*. Алгасовъ и самъ не зналъ хорошенько, какъ это устроить и возможно ли это, но слишкомъ уже великъ былъ его страхъ передъ грознымъ *навсегда*, и страхъ этотъ не могъ не прорываться наружу.

Въ эти минуты въ путаныхъ фразахъ говорилъ онъ Иринѣ, что, не смотря на всю свою любовь къ ней, не можетъ онъ обѣщать ей безусловной вѣрности, что слишкомъ уже манитъ его жизнь со всѣми ея волненіями, блескомъ и красотой, что не чувствуетъ онъ въ себѣ силъ вполнѣ и навсегда, безо всякихъ думъ о нихъ, отказаться отъ всѣхъ чаръ веселья и жизни.

Ирина нетерпѣливо и съ досадой принимала эти оговорки. Изъ нихъ она выводила заключеніе, что онъ ея совсѣмъ и не любитъ, укоряла его за это, говорила, что если такъ, то имъ лучше теперь же разойтись...

Въ душѣ и Алгасовъ былъ съ этимъ согласенъ, но у него не хватало смѣлости высказать это прямо или даже молча принять это предложеніе Ирины, ему мѣшалъ мальчишескій стыдъ отказаться отъ своихъ словъ, да и больно было бы ему совсѣмъ разойтись съ Ириной... Ему хотѣлось сохранить ея любовь, любить ее, но, любя, быть свободнымъ и не имѣть въ виду неизбѣжной сватьбы и непремѣнно въ

будущемъ январѣ, а высказать этого онъ не умѣлъ. И онъ оправдывался передъ Ириной своей молодостью и доказывалъ ей, что, чувствуя себя хоть пока, хоть отчасти свободнымъ, ему легче будетъ любить ее, не думая о другихъ и объ утраченной свободѣ.

Ирина знала одну только любовь, вѣчную и неизмѣнную, любовь до гроба, другой она не понимала и не признавала. Безъ страха и колебаній отдавала она свою свободу, которая, впрочемъ, и не имѣла въ ея глазахъ никакой цѣны, и не могла Ирина понять, что заставляетъ его такъ дорожить его свободой и почему такъ пугаетъ его сватьба, къ которой сама Ирина относилась совершено спокойно. Ея холодная любовь понимала еще окончательный разрывъ, но не допускала и мысли о какой бы то ни было свободѣ для него—и слова его и удивляли, и раздражали, и огорчали ее; не умѣла она снисходительно отнестись къ этимъ послѣднимъ проявленіямъ его молодости и не сознавала, сколько выиграла бы она подобнымъ отношеніемъ къ нему. А она напротивъ, она или требовала отъ него любви безграничной и вѣчной, или же говорила о разлукѣ, не вѣря ему, что онъ любитъ ее, и нерѣдко разговоры эти кончались у нихъ прощаніемъ: они разставались. Но какъ вызванныя разсудочными только соображеніями, разставанія эти были непродолжительны. Обоимъ одинаково еще не хотѣлось расходиться: Ирина любила его, да и онъ еще чувствовалъ къ ней привязанность, а насильственная разлука — еще дороже дѣлала она ему красоту и поцѣлуи Ирины. Два, три дня проходили такимъ образомъ одинаково для обоихъ тоскливо и скверно, а затѣмъ и онъ, и она—оба одновременно дѣлали первый шагъ къ примиренію и у обоихъ не хватало духа отказаться отъ примиренія. Они снова сходились, взаимно обѣщая другъ другу оставить всякіе разговоры и думы о будущемъ. Но это было невозможно. День, другой проходили тихо, а тамъ самъ собой опять выдвигался вопросъ о будущемъ и начинались тѣ же переговоры, и снова разрывъ, тоска, примиреніе—въ томъ же порядкѣ слѣдовало все это одно за другимъ, не давая имъ ни покоя, ни счастья, и лишь безполезно утомляя обоихъ.

А между тѣмъ кончилось лѣто и настало время переби-

раться въ городъ. Въ началѣ сентября Константинъ Платоновичъ собирался въ Петербургъ, чтобы напомнить о себѣ своимъ покровителямъ и похлопотать о своей дальнѣйшей карьерѣ. Мать и сестра ѣхали съ нимъ.

Легче какъ-то стало Алгасову безъ Ирины; хоть на часокъ по крайней мѣрѣ могъ онъ забыть о неизбѣжной сватьбѣ, и онъ вздохнулъ наконецъ свободно. Частыя свиданья уже не напоминали ему ежеминутно обо всѣхъ антипатичныхъ ему чертахъ въ характерѣ Ирины; мечтая о ней, онъ помнилъ только то, что онъ въ ней любилъ и цѣнилъ, и еще дороже и милѣе стала ему тутъ красавица-Ирина, но еще въ то же время яснѣе почувствовалъ онъ всю невозможность окончательно связать съ нею свою жизнь и будущую судьбу свою. Письменно ему легче было объясниться съ нею, и онъ воспользовался этимъ. Вотъ что онъ написалъ ей:

„Я попрежнему люблю тебя, милая, дорогая Ирина, вѣрь мнѣ, мнѣ нужна твоя вѣра. Но снова повторю я старое: Ирина, мнѣ страшно, я не могу привыкнуть къ мысли, что все уже кончено для меня. Пойми, я не отказываюсь отъ сватьбы, но дай мнѣ привыкнуть къ мысли о ней, дай мнѣ увѣриться, что въ ней нѣтъ ничего для меня страшнаго, дай мнѣ еще посмотрѣть на тебя въ свѣтѣ и среди людей, но дай посмотрѣть глазами свободнаго, любящаго тебя человѣка, а не твоего жениха, еще успѣю я быть имъ. Я увѣренъ, что еще больше полюблю я тебя! Но пусть мой страхъ выказываетъ мое малодушіе, мою трусость, но только не недостатокъ любви къ тебѣ. Я люблю тебя, я хочу тебя любить, но дай мнѣ хоть немного, хоть недолго любить тебя свободной любовью, Ирина, молю тебя, не превращай ея слишкомъ скоро въ любовь по обязанности.“

Такъ молилъ онъ себѣ хоть нѣсколько дней свободы. Просить полной свободы онъ не смѣлъ, даже и еще если-бы менѣе любви къ Иринѣ оставалось въ немъ—и тогда не рѣшился бы онъ сразу ей сказать, что все уже кончено между ними: онъ все-таки считалъ себя связаннымъ съ нею своимъ признаніемъ, какъ съ невѣстой.

Получивъ это письмо, Ирина впала въ глубокую задумчивость: она не понимала такой любви и поневолѣ сомнѣ-

валась въ его увѣреніяхъ. Можетъ быть, и была она права, но многое въ чувствѣ Алгасова и потому еще оставалось ей непонятнымъ, что она была слишкомъ горда и не допускала даже мысли, что и ею, Ириной, можно только увлечься.

Отвѣтъ ея былъ короткій.

„Ты любишь меня, Саша? Я вѣрю тебѣ, ты этого просишь, и пусть все будетъ по-твоему. Прости, мнѣ больше нечего писать, но я не могу быть счастлива, Саша. Прощай, милый."

Еслибы Ирина сказала ему это на словахъ, онъ сталъ бы разъувѣрять ее, оправдывать себя, отказываться отъ своихъ словъ и разъяснять ихъ, и эти разъясненія уничтожили бы ихъ окончательно. Онъ и теперь написалъ ей длинное письмо въ этомъ смыслѣ, но у него хватило духа не отсылать этого письма; инстинктивно понималъ онъ, что заочной только этой уступкой ея можетъ и въ силахъ онъ воспользоваться, что другого подобнаго же благопріятнаго случая, пожалуй, ужъ и не будетъ, и, не смущаемый тутъ красотой и присутствіемъ Ирины, рѣшился онъ промолчать на ея письмо.

Бачурины вернулись въ концѣ сентября. Константинъ Платоновичъ съ восторгомъ разсказывалъ о результатахъ своей поѣздки: ему обѣщали повышеніе, обѣщали похлопотать для него и о придворномъ званіи, котораго онъ давно уже добивался.

Какъ ни слаба была любовь Алгасова, но съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ Ирины и былъ очень ей радъ. Ирина тоже ему обрадовалась. Она помнила свое письмо и рѣшилась сдержать обѣщаніе и ни слова не говорить ни о будущемъ, ни о сватьбѣ. Вполнѣ сдержать этого обѣщанія она не могла, хоть изрѣдка, но все-таки прорывались въ ея рѣчахъ слова и намеки о будущемъ и видно было, что она по прежнему крѣпко за него держится и вѣритъ въ январьскую ихъ сватьбу. Страшно раздражали Алгасова эти подобныя ея рѣчи, но и то уже было ему дорого, что рѣже приходилось ихъ слышать, а кромѣ того, здѣсь, въ Москвѣ, среди разсѣянія и шума свѣта, здѣсь онъ скорѣе ихъ забывалъ и менѣе обращалъ на нихъ вниманія. Въ Москвѣ онъ чувствовалъ себя гораздо свободнѣе, чѣмъ на

дачѣ, гдѣ поневолѣ цѣлые дни былъ онъ съ Ириной, и онъ широко пользовался этой свободой.

Исчезло, повидимому, все, что отравляло ему его счастье, и теперь онъ могъ бы имъ наслаждаться, еще даже болѣе плѣняла и влекла его красота Ирины, неизмѣнно и всюду всегда возбуждавшая въ свѣтѣ единодушный и шумный такой восторгъ—но любовь ея все болѣе съ каждымъ днемъ теряла цѣны въ его глазахъ, и все невозможнѣе являлась ему жизнь съ Ириной. Чувствуя себя свободнымъ, онъ любилъ Ирину, любовался ею, гордился ея красотой и любовью, но онъ наслаждался всѣмъ этимъ, какъ благомъ минутнымъ и преходящимъ, хотя и дорогимъ. Гордое сознаніе, что его любитъ первая въ Москвѣ красавица—это было послѣднее счастье, которое могла ему дать и дала Ирина. Все получилъ уже онъ отъ ея любви, и теперь одна только пріобрѣтенная за лѣто привычка да страхъ передъ даннымъ словомъ, они лишь и держали еще его возлѣ Ирины. Еще онъ боялся и подумать отказаться отъ сватьбы, но чѣмъ болѣе привыкалъ онъ къ свободѣ, чѣмъ рѣже и меньше въ силу условій городской жизни видался въ Москвѣ съ Ириной—тѣмъ легче становилось ему освоиться съ мыслью о возможности и полнаго, можетъ быть, съ нею разрыва.

А время быстро шло впередъ, и была уже половина ноября.

XXI.

— Ну еще одинъ стаканъ, и я поѣду, глядя на часы говорилъ Алгасовъ Иринѣ, съ которой они сидѣли въ столовой за самоваромъ.

Они были одни. Константинъ Платоновичъ, имѣя въ виду провести вечеръ въ гостяхъ, занимался у себя въ кабинетѣ. Аделаида Филипповна одѣвалась. Ирина была уже одѣта и разливала чай, дожидаясь остальныхъ.

— Куда ты спѣшишь? спросила она, наливая ему чая.

— Да мнѣ пора ужъ: безъ пяти минутъ семь. Я въ театрѣ сегодня.

— Что идетъ?

— *Жизнь за Царя*, и я не хочу пропустить увертюры.

— И это изъ-за *Жизни за Царя* не ѣдешь ты съ нами?

— Это къ Масловымъ?

— Да.

— Не люблю я, скучно у нихъ... Да я, можетъ быть, и заѣду изъ театра.

— Сегодня у нихъ будетъ много народа.

— Можетъ быть, я и заѣду. А какъ тебѣ нравится Аня Маслова? Неправда ли, премилая дѣвочка?

Ирина помолчала немного.

— Ну хоть для нея поѣзжай, сказала она наконецъ.

— Что ты хочешь сказать? съ тревогой спросилъ Алгасовъ.

— Я такъ мало и рѣдко тебя вижу, ты это знаешь, я прошу тебя провести со мной этотъ вечеръ у Масловыхъ, и ты даже этой моей просьбы не можешь исполнить... Саша, чѣмъ же это кончится?

Молча смотрѣлъ на нее Алгасовъ. Уже не трогала его болѣе чудная красота ея, хотя въ этотъ вечеръ Ирина была особенно хороша, такъ шло къ ней нарядное ея платье. Но Алгасовъ не обратилъ на это и вниманія и лишь одно видѣлъ онъ тутъ въ Иринѣ—свою госпожу, ту, которая все отняла у него, и счастье, и жизнь, и свободу. Ничего не отвѣтилъ онъ Иринѣ.

— Такъ нельзя, Саша, продолжала она. Къ чему ждать? Если ты разлюбилъ меня—скажи это прямо, повѣрь, какъ ни тяжело мнѣ это, но у меня хватитъ силъ вынести всякое горе. Но если ты еще любишь меня, къ чему откладывать счастье, и твое, и мое? Какая разница—раньше или позже? Неужели тебѣ такъ нравится ждать?

— Ты права, Ирина, нѣтъ никакого удовольствія ждать. Но я не о томъ просилъ тебя, и ты согласилась на мою просьбу, и я не отдамъ тебѣ твоего слова.

— Значитъ, все кончено? печально, но твердымъ голосомъ, гордо поднявъ голову, спросила Ирина.

— Развѣ подождать, посмотрѣть, ничего не предрѣшая напередъ, развѣ это значитъ, что все кончено? Будущее неизвѣстно, но мы знаемъ настоящее, и оно не даетъ намъ права на подобные выводы. Естественно, что въ городѣ мы рѣже видаемся, хотя вовсе не рѣдко... А эти укоры, приставанія...

Раздраженіе послышалось въ его голосѣ. Ирина молчала.

— И подумаешь, изъ-за какого вздора весь нашъ разговоръ! Изъ-за того, что я предпочитаю оперу, которую люблю, вечеру въ домѣ, гдѣ и вообще-то я рѣдко бываю! И еще если бы мы давно не видались, а то вчера же я провелъ у васъ цѣлый почти день... Ну полно, перестань, Ирина, ну есть изъ-за чего упрекать и сердиться? Ну хочешь, я изъ театра пріѣду къ Масловымъ, даже раньше, часамъ къ десяти у нихъ буду... Послѣ аріи Вани...

Онъ взялъ ея ручку и поцѣловалъ ее, потомъ, обнявъ Ирину одной рукой, пригнулъ къ себѣ ея головку и сталъ ее цѣловать.

— Ну, миръ заключенъ? спросилъ онъ, не выпуская Ирины изъ объятій.

— Ты свободенъ, дѣлай, что хочешь, сказала она, не глядя на него. Не въ этомъ только, Саша, но во многомъ и поважнѣе, кромѣ отказовъ, я ничего уже отъ тебя не слышу...

Алгасовъ выпустилъ ее, взялъ стаканъ и большими глотками торопливо сталъ допивать свой чай. Онъ старался казаться спокойнымъ.

— Соня тоже будетъ въ театрѣ, началъ онъ. Давно уже не видалъ я *Жизни за Царя* и до сихъ поръ еще не собрался посмотрѣть ее при новой обстановкѣ. Декораціи, смѣнившія старыя лохмотья, говорятъ, очень хороши...

— Ты оправдываешься, къ чему? перебила его Ирина, снова гордо поднявъ голову и глядя на него такъ холодно и спокойно, что Алгасовъ поблѣднѣлъ отъ ужаса и боли.

— Я былъ въ театрѣ, продолжалъ онъ, помолчавъ, когда *Жизнь за Царя* шла прошлой зимой въ послѣдній разъ при старой обстановкѣ. Въ сценѣ въ лѣсу зари намъ такъ и не показали, и хорошо сдѣлали, ибо вмѣсто лѣса она освѣщала только дыры на декораціи... Странно даже будетъ видѣть эту оперу безъ прежнихъ лохмотьевъ, къ которымъ мы какъ-то даже привыкли... А кромѣ того, знаешь, вмѣсто Оноре сегодня поетъ Эйбоженко. Это другая новинка, и опять какъ будто жаль разставаться съ старымъ и привычнымъ! Всѣ мы любили старушку Оноре... Иной разъ и смѣшно, положимъ, было смотрѣть на нее: маленькая, ху-

денькая, сморщенная, причесанная по старинной какой-то модѣ чуть ли не сороковыхъ еще годовъ—и въ костюмѣ Вани или Ратмира... А теперь, какъ подумаешь, что уже не будетъ ея—и все забываешь, и словно и не радуетъ новое...

— Я понимаю, тебѣ интересно все это видѣть, перебила его Ирина, но повторяю, Саша, оправданія еще тяжелѣй; дѣлай, что хочешь, только, пожалуйста, обходись безъ нихъ...

Но силы измѣнили ей, волненіе мѣшало ей говорить и она замолчала. Алгасовъ тоже молчалъ: онъ чувствовалъ, что онъ уже не въ силахъ казаться спокойнымъ.

Вошелъ лакей съ стаканомъ на подносѣ: Константинъ Платоновичъ спрашивалъ еще чая.

— Скажите барину, начала Ирина, наливая стаканъ, что пора ѣхать и чтобы онъ не задерживалъ насъ. Карета готова?

— Сейчасъ подали, ваше превосходительство!

— Ну хорошо, скажите, что мы скоро ѣдемъ.

Лакей ушелъ. Алгасовъ всталъ.

— Прощай, Ирина, началъ онъ, насколько возможно спокойнѣе. Право, не стоитъ волноваться изъ-за подобныхъ пустяковъ. Къ чему себя зря разстраивать?

— Что дѣлать? Прощай, Саша.

Алгасовъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ.

Оставшись одна, съ тяжелымъ вздохомъ опустила Ирина голову на руки.

— Неужели онъ уже не любитъ меня, неужели это правда, возможно ли это? шептала она.

Ей не вѣрилось этому, но отъ этого ей не было легче, и не могла она отогнать зародившихся сомнѣній. Она встала и прошлась по комнатѣ, потомъ подошла къ зеркалу и долго на себя глядѣла, но и отъ зеркала отошла такая же грустная.

— Этого быть не можетъ, онъ любитъ, но что, если это правда? кончила она, снова возвращаясь къ своимъ первымъ мыслямъ.

— Если это правда, если я въ этомъ увѣрюсь, тогда надо забыть его, другого исхода нѣтъ, продолжала она.

И съ ужасомъ тутъ почувствовала Ирина, что слишкомъ уже любитъ она его и уже не можетъ его забыть...

Тяжелый вздохъ сопровождалъ эти мысли.

Вошла Аделаида Филипповна, совсѣмъ уже готовая.

— Vousêtes prête, maman, alors nous pouvons partir, встрѣтила ее Ирина и позвонила.

— Скажите барину, что мы ждемъ его, обратилась она къ вошедшему лакею.

Тяжело было на душѣ у Алгасова, когда онъ уѣхалъ отъ Бачуриныхъ. Подобныя объясненія никогда не проходили ему даромъ, какъ ни старался онъ не обращать на нихъ вниманія.

Пріѣхалъ онъ въ театръ передъ самой увертюрой и прямо пошелъ на свое мѣсто, торопливо, на ходу, здороваясь съ встрѣчавшимися знакомыми. Апалевы были уже въ ложѣ, но Алгасовъ не хотѣлъ къ нимъ заходить, не успокоившись хоть немного.

Не особенно внимательно слушалъ онъ на этотъ разъ любимую свою увертюру, а когда началась опера, онъ и совсѣмъ пересталъ слушать, весь углубленный въ свои думы. Машинально смотрѣлъ онъ по сторонамъ, по привычкѣ оглядывая ложи. Вдругъ одна изъ нихъ привлекла его вниманіе.

Тамъ сидѣла полная, богато-одѣтая дама лѣтъ за 40 и рядомъ съ нею хорошенькая молоденькая дѣвушка, внимательно глядѣвшая на сцену, гдѣ въ это самое время Додоновъ неистово колотилъ себя въ грудь, этимъ способомъ доказывая лихія качества удалого русскаго воина. Кромѣ дамъ, въ ложѣ былъ еще высокій, представительный старикъ, въ которомъ, не смотря на его фракъ, сейчасъ же былъ виденъ бывшій военный.

Алгасовъ торопливо схватилъ бинокль и сталъ смотрѣть на дѣвушку, и сами собою, при первомъ же взглядѣ на нее, разомъ исчезли всѣ невеселыя его думы, забылась Ирина, и сватьба, и все—такъ восхитительно-мила была дѣвушка.

Она была очень молода, это видно было сразу, такъ ясенъ и дѣтски-веселъ былъ взглядъ большихъ темно-сѣрыхъ ея глазъ, такъ свѣжо было милое ея личико, подвижныя

черты котораго сейчасъ же отражали каждое полученное ею впечатлѣніе, каждое даже минутное ея настроеніе. Ея роскошные бѣлокурые волосы были заплетены въ двѣ толстыя косы; одѣта она была такъ же просто, какъ и причесана, и еще болѣе молоденькой и милой выглядывала она въ скромномъ свѣтло-голубомъ своемъ платьѣ.

Алгасовъ не спускалъ съ нея глазъ. По временамъ она отрывалась отъ сцены и обращалась къ матери, дѣлясь съ ней впечатлѣніями, и улыбка, которой она сопровождала свои слова—эта милая улыбка дѣлала ее еще болѣе привлекательной. Поминутно то улыбалась она, то становилась серьезной, то съ участьемъ слѣдила за сценой, то переводила глаза на ярко-освѣщенную залу, съ любопытствомъ и наивнымъ восторгомъ оглядываясь на величавый этотъ просторъ, на эту блестящую толпу, наполнявшую ложи и кресла. Такъ ясно отражались эти переходы на лицѣ и улыбкѣ дѣвушки, такъ видно было все удовольствіе, которое доставляетъ ей спектакль, такъ красивы были всѣ ея живыя движенія, столько было въ ней миловидности, столько безъискусственной, чарующей граціи, столько свѣжести, жизни и безпечной дѣтской рѣзвости—что, разъ взглянувъ на нее, трудно уже было отъ нея оторваться.

— Кто это? подумалъ Алгасовъ, не переставая глядѣть на нее. Вотъ милая...

Дѣйствіе кончилось. Внимательно проводивъ глазами падающій занавѣсъ, дѣвушка откинулась на спинку кресла, раскрыла вѣеръ и стала имъ обмахиваться. Отецъ наклонился къ ней и что-то ей сказалъ; неподвижно и серьезно выслушавъ его, она вдругъ дѣтски-весело разсмѣялась, вся обернулась къ нему, съ живой улыбкой быстро ему что-то отвѣтила, потомъ взяла у матери бинокль и стала смотрѣть на кресла партера. Отецъ подалъ ей грушу. Дѣвушка взяла ее, встала и вышла въ аванъ-ложу.

— Вотъ хорошенькая! послышалось возлѣ Алгасова. Видѣли вы? Кто это?

— Не знаю, я вижу ее въ первый разъ...

Алгасовъ оглянулся. Онъ зналъ немного обоихъ говорившихъ и, раскланявшись съ ними, пошелъ къ выходу. Ему попался Авринскій.

— Николай Сергѣевичъ, вы всѣхъ и все знаете. Скажите, кто эта дѣвушка въ первой ложѣ? обратился къ нему Алгасовъ.

— Вообразите—не знаю!

— А я-то на васъ надѣялся! Кто-же она, если и вы даже не знаете?

— Подождите, если хоть кто-нибудь ихъ знаетъ—я вамъ скажу. Но, кажется, это пріѣзжіе... А васъ княгиня велѣла къ ней послать, идите!

Алгасовъ пошелъ въ ложу сестры, но пробылъ тамъ недолго. Антрактъ кончился, и зрители торопились разсаживаться по мѣстамъ. Дѣвушка подошла къ барьеру ложи, стоя, окинула глазами залу и взяла было афишу, но тутъ дверь ихъ ложи отворилась и кто-то вошелъ въ нее. Дѣвушка быстро обернулась и дѣтски-радостно бросилась навстрѣчу вошедшимъ. Вскорѣ она вернулась, ведя за руку хорошенькую дѣвочку лѣтъ двѣнадцати. Отецъ и мать ея тоже вышли садиться, а за ними показался высокій, плотный старикъ, весь сѣдой. Онъ сѣлъ рядомъ съ отцомъ дѣвушки и сталъ съ нимъ говорить.

Алгасовъ не переставалъ слѣдить за дѣвушкой, никакого почти вниманія не обращая на сцену. Взглянулъ онъ какъ то на вошедшаго въ ложу старика—и что-то знакомое мелькнуло ему въ его чертахъ. Мгновенно сообразивъ, что, если дѣйствительно знаетъ онъ этого старика, то не только удастся ему, можетъ быть, узнать, кто такая эта милая дѣвушка, но и познакомиться даже съ нею, онъ сталъ усиленно припоминать, кто бы могъ быть этотъ старикъ, сталъ всматриваться въ него—и наконецъ узналъ его: это былъ Илья Ильичъ Полянскій.

Открытіе это было такъ для Алгасова неожиданно, что на нѣкоторое время и сама дѣвушка перестала его занимать. Радостно-удивленный, охваченный множествомъ воспоминаній, глядѣлъ онъ на забытаго и плохо даже знакомаго этого старика—и вдругъ рѣзко обернулся и снова навелъ бинокль на ту же ложу, но на этотъ разъ уже не на дѣвушку.

— Если это Илья Ильичъ, значитъ дѣвочка эта—Маруся, мелькнуло въ его головѣ, и съ нѣжнымъ участіемъ сталъ онъ глядѣть на дочь Вѣры Григорьевны.

Въ ней трудно было узнать ту дѣвочку, которую когда-то онъ видѣлъ, такъ измѣнилась и выросла она. Но для Алгасова это было не важно, не прошлаго искалъ онъ въ ней, онъ хотѣлъ въ ней видѣть ея мать и невольно искалъ въ ней хоть чего-нибудь, напоминающаго мать. Но дочь мало походила на мать, только въ глазахъ ея было что-то материнское. Долго смотрѣлъ на нее Алгасовъ.

— Такъ вотъ она, Маруся, думалъ онъ. Вѣдь и мнѣ завѣщано не оставлять ея, если она будетъ нуждаться въ дружбѣ и помощи! Это были послѣднія слова Вѣры Григорьевны...

Но не эти воспоминанія овладѣли имъ, а хорошенькая сосѣдка Маруси, и снова все забылъ онъ, любуясь милой этой дѣвушкой.

Въ антрактѣ къ нему подошелъ Авринскій.

— Все узналъ, торжественно началъ онъ, хотя и съ трудомъ: ихъ никто почти не знаетъ. Это князь Елецкій съ женой и дочерью.

— Елецкій...

— Да. Они только-что пріѣхали. Княжна будетъ выѣзжать. Князь давно уже безвыѣздно живетъ въ деревнѣ. Вообще, довольно странный человѣкъ, но богатый...

— Ну пріѣзжайте завтра ко мнѣ, съ довольной улыбкой началъ Алгасовъ, и я сообщу вамъ о нихъ дальнѣйшія подробности...

Изъ какихъ это источниковъ?

— А ужъ это мое дѣло! Хочу васъ перещеголять и на дняхъ-же буду съ ними знакомъ...

Прощаясь съ сестрой, Алгасовъ сказалъ ей:

— Соня, as-tu remarqué ce gros vieillard, dans la première loge, à gauche?...

— Veillard!... Je pensais que tu me parlerais de la demoiselle...

— La demoiselle est charmante, tu as raison, mais je parle justement du vieillard. L'as tu reconnu?

— Non. Qui est-ce?

— Mais c'est notre maréchal à Сарап, Полянскій...

— C'est Полянскій!.. Je ne l'ai pas reconnu. Mais c'est à peine que je me souviens de lui...

— Demain je lui ferai visite...

Княгиня улыбнулась.

— Tu es rusé, Саша, сказала она.

— Que faire, princesse! C'est le seul moyen de réussir dans ce bas monde! Bonne nuit, Соня.

Образъ молодой дѣвушки занималъ всѣ мысли Алгасова, весь охваченъ былъ онъ чудными мечтами о ней—и вдругъ, какъ обухомъ, хватило его внезапно явившееся ему воспоминаніе объ Иринѣ и о томъ, что онъ обѣщалъ ей пріѣхать изъ театра къ Масловымъ.

Онъ даже остановился—такъ неожиданно было это воспоминаніе, разомъ словно низринувшее его въ мрачную какую-то пропасть. Съ холоднымъ ужасомъ почувствовалъ онъ тутъ, какъ глубоко-чужда ему Ирина, его невѣста, еще сегодня напоминавшая ему о предстоящей ихъ сватьбѣ—и съ отчаянной болью сжалось его сердце при мысли объ этой сватьбѣ... Уныло побрелъ онъ впередъ, направляясь домой. Столько свѣта и счастья сіяло ему въ милой улыбкѣ веселой княжны, все сердце его наполнитъ радостью эта улыбка—и снова вспомнится надменная красавица-Ирина, и снова всего охватитъ его тоска и та же отчаянная, мучительная боль. И всю ночь не давали ему спать эти мѣняющіяся впечатлѣнія. То въ свѣтлыхъ грёзахъ желаемаго счастья, то холодѣя отъ ужаса и боли, съ открытыми глазами неподвижно лежалъ онъ на постели—и вдругъ вскочилъ и даже бросился на попавшееся кресло: онъ вспомнилъ, что объ этой самой Женѣ Елецкой говорила ему Вѣра Григорьевна въ ихъ послѣднее свиданіе; она хотѣла ихъ познакомить и предсказывала ему, что княжна не пройдетъ безслѣдно въ его жизни—и снова все забылъ онъ, и Ирину, и сватьбу, онъ весь горѣлъ, счастливая улыбка озарила его лицо, тревогой и радостью забилось его сердце, волнуемое рождающейся любовью, и благословеніе Вѣры Григорьевны, казалось, покоилось на этой обѣщанной ею любви.

Къ разсвѣту лишь забылся онъ тревожнымъ сномъ.

Первой его мыслью, когда онъ проснулся утромъ, была Ирина. Послѣ всѣхъ впечатлѣній вчерашняго вечера, вспоминая ихъ, особенно живо ощутилъ онъ тутъ, какъ нужна ему его свобода, какъ невозможно долѣе возиться съ чувствомъ, уже видимо отошедшимъ въ прошлое. Надо покон-

чить съ Ириной, надо сказать ей, что онъ уже не любитъ ея, Алгасовъ это видѣлъ, но какъ это сдѣлать—не зналъ. На рѣзкое объясненіе еще не хватало у него духа, для этого еще не былъ онъ достаточно возбужденъ, да и не хотѣлось ему окончательно расходиться съ Ириной: переставъ быть любимой дѣвушкой, она все же оставалась для него другомъ, съ которымъ онъ былъ связанъ и воспоминаніями дѣтства, и многими хорошими часами общей жизни, онъ цѣнилъ умъ Ирины, цѣнилъ и дружественныя отношенія ко всему семейству Бачуриныхъ, отношенія, ставшія наслѣдственными между обѣими семьями. Все это еще болѣе затрудняло его, и какъ досадовалъ онъ въ эту минуту на все, происшедшее между нимъ и Ириной! Припоминая недавнее прошлое, онъ просто недоумѣвалъ, какъ могло это случиться, какъ могъ онъ полюбить Ирину—такъ мало счастья ему обѣщала она, какъ возлюбленная, и такъ хорошо было ему съ ней, какъ съ старымъ другомъ и умнымъ человѣкомъ. Дорого далъ бы онъ въ эту минуту, чтобы не было послѣднихъ этихъ мѣсяцевъ и снова возобновились бы у нихъ съ Ириной прежнія, никакими недоразумѣніями не омраченныя дружескія ихъ отношенія, и не зналъ онъ, какъ это сдѣлать и объяснить ей, и вообще—возможно ли даже это. Тысячи плановъ объясненія представлялись ему, и ни на одинъ не могъ онъ рѣшиться.

Въ 12 часовъ онъ поѣхалъ къ Бачуринымъ. Онъ зналъ, что въ это время онъ застанетъ Ирину одну: Аделаида Филипповна еще будетъ въ своихъ комнатахъ—она поздно вставала, а Константинъ Платоновичъ уѣдетъ уже въ судъ.

Подъ впечатлѣніемъ тяжелой для нея мысли, что забыть и разлюбить Алгасова она не въ силахъ, мысли, не покидавшей ея цѣлую ночь—подъ этимъ впечатлѣніемъ, обезсиленная грустными думами, Ирина встрѣтила его тепло и ласково, видимо не желая напоминать о вчерашнемъ и затрогивать ужаснаго вопроса. Это и совсѣмъ обезоружило его: въ эту минуту гораздо болѣе обрадовался бы онъ упрекамъ и холодности.

— Здравствуй, Саша, встрѣтила его Ирина. Какъ я рада тебѣ, милый!.. Ну что, какъ прошла опера? Была Соня въ театрѣ?

Алгасовъ сталъ говорить о спектаклѣ. Отлично знавшая музыку, Ирина подробно разспрашивала его о новой пѣвицѣ, потомъ перевела разговоръ на другіе предметы, на разные ходившіе по городу слухи, спросила его, правду ли она слышала, что Павелъ Ивановичъ производенъ въ генералы?

— Не совсѣмъ, отвѣтилъ Алгасовъ, приказа еще не было, такъ-что пока еще не произведенъ, но скоро будетъ произведенъ.

— Да?.. Надо будетъ поздравить его...

— Я все смѣюсь надъ нимъ, продолжалъ Алгасовъ, какъ будетъ онъ одолѣніе надъ врагами одерживать, зная сраженія только по роману Толстого.

— Что же онъ?

— Ничего, обѣщается воевать, какъ слѣдуетъ... Да гдѣ ему! Такъ штабнымъ и останется.

Послѣдовало молчаніе.

— А что же у Масловыхъ, Ирина? Весело было? спросилъ Алгасовъ.

— Какъ всегда, Саша. Какое же веселье на этихъ вечерахъ?

— И тебѣ нигдѣ никогда не весело?

— Да... Нигдѣ...

— Ирина, если такъ, да какъ же силъ хватаетъ у тебя жить?

— Развѣ въ жизни нѣтъ у меня ничего, кромѣ визитовъ и баловъ?

— Нѣтъ, но ко всему ты равнодушна, ничто тебя не занимаетъ, наши удовольствія для тебя не существуютъ...

— Что дѣлать? Впрочемъ, ты ошибаешься, въ моей жизни много интереснаго, положимъ, только интереснаго, не болѣе... Моя сила въ сознаніи, что я должна жить жизнью общества, къ которому принадлежу по рожденію, и я покоряюсь этой жизни, искать другой — у меня нѣтъ ни силы, ни охоты, ни убѣжденія въ плодотворности перемѣны. А ужъ одно изъ двухъ: или бороться, или покоряться. Я сознательно выбрала второе, несу свой крестъ и не ропщу.

— Ирина, да какъ же смиряться передъ жизнью, которая не даетъ никакого содержанія?

— Въ этомъ и состоитъ мой крестъ. Но моя жизнь не исключеніе, всѣ мы живемъ той же жизнью...

Алгасовъ ничего ей не отвѣтилъ.

— Счастье не всѣмъ суждено, Саша, печально продолжала Ирина, и рѣдко сбываются наши мечты о немъ. Что же дѣлать? Я тоже думала быть счастливой...

Алгасовъ окончательно растерялся отъ этихъ словъ ея. И жаль ему стало Ирины, и невольно подумалось ему— были ли бы они счастливы, если бы ихъ жизни соединились? Что было бы у нихъ общаго, что сдѣлало бы возможной ихъ совмѣстную жизнь?

И вспомнились ему упорныя ея настоянія, чтобы онъ пользовался своимъ дарованіемъ и обмѣнилъ бы его на извѣстность и славу, долженствовавшія украсить ихъ супружеское счастье, да повидимому это было единственнымъ содержаніемъ совмѣстной ихъ жизни, которое находила и сама Ирина и на которомъ именно потому то и настаивала она. Быть-можетъ, и она понимала это, но ей нельзя было этого сознать, ибо тогда естественно и ей представился бы вопросъ: для чего жэ, собственно, имъ сходиться? Для медоваго мѣсяца?...

Его цѣлью было жить, насладиться жизнью и счастьемъ, извѣдать все хорошее, что можетъ дать человѣку земная жизнь. Эта цѣль не была понятна Иринѣ, по крайней мѣрѣ безъ такихъ прикрасъ и добавленій, которыхъ въ свою очередь не понималъ и не допускалъ Алгасовъ. Болѣе живой, болѣе впечатлительный и страстный и болѣе въ то же время простой, онъ видѣлъ въ жизни такія хорошія стороны, которыхъ гордая, холодная, замкнутая Ирина не могла ни видѣть, ни понимать. Она слишкомъ уже привыкла къ жизни исключительной и блестящей, и никогда не удовлетворила бы ея та простая жизнь простыхъ смертныхъ, къ которой, напротивъ, стремился Алгасовъ. Одно и то же не могло ихъ радовать и никогда не забыла бы Ирина, что, выходя за него, не поднялась она по общественной лѣстницѣ и даже не удержала на ней прежняго своего положенія, а скорѣе спустилась на ступеньку ниже...

Всѣ эти мысли промелькнули въ головѣ Алгасова. Ему жаль было Ирины, жаль разбитыхъ ея надеждъ, но онъ не

чувствовалъ себя виноватымъ передъ нею и радовался, и за себя, и за нее, что неизбѣжное наступило во время.

Нѣсколько времени длилось у нихъ молчаніе.

— Я не былъ вчера у Масловыхъ, Ирина, началъ наконецъ Алгасовъ. Но спектакль кончился поздно, и я...

— Да, да я почти и не ждала тебя, перебила его Ирина, почему-то я была увѣрена, что ты не будешь. Что дѣлать! Многое непріятно, но все надо сносить молча, я это вижу и такъ буду поступать, пока хватитъ силъ...

Она проговорила это почти шопотомъ, машинально перебирая листы давно ей знакомаго альбома. Алгасовъ ничего не нашелся ей отвѣтить и снова замолчали они. Вошла Аделаида Филипповна. Кто-то пріѣхалъ съ визитомъ. Алгасовъ воспользовался этимъ, простился и вышелъ.

Совсѣмъ смутило его это свиданіе. Онъ ждалъ совершенно другого и готовился къ другому и теперь онъ чувствовалъ, что еще затруднительнѣе становится его положеніе, что такое поведеніе Ирины лишь оттянетъ окончательное объясненіе. Невыразимо жаль было ему Ирины, и въ то же время совершенно ясно сознавалъ онъ, что не можетъ, не въ силахъ онъ ни утѣшить ея, ни даже, пожертвовавъ ей собой, дать ей то, что ей желалось.

Не могъ онъ прямо отъ Ирины ѣхать къ Полянскому, хоть немного хотѣлось ему успокоиться и разсѣяться. Онъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, заѣхалъ къ одному пріятелю, съигралъ съ нимъ три партіи въ шахматы, по дорогѣ пообѣдалъ въ Эрмитажѣ. Такъ прошло нѣсколько часовъ.

Онъ кончилъ обѣдать, расплатился, взялъ шапку—и остался на мѣстѣ. Онъ чувствовалъ, что ѣдетъ окончательно хоронить свою любовь къ Иринѣ, и тутъ, въ эту послѣднюю минуту, когда онъ принадлежалъ еще Иринѣ, такая жалость къ ней овладѣла тутъ имъ, что не зналъ онъ, куда ему ѣхать, вернуться ли къ Иринѣ и хоть сколько-нибудь утѣшить ее, пожертвовавъ собой, или же пожертвовать ею и спасти свою жизнь и свое счастье. Онъ колебался... но не долго: не хватило у него силъ на самопожертвованіе, и онъ отправился не къ Иринѣ, а въ Лоскутную гостинницу, къ Полянскому.

Илья Ильичъ былъ дома и встрѣтилъ его очень радушно.

— Здравствуйте, здравствуйте, Александръ Семеновичъ, началъ онъ. Вотъ неожиданный гость! Садитесь. Очень радъ васъ видѣть. Съ покойнымъ вашимъ батюшкой былъ хорошо знакомъ и васъ помню еще юношей...

— Да, какъ давно мы не видались...

— Вѣдь, кажется, послѣ похоронъ вашей матушки, вы уже не были въ Веденяпинѣ?

— Нѣтъ...

— А славное это имѣніе! Прекрасное!

Такъ начался разговоръ. Илья Ильичъ заговорилъ о Веденяпинѣ, вспомнилъ, какъ жилось тамъ въ былые годы, пожалѣлъ, что Алгасовъ даетъ разрушаться такой славной усадьбѣ.—„Какія оранжереи тамъ были", говорилъ Илья Ильичъ, „какія лошади, какой заводъ!" Полянскій съ восторгомъ отзывался о нѣкоторыхъ лошадяхъ и, чтобы еще болѣе расположить его къ себѣ, Алгасовъ согласился продать ему одного изъ лучшихъ своихъ жеребцовъ, сына знаменитаго при Семенѣ Степановичѣ „Золотого". Затѣмъ Илья Ильичъ сталъ его разспрашивать о московской его жизни, о его сестрахъ, о Сергѣѣ Игнатьевичѣ, и видимо отъ души порадовался, что всѣмъ Алгасовымъ живется такъ хорошо.

— Что вы никогда къ намъ не заѣдете, Илья Ильичъ, и не дадите даже знать, когда бываете въ Москвѣ? спросилъ его Алгасовъ. Мы всѣ такъ были бы вамъ рады...

— Вѣрю и благодарю, но послѣ смерти жены я почти не выѣзжалъ изъ Полянъ и въ Москвѣ бывалъ рѣдко и ненадолго... Старъ сталъ, и силъ ужъ нѣтъ, и дочь нельзя оставить, а съ собой таскать—не хочется...

— Скажите, не она это была съ вами вчера въ театрѣ?

— Маруся!... Неправда-ли, измѣнилась?

— Еще бы!

— Въ институтъ привезъ, да опоздалъ, она долго болѣла, думалъ, и не выживетъ... Навѣщайте ее!

— Непремѣнно!...

— Я бы вамъ показалъ ее, да сейчасъ ея дома нѣтъ, она у своей бабушки.

— Это не у той ли дамы, которая была съ вами въ ложѣ?

— Да, у Елецкихъ.

— Какъ хороша княжна!

— Неправда ли? Премилая дѣвушка. Даже я, старикъ, и я былъ пораженъ ея красотой, когда увидалъ ее!

— Мнѣ про нее говорила еще Вѣра Григорьевна...

— Да, я по женѣ и въ родствѣ съ Елецкими. Мать этой дѣвушки, урожденная Полозова, родная тетка покойницы жены, и Вѣра очень любила Женю...

— Княжна будетъ выѣзжать?

— Для этого они и пріѣхали. Да вы будете въ среду на балу у барона Глэмъ?

— Буду.

— Ну тамъ и увидите Женю, это ея первый балъ.

— Княжна будетъ имѣть успѣхъ...

— И богатая невѣста, прибавьте!

— А я васъ хотѣлъ просить, Илья Ильичъ, не можете ли вы представить меня князю? не слушая его и нѣсколько смѣшавшись, высказалъ свое желаніе Алгасовъ.

— А что, понравилась вамъ моя Женя? замѣтилъ Илья Ильичъ. Да и не мудрено, не можетъ она не понравиться. Что же, можно и познакомить, если не хотите дожидаться бала. Они люди радушные, простые, будутъ вамъ очень рады.

— Еще Вѣра Григорьевна обѣщала познакомить меня съ княжной, такъ что вы только исполните ея обѣщаніе, улыбаясь, весело заговорилъ Алгасовъ.

Онъ былъ очень радъ и не скрывалъ своей радости.

— Да, вы таки ухаживали тогда за Вѣрой! И она всегда питала къ вамъ расположеніе...

— Она много для меня сдѣлала, ея вліяніе на меня не кончится, пока я живъ, я ей обязанъ всѣми своими взглядами, съ жаромъ проговорилъ Алгасовъ.

— Бѣдная! Она никогда не могла отдѣлаться отъ своей философіи, это и сгубило ее, задумчиво произнесъ Илья Ильичъ. Я всегда говорилъ, что не жилица она на бѣломъ свѣтѣ, кончилъ онъ, глубоко вздыхая.

Алгасовъ ничего ему не сказалъ на это. Илья Ильичъ посмотрѣлъ на часы.

— Половина восьмого, началъ онъ. Не хотите-ли сейчасъ къ Елецкимъ? Я обѣщалъ за Марусей заѣхать, кстати и васъ познакомилъ бы!

— Если это можно, я буду очень, очень радъ, воскликнулъ Алгасовъ.

Такъ неожиданно и легко сбылись его мечты. Всего охватило его радостное волненіе, и чѣмъ ближе подходила минута, когда онъ долженъ былъ увидѣть княжну, тѣмъ нетерпѣливѣе становился онъ. Путь отъ Лоскутной до Вознесенія, что на Никитской, показался ему безконечнымъ.

XXII.

Илья Ильичъ остановилъ извощика у подъѣзда большого каменнаго дома и, какъ свой человѣкъ у Елецкихъ, безъ доклада пошелъ на верхъ по широкой, устланной ковромъ лѣстницѣ. Съ замирающимъ сердцемъ послѣдовалъ за нимъ Алгасовъ.

— Ихъ сіятельство у себя въ кабинетѣ, доложилъ Полянскому подошедшій лакей.

— А, хорошо, отвѣтилъ Илья Ильичъ, поворачивая направо.

Князь сидѣлъ передъ топившимся каминомъ и читалъ газету. Онъ положилъ ее при появленіи гостей и поднялся имъ на встрѣчу.

— Здравствуйте, Илья Ильичъ, встрѣтилъ онъ вошедшихъ. А мы васъ къ обѣду ждали!

— Здравствуйте, князь! Не поспѣлъ къ обѣду... Вотъ позвольте вамъ представить моего сосѣда, Александра Семеновича Алгасова!

Князь пожалъ Алгасову руку и попросилъ гостей садиться.

— Были у доктора? спросилъ онъ, обращаясь къ Полянскому.

— Плохо! Все на воды посылаетъ...

— Ну такъ что же?

— Придется ѣхать!

— И давно бы! Марусю къ намъ—и хоть на всѣ четыре стороны!

— Вотъ что лѣтомъ будетъ...

— А слышали вы, Илья Ильичъ, Коноплинъ-то, умеръ!

— Какой? Андрей Ивановичъ?

— Да!

— Полноте! Вѣдь онъ еще не старъ былъ...

— Вотъ подите! И не старъ, и здоровъ, а умеръ! Простудился, и недѣли не хворалъ! Третьяго дня умеръ...

— Жаль! Человѣкъ былъ не малый...

— Да! Теперь наслѣдники имѣнья подѣлятъ, и памяти не останется, что такое былъ Андрей Ивановичъ Коноплинъ! Что ни говорите, а грустно: дубы, старые, крѣпкіе дубы вымираютъ, а кустарникъ, что на ихъ мѣстѣ ростетъ, что въ немъ? Вѣдь помните Андрея Ивановича? Губернскимъ предводителемъ четыре трехъ-лѣтія отслужилъ, какой заводъ, какія охоты, какъ жилъ! А какой хозяинъ былъ... А?.. Вотъ это человѣкъ былъ!... съ грустью закончилъ князь и умолкъ.

— Вы въ Москвѣ живете? обратился онъ къ Алгасову и сталъ его разспрашивать, служитъ ли онъ и кто его родные.

— Александръ Ивановичъ, можно войти? раздался за дверью женскій голосъ.

— Можно, можно, матушка, поспѣшилъ отвѣтить князь, и въ кабинетъ вошла княгиня.

Илья Ильичъ поздоровался съ нею; князь представилъ ей Алгасова. Княгиня сѣла на диванъ.

— О чемъ это вы? обратилась она ко всѣмъ вообще, закуривая у мужа папиросу.

— Такъ, о разныхъ разностяхъ... Коноплина вспоминали!

— Да! обратилась княгиня къ Ильѣ Ильичу. Умеръ! Такъ я удивилась! Еще недавно были мы у нихъ, такой веселый, здоровый, совсѣмъ и не думалъ о смерти... Сейчасъ я послала Надеждѣ Алексѣевнѣ телеграмму, обратилась она къ мужу.

— И отъ меня написала?

— Разумѣется! Вотъ, больная женщина, ужъ сколько разъ при смерти была, какую операцію вынесла—а пережила мужа! Жаль Андрея Ивановича! И человѣкъ былъ добрый, и сосѣдъ хорошій!

И, помолчавъ, она обратилась къ Алгасову, спросила, постоянно ли живетъ онъ въ Москвѣ, заговорила о пред-

стоящей зимѣ, много ли удовольствій ожидается и каковъ то будетъ сезонъ.

— А то вѣдь я дочку вывозить хочу, добродушно прибавила она.

— Вотъ въ среду будетъ первый балъ у барона, тутъ вы всю Москву увидите, сказалъ ей Алгасовъ.

— Да, у барона! Мы къ этому балу и спѣшили. А вы тамъ будете?

— Непремѣнно!

— Ну вотъ, хоть одинъ знакомый кавалеръ будетъ у Жени, а то никого то изъ молодежи мы не знаемъ...

Показавшійся въ дверяхъ лакей доложилъ, что самоваръ на столѣ.

— Ну, милости просимъ чай пить, грузно вставая, сказала княгиня и всѣ пошли за ней въ столовую.

Съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ Алгасовъ появленья княжны, и сильно билось его сердце при мысли, что вотъ сейчасъ увидитъ онъ ее, увидитъ не издали, а въ ея собственномъ домѣ, будетъ говорить съ ней...

Въ сосѣдней комнатѣ послышался говоръ и смѣхъ, дверь быстро отворилась и стремглавъ выбѣжали оттуда красивая, стройная княжна, а за нею Маруся. Обѣ онѣ бросились къ Ильѣ Ильичу и стали его обнимать.

— Я первая, дядя, говорила княжна, цѣлуя его, я первая, я обогнала ее!

— Ну да, ты меня въ дверяхъ не пустила! протестовала Маруся, тоже цѣлуя отца.

— Ну полно вамъ, полно! освобождался изъ ихъ объятій Илья Ильичъ. Вотъ шалуньи!

— Мы вамъ рады, дядя! говорила княжна.

— Нельзя развѣ потише радоваться? И не стыдно тебѣ? Хоть бы гостя посовѣстилась!

Княжна взглянула на Алгасова и, слегка покраснѣвъ, отвѣтила на его поклонъ. Потомъ она подошла къ матери, сѣла возлѣ нея и стала пить чай.

На ней было гладкое сѣрое платье и, по вчерашнему, въ двѣ роскошныя косы заплетены были ея бѣлокурые волосы. Наклонивъ головку надъ чашкой, молча и смирно сидѣла она, изрѣдка исподлобья взглядывая на Алгасова.

А онъ, онъ жадно глядѣлъ на нее... Сидѣлъ онъ далеко отъ нея и не могъ съ ней говорить, но за то безъ конца любовался онъ ею и все лучше и милѣе ему казалась она...

Пріѣхалъ важный старикъ, весь увѣшанный орденами генералъ. Здороваясь съ Алгасовымъ, онъ сказалъ ему, весело улыбаясь:

— А вы, Александръ Семеновичъ, ужъ здѣсь! Вотъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ князю, ловкій молодой человѣкъ!

— А что? спросилъ князь.

— Да какъ же! Не успѣла княжна пріѣхать, qu'il est déjà venu lui faire sa cour!..

— Ну, генералъ, это вы по себѣ ужъ, вѣроятно, судите, радостно смущенный, тихо отвѣтилъ ему Алгасовъ.

— Ну и что-же? возразилъ генералъ. Вотъ бы вамъ въ наше то время пожить! Мы были не то, что нынѣшняя молодежь, исключая васъ, разумѣется, вы нашего времени человѣкъ, нашей школы! А вѣдь славное время наше было, а, князь? Веселое, лихое! Помните въ 41 году балъ у англійскаго посла?

И громкій смѣхъ генерала раздался по всей комнатѣ. Князь тоже засмѣялся.

— Да, были когда то и мы съ вами молоды, ваше превосходительство! замѣтилъ онъ.

— Что это за балъ? спросила княгиня, подавая генералу стаканъ чая.

— Знаменитый балъ, княгиня! А вашъ супругъ, смѣю доложить, сильно рисковалъ въ этотъ вечеръ не имѣть счастья сдѣлаться вашимъ супругомъ, отвѣтилъ генералъ, и самъ засмѣялся своей шуткѣ.

— Да вѣдь и за вами, генералъ, тоже есть грѣшокъ, улыбаясь, замѣтилъ князь.

— А развѣ я оправдываюсь? Мы съ вашимъ супругомъ, княгиня, чуть-чуть не отправились тогда въ Англію, вслѣдъ за двумя прелестными миссъ! Да! Ну хорошо, что мы патріоты! Спохватились!..

— Однако у васъ память, генералъ! сказала княгиня. Въ 30 лѣтъ—и все не забыли!

— Умирать буду—не забуду! Славно мы тогда пожили, а къ чему забывать хорошее?

И сказавъ нѣсколько веселыхъ комплиментовъ княжнѣ, генералъ снова обратился къ Алгасову.

— А скоро мы пировать у васъ будемъ, новаго генерала поздравлять, вы это знаете? спросилъ онъ.

— Да, Павелъ Ивановичъ мнѣ говорилъ, отвѣтилъ Алгасовъ.

— Кого это? вмѣшался князь.

— Зятя Александра Семеновича, Вёдрова. Да вы, князь, должны его знать.... Оскольскаго, Кузьмы Сергѣевича покойника, внукъ ....

— Помню я эту фамилію, да вѣдь я такъ давно уже не былъ въ Москвѣ...

— Разлюбили вы насъ, это точно! Вѣдь и сейчасъ княжнѣ только обязаны мы вашимъ пріѣздомъ, не такъ ли? А зря вѣдь! Хорошіе мы люди, не хвастаясь, говорю это!

Чай кончился и всѣ перешли въ гостинную. Илья Ильичъ подвелъ Алгасова къ княжнѣ и сказалъ ей:

— Вотъ тебѣ, Женя, такъ плѣнился тобой вчера въ театрѣ, что сейчасъ же захотѣлъ съ тобой познакомиться!

Вся такъ и вспыхнула, услышавъ это, княжна и съ полной смущенія улыбкой взглянула на Алгасова. Но слова Ильи Ильича видимо ей понравились.

— А вотъ и моя Маруся, продолжалъ Илья Ильичъ, садясь и цѣлуя свою дочь. Узнаете ее, Александръ Семеновичъ?

— Выросла Маруся, отвѣтилъ Алгасовъ, глядя на дѣвочку.

Дѣвочка стояла возлѣ отца и тоже во всѣ глаза глядѣла на Алгасова.

— Помнишь его, Маруся? спросилъ отецъ.

— Нѣтъ! отозвалась дѣвочка.

— А въ глазахъ есть что то, напоминающее Вѣру Григорьевну, замѣтилъ Алгасовъ.

— Да, глаза у нея материнскіе, а лицомъ не похожа на нее...

— А вы знали маму? серьезно спросила дѣвочка.

— И маму твою зналъ, и тебя вотъ еще какой видѣлъ, рукой показалъ ей Алгасовъ.

Илья Ильичъ отошелъ отъ нихъ. Алгасовъ остался возлѣ княжны.

— Какъ вамъ понравился вчерашній спектакль, княжна? началъ онъ разговоръ.

— Очень! Вы знаете, вѣдь я первый разъ была въ театрѣ?

— Неужели въ первый?

— У насъ въ городѣ была, ну да вѣдь это не то. А въ Москвѣ въ первый! Очень понравилось! Музыка хороша, и пѣли хорошо, танцовали—ну все!

— Вы живете въ деревнѣ?

— Да, какъ я вышла изъ института, я больше года прожила въ деревнѣ.

— И не скучали тамъ?

— Нѣтъ, я никогда не скучаю... Да у насъ въ Немировѣ очень весело, право... Гости бываютъ, мы танцуемъ, катаемся... И особенно, когда пріѣзжаетъ изъ Петербурга братъ, вотъ когда весело!... Онъ кавалергардъ, мой братъ.

— Такъ что балъ у барона будетъ для васъ уже не первымъ баломъ?

— Нѣтъ, первымъ! Въ деревнѣ развѣ это балы были? Соберутся знакомые, M-me Cladeaux или мама намъ играютъ, а мы танцуемъ. Еще въ институтѣ, да и тамъ, развѣ это настоящіе балы?

— А что?

— Ну, все-таки, какіе же это балы?... Такъ, ребячество...

— Ну вотъ, въ среду вы увидите настоящій балъ!

— Скажите, много будетъ гостей, вы не знаете?

— Балы барона изъ самыхъ веселыхъ и многолюдныхъ. Тамъ всѣ бываютъ.

— А послушайте, не страшно это?

— Что?

— Ну, балъ!...

Алгасовъ засмѣялся.

— Что же тутъ страшнаго? спросилъ онъ.

— А я не знаю! Мама все твердитъ мнѣ: смотри, сконфузишься, вѣдь это не ваше институтское прыганье!

— Нѣтъ, вы не бойтесь!... Главное, будьте смѣлѣй!

— Воображаю, какъ хорошо будетъ, весело! Лучше даже, чѣмъ вчера въ театрѣ!

— Позвольте, княжна, заранѣе пригласить васъ на мазурку!

— Мазурку? Погодите!

Она вскочила, выбѣжала въ сосѣднюю комнату и быстро вернулась съ небольшой новой книжечкой изъ слоновой кости. Съ важностью вынула она золотой карандашъ и записала: Mazourque—Mr. Algassoff.

— Merci! произнесла она, закрывая книжку.

Съ улыбкой слѣдилъ за ней Алгасовъ, за всѣми ея живыми движеніями, и слушалъ наивную ея болтовню. Никто еще ему такъ не нравился, какъ эта простая, милая, граціозная дѣвушка. Такъ была она хороша, столько ума, столько юной жизни, даже избытка веселья и жизни свѣтилось въ красивыхъ ея глазкахъ, что не увлечься ею, не полюбить ея безумно и страстно — даже невозможно было это для Алгасова.

Тутъ къ нимъ подошелъ генералъ.

— Что это? спросилъ онъ, взглядомъ указывая на книжку, которой играла княжна. Готовитесь къ балу, княжна?

— Да, и я приглашена ужъ на мазурку, важно отвѣтила она.

— Эхъ, четверть бы вѣка съ плечъ долой, я бы, кажется, сразу на всѣ танцы васъ пригласилъ!

— Ну, на всѣ нельзя!... съ довольной улыбкой замѣтила княжна.

— Нельзя? А на одну кадриль можно?

— Кадриль? быстро проговорила княжна, снова раскрывая книжку. Я вамъ первую, только вы не опоздаете?

— Скоро 20 лѣтъ, какъ не танцую, а для васъ тряхну стариной, не могу! говорилъ генералъ, любуясь княжной.

— Смотрите же, помните, первая, не опоздайте! повторила княжна и записала: première contredance—Mr. Sibine.

— Мама! Я уже на два танца приглашена, радостно крикнула она.

— Это уже не вы ли, генералъ? спросилъ князь.

— Да-съ, какъ видите, барышни еще соглашаются со мной танцовать, да! отвѣтилъ генералъ.

— Военная служба—она молодитъ! замѣтилъ князь.

— Вы у насъ будете царицей бала, обратился генералъ

къ княжнѣ. Напередъ вамъ говорю, что съ вами никто не сравнится.»

Княжна немного покраснѣла и слегка улыбнулась отъ удовольствія, но ничего ему на это не сказала.

— А какъ вы думаете, обратился генералъ къ Алгасову, кто будетъ первенствовать на балу у барона: княжна или Ирина Платоновна?

— Да, пожалуй Иринѣ придется уступить первенство! сознался Алгасовъ.

— А вѣдь хороша Ирина Платоновна! Ну, княжна, вамъ предстоитъ одержать побѣду надъ знаменитой красавицей! У васъ все готово къ балу?

— Да! Давно ужъ!

И княжна принялась описывать генералу свое платье. Генералъ не соглашался мѣстами и подавалъ ей совѣты, обличавшіе въ немъ тонкаго знатока по части дамскаго туалета. Разговоръ съ обѣихъ сторонъ былъ очень серьезный.

— Ну вотъ, мама, вѣдь я говорила, что незабудки съ блѣдными розами будутъ красивѣе и генералъ говоритъ то же, и не хочу я твоихъ васильковъ съ колосьями, обратилась княжна къ матери.

Генералъ, Илья Ильичъ и князь усѣлись играть въ преферансъ. Алгасовъ остался возлѣ княжны и тотчасъ же возобновился у нихъ прежній веселый разговоръ.

— Кто это—Ирина Платоновна? спросила между прочимъ княжна.

— Ирина? Моя кузина.

— Она хороша собой?

— Очень!

— И она вамъ нравится?

— Она и всѣмъ нравится. А что?

— Такъ. Она будетъ на балу?

— Я думаю...

Княжна взглянула на него, улыбнулась и перемѣнила разговоръ.

Сильное впечатлѣніе произвела на Алгасова княжна. Съ перваго же взгляда такъ дорога ему стала эта милая дѣвушка, такъ хорошо и весело было ему съ нею, такъ безконечно счастливъ былъ онъ, любуясь ею... Онъ не успѣлъ

еще разобраться и дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ къ ней—но всѣ его мысли были заняты ею и весело, легко было на душѣ у него... Это было состояніе блаженства, болѣе радостное и свѣтлое, чѣмъ само даже счастье, подобно тому, какъ цвѣтокъ душистѣе и красивѣе сочнаго плода, подобно тому, какъ первый вѣстникъ лѣта—ясный апрѣльскій день—милѣе намъ обѣщаннаго имъ знойнаго іюльскаго полудня...

Ирину Алгасовъ видѣлъ и на другой, и на третій день послѣ посѣщенія Елецкихъ, но не до Ирины было ему теперь. Онъ уже не чувствовалъ при ней прежняго угнетенія, словно новыя силы пробудились въ немъ и сами собою стали теперь забываться и его былая любовь, и данное Иринѣ обѣщаніе, и его настоящее, все еще неопредѣленное относительно ея положеніе. Какъ-то и не думалось ему объ этомъ, да и не хотѣлось портить счастливыхъ дней своихъ непріятными объясненіями, а сама Ирина ничѣмъ его не вызывала на нихъ. Онъ съ нею видался и, видаясь, былъ спокоенъ, не волновался, не раздражался, не загадывалъ впередъ, говорилъ— равнодушно о пустякахъ, и съ обычнымъ своимъ одушевленіемъ, чуть лишь затрогивалъ его предметъ разговора. Ирина давно уже не видала его такимъ веселымъ и ровнымъ и радовалась этой перемѣнѣ.

Она любила его и радовалась этой перемѣнѣ, но уже прежняго счастья не давала и не сулила ей любовь. Какая-то пустота была вокругъ Ирины, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, ни даже въ прошломъ ничто не улыбалось ей.

Не видѣла она счастья въ одной только любви, въ однихъ его поцѣлуяхъ, а то, что красило ей любовь, того уже не было: мало-по-малу все росло въ ней сознаніе, что не сбудутся ея мечты, что даже и она не въ силахъ вдохновить и вызвать къ дѣятельности лѣниваго барича, какъ въ умѣ характеризовала она Алгасова. Она знала Алгасова, знала его умъ, его душу, его мысли, цѣнила ихъ, но что пользы, когда, кромѣ нея, никто ихъ не знаетъ? Вполнѣ разочароваться въ своихъ мечтахъ было бы слишкомъ уже для нея больно, она старалась вѣрить, что лѣта, время и ея вліяніе побудятъ наконецъ Алгасова къ дѣятельности, но теперь это были всего только надежды, смутныя надежды, а не

увѣренность, окончательно сломившаяся о твердый отпоръ Алгасова. Ирина еще любила его, но это была уже не живая, полная свѣта и радостныхъ ожиданій любовь: неспособна была Ирина разлюбить, неспособна, если бы и совершенно даже разочаровалась она въ любимомъ человѣкѣ, Алгасова же она продолжала цѣнить и глубоко его уважала.

Наступилъ наконецъ день бала. Алгасовъ пріѣхалъ къ барону однимъ изъ первыхъ и все время почти не отходилъ отъ двери, съ нетерпѣніемъ дожидаясь княжны. Княжна вошла. Молоденькая, граціозная, стройная, веселая, какъ майскій день—она была обворожительна въ бальномъ нарядѣ. Еще болѣе оживило ее волненіе и еще милѣе была она, съ радостной улыбкой на хорошенькихъ губкахъ, съ румянцемъ на щекахъ, съ блестящими, полными дѣтскаго счастья глазками, которыми тотчасъ же съ нескрываемымъ любопытствомъ окинула она залу. Ничто, казалось, не обличало въ ней ни робости, ни смущенья, напротивъ, нетерпѣливый взглядъ ея выражалъ страстное желаніе танцовать и веселиться.

Алгасовъ тотчасъ же подошелъ къ ней. Княжна видимо обрадовалась ему и, съ милой улыбкой отвѣчая на его поклонъ, тихо ему сказала:

— Que de monde! Ce n'est pas un bal de l'institut, ah, non!

Тутъ къ ней обратились баронъ и его молодая дочь и княжна удалилась съ ними въ гостинную.

Въ обществѣ тотчасъ же замѣтили княжну; шопотъ восторга пробѣжалъ при ея появленіи по залѣ, особенно между мужчинами, и, когда пріѣхали Бачурины и вошла Ирина, которая была великолѣпна въ этотъ день, царственная красота которой поражала и ослѣпляла—какъ по командѣ, едва лишь показалась она, стали всѣ сравнивать ее съ княжной, глядя то на ту, то на другую. Ирина была величественнѣе, красивѣе княжны, красота ея была правильнѣе и совершеннѣе—но сравненіе было не въ пользу Ирины... Живость, простота и веселье молоденькой княжны—сразу же доставили они ей побѣду надъ гордой Ириной.

Какъ и другіе, и Алгасовъ взглянулъ на обѣихъ дѣвушекъ, но продолжать сравненія было ему не къ чему: и глаза, и сердце—въ немъ тоже все говорило за княжну.

Начались танцы. Жадно слѣдилъ Алгасовъ за княжной и дѣйствительно, такъ легко и граціозно танцовала она, такъ подходило къ танцамъ оживленное ея личико, такъ ясно было видно, сколько искренняго удовольствія доставляетъ ей балъ, что душа радовалась, глядя на нее, и глазъ не хотѣлось отвести отъ нея...

Княжна много танцовала; наперерывъ спѣшили всѣ приглашать ее, почти не отдыхая, переходила она отъ одного кавалера къ другому, и столько ихъ представляли ей, что подъ конецъ и не пыталась ужъ она запоминать ихъ именъ.

Весь вечеръ Алгасовъ не терялъ ея изъ виду. Онъ былъ здѣсь единственнымъ ея знакомымъ и она крѣпко за него держалась, но такъ просто и мило выходило это у нея, такъ довѣрчиво повѣряла она ему бальныя свои впечатлѣнія и совѣтовалась съ нимъ въ затруднительныхъ случаяхъ, что поневолѣ еще милѣе ему стала она.

Такимъ образомъ само собою создалось для него исключительное положеніе въ кругу ея поклонниковъ, Алгасовъ это чувствовалъ и радовался этому. Ему завидовали, завидовали его успѣху и ловкости. Авринскій успѣлъ уже разсказать, какъ въ театрѣ понравилась Алгасову княжна и какъ на другой же день познакомился онъ съ Елецкими.

— Какъ вамъ показался балъ, княжна? обратился къ ней Алгасовъ во время мазурки.

— Очень! живо отвѣтила она. Я и не думала, что будетъ такъ весело!

— И не страшно теперь?

— Ну да, немножко все-таки...

— А этого незамѣтно!

— Нѣтъ? Вотъ это хорошо! А то я вовсе не хочу, чтобы другіе видѣли... А гдѣ мама?

Она обернулась, отъискала свою мать и успокоилась.

— Скажите, гдѣ ваша кузина? спросила она Алгасова. Это она танцуетъ съ...

— Съ графомъ Чагинымъ, подсказалъ Алгасовъ.

— Ну да, мнѣ его представляли, да я забыла. Графъ Чагинъ!.. Только онъ совсѣмъ танцовать не умѣетъ. Такъ это она!..

— А что?

— Въ самомъ дѣлѣ, какая она красивая! Помните, генералъ такъ хвалилъ ее? Ахъ, да, что я вамъ скажу... вдругъ вся обернулась она къ Алгасову.

И все время не умолкалъ у нихъ живой разговоръ; впрочемъ, имъ не давали много говорить, во всѣхъ фигурахъ то и дѣло всѣ выбирали княжну.

Одну кадриль Алгасовъ танцовалъ съ Ириной.

— Qui est cette demoiselle? его спросила она, взглядомъ небрежно указывая на княжну.

Алгасовъ назвалъ ей.

— Ah, oui, je m'en souviens, la jeune baronne nous a fait faire connaissance. Elle est gentille...

— Si elle te plait...

— Mais comme elle a l'air coquette...

— Vraiment? Je ne l'ai pas remarqué.

— Ça se voit tout de suite. Et mon frère! Toujours auprès de la petite Masloff! Il lui fait sérieusement la cour!

— Et bien, il n'y a rien à craindre. M-elle Masloff est une des plus riches fiancées de Moscou, plus riche même que la baronne Glaime!

— Et ta princesse, est-elle riche?

— Je ne connais pas sa fortune. Mais que veux-tu dire, en disant: ta princesse?

— Tu es toujours auprès d'elle...

— Et la raison de la fuir?..

— Tu connais ses parents?

— Oui...

— C'est vite fait... Ils viennent seulement d'arriver, à ce qu'on m'a dit?

Алгасовъ замолчалъ и ничего ей не отвѣтилъ. Непріятное впечатлѣніе произвели на него ядовитыя слова Ирины о княжнѣ и во весь остальной вечеръ ни разу уже не подошелъ онъ къ Иринѣ.

Балъ кончился. Никогда еще ни одинъ балъ не доставлялъ Алгасову столько радости и не показался ему такъ оживленъ и хорошъ. Алгасовъ былъ счастливъ, отрадно, весело и легко было на душѣ у него и ни на минуту не покидалъ его милый образъ княжны.

XXIII.

Насколько возможно часто бывалъ Алгасовъ у Елецкихъ, гдѣ всегда всѣ были ему рады. Всѣ полюбили его въ этой семьѣ. Онъ очень понравился и князю, и княгинѣ, первому прямотой и оригинальнымъ умомъ, второй постояннымъ своимъ оживленіемъ, но не эти успѣхи радовали молодого человѣка: болѣе всего цѣнилъ онъ сближеніе съ милой княжной и съ радостнымъ трепетомъ ловилъ Алгасовъ всѣ малѣйшія проявленія дѣтски-невиннаго, возрастающаго ея вниманія къ нему.

Дѣйствительно, княжна любила его общество. Кромѣ него, у Елецкихъ почти не было короткихъ знакомыхъ въ Москвѣ и потому ли, что княжна болѣе къ нему привыкла, а вѣрнѣе потому, что слишкомъ уже родственны были ихъ души, но къ нему только одному относилась она довѣрчиво и дружески. Она скоро же совершенно съ нимъ освоилась и всегда особенно ему радовалась, когда онъ пріѣзжалъ, потому что въ немъ она видѣла товарища себѣ, не веселаго гостя, а именно товарища, понимавшаго и дѣлившаго съ ней всѣ ея юныя радости, тревоги, огорченія, ожиданія, даже всѣ шалости и дѣтскія выходки, которыхъ она не стыдилась при немъ и не скрывала отъ него.

Запросто принятому у Елецкихъ, Алгасову случалось иногда оставаться наединѣ съ княжной, и въ эти минуты, увлеченный милой дѣвушкой, такъ искренно дѣлилъ онъ съ ней ея молодой смѣхъ, до такой степени становился ея товарищемъ и сверстникомъ, что оба все забывали они тутъ среди оживленной болтовни, среди хохота, шутокъ, а подчасъ и шалостей. Долго безъ радостной улыбки не могли они вспомнить потомъ объ этихъ минутахъ, и тутъ то всего болѣе нравились они другъ другу.

Но гораздо чаще видались они при другихъ, въ свѣтѣ, на балахъ и вечерахъ, и тутъ выказывались другія ихъ стороны. Въ гостинной веселая дѣвочка соединялась въ кокетливой княжнѣ съ умной и милой свѣтской дѣвушкой, она одинаково плѣняла своей наивностью, искреннимъ, безпечнымъ своимъ весельемъ, шаловливымъ кокетствомъ, гра-

ціей и красотой и не даромъ толпой всегда окружала ее влюбленная въ нее молодежь. Среди ея поклонниковъ Алгасовъ рѣзко выдавался красотой, умомъ, остроумнымъ разговоромъ и умѣньемъ всюду вносить оживленье и веселье. Онъ видимо первенствовалъ среди молодежи, княжна это сознавала и это нравилось ей, его вниманье ей льстило и вызывало въ ней желаніе отвѣчать ему тѣмъ же, а ея наивное, быть можетъ, и безсознательное кокетство, украшенное всѣмъ обаяніемъ веселья и юности—еще болѣе цѣны придавало оно чудной своей прелестью полу-дѣтскому ея вниманію.

Всѣ невольно любовались ими, когда они танцовали, и, казалось, невозможно и придумать болѣе красивой и удачнѣе подобранной пары. Княжна знала, что ими любуются, и это было ей пріятно. Она видѣла, что она нравится Алгасову, искренній юноша и не съумѣлъ бы этого скрыть, и такъ хорошо, пріятно было ей нравиться ему, такъ дѣтски-весело хотѣлось еще болѣе ему понравиться...

Такимъ образомъ, и дома, и въ гостяхъ—всюду вмѣстѣ веселились они, болтая, шаля, танцуя, кокетничая и ухаживая, и ничто не смущало ихъ дней. Страстно любилъ ее Алгасовъ, безъ конца любовался онъ ею, дома ли онъ ее видѣлъ, одну, въ простомъ домашнемъ платьѣ, или же во всемъ блескѣ бальнаго наряда, среди многочисленнаго и шумнаго общества, и сколько всегда счастья давалъ ему каждый знакъ ея вниманья, какъ дороги были ему тѣ мгновенья, когда съ такой дѣтски-чистой лаской останавливался на немъ веселый ея взглядъ! Правда, Алгасовъ зналъ, что ея вниманіемъ онъ пользуется не одинъ, на его же глазахъ также весело кокетничала и болтала она и съ другими своими поклонниками, но и это не огорчало его, и съ одинаковымъ восторгомъ любовался онъ милой дѣвушкой, съ нимъ ли она говорила или же кокетничала съ кѣмъ-нибудь другимъ: сердиться, досадовать на нее было для него немыслимо, а ревновать—слишкомъ былъ онъ увѣренъ въ себѣ и въ своей силѣ, чтобы чувствовать ревность.

Всѣ замѣтили его вниманіе къ княжнѣ и его частыя посѣщенія Елецкихъ, но пристальнѣе всѣхъ слѣдила за нимъ Ирина. Еще на балу у барона Глэмъ, гдѣ въ первый

разъ увидала она ихъ вмѣстѣ, тамъ еще закрались подозрѣнія въ ея душу, и вскорѣ она уже не стала ихъ скрывать. И прежде случалось ей ревновать Алгасова къ разнымъ нравившимся ему дѣвушкамъ, теперь же вся ревность ея сосредоточилась на одной княжнѣ, которую Ирина возненавидѣла всѣми силами своей души, возненавидѣла за все, и за вниманье къ ней Алгасова, и за вниманье общества, въ которомъ до появленія княжны Ирина единогласно всѣми считалась первой красавицей. Первенство это сразу же перешло къ живой и милой княжнѣ и лишь немногіе поклонники оставались еще вѣрными Иринѣ, а Ирина дорожила своими свѣтскими успѣхами и не легко было ей помириться съ второстепенной ролью въ свѣтѣ.

Понятно, Ирина ничѣмъ не выказывала того, что она чувствовала, и въ ея ровномъ обращеніи съ княжной никто не угадалъ бы холодной, безграничной ея ненависти къ этой дѣвушкѣ. Лишь наединѣ съ Алгасовымъ давала Ирина волю своимъ чувствамъ, и сильно тутъ доставалось отъ нея этой пустой дѣвчонкѣ, этой бальной куклѣ, этой вѣтренной кокеткѣ, какъ называла она княжну. Ирина прямо указывала Алгасову на кокетство съ нимъ княжны и говорила, что не хочетъ, чтобы легкомысленное поведеніе какой-нибудь ничтожной кокетки становилось преградой къ ихъ обоюдному счастью—ея, Ирины, и Алгасова.

— Ты ничего не видишь, ты слѣпъ уже теперь, говорила она пытавшемуся возражать Алгасову, а я хорошо знаю подобныхъ барышень. И можетъ-быть, ты думаешь, что она съ тобой только однимъ кокетничаетъ?

— Послушай, Ирина, нельзя же такъ строго относиться къ каждому ея слову...

— Это не слова, повѣрь ужъ мнѣ, это просто самое непозволительное кокетство съ каждымъ, кто ни подвернется, унизительное для достоинства женщины... И потомъ, ужъ не воображаешь ли ты, что ее отдадутъ за тебя? Разувѣрься!

— Ничего я не воображаю...

— За тебя ея не отдадутъ. Ей найдутъ жениха познатнѣе и побогаче. Послушай, нельзя шутить нашимъ счастьемъ и всей нашей будущностью, и все это бросать къ

ногамъ первой попавшейся смазливой дѣвчонки. Чего ты хочешь? Твое поведеніе недостойно твоей любви ко мнѣ...

— Ахъ, Ирина, какое тутъ поведеніе? Что же это, мнѣ, значитъ, ни съ кѣмъ ужъ и познакомиться нельзя?

— Мнѣ грустно, Саша, продолжала Ирина, недостойны тебя подобныя отвиливанія. Ты очень хорошо знаешь, что твое знакомство съ княжной Елецкой—не простое свѣтское знакомство. Да! много испытаній предстоитъ мнѣ впереди...

Ирина вздохнула. Алгасовъ промолчалъ.

Все чаще и чаще затѣвала Ирина подобные разговоры. Это было въ первое еще время его знакомства съ княжной, когда первое произведенное на него княжной впечатлѣніе сказалось еще неясно и ничего еще не давало ему для отвѣтовъ Иринѣ. Прямо и безусловно отказаться отъ княжны и сказать, что княжна ничего для него не значитъ— этого онъ не могъ. Отказаться отъ Ирины, сказать ей то, что теперь онъ вполнѣ уже сознавалъ, что онъ ея больше не любитъ, на это у него не хватало еще духа: не медлилъ бы онъ, будь онъ объявленнымъ ея женихомъ, теперь же предстоящая ихъ свадьба не смущала уже его—теперь и не вѣрилъ онъ въ эту свадьбу, и не думалъ о ней — но невольно пугала его твердость Ирины, онъ боялся огласки и крутого разрыва съ ней, а можетъ-быть, и со всѣми Бачуриными. И въ то же время такъ хорошо было ему возлѣ княжны, такъ отрадно было ощущать въ своемъ сердцѣ пробужденіе страстной любви къ этой милой дѣвушкѣ, такъ хотѣлось вполнѣ отдаться своему юному счастью, что поневолѣ старался онъ избѣгать въ эти первые дни всякихъ тяжелыхъ сценъ и объясненій, откладывая ихъ до какого то неопредѣленнаго *потомъ* и смутно надѣясь, не избавитъ ли его отъ нихъ какой неожиданный случай. Онъ удвоилъ даже вниманіе къ Иринѣ, чтобы этимъ отнять у нея всякіе поводы къ ревности и избавиться отъ непріятныхъ разговоровъ о княжнѣ, съ которой по прежнему продолжалъ видаться насколько возможно часто. Ирина дѣйствительно какъ будто нѣсколько успокоилась и рѣже, но за то язвительнѣе, стали ея нападки на княжну. Алгасовъ былъ очень доволенъ своей тактикой, которой онъ приписывалъ эту перемѣну въ Иринѣ, но при-

чина тутъ была другая: не такъ легко давалась въ обманъ Ирина. Все яснѣе и яснѣе стала она сознавать, что любовь его къ ней приходитъ къ концу... Тяжело и больно было это Иринѣ, и до послѣдней минуты все держалась она за свои старыя надежды... Много разочарованій пришлось ей пережить за послѣднее время, сначала разочарованіе въ мечтахъ о блестящемъ будущемъ Алгасова — и это разочарованіе было самое, быть можетъ, тяжелое для нея... Теперь она переживала потерю его любви, хотя и лишенной уже въ ея глазахъ своего прежняго очарованія, но все еще сулившей ей счастье. Ирина не приходила въ отчаяніе, это было не по ней, и не мечтала она о прошломъ; она прямо глядѣла теперь въ свое безотрадное будущее, порывисто хватаясь еще за обломки своего счастья, но уже не вѣря въ него и съ разбитымъ сердцемъ готовясь къ иному.

Княжна, обыкновенно равнодушная къ людямъ, для нея постороннимъ и несимпатичнымъ, и она въ свою очередь сильно недолюбливала Ирины и не переставала шутить надъ ней, разспрашивая о ней Алгасова. Отъ ея зоркаго взгляда не ускользнуло усиленное вниманіе Алгасова къ Иринѣ, и княжна воспользовалась этимъ, чтобы ревностью еще болѣе украсить свое кокетство. Это не были полныя горечи и яда слова Ирины, напротивъ, игривые, легкіе намеки княжны — яснѣе лишь обрисовывали они ея собственное вниманіе къ Алгасову, и насколько непріятна была ему ревность Ирины, настолько же радовали его малѣйшія проявленія шаловливой ревности княжны.

— А, это вы? встрѣтила его однажды княжна, когда онъ вошелъ въ залу, гдѣ княжна, сидя передъ клѣткой, учила красиваго попугая. Папы дома нѣтъ.

— Здравствуйте, княжна, отвѣтилъ Алгасовъ, подходя къ ней.

— Папы дома нѣтъ, а мама занята, настойчиво повторила дѣвушка, а мнѣ вы мѣшаете.

— Если хотите, я вамъ даже помогу, предложилъ Алгасовъ.

— Благодарю, не надо. Зачѣмъ вы? вдругъ и живо обернулась она къ нему.

— Къ вамъ, и больше ни за чѣмъ!

— Ко мнѣ! воскликнула она. А я и не знала.... Вотъ, право, ко мнѣ никогда еще не пріѣзжали гости! радостно-изумленная, весело проговорила княжна. Ну будемъ разговаривать. Какова сегодня погода?

— Что это вы о ней вспомнили?

— О чемъ же мы будемъ говорить?... Какъ ваше здоровье?

— Будетъ, княжна!

— Послушайте, о чемъ же мнѣ съ вами говорить? Ну такъ садитесь и учите попугая, а то бѣдный попка одно только и умѣетъ: „попка дуракъ!“

„Попка дуракъ!“ крикнулъ за ней попугай. Княжна засмѣялась.

— Слышите? сказала она.

— Чему же его учить?

— Я хочу, чтобы онъ еще что нибудь зналъ, что нибудь хорошенькое. Я уже одному научила его, а еще что— и не знаю, придумайте вы!

— Да что вы хотите....

— Для меня и этого даже не можете сдѣлать! жалобно начала княжна, не спуская съ него ясныхъ своихъ глазъ.

— Это ужъ вы напрасно, княжна!..

— Отчего вы со мной, вы мнѣ вотъ что скажите, отчего вы со мной третьяго дня мазурки не танцовали? строго вдругъ спросила она.

Алгасовъ невольно смутился отъ неожиданнаго этого вопроса.

— Отчего? повторила княжна.

„Не хотѣлъ!“ громко вдругъ крикнулъ попугай. Отъ восторга княжна вскочила даже со стула.

— Браво, попка, браво, милый! радостно воскликнула она. Видите, попка за васъ отвѣтилъ, продолжала она, стоя у клѣтки и стараясь погладить попугая.

— Нѣтъ, Евгенія Александровна, не потому, разумѣется, а потому что я танцовалъ съ другой... тихо возразилъ Алгасовъ.

— Да, съ другой, это я видѣла, вы не сидѣли, а танцовали! А я то на васъ надѣялась и чуть-чуть было не осталась безъ кавалера! Хорошо, что меня спасъ этотъ

несчастный Лужновъ, который двухъ шаговъ ступить не умѣетъ.... Но вы представьте, что за удовольствіе танцовать съ этимъ уродомъ!

— Да если бы я зналъ, что вы.....

— И все равно пошли бы танцовать съ вашей кузиной, живо перебила его княжна. Послушайте, она вамъ очень нравится?

— Я не знаю....

— Нѣтъ, вы отвѣчайте!

— Право, трудно отвѣтить. Ну если я, напр., спрошу у васъ, нравится ли вамъ вашъ братъ?

— То братъ, а она вамъ не сестра. А у меня есть кузены, и особенно одинъ, Вася Полозовъ, ахъ, что это за красавецъ! Гусаръ... Вы его не видали? Онъ, можетъ быть, пріѣдетъ. Знаете, я очень долго была влюблена въ него...

— А онъ?

— И онъ... Да не о немъ рѣчь...

— И сейчасъ, княжна?

— Ну, это уже мое дѣло. Я васъ спрашиваю, нравится ли вамъ ваша кузина, m-elle Бачурина? Ахъ, кстати, что это ея братъ такъ рѣдко у насъ бываетъ? Вотъ милый молодой человѣкъ! Мнѣ онъ такъ нравится...

— Онъ очень занятъ...

— Вѣдь онъ прокуроръ, да? Должно-быть, хорошо говоритъ! Какъ только онъ будетъ обвинять, скажите мнѣ и мы съ мамой поѣдемъ его слушать, да и его привозите къ намъ. Ну-съ, его сестра?

— Что его сестра?

— Весело съ ней?

— Да, она очень умна, съ ней интересно и пріятно говорить...

— О чемъ же вы съ ней говорите?

— Да о разныхъ вещахъ...

— Нѣтъ, о чемъ именно?

— Да развѣ возможно передать вамъ содержаніе всѣхъ нашихъ разговоровъ?

— Почему же нельзя?

— Потому что ихъ много и большей частью это разговоры довольно серьезные...

— И я не пойму ихъ, да?...

— Евгенія Александровна, полноте, что вы нападаете на меня? Развѣ я это хотѣлъ сказать?

— Отчего со мной не попробуете вы поговорить о чемъ-нибудь серьезномъ? Тогда, можетъ быть, и не скучно было бы вамъ танцовать со мной...

— Я васъ рѣшительно не понимаю, княжна!..

— Что же дѣлать?

— Чего вы хотите отъ меня?

— Я? Ничего! Я хотѣла съ вами танцовать, это правда, но вы предпочитаете танцовать съ вашей кузиной, съ которой такъ интересно говорить, а теперь я ничего отъ васъ не хочу.

— Да согласитесь, княжна, не могъ же я знать...

— Это уже не мое дѣло.

— Позвольте васъ пригласить на послѣзавтра...

— Благодарю, я уже танцую.

— Съ кѣмъ?

— Вамъ какое дѣло? Съ Рамзаевымъ.

Рамзаевъ, очень красивый молодой человѣкъ, былъ однимъ изъ главныхъ поклонниковъ княжны и она сильно съ нимъ кокетничала.

— Вы какъ будто сердитесь на меня? помолчавъ, спросилъ Алгасовъ.

— Да вамъ то что до этого? Не все ли вамъ это равно?

— Грустно, если вы дѣйствительно такъ думаете, тихо произнесъ Алгасовъ.

Княжна улыбнулась и ничего ему не сказала на это.

Въ другой разъ, на одномъ балу, когда Алгасовъ подошелъ къ ней, она спросила его:

— Отчего это ваша кузина никогда ни улыбнется, ни развеселится, точно она сердита на всѣхъ? И съ ней можетъ быть весело?

— Да, она сдержанна... отвѣтилъ Алгасовъ. Но ее надо узнать, въ ней много хорошаго...

— И вы ее знаете?

— Да, мы очень дружны!

— Вы дружны!.. А какъ она хороша!

— Для дружбы не требуется красоты, княжна, возразилъ Алгасовъ.

— Ну, красота никогда не лишняя. Она смотритъ на васъ. Вамъ нужно, можетъ быть, къ ней? Я не держу васъ...

— Благодарю васъ, но я предпочитаю остаться возлѣ васъ, если вы позволите, отвѣтилъ онъ, мелькомъ взглянувъ на Ирину. Ирина точно смотрѣла на него и взгляды ихъ встрѣтились. Досадно стало ему на Ирину и онъ поспѣшилъ отъ нея отвернуться. Отъ княжны ничего не ускользнуло и легкая усмѣшка показалась на ея губахъ.

— Въ такомъ случаѣ принесите мнѣ мороженаго, сказала она, но, пожалуйста, не стѣсняйтесь!..

Она видѣла, что ревность еще болѣе привлекаетъ къ ней Алгасова, и продолжала, шутя и играя, прибѣгать къ этой уловкѣ, хотя въ сущности большого огорченія Ирина ей не доставляла! Впрочемъ, избалованная успѣхами, княжна не терпѣла, чтобы кто-либо изъ ея поклонниковъ обращалъ вниманіе на другихъ красавицъ: какъ капризное дитя, которое видитъ какую-нибудь игрушку, настойчиво добивалась она безраздѣльной власти надъ влюбленными въ нее сердцами, съ которыми поступала, какъ дитя же съ игрушками...

Алгасовъ не особенно вѣрилъ въ ея ревность, но, какъ и все въ ней, и шаловливая эта ревность была ему дорога и мила и много давала ему отрадныхъ минутъ. Его любовь росла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

И чѣмъ сильнѣе она становилась, тѣмъ тяжелѣе становились для него его отношенія къ Иринѣ. Одна мысль владѣла имъ теперь, мысль о томъ, какъ бы покончить съ Ириной, покончить во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе. Прежде, свободный отъ всякой другой привязанности, онъ могъ еще откладывать этотъ конецъ, теперь же звала его любовь, искренняя, страстная и счастливая... Во дни самаго даже полнаго расцвѣта его чувства къ Иринѣ не смѣлъ онъ безъ думъ и оглядокъ вполнѣ ему отдаться, теперь же, только еще начиная любить, весь уже принадлежалъ онъ любимой дѣвушкѣ, и все его будущее рисовалось ему теперь не иначе, какъ въ лучахъ его новой любви. Но въ

будущее и не заглядывалъ онъ, его настоящее было слишкомъ для этого хорошо, слишкомъ полно отрады, счастья и веселья и всей душой наслаждался онъ этимъ настоящимъ, какъ скупецъ, болѣзненно дорожа каждымъ малѣйшимъ его мгновеніемъ...

Одно лишь облачко омрачало счастливое его состояніе, это Ирина и предстоящее неизбѣжное объясненіе.

— И изъ за чего, изъ за чего все это? съ тоской думалъ онъ. Что я тогда, въ саду, сказалъ, развѣ это обдуманныя слова были? Ихъ насильно у меня вырвала одна неожиданная красивая минута. Но тогда и не могъ я сказать ничего другого, и какъ не понять ей этого, какъ не видитъ она, что я уже не люблю ея?.. Да и любилъ ли я ее когда-нибудь? А вѣдь она мнѣ нравилась, и что если бы мы были уже обвѣнчаны и я узналъ бы княжну, что сталось бы тогда со мной!...

Онъ вздрогнулъ даже отъ ужаса при одномъ предположеніи объ этомъ, но и мысли не явилось у него, что и въ будущемъ можетъ случиться что-либо подобное. Теперь имъ владѣла иная любовь и въ эту минуту не существовало для него женщины, кромѣ княжны.

Онъ ждалъ только удобнаго случая для рѣшительнаго объясненія съ Ириной, все еще не имѣя духа прямо придти и начать разговоръ о концѣ своей любви. Но за удобнымъ случаемъ дѣло не стало, Ирина не оставляла въ покоѣ ни его, ни княжны.

— Здравствуй, однажды встрѣтила она его. Что это тебя не было вчера у Хрущевыхъ?

— У меня гости были, отвѣтилъ онъ.

— Жаль, тамъ было очень весело, и твоя княжна отличалась, какъ всегда.

— Развѣ Елецкіе тамъ были? Я не зналъ, что они знакомы съ Хрущевыми.

— А то бы ты все бросилъ и поскакалъ бы къ нимъ?

— Не знаю, можетъ быть, и нѣтъ...

— Она была хороша, хохотала и дурачилась, какъ и всегда. Право, даже интересно, что такъ нравится всѣмъ въ этой пустой дѣвчонкѣ?

— Нравится ея молодость, ея оживленіе, нравится то, что она пользуется молодостью, что и другимъ даетъ она часть своего веселья...

— Да, молодость... А что будетъ изъ нея черезъ нѣсколько лѣтъ?

— Черезъ нѣсколько лѣтъ и мы будемъ другими.

— Вотъ тогда то и скажется вся ея пустота!

— Пускай сказывается, если она въ ней есть, но я не знаю, къ чему такъ говорить про дѣвушку, тебѣ совершенно незнакомую? Въ ея годы простительна ея беззаботная жажда веселья... Но мало ли, Ирина, красивыхъ дѣвушекъ, и живыхъ, и веселыхъ, почему же одна лишь княжна такъ привлекаетъ къ себѣ всѣхъ? Съ ней весело, вотъ главное, и это одно уже доказываетъ, что далеко не пустая она дѣвушка, и что нельзя такъ говорить, не зная ея.

— Съ какимъ жаромъ ты защищаешь ее! проговорила Ирина, пристально глядя на Алгасова.

— Я только стою за справедливость. Княжна не нуждается въ моей защитѣ.

— Скажите, пожалуйста, какъ громко! Однако же ты все-таки ее защищаешь.

— Что же, развѣ ты никогда и никого не защищаешь, если при тебѣ отзываются дурно о хорошемъ человѣкѣ?

— Да, если этотъ человѣкъ интересуетъ меня...

— Да! Ну я не стану говорить, что я совершенно безразлично отношусь къ княжнѣ, но мой долгъ не позволять, чтобы въ моемъ присутствіи о комъ бы то ни было говорили неправду.

— Вотъ ужъ какъ мы нынче заговорили! воскликнула Ирина. И ты всегда держишься этого правила?

— Стараюсь всегда держаться.

— Ну, признаюсь, при твоей снисходительности у тебя должна быть масса работы!

— Моя снисходительность тутъ ни при чемъ; если бы я захотѣлъ быть строгимъ, разумѣется, я предпочелъ бы примѣнять эту строгость къ себѣ, а не къ другимъ. Но тутъ не то. Если о комъ бы то ни было тѣ или иные выводы станешь ты дѣлать на основаніи его поступковъ и жизни— я ни слова не скажу, ибо каждый воленъ дѣлать выводы,

какіе ему угодно. Но я не понимаю, къ чему голословныя обвиненія и какъ не возражать на нихъ? Помнишь, что сказалъ Спаситель о людяхъ, дозволяющихъ себѣ это самое слово: пустой? Не въ силахъ люди во всей его строгости соблюдать этотъ Его завѣтъ, но осмотрительность— въ ней нѣтъ и не можетъ быть ничего труднаго. Какъ заключать о пустотѣ молоденькой дѣвушки изъ одного только того, что ей нравятся удовольствія? Вѣдь послѣ этого ты будешь судить и о пустотѣ ребенка, потому-что ему нравятся игрушки? Да я не понимаю, почему меня исключаешь ты изъ числа пустыхъ, заслуживающихъ презрѣнія людей? Тутъ болѣе имѣешь ты права и поводовъ къ обвиненію. Съ меня, дѣйствительно, можно требовать чего-нибудь и кромѣ любви къ удовольствіямъ, а тамъ, помимо уже ея лѣтъ, ты должна помнить, что судъ надъ женщиной и окончательный приговоръ надъ нею возможенъ лишь тогда, когда она станетъ женой и матерью. Но повторяю, надо быть послѣдовательнымъ. Изъ двухъ людей, ведущихъ одинаковую жизнь, нельзя уважать одного и презирать другого.

— Но, кажется, ты не особенно и заботишься о моемъ уваженіи, и не желаешь его заслужить...

— Да, я люблю свободу, а чтобы *желать* и *стараться* заслужить чье бы то ни было уваженіе, именно этой самой свободой и надо поступиться. Но я на это не способенъ, хотя бы дѣло шло объ уваженіи и цѣлаго даже міра. Я не скрываю своей жизни и твое уже дѣло судить, стою ли уваженія, или нѣтъ.

Такъ мало любви слышалось въ этихъ словахъ, что невольно опустила Ирина голову. Съ каждымъ его словомъ постепенно исчезали и меркли ея послѣднія надежды...

— Я думала, ты больше дорожишь моимъ уваженіемъ, съ грустью тихо проговорила она.

— Ты не ошибаешься, оно мнѣ дорого, но если я не-стою его?

— Саша, Саша, не о томъ рѣчь, ты знаешь, что я люблю и цѣню въ тебѣ, горячо заговорила Ирина. Мнѣ дорого въ тебѣ то, во что я не могу не вѣрить, что наступитъ время, когда ты измѣнишь свою жизнь и станешь

преслѣдовать задачи, поважнѣе свѣтскихъ пустыхъ удовольствій...

— Мы не разъ уже говорили объ этомъ, Ирина, перебилъ ее Алгасовъ.

— Все равно, сбудутся ли мои надежды, или нѣтъ, упавшимъ голосомъ продолжала она, но, мнѣ кажется, для меня ты навсегда уже потерянъ. Я люблю тебя, Саша, и ты поймешь, какъ это мнѣ тяжело, и еще тяжелѣе, когда я подумаю, что та, которая, кажется, тебя отняла у меня—она недостойна тебя. Но если я ошибаюсь, а я хочу еще вѣрить въ это, докажи мнѣ... Пойми, что теперь уже не до шутокъ... Ты долженъ уважать мои права, если ты еще признаешь ихъ.

Она замолчала и грустный взглядъ ея не покидалъ Алгасова. Алгасовъ понялъ, что наступила наконецъ рѣшительная минута. Уже забытое имъ слово, которое онъ считалъ уже не существующимъ, оно, какъ оказалось, по-прежнему тяготѣетъ надъ нимъ. Это придало ему силъ. Съ досадой, почти злобой, обернулся онъ къ Иринѣ, но въ дверяхъ появился лакей и доложилъ:

— Баронъ Николай Николаевичъ Нобель!

— Проси барона, отвѣтила Ирина и встала, идя на встрѣчу входившему барону. Она тихо сказала Алгасову:

— Нашъ разговоръ долженъ кончиться, Саша. Я не хочу долѣе откладывать сватьбы, если ты еще любишь меня.

Баронъ показался въ дверяхъ.

— Voilà une surprise, mon oncle, встрѣтила его Ирина, nous ne vous attendions pas.. Quand êtes vous arrivé?

— Bonjour, chère nièce, цѣлуя ея руку, отвѣтилъ баронъ. Ce matin je viens de Petersbourg.

— Pardon, перебила его Ирина. Mon cousin Algassoff, baron Nobel, познакомила она ихъ и позвонила.

Алгасовъ и баронъ раскланялись. Вошелъ лакей.

— Maman доложили? спросила Ирина.

— Ихъ превосходительство сейчасъ выйдутъ.

— Хорошо.

— Какъ вы тутъ поживаете, въ Москвѣ? обратился къ Иринѣ баронъ, старшій братъ Өедора Николаевича, одинъ изо всѣхъ Нобелей сохранившій хорошія отношенія съ Ба-

чуриными. Онъ былъ командиромъ виднаго гвардейскаго полка.

— Ничего, веселимся... Вы надолго въ Москву?

— Нѣтъ, я проѣздомъ... Мнѣ нужно въ Пензу.

— Тамъ у васъ, кажется, имѣніе?

— Да, у отца тамъ полторы тысячи десятинъ и теперь онъ предоставилъ мнѣ это имѣніе. Надо же тамъ побывать... Да, кстати, я къ вамъ съ доброй вѣстью: Костя пожалованъ камеръ-юнкеромъ!

— Да? Онъ этого ждалъ. А что, нѣтъ надежды на его повышеніе? Что дѣдушка?

— Papa ничего, онъ никогда не говоритъ о Костѣ.

Тутъ вошла Аделаида Филипповна. Алгасовъ подождалъ немного, затѣмъ простился и вышелъ. Ирина проводила его короткимъ, но выразительнымъ взглядомъ.

Медленно шелъ Алгасовъ по залѣ, направляясь къ выходнымъ дверямъ. Невыразимо досадно было ему на эту неожиданную помѣху: долѣе уже не въ силахъ онъ оставаться подъ тяжестью послѣднихъ словъ Ирины и теперь на все былъ онъ готовъ, лишь бы поскорѣе скинуть съ себя ненавистныя цѣпи. Онъ уже не думалъ о возможныхъ послѣдствіяхъ разрыва, одна мысль была у него — какъ можно скорѣе снова стать свободнымъ. Онъ подошелъ къ окну и съ шапкой въ рукахъ остановился передъ нимъ, обдумывая, что ему дѣлать, какъ бы поскорѣе покончить со всей этой исторіей. Изъ гостинной доносились громкій голосъ барона и красивыя, спокойныя фразы Ирины. Алгасовъ быстро отошелъ отъ окна.

— Дома Константинъ Платоновичъ? спросилъ онъ у попавшагося лакея.

— Никакъ нѣтъ. они еще не пріѣзжали...

Алгасовъ положилъ шапку и пошелъ въ кабинетъ Бачурина. Онъ сѣлъ къ столу, отыскалъ тамъ листъ почтовой бумаги и принялся писать. Такъ радъ былъ онъ этой пришедшей ему мысли письменно объясниться съ Ириной, что ему показалось слишкомъ долгимъ откладывать письмо до возвращенія домой и онъ рѣшилъ написать ей тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

Безъ колебаній и размышленій приступилъ онъ къ письму и быстро, торопясь, но твердымъ почеркомъ и безъ помарокъ написалъ слѣдующее:

„Быть можетъ, и къ счастью, Ирина, что намъ не удалось докончить нашего разговора, на письмѣ я лучше и спокойнѣе тебѣ все разъясню. Я не могу на тебѣ жениться, можетъ быть, и потому, что я разлюбилъ тебя, а вѣрнѣе всего, что самое обѣщаніе это я далъ необдуманно. Подумай, Ирина: что выиграли бы мы, соединяясь навѣки? Не потому я это говорю, что люблю теперь другую, клянусь тебѣ, не она виновата въ этихъ словахъ, и до нея, и даже лѣтомъ, пожалуй, если бы тогда наступилъ рѣшительный день, и тогда сказалъ бы я то-же самое. Главное въ томъ, Ирина, что, вѣнчаясь, мы ничего не выигрываемъ, вотъ главная, и даже единственная причина невозможности нашей свадьбы. То, что насъ соединяетъ, все это и безъ свадьбы принадлежитъ намъ всецѣло: это наше дѣтство, дружба нашихъ семей, а главнѣе всего—наша собственная дружба. Помимо этого у насъ нѣтъ ничего, ни горячей страсти, ни жизни, которую мы понимали бы одинаково, ни соединяющаго насъ, обоимъ равно дорогого дѣла; а то, что есть у насъ, это и безъ свадьбы всегда было и будетъ нашимъ и дастъ намъ все хорошее, что только можетъ намъ дать, свадьба даже испортила бы это хорошее, ибо не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать намъ не совсѣмъ согласное будущее. Я не могу даже сказать, что я разлюбилъ тебя, Ирина. Нѣтъ, я чувствую къ тебѣ все то-же, что чувствовалъ и лѣтомъ, измѣнилось только то, что теперь я понялъ истинный характеръ связующаго насъ чувства, понялъ и то, что это чувство даже не даетъ намъ права на совмѣстную жизнь. Я не говорю, что оба мы чувствуемъ одно и то-же, я говорю только про себя. Ты любишь меня, я вѣрю тебѣ, ты еще нынче сказала мнѣ это. Но я не могу раздѣлять этой любви и, клянусь тебѣ, я не старался ея вызвать въ тебѣ, да въ то первое время и не съумѣлъ бы этого сдѣлать, не съумѣлъ бы потому, что не было у меня внутренней потребности добиваться твоей любви, хотя мысль о ней и была у меня, и даже соблазняла меня. Вотъ истинная причина, почему я

молчалъ тогда и почему тебѣ первой пришлось сказать слово любви. И если я поддался обаянію твоей любви, Ирина, неужели я виноватъ, что я былъ польщенъ твоимъ вниманіемъ ко мнѣ и твоимъ интересомъ къ моимъ словамъ, что твое признаніе взволновало меня, что меня опьянила твоя красота и возможность твоихъ поцѣлуевъ, и еще болѣе опьянили потомъ самые поцѣлуи? Все это дурно, не хорошо, я согласенъ, но я не способенъ всегда и при всякихъ положеніяхъ разсуждать и взвѣшивать всѣ свои слова и поступки, это мой недостатокъ, отъ котораго никогда не буду я въ силахъ исправиться. Но еще повторяю, не съ холоднымъ разсчетомъ добивался я твоей любви, когда-же она пришла, я не въ силахъ былъ отъ нея отказаться, ты такъ хороша, и признаюсь, твоя красота много помогла мнѣ принять мою любовь къ сестрѣ за любовь къ невѣстѣ. Много зла надѣлалъ я тебѣ, Ирина. Если можешь, прости мнѣ! Но жениться на тебѣ я не могу. Не имя Алгасовой, а любовь моя нужна тебѣ, и если въ моей еще власти дать тебѣ первое, то вторая уже не зависитъ отъ меня... Можетъ быть, я обманулся, можетъ быть, я разлюбилъ тебя я не знаю, что ты будешь обо мнѣ думать. Но что бы то ни было, ясно и неопровержимо одно только, что не суждено намъ совмѣстное счастье. На несчастье же за компанію, несчастье безцѣльное и безполезное, на него я неспособенъ. Подумай, Ирина, и, даже любя меня, вмѣстѣ со мной поблагодаришь ты Господа, что мы или, вѣрнѣе, я во время одумался.

„Вотъ все, что я имѣю тебѣ сказать, Ирина. Жду твоего отвѣта. Позволь же мнѣ еще разъ увѣрить тебя, что мнѣ дорога твоя дружба, что, какъ друга, какъ сестру, я люблю тебя и всегда буду любить, что бы ни случилось, и буду любить еще болѣе, если сама ты сохранишь ко мнѣ чувство дружбы. Если же нѣтъ—я пойму тебя, Ирина, и повѣрь, съ грустью, но покорно приму это наказаніе, вполнѣ мною заслуженное за мое легкомысліе.

„До свиданія, или прощай—теперь это зависитъ отъ тебя. Теперь ты все знаешь. Твой другъ, твой братъ А. Алгасовъ“.

Легче стало на душѣ у него, когда онъ кончилъ это

письмо. Онъ не сталъ его перечитывать, взялъ конвертъ и написалъ на немъ:

Ея превосходительству
Иринѣ Платоновнѣ *Бачуриной.*

Тутъ онъ на минуту задумался. Какъ передать Иринѣ письмо? Черезъ брата? Черезъ швейцара? Но все это показало бы другимъ, что между нимъ и Ириной произошло что-то особенное, а Алгасовъ такъ радовался въ эту минуту, что вся ихъ любовь осталась ихъ тайной, и вовсе не хотѣлось ему подавать повода къ какимъ либо догадкамъ. Ѳнъ снова взялъ перо и приписалъ названіе улицы и фамилію домовладѣльца. Тутъ вошелъ Константинъ Платоновичъ, въ мундирѣ, съ портфелемъ въ рукахъ: онъ былъ прямо изъ присутствія.

— А, здравствуй, Саша! весело воскликнулъ онъ.

— Здравствуй, отвѣтилъ Алгасовъ. Много народа загубилъ сегодня?

— Да, таки двоихъ молодчиковъ... и знаешь, безъ снисхожденія!..

— И куда же ихъ?

Бачуринъ махнулъ рукой.

— Одного на восемь, другого на четыре, коротко отвѣтилъ онъ.

— Молодецъ! И впредь старайся, начальствомъ забытъ не будешь. Да, кстати! Поздравляю тебя, г. камеръ-юнкеръ! Да не забудь: надо спрыснуть новый мундиръ и вечеромъ мы соберемся для этого въ Эрмитажѣ.

— Гдѣ ты читалъ? быстро спросилъ Бачуринъ.

— Да ужъ вѣрно, не безпокойся. Какого это класса?

— Нѣтъ, ты не шутишь?

— Да нѣтъ же! Слушай, ты покажись мнѣ во всемъ величіи, въ самомъ, что ни на есть парадномъ мундирѣ, я хоть на тебя то полюбуюсь!...

Довольная улыбка заиграла на лицѣ товарища прокурора.

— Да, началъ онъ, разумѣется, это еще не особенно много, но всетаки... Впрочемъ, это лишь первая ступень, и къ тому же я могу сказать, что не даромъ беру награды, кончилъ онъ, садясь на диванъ.

— И отъ души желаю тебѣ быть хоть оберъ-камергеромъ, сказалъ Алгасовъ, но только—чуръ! тогда не зазнаваться и не забывать меня!

— Глупости говоришь! улыбаясь, отозвался Бачуринъ.

— Вотъ и мой Павелъ Ивановичъ генераломъ сдѣланъ, снова заговорилъ Алгасовъ. Что у меня за родня, право! Одна сестра—княгиня, другая—генеральша, братъ—камеръ-юнкеръ, и я, несчастный отставной X класса, да и то контрабандой, затесался въ такую знать! Одинъ только Сережа и поддерживаетъ еще меня...

— А кстати, что Сережа?

— Недавно онъ писалъ мнѣ. Теперь онъ кончаетъ свои занятія на фабрикѣ и въ концѣ этого мѣсяца отправляется путешествовать по Италіи, Франціи и Швейцаріи, потомъ въ Вѣну на выставку и оттуда домой. Онъ вернется въ іюлѣ или въ августѣ.

— Значитъ, мы его скоро увидимъ! Будешь писать—поклонись ему отъ меня.

— Ты знаешь, что я этого не сдѣлаю.

— Отчего?

— Да что я глупости буду писать? Сережа и такъ знаетъ, что ты помнишь его, что ему въ твоихъ поклонахъ? Я никогда ихъ не пишу и не передаю, если ихъ пишутъ.

— Ну ты всегда все по своему. Да, что ты здѣсь, а не въ гостинной?

— Мнѣ письмо нужно было написать, я и зашелъ къ тебѣ, отвѣтилъ Алгасовъ, пряча въ карманъ лежавшее на столѣ письмо. А изъ гостинной я улизнулъ: тамъ вѣдь родственникъ твой пріѣхалъ, тебѣ не говорили?

— Ахъ, я и забылъ тутъ съ тобой!..

— Камеръ-юнкерству обрадовался! Ну иди, я вѣдь не держу тебя...

— А ты куда же?

— Прощай, мнѣ пора ужъ. Такъ не забудь, вечеромъ въ Эрмитажѣ. Прощай, камеръ-юнкеръ!

Алгасовъ вышелъ отъ Бачуриныхъ, зашелъ въ первую же мелочную лавочку, наклеилъ марку на письмо и опустилъ его въ ящикъ.

Одно только ощущалъ онъ тутъ—что теперь онъ снова свободенъ. Что будетъ, объ этомъ онъ не думалъ.

Письмо Ирина должна была получить вечеромъ. Къ 12 часамъ нѣсколько человѣкъ ихъ общихъ съ Бачуринымъ пріятелей собралось въ отдѣльной залѣ Эрмитажа, гдѣ Алгасовъ устроилъ торжественную встрѣчу новопожалованному камеръ-юнкеру. Наружно Алгасовъ казался спокойнымъ, но съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ Бачурина. Хотя Константинъ Платоновичъ и ничего не зналъ, но все-таки изъ его словъ Алгасовъ надѣялся узнать, какъ приняла Ирина его письмо.

Вошелъ Бачуринъ. Его встрѣтили съ поднятыми бокалами и криками *ура*. Бачуринъ съ умѣренной радостью отвѣчалъ на поздравленія, стараясь показать, что вовсе не особенно цѣнитъ онъ свое новое званіе, котораго онъ давно уже добивался.

— Ну что баронъ, все у васъ? спросилъ его Алгасовъ.

— У насъ, отвѣтилъ Бачуринъ. Разсказываетъ maman и Иринѣ петербугскія новости. Восточный вопросъ его безпокоитъ...

— А больше никого нѣтъ?

— Тамъ еще Масловъ и Авринскій.

— Ну, подумалъ Алгасовъ, должно быть, все обошлось.

Онъ подождалъ немного и, подъ предлогомъ головной боли, уѣхалъ домой.

Ирина получила письмо, прочла его и хотя это стоило ей большихъ усилій, но она не подала и вида, что полученное письмо рѣшило ея судьбу. Лишь ночью, оставшись одна въ своей комнатѣ, дала она волю себѣ. Неподвижно сидѣла она на креслѣ, блѣдная, крѣпко стиснувъ руки. Она уже готовилась къ этому удару и все-таки онъ жестоко поразилъ ее... Безпорядочныя, унылыя мысли носились въ ея головѣ. Безотрадное будущее видѣла она передъ собою, пустоту какую то, страшную, ужасающую пустоту, и ничего не давало ей прошлое, даже тамъ не находила она ни одной отрадной минуты, на которой она могла бы остановиться. Ея гордость была оскорблена, но Ирина и этого не замѣчала. Все ея счастье было уничтожено, такъ-таки совсѣмъ уничтожено и вычеркнуто изъ ея жизни, ея счастливые мѣ-

сяцы обратились въ тусклое какое-то пятно, ибо ихъ породила только ошибка, это одно было ясно Иринѣ. Черезъ эти мѣсяцы ея настоящее соприкасалось съ прошлымъ, съ тѣмъ, что было до нихъ... А она все-таки любила, любила по своему, сознавая, что уже больше ей не любить.... Всѣ эти мысли колесомъ вертѣлись въ ея мозгу и неподвижно продолжала она сидѣть, низко, подъ тяжелымъ ихъ напоромъ, опустивъ свою красивую головку. Не о томъ думала Ирина, чтобы вернуть себѣ хоть призракъ счастья—Алгасовъ былъ правъ, не сватьбы съ нимъ, не имени его нужно было ей, а его любви; она думала, какъ бы съ большимъ достоинствомъ перенести этотъ ударъ, не выказывая ни слабости, ни горя.

Ирина не замѣтила, какъ прошла вся ночь. Свѣчка ея потухла, а Ирина все продолжала сидѣть и утро застало ее на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи. Утро это привело ее нѣсколько въ себя. Она встала, оглянулась и легла на постель, чтобы горничная не застала ея на креслѣ. Тутъ усталость побѣдила наконецъ ея горе и Ирина заснула, хотя не надолго.

Сонъ не освѣжилъ ея. Утомленная и блѣдная встала она, но по возможности постаралась скрыть свое волненіе. Уже одѣтая, готовая выйти въ столовую, она присѣла на минутку къ письменному столу и торопливо написала слѣдующую записку:

„Я ничего не могу тебѣ сказать, погоди хоть немного. Не знаю, возможно-ли сохраниться нашей дружбѣ, но и мнѣ было бы тяжело совсѣмъ съ тобой разстаться. Все происшедшее между нами должно *для всѣхъ* остаться тайной, ты это знаешь. Эти дни ты не долженъ у насъ бывать.“

„P. S. Сожги эту записку.“

Съ нетерпѣніемъ ждалъ Алгасовъ отвѣта Ирины и какъ гора свалилась съ плечъ у него, когда онъ прочелъ эти строки. Все было кончено, и весь принадлежитъ онъ теперь настоящему... Не радость вызвало это въ немъ, онъ зналъ, что такъ должно быть и будетъ, а чувство облегченія и, пожалуй, благодарности Иринѣ за ея отвѣтъ.

Прошла недѣля. Тяжело было Иринѣ, но она пережила эти первые дни, хоть нѣсколько освоилась съ своимъ го-

ремъ и если не легче стало у нея на душѣ, то по крайней мѣрѣ легче уже было ей скрывать это горе отъ другихъ и хотя наружно казаться спокойной. Безотрадно тянулись ея дни, но къ этому она уже привыкла, такъ же тянулись они и раньше, еще до ея любви. Правда, тогда у нея было по крайней мѣрѣ будущее, но о будущемъ, т. е. о счастливомъ будущемъ Ирина и тогда не мечтала и не ждала его.

Въ первый разъ послѣ ихъ разрыва Алгасовъ встрѣтилъ ее у Апалевыхъ. Встрѣча была нечаянная, и онъ сильно смутился, не зная какъ держать себя съ Ириной. Ирина тоже слегка поблѣднѣла, увидѣвъ его, но она пересилила себя и съ улыбкой обратилась къ нему:

— Что это ты совсѣмъ насъ забылъ, Саша? Заходи какъ нибудь, неужели у тебя и часочка даже нѣтъ свободнаго?

На другой-же день пошелъ онъ къ Бачуринымъ. Сильно билось его сердце, тяжело было ему въ эти минуты, тяжелѣе даже, чѣмъ прежде, и страшно жаль Ирины, и какъ то неловко передъ ней...

У Бачуриныхъ были гости. Ирина встрѣтила его привѣтливо и любезно, снова попеняла ему за его долгое отсутствіе и всячески старалась оживить разговоръ и втянуть въ него смущеннаго Алгасова. Наконецъ, подъ какимъ-то предлогомъ она вышла съ нимъ въ другую комнату и торопливо ему тутъ сказала:

— Я вижу, Саша, моя старая дружба все пересилила. Что дѣлать? Будь счастливъ! Ты правъ: если ты не любишь меня, ничто уже не дастъ мнѣ счастья, никакія твои жертвы, и повѣрь—я никогда ихъ не потребую. А за прошлое я тебя не виню. Прощай, милый! Опять у меня только другъ...

И взглядъ, полный любви и грусти, сопровождалъ ея слова. Она протянула Алгасову руку—и тихо поцѣловалъ онъ холодную, дрожащую эту ручку. Ирина еще разъ взглянула на него и поспѣшила вернуться въ гостинную.

Въ тотъ же день онъ получилъ отъ нея слѣдующее письмо:

„Если бы не ты, а другой разлюбилъ меня, Саша, я бы забыла его, онъ не существовалъ бы для меня. Но ты правъ: слишкомъ многое насъ связываетъ съ тобой и мы не можемъ совсѣмъ разстаться. И сейчасъ я чувствую, что ни

на минуту не переставалъ ты быть моимъ другомъ и братомъ, а время изгладитъ и всѣ послѣдніе слѣды нашей несчастной любви. Да, это *ты*, которое мы говоримъ другъ другу съ первой нашей встрѣчи еще за дѣтскими играми, оно не даетъ и не дастъ намъ сдѣлаться чужими... Безъ него я, можетъ быть, и не узнала бы и не полюбила бы тебя. Любовь наша кончилась, но старое *ты* осталось, какъ осталось мое невольное уваженіе къ тебѣ и къ твоему уму— эта главная основа моей любви. Итакъ, все забыто, на сколько возможно и на сколько хватитъ моихъ силъ."

Но долго еще сказывалась нѣкоторая неловкость въ ихъ отношеніяхъ и лишь прежніе горячіе разговоры, изрѣдка возникавшіе между ними, они снова и какъ бы сначала ихъ сближали. Алгасовъ говорилъ тутъ съ прежнимъ одушевленіемъ и жаромъ, и всего убѣдительнѣе доказывало это Иринѣ искреннее его желаніе остаться ея другомъ и его слова, что не измѣнилось его чувство къ ней, а лишь уяснилось ему. Тяжело было ей убѣдиться, что все ея прошлое счастье дѣйствительно было лишь ошибкой, но Ирина смирилась съ этимъ и молча, одна выносила свое горе. О томъ же, чтобы забыть Алгасова и разлюбить его—объ этомъ она и не думала, зная, что это невозможно.

Тяжело было ей видѣть его съ княжной, но, отказавшись отъ всякихъ притязаній на его любовь, она и съ этимъ смирилась. Впрочемъ, щадя ее, при ней Алгасовъ сдержаннѣе относился къ княжнѣ—и Ирина это очень цѣнила.

Но не особенно стѣсняла она его: какъ можно рѣже старалась она выѣзжать, главнымъ образомъ избѣгая тѣхъ вечеровъ, гдѣ она знала, что будетъ княжна. Ея здоровье, далеко не блестящее за послѣднее время, позволяло ей отказываться отъ частыхъ выѣздовъ, и Ирина широко пользовалась этимъ предлогомъ.

Такъ переносила она свое горе. И если полное отсутствіе страсти въ ея любви уменьшало для нея цѣну ея счастливыхъ дней, то это же отсутствіе много помогло ей теперь, во дни одиночества и горя.

XXIV.

Ничто, никакіе разсчеты съ прошлымъ, никакія другія связи не мѣшали теперь Алгасову и, безконечно счастливый своей любовью, всей душой наслаждаясь и свободой своей, и своимъ новымъ чувствомъ, весь отдался онъ княжнѣ. Со всей силой кончающейся зрѣлой юности полюбилъ онъ молоденькую эту дѣвушку, и тутъ все смѣшалось въ этомъ новомъ его чувствѣ, и горячая, беззавѣтная страсть, и преданная, тихая любовь, и первое такое искреннее и сильное біеніе сердца, полное радости, счастья, тревоги и неизвѣстности. Красота и молодость княжны, ея беззаботное оживленіе, ея веселье, простые разговоры и довѣрчивое сближеніе съ нимъ этой милой дѣвушки, почти ребенка, вотъ что вызвало и взростило въ его сердцѣ любовь. Столько родственнаго ему сказывалось во всѣхъ словахъ и поступкахъ княжны, Алгасовъ это видѣлъ и это неотразимо влекло его къ ней. Она была его идеаломъ, въ ней воплощалась для него Жизнь, съ ея красотой, со всѣмъ ея блескомъ и наслажденіями, та Жизнь, которая такъ его манила и которой онъ уже отдалъ себя. Не любить княжны казалось ему неестественнымъ и невозможнымъ, полюбить, можетъ быть, со временемъ другую—и на умъ даже не приходило ничего подобнаго, какъ не приходила, напр., мысль ни съ того, ни съ сего вдругъ стать кверху ногами или спрыгнуть съ Ивана Великаго.

Онъ часто видѣлъ княжну и съ каждымъ разомъ все привлекательнѣе и милѣе ему казалась она. Онъ не могъ на нее наглядѣться, онъ ловилъ каждый ея взглядъ, каждое самое пустое слово, прислушивался къ звуку ея голоса, къ шуму ея легкихъ шаговъ. Ея милая улыбка сводила его съ ума, ея кокетливыхъ шутокъ онъ ждалъ съ трепетомъ и все въ ней одинаково нравилось ему—ея подвижныя черты, ея живыя движенія, стройность, грація, прическа, простыя платья, все было въ ней верхомъ прелести въ его глазахъ.

Онъ любилъ ее, и мучительно дѣйствовалъ на него вопросъ—любитъ ли она его? Полюбитъ ли? Такъ велико было его чувство, что онъ не смѣлъ и надѣяться на взаим-

пость, невозможнымъ счастьемъ, почти немыслимымъ блаженствомъ, котораго и представить себѣ не могъ онъ, о которомъ еле осмѣливался мечтать, казалась ему любовь княжны и въ то же время никогда еще ничьей любви не жаждалъ онъ такъ страстно... Но робость и невольныя сомнѣнія нападали на него при мысли объ этой любви и не смѣлъ онъ слишкомъ довѣрять ни ребяческому, наивному кокетству княжны, ни блеску ея глазокъ, ни ея милымъ улыбкамъ; не потому не смѣлъ довѣрять, что на его же глазахъ то же самое кокетство щедро расточалось ею и другимъ—этому Алгасовъ не придавалъ никакого значенія—а потому, что слишкомъ уже больно было бы ему разочароваться, повѣривъ, и невольно искалъ онъ болѣе основательныхъ данныхъ для надежды.

Не разъ уже приходила ему мысль, что не женихъ онъ для богатой и знатной княжны, но эта мысль не смущала его и какъ то безслѣдно исчезала, не портя счастливыхъ его дней. Не женихъ былъ онъ въ глазахъ князя и княгини, но это потомъ, а пока, все, что нужно ему сейчасъ—это любовь дѣвушки, не справляющаяся ни съ богатствомъ, ни съ табелью о рангахъ. Лишь бы полюбила она, а бракъ еще скрывался за этой любовью, и не о немъ была первая дума Алгасова.

А поневолѣ не могъ онъ не думать о томъ, что не отдадутъ за него, пожалуй, княжны: со всѣхъ сторонъ слышалъ онъ напоминанія объ этомъ. Кромѣ Ирины, которая первая ему это сказала, кромѣ намековъ Константина Платоновича и Софьи Семеновны, ему пришлось выдержать на этотъ счетъ цѣлое объясненіе съ Павломъ Ивановичемъ.

Однажды Павелъ Ивановичъ послалъ за Алгасовымъ, съ которымъ ему нужно было о чемъ то поговорить, но Алгасова не оказалось дома. Уѣзжая вечеромъ въ клубъ, Павелъ Ивавовичъ самъ зашелъ къ нему и снова не засталъ его. Вернувшись изъ клуба, Вёдровъ еще разъ послалъ за Алгасовымъ, но Алгасовъ все еще не возвращался.

— Да гдѣ онъ пропадаетъ? обратился Павелъ Ивановичъ къ женѣ.

— Не знаю, отвѣтила та, вотъ уже два дня, какъ я его не видала!

— Вѣрно опять у Елецкихъ...

— Можетъ быть...

— Да? задумчиво проговорилъ Вёдровъ. А знаешь, Надя, его надо предупредить!

— А что? Отчего же ему не бывать у нихъ?

— Да помилуй, вѣдь ты его знаешь! Княжны не отдадутъ за него, объ этомъ ему нечего и мечтать, а вѣдь онъ, чортъ знаетъ, чего, пожалуй, ни надѣлаетъ, если получитъ отказъ! Развѣ онъ разбираетъ? Я ничего не сказалъ бы, напр., Бачурину, если бы онъ сталъ ухаживать за княжной, но Бачуринъ понимаетъ вещи... А твой братъ... Онъ на все смотритъ совершенно иначе, не какъ другіе...

— А Саша такъ ее любитъ! мечтательно произнесла Надежда Семеновна, невольно сочувствуя въ эту минуту любви своего брата.

— Это не резонъ! Помню, разъ, на водахъ, я въ одну принцессу влюбился... И дѣйствительно, дѣвушка была прелесть! Восторгъ! Ну да вѣдь... Опять, если бы это Бачуринъ влюбился въ княжну, я бы ни слова не сказалъ, но твой братъ... Онъ славный малый, я не спорю, но... Нѣтъ, рѣшительно надо съ нимъ поговорить.

Утромъ слѣдующаго дня Алгасовъ пришелъ къ своему зятю. Окончивъ переговоры о дѣлѣ, Павелъ Ивановичъ замолчалъ, видимо приготовляясь *поговорить* съ Алгасовымъ. Алгасовъ всталъ, собираясь уходить.

— Послушай, Саша, останавливая его, началъ Павелъ Ивановичъ. Я долженъ тебя предупредить. Ты не обижайся, пожалуйста, но ты молодъ, ты легко увлекаешься и лучше тебѣ напередъ все узнать.

Сердце забилось у Алгасова при этомъ вступленіи; онъ сѣлъ на диванъ и обернулся къ Павлу Ивановичу.

— Ты часто бываешь у Елецкихъ. Погоди! сказалъ Павелъ Ивановичъ, протягивая руку къ сдѣлавшему движеніе Алгасову. Я вполнѣ признаю, что княжна стоитъ любви, и, что касается меня, я не желалъ бы для тебя лучшей невѣсты. Но я знаю князя: онъ очень гордъ, княжна его единственная дочь и онъ, естественно, мечтаетъ о блестящей партіи для нея. Будь ты путнымъ человѣкомъ, съ

твоими способностями ты могъ бы теперь быть на такой дорогѣ, что я еще понялъ бы твое ухаживанье за княжной... Но, къ сожалѣнію, ты не послушалъ меня, и врядъ ли князь сочтетъ даже за приличную для своей дочери партію отставного коллежскаго секретаря, человѣка съ умѣреннымъ состояніемъ...

Павелъ Ивановичъ замолчалъ. Алгасовъ слегка поблѣднѣлъ при этихъ словахъ зятя и молча сидѣлъ, облокотившись на мягкія подушки дивана.

— Да, продолжалъ Павелъ Ивановичъ. Я знаю, отказъ подѣйствовалъ бы на тебя слишкомъ сильно и вотъ почему я счелъ нужнымъ предупредить тебя. Ты ослѣпленъ теперь, ты ничего не видишь...

— Оставь меня, тихо сказалъ Алгасовъ. Что тебѣ?..

— Мой совѣтъ—пока еще не поздно, оставить это дѣло, снова началъ Вёдровъ. И вотъ еще совѣтъ, если только ты захочешь его принять: подумай объ Аннѣ Сергѣевнѣ Масловой; дѣвушка добрая, красивая, изъ хорошей семьи, и богатая, не бѣднѣе княжны...

— Точно можно по заказу любить ту или другую, съ насмѣшливой улыбкой прошепталъ Алгасовъ.

— А право, подумай о Масловой: рѣдкая невѣста...

— Да, богатая, глухо вдругъ началъ Алгасовъ, вставая. Да точно я полюбилъ знатность или приданое княжны Евгеніи Александровны! И какое тебѣ дѣло, кто проситъ тебя вмѣшиваться? Оставь, вотъ все, что я прошу. Вѣдь не тебѣ откажутъ...

И онъ пошелъ къ дверямъ, не оглядываясь на Вёдрова. Вёдровъ всталъ, обдернулъ свой новый генеральскій мундиръ, поправилъ Владимірскій крестъ на шеѣ и посмотрѣлъ на Алгасова.

— Саша, началъ онъ, ты не сердись, мой другъ, я вѣдь совсѣмъ не желалъ... Ты пойми...

Алгасовъ обернулся.

— Я не сержусь, сказалъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ. Къ тому же, ты не новость мнѣ сказалъ. Но оставь... Что же дѣлать?

И медленно пошелъ онъ по залѣ. Вёдровъ только плечами пожалъ.

Придя домой, Алгасовъ сѣлъ передъ письменнымъ столомъ и опустилъ голову на руки. Но не долго владѣли имъ грустныя думы. Онъ тряхнулъ головой, всталъ, прошелся по комнатѣ—и уже улыбка освѣтила его лицо: не боялся онъ князя, лишь бы княжна его полюбила, а въ эту минуту особенно какъ-то вѣрилось ему въ свои силы.

Въ тотъ-же день онъ увидѣлъ княжну.

— Послушайте, это ни на что не похоже, я... я наконецъ серьезно разсержусь на васъ! вдругъ начала она, когда Алгасовъ вышелъ за нею въ столовую, гдѣ она готовила чай.

— Что такое? съ улыбкой спросилъ Алгасовъ, уже привыкшій къ ея подобнымъ выходкамъ.

— Гдѣ вы вчера были? Вчера вечеромъ?

— Вчера? Въ театрѣ.

— А я то жду его!... Да вѣдь поймите, что я цѣлый вечеръ одна была, и вамъ это все равно, пусть я скучаю? Да?

— Княжна, да вѣдь я не зналъ...

— Вы никогда ничего не знаете, и въ концѣ концовъ— вы никуда не годитесь. Третьяго дня достали вы мнѣ ложу?

— Княжна, вы мнѣ сказали за два часа до спектакля, въ кассѣ уже не было ни одного билета, а къ барышникамъ я никогда не обращаюсь, вы это знаете...

— У васъ всегда на все отговорки, васъ не переспоришь. Ну берите же вашъ стаканъ, что за рохля!

Алгасовъ съ улыбкой взялъ стаканъ и взглянулъ на княжну. Она тоже смотрѣла на него и столько жизни было въ веселомъ ея взглядѣ, такъ былъ онъ ясенъ и хорошъ, такой милой улыбкой сопровождался онъ, что невольно забылъ Алгасовъ всѣ страхи и разговоры съ Павломъ Ивановичемъ и весь отдался любви и счастью, безъ думъ о будущемъ отдался одной настоящей минутѣ, безгранично ею счастливый...

Онъ размѣшалъ свой чай, налилъ сливокъ, попробовалъ его, потомъ еще помѣшалъ и опять попробовалъ.

— Еще сахара, княжна, обратился онъ къ ней.

— Ну будетъ, будетъ, будетъ! тихо начала она, отрываясь отъ чайника, въ который она наливала воду. Это что еще? Я сама наливала, а вамъ не нравится? Отдайте стаканъ назадъ, строго кончила она, я велю нянѣ вамъ наливать...

Алгасовъ взялъ стаканъ и залпомъ выпилъ горячій чай.

— То-то! съ улыбкой произнесла княжна и снова обратилась къ чайнику, изъ котораго вода залила между тѣмъ весь подносъ.

— Ну смотрите, что вы надѣлали, кричала княжна. Ну что мнѣ теперь дѣлать?

Алгасовъ закрылъ кранъ самовара.

— Чѣмъ же я тутъ виноватъ? оправдывался онъ.

— Еще бы не виноваты, когда вы мѣшаете! Ступайте въ гостинную! И зачѣмъ вы здѣсь, кто васъ просилъ?

— Еще чая, княжна!

— Кладите сами себѣ сахара, а то на васъ не угодишь. Вотъ милый, это Бачуринъ! Онъ всегда всѣмъ доволенъ. Отчего вы не похожи на него? И какой красивый, прелесть! Что это онъ такъ рѣдко у насъ бываетъ? Это все вы виноваты!...

— Чѣмъ же, Евгенія Александровна?

— Что бы съ нимъ пріѣхать, вѣдь вы отлично знаете, какъ онъ мнѣ нравится! И такъ я до сихъ поръ и не слыхала его рѣчей, и опять таки по вашей винѣ: вѣдь я велѣла вамъ узнать, когда будетъ интересное дѣло? Забыли?

— Нѣтъ, я помню...

— И вы меня станете увѣрять, что никто до сихъ поръ никого не убилъ и не отравилъ? Да?

— Костя не говорилъ мнѣ объ особенно интересныхъ дѣлахъ...

— Потому что вы не спрашивали, очень просто. Ну, давайте вашъ стаканъ. Вотъ вамъ, вотъ вамъ, довольно? Нѣтъ? Я еще положу, мнѣ не жаль...

И, одинъ за другимъ, бросала она въ стаканъ куски сахара.

— Будетъ, будетъ, княжна! просилъ Алгасовъ, съ ужасомъ видя, что и пятый, и шестой куски летятъ въ стаканъ.

— Ничего, выпьете! отвѣтила княжна, вдругъ окинувъ его яснымъ своимъ взглядомъ, и улыбнулась.

Она сама тщательно размѣшала весь сахаръ и подала стаканъ Алгасову.

— Извольте пить! строго сказала она.

— Помилуйте, вѣдь это сиропъ, а не чай, протестовалъ Алгасовъ.

— Извольте пить! сморщивъ хорошенькія брови и не глядя на него, настойчиво повторила княжна.

Алгасовъ покорился своей участи. Изъ гостинной вышелъ лакей съ пустыми стаканами на подносѣ. Княжна стала ихъ наливать. Лакей уже хотѣлъ идти назадъ, но княжна вернула его, взяла изъ стоявшей на подносѣ серебряной корзинки сухарь и подала его Алгасову.

— А ужъ и чай, княжна! Прелесть! похвалилъ Алгасовъ, беря у нея сухарь.

— Ничего, впередъ не будете капризничать, отвѣтила она, садясь на стулъ. Да, продолжала она, отъ скуки я разучила вчера ту сонату, помните? и съиграю вамъ послѣ чая.

— Пожалуйста, княжна!

— Только вы должны мнѣ правду сказать, хорошо ли я играю, слышите?

— На сколько пойму, скажу правду.

— А иначе и играть не стоитъ. Я потому и люблю вамъ играть, что отъ васъ все-таки хоть что-нибудь да услышишь... А другіе... Напр., этотъ Рамзаевъ; что ни съиграю ему, онъ все одно: „Божественно! Неподражаемо! Только вы, княжна, умѣете такъ вѣрно понять и передать всю идею композитора!“ передразнивала княжна Рамзаева.

Алгасовъ засмѣялся.

— Право, улыбаясь продолжала она, недавно я нарочно такъ ему съиграла, что наполовину фальшивила, самой противно было слушать, даже папа закричалъ на меня изъ гостинной, а Рамзаевъ все свое: „божественно!“

Алгасовъ заговорилъ о музыкѣ, какъ онъ понимаетъ ее и какъ дѣйствуетъ она на него. Княжна молча его слушала.

— Да, начала она, дѣйствительно, есть минуты, когда совсѣмъ другой кажется музыка... Вотъ когда особенно

любила я играть, въ деревнѣ, зимой, въ сумерки. Иной разъ гостей никого нѣтъ, домъ у насъ огромный, тишина такая, зала большая-большая, каминъ еле горитъ... Въ это время, вы замѣтили? какая-то особенная тишина дѣлается, и такъ хороши тутъ звуки, такъ и уносятъ куда то, уносятъ...

— Куда же?

— Не знаю, далеко куда-то, и въ дѣтство, въ самое дѣтство, когда такъ хорошо и тепло жили мы всѣ вмѣстѣ, мама, папа, братъ, я, милая бабушка моя покойница, тоже будто зимой, въ сумеркахъ, сидимъ мы всѣ у папы въ кабинетѣ, мама на диванѣ, мы съ братомъ прижались къ ней, папа возлѣ насъ, бабушка на своемъ креслѣ у камина... И еще куда-то уносятъ, и думать легче...

И княжна опустила головку на сложенныя руки и замолчала подъ вліяніемъ нахлынувшихъ воспоминаній.

— А хорошо тогда жилось—въ дѣтствѣ! поднявъ головку, вдругъ обратилась она къ Алгасову.

— А теперь, развѣ плохо? возразилъ онъ.

— Теперь? Да, теперь тоже хорошо, но уже иначе хорошо. Тогда проще было, любви много, теплоты, и сейчасъ даже отраднѣе станетъ, какъ что-нибудь изъ того времени вспомнишь, хоть пустякъ какой-нибудь! Какъ бабушка спать меня укладывала, какъ мы съ мамой для бабушки первыхъ подснѣжниковъ всегда искали... Теперь... Вотъ, напр., сейчасъ мы говоримъ съ вами, а вѣдь больше ни съ кѣмъ такъ нельзя поговорить... Право!.. Вѣдь мы говоримъ просто, хорошо намъ вмѣстѣ, и говоримъ, не думая, не стѣсняясь, все, что въ голову придетъ. А съ другими нужно думать, за каждымъ словомъ слѣдить, ну и нѣтъ простоты, а безъ нея и тепла нѣтъ...

Алгасовъ молча и внимательно слушалъ ее, не спуская съ нея глазъ.

— Вы знаете только свѣтскую жизнь, Евгенія Александровна, началъ онъ, и по ней судите. Погодите: развѣ впереди васъ ждетъ одинъ только свѣтъ?

Княжна взглянула на него.

— Свѣтъ—это праздникъ, продолжалъ Алгасовъ. Отъ праздника нельзя требовать простоты буденъ, и пока вы

молоды—пользуйтесь праздникомъ и не думайте о дурныхъ его сторонахъ. Если въ свѣтской жизни нѣтъ простоты и тепла, все-таки въ ней много еще остается очень хорошаго...

— Много, я знаю, задумчиво отвѣтила княжна. А все, и то, и другое, нельзя?

— Погодите...

— А тогда бы хорошо было жить, почти шепотомъ сказала княжна.

„Свѣтъ и семья! а довольно ли этого?“ подумалъ Алгасовъ, но не отвѣтилъ себѣ на свой вопросъ и ничего не сказалъ княжнѣ.

Послѣ чая княжна стала играть, и всю залу наполнили густые звуки дорогого инструмента. Играла княжна не особенно хорошо, но живо и съ чувствомъ. Алгасовъ слушалъ ее съ удовольствіемъ и невольно любовался ею, глядя на серьезное ея личико и на то, какъ безпрестанно переводила она глаза съ нотъ на клавиши и обратно, изрѣдка и мелькомъ взглядывая и на него. Въ серединѣ игры длинныя и толстыя ея косы свалились на клавиши; одна изъ этихъ косъ до половины расплелась. Досадливымъ жестомъ откинула княжна свои волосы назадъ, промолвивъ съ гримаской:

— Вотъ надоѣли!

Окончивъ игру, она живо обернулась къ Алгасову, ожидая его словъ. Алгасовъ сказалъ свое мнѣніе, княжна заспорила и наконецъ разсердилась на него, говоря, что ему ничѣмъ не угодишь.

— Ну вотъ видите, поневолѣ будешь говорить: „божественно!“ какъ Рамзаевъ.

— Да нѣтъ, этого не надо, вамъ то что, сержусь я, или нѣтъ? У васъ спрашиваютъ, вы должны говорить правду. А вѣдь что всего смѣшнѣе, онъ и не слушаетъ меня, снова оживилась княжна, вспоминая Рамзаева, и веселая улыбка освѣтила ея личико. Онъ смотритъ на меня и совсѣмъ не слушаетъ, а когда я кончу—начинаетъ свое: „божественно!“ Ему вѣдь лишь бы *я* играла, наивно докончила она свой разсказъ.

Потомъ она взяла свою косу и стала ее заплетать,

быстро оглянувшись на дверь въ гостинную. Алгасовъ посмотрѣлъ туда же.

— Что вы? спросилъ онъ.

— А я посмотрѣла, видитъ ли мама, а то опять бранить станетъ. Вы не вздумайте говорить! строго сдвинувъ брови, докончила она, продолжая заплетать, но вдругъ раздумала, расплела обѣ косы, отбросила волосы назадъ, тряхнула головкой, и роскошныя волны длинныхъ, бѣлокурыхъ и шелковистыхъ волосъ покрыли ея спину и плечи.

— Вотъ хорошо! не могъ удержаться отъ восклицанія Алгасовъ, съ восторгомъ любуясь этой ея новой прической.

Княжна обернулась къ нему и вся закуталась въ свои волосы, такъ что одно только улыбающееся, прелестное ея личико и выглядывало изъ этой роскоши волосъ.

— Видите, какіе длинные! говорила она, показывая ему. Прелесть! и она поцѣловала свои волосы. Алгасовъ не спускалъ съ нея глазъ.

— Вотъ теперь ни съ чѣмъ ихъ не расчешешь, вдругъ начала она, отбрасывая волосы назадъ. Ну что это такое?

— И опять я виноватъ? смѣясь, спросилъ Алгасовъ.

— А то кто же? Вѣдь это вы все учите шалить... Вотъ погодите, я мамѣ скажу, она вамъ задастъ!

И она убѣжала, легко поднимаясь по лѣстницѣ.

Въ 12 часовъ Алгасовъ сталъ прощаться.

— А ужинать? спросила его княжна.

— Благодарю васъ, сегодня я поздно обѣдалъ...

— Для кого же я утку велѣла зажарить? серьезно возразила княжна. Нѣтъ, извольте оставаться.

Утка была любимымъ жаренымъ Алгасова и княжна это знала.

Такъ жили они. Княжна къ нему привыкла, ни съ кѣмъ не было ей такъ легко и весело, какъ съ нимъ, и дѣтски-довѣрчиво и просто относилась она къ нему. Она всегда была рада, когда онъ пріѣзжалъ, всегда его перваго отъискивала среди другихъ и его ухаживанье доставляло ей много удовольствія и было ей дороже вниманія всѣхъ остальныхъ ея поклонниковъ.

Любила ли она его? Такъ весело и такъ беззаботно-хорошо жилось ей, что ни разу и не явился ей подобный

вопросъ, да ничто и не давало ей поводовъ объ этомъ подумать. Даже о томъ, любитъ ли онъ ее, и объ этомъ не думалось молоденькой дѣвушкѣ. Постоянно съ нимъ, безпрепятственно дѣлила она съ нимъ и веселье, и шалости, и потому, естественно, и не думалось ей ни о еще лучшей жизни, ни о счастьи.

Если бы хоть что-нибудь побудило ее высказаться, препятствія-ли, разлука-ли, или же прямое объясненіе самого Алгасова, любовь къ нему быстро вспыхнула бы въ ея сердцѣ и сказалась бы въ немъ съ силой и страстью. Но ничто не мѣшало ей вволю веселиться и кокетничать съ Алгасовымъ, онъ самъ ничего ей не говорилъ и, какъ ребенокъ, безпечно наслаждалась она веселыми своими днями, не думая о любви и не ощущая ея.

Алгасовъ ни слова не говорилъ ей о любви, но его глаза и все его поведеніе—они говорили о ней краснорѣчивѣе всякихъ словъ. А онъ молчалъ, онъ боялся говорить, весь поглощенный молодымъ своимъ счастьемъ... Только что вырвавшись на волю послѣ окончательнаго разрыва съ Ириной, еще не успѣлъ онъ опомниться и вполнѣ насладиться этой свободой, и такъ хорошо было ему возлѣ княжны, такъ счастливо жилось въ эту зиму, такъ красиво, свѣтло и плѣнительно было это счастье, что даже страшно было коснуться его, хотѣлось всей душой сначала упиться настоящимъ и потомъ уже думать о будущемъ. Да и не къ чему было ему спѣшить: онъ былъ такъ еще молодъ, а гдѣ цѣлая жизнь впереди, тамъ нѣтъ побужденій гнаться изъ-за нѣсколькихъ дней.

А пока незамѣтно и быстро неслась блестящая и шумная ихъ жизнь, полная для нихъ беззаботнаго веселья, радостей и счастья. Быстро летѣло время и сезонъ, самый счастливый и радостный въ жизни Алгасова, кончался, уже не недѣлями, а днями приходилось считать время до Великаго поста. Правда, Алгасовъ зналъ, что и постомъ попрежнему можетъ и будетъ онъ видѣть княжну, а все жаль было уходящаго времени, и съ тоской провожалъ Алгасовъ каждый кончающійся день.

Будь это въ его власти—онъ задержалъ бы настоящее на вѣки...

XXV.

Жила въ Москвѣ старая барыня, Анна Григорьевна Бертово. Это была бездѣтная богатая вдова давнымъ-давно умершаго сановника. Ей было слишкомъ уже 90 лѣтъ и уже болѣе 20 лѣтъ никуда не выѣзжала она изъ своего огромнаго, окруженнаго садомъ московскаго дома, гдѣ она жила среди полинялой, обветшалой обстановки временъ Александра I. Высокія, старинной штофной мебелью уставленныя комнаты, расписанные стѣны и потолки, бальная зала съ колоннами и хорами и съ мраморной статуей Императрицы Екатерины въ глубинѣ—съ первыхъ шаговъ все въ этомъ домѣ такъ и переносило посѣтителя въ давно-минувшую эпоху. Старые, тоже чуть не Александровскихъ временъ слуги въ величайшемъ, даже чопорномъ порядкѣ поддерживали ветшающую обстановку, въ которой ничего не возобновлялось и не мѣнялось, какъ бы щеголяя отпечаткомъ времени.

Подъ стать старинному дому была и сама хозяйка, маленькая, сухая старушка, совершенно сѣдая, съ живымъ, повелительнымъ взглядомъ блестящихъ карихъ глазъ, съ рѣзкимъ не по лѣтамъ голосомъ. Она жила въ напоминавшихъ ей молодость старомодныхъ своихъ комнатахъ, окруженная цѣлымъ штатомъ приживалокъ, компаньонокъ, экономокъ, пріемышей и воспитанницъ всевозможныхъ возрастовъ: были тутъ старухи, ровесницы хозяйки, были невѣсты, въ полномъ блескѣ молодости и красоты, были и дѣвочки, еще игравшія въ куклы.

Въ обществѣ ее очень уважали, какъ за ея чинъ, за ея родство и богатство, а также и за умъ, и за то, что она была изъ послѣднихъ обломковъ прошлаго вѣка: и точно, Анна Григорьевна помнила еще Екатерину и была фрейлиной при Павлѣ Петровичѣ. Вся московская знать была съ нею знакома и всѣ считали долгомъ время отъ времени дѣлать ей визиты. Мало оставалось уже въ обществѣ стариковъ, ея ровесниковъ, но она знала всѣхъ, и старыхъ, и молодыхъ. Отцы привозили къ ней сыновей, матери—дочерей, и много уже поколѣній прошло такимъ образомъ передъ нею.

Одѣтая въ покойное черное шелковое платье и бѣлый кружевной чепецъ, цѣлые дни проводила она въ своей любимой голубой гостиной, разговаривая съ окружающими и раскладывая пассьянсы, которыхъ знала безчисленное множество. Надъ диваномъ, на которомъ она обыкновенно сидѣла, висѣли три портрета: молодой прелестной брюнетки, одѣтой по модѣ конца прошлаго вѣка, улыбающагося красавца-придворнаго въ пудрѣ и мундирѣ со звѣздой и мальчика съ кроткимъ и грустнымъ взглядомъ. Это были портреты самой Анны Григорьевны, ея мужа и ихъ единственнаго, еще въ дѣтствѣ умершаго сына.

Тутъ же, въ этой гостиной, принимала она и пріѣзжавшихъ къ ней съ визитами знакомыхъ. Анна Григорьевна не всѣхъ уже узнавала и рѣдко помнила имена и фамиліи, но до послѣднихъ дней умѣла она занять своихъ гостей и никто у нея никогда не скучалъ. Нѣкоторыхъ она оставляла обѣдать, и это считалось знакомъ особаго ея вниманія, эти приглашенія очень цѣнились тѣми, которые ихъ удостаивались.

Сама она никуда уже не выѣзжала, исключая театра: если давалось „*Горе отъ ума*“, она вдругъ приказывала иногда запрягать старую-престарую карету, ѣхала въ театръ и высиживала всю пьесу, отъ начала до конца; она смотрѣла на этихъ людей, нѣкогда столь ей знакомыхъ, среди которыхъ прошла ея молодость, и не удерживала она рыданій... Впрочемъ, одну только эту пьесу она и смотрѣла.

Но каждый годъ, два раза, въ день своихъ имянинъ и день рожденія, она давала большіе обѣды, разсылая на нихъ множество приглашеній. Кромѣ этихъ обѣдовъ, она давала еще, обыкновенно на масляницѣ, великолѣпный балъ, для котораго торжественно освѣщалась амфилада парадныхъ комнатъ ея дома. Въ эти дни Анна Григорьевна появлялась къ гостямъ разодѣтая, съ шифромъ и звѣздой: Бертово была статсъ-дама.

Такъ однообразно и мирно многіе годы текла ея старость, ясная, какъ безоблачный закатъ длиннаго лѣтняго дня. Но въ послѣднее время здоровье ея стало слабѣть. Не каждый уже день вставала она съ постели, да и когда вставала, то сейчасъ же садилась въ покойное кресло, въ

которомъ и возили ее изъ комнаты въ комнату. По возможности старалась она не нарушать однажды заведеннаго порядка своей жизни, и какъ ни была она слаба, но обычный обѣдъ въ день ея рожденія, 11-го января, состоялся, какъ и всегда. Все, что было въ Москвѣ чиновнаго и знатнаго, съѣхалось къ ней на этотъ обѣдъ, и когда въ комнату вкатили хозяйку, съ трудомъ уже встававшую съ кресла, у всѣхъ явилась одна мысль, что въ послѣдній разъ собрались они здѣсь праздновать день рожденія Анны Григорьевны: въ этотъ день ей минуло 92 года.

Поэтому никто не нашелъ ничего особеннаго въ томъ, что ея внучатный племянникъ, единственный ея родственникъ и наслѣдникъ, внукъ ея сестры, генералъ-адъютантъ графъ Борисъ Михайловичъ Сафоновъ пріѣхалъ съ старшимъ своимъ сыномъ, Николаемъ, навѣстить умирающую бабушку.

Анна Григорьевна не особенно любила своего внука: они давно уже не ладили, но тѣмъ не менѣе графъ считалъ своимъ долгомъ навѣщать ее время отъ времени. Каждый разъ, когда онъ пріѣзжалъ, она встрѣчала его ласково и сначала была ему рада. Но мало-по-малу начинала она припоминать всѣ свои ссоры съ его бабушкой, своей сестрой, даже тѣ ссоры, когда обѣ онѣ играли еще въ куклы; потомъ припоминала ссоры и непріятности съ его дѣдомъ, съ его матерью, отцомъ, дядей, и въ концѣ концовъ обрушивалась на него, словно онъ одинъ былъ виноватъ во всѣхъ этихъ непріятностяхъ. Графъ терпѣлъ, пока могъ, но наконецъ не выдерживалъ, возражалъ ей, и они разставались довольно холодно. Его дѣтей Анна Григорьевна и совсѣмъ не любила.

Старшій изъ нихъ, пріѣхавшій съ отцомъ, былъ красивый гвардеецъ лѣтъ 26. Въ красивомъ мундирѣ, высокій, ловкій, статный, съ здоровымъ румянцемъ, съ блестящими черными глазами, онъ поражалъ своей осанкой и красотой, и ни одна женщина не оставалась равнодушной къ мужественной и смѣлой этой красотѣ. Николай Борисовичъ это зналъ; онъ цѣнилъ свою красоту и гордился ею.

Но кромѣ красоты и осанки, болѣе ни въ чемъ не напоминалъ онъ честолюбиваго и умнаго своего отца. Изба-

лованный, дурно воспитанный, рано развращенный, съ дѣтства привыкшій къ праздности и роскоши, въ 19 лѣтъ Николай Борисовичъ получилъ уже полную свободу и тотчасъ же весь отдался разгульной полковой жизни. Въ этой жизни было все, что онъ любилъ: праздность, веселые товарищи, вино, женщины, лошади, карты. Ничто, кромѣ этого, не привлекало его и рѣшительно не понималъ онъ, изъза чего биться, служить, хлопотать и работать, какъ его отецъ, когда все, что есть лучшаго въ жизни, и такъ дается безъ всякаго труда? Никакихъ высшихъ наслажденій и цѣлей Николай Борисовичъ не понималъ и не зналъ, и не хотѣлъ даже знать.—„Къ чему, когда и безъ того такъ хорошо и весело?“ справедливо разсуждалъ онъ и, не смущаемый никакими думами, со страстью отдавался кутежамъ и разврату, въ своихъ похожденіяхъ не смущаясь ничѣмъ, никакой грязью, сближаясь съ кѣмъ ни попало и безъ счета бросая деньги и направо, и налѣво.

А по внѣшности это былъ образецъ джентльмена, рыцарь условной внѣшней чести—корпоративной и сословной. Для жизни, особенно для его жизни, вполнѣ хватало обыденнаго его ума и образованія, и хорошо нужно было узнать Николая Борисовича, чтобы разглядѣть все нравственное его ничтожество. Такъ отшлифовала его жизнь, такъ помогала ему привычка къ легкому, плавному разговору и съ дѣтства имъ усвоенныя твердыя понятія и взгляды того круга, къ которому онъ принадлежалъ—все несомнѣнныя, древнія понятія большинства, и наконецъ, столько было у него врожденнаго такта, что скорѣе благопріятное даже впечатлѣніе производилъ на всѣхъ этотъ красавецъ, съ такими изящными манерами, съ такимъ строгимъ взглядомъ на честь, съ такимъ легкимъ разговоромъ обо всемъ на свѣтѣ, даже и о томъ, о чемъ и самъ онъ имѣлъ лишь смутное понятіе, и къ тому же на великолѣпнѣйшемъ французскомъ языкѣ. И дѣйствительно, всѣ его свѣтскіе знакомые считали его образцовымъ молодымъ человѣкомъ, онъ даже нравился имъ и общее мнѣніе сложилось о немъ такое, что, хотя пороха онъ и не выдумалъ, но обращаться съ выдуманнымъ порохомъ съумѣетъ не хуже, а пожалуй и получше кого другого... Слишкомъ воспитанный для

этого, Николай Борисовичъ никогда не доходилъ до слишкомъ уже громкихъ или явныхъ скандаловъ, и на разгульную его жизнь никто не обращалъ вниманія: въ молодыхъ годахъ кто не прошелъ черезъ нее, да и всѣ ли отстали отъ нея даже въ старости?

Одинъ отецъ зналъ его хорошо и не обманывался въ немъ. Этого гордаго, энергичнаго и честолюбиваго человѣка болѣе всего возмущала въ сынѣ его слабохарактерность и полное его довольство своей грязной жизнью. Отецъ видѣлъ, что умомъ его сынъ не блещетъ, и не мечталъ и даже не желалъ его видѣть вліятельнымъ сановникомъ; но есть мѣста и званія видныя и почетныя, для которыхъ Николай Борисовичъ вполнѣ годился, и на этотъ именно путь и хотѣлъ его направить отецъ. Для жизненнаго благополучія вполнѣ достаточно этихъ званій и достигнуть ихъ легко, но, не смотря и на это, никакого вниманія не обращалъ Николай Борисовичъ на слова отца и попрежнему продолжалъ кутить и повѣсничать, даже и въ полку считался онъ изъ самыхъ неисправныхъ офицеровъ. Но и это ничего, отецъ помирился бы и съ этимъ, пусть онъ остается простымъ офицеромъ, это не бѣда для графа Сафонова. Но видѣть, какъ съ каждымъ годомъ все грязнѣе и развратнѣе становится жизнь его сына, видѣть этого человѣка, въ которомъ порода, воспитаніе—все сказывалось такъ рѣзко, въ каждомъ движеніи котораго былъ виденъ придворный, видѣть его таскающимъ свой мундиръ и свое имя по самымъ позорнымъ вертепамъ и въ обществѣ самыхъ двусмысленныхъ людей, видѣть его тотчасъ же подпадающимъ вліянію любого проходимца, какому только вздумается польстить его слабостямъ, и, что важнѣе всего—знать, что это не шалости юноши, а исполненіе всѣхъ его завѣтнѣйшихъ идеаловъ и стремленій, это было уже слишкомъ для отца. Спасти сына стало его главной мечтой.

Давно уже пришла графу мысль женить Николая Борисовича, чтобы вліяніемъ жены и семейной жизни отдалить его отъ двусмысленныхъ пріятелей и холостыхъ удовольствій, но Николай Борисовичъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія жениться и упрямо отказывался ото всѣхъ пред-

лагаемыхъ ему блестящихъ партій. При этихъ то обстоятельствахъ и вспомнилъ старый графъ о дочери своего пріятеля и бывшаго сослуживца, князя Елецкаго.

Онъ видѣлъ ее, встрѣтившись съ Елецкими за-границей. Княжнѣ тогда было всего только 15 лѣтъ, но и тогда уже была она хороша и, опытный въ этомъ, графъ вполнѣ оцѣнилъ ея чудную красоту. Трудно допустить, чтобы молодой человѣкъ могъ устоять противъ такой обворожительной дѣвушки, думалъ графъ, и затѣмъ болѣе даже чѣмъ вѣроятно, что живая, красивая, умная женщина совершенно подчинитъ себѣ слабохарактернаго мужа. Графъ обдумалъ все это и со страстью ухватился за эту мысль.

Онъ написалъ князю. Князь ничего противъ этого не имѣлъ, лишь бы женихъ понравился его дочери—и вотъ, передъ самой масляницей, за нѣсколько дней до обычнаго бала Анны Григорьевны, пріѣхали къ ней оба Сафоновы, отецъ и сынъ. Они остановились у нея въ домѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ дворецкій съ докладомъ, что сейчасъ ея высокопревосходительство принять ихъ не можетъ и приказала проводить ихъ въ приготовленныя для нихъ комнаты и спросить, чего имъ угодно: чая, кофе или завтракъ?

Но у стараго графа, какъ уже извѣстно, были свои планы, изъ за которыхъ и пріѣхалъ онъ въ Москву. Этотъ день онъ остался дома, отдохнулъ, дождался, когда велитъ его позвать Анна Григорьевна, а на слѣдующій отправился дѣлать визиты, начавъ, разумѣется, съ Елецкихъ.

Уѣзжая въ Москву, ни слова не сказалъ онъ сыну о своихъ планахъ: онъ зналъ, что это погубитъ все дѣло, и, почти увѣренный въ успѣхѣ, предоставилъ сыну сначала познакомиться съ княжной.

XXVI.

Радостно встрѣтились старики, князь Елецкій и Сафоновъ, и безконечные толки пошли у нихъ о старинѣ, о настоящемъ, о свѣтскихъ новостяхъ и правительственныхъ распоряженіяхъ. Молодой графъ почти не вмѣшивался въ ихъ бесѣду; внѣшній видъ его выражалъ много интереса и почтительнаго вниманія къ словамъ отца и князя, между

тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ Николай Борисовичъ ощущалъ одну невыносимую только скуку. Цѣлое уже утро томила его эта скука: сначала церемонный чай у бабушки, потомъ безконечный этотъ разговоръ, и все о постороннихъ, извѣстныхъ и даже надоѣвшихъ Николаю Борисовичу лицахъ и дѣлахъ—однимъ словомъ, много самообладанія и выдержки требовалось ему, чтобы ничѣмъ не выказать своей скуки.

Отецъ представилъ его князю.

— Вотъ мой сынъ, князь. Каковъ? Прошу любить и жаловать!

— Молодецъ! съ одобрительной улыбкой произнесъ князь, подавая руку молодому человѣку. Прошу садиться. И хорошо служитъ? обращаясь къ графу, продолжалъ онъ съ тѣмъ покровительственнымъ видомъ, который обыкновенно принимаютъ старые, значительные люди, говоря о начинающихъ свою карьеру съ дѣтства имъ знакомыхъ юношахъ.

— Ну, нельзя сказать! улыбаясь и какъ бы не придавая этому значенія, отвѣтилъ графъ. А впрочемъ, кто изъ насъ прилежно служилъ въ его лѣта, кто не пользовался молодостью?

И хотя самъ князь въ лѣта молодого графа былъ уже флигель-адъютантомъ, но онъ встрѣтилъ слова графа добродушной и веселой улыбкой и отвѣтилъ:

— Ну конечно! Пока молодъ да свободенъ—тутъ-то и пожить. Потомъ уже нельзя будетъ! прибавилъ онъ нѣсколько наставительнымъ тономъ, обращаясь къ молодому графу.

Николай Борисовичъ стоялъ въ почтительной, но свободной позѣ, съ легкой улыбкой и съ видомъ глубокаго почтенія къ обоимъ говорившимъ важнымъ старикамъ, какъ-бы прося ихъ быть снисходительными къ его молодости и не судить его слишкомъ строго.

— Садитесь, пожалуйста! снова пригласилъ князь. Какъже я радъ тебя видѣть, графъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ старому графу. Давно уже мы не видались! Что, какъ здоровье Анны Григорьевны?

— Плохо! съ озабоченнымъ видомъ отвѣтилъ графъ. Кашель сильный, и главное, одышка меня безпокоитъ...

Потомъ ея слабость... Сегодня утромъ я говорилъ съ ея докторомъ... Да, вообще—плохо!

— Впрочемъ, вѣдь и лѣта ея, какъ-бы утѣшая, произнесъ князь.

— Да, положимъ, ей уже 93-й идетъ, но жаль: я искренно привязанъ къ этой старушкѣ, и потомъ вообще—грустно какъ-то! Вѣдь она была крѣпка, я никакъ не ожидалъ, что ея здоровье такъ скоро подастся! Ты не повѣришь, какую перемѣну я нашелъ въ ней, а вѣдь я видѣлъ ее всего полгода тому назадъ! Вѣдь это, князь, изъ послѣднихъ, такъ сказать, нитей, соединяющихъ наше время съ великимъ вѣкомъ Екатерины! Вѣдь когда родилась! Въ 781-мъ, тогда о революціи никто еще даже и не думалъ...

— Да, много-таки видала на своемъ вѣку старушка, много перемѣнъ...

— И ты не повѣришь, какъ съ ней интересно говорить! Лѣтомъ, когда я былъ у нея, она разговорилась какъ-то о старинѣ. Она такъ живо описала мнѣ дворъ Александра I, съ такими подробностями, съ такими красками, ну право, рѣдкій юноша можетъ говорить такъ увлекательно!

— Почтенная женщина! Москва много потеряетъ съ ея смертью!

И оба помолчали немного прежде, чѣмъ перейти къ другимъ предметамъ разговора, болѣе современнымъ.

Среди этого разговора князь вспомнилъ о внимательно слушавшемъ ихъ молодомъ графѣ (который въ это самое время думалъ о нѣкой Машѣ, сомнѣваясь, будетъ-ли она скромно вести себя въ его отсутствіи, какъ она обѣщала) и обратился къ нему:

— Что вамъ слушать насъ, молодой человѣкъ, пойдите-ка въ гостинную, поболтайте тамъ съ женой и дочерью, съ ними вамъ будетъ веселѣе!

Молодой графъ всталъ съ той же почтительной и полной уваженія улыбкой на лицѣ и съ легкимъ, еле замѣтнымъ поклономъ вышелъ изъ комнаты.

— Нѣтъ, чортъ возьми, Машку придется прогнать, думалъ онъ между тѣмъ, знаю вѣдь я, что она теперь тамъ выдѣлываетъ... А жаль, хороша, какъ чортъ, и дьявольски веселая дѣвчонка... И зачѣмъ я не взялъ ея съ собой?

Полный такихъ мыслей, шелъ онъ въ гостинную.

— Ну какъ тебѣ? обратился графъ къ своему пріятелю, когда они остались одни, взглядомъ досказывая свою мысль.

— Ничего, видный мужчина, и...

— И предобрый малый, подхватилъ графъ. Немного еще легкомысленъ, и покутить любитъ, ну да это пройдетъ. Знаешь, эта полковая жизнь...

— Да, ну да бѣда ли это, графъ? Помнишь, въ свое время и мы съ тобой не изъ первыхъ вѣдь постниковъ были... Помнишь Люси?

И оба засмѣялись, вспомнивъ о юношескихъ своихъ похожденіяхъ.

Когда молодой графъ вошелъ въ гостинную, тамъ была одна княгиня. Мгновенно стряхнувъ съ себя мысли о Машкѣ, легко и свободно подошелъ онъ къ княгинѣ, которой отроду никогда не видалъ, и съ почтительнымъ поклономъ произнесъ, останавливаясь передъ нею:

— Вашъ супругъ, княгиня, уполномочилъ меня самому вамъ представиться: графъ Сафоновъ.

— Здравствуйте, графъ, садитесь пожалуйста, ласково отвѣтила княгиня, вглядываясь въ жениха своей дочери и видимо имъ любуясь. А вашъ батюшка тамъ остался?

— Да, у нихъ тамъ идетъ оживленный разговоръ: воспоминанія, новости...

— Да, вѣдь они старинные пріятели...

— А какъ моложавъ и бодръ князь! садясь, обратился къ ней Николай Борисовичъ. Вѣдь онъ старше моего отца, а ихъ и за ровесниковъ никто не приметъ...

— Другая жизнь, графъ! Въ деревнѣ мы ведемъ жизнь болѣе простую, болѣе умѣренную, и въ награду за это—не такъ скоро старѣемся...

— Согласенъ, княгиня, но признаюсь, это уже именно награда, и за великій подвигъ!

— Это все вы, столичные жители, нападаете на деревню! А въ деревнѣ, право, отлично живется... Просто, покойно, свободно...

— Не смѣю спорить, княгиня, но признаюсь, я не въ силахъ былъ бы тамъ жить. Но впрочемъ, и для насъ есть надежда здоровья и долгой жизни: вотъ моя бабушка,

Анна Григорьевна, т. е. собственно говоря, она мнѣ прабабушка. Вотъ и въ городѣ всю жизнь прожила, и даже при дворѣ, а вѣдь ей 92 года! Согласитесь, это не мало даже и для сельскаго жителя!

— Да, Аннѣ Григорьевнѣ Богъ далъ много пожить... Какъ ея здоровье?

— Плохо! глядя на княгиню, съ озабоченнымъ видомъ отвѣтилъ молодой человѣкъ. Одышка сильная, кашель, слабость... А вѣдь въ ея лѣта, вы знаете, все опасно! Вообще, ея здоровье очень плохо.

— Значитъ, бала у нея не будетъ?

— Нѣтъ, къ нему готовятся! Да вѣдь бабушка не будетъ весь вечеръ съ гостями, въ этомъ ее извинятъ, такъ что балъ не особенно утомитъ ее.

— Но все-таки...

— Но это уже ея воля! „Пока совсѣмъ не слегла, пусть веселятся возлѣ меня!“ вотъ ея слова.

Тутъ въ гостинную вошла княжна. Графъ поспѣшно вскочилъ съ кресла и медленно приближался къ ней, пока княгиня называла его дочери.

Веселымъ и яснымъ взглядомъ окинула его княжна и протянула ему маленькую свою ручку. Графъ пожалъ ее своей большой, сильной, но необыкновенно красивой рукой и тихо, слегка наклонившись къ ней, сказалъ:

— Я очень радъ, княжна, что наконецъ имѣю честь быть вамъ представленнымъ. Мой отецъ въ такомъ восторгѣ отъ васъ и такъ много мнѣ говорилъ о васъ...

— Неужели графъ еще помнитъ меня? съ улыбкой и съ удивленіемъ возразила княжна. Вѣдь я еще въ институтѣ была, когда онъ меня видѣлъ...

Графъ отвѣтилъ ей утонченнымъ, изящнымъ комплиментомъ, много удовольствія доставившимъ княжнѣ, и когда она подошла къ дивану, на которомъ сидѣла ея мать, графъ ловко подалъ ей кресло, не переставая говорить.

Нѣсколько минутъ шелъ между ними пустой, но бойкій и красивый разговоръ, быстро мелькавшій, не оставляя въ умѣ никакого впечатлѣнія. Княжна часто взглядывала на графа, любуясь имъ и съ удовольствіемъ его слушая.

Но графъ не сводилъ съ нея глазъ. Особенно нравилась ему застѣнчивая ея улыбка, которой она отвѣчала на его изъисканные комплименты.

— Что за прелесть—дѣвчоночка! думалъ онъ, любуясь ею. Молоденькая, свѣженькая, прелесть! Да, что Лешковъ ни говори, а есть въ этихъ свѣтскихъ барышняхъ что-то такое... Новое, свѣжее, что ли, шутъ ихъ разберетъ...

Вошли въ гостинную старый графъ и князь. Графъ Борисъ Михайловичъ тотчасъ же подошелъ къ дамамъ, поздоровался съ княгиней, поговорилъ съ нею, потомъ обернулся къ княжнѣ, вспомнилъ ихъ встрѣчу на водахъ и разсыпался въ любезностяхъ и похвалахъ ея красотѣ.

— Нѣтъ, князь, обратился онъ, нѣтъ, ты долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ... Это больше даже чѣмъ преступленіе съ твоей стороны—лишать нашу сѣверную столицу лучшаго ея украшенія! Этого нельзя! Княжна по рожденію наша... Да, княжна, вашъ батюшка виноватъ и передъ вами: у насъ, въ Петербургѣ, только тамъ были бы вы дома, только тамъ ваша красота получила бы достойную оцѣнку и выступила бы въ полномъ своемъ блескѣ!

И въ живомъ, полномъ красокъ разсказѣ, пересыпанномъ самыми утонченными и всегда новыми похвалами ея красотѣ, нарисовалъ онъ передъ краснѣвшей княжной картину жизни свѣта и двора и тотъ успѣхъ, который несомнѣнно ожидаетъ княжну, если она появится въ Петербургѣ. Его разсказъ видимо дѣйствовалъ на молодую дѣвушку и волновалъ ее, показывая ей что-то блестящее, веселое, величественное, захватывающее духъ, вмѣстѣ и неизвѣстное, и легко ей доступное, и, какъ живой примѣръ всѣхъ соблазнительныхъ прелестей разсказа, стояли передъ ней молодой красавецъ въ блестящемъ мундирѣ и видный старикъ, съ золотымъ эксельбантомъ, съ тремя звѣздами на груди, съ такой красивой рѣчью, со взглядомъ, выражавшимъ достоинство, власть и значеніе...

Графъ Борисъ Михайловичъ замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное его разсказомъ на княжну; онъ остановился и сталъ прощаться. Елецкіе удерживали его завтракать. Послѣ нѣсколькихъ отговорокъ, графъ согласился и тотчасъ же затѣялъ съ княземъ и княгиней самый серьезный и

сухой разговоръ, чтобы никакъ не дать молодымъ людямъ повода въ него вмѣшаться и такимъ образомъ предоставить ихъ самимъ себѣ.

Княжна и графъ сидѣли рядомъ. Они оживленно заговорили, но, заведенный графомъ на пустую тему, одну изъ самыхъ обыденныхъ, разговоръ этотъ скоро же истощился. Ни на балахъ, ни во время визитовъ не привыкшій къ болѣе продолжительнымъ разговорамъ, графъ, такъ сказать, весь выдохся, и лишь напрягая все свое знаніе свѣтской жизни и гостинной causerie удалось ему не дать молодой дѣвушкѣ замѣтить затруднительнаго его положенія. Онъ прибѣгнулъ къ самому надежному средству—къ разспросамъ и комплиментамъ, которые съ большимъ искусствомъ и перемѣшивалъ между собою, пользуясь каждымъ удобнымъ отвѣтомъ княжны, чтобы самому сказать нѣсколько лишнихъ словъ. Безъискусственность княжны въ словахъ и въ обращеніи и помогала, и мѣшала ему: помогала, ибо, не выискивая и ничего не обдумывая, княжна сама говорила все, что ни приходило ей въ голову; мѣшала, ибо чѣмъ-то непривычнымъ и чуждымъ была графу эта безъискусственность, и часто искреннія и простыя слова княжны заставали его совершенно врасплохъ: до сихъ поръ никогда не слыхалъ онъ ничего подобнаго и рѣшительно не зналъ, что отвѣчаютъ въ такихъ случаяхъ. Тогда онъ вывертывался съ помощью нѣсколькихъ незначительныхъ красивыхъ словъ, кончавшихся неизбѣжнымъ комплиментомъ, но, чѣмъ далѣе, тѣмъ однообразнѣе и пошлѣе становились эти комплименты. Разговоръ съ виду шелъ у нихъ довольно бойко, но оба скоро почувствовали какое-то утомленіе. Это было понятно со стороны графа, которому не часто приходилось провести полчаса почти наединѣ съ порядочной дѣвушкой; но княжна по цѣлымъ зачастую часамъ разговаривала съ совершенно ей незнакомыми людьми, и никогда еще не утомлялъ ея разговоръ.

Съ чувствомъ облегченія услыхали оба, что завтракъ поданъ. За завтракомъ разговоръ поневолѣ сталъ общимъ и молодой графъ снова легко вошелъ въ обычную для себя колею общаго и пустого салоннаго разговора. Графъ Борисъ Михайловичъ умѣлъ оживить разговоръ и, незамѣтно втя-

гивая въ него сына и ловко выставляя его постоянно впередъ, сдѣлалъ такъ, что въ глазахъ всѣхъ творцомъ господствовавшаго за завтракомъ шумнаго оживленія былъ никто иной, какъ графъ Николай Борисовичъ. Весело прошелъ завтракъ; подъ вліяніемъ веселой этой минуты впечатлительная княжна совершенно забыла недавнее утомленіе и почти съ сожалѣніемъ простилась она съ Сафоновыми, когда, послѣ завтрака, не смотря на всѣ увѣщанія, старый графъ рѣшительно настоялъ, что ему надо ѣхать. Князь и княгиня заставили его однако обѣщать, что какъ-нибудь на дняхъ онъ запросто пріѣдетъ къ нимъ на блины, и это онъ охотно обѣщалъ, „если только позволитъ здоровье тетушки,“ оговорился онъ.

Когда они уѣхали, княжна занялась своимъ попугаемъ, потомъ стала играть, разучивая новую пьесу, потомъ кто-то пріѣхалъ къ нимъ съ визитомъ, потомъ онѣ съ матерью куда-то поѣхали, и во весь день ни разу такимъ образомъ и не вспомнила она объ утреннихъ гостяхъ; впрочемъ и вообще, разставшись съ кѣмъ нибудь, она рѣдко вспоминала и о болѣе даже пріятныхъ ей людяхъ.

Но графъ былъ въ восторгѣ отъ нея и всѣ его мысли были переполнены ею.

— Прелесть, что за дѣвочка, думалъ онъ, сидя въ каретѣ и безучастно глядя на незнакомыя улицы—онъ даже и не видѣлъ того, на что глядѣлъ. Вотъ бы такую достать!.. Вѣдь эта получше, пожалуй, и Маши! А Машка подлая! Непремѣнно теперь свяжется съ этимъ Каблуцкимъ!.. Надо Лешкову написать, чтобы онъ прислалъ ее сюда. И за какимъ шутомъ я ее тамъ оставилъ? Да, вотъ изволь съ этими фатерами разъѣзжать, никакого удобства нельзя себѣ позволить! И къ чему онъ взялъ меня съ собой? Словно безъ меня старуха и ногъ протянуть не съумѣетъ! А эта княжна—прелесть! Куда Маша, эта получше и Клары Замыцкаго, а вѣдь Клара ему 40.000 въ годъ стоитъ!.. И для этой, для княжны, и не жаль было бы сорока тысячъ... Да, достать бы такую, Замыцкій, Замыцкій-то, да онъ взбѣсился бы съ досады! И чортъ ихъ побери, этихъ барышень, ну что толку въ ихъ красотѣ? Замужъ-то и хуже выходятъ. А будь она танцовщица какая-нибудь, эта прелесть, да

привези я ее въ Петербургъ, что бы это за эффектъ былъ! Машу бы тогда по-боку...

Тутъ карета остановилась у подъѣзда, и Николай Борисовичъ вслѣдъ за отцомъ сталъ подниматься по ступенямъ широкой лѣстницы.

— А какова княжна? обратился къ нему отецъ.

— Необыкновенно хороша!

— Да, привезти бы ее къ намъ, въ Петербургъ, она бы всѣхъ тамъ затмила!

Пока старый графъ не сказалъ ничего болѣе.

— Ну что ты скажешь, Лиза? спросилъ князь у своей жены, когда Сафоновы уѣхали.

— Мнѣ онъ нравится...

— А Женѣ? Ты не замѣтила?

— Я думаю, и ей тоже—онъ такой красивый, веселый...

— Отецъ хорошій человѣкъ, умный и дѣльный, ну да и сынъ не обсѣвокъ, кажется, въ полѣ... Впрочемъ, что то еще будетъ... А ты прослѣди за ними.

Впечатлѣніе, произведенное молодымъ графомъ на стариковъ, было, такъ сказать, благопріятно-безразличное. Ничѣмъ, повидимому, не отличался онъ отъ прочихъ свѣтскихъ молодыхъ людей, взятыхъ въ общемъ, и ничто не нравилось въ немъ особенно. Немного противъ него говорило, правда, то чувство, которое невольно втайнѣ испытывали старики, видя свою дочь вмѣстѣ съ Алгасовымъ, обоихъ одинаково живыхъ, веселыхъ и счастливыхъ. Но *за* него говорилъ его титулъ, высокое положеніе въ Петербургѣ его отца, его огромное состояніе и блестящая жизнь, ожидавшая съ нимъ ихъ дочь. Все это было слишкомъ соблазнительно и само собою какъ-то загораживало все остальное.

На другой день, часовъ около двухъ, Алгасовъ сидѣлъ у Бачурина въ его кабинетѣ. Онъ зашелъ лишь на минутку, чтобы передать приглашеніе Вѣдровыхъ на блины, да заговорился и остался долѣе, чѣмъ предполагалъ. Бачуринъ велѣлъ подать кофе и они мирно бесѣдовали, завтракая кофе и горячимъ калачомъ съ масломъ. Вошедшій лакей доложилъ Константину Платоновичу:

— Ея превосходительство просятъ васъ въ гостиную!

— Кто тамъ? спросилъ Бачуринъ, досадуя на не вовремя пріѣхавшихъ гостей.

— Графъ Сафоновъ съ сыномъ.

— Ну хорошо, сейчасъ приду.

Алгасовъ зналъ фамилію графа, какъ сановника и какъ племянника всѣмъ извѣстной Бертово, хотя никогда еще не видалъ его. Когда лакей ушелъ, онъ обратился къ брату:

— Хоронить пріѣхалъ?

— Нѣтъ, онъ всегда ее навѣщалъ, вѣдь родство-то лестное, да и наслѣдство большое...

— Ты знаешь его?

— Немного. Онъ съ отцомъ былъ знакомъ и теперь къ матери пріѣхалъ.

И Константинъ Платоновичъ допилъ кофе, стряхнулъ крошки съ сюртука и вообще немного оправился. Алгасовъ тоже всталъ.

— Ну иди, началъ онъ. Такъ не забудь, завтра, часамъ къ четыремъ...

— Постой, куда же ты? Пойдемъ въ гостинную!

— Ну тебя, я и не одѣтъ, гдѣ мнѣ съ генералъ-адъютантами знакомиться?

Бачуринъ оглянулъ домашнюю визитку брата и не сталъ настаивать. Они вышли въ залу и тамъ простились. Проходя черезъ залу, Алгасовъ заглянулъ въ отворенныя двери гостинной и увидѣлъ красивую фигуру графа Николая Борисовича, стоявшаго возлѣ Ирины и что-то съ улыбкой ей говорившаго. Невольно посмотрѣлъ на него Алгасовъ и, не думая болѣе о Сафоновыхъ, вышелъ изъ комнаты и быстро сбѣжалъ съ лѣстницы.

Въ тотъ же вечеръ Алгасовъ былъ у Елецкихъ, но ни онъ, ни княжна ни единымъ словомъ не упомянули о пріѣзжемъ, о которомъ оба они совсѣмъ и не думали.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого парадныя залы Бертово были ярко освѣщены: она давала свой обычный балъ. Вереницы каретъ подъѣзжали къ ея подъѣзду и, казалось, конца не будетъ санямъ и каретамъ. Кто только могъ, всѣ воспользовались ея приглашеніемъ; въ этомъ году имъ особенно дорожили, ибо всѣ были увѣрены, что

это послѣдній балъ, который даетъ всѣми уважаемая старуха, а еще и потому, что на балу будетъ извѣстный и вліятельный графъ Сафоновъ.

Залъ былъ уже полонъ гостей, а все еще входили новые и новые гости и одинъ за другимъ подходили къ тому мѣсту, гдѣ, на покойномъ креслѣ, обложенная подушками, но разряженная по обыкновенію сидѣла хозяйка. Графъ Сафоновъ и почетнѣйшіе изъ почетнѣйшихъ, да еще нѣсколько стариковъ, ея полу-вѣковые знакомые, окружали ее. Оживленно, хотя и слабымъ голосомъ, разговаривала съ ними старуха и вмѣстѣ радушно привѣтствовала всѣхъ входившихъ, каждому говоря нѣсколько ласковыхъ словъ; всѣ тѣснились къ ней, желая въ послѣдній разъ взглянуть на ту, которую всѣ здѣсь присутствующіе съ дѣтства еще привыкли знать и уважать, и одинаково всѣхъ смущала невольная грусть при мысли, что скоро уже не станетъ Анны Григорьевны... А близость смерти ясно читалась въ слабомъ, дрожащемъ ея голосѣ, въ ея потухшемъ взглядѣ, въ ея худобѣ и во всей осунувшейся ея фигурѣ, и никто не обманывался на этотъ счетъ.

Но оживляющимъ всегда образомъ дѣйствовали на Анну Григорьевну блескъ бальной залы, роскошные туалеты, цвѣты, музыка, танцы. Она безпрестанно оглядывалась, съ наслажденіемъ любуясь окружающимъ весельемъ: Анна Григорьевна любила, чтобы вокругъ нея веселились; съ радостью смотрѣла она всегда на это веселье и не смущало ея, что сама уже не можетъ она принимать въ немъ участья. Съ улыбкой любовалась она молодыми красавицами и тѣхъ, которыя особенно ей нравились, она подзывала къ себѣ, усаживала возлѣ себя и такъ добродушно и ласково съ ними бесѣдовала, что всѣ, хоть немного съ ней поговорившія, уходили отъ нея, всей душой полюбивъ эту добрую старуху. Долго возлѣ себя она никого не держала и обыкновенно говорила при этомъ:

— Ну поди, красавица, поди, милая, что тебѣ со старухой сидѣть, поди, попрыгай, повеселись, и меня, старуху, повесели. Весело тебѣ у меня? Ну, весело, и спасибо, родная, иди, Христосъ съ тобой, дай Онъ тебѣ мужа хорошаго,

да любимаго, да дѣтокъ побольше, а то трудно безъ дѣтокъ, охъ трудно! Иди.

Искренно радовалась она на чужую молодость, на чужое счастье и чужое веселье, и кто знаетъ, сколько воспоминаній тѣснилось въ эти минуты въ ея головѣ? А много кое-о-чемъ давала ей вспомнить ея долгая жизнь...

Такъ и теперь сидѣла она и глядѣла на кружившіяся по залѣ пары.

— Это кто такая? вдругъ завозилась она на своемъ креслѣ. Графъ Борисъ! Гдѣ онъ, гдѣ графъ Борисъ?

Графъ, разговаривавшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, прервалъ разговоръ и поспѣшилъ къ теткѣ.

— Что вамъ угодно, тетушка? спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Это кто такая? сказала старуха, безцеремонно указывая на княжну. Она замѣтила ее, когда княжна, вальсируя съ Алгасовымъ, быстро пронеслась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

— Это княжна Елецкая, тетушка, отвѣтилъ графъ.

— Елецкая?.. Не знаю... Есть такіе? обратилась она къ рядомъ съ ней сидѣвшему старому князю Дубенскому.

— Какъ же, Елецкіе настоящіе наши князья-Рюриковичи, отвѣтилъ ей Дубенскій.

— Ну не помню, не помню! Ну все равно, приведи ее ко мнѣ, обратилась она къ графу.

Съ легкой усмѣшкой отошелъ отъ нея графъ и, ловко лавируя среди танцующихъ паръ, своей полной достоинства походкой отправился на противоположный конецъ залы, гдѣ Алгасовъ усаживалъ запыхавшуюся княжну. Графъ подошелъ къ ней, сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ, потомъ передалъ приглашеніе тетки и подалъ ей руку, извинившись передъ Алгасовымъ. Слегка покраснѣвшая, княжна тотчасъ же встала и пошла съ нимъ и, такъ же ловко лавируя съ нею среди танцующихъ и не переставая въ то же время говорить, подвелъ онъ ее къ теткѣ.

— Здравствуй, красавица моя, садись, поговоримъ, встрѣтила ее Анна Григорьевна, ласково глядя на смутившуюся дѣвушку. Да ты не бойся, милая, я вѣдь не обижу. Садись. Ты съ кѣмъ здѣсь?

— Тутъ папа и мама, бабушка, отвѣтила княжна, сама еще хорошенько не зная, какъ ей говорить съ этой ласковой старухой, которой до сихъ поръ она такъ боялась.

— Вотъ спасибо, родная, бабушкой назвала, спасибо, милая, говорила Анна Григорьевна, радостно улыбаясь и гладя мягкіе волосы княжны. Да, кабы у меня такая красавица-внучка была, продолжала она, ужъ какъ бы я любила ее! Не привелъ Господь!.. кончила она, вздыхая.

И не зная, чѣмъ ей порадовать полюбившуюся дѣвушку, Анна Григорьевна вдругъ сняла съ своего пальца кольцо съ большимъ бриллiантомъ и подала его княжнѣ.

— На, возьми на память обо мнѣ, что вотъ, молъ, старуха полюбила меня, говорила Анна Григорьевна, надѣвая кольцо на тонкій, обтянутый перчаткой палецъ княжны.

Не ожидавшая этого, княжна съ недоумѣніемъ взглянула на нее.

— Ничего, ничего, милая, возьми, отъ меня можно, понявъ ея взглядъ, сказала старуха. Сама вѣдь бабушкой назвала, дитя мое! А другого-то ничего здѣсь нѣтъ у меня. Возьми. Графъ Борисъ! Отца-то ея знаешь?

— Знаю, тетушка!

— Ну такъ скажи ему, что это я подарила, полюбила и дала, такъ и скажи. Возьми же, милая. Ну иди, Господь съ тобой, что тебѣ со мной сидѣть. И не благодари, не надо, не люблю я этого, и такъ знаю, что ласку мою цѣнишь, быстро заговорила она, видя, что княжна хочетъ говорить. Ну иди.

И приблизивъ ее къ себѣ, Анна Григорьевна перекрестила и поцѣловала ее. Теплымъ поцѣлуемъ отвѣтила ей княжна.

— Родная моя! вся просіявъ, сказала Анна Григорьевна, съ любовью глядя на нее. Ну иди, танцуй, веселись и будь счастлива. Графъ Борисъ, отведи ее.

Графъ съ любезной улыбкой подалъ княжнѣ руку и повелъ ее назадъ, поздравляя съ успѣхомъ у Анны Григорьевны.

— Вмѣстѣ съ тетушкой, мнѣ остается лишь пожелать, чтобы дѣйствительно стали вы любимой ея внучкой, тихо произнесъ онъ намекъ, котораго, впрочемъ, княжна не поняла.

Графъ привелъ ее на старое мѣсто, гдѣ ея дожидался Алгасовъ съ ея вѣеромъ въ рукахъ, посадилъ ее и съ легкимъ поклономъ, общимъ ей и Алгасову, отошелъ отъ нихъ.

Съ радостнымъ волненіемъ разсказала княжна Алгасову о томъ, какъ ласково приняла ее Анна Григорьевна, и показала полученное въ подарокъ кольцо.

— Это мнѣ на память о ней, какая она добрая и славная, говорила княжна, съ любовью глядя на старуху.

Анна Григорьевна тоже съ добродушной улыбкой смотрѣла на княжну.

— Отведите меня къ мамѣ, сказала княжна, вставая и обращаясь къ Алгасову.

— А вы знаете Сафонова? спросилъ Алгасовъ, идя съ ней черезъ залу.

— Да, папа давно ужъ его знаетъ. Они вѣдь служили вмѣстѣ.

— И вы обоихъ знаете, и отца, и сына?

— Да, на дняхъ они были у насъ...

— Неправда-ли, какъ хорошъ молодой графъ?

— Да, очень красивъ, равнодушно отвѣтила княжна и усмѣхнулась.

— Чему вы? спросилъ Алгасовъ.

— Такъ. Я графа вспомнила. Какой онъ...

И она остановилась, не зная, какъ продолжать.

— Какой же?.. спросилъ Алгасовъ.

— Не знаю. Такъ странный какой-то; начнетъ онъ говорить, и все какъ-то не выходитъ у него, вотъ онъ и начнетъ мнѣ докладывать, какъ я хороша, пробовала она объяснить свою мысль. Ну разъ сказалъ—и довольно, а вѣдь онъ это всегда, какъ только не выходитъ у него разговоръ... Вотъ вы же ни разу не сказали мнѣ...

И она остановилась, сама смущенная этими нечаянно вырвавшимися у нея словами.

— Но развѣ нужно мнѣ это говорить? тихо спросилъ ее Алгасовъ, наклоняясь къ ней.

— Нѣтъ... еще тише отвѣтила ему княжна, краснѣя и потупившись.

Столько теплой ласки слышалось въ этомъ словѣ, и безграничнымъ счастьемъ наполнило оно сердце Алгасова.

— Милая! про себя прошепталъ онъ, съ любовью глядя на смущенную дѣвушку.

Тутъ княжна увидала свою мать и указала, куда имъ идти.

Черезъ нѣсколько времени снова заиграли вальсъ. Графъ Николай Борисовичъ пригласилъ княжну. Вальсировалъ онъ очень хорошо, и когда эта красивая пара легко и граціозно проносилась по залѣ—всѣ обратили на нихъ вниманіе и между прочими и Анна Григорьевна. Она опять заволновалась.

— Опять она! Милая! Графъ Борисъ, гдѣ графъ Борисъ? Смотри, обратилась она къ подошедшему графу, твой сынъ съ моей внучкой... Сватай ее, непремѣнно сватай, не упускай невѣсты, слышишь?

Къ его горю, Алгасовъ не слыхалъ этихъ словъ Анны Григорьевны.

Послѣ этого недолго оставалась она въ залѣ: былъ уже второй часъ, и Анна Григорьевна страшно утомилась.

— Ну я спать пойду, безъ меня ужъ веселитесь, пока любо, а меня, старуху, извините, обратилась она къ окружавшимъ. Вотъ молодого хозяина вамъ оставляю, онъ вмѣсто меня васъ займетъ, говорила она, положивъ руку на плечо 60-лѣтняго, сѣдого уже графа. Да подольше сидите, а ты, молодой хозяинъ, займи моихъ гостей, слышишь? Ну, прощайте!

Съ помощью окружающихъ съ трудомъ пересѣла она въ кресло, на которомъ ее возили, и покатилась къ выходу изъ бальной залы.

— Прощайте, батюшки, извините меня, старуху, говорила она встрѣчавшимся. Прощайте, Андрей Михайловичъ, ужъ не взыщите на мнѣ, вотъ съ молодымъ хозяиномъ васъ оставляю, сказала Анна Григорьевна подошедшему генералу со звѣздой.

И хотя генералъ былъ вовсе не Андрей Михайловичъ, а Иванъ Федоровичъ, онъ все-таки почтительно поклонился старухѣ и долго слѣдилъ за ней, пока не увезли ея изъ залы.

Балъ продолжался своимъ чередомъ.

— А графъ хорошо танцуетъ, началъ Алгасовъ, подходя къ княжнѣ.

— Да, хорошо, да какъ-то неловко съ нимъ...

— Отчего?

— Какъ-то онъ смотритъ, я не знаю...

И княжна замотала хорошенькой своей головкой, желая этимъ пояснить свою мысль.

— Ну и что же?

— Да не люблю я, когда на меня смотрятъ, танцуя со мной...

— Вы должны извинить его, княжна, вѣдь вы знаете, какъ онъ пораженъ вашей красотой...

— И точно онъ гордится чѣмъ передъ нами, продолжала княжна, такимъ побѣдителемъ какимъ-то выглядываетъ...

— Ну, раскорили вы его совсѣмъ!

— Нѣтъ, вы всмотритесь въ него, какъ онъ стоитъ. Неправда-ли, такъ?

И выпрямившись, сдвинувъ брови и придавъ глазамъ выраженіе легкаго ко всему пренебреженія, постаралась княжна представить самоувѣренную, исполненную чувства собственнаго достоинства и вмѣстѣ немного кокетливую позу графа, который стоялъ довольно далеко отъ нихъ, опершись рукой на стулъ. Все это было такъ комично и мило въ хорошенькой княжнѣ, что Алгасовъ не могъ не засмѣяться. Засмѣялась и сама княжна.

Балъ кончился и стали разъѣзжаться. Елецкіе уѣхали изъ первыхъ. Графъ, Алгасовъ и Бачуринъ провожали княжну.

Бачуринъ познакомилъ графа и Алгасова. Графъ съ первыхъ же словъ сталъ звать ихъ въ Стрѣльну, къ цыганкамъ, куда онъ собирался съ нѣкоторыми изъ своихъ московскихъ пріятелей.

— Надо же какъ-нибудь развлечься послѣ этого глупаго бала, говорилъ онъ.

Но Алгасовъ поспѣшилъ уклониться отъ этой поѣздки, да и Бачуринъ послѣдовалъ его примѣру. Графъ выразилъ сожалѣніе и отправился собирать своихъ товарищей.

Такъ кончился послѣдній балъ Анны Григорьевны Бертово.

Наступилъ постъ, но и постомъ попрежнему часто видѣлъ Алгасовъ княжну и такъ же весело и хорошо жилось имъ обоимъ. Алгасовъ любилъ ее и, счастливый этой любовью, всей душой наслаждался онъ беззаботной болтовней молодой дѣвушки, ея весельемъ, красотой и кокетствомъ, и быстро, полные счастья, летѣли для него дни и недѣли.

Иногда онъ заставалъ у Елецкихъ молодого Сафонова, да и въ другихъ домахъ приходилось ему видѣть ихъ вмѣстѣ, княжну и графа. Графъ былъ изъ числа неизмѣнныхъ поклонниковъ княжны, но ихъ было такъ много, что совершенно незамѣтенъ былъ онъ среди нихъ. Неинтересный и наединѣ, въ большомъ обществѣ этотъ обыденный человѣкъ терялъ еще болѣе и Алгасовъ продолжалъ занимать свое прежнее мѣсто возлѣ княжны, еще даже усилилась за послѣднее время ихъ дружба, та невинная полу-ребяческая дружба, которая установилась между ними съ начала еще зимы.

Съ Сафоновымъ княжна держала себя сдержаннѣе, чѣмъ со всѣми другими, рѣже съ нимъ шутила и, противъ своего обыкновенія—почти не кокетничала съ нимъ. Но блестящій гвардеецъ нисколько не смущался этимъ. Разговаривать много онъ не любилъ, это было не по его части; онъ охотно предоставлялъ своимъ товарищамъ по ухаживанью пріятную честь развлекать княжну разговорами и, твердо увѣренный въ силѣ своей неотразимой красоты и въ блескѣ общественнаго своего положенія, безпечно крутилъ онъ черные усы свои, жадно глядя на милую дѣвушку и, какъ знатокъ, по статьямъ оцѣняя все, что было въ ней привлекательнаго. Съ каждымъ днемъ она ему нравилась все болѣе и болѣе.

Какъ Алгасовъ не замѣчалъ графа и не обращалъ на него вниманія, точно такъ же и графъ совершенно не замѣчалъ Алгасова. Знакомство ихъ ограничивалось лишь поклонами и графъ не помнилъ даже навѣрное фамиліи этого молодого человѣка, ни кто онъ такой. Въ своихъ глазахъ графъ на столько превосходилъ всѣхъ окружавшихъ княжну, что странно даже было бы ему замѣчать,

кто тамъ увивается возлѣ нея. Какое ему до этого дѣло, ему, графу Николаю Сафонову?

Сафоновы зажились въ Москвѣ, но это было весьма понятно: балъ такъ утомилъ Анну Григорьевну, что послѣ него она окончательно слегла и почти мѣсяцъ со дня на день всѣ ожидали ея смерти. Но старуха все не умирала, хотя видимо дышала на ладонъ.

Старый графъ совершалъ чудеса ловкости. Цѣлые дни былъ онъ у постели умирающей тетки и вмѣстѣ усердно работалъ возлѣ княжны и своего сына. Онъ хотѣлъ за сына ослѣпить и увлечь княжну; съ тонкимъ разсчетомъ давалъ онъ имъ видаться достаточно и не слишкомъ въ тоже время часто и внимательно слѣдилъ, чтобы княжна не скучала возлѣ его сына; безпрестанно говорилъ онъ ей въ томъ же духѣ, какъ и въ день своего перваго визита, но такъ ловко умѣлъ онъ разнообразить свои рѣчи, пересыпая ихъ то остротами, то яркими анекдотами изъ этой изображаемой имъ блестящей жизни, то утонченными, красивыми и въ высшей степени лестными для княжны комплиментами, что княжнѣ казалось, будто каждый разъ она слышитъ что-то новое, другое, еще болѣе интересное и увлекательное. И когда онъ отходилъ отъ нея, то же прежнее впечатлѣніе овладѣвало ею, она жаждала узнать эту полную празднествъ, роскоши и власти жизнь и, какъ на представителей этой жизни, почти съ благоговѣніемъ смотрѣла она тутъ на величественнаго звѣздоноснаго генерала и на его сына, красавца въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ.

Но еще большаго труда и осторожности стоило графу приготовленіе сына. Тутъ малѣйшая оплошность, чуть лишь раньше времени замѣтитъ Николай Борисовичъ, что его хотятъ женить—и все пропало. Графъ уже по опыту зналъ, что въ этомъ Николай Борисовичъ до крайности чутокъ, упрямо охраняя свою свободу и возможность кутить и веселиться безъ помѣхи.

И осторожно, съ тонкимъ знаніемъ человѣческаго сердца дѣйствовалъ графъ. Всячески тонкими словами и намеками разжигалъ онъ чувство сына, то описывая княжну, и описывая ее такъ, что слюнки текли у молодого графа, то говоря о несомнѣнномъ блестящемъ ея успѣхѣ въ свѣтѣ и о

той зависти, которую возбудитъ ея обладатель (онъ тщательно избѣгалъ слова *мужъ*) и этимъ затрогивая въ сынѣ тщеславіе свѣтскаго человѣка, то упоминая о заводѣ и лѣсѣ въ томъ имѣніи, которое отдавалось за княжной. Это имѣнье онъ зналъ хорошо. Лѣсъ былъ старый и береженый. Графъ говорилъ собственно объ охотахъ въ этомъ лѣсу и лишь мимоходомъ упоминалъ, какъ дороги лѣса въ той мѣстности и какъ умно поступили старики, сохранивъ этотъ лѣсъ.

— Ну что онъ стоилъ тогда? Ну взяли бы они за него тысячъ, положимъ, 50 или даже 60. А теперь, да особенно если подождать еще годика два или три, когда проведутъ желѣзную дорогу, вѣдь это страхъ сказать, что будетъ стоить этотъ лѣсъ! Самое уже малое, что можно будетъ выручить, это по 500 рублей за десятину, а вѣдь ихъ тамъ около двухъ тысячъ десятинъ!.. И при хорошемъ присмотрѣ онъ живо опять выростетъ, да и еще къ тому времени подорожаетъ. Нѣтъ, надо сознаться, сглупилъ я тогда, что продалъ лѣсъ въ Доленскомъ... Не слѣдовало... Черезъ это имѣнье почти ничего теперь не стоитъ...

И по разсчетамъ графа выходило какъ-то такъ, что лѣсъ въ Нижегородскомъ имѣніи княжны—это что-то вродѣ бездонной бочки, изъ которой, когда понадобится, безъ конца можно черпать десятки и сотни тысячъ. Такой же благодатью оказывался и заводъ. Онъ давалъ тысячъ семь или восемь дохода, но, если вѣрить графу, стоило только что-то прибавить къ этому заводу, и это *что-то* всего обойдется, ну ужъ отъ силы въ какихъ-нибудь двадцать-тридцать тысячъ, и заводъ будетъ давать не восемь, а цѣлыхъ 40.000, если не больше.

— И не понимаю, разсуждалъ онъ, вѣдь и умный, кажется, человѣкъ—князь, а какъ не сообразитъ такой простой вещи? Вообще, это имѣнье въ забросѣ. Напр., земля. Положимъ, тамъ ея немного, всего, кромѣ лѣса, тысяча, кажется, десятинъ, однако не совершенный же это пустякъ! Сейчасъ она въ арендѣ у него, и что-то дешево, всего за двѣ или за три тысячи—не помню, но при своемъ хозяйствѣ каждая десятина легко можетъ тамъ дать по меньшей уже мѣрѣ по 50 рублей. Итого—сочти-ка, что выйдетъ!..

Имѣнье оказывалось однимъ словомъ чуть не первымъ

въ Россіи. Жадно слушалъ разсказы отца молодой графъ, которому никогда не хватало получаемыхъ отъ отца значительныхъ денегъ, не смотря даже и на его, по его мнѣнію, крайне умѣренные расходы (ужъ одно то возьмите: у Замыцкаго есть Клара, стоящая 40.000 въ годъ, всему Петербургу извѣстная по своему шику, прямо изъ Парижа, а у него, графа—эта Маша, правда, красавица собой, много и много моложе и лучше Клары, но все-таки всего лишь царскосельская мѣщанка, дочь простого булочника. Положимъ, есть еще у него Полина, которую всучилъ ему каналья Грушкевичъ—ну та и совсѣмъ ужъ плоха, хоть и актриса-француженка, и при всемъ этомъ все-таки вѣчный недостатокъ денегъ и постоянные долги. И наконецъ—лошади: что же, такія же развѣ у него лошади, какъ у Замыцкаго или князя Бѣльскаго?).

— Вотъ, кабы мое-то было, думалъ онъ про имѣнье княжны и про эти даромъ пропадающія тамъ сотни тысячъ, не видать бы Замыцкому Клары, да куда, кромѣ этой еще двухъ Кларъ выписалъ бы я тогда изъ Парижа... Да и *Стрѣлы* не перекупилъ бы у меня этотъ щенокъ Ахматовъ, а вѣдь что тамъ Бѣльскій ни говори— но *Стрѣла*, да особенно въ настоящихъ если рукахъ, куда получше будетъ она его *Вихря*!...

Но графъ Борисъ Михайловичъ не ограничивался этимъ. Какъ-то мелькомъ, говоря съ сыномъ о княжнѣ, онъ упомянулъ и о ея характерѣ.

— Что въ ней особенно мило, говорилъ онъ—это ея доброта. Она такъ добра, такъ смирна и покорна! При такой женѣ мужъ дѣлай, что хочешь, она всему покорится, слова никогда не скажетъ... Рѣдкая дѣвушка!

Такъ что, въ добавокъ ко всѣмъ остальнымъ прелестямъ, оказывалось еще, что, и женившись на ней, можно попрежнему, оставаться свободнымъ. Однимъ словомъ, въ этой женитьбѣ не было, повидимому, ничего страшнаго, и зато сколько хорошаго: красивая молоденькая дѣвушка, имѣнье богатѣйшее...

Княжна очень нравилась графу. Онъ уже не сравнивалъ ея съ Машей да и о Машѣ забылъ, увлеченный княжной.

— Надо бы ея карточку достать и велѣть Матренѣ Карловнѣ разъискать гдѣ-нибудь точь-въ-точь такую же... А то—Маша!..

Графъ даже рѣшилъ, что нечего много думать о Машѣ, потому что, пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ ее сейчасъ же прогонитъ, какъ ни увѣряй она, что не измѣняла ему. Наплевать на нее.

Найти другую вродѣ княжны, такъ какъ самоё княжну имѣть нельзя, это стало его мечтой. Гдѣ только достанешь такую—это разъ, а главное—дорого, пожалуй, станетъ, шельма, денегъ же сейчасъ у него всего триста съ чѣмъ-то рублей, послѣдніе изъ недавно, въ Москвѣ уже, занятыхъ у жида двухъ тысячъ. А это имѣнье! „Жениться развѣ?“ подумалось графу. Оно, положимъ, что тамъ ни говори, а жениться—это... Но зато не только совершенно вѣдь даромъ получишь эту дѣвочку, а съ ея имѣньемъ, которое такъ хвалитъ отецъ, можно еще отбить у Замыцкаго Клару! То-то торжество будетъ!

И понемногу сталъ онъ осваиваться съ мыслью о женитьбѣ. Безпрестанныя думы о княжнѣ—какъ она хороша и какъ пріятно было бы обладать ею—разжигали его чувственность, и не по днямъ, а по часамъ росло его увлеченіе.

А пока подвернулась ему новая забава. Одна молоденькая воспитанница Анны Григорьевны, очень хорошенькая, до безумія плѣнилась молодымъ красавцемъ. Графъ ее замѣтилъ и сталъ за ней ухаживать. Не хватило у влюбленной дѣвушки силъ сопротивляться и скоро отдалась она графу.

Все удавалось ему. Дѣвушка премилая (нисколько не хуже Маши) принадлежитъ ему, да и кстати оно: ужъ если ухаживать за княжной, такъ слишкомъ кутить и не совсѣмъ, пожалуй, ловко... Дома, у себя, все оно тише и скромнѣе, разсудилъ графъ.

И графъ любовался княжной, ухаживалъ за ней и даже увѣрилъ себя, что онъ страстно влюбленъ въ нее, а вернувшись домой—обнималъ и цѣловалъ хорошенькую, влюбленную Соню, ее тоже увѣряя въ любви. Онъ рѣшилъ сохранить и Соню, когда женится.

— Она тоже вѣдь прехорошенькая, мечталъ онъ. Да если отбить еще у Замыцкаго Клару... Ну, пожалуй, тогда и Машу можно оставить, чортъ съ ней! Да! Построже смотрѣть только за ней.

И съ каждымъ днемъ все меньше и меньше страшила его женитьба. А отецъ не переставалъ дѣйствовать все въ томъ же духѣ и мало-по-малу женитьба стала даже привлекать молодого графа, и однажды онъ высказалъ это отцу.

Отецъ, повидимому, крайне былъ удивленъ словами сына, и радостно удивленъ.

— Николай, да ты ли это? воскликнулъ онъ. Вотъ не ожидалъ-то! Значитъ, какъ слѣдуетъ, плѣнила тебя княжна? Нѣтъ, ты не шутишь?

— Я безъ ума влюбленъ въ нее! отвѣтилъ сынъ.

— Ну дай мнѣ обнять тебя! Я совсѣмъ уже отчаялся тебя женить и даже и не думалъ о княжнѣ, а вѣдь партія прекрасная, завидная невѣста! Ну обрадовалъ ты меня! Ахъ, Николай! Можно сказать, это одна изъ первыхъ нашихъ невѣстъ!

И чтобы еще болѣе утвердить сына въ его намѣреніи, графъ еще разъ перечислилъ всѣ достоинства княжны, какъ женщины и какъ невѣсты.

Долго говорили они, но въ виду безнадежно-плохого состоянія Анны Григорьевны, рѣшили подождать немного до ея смерти.

А Анна Григорьевна, смерти которой ждали каждую минуту, которую уже причастили и соборовали—въ одинъ прекрасный день она взяла да и встала съ постели, и торжественно, въ сопровожденіи обоихъ графовъ, выѣхала въ голубую гостинную. Сама не могла уже она поднимать рукъ и раскладывать пассьянса, но она приказала подвезти себя къ столу, велѣла одной изъ компаньонокъ разложить карты и съ своего кресла руководила пассьянсомъ, въ то же время объясняя молодому графу тайны этого пассьянса и обѣщая научить его еще многимъ другимъ, между прочимъ любимому пассьянсу Людовика XV и еще тому, который предсказалъ Наполеону неудачу подъ Бородинымъ.

Отецъ и сынъ рѣшили воспользоваться неожиданнымъ выздоровленіемъ старухи и, какъ можно скорѣе, приступить къ дѣлу.

XXVII.

На другой же день, часу въ первомъ, старый графъ и Николай Борисовичъ вмѣстѣ отправились къ Елецкимъ.

Въ этотъ день, когда надо было нанести рѣшительный ударъ, графъ Борисъ Михайловичъ превзошелъ самого себя. Неизмѣнно сохраняя свой величественный видъ, онъ былъ обворожителенъ и неподражаемъ. Казалось, онъ былъ со всѣми, и съ княземъ, и съ княгиней, и съ княжной, онъ разсказывалъ, острилъ, шутилъ, ухаживалъ, любезничалъ, но все это такъ ловко, во всемъ такъ умѣлъ выставлять впередъ своего сына, что всѣ приписывали молодому графу по крайней мѣрѣ половину царившаго въ гостинной оживленія.

Графъ комически жаловался, что дѣла и служба вызываютъ его въ Петербургъ, а болѣзнь тетки удерживаетъ въ Москвѣ.

— А теперь, говорилъ онъ, когда тетушка совсѣмъ, кажется, поправилась и нѣтъ уже предлога откладывать возвращеніе, теперь сынокъ мой, княжна, рѣшительно отказывается ѣхать! Не знаю, что и дѣлать! Зачѣмъ только бралъ я его съ собой? Поговорите съ нимъ, княжна, не послушаетъ ли онъ хоть васъ... Да нѣтъ, гдѣ...

Княжна не могла не улыбнуться, услышавъ это, и, слегка покраснѣвъ, взглянула на молодого графа. Съ своей красивой и мягкой, всегда его такъ украшавшей улыбкой, смотрѣлъ онъ на нее блестящими жадными глазами и какъ-то особенно красивымъ тутъ показался онъ княжнѣ, и поневолѣ съ удовольствіемъ остановился на немъ ея взглядъ.

— Но моя тетушка, продолжалъ графъ, рѣшительно влюблена въ васъ, княжна... Помните тогда, на балу? Князь, да ты свези княжну къ тетушкѣ! Ну что же, поскучайте немного, а зато какъ вы старуху порадуете! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжай...

— Да, говорилъ князь, надо бы поѣхать къ ней и поблагодарить ее за вниманіе къ Женѣ...

— Да, папа, поѣдемъ, сказала княжна, мнѣ такъ хочется еще разъ поблагодарить добрую Анну Григорьевну!

— Бабушку, продолжайте ее такъ называть, подхватилъ графъ. А она только вами и бредитъ, съ кѣмъ только можно поговорить о васъ, она уже не пропуститъ случая. Мой сынъ, надо вамъ сказать, не особенный охотникъ сидѣть съ больными. Оно и понятно! скучать и намъ, старикамъ, не очень-то нравится, онъ же такъ мало ее знаетъ... Прежде онъ всячески избѣгалъ оставаться съ нею. А на дняхъ, смотрю, нѣтъ его. Спрашиваю: гдѣ? Говорятъ—у ея высокопревосходительства. Ну, думаю, пошелъ поздороваться. Подождалъ немного—его все нѣтъ; спрашиваю опять, опять отвѣчаютъ, что у ея высокопревосходительства. Признаться, похвалилъ даже его, порадовался! Подождалъ еще, опять спрашиваю, опять оказывается у ея высокопревосходительства. Что, думаю, за притча? Пошелъ въ спальную къ тетушкѣ, а они тамъ о васъ бесѣдуютъ, и оба съ такимъ увлеченіемъ, что и не замѣтили, какъ я подошелъ...

Княжна нѣсколько даже смутилась при этихъ его словахъ, но графъ перешелъ уже на другое и безъ умолка раздавался въ гостинной веселый и занимательный разговоръ, ловко управляемый графомъ.

Княгиню вызвали въ другую комнату. Графъ подхватилъ князя подъ руку и, разсказывая ему подробности новаго закона, обсуждавшагося въ то время въ Государственномъ Совѣтѣ, и вѣроятный исходъ этихъ обсужденій, увелъ своего собесѣдника изъ гостинной. Какъ разъ вовремя кончилъ онъ разсказъ, въ ту самую минуту, когда они подходили къ кабинету князя.

— Я нарочно увелъ тебя, началъ графъ, помолчавъ немного. Намъ надо рѣшить наконецъ дѣло. Тетушка выздоровѣла, и мнѣ придется уѣхать, если... Я не знаю чувствъ княжны, но что касается моего сына, впечатлѣніе, произведенное на него твоей дочерью, превзошло даже мои ожиданія.

И графъ сталъ говорить о любви своего сына и о немъ самомъ, всячески стараясь смягчить его недостатки и тонкими намеками обратить особенное вниманіе князя на преимущества Николая Борисовича, какъ жениха. Князь мол-

ча слушалъ пріятеля, не зная, что ему сказать. Богатый и знатный графъ дѣйствительно былъ рѣдкій женихъ и поневолѣ не думалось о разгульной его жизни, смутные слухи о которой дошли и до князя, но въ то же время не лежало сердце князя къ этому жениху, за котораго благоразуміе приказывало выдать княжну, ибо нечего было и возразить противъ блестящей такой партіи. Графъ продолжалъ говорить, но князь уже не слушалъ его, думая о другомъ.

— Да, да, сказалъ онъ наконецъ, я всегда желалъ породниться съ тобой, я, конечно, не буду противъ... Но пойдемъ къ нимъ.

Между тѣмъ какъ отцы разговаривали въ кабинетѣ, въ гостинной произошло слѣдующее:

Какъ только молодой графъ остался наединѣ съ княжной, онъ подошелъ къ ней и, сразу войдя въ нетрудную свою роль, спокойно и самоувѣренно приступилъ къ объясненію.

Княжна, что-то предчувствуя, покраснѣла и смутилась, когда графъ сѣлъ возлѣ нея, но это сдѣлало ее еще болѣе привлекательною, а красота ея прибавила графу смѣлости и любви. Жадно любуясь ею, смотрѣлъ онъ на молодую дѣвушку и, твердо увѣренный въ силѣ своей непобѣдимой красоты, свободно, въ красивыхъ выраженіяхъ заговорилъ по-французски о своей любви, прося у княжны ея руки.

Княжна ничего ему не отвѣтила и молча сидѣла, взволнованная и смущенная, не смѣя глядѣть на него, но, и не глядя, чувствовала она блескъ его глазъ и видѣла его мужественную красоту. Съ замирающимъ сердцемъ слушала она его тихія, полныя страстныхъ желаній слова. Это было первое еще признаніе, которое ей дѣлали, ей было и неловко, и немного даже стыдно, и вмѣстѣ, польщенная тѣмъ, что ей говорятъ о любви, она вся покраснѣла и просіяла отъ удовольствія. Не радость, не счастье, а именно удовольствіе почувствовала она, слушая признаніе этого красавца, этого человѣка изъ другого какого-то, высокаго и волшебно-прекраснаго міра, знакомаго ей лишь по разсказамъ графа Бориса Михайловича. Невольно поддавалась она обаянію словъ молодого человѣка и слушала ихъ, наслаждаясь ими и не спрашивая себя, что можетъ она отвѣтить на нихъ.

Чудно хороша была она въ эту минуту. Увлеченный ея красотой и своими собственными словами, графъ заговорилъ еще краснорѣчивѣе и сильнѣе: его охватила цѣлая буря страсти къ этой хорошенькой дѣвушкѣ, возлѣ которой онъ сидѣлъ и которой не смѣлъ коснуться. Томительно ждалъ онъ отвѣта, а растерявшаяся княжна еще ниже наклонила прелестную свою головку, не зная, что ему сказать и какъ отплатить за его любовь, не зная тоже, что она чувствуетъ и что можетъ отвѣтить.

— Mais... je ne sais pas... смущенно прошептала она наконецъ.

Графъ снова заговорилъ, и съ каждымъ звукомъ все болѣе и болѣе горячей страсти слышалось въ его словахъ. Наконецъ онъ замолчалъ и посмотрѣлъ на княжну.

— Et vous, princesse?... Dites-moi... тихо произнесъ онъ, немного наклоняясь къ ней и глядя на нее блестящими, жадными глазами.

Княжна хотѣла ему отвѣтить, а что—и сама не знала она, что-нибудь ласковое, и все-таки не знала—что, и слезы показались у нея на глазахъ. Она хотѣла ихъ удержать и снова сдѣлала усиліе, чтобы произнесть ей самой совершенно невѣдомый отвѣтъ, но слезы пересилили ее и она быстро ушла, ничего не сказавъ.

Графъ проводилъ ее взглядомъ и неподвижно остался на мѣстѣ, весь переполненный любовью, вызванной въ немъ красотой и близостью этой дѣвушки. Но въ эту минуту княжна дѣйствительно владѣла его сердцемъ и желаніями, и ея *нѣтъ* сдѣлало бы его дѣйствительно несчастнымъ, надолго ли—это иной вопросъ.

Мысленно любуясь ея красотой, мечтая о своей любви къ ней, сидѣлъ онъ, съ возростающей тревогой думая о ея отвѣтѣ. Даже приближавшіеся шаги не вывели его изъ этой задумчивости, первой въ его жизни.

Его отецъ и князь подходили къ гостинной.

— Да, почти у самыхъ дверей остановилъ графъ своего пріятеля, еще вотъ что нужно тебѣ сказать... Тетушка Анна Григорьевна очень желаетъ этой сватьбы, это ея мечта съ тѣхъ поръ, какъ она увидала твою дочь на балу... Она уже не разъ посылала меня сватать...

Князь ничего ему не отвѣтилъ и вошелъ въ гостинную.

— Ты одинъ? съ безпокойствомъ спросилъ графъ своего сына, тоже входя за княземъ.

При этихъ словахъ Николай Борисовичъ поднялъ голову.

— Княжна ушла, отвѣтилъ онъ отцу.

— Что же она сказала тебѣ?

— Княжна ничего мнѣ не сказала.

— Да будетъ воля Божія, Николай Борисовичъ, началъ князь. Я съ своей стороны даю полное согласіе и надѣюсь, что жена тоже не будетъ противъ. А дочь я спрошу. И знаете что, оставимъ эти разговоры до завтра. Пріѣзжайте завтра, и я вамъ дамъ рѣшительный отвѣтъ.

Сафоновы простились и уѣхали. Дорогой старый графъ сталъ заботливо разспрашивать сына, но на всѣ его вопросы Николай Борисовичъ отвѣчалъ разсѣянно и отрывисто.

— Она отказала тебѣ? допрашивалъ отецъ.

— Да нѣтъ же, она ничего мнѣ не сказала, заплакала и ушла.

Графъ посмотрѣлъ на сына и замѣтилъ его волненіе. Это обрадовало стараго графа: теперь онъ могъ быть покойнымъ за сына, что, если только согласится княжна, Николай Борисовичъ не разстроитъ уже сватьбы и будетъ настоящимъ, влюбленнымъ женихомъ.

— Ну, по крайней мѣрѣ я сдѣлалъ все, что могъ. Если и теперь не сладится дѣло—это уже не моя вина, подумалъ графъ Борисъ Михайловичъ.

Въ новомъ для себя томительномъ и тяжеломъ безпокойствѣ провелъ молодой графъ остатокъ дня. Соня встрѣтила его съ любовью и лаской, но онъ ушелъ отъ нея, ничего ей не сказавъ, и заперся въ своей комнатѣ.

По отъѣздѣ Сафоновыхъ, князь пошелъ къ женѣ. Княгиня ничего еще не знала: она все время провела у себя, задержанная хозяйственными какими-то дѣлами.

— Развѣ они уѣхали? удивилась она, увидя входившаго мужа.

— Лиза, дѣло теперь серьезное, началъ князь. Графъ сдѣлалъ предложеніе. Теперь надо крѣпко подумать. Скажи, какъ онъ тебѣ нравится?

— Онъ, кажется, хорошій человѣкъ, добрый, простой...

— Да, простой... Дурного и я ничего не могу про него сказать. Что онъ тамъ покучиваетъ, какъ говорятъ—это пустое... Въ его лѣта и я жилъ весело, а вѣдь не плохимъ былъ мужемъ, говорилъ князь, цѣлуя жену и садясь возлѣ нея на диванъ. Онъ молодъ, хорошъ собой, состояніе у него прекрасное, имя извѣстное, отецъ—любимецъ Государя... Такихъ жениховъ не много... А нравится онъ ей, не знаешь?

— Не знаю, Александръ Ивановичъ, я нарочно не говорила съ ней о графѣ. Но она такъ часто его видитъ и всегда съ нимъ весела...

— А тотъ, Алгасовъ, не знаешь?

— Я не замѣтила, чтобы она была влюблена въ него, а сама уже подумывала я объ этомъ и слѣдила за ними.

— Напрасно давали мы имъ такъ много свободы...

— Александръ Ивановичъ, отчего же? Вѣдь Алгасовъ хорошій человѣкъ. Положимъ, не такого жениха Женя стоитъ, а всегда скажу: жаль, что этотъ Алгасовъ не графъ Сафоновъ! Покойнѣе я была бы. Я видѣла, что она можетъ въ него влюбиться и нарочно не мѣшала имъ. Пусть ее, если бы на то была воля Божія, я бы не стала спорить, да и ты тоже, я знаю. Передъ нею оба налицо: пусть выбираетъ. Какъ мать, я желала бы, чтобы она выбрала графа. Но какъ намъ знать, съ кѣмъ она будетъ счастлива? Отдалять ее отъ всѣхъ и сводить съ однимъ—вѣдь это значитъ на свою душу грѣхъ брать, Александръ Ивановичъ!

— Да, хорошій человѣкъ—Алгасовъ, и люблю я его, а все-таки грустно было бы, если бы моя дочь, дочь князя Елецкаго, вышла за какого-то Алгасова... Да къ счастью, онъ и не думаетъ свататься. А завтра надо имъ дать отвѣтъ... Ну ты пойди спроси ее, да приходи ко мнѣ, еще поговоримъ...

И, еще разъ поцѣловавъ жену, князь пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Къ крыльцу подъѣхала карета.

— Эй, кто тамъ! позвалъ князь. Никого не принимать!

Онъ сѣлъ на диванъ, но сколько ни думалъ онъ, онъ не могъ найти для своей дочери жениха, лучше сына своего давнишняго друга, богатаго и знатнаго графа Сафонова.

Оставшись одна, княгиня не сразу пошла къ дочери, но

и она не находила для нея жениха, лучше Сафонова. Жаль, разумѣется, что Алгасовъ не Сафоновъ, тогда бы ни минуты не раздумывала она. Но какая жизнь ожидаетъ ея дочь съ Алгасовымъ? Алгасовъ не богатъ и не знатенъ. А съ другимъ она будетъ жить богато, въ почетѣ, въ роскоши, при дворѣ—и невольно манило княгиню блестящее будущее, ожидавшее ея дочь въ случаѣ сватьбы съ графомъ Сафоновымъ.

Княгиня видѣла одно, что ея долгъ, какъ матери, посовѣтовать дочери принять предложеніе графа. Съ этимъ рѣшеніемъ пошла она къ дочери.

Княжна и не обернулась даже, когда мать вошла и сѣла возлѣ нея. Облокотившись руками на столъ и положивъ на нихъ хорошенькую свою головку, сидѣла княжна и съ тоской какой-то смотрѣла вдаль. Давно уже высохли ея слезы, но мысли ея все еще не могли придти въ порядокъ. Тревожно заставило забиться ея сердечко это первое услышанное ею признаніе и всю ее охватило томительное желаніе чего-то неизвѣстнаго, но безконечно-хорошаго... Такъ хорошо казалось ей въ эту минуту лицо графа, говорившаго ей о любви, съ такимъ замираніемъ повторяла она всѣ его слова, что невольно все сердце ея переполнилось чувствомъ нѣжности къ нему и такъ легко, такъ сладко казалось ей согласиться... Что-то удерживало ее отъ этого согласія, но что—никакъ не могла она себѣ уяснить, а графъ, красивый, мужественный, стройный, какъ живой, стоялъ онъ передъ нею... Ей хотѣлось любить его и быть любимой и, болѣе даже, чѣмъ онъ самъ, манило ее это неизвѣстное ей дотолѣ чувство и связанныя съ нимъ, новыя для нея ощущенія. Самая неожиданность событія и волновала ее, мѣшая ей думать, и какъ-то щемила ей сердце своей быстротой и рѣзкостью, и вмѣстѣ—радовала ее. Но что это такое, что надо ей дѣлать—этого княжна не знала и только путалась въ круговоротѣ собственныхъ мыслей, переходя отъ полной радости, гордости, нѣжности, любви даже, къ неизвѣстности, къ страху и непонятнымъ и потому особенно безпокойнымъ сомнѣніямъ.

Нѣсколько времени молча смотрѣла княгиня на дочь. Княжна еще ниже опустила заплаканные свои глазки.

— Женя, милая, что съ тобою? спросила наконецъ княгиня, встревоженная блѣдностью и волненіемъ дочери.

— Не знаю, мама... Мама, что мнѣ дѣлать?

— Милая моя!.. Вся жизнь твоя зависитъ отъ твоего отвѣта, подумай...

Но это были совершенно безполезныя слова... Княжна и не знала, но чувствовала это, и это-то еще болѣе мѣшало ей думать.

— Нравится онъ тебѣ, скажи, милая...

До сихъ поръ блѣдная, княжна вся покраснѣла при этомъ вопросѣ матери и ничего ей не отвѣтила.

— Теперь ты видѣла общество, видѣла людей, продолжала княгиня, ты можешь сравнить его съ другими, можешь сказать, нравится ли онъ тебѣ, хочешь ли за него... Мы тебя не принуждаемъ, все въ твоей волѣ. Ну, не нравится—такъ и скажи...

— Нравится, чуть слышно отвѣтила княжна, улыбаясь и еще болѣе краснѣя.

— Ну, а нравится, такъ и отлично! Мы съ твоимъ отцомъ желаемъ этой сватьбы, потому что человѣкъ онъ молодой и хорошій, онъ богатъ, знатенъ, съ нимъ ты будешь жить въ роскоши, хорошо будешь жить. Мы видимъ это и хотимъ, чтобы ты вышла за него, потому что мы хотимъ тебѣ добра. Ну, а тебѣ виднѣй, по душѣ ли онъ тебѣ, и принуждать тебя мы не станемъ...

На это княжна ничего не могла ей сказать.

— Конечно, снова начала княгиня, въ сватьбѣ главное дѣло—любовь. Безъ нея нельзя, а ужъ это тебѣ знать, любишь ли ты его. Наше дѣло, дѣло родителей—это внѣшность. Мы видимъ, что женихъ рѣдкій, по всему рѣдкій, и по знатности, и по богатству, ну и по красотѣ, такой женихъ, однимъ словомъ, что всякая дѣвушка можетъ имъ гордиться. Тебѣ и такъ уже всѣ завидуютъ, что онъ ухаживаетъ за тобой, и еще больше будутъ завидовать, когда онъ станетъ твоимъ женихомъ... Ну подумай, моя дорогая, подумай, и тогда скажи мнѣ, наобумъ не рѣшайся...

И, поцѣловавъ дочь, княгиня пошла къ мужу и долго вмѣстѣ думали они все о томъ же.

Какъ ни убѣждала себя княгиня, что она должна лишь дать своей дочери безпристрастный совѣтъ, болѣе ничѣмъ не вліяя на ея рѣшеніе, но въ душѣ такъ хотѣлось ей видѣть свою Женю за графомъ Сафоновымъ, что невольно говорила она именно такъ, чтобы склонить дѣвушку на свою сторону. Она знала свою дочь, знала, какъ именно можно повліять на нее, если можно еще повліять, и сама собою не совѣтомъ, а убѣжденіемъ складывалась ея рѣчь, хоть и не замѣчала этого княгиня. Такъ, въ своихъ словахъ нарочно подчеркивала она свободу, зная, что малѣйшій намекъ на принужденіе заставитъ княжну подумать о томъ, о комъ именно и не слѣдовало ей думать, объ Алгасовѣ. Княгиня слегка лишь затронула всѣ блестящія стороны жизни съ графомъ и нарочно не развивала ихъ, ибо она чувствовала, что фантазія дочери будетъ работать именно въ этомъ направленіи и все представитъ ей въ краскахъ, несравненно болѣе блестящихъ.

Такъ именно и вышло. Все воскресло теперь въ памяти княжны, все, такимъ сверкающимъ ореоломъ окружавшее предложеніе красавца-графа: его отецъ, весь въ звѣздахъ, къ которому съ почтеніемъ относились самые даже важные изъ москвичей, богатая, соблазнительная, безумно-веселая жизнь въ домѣ графа, Петербургъ, роскошь, почетъ, дворъ— все слилось въ ея воображеніи въ одну ослѣпительно-яркую картину...

Она стала ходить по комнатѣ. Мечты ея смѣнялись воспоминаніями о красотѣ графа и о той минутѣ, когда она услыхала его признаніе, и снова вся стремилась она къ нему, полная нѣжности, и снова что-то останавливало ее, какой-то невольный страхъ, а когда, по совѣту матери, она стала сравнивать графа съ другими, тутъ вспомнился ей товарищъ ея московскихъ забавъ, Алгасовъ. Но то смутное чувство, которое она питала къ нему, было такъ безмятежно, покойно и ровно, что и не остановилась даже на немъ молоденькая дѣвушка. Она никогда не думала о томъ, любитъ ли она Алгасова, никогда не слыхала отъ него о любви, и хотя невольно часто обращались къ нему ея думы, но взволнованная, обрадованная признаніемъ другого, ослѣпленная блескомъ соблазнительныхъ грёзъ—въ эту минуту въ другѣ

и товарищѣ не съумѣла она разглядѣть возлюбленнаго. Ни любви, ни жизни не знала она, никогда о нихъ не думая. Ей сказалъ о любви молодой человѣкъ, на красотѣ котораго нерѣдко съ удовольствіемъ останавливала она глаза, и ей казалось, что она любитъ его, свое волненіе, свою радость приняла она за любовь. Ей было весело съ Алгасовымъ, но ей казалось, что и въ будущемъ попрежнему будетъ онъ постояннымъ ея товарищемъ въ забавахъ и весельи и что ничто въ этомъ отношеніи не измѣнится съ ея свадьбой.

Много времени прошло въ этихъ думахъ. Ее позвали обѣдать, но она отказалась, а когда княгиня снова пришла къ ней вечеромъ, она все еще ничего не знала и ничего не могла еще сказать.

Тревожную ночь провела княжна и къ утру лишь забылась она короткимъ, но крѣпкимъ сномъ.

Когда она проснулась утромъ, тотчасъ же вспомнились ей вчерашнія ея думы и снова во всей своей неопредѣленности зароились онѣ въ ея головкѣ. Снова появилось тутъ все, и волненіе, и радость, и красота графа, и Алгасовъ, и блестящая, веселая жизнь съ графомъ, и его важный отецъ, почему-то особенно дѣйствовавшій на юное воображеніе княжны, и страхъ, и эта неожиданность, не дававшая ей опомниться, и теперь еще труднѣе было ей разобраться въ этомъ хаосѣ, чѣмъ вчера, когда какое-то рѣшеніе, казалось, готово было сказаться, никакъ только не могла она тогда понять и поймать этого рѣшенія, въ этомъ и была вся бѣда... Лежа съ закрытыми глазами на постели, цѣлое утро все думала и думала она...

Княгиня зашла къ ней и снова говорила ей то же, что и вчера, но дочь ничего не могла ей сказать кромѣ тѣхъ же вопросовъ, что ей дѣлать, и мать ушла съ тѣмъ же совѣтомъ подумать.

Княжна все не вставала. Мать прислала ей чая съ печеньемъ и, ничего не ѣвшая наканунѣ, княжна съ жадностью выпила чай и спросила еще. Горничная Маша еще принесла ей чая и стояла возлѣ нея, съ улыбкой глядя, какъ, торопливо и захлебываясь, пьетъ его ея барышня. Княжна взглянула на Машу.

— Что, Маша, что мнѣ дѣлать? сама не зная, что она говоритъ, спросила княжна.

— И, ваше сіятельство, чего думать? отвѣтила Маша.

Она легко догадалась, о чемъ идетъ рѣчь: между дворней Елецкихъ ходили уже слухи о сватовствѣ Сафонова; симпатіи дворни были, разумѣется, на сторонѣ богатаго красавца-графа, потому-то безъ запинки и отвѣтила Маша на вопросъ княжны.

— Какъ же не думать, Маша?

— Мы и то всегда говорили, отвѣтила Маша, за кѣмъ же и быть нашей княжнѣ, какъ не за молодымъ графомъ? Гдѣ еще найдется такой женихъ? Изъ себя такъ ужъ хорошъ, что краше и быть, кажется, нельзя, а ужъ мундиръ какой, и, сказываютъ, богатъ страсть... Самый для васъ, княжна, и женихъ! Вы, барышня, какъ съ нимъ-то въ Петербургъ поѣдете, не забудьте моей службы, возьмите меня съ собой! Ужъ такъ-то хочется тамъ съ вами пожить! И ужъ живутъ же тамъ! Еще третьяго дня лакей графскій разсказывалъ...

— Что же онъ разсказывалъ?

— Да я ужъ и не съумѣю всего-то по порядку разсказать, а хорошо живутъ! Домъ у графа, у стараго, огромный, почитай, что первый во всемъ Петербургѣ, и вездѣ-то бархатъ, картины, ковры, ну словно, какъ въ раю, такъ хорошо лакей-то ихній разсказывалъ. А знакомство у нихъ только одни князья да генералы, и ужъ какъ съѣдутся всѣ на балъ къ старому графу, такъ бы и глазъ не отвелъ... А самъ графъ между генералами-то первый, и ото всѣхъ ему почетъ, и что ни захочетъ, все можетъ сдѣлать.

Княжна плохо слушала болтовню своей горничной, но слова эти все-таки не прошли для нея безслѣдно. Это наивное описаніе жизни Сафоновыхъ было какъ-то ближе княжнѣ, чѣмъ разсказы самого графа, и слова Маши какъ бы создавали реальную почву для всѣхъ мечтаній княжны. Слушая Машу, въ своемъ воображеніи ясно видѣла она эту жизнь, эта жизнь ей нравилась и манила ее, и одно только останавливало теперь княжну, что слишкомъ уже вдругъ все случилось, она не могла опомниться, не могла найтись въ хаосѣ собственныхъ путавшихся мыслей.

Княжна продолжала лежать, слушая Машу и думая о своемъ. Такъ прошло много времени. Послышался шумъ подъѣхавшаго экипажа. Княжна вздрогнула и стала прислушиваться, крѣпко схватившись за руку Маши.

— Хоть что, это женихъ, прошептала Маша, раздѣляя волненіе своей барышни.

По лѣстницѣ раздались быстрые шаги. Вбѣжала другая горничная.

— Ваше сіятельство, торопливо и улыбаясь заговорила она, маменька велѣли вамъ доложить, что женихъ пріѣхалъ...

Радостно улыбнулась княжна при этомъ извѣстіи, тревожно забилось ея сердечко, она вскочила съ постели и торопливо стала одѣваться съ помощью обѣихъ суетившихся возлѣ нея горничныхъ, но мало-по-малу прежнія думы овладѣли ею снова и совсѣмъ уже одѣтая, вмѣсто того, чтобы идти внизъ, молча опустилась она на кресло. Сейчасъ надо что-нибудь сказать, а что сказать—все еще не знала она. Она была рада графу и еще болѣе была бы ему рада, если бы не этотъ отвѣтъ, съ которымъ ее такъ торопили.

Мать пришла за нею и опять стала ей говорить то же самое, что и вчера. Но княжна отвѣтила ей только слезами.

— О чемъ же ты плачешь, Женя, говорила ей мать, обнимая ее. Ну не хочешь за него, такъ и скажи, или подождать хочешь, ну скажи ему, что подождешь, не бѣда! Пойди къ нему, а то не хорошо, милая, скажи что-нибудь. Ну скажи, чтобы онъ подождалъ... Или хочешь, я пойду, скажу? Какъ хочешь, такъ и сдѣлаемъ.

— Нѣтъ, мама, я пойду... скажу... сквозь слезы отвѣтила княжна, а что *скажу*, она и теперь еще не знала.

— Ну пойди, скажи, милая, что скажешь, то и хорошо, говорила княгиня, оправляя свою дочь и крестя ее, и вмѣстѣ съ нею сходя по лѣстницѣ.

Молодой графъ пріѣхалъ одинъ. Его провели въ кабинетъ князя. Князь встрѣтилъ его словами, что Женя сейчасъ выйдетъ и сама ему отвѣтитъ; а пока онъ велѣлъ подать кофе, усадилъ графа и сталъ съ нимъ говорить о его прошломъ, о видахъ на будущее, о его жизни, о немъ са-

момъ, но чувство любви—какой, это другой вопросъ, но все-таки искренней, которую ощущалъ въ эту минуту графъ, оно помогло ему съ честью выйти изъ этого испытанія. Онъ не скрывалъ отъ князя прошлой своей жизни, но говорилъ, что теперь лишь вполнѣ понялъ онъ всю ея пустоту и безнравственность, и невольно вѣрилось ему, ибо въ эту минуту онъ самъ дѣйствительно это чувствовалъ. О будущемъ онъ говорилъ, что если только согласится княжна быть его женой—онъ посвятитъ ей всю свою жизнь и все сдѣлаетъ, чтобы княжна была съ нимъ счастлива; вообще, онъ такъ говорилъ, что князь остался доволенъ этимъ разговоромъ.

— Я вѣрю вамъ, началъ князь, я на себѣ испыталъ, какъ мѣняетъ человѣка женитьба. Другимъ человѣкомъ чувствуешь себя, женившись, и возвратъ къ прошлому уже невозможенъ, да и не вѣрится даже, что дѣйствительно могла когда-то привлекать эта грязная холостая жизнь. Если вы любите мою дочь...

— Вѣрьте мнѣ, что я люблю княжну! глядя прямо въ глаза князю, отвѣтилъ Николай Борисовичъ.

— Ну, я за васъ и за дочь покоенъ, рѣшилъ князь.

И онъ послалъ графа въ гостинную, куда должна была придти княжна.

Графъ пошелъ туда; тамъ никого еще не было и онъ сталъ ходить по комнатѣ, съ возростающей тревогой и страхомъ ожидая княжны.

Но вотъ за дверью послышались ея легкіе шаги. Графъ обернулся. Дверь отворилась и вошла княжна, взволнованная и болѣе, чѣмъ когда-либо, милая въ это утро. Не совсѣмъ еще высохшія слезы блестѣли на ея глазкахъ и дѣлали ихъ еще милѣе. Маленькая, граціозная, смущенная и растерянная, робко остановилась она въ дверяхъ и, не сознавая, что она дѣлаетъ, протянула графу руку, невольно любуясь своимъ красавцемъ-женихомъ.

Мгновеніе графъ оставался неподвижнымъ, пораженный милой красотой стоявшей передъ нимъ дѣвушки, потомъ онъ бросился къ ней, поцѣловалъ ея ручку и молча довелъ княжну до кресла. Княжна сѣла, а графъ остановился передъ нею, наклонивъ къ ней большую и красивую свою голову.

— Княжна, началъ онъ, умоляю васъ, скажите... Вы не повѣрите, какъ мнѣ тяжело... Я люблю васъ...

Такой страстью дышали эти слова, такъ ласковы и хороши были наклоненные къ ней черные его глаза, что княжна, не зная, что и какъ ему сказать, стремясь къ нему и въ то же время боясь чего-то, она только и могла, что протянуть ему руку, сама не зная, для чего она сдѣлала это движеніе. Графъ схватилъ эту ручку и покрылъ ее поцѣлуями.

— Вы согласны, да, княжна? страстнымъ шепотомъ заговорилъ онъ, опускаясь передъ ней на колѣни.

— Да, почти безсознательно, тихо отвѣтила княжна, и слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ у нея, и другая рука ея очутилась въ рукахъ графа, а сама она сидѣла, склонивъ хорошенькую, плачущую свою головку и слушая его страстныя слова.

— Княжна, я такъ счастливъ, такъ люблю васъ, я и не зналъ, что возможно на землѣ подобное счастье... Княжна, прошу васъ, повторите еще, дайте мнѣ еще услышать, что вы меня любите...

— Я люблю васъ, радостно улыбаясь и сквозь слезы прошептала княжна, со страхомъ и съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ выговаривая это слово: *люблю*.

Графъ продолжалъ держать ея руки и цѣловать ихъ. Князь и княгиня вошли въ гостиную.

— Покончили? глядя на нихъ, радостно произнесъ князь. Ну, Богъ да благословитъ васъ, дѣти мои, живите счастливо и любите другъ друга...

Графъ тихо поцѣловалъ свою невѣсту, и новой, еще невѣдомой ей радостью наполнилъ этотъ поцѣлуй ея сердце. Она перестала плакать, и въ первый еще разъ смѣющимися, веселыми и счастливыми глазками взглянула она на своего жениха.

Отецъ и мать поцѣловали и перекрестили свою дочь, потомъ поцѣловались и съ графомъ, поздравляя ихъ обоихъ и желая имъ долгаго и хорошаго счастья. Женихъ не переставалъ любоваться стоявшей возлѣ него хорошенькой своей невѣстой и почти не отвѣчалъ ея родителямъ. Блѣд-

ная, взволнованная, не спускавшая глазъ съ красавца-жениха, невѣста казалась и счастливой, и влюбленной.

Пріѣхалъ старый графъ и еще искреннѣе, съ еще большей радостью благословилъ и поздравилъ онъ жениха и невѣсту. Горячо благодарилъ онъ князя и княгиню за ихъ согласіе. Онъ говорилъ, что видѣть княжну женой его сына, это стало его мечтой съ тѣхъ поръ, какъ онъ встрѣтилъ княжну за-границей, и что не менѣе его желаетъ этой сватьбы и Анна Григорьевна.

— Тетушка такъ обрадовалась, когда я сказалъ, что Николай сдѣлалъ княжнѣ предложеніе... Она непремѣнно хочетъ ихъ сама благословить и просила меня сегодня же привезти къ ней жениха и невѣсту.

Было рѣшено, что обѣдать поѣдутъ къ Аннѣ Григорьевнѣ и пробудутъ у нея весь вечеръ, чтобы дать ей наглядѣться на любовь и счастье молодыхъ людей.

Когда княжнѣ сказали, что ее повезутъ къ Аннѣ Григорьевнѣ, она такъ и засіяла отъ радости. Она помнила Анну Григорьевну, и ей особенно было пріятно, что добрая старуха радуется ея счастью и желаетъ его.

Анна Григорьевна, дѣйствительно, обрадовалась княжнѣ, не знала, какъ обласкать ее, цѣловала, любовалась ею, посадила ее рядомъ съ женихомъ, смотрѣла на нихъ, крестила ихъ, благословила старинной иконой Казанской Божіей Матери и строго наказывала правнуку любить и беречь свою жену.

— Вотъ, голубушка, сама бабушкой назвала, ласково говорила она, глядя на княжну, вотъ и услышалъ Господь, и далъ мнѣ тебя во внучки, да еще въ правнучки... Теперь люби меня, не долго ужъ мнѣ пожить-то осталось...

Какъ-то особенно хорошо было тутъ княжнѣ, возлѣ этой доброй старухи и своего жениха. Княжна успѣла уже привязаться къ Аннѣ Григорьевнѣ и глубоко трогали ее ласки этой послѣдней; то возлѣ Анны Григорьевны, разговаривая съ нею и ласкаясь къ ней, то въ сторонѣ отъ всѣхъ, возлѣ своего жениха, провела княжна счастливый, хорошій и тихій день, и еще болѣе привязали ее къ жениху этотъ день и ласки и любовь доброй Анны Григорьевны.

Анна Григорьевна разговорилась съ княземъ. Теперь не только вспомнила она фамилію Елецкихъ, но оказалось, что она знала и отца князя Александра Ивановича, и даже дѣда его, сенатора князя Дмитрія Павловича.

— Какъ же, какъ же, помню, говорила она. Тогда я только что замужъ вышла, мы на балу у него были. Тутъ я въ первый разъ и батюшку вашего видѣла, покойника князя Ивана-то Дмитріевича. Онъ изъ Италіи тогда пріѣхалъ, отъ Свѣтлѣйшаго былъ присланъ къ Государю и намъ про войну разсказывалъ. Со мной еще въ польскомъ прошелся, какъ сейчасъ помню. Да, внучка, была и я молода, и не хуже тебя была, вотъ посмотри, обернулась она къ своему портрету. И такая же веселая, какъ ты, а ужъ плясать мастерица! И тоже замужъ выходила, на жениха любовалась, и былъ онъ, внучка, красавецъ хоть куда, и твоего получше даже. Давно это было, вотъ уже больше 70 лѣтъ, да! И домъ у него былъ прекрасный, обращаясь къ князю, продолжала она разсказъ про его дѣда. На Тверской стоялъ. Теперь-то цѣлъ еще, или нѣтъ?

Но оказалось, что домъ этотъ, сгорѣвшій въ 12-мъ году, послѣ смерти сенатора достался по раздѣлу одному изъ дядей князя и былъ имъ проданъ. Анна Григорьевна очень жалѣла, вспоминала роскошное убранство дома и то, какъ весело жилось тамъ въ былые годы.

Послѣ обѣда Анна Григорьевна уѣхала на креслѣ въ свой кабинетъ и вернулась въ сопровожденіи дворецкаго съ огромной шкатулкой въ рукахъ: это были брилліанты Анны Григорьевны; всѣ сразу подарила она ихъ княжнѣ и не хотѣла слышать никакихъ возраженій. Когда открыли крышку, яркая игра множества великолѣпныхъ камней ослѣпила княжну. Тутъ были камни рѣдкой красоты и вещи, поражавшія своей художественной работой, собранныя Анной Григорьевной въ теченіе долгой ея жизни; были тутъ и родовые камни Анны Григорьевны, доставшіеся ей отъ ея матери и бабушки, и между прочими были серьги, ожерелье и запястья, которыми украшалась еще боярыня временъ Алексѣя Михайловича. Все это вмѣстѣ образовывало замѣчательное собраніе, и всѣ занялись разсматриваніемъ этихъ вещей. Княжна любовалась ими, благодарила Анну Гри-

горьевну, и не вѣрилось даже ей, что все это точно ея и принадлежитъ ей...

— Я наряжалась, теперь ты наряжайся, внучка, говорила Анна Григорьевна, съ довольной улыбкой глядя на радость княжны. Это отъ меня тебѣ на приданое. Ну-ка, надѣнь, красавица, посмотрю я на тебя, вотъ эти надѣнь, говорила она, отбирая нѣкоторыя украшенія, они на мнѣ были, когда я вѣнчалась. Носи, моя радость, а мнѣ теперь ничего ужъ не надо!

И не переставая наряжать княжну, она примѣряла на нее, надѣвая то тѣ, то другія украшенія и заставляя ее подходить къ зеркалу и смотрѣться въ него. Съ удивленіемъ, съ восторгомъ, съ радостью видѣла княжна всю себя покрытою брилліантами, жемчугомъ, камнями и съ улыбкой глядѣла она на себя, оглядываясь и на жениха своего...

Поздно уѣхали Елецкіе. Помогая ей одѣваться, молодой графъ тихо говорилъ княжнѣ, наклонившись къ ней:

— Милая, дорогая Женя, чѣмъ докажу я вамъ мою любовь и благодарность за это счастье, которое вы мнѣ дали? Но я такъ люблю васъ, такъ счастливъ...

Съ радостной улыбкой слушала его покраснѣвшая княжна и безконечное удовольствіе было написано въ прелестныхъ, опущенныхъ ея глазкахъ.

Графъ усадилъ ее въ карету и вернулся къ себѣ. Онъ не лгалъ, въ эту минуту онъ дѣйствительно любилъ и былъ счастливъ, и долго не ложился онъ, мечтая о милой княжнѣ. Всѣ въ домѣ давно уже спали, а графъ все еще курилъ, полулежа на кушеткѣ.

Вдругъ отворилась дверь, и тихо вошла къ нему блѣдная, обезумѣвшая отъ горя Соня. Ни слова не говоря, остановилась она передъ нимъ, глядя ему прямо въ глаза. Сильно смутился и струсилъ графъ, увидя Соню. Онъ хотѣлъ было обнять ее, но Соня молча отстранила его руку. Тогда онъ сталъ ее успокаивать, увѣряя, что онъ любитъ ее и не оставитъ ея, выдастъ ее замужъ и дастъ ей денегъ на приданое. Еще болѣе поблѣднѣла Соня, услышавъ это, и со стономъ повалилась на стулъ. Испуганный графъ наклонился къ ней и сталъ ее цѣловать. Съ дикимъ кри-

комъ вырвалась отъ него дѣвушка и бросилась вонъ изъ комнаты.

— Что съ ней? подумалъ графъ. Надо будетъ какъ-нибудь ее завтра успокоить, продолжалъ онъ думать. Премилая дѣвочка и прехорошенькая, разумѣется, не то, что моя Женя, далеко не то!..

И графъ снова вернулся къ прерваннымъ мечтамъ о княжнѣ.

Но некого уже было ему на слѣдующій день успокаивать: ночью Соня исчезла неизвѣстно куда. Чтобы не безпокоить Анны Григорьевны, графъ Борисъ Михайловичъ строго запретилъ докладывать ей о бѣгствѣ дѣвушки, о которомъ Анна Григорьевна такъ и не узнала. Ей сказали, что Соня отпросилась навѣстить свою тетку и у нея заболѣла.

Ночь, когда бѣжала Соня, была холодная, съ вѣтромъ и дождемъ, мартовская ночь. Соня торопливо шла, пробираясь на одну изъ московскихъ окраинъ, гдѣ жила ея тетка, бѣдная вдова-чиновница. Ночь была темная. Соня плохо знала московскія улицы, и до самаго утра все плутала она по разнымъ закоулкамъ. Вся продрогшая и промокшая, постучалась она наконецъ въ калитку домика, гдѣ жила ея тетка. Въ тотъ же день Соня слегла и уже болѣе не вставала.

Легко было на душѣ у княжны, когда она уѣзжала отъ Анны Григорьевны, ни сомнѣній, ни колебаній, ни страха— ничто уже не смущало ея, и вся, всей душой, отдалась она счастью, радости и любви. Веселой улыбкой отвѣчала счастливая дѣвушка на шутки родителей и, вернувшись домой, отъ избытка счастья, крѣпко поцѣловала встрѣтившуюся ей горничную Машу.

Сонъ ея въ эту ночь былъ тихъ и покоенъ.

Въ этотъ вечеръ Алгасовъ пріѣзжалъ къ Елецкимъ, но не засталъ ихъ.

XXVIII.

Въ половинѣ десятаго проснулся Николай Сергѣевичъ Авринскій въ своей квартирѣ у церкви Успенія на Могильцахъ.

Квартира была небольшая, но удобная и комфортабельно-

устроенная, именно такая, какой должна быть квартира солиднаго, обезпеченнаго холостяка. Въ спальной и уборной все англійское: англійская кровать, англійскій умывальникъ, англійскія принадлежности туалета, и всѣ новѣйшія принадлежности комфорта были здѣсь собраны, какъ на показъ. Затѣмъ слѣдовалъ богато-обставленный кабинетъ съ мягкой и покойной мебелью, особенно удобной, чтобы ничего не дѣлать. На самомъ видномъ его мѣстѣ возвышался монументальный дубовый шкапъ, переполненный роскошно-переплетенными произведеніями англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ знаменитостей; надъ диваномъ на дорогомъ персидскомъ коврѣ красовалась среди оленьихъ и всякихъ иныхъ роговъ коллекція разнаго оружія, а напротивъ висѣла картина въ богатой рамѣ, изображавшая красивую обнаженную женщину, но имя художника и замѣчательная работа служили извиненіемъ для хозяина. Квартира кончалась залой, съ прекраснымъ пьянино у стѣны, съ великолѣпными старыми пальмами передъ каждымъ изъ пяти ея оконъ.

Николай Сергѣевичъ проснулся и съ помощью камердинера, не спѣша, сталъ совершать свой туалетъ, съ знаніемъ дѣла пользуясь всѣми собранными подъ руками удобствами. Онъ одѣлся, вмѣсто сюртука надѣлъ пока халатъ и вышелъ въ кабинетъ, гдѣ уже дожидался его завтракъ: яйца въ смятку, сыръ, масло, ветчина и кофе. Не торопясь, довольный и завтракомъ, и покойнымъ халатомъ, и мягкимъ, упругимъ диваномъ, наслаждался Николай Сергѣевичъ всѣми доступными истинно-цивилизованному человѣку благами жизни, на весь день запасаясь силами физическими и умственными. Силы физическія доставлялъ ему сытный, но легкій и гигіеничный завтракъ, силы умственныя—послѣднія газеты, послѣднія брошюры, послѣднія книги.

Николай Сергѣевичъ былъ свѣтскій человѣкъ, но съ своимъ особымъ оттѣнкомъ: спеціально былъ онъ дамскимъ кавалеромъ, но вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ и современнымъ, передовымъ человѣкомъ, даже больше, онъ былъ человѣкомъ самой послѣдней минуты. Для этого онъ получалъ три газеты: русскую, французскую и англійскую, самыя современно-либеральныя, и онъ слѣпо вѣрилъ этимъ

газетамъ, никогда не думая усомниться въ идеяхъ передовой статьи; въ теченіи нѣсколькихъ дней горячо проповѣдовалъ онъ потомъ эти идеи, ни мало не смущаясь ни ихъ несоотвѣтствіемъ съ своей жизнью, ни даже тѣмъ, что ранѣе, слѣдуя другой статьѣ или газетѣ, онъ говорилъ что-нибудь совершенно, можетъ быть, другое. Еще получалъ онъ два лучшихъ либеральныхъ русскихъ журнала и по одному самому извѣстному журналу французскому и англійскому, и всякую замѣченную этими журналами брошюру или книгу онъ тотчасъ же пріобрѣталъ и помнилъ ее, пока помнили о ней другіе: черезъ мѣсяцъ онъ не смогъ бы, пожалуй, привести и заглавія этой книги. Это онъ называлъ слѣдить за литературой и современностью, трудъ, весьма облегченный въ настоящее время спеціалистами по этой части, журналистами; своихъ же златообрѣзныхъ книгъ, въ такомъ порядкѣ стоявшихъ въ шкапу, ихъ Николай Сергѣевичъ никогда и не трогалъ, ограничиваясь тѣми свѣдѣніями о нихъ, какія уцѣлѣли въ его памяти со дня послѣдняго экзамена. Николай Сергѣевичъ отлично зналъ, что ни въ какомъ разговорѣ никогда не придется говорить объ этихъ книгахъ, да и вообще, главнымъ качествомъ книги онъ полагалъ ея новизну (книга прошлаго года была уже стара до неприличія) и вниманіе либеральныхъ газетъ и журналовъ. Польза такихъ книгъ очевидна: о нихъ можно говорить и съ ихъ помощью знаешь, что и о чемъ говорить, и не рискуешь проврaться, защищая, пожалуй, отсталое какое-нибудь мнѣніе; прогрессъ же (это уже всякому извѣстно) идетъ такъ быстро, что вчерашнее послѣднее слово сегодня можетъ быть уже отсталымъ, и потому за современностью надо слѣдить, да слѣдить... А Николай Сергѣевичъ почиталъ себя однимъ изъ двигателей прогресса въ Россіи вообще и въ Москвѣ въ частности, это была его гордость, его знамя, и онъ добросовѣстно работалъ, чтобы быть вполнѣ современнымъ человѣкомъ.

Такъ и теперь, не спѣша завтракая, не спѣша же пробѣгалъ онъ выдающіяся статьи послѣднихъ номеровъ газетъ и журналовъ. Читая, онъ останавливался на каждой поразившей его своей бойкостью фразѣ, мысленно приготовляясь, какъ онъ будетъ сегодня говорить на ту же те-

му, при чемъ еще глубже и рѣзче разовьетъ идеи газеты. Такимъ образомъ заготовилъ онъ нѣсколько самыхъ современныхъ и прогрессивныхъ разговоровъ.

Кончивъ завтракъ и газеты, онъ посмотрѣлъ на часы: былъ уже первый часъ. Тогда Николай Сергѣевичъ всталъ, довольный и покойный, чувствуя себя сытымъ и полнымъ ума, и прошелся по комнатѣ, припоминая, гдѣ ему надо сегодня быть, что сдѣлать и для кого изъ дамъ какія порученія исполнить. Быть приходилось во многихъ мѣстахъ. Порученія тоже были самыя разнообразныя: Марья Петровна поручила заѣхать къ Ѳедору Ивановичу и упросить его объ отсрочкѣ взысканія по закладной; графиня Надежда Ивановна велѣла разузнать таможенныя правила для выписки изъ Парижа какихъ-то самоновѣйшихъ косметическихъ тонкостей; Лидіи Николаевнѣ требовалась наивѣрнѣйшая въ самомъ банкѣ справка, не выиграла ли она чего 1-го марта, а для княгини Настасьи Александровны нужно было подъискать недорогую, но хорошую карету и кстати найти надежнаго кучера и т. д. Приведя наконецъ въ ясность все, что надо сегодня сдѣлать, гдѣ быть и гдѣ что сказать, Николай Сергѣевичъ подавилъ пуговку электрическаго звонка, велѣлъ вошедшему камердинеру давать одѣваться, замѣнилъ халатъ сюртукомъ, взялъ бумажникъ, портъ-сигаръ и опрысканный духами платокъ, надѣлъ пальто, цилиндръ и перчатки и вышелъ на крыльцо, у котораго стояла уже щегольская извощичья пролетка. Николай Сергѣевичъ сѣлъ и отправился въ обычное свое ежедневное странствіе по Москвѣ.

Къ первому поѣхалъ онъ къ князю Елецкому. Онъ давно уже не былъ у него и все къ нему собирался, а кстати только что прочелъ онъ замѣчательную статью объ абсентеизмѣ помѣщиковъ и объ усиливающемся переходѣ имѣній изъ рукъ дворянства въ руки другихъ сословій, какъ необходимомъ слѣдствіи абсентеизма. Правда, что вечеромъ, въ другомъ, болѣе либеральномъ домѣ по поводу другой статьи Николай Сергѣевичъ собирался говорить о необходимости буржуазіи вслѣдствіе высокой роли, которую она играетъ въ общемъ ходѣ развитія каждаго народа, и о томъ отрадномъ фактѣ, что, пріобрѣтая поземельную соб-

ственность, наша русская буржуазія становится на твердую почву. Впрочемъ, надо отдать Николаю Сергѣевичу справедливость: онъ примирялъ обѣ статьи, развивая свой собственный взглядъ на дѣло, что наше дворянство, и для спасенія себя, и для болѣе успѣшнаго хода прогресса въ Россіи, должно смѣшаться съ буржуазіей, слиться съ нею, взять на себя ея роль и явить міру еще невиданный имъ примѣръ облагороженной, такъ сказать—рыцарственной буржуазіи.

Обдумывая все это и съ пріятной улыбкой раскланиваясь съ попадавшимися на каждомъ шагу знакомыми, быстро доѣхалъ Николай Сергѣевичъ до Никитской и остановился у подъѣзда княжескаго дома. У Елецкихъ были оба графа Сафоновы. Это очень обрадовало Николая Сергѣевича, всегда съ особымъ горделивымъ удовольствіемъ встрѣчавшагося съ графомъ Борисомъ Михайловичемъ, знакомство съ которымъ весьма ему льстило. Поэтому, идя по лѣстницѣ, Николай Сергѣевичъ пришелъ къ заключенію, что хотя для спасенія себя и Россіи наше дворянство нравственно и обязано превратиться въ буржуазію, но что обязанность эта не распространяется на высшую аристократію, имѣющую сохраниться для образованія впослѣдствіи сословія пэровъ.

Но на этотъ разъ не пришлось Николаю Сергѣевичу развивать никакихъ идей. Онъ попалъ къ Елецкимъ какъ разъ на другой день послѣ помолвки, и никому здѣсь не было никакого дѣла ни до абсентеизма, ни до буржуазіи. Николай Сергѣевичъ ограничился поздравленіями жениху и невѣстѣ, но неожиданная новость эта вполнѣ вознаградила его за невысказанныя идеи о вредѣ и послѣдствіяхъ абсентеизма. Онъ сократилъ даже свой визитъ и поспѣшилъ уѣхать, мечтая объ эффектѣ, который произведетъ эта новость на всѣхъ въ Москвѣ вообще и на его друга Алгасова въ частности, а ему-то и желалъ Николай Сергѣевичъ поскорѣе передать о помолвкѣ княжны. Ухаживанье Алгасова было слишкомъ явно, его всѣ замѣтили, и Авринскій былъ изъ числа тѣхъ, которые безъ досады и зависти не могли даже подумать, что вдругъ, чего добраго, удастся Алгасову подцѣпить такую лакомую невѣсту, какъ княжна Елецкая.

Измѣняя маршрутъ и росписаніе цѣлаго дня, велѣлъ Николай Сергѣевичъ ѣхать на Молчановку, къ Вёдровымъ.

Алгасова не было у Вёдровыхъ. Дома была одна только Надежда Семеновна съ дѣтьми. Николай Сергѣевичъ подождалъ немного, не подойдетъ ли Алгасовъ, но наконецъ не вытерпѣлъ и съ равнодушнымъ видомъ, такъ, между прочимъ, сказалъ:

— Ахъ, да, Надежда Семеновна, вы знаете новость? Княжна Елецкая выходитъ замужъ!

— За кого? воскликнула Надежда Семеновна, пораженная неожиданностью извѣстія.

Вполнѣ довольный произведеннымъ эффектомъ, Авринскій также равнодушно продолжалъ:

— За графа Сафонова, вы, кажется, видѣли его на балу у Анны Григорьевны? Такой видный гвардеецъ...

— Да послушайте, вѣрно ли это? перебила его Надежда Семеновна, тутъ лишь понявшая, что значитъ эта новость для ея брата. До сихъ поръ она мало думала о его любви, но ей очень нравилась мысль, что братъ ея женится на княжнѣ Елецкой, и она часто мечтала объ этомъ.

— Самыя точныя свѣдѣнія, любезно отвѣтилъ ей Николай Сергѣевичъ. Даже я имѣлъ ужъ честь поздравить княжну и графа.

— А какъ же Саша? не удержалась Надежда Семеновна, вспомнивъ все, что говорилъ ей мужъ, и не соображая, слѣдуетъ или нѣтъ выдавать тайну брата.

Николай Сергѣевичъ принялъ строгій видъ.

— Вообще, началъ онъ, мнѣ непонятно это безцѣльное кокетство и никогда не нравилось мнѣ это въ княжнѣ. Я всей душой вхожу въ положеніе Александра Семеновича: онъ сталъ жертвой самой недостойной, безсердечной игры...

И обстоятельно, горячо принялся Николай Сергѣевичъ развивать идею, что кокетство есть слѣдствіе ненормальнаго положенія женщины въ обществѣ и въ семьѣ, положенія, въ скоромъ времени имѣющаго быть уничтоженнымъ современнымъ прогрессомъ, цѣль котораго по женскому вопросу— поднять женщину, сдѣлать ее существомъ равноправнымъ съ мущиной, и тогда, при томъ уваженіи, которое несомнѣнно возъимѣетъ тогда женщина къ своимъ правамъ, тогда уже невозможно будетъ ей унижаться до кокетства.

Но ни прогрессъ, ни женскій вопросъ не интересовали Надежды Семеновны, а теперь и подавно было ей не до нихъ. Ей хотѣлось говорить о братѣ, и не имѣя въ данную минуту подлѣ себя никого, кромѣ Авринскаго, она стала съ нимъ говорить и совѣтоваться, тѣмъ болѣе, что давно уже привыкла совѣтоваться съ нимъ во всемъ, касавшемся ея дѣтей, самаго важнаго въ ея жизни.

Авринскій тотчасъ же вошелъ въ ея положеніе и необыкновенно ловко съумѣлъ успокоить ее, обѣщавъ ей пойти къ Алгасову, переговорить съ нимъ и утѣшить его.

Успокоивъ такимъ образомъ Надежду Семеновну и немного даже растроганный ея словами о горѣ брата (теперь, когда Алгасовъ прозѣвалъ княжну, Авринскій искренно сочувствовалъ его горю), пошелъ онъ къ Алгасову.

У Алгасова были гости, и весело разговаривалъ съ ними хозяинъ, безцеремонно лежа на диванѣ. Всѣ собравшіеся у Алгасова знали Авринскаго и его встрѣтили, какъ человѣка, никогда и нигдѣ не бывающаго лишнимъ. Впрочемъ, среди молодежи Николай Сергѣевичъ никогда не развивалъ никакихъ идей, даже уклонялся, когда его вызывали на это, и дѣлилъ съ молодежью только ея смѣхъ, забавы и иногда—пирушки.

При всѣхъ онъ не сталъ говорить Алгасову о помолвкѣ княжны, но разъ уже рѣшившись великодушно пожертвовать своимъ драгоцѣннымъ временемъ для пользы и спасенія друга, онъ продолжалъ сидѣть, терпѣливо дожидаясь ухода гостей.

Наконецъ они съ Алгасовымъ остались одни.

— Ну что новенькаго, Николай Сергѣевичъ? снова ложась на диванъ, спросилъ Алгасовъ, удивляясь продолжительности визита Авринскаго.

— Да-съ, новенькое... Новенькое есть, не знаю только, понравится ли вамъ оно... Оно конечно, ко всему надо быть готовымъ... Ну опять...

И онъ остановился, не зная, какъ и чѣмъ смягчить свою новость.

— Что это, вы точно къ извѣстью о чьей-нибудь смерти меня готовите? съ улыбкой началъ Алгасовъ. Кажется, умереть изъ близкихъ моихъ некому, все народъ молодой и

здоровый... Если птенецъ какой-нибудь Надинъ, такъ во-первыхъ, у нея такая ихъ куча, а во-вторыхъ—и они всѣ здоровья идеальнаго!

— Да, вы все шутите, а дѣло далеко не шуточное, особенно для васъ!..

— Однако вы страшно меня интригуете, облокачиваясь на руку, произнесъ Алгасовъ. Что же въ самомъ дѣлѣ такое приключилось? продолжалъ онъ. И меня касается?..

Авринскій помолчалъ.

— Ну, я готовить васъ не умѣю, началъ онъ наконецъ, да все равно, вы вѣдь не какая-нибудь истеричная баба. Дѣло въ томъ, что княжна Евгенія Александровна выходитъ замужъ.

Весь вдругъ поблѣднѣлъ Алгасовъ при этомъ извѣстіи и быстро вскочилъ съ дивана.

— Что вы сказали? воскликнулъ онъ.

— Выходитъ за графа Сафонова, готовно повторилъ Авринскій.

— Но этого быть не можетъ, вы шутите, торопливо началъ Алгасовъ, хватаясь за послѣднюю надежду. Вчера еще я былъ у нихъ и ихъ не было дома...

— Къ несчастью, я говорю правду, я только что отъ нихъ.

Алгасовъ оставилъ Авринскаго и блѣдный, растерянный, съ блуждающими глазами отошелъ къ окну. Долго не могъ онъ сказать ни слова.

Авринскій неожиданно попалъ въ довольно неловкое положеніе, о которомъ онъ раньше и не подумалъ. Онъ взялся смягчить горестное извѣстье и не смогъ, какъ, разумѣется, не могъ и утѣшить Алгасова.

— Александръ Семеновичъ, что же дѣлать, все-таки попытался онъ утѣшать. Понятно... Но все-таки...

Алгасовъ обернулся къ нему.

— Вы меня извините, Николай Сергѣевичъ, началъ онъ, повидимому, спокойно, но вы поймете, что мнѣ теперь не до гостей.

Николай Сергѣевичъ всталъ.

— Да, да, понимаю, заговорилъ онъ, но какъ же вы-то...

Онъ вспомнилъ опасенія Надежды Семеновны, да и самому стало ему жаль своего пріятеля: онъ и не ожидалъ такого глубокаго горя, которое было теперь написано на блѣдномъ лицѣ Алгасова.

— Оставьте меня... Но еще разъ: это точно правда, вы не слышали отъ кого-нибудь, вы сами знаете, что княжна выходитъ за графа, вы ихъ видѣли, да, честное слово?

Говоря это, Алгасовъ стоялъ возлѣ Авринскаго, взявъ его за руку и глядя ему прямо въ глаза.

— Я самъ ихъ видѣлъ и уже поздравилъ ихъ, отвѣтилъ Авринскій.

— Честное слово?

— Александръ Семеновичъ, да развѣ могъ бы я такъ съ вами шутить?

Авринскій и дѣйствительно былъ растроганъ.

— Успокойтесь, говорилъ онъ, самъ не зная, что ему сказать, чтобы утѣшить Алгасова. Ну право, Александръ Семеновичъ... Я не знаю...

— Хорошо, хорошо, вы вѣдь знаете, что успокоиться мнѣ нельзя, а теперь оставьте меня. Прощайте.

Авринскій посмотрѣлъ на Алгасова, но такъ не подходили сильныя волненія и страсти къ покойной натурѣ самого Авринскаго, что несказанно вдругъ захотѣлось ему быть подальше отъ Алгасова, гдѣ-нибудь болѣе въ своей сферѣ, чѣмъ возлѣ этого страдающаго безумца. Авринскій не сталъ дожидаться дальнѣйшихъ приглашеній и быстро вышелъ изъ комнаты. Алгасовъ и не замѣтилъ его ухода.

Тихо сходилъ Авринскій по лѣстницѣ, чтобы имѣть время оправиться и стряхнуть съ себя тяжелыя впечатлѣнія, навѣянныя на него видомъ чужого горя. Онъ зашелъ къ Надеждѣ Семеновнѣ и въ преувеличенныхъ краскахъ сталъ ей описывать горе и отчаяніе ея брата, сказавъ, что самъ онъ, Авринскій, сдѣлалъ все возможное, чтобы успокоить его. Слова его еще болѣе встревожили Надежду Семеновну, но тутъ, съ нею, тутъ Авринскій чувствовалъ себя, какъ дома, и спокойно со всѣхъ сторонъ сталъ обсуждать это событіе и всѣ отсюда возможныя для Алгасова послѣдствія, подавая Надеждѣ Семеновнѣ полезные и дѣльные совѣты. Наконецъ онъ простился и, окончательно оправив-

шись отъ впечатлѣній тяжелаго визита, отправился развозить по Москвѣ la nouvelle du jour—извѣстье о помолвкѣ княжны. Впрочемъ, къ чести Авринскаго надо прибавить, что нигдѣ не говорилъ онъ объ Алгасовѣ и о его горѣ и даже, когда заговаривали съ нимъ о впечатлѣніи, которое произведетъ эта новость на Алгасова, Авринскій общими какими-нибудь фразами старался незамѣтно замять разговоръ. Николай Сергѣевичъ не былъ сплетникомъ. Онъ любилъ самъ все вовремя знать и жилъ только новостями, но онъ умѣлъ отличать новости, подлежащія оглашенію, отъ тѣхъ, о которыхъ надо было молчать или даже стараться, чтобы о нихъ молчали. Оттого-то и пользовался онъ всеобщимъ довѣріемъ.

Надежда Семеновна ужасно обезпокоилась о братѣ и послала за нимъ, но онъ велѣлъ сказать, что не можетъ придти. Сама идти къ нему она боялась и съ тревогой и нетерпѣніемъ ждала мужа.

Когда Вёдровъ пріѣхалъ, она сейчасъ же ему все разсказала, прося его поскорѣе пойти къ Алгасову и какъ-нибудь уговорить его.

— Ну вотъ, я вѣдь говорилъ это! съ неудовольствіемъ произнесъ Вёдровъ. И этого слѣдовало ожидать. Что ты съ нимъ теперь подѣлаешь?

— Да ты пойди къ нему...

— Я пойду, да толка-то никакого изъ этого не выйдетъ.

И точно, когда Вёдровъ вошелъ въ комнату, гдѣ въ глубокомъ раздумьи сидѣлъ Алгасовъ, этотъ послѣдній, не ожидая даже, что скажетъ зять, такъ настоятельно попросилъ его уйти, что Вёдровъ не сталъ спорить и ушелъ, ни слова не сказавши.

— Ну что? встрѣтила его жена.

— Ничего. Прогналъ, вотъ и все.

— Да какъ же такъ, Паша, какъ же онъ-то... Я пойду къ нему...

— Э, матушка, ни ты, ни я, мы оба ничего тутъ не можемъ. Оставь его въ покоѣ, это самое лучшее.

— Но послушай, вѣдь онъ тамъ...

И Надежда Семеновна остановилась, сама испугавшись своей мысли, и растерянно взглянула на мужа.

— Застрѣлится, что ли? съ досадой отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ. Отъ него всего можно ждать. Развѣ это человѣкъ, твой братъ? Это какой-то бразильянецъ, африканецъ, или кто онъ тамъ еще?.. Только застрѣлиться мы ему не помѣшаемъ, а если приставать будемъ, хуже выйдетъ, повѣрь мнѣ. Подожди... Авось обойдется. Когда можно будетъ, я самъ пойду къ нему, а теперь и ты не смѣй ходить. Охъ, ужъ эта мнѣ жизнь для счастья, свободы и наслажденья!.. Вотъ и наслаждается теперь! Жилъ бы, какъ всѣ...

— Но какъ-же, Паша...

— Э, Надя, не надоѣдай! Ступай къ дѣтямъ, не мѣшай мнѣ. Видишь, сколько дѣла?

И онъ указалъ на лежавшія на столѣ бумаги; но замѣтивъ слезы на глазахъ жены, онъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее и, успокоивъ немного, отвелъ ее въ дѣтскую.

А Алгасовъ все сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ, машинально играя линейкой. Столько свѣта и счастья давало ему общество и вниманіе княжны, лучшіе дни своей жизни прожилъ онъ этимъ счастьемъ, но теперь только узналъ всю силу своей любви. Онъ понялъ тутъ, что вся жизнь, все счастье его заключаются въ любви этой милой дѣвушки, а любви этой нѣтъ у него... Одно только видѣлъ и понималъ онъ въ эту минуту, объ одномъ только и думалъ, что это было лишь сновидѣніе—всѣ недавніе чудные эти дни, которыми онъ такъ наслаждался, что не любитъ его та, которую самъ онъ любилъ, любилъ безумно и горячо, любилъ всѣми силами своего сердца, въ которой воплотилъ всѣ мечты свои о счастьи и наслажденьи и которой, не смотря ни на что, не могъ не любить. Онъ не думалъ ни о томъ, что ему предпочли другого, болѣе знатнаго и богатаго (это послѣднее—это была совсѣмъ уже не интересная и не важная для Алгасова подробность), ни о томъ, какъ будутъ теперь торжествовать всѣ завидовавшіе его призрачнымъ успѣхамъ, какъ они будутъ смѣяться надъ нимъ, претендовавшимъ на руку одной изъ первыхъ московскихъ невѣстъ. Даже и въ голову не приходило ему скрывать отъ другихъ свое горе. Какъ и во дни счастья не скрывалъ онъ своей любви, такъ и теперь, въ минуту горя,

весь отдался онъ ему, со всей силой страстнаго своего сердца, ни о комъ и ни о чемъ уже не думая.

Одна мысль была у него, что нѣтъ у него болѣе счастья, что отвергнута его любовь, что все потерялъ онъ, все, что красило ему жизнь, что ничего уже не свѣтится ему впереди, что безвозвратно, безслѣдно канули въ вѣчность лучшіе, счастливѣйшіе дни его жизни... Въ этихъ думахъ не было никакой пользы, онѣ не доставляли ему и того даже горькаго наслажденія, которое находитъ иногда человѣкъ въ всестороннемъ и усиленномъ разсматриваньи своего же собственнаго горя. Машинально предавался имъ Алгасовъ, ибо ни на что другое и не былъ онъ способенъ въ эти дни.

Но о смерти онъ не думалъ: въ немъ слишкомъ еще много было жизни и жажды жизни. Его жизнь могла быть несчастна, да она и была несчастна, но никогда и не могла придти ему мысль окончить ее самоубійствомъ. Во всемъ, и въ счастьи, и въ несчастьи, онъ желалъ отвѣтовъ и рѣшеній, данныхъ самой жизнью, и вѣря въ нее, какая бы ни была она, не могъ онъ поднять на себя руки. На это можетъ подвинуть человѣка не сознаніе несчастья, а сознаніе пустоты, безцѣльности, ненужности грядущихъ дней его, сознаніе, иной разъ сопровождающее и полное даже съ вида счастье.

Тяжело было Алгасову, и ни въ чемъ не было у него спасенія и защиты отъ мучительнаго этого горя, перваго въ его жизни, глубокаго, безграничнаго горя. Постоянно все думая о княжнѣ, невольно вспоминалъ онъ недавнее прошлое, и порой со всѣми мельчайшими подробностями вдругъ возставало оно передъ нимъ и, все забывъ, снова счастливый, переживалъ онъ чудные, незабвенные часы, проведенные имъ возлѣ милой дѣвушки. Но сладкій сонъ продолжался не долго и вновь оставался измученный Алгасовъ наединѣ съ гнетущимъ своимъ горемъ, съ грустью думая о безотрадномъ будущемъ и о разбитомъ, такомъ свѣтломъ счастьи. А это счастье было такъ дивно хорошо, одно воспоминаніе о немъ уже вызывало у Алгасова невольную улыбку—и вдругъ овладѣвало имъ страстное желаніе хоть разъ еще увидѣть княжну, хоть издали взглянуть на нее, полюбоваться ея милой улыбкой, услышать

звукъ ея голоса, ея веселую шутку... Онъ уже вставалъ, чтобы ѣхать къ Елецкимъ, и со стономъ снова падалъ на стулъ, тупая, мучительная боль останавливала его при мысли, что нѣтъ у него этой любви, сулившей ему столько счастья и столько отрады... „Она не любитъ, она чужая, къ чему же ее видѣть?“ съ тоской и отчаяніемъ думалъ онъ и цѣлые часы все твердилъ: „не любитъ, не любитъ, не любитъ...“ Весь холодѣя отъ ужаса и боли, вспоминалъ онъ, что въ эту, можетъ-быть, самую минуту милая, безумно-любимая имъ дѣвушка съ любовью и лаской глядитъ на другого. „Лишь-бы не видать этого, лишь-бы не видать,“ шепталъ Алгасовъ, прогоняя ужасный кошмаръ, „все равно, вѣдь не любитъ, лишь бы только не видать...“ Но вообще, онъ мало думалъ о своемъ соперникѣ: не все ли ему равно, кто этотъ соперникъ, даже не все ли равно, есть ли соперникъ, или нѣтъ его? Княжна не любитъ его, Алгасова, вотъ самое главное, самое мучительное. Что ему дѣлать безъ ея любви, что можетъ ему замѣнить эту любовь?

Онъ былъ совершенно одинъ и не желалъ никого видѣть: Василію былъ отданъ строгій приказъ никого не пускать къ нему. Машинально и безучастно продѣлывалъ онъ привычныя дѣйствія: вставалъ, одѣвался, пилъ чай, читалъ газеты, обѣдалъ, раздѣвался, ложился спать. Помимо уже воли его сказывались въ немъ физическія потребности и обыденныя привычки.

Однажды только велѣлъ онъ попросить къ себѣ зятя. Вёдровъ тотчасъ же пошелъ къ нему.

Онъ засталъ Алгасова на томъ же мѣстѣ, сидящимъ у письменнаго стола. Передъ Алгасовымъ лежалъ листъ бумаги и онъ разсѣяно чертилъ на немъ какія-то фигуры.

При входѣ Вёдрова, Алгасовъ быстро обернулся и, не здороваясь съ нимъ, спросилъ:

— Послушай, это правда, Авринскій ничего не напуталъ?

— Все правда! удивленно отвѣтилъ остановившійся среди комнаты генералъ.

— Да ты вѣрно знаешь? глухимъ голосомъ, уже отвернувшись, проговорилъ Алгасовъ.

— Саша, развѣ сталъ бы я говорить, не зная?

— Да, да, я не подумалъ... Ну ступай, извини, что я позвалъ тебя...

Вёдровъ посмотрѣлъ на него, покачалъ головой и вышелъ изъ комнаты.

— Да, свобода-то его на то лишь, какъ видно, и нужна ему, чтобы сидѣть да кукситься, думалъ генералъ, сходя по лѣстницѣ. Да и что ему больше дѣлать? Вѣдь говорилъ: служи!.. А служи-ка онъ, какъ слѣдуетъ, позавиднѣе, можетъ быть, самого графа былъ бы теперь женихомъ! И есть о чемъ горевать, да еще такъ съ отчаяніемъ, по-бразильски какъ-то: просватана дѣвушка, которой по всѣмъ разсчетамъ не отдали бы за него! Неужто онъ и въ самомъ дѣлѣ надѣялся? Вѣдь отъ него все можетъ статься...

Когда онъ вернулся, всѣ обступили его съ вопросами. Вёдровъ сердито отвѣтилъ:

— Да все то же: сидитъ въ отчаяніи. Звалъ меня, чтобы спросить, правда ли это.

— Да что съ нимъ будетъ? допрашивала Надежда Семеновна.

— А я почемъ знаю? Можетъ быть, застрѣлится, можетъ быть, съ ума сойдетъ, а можетъ быть и другую княжну себѣ отъищетъ, свѣтлѣйшую какую-нибудь... И вѣдь нашелъ же въ кого влюбиться: въ княжну Евгенію Александровну! Точно мало дѣвушекъ въ Москвѣ, которыя съ радостью пошли бы за него! Уродъ!

Въ это время у Вёдровыхъ была Ирина. Она уже знала о горѣ Алгасова, но и въ мысляхъ даже не торжествовала надъ нимъ. Она не желала несчастья бывшему жениху своему и не радовалась этому несчастью. Давно уже привыкла она къ мысли, что Алгасовъ только ея кузенъ и другъ, какимъ онъ былъ и прошлую зиму, что все случившееся лѣтомъ не болѣе, какъ сонъ, и она отнеслась къ несчастью Алгасова такъ же, какъ отнеслась бы и годъ тому назадъ: просто и спокойно, съ сдержаннымъ участьемъ. Даже и любовь ея, застывшая, но не угасшая, и она не мѣняла обычныхъ ея впечатлѣній и поступковъ.

Вёдровъ не сказалъ Алгасову ничего новаго и ничего не прибавилъ къ его горю. Но минутами до того невозможнымъ казалось Алгасову разстаться съ княжной и съ своимъ

счастьемъ и до того невѣроятной—ея любовь къ графу, что все случившееся вдругъ представлялось ему тяжелымъ сномъ, совершенно невозможнымъ въ дѣйствительности.

— Какъ же, вѣдь она при мнѣ же смѣялась надъ нимъ!.. съ возростающей надеждой вспоминалъ Алгасовъ, и въ его воображеніи рисовалась уже картина, какъ все разъяснится, и онъ бросится къ княжнѣ, и она проститъ ему, не можетъ она не простить, и тогда уже не отнимутъ ея у него...

Въ одну изъ такихъ минутъ онъ велѣлъ однажды впустить зашедшаго провѣдать его Бачурина, и какъ только Константинъ Платоновичъ показался въ дверяхъ, Алгасовъ быстро задалъ ему тотъ же вопросъ:

— Костя, правда ли это?

— Да, Саша! нѣсколько удивленно отвѣтилъ ему Бачуринъ, глядя на него.

Алгасовъ не сталъ уже переспрашивать, отвернулся и тяжело вздохнулъ. Это былъ послѣдній проблескъ его невозможныхъ какихъ-то надеждъ.

Бачуринъ постоялъ немного и тихо вышелъ изъ комнаты.

Такъ прошло около двухъ недѣль.

Быстро разнеслась по Москвѣ вѣсть, что графъ Сафоновъ женится на княжнѣ Елецкой. Всѣ знакомые князя спѣшили поздравить жениха и невѣсту; не смотря на постъ, шумъ и оживленье царили въ домѣ князя, и среди этого веселья, возлѣ влюбленнаго жениха, проходили счастливые, легкіе дни княжны.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увлекался графъ Николай Борисовичъ красотой княжны, ея любовью и этой еще невѣдомой ему прелестью любви къ порядочной дѣвушкѣ. Всегда одинаково слабый, легко поддающійся всякой окружающей жизни, такъ подчинился онъ вліянію этой любви, что сталъ совершенно другимъ человѣкомъ, оставилъ разгульную свою жизнь, къ которой и не тянуло даже его, ни разу не вспомнилъ ни о Машѣ, ни о Кларѣ Замыцкаго, и жилъ одной только любовью, возлѣ княжны, отъ которой ни на шагъ не отходилъ и на которую не могъ наглядѣться.

Однажды побѣжденная, легкомысленная дѣвушка вся отдалась теперь счастью и любви и, ни о чемъ уже не думая, безъ страха за будущее, въ которое она, впрочемъ, и не заглядывала, наслаждалась она веселымъ настоящимъ. Весело, безпечно и легко любила она своего красавца-жениха, съ восторгомъ имъ любуясь. На немъ одномъ сосредоточила она теперь все свое кокетство, и ей уже не было съ нимъ скучно, его разговоръ не удивлялъ уже ее пустотой: она сама принималась болтать, когда они бывали вдвоемъ, интересуясь не столько словами графа, сколько его присутствіемъ, красотой и любовью, и въ такой болтовнѣ незамѣтно проходили у нихъ цѣлые часы. Къ тому же у графа было теперь вѣрное прибѣжище въ затруднительныхъ случаяхъ—любовь, о которой онъ могъ говорить безъ конца и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ.

Объ Алгасовѣ княжна и не думала: въ первые дни она его не видала и ничто не напоминало ей о немъ, а потомъ такъ увлеклась она графомъ и красотой своего положенія невѣсты, что Алгасовъ сталъ для нея совершенно постороннимъ, ненужнымъ человѣкомъ и она не обращала уже вниманія на его отсутствіе. Какъ ни старались его родные и Авринскій не дать имъ распространиться, но въ московскія гостинныя проникли все-таки слухи объ отчаяніи и горѣ Алгасова. О немъ говорили, одни жалѣли, другіе радовались его неудачѣ, но, разумѣется, рѣчь о немъ никогда не заходила въ домѣ князя Елецкаго. Разъ только, чтобы смутить чѣмъ-нибудь счастье княжны, одна изъ ея подругъ сообщила ей о бѣдномъ Алгасовѣ, совершенно убитомъ ея измѣной, но княжна, въ эту самую минуту съ нетерпѣніемъ ждавшая своего жениха—она не обратила на эти слова никакого вниманія, сказавъ только:

— Неужели? Бѣдный! Мнѣ его очень жаль. Но неужели я такъ ему нравилась? Я всегда думала, что онъ влюбленъ въ свою кузину Бачурину...

XXIX.

Наконецъ прошли самые первые и самые мучительные для Алгасова дни. Онъ какъ бы сжился съ своимъ горемъ. Оно не стало меньше, напротивъ, еще теперь яснѣе созна-

валъ онъ, чего онъ лишился, какъ страстно и глубоко любилъ онъ княжну. Но не менѣе страстно любилъ онъ и жизнь, и эта любовь къ жизни и его молодость, онѣ дали ему силу затаить свое горе и жить, не смотря на него, нести его среди жизни и людей.

Онъ взялъ листъ бумаги и сталъ писать. Все, что было у него на душѣ, недавнее свое счастье, свои надежды и свое горе—все излилъ онъ въ письмѣ къ Костыгину. Письмо это какъ бы облегчило его. Онъ велѣлъ Василію сейчасъ же опустить его въ ящикъ и пошелъ къ Вёдровымъ.

Это было вечеромъ. Надежда Семеновна ахнула, когда онъ вошелъ и, видимо, пришла въ затрудненіе, не зная, какъ съ нимъ быть, что говорить съ нимъ и какъ его утѣшить. На бѣду еще и мужа ея не было дома. Алгасовъ замѣтилъ ея безпокойство и самъ поспѣшилъ заговорить поскорѣе о какихъ-то пустякахъ, потомъ сталъ разспрашивать о ея дѣтяхъ, спросилъ, какъ поживаютъ Апалевы и когда собираются они въ деревню, и его спокойный тонъ подѣйствовалъ на Надежду Семеновну. Она страшно обрадовалась происшедшей въ настроеніи брата перемѣнѣ и, окончательно разставшись съ своими опасеніями, рискнула даже заговорить о княжнѣ. Но Алгасовъ мягко отклонилъ этотъ разговоръ и намекнулъ, что не желалъ бы говорить ни о чемъ, касающемся княжны. Надежда Семеновна замолчала.

Весь вечеръ пробылъ Алгасовъ у Вёдровыхъ. Надежда Семеновна послала за мужемъ и Павелъ Ивановичъ, бывшій въ клубѣ, поспѣшилъ домой. Онъ сразу все понялъ и, здороваясь съ Алгасовымъ, просто, подружески, попенялъ ему:

— Ну, признаюсь, и напугалъ же ты насъ! Но я всегда зналъ, что ты не поддашься горю. Какъ же я радъ тебя видѣть...

И, оставивъ это, Павелъ Ивановичъ навелъ рѣчь на разные интересовавшіе въ то время общество вопросы и на выдающіяся событія московской жизни, и въ подобныхъ разговорахъ мирно прошелъ у нихъ вечеръ.

На слѣдующій день Алгасовъ снова пошелъ къ Вёдровымъ, позавтракалъ у нихъ и пошелъ къ Бачуринымъ. Константинъ Платоновичъ былъ въ Судѣ, и Алгасова встрѣти-

ла Ирина. Она тоже ни о чемъ не стала его разспрашивать и заговорила дружески, просто и тепло, не скрывая, какъ она рада, что онъ пересталъ наконецъ грустить, и въ разговорѣ не боясь упоминать о княжнѣ, но такъ просто дѣлала она это, не вмѣшиваясь въ его жизнь и не залѣзая въ его душу, и безъ этого умѣя показать свое участье къ нему, что особенно хорошо и легко было съ ней Алгасову и болѣе, чѣмъ кому-либо, былъ онъ ей благодаренъ за ея теплое отношеніе къ его горю. Прощаясь, онъ крѣпко пожалъ и потомъ поцѣловалъ ея руку, желая этимъ выказать ей свою благодарность. Ирина поняла его, но горькія мысли пробудилъ въ ней этотъ знакъ его дружбы: невольно вновь подумалось ей, что именно княжна отняла его у нея, что, не будь княжны, Алгасовъ любилъ бы ее, Ирину, и она была бы счастлива...

Грустно опустилась ея головка... Но не дала Ирина овладѣть собой тяжелымъ этимъ думамъ: всѣми силами постаралась она поскорѣе ихъ прогнать и привести себя относительно Алгасова въ прежнее положеніе посторонней, одной только дѣтской дружбой связанной съ нимъ дѣвушки, въ которое съ такимъ трудомъ удалось ей поставить себя послѣ ихъ разрыва.

Вернувшись домой и узнавъ, что Алгасовъ былъ у нихъ, Константинъ Платоновичъ пошелъ къ нему, пообѣдалъ у него и провелъ съ нимъ вечеръ. Алгасовъ очень обрадовался ему, былъ оживленъ и разговорчивъ и съ виду казался совершенно спокойнымъ.

Мало-по-малу стали къ нему заходить и другіе его знакомые; Алгасовъ былъ очень имъ радъ, тѣмъ болѣе, что ни по гостямъ разъѣзжать, ни читать или заниматься было еще не подъ силу ему, но съ особеннымъ зато удовольствіемъ цѣлые дни просиживалъ онъ за преферансомъ, и шампанское не сходило у него со стола.

Такъ снова началъ онъ жить, но уже не прежнимъ юношей вернулся онъ къ жизни и къ людямъ: въ его серьезномъ, спокойномъ взглядѣ не было уже безпокойнаго этого огня первой молодости, Алгасовъ возмужалъ подъ вліяніемъ пережитаго имъ горя, иной уже стала ему казаться жизнь, и, вмѣстѣ съ этой перемѣной, страстное, юношеское его

увлеченіе княжной перешло въ глубокую, сознательную любовь мужа. Его горе стало спокойнѣе, но глубже. Напрасно всячески старался онъ разсѣяться и забыться: ни оживленные разговоры веселыхъ пріятелей, ни шампанское—ничто не помогало, напротивъ, еще лишь мучительнѣе чувствовалъ онъ свое горе среди этихъ людей, бывшихъ свидѣтелями недолгаго его счастья, и безпросвѣтный какой-то мракъ все застилалъ передъ нимъ, и минувшія радости, и жизнь съ ея порывами и мечтами.

Но подъ вліяніемъ знакомой жизни, такъ живо напомнившей ему дни его счастья—съ каждымъ днемъ все сильнѣе подъ этимъ вліяніемъ становилось въ немъ желаніе увидѣть княжну, хоть взглянуть на нее... Онъ старался не думать о томъ, что она любитъ другого, и цѣлымъ блаженствомъ казалась ему одна уже возможность видѣть эту милую дѣвушку и любоваться ею. Любовь ли говорила въ немъ, смутная ли надежда вернуть былое, но видѣть княжну, это стало единственной его мечтой, не покидавшей его ни на минуту. Черезъ нѣсколько дней наступала Пасха, и между прочими визитами онъ рѣшилъ сдѣлать визитъ и Елецкимъ. Съ томительнымъ нетерпѣніемъ сталъ онъ дожидаться праздника.

Насталъ этотъ день. Не имѣя силъ еще ждать и откладывать, Алгасовъ къ первымъ поѣхалъ къ Елецкимъ.

Княжны не было въ гостинной, когда онъ вошелъ туда. Князь и княгиня приняли его любезно, хотя нѣсколько холодно, что Алгасовъ хорошо замѣтилъ. Прошло уже законное время визита, а онъ все сидѣлъ, ожидая княжны.

Между тѣмъ княжна, которой сказали о пріѣздѣ Алгасова, пришла въ сильное смущеніе. Что-то говорило ей, что не хорошо поступила она съ этимъ человѣкомъ, но не признавала она себя виноватой передъ нимъ.

— Ну что же, ну мы шутили съ нимъ, играли, танцовали, да вѣдь я со всѣми и веселилась, и говорила, и танцовала... Я полюбила другого, но развѣ виновата я въ этомъ? Если бы еще кому вздумалось влюбиться въ меня, я-то при чемъ же тутъ?..

Такъ оправдывалась она передъ самой собой и своей совѣстью, а между тѣмъ она и хотѣла, и не смѣла идти въ

гостинную. Наконецъ, ясно доказавъ себѣ всю свою правоту и невинность, она рѣшилась и пошла, но передъ дверью все-таки остановилась немного и сильно дрожала ея рука, отворявшая дверь.

Какъ только показалась княжна, Алгасовъ бросился къ ней навстрѣчу, и большихъ усилій стоило ему казаться спокойнымъ. Съ волненіемъ жадно глядѣлъ онъ на нее, любуясь этими столь дорогими ему чертами. Невыразимо отрадно было ему видѣть любимую дѣвушку и въ то же время съ мучительной болью, съ гнетущей тоской снова почувствовалъ онъ тутъ всю тяжесть своего горя. Онъ вмѣстѣ и радовался, и ужасно страдалъ.

Княжна съ принужденной улыбкой отвѣтила на его поклонъ и молча протянула ему руку, не зная, что ей сказать, все болѣе и болѣе теряясь подъ его взглядомъ, въ серьезномъ и строгомъ этомъ человѣкѣ не узнавая недавняго веселаго своего друга. Алгасовъ поздравилъ ее съ праздникомъ, потомъ съ предстоящей ея сватьбой; княжна поблагодарила его, но, болѣе даже его чувствуя всю тяжесть разговора, отошла отъ него, заговорила съ матерью и черезъ нѣсколько минутъ, еще перекинувшись съ нимъ двумя-тремя фразами въ общемъ уже разговорѣ, подъ первымъ же попавшимся предлогомъ поспѣшила выйти изъ комнаты. Алгасовъ подождалъ немного, простился и уѣхалъ.

— Даже и говорить со мной не хотѣла... грустно думалъ онъ, сходя съ лѣстницы. И еще тяжелѣе стало ему теперь, когда свиданіе съ княжной оживило въ немъ воспоминаніе о ея чудной красотѣ и лишило его послѣднихъ, смутныхъ какихъ-то надеждъ.

Но какъ ни тяжело было ему, онъ отправился додѣлывать остальные визиты. Впрочемъ, привычка къ свѣтской жизни облегчала ему эту обязанность; онъ входилъ, поздравлялъ, говорилъ нѣсколько минутъ и уѣзжалъ, продѣлывая это совершенно механически, безъ всякихъ усилій мысли, и думая въ то же время о своемъ.

Увидѣвъ княжну, онъ уже не рвался еще ее видѣть. Да и къ чему? Къ чему видѣть ее совершенно уже чужою для себя, къ чему портить свѣтлое впечатлѣніе?

Однако же ему суждено было снова ее вскорѣ увидѣть.

Случилось это въ одномъ домѣ, гдѣ Елецкіе бывали довольно рѣдко. Парадныхъ вечеровъ въ этомъ домѣ не давалось, но запросто часто собирались гости къ радушнымъ его хозяевамъ и весело, въ занимательныхъ живыхъ разговорахъ всегда проходило тамъ время. Хорошо знакомый съ хозяевами дома и любившій поговорить, Алгасовъ былъ изъ самыхъ частыхъ ихъ посѣтителей.

На этотъ разъ онъ засталъ у нихъ много гостей и едва вошелъ онъ въ залу, какъ изъ сосѣдней гостиной донесся до него оживленный, прерываемый взрывами общаго смѣха разговоръ. Среди другихъ голосовъ Алгасовъ сейчасъ же узналъ голосъ княжны и ея серебристый смѣхъ, который всегда ему особенно въ ней нравился. Узналъ онъ и другой голосъ—голосъ графа. Не смотря ни на что, не имѣя силъ уѣхать, не взглянувъ на княжну, тѣмъ не менѣе Алгасовъ остановился въ залѣ и заговорилъ съ кѣмъ-то, чтобы хоть немного оправиться и овладѣть собой. Лишь черезъ нѣсколько минутъ вошелъ онъ въ гостиную, но вмѣстѣ съ другими, такъ что сначала ни княжна, ни окружавшіе ее не замѣтили его, и въ теченіи нѣкотораго времени безъ помѣхи могъ онъ наблюдать княжну и ея жениха, обоихъ вмѣстѣ и рядомъ. Такъ весела и счастлива казалась княжна, такими полными восторга и любви глазами глядѣла она на своего жениха, что сердце перевернулось въ груди Алгасова; весь похолодѣлъ онъ отъ нестерпимой душевной боли и при всей его выдержкѣ, нечеловѣческихъ усилій стоило ему скрыть свое горе и казаться спокойнымъ, хотя все-таки невольно выдавала его его блѣдность.

Онъ хотѣлъ уже незамѣтно уйти изъ гостиной и уѣхать, когда одна изъ хозяйскихъ дочерей увидала его и заговорила съ нимъ, и волей-неволей пришлось ему присоединиться къ окружавшимъ княжну. Своимъ чередомъ продолжался въ гостиной прежній веселый разговоръ, хотя принужденнѣе и сдержаннѣе стало все-таки общее оживленіе, словно присутствіе Алгасова мѣшало разговаривавшимъ и не давало имъ вполнѣ наслаждаться веселымъ своимъ настроеніемъ. Болѣе всѣхъ стѣснялась присутствіемъ Алгасова сама княжна. Она видимо сторонилась отъ него, и нестерпимо больно было это ему...

Почти не принимая участья въ разговорѣ, сидѣлъ онъ, не глядя на княжну, но чувствуя, что она тутъ, слыша ее, даже видя, ибо для этого не требовалось ему непремѣнно глядѣть на нее. Въ одно и то же время и безконечно наслаждался онъ ея присутствіемъ, и глубоко страдалъ. Какъ все это знакомо ему, веселый кружокъ, разговоръ, смѣхъ вокругъ княжны, какъ часто и какъ еще недавно вмѣстѣ съ нею составлялъ онъ центръ подобнаго кружка, дѣля съ ней и смѣхъ, и веселье, любуясь ею, наслаждаясь ея оживленіемъ и радостью, стараясь еще болѣе оживить и ее, и всѣхъ вокругъ нея... И какъ-то даже странно было ему видѣть себя чуждымъ этому веселью, ненужнымъ среди него, не принимающимъ въ немъ никакого участья. Воспоминанія о недавнемъ прошломъ были такъ живы, что минутами не вѣрилось даже Алгасову грустной дѣйствительности, до того невозможной показалась бы она ему всего нѣсколько недѣль тому назадъ.

Тяжело было ему глядѣть на это веселье, ему хотѣлось уйти и теперь онъ могъ уйти незамѣтно, но онъ продолжалъ сидѣть. Молча наблюдалъ онъ за всѣмъ, что происходитъ вокругъ него, и особенно за графомъ. До сихъ поръ такъ мало вниманія обращалъ онъ на этого человѣка, что совершенно не зналъ его. Теперь онъ сталъ за нимъ слѣдить, за каждымъ его словомъ, сталъ слѣдить со всѣмъ вниманіемъ ненависти и скрытой ревности, и чѣмъ далѣе, тѣмъ внимательнѣе становился Алгасовъ. Ему, опытному въ этомъ, легко было замѣтить, какъ мало зависѣло отъ графа царившее въ гостинной оживленье, хотя на графѣ вмѣстѣ съ княжной сосредоточено было вниманье всего общества. Алгасовъ видѣлъ, что не графъ управляетъ разговоромъ, который держался благодаря лишь княжнѣ и веселому настроенію всѣхъ гостей. Прислушиваясь къ словамъ графа, къ красивымъ, свѣтскимъ, непринужденнымъ этимъ фразамъ, Алгасовъ ясно видѣлъ всю ихъ скрытую подъ маской внѣшняго изящества пустоту и банальность, и не трудно было понять Алгасову, насколько неспособенъ графъ не только что первенствовать въ толпѣ и управлять ея весельемъ, но даже хоть сколько-нибудь выдаваться среди нея...

И видя все ничтожество и безцвѣтность предпочтеннаго ему человѣка, страстно вдругъ захотѣлось Алгасову выставить всѣмъ напоказъ это ничтожество своего соперника. Не для графа онъ это дѣлалъ, для него не сталъ бы онъ и трудиться, а для княжны, ея присутствіе и вызвало въ немъ это желаніе, и вдохновило его, давъ ему силы для выполненія его плана.

Онъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ княжны, возлѣ позвавшей его хозяйской дочери.

Это была хорошенькая, умная и веселая брюнетка. Алгасовъ давно уже нравился ей и онъ это зналъ, но занятый другой, не обращалъ на нее вниманія. Хорошенькая Наташа втайнѣ ревновала его къ княжнѣ и завидовала ей, но когда княжна стала невѣстой другого и прошли слухи объ отчаяніи и горѣ Алгасова—отъ всей души пожалѣла его Наташа и съ искреннимъ сочувствіемъ отнеслась къ его горю. Увидѣвъ Алгасова въ гостинной, она очень обрадовалась ему, какъ и всегда, когда она его видѣла, и тотчасъ же заговорила съ нимъ, но потомъ, опомнившись, она сообразила, какъ это жестоко съ ея стороны заставлять его смотрѣть на княжну и на ея жениха, и, чтобы не мучить его болѣе и дать ему возможность уйти, перестала съ нимъ говорить. Но Алгасовъ самъ заговорилъ съ ней и заговорилъ непринужденно и весело. Мало-по-малу оживленный ихъ разговоръ сталъ привлекать и другихъ, и скоро такъ овладѣлъ разговоромъ Алгасовъ, что центромъ общества стали уже не княжна и ея женихъ, а Алгасовъ и хорошенькая, вся просіявшая отъ его вниманія Наташа. Затихнувшее было съ его приходомъ общее оживленіе возгорѣлось теперь съ новой силой. Алгасовъ превзошелъ самого себя. Онъ говорилъ, не умолкая, онъ острилъ и шутилъ, разговоръ съумѣлъ онъ сдѣлать и въ высшей степени интереснымъ, и въ то же время легкимъ, живымъ, веселымъ. Онъ втянулъ въ него и княжну, и даже графа, простодушно хохотавшаго надъ чужими остротами, и скоро искреннее, шумное веселье воцарилось въ гостинной и столько слышалось оттуда говора, смѣха и оживленья, что изъ другихъ даже комнатъ, и даже старики стали приходить и присоединяться къ этому веселому

кружку. Теперь уже не Алгасовъ былъ второстепеннымъ лицомъ среди собравшагося въ гостинной общества, а княжна, графа же совершенно тамъ не было замѣтно, никто уже не обращалъ на него вниманія, и, чтобы дополнить свою месть, Алгасовъ такъ устроилъ, что въ общемъ и живомъ этомъ разговорѣ каждый изъ гостей болѣе выдавался и болѣе былъ замѣтенъ, чѣмъ графъ.

Среди разговора сосѣдку Алгасова, Наташу, вызвали въ столовую для какихъ-то распоряженій. Она встала. Алгасовъ поспѣшилъ предложить ей руку и повелъ ее въ столовую, пользуясь этимъ, чтобы уйти изъ гостинной и оставить безъ руководителя заведенный имъ разговоръ.

— Какъ я рада, съ улыбкой обратилась къ нему Наташа, что снова стали вы такимъ же веселымъ, какимъ вы были и прежде!

Алгасовъ не отклонилъ ея намека и весело ей отвѣтилъ:

— Э, Наталья Николаевна, къ чему предаваться грусти, когда можно еще жить, и хорошо жить?...

— Мнѣ никогда еще не было такъ весело...

— Еще бы, серьезно отвѣтилъ Алгасовъ, давно уже намъ извѣстно, что, гдѣ женихъ—тамъ не мѣсто будничному прозябанію.

— Да, но развѣ женихъ веселилъ насъ?

— По крайней мѣрѣ, это его дѣло, отвѣтилъ Алгасовъ и, пользуясь тѣмъ, что Наталья Николаевна что-то стала приказывать подошедшему лакею и вышла съ нимъ въ другую комнату, онъ заговорилъ съ однимъ изъ бывшихъ въ столовой гостей, принялъ предложенную ему карту и вслѣдъ за другими игроками пошелъ къ столу.

Съ уходомъ его изъ гостинной, имъ заведенный и поддерживавшійся имъ однимъ разговоръ сталъ понемногу замолкать и вскорѣ затихъ совершенно. Никто не съумѣлъ имъ овладѣть, княжна не въ силахъ была этого сдѣлать, а графъ даже и не думалъ объ этомъ. Съ уходомъ отвлекшаго отъ него вниманіе общества Алгасова, графъ, какъ женихъ, снова сталъ предметомъ этого вниманія, и всѣ невольно сравнили его тутъ съ Алгасовымъ. Сравненіе

было не въ пользу графа, и въ душѣ всѣ бывшіе въ гостинной пожалѣли въ эту минуту, что не Алгасовъ на его мѣстѣ...

Но Алгасовъ ошибся: онъ плохо еще зналъ княжну. Всѣ впечатлѣнія слишкомъ поверхностно скользили по душѣ молоденькой дѣвушки и никогда не задавала она себѣ труда поглубже во что-нибудь вдуматься. Такъ и теперь. Пока весело было въ гостинной, всей душой участвовала она въ этомъ весельи, увлеченная имъ, какъ и другіе, но не напомнило ей оно прошлаго, какъ разсчитывалъ Алгасовъ. Правда, онъ достигъ одного: когда онъ ушелъ и съ его уходомъ затихъ занимавшій ее веселый разговоръ, и она, какъ и другіе, невольно стала сравнивать съ Алгасовымъ своего жениха; но въ то время, какъ другихъ хоть на минуту сдѣлало это сравненіе сторонниками Алгасова, въ сердцѣ влюбленной дѣвушки оно вызвало глухую лишь на него досаду, что смутилъ онъ на мгновеніе безмятежное ея счастье и заставилъ сдѣлать это сравненіе...

Между тѣмъ мало-по-малу всѣ разошлись изъ гостинной, и когда Наташа вернулась туда, она застала тамъ жениха и невѣсту почти однихъ. Не смотря на всѣ старанія княжны и Наташи, недавнее дружное веселье уже не возвращалось и даже начавшіеся затѣмъ танцы не отличались на этотъ разъ оживленіемъ.

Алгасовъ игралъ разсѣянно и плохо, мало думая объ игрѣ; онъ безпрестанно ремизился и проигрывалъ самыя вѣрныя игры, дѣлая непростительныя даже для слабаго игрока ошибки. Онъ проигралъ около ста рублей и въ концѣ концовъ его партнеры остались имъ очень довольны.

— Что это вы покинули насъ? обратилась къ нему Наташа, когда Алгасовъ подалъ ей руку, чтобы вести ее къ ужину.

— Да просили очень, партнера не хватало у нихъ, выдумалъ Алгасовъ.

— Жаль... Ради трехъ игроковъ, и всѣхъ насъ лишили вы веселаго вечера, замѣтила ему Наташа.

— Я лишилъ васъ веселаго вечера? какъ бы съ удивленіемъ возразилъ Алгасовъ. Но право, я не думалъ, что даже вниманіе обратитъ кто-нибудь на мое отсутствіе...

— Это почему же?

— Да вечеръ, на которомъ присутствуютъ женихъ и невѣста, самъ собою становится какъ бы даннымъ въ ихъ честь, и слѣдовательно, только ихъ присутствіе или отсутствіе и можетъ быть замѣтнымъ. А вѣдь съ вами тамъ остался женихъ...

— Однако, и при женихѣ, ваше отсутствіе такъ было замѣтно, что всѣ разошлись послѣ васъ, и когда я вернулась, я застала счастливаго жениха почти наединѣ съ своей невѣстой...

Алгасовъ пожалъ плечами.

— Если такъ, могу только пожалѣть жениха, небрежно отозвался онъ.

— Вы злы! улыбаясь и потупивъ глаза, сказала Наташа.

Алгасовъ весело взглянулъ на нее.

— Развѣ я похожъ на злого, Наталья Николаевна? спросилъ онъ.

Наташа тоже на него взглянула и снова улыбнулась.

— А вы, должно-быть, много выиграли? замѣтила она.

— Почему вы такъ думаете?

— Есть примѣта...

— Однако я имѣлъ несчастье проиграть 96 рублей и 40 копѣекъ...

— И очень рада, въ другой разъ не пойдете играть!..

— Наталья Николаевна, вѣдь старикомъ скоро буду, надо же учиться, возразилъ Алгасовъ, а то, если каждый разъ по сту рублей проигрывать, согласитесь, вѣдь это накладно будетъ!

— А я была увѣрена, что вы выиграете, снова начала она.

— Должно-быть, я не такъ несчастливъ въ любви, какъ вы думаете, съ улыбкой глядя на нее, отвѣтилъ Алгасовъ.

Наташа покраснѣла. Она подумала въ эту минуту о себѣ и о своей тайной любви къ нему, не эта ли любовь ея повліяла на его проигрышъ и не доброе ли это предзнаменованіе?...

И послѣ этого вечера, послѣ того, какъ Алгасовъ увидѣлъ счастье княжны и ея веселье, не имъ вызванное, еще тяжелѣе стало тутъ на душѣ у него и съ новой силой на-

хлынуло на него его горе, противъ котораго совершенно беззащитнымъ, казалось, оставилъ его этотъ вечеръ, взявшій у него столько силъ. Снова нѣсколько дней провелъ Алгасовъ почти наединѣ, съ тоской вспоминая о недавнемъ прошломъ и о надеждахъ, такъ неожиданно улетѣвшихъ. Объ одной княжнѣ только и думалъ онъ всѣ эти дни, вспоминая о ней, постоянно видя ее передъ собою, любуясь ею. И вдругъ такъ захотѣлось ему отъ нея самой услышать, что она не любитъ его... У него уже не было никакихъ надеждъ, но тѣмъ не менѣе эта мысль не давала ему покоя, словно до дна желалъ онъ испить всю чашу униженія и горя.

А сватьба княжны быстро приближалась. Алгасовъ зналъ это, но не думалъ объ этомъ. Любимая и ласкаемая другимъ, никогда не смущала она его воображенія; думая о ней, онъ сознавалъ и чувствовалъ одно только, что не любитъ она его...

Давался балъ, одинъ изъ послѣднихъ кончающагося сезона. Ожидался большой съѣздъ гостей. Елецкіе и Сафоновы, близко знакомые съ хозяевами дома, должны были присутствовать на этомъ балу.

Алгасовъ, въ числѣ другихъ тоже получившій приглашеніе, сначала думалъ было не ѣхать, но теперь, когда такъ захотѣлось ему еще разъ поговорить съ княжной, теперь онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ.

Однимъ изъ первыхъ пріѣхалъ онъ на балъ и, какъ только вошли Елецкіе—тотчасъ же подошелъ къ княжнѣ и пригласилъ ее на кадриль. Княжна не могла ему отказать.

Заиграла музыка. Алгасовъ отыскалъ княжну и подалъ ей руку. Со страхомъ и съ бьющимся сердечкомъ шла возлѣ него дѣвушка.

— Я очень радъ, княжна, началъ Алгасовъ, посадивъ свою даму, что могу наконецъ, какъ слѣдуетъ, васъ поздравить. Я вижу, вы очень счастливы!

— Благодарю васъ, тихо отвѣтила княжна, стараясь не глядѣть на него.

Она встала, чтобы дѣлать фигуру.

— И это правда, вы дѣйствительно счастливы и любите? грустно спросилъ Алгасовъ, когда, кончивъ фигуру, она сѣла возлѣ него.

Слова эти тронули ее, такъ много слышалось въ нихъ горя, но снова стало ей досадно на Алгасова, досадно за то, что смущаетъ онъ ея покой и счастье. Изъ его словъ она поняла, что онъ считаетъ себя какъ бы въ правѣ предлагать ей подобные вопросы и право это основываетъ на прежнихъ ихъ отношеніяхъ, которыхъ онъ не забылъ еще, между тѣмъ какъ самой такъ ясно представлялись они ей теперь не болѣе, какъ ничего не значащей, хотя и веселой шалостью.

— Александръ Семеновичъ, съ досадой заговорила она, что это, ну къ чему вы это говорите? Оставьте меня... Мнѣ хорошо, и скажите пожалуйста, неужели вамъ доставляетъ удовольствіе огорчать меня? И за что?

Алгасовъ ничего ей не отвѣтилъ. Къ счастью, началась новая фигура; Алгасовъ сдѣлалъ усиліе и овладѣлъ собой, машинально продолжая танцовать. Когда княжна вернулась къ нему, онъ заговорилъ о какихъ-то пустякахъ и такъ благополучно докончили они танецъ. Алгасовъ отвелъ ее на ея мѣсто, поклонился ей и отошелъ. Вскорѣ онъ уѣхалъ съ бала.

Теперь все стало ему ясно и никакимъ желаніямъ, ни надеждамъ уже не было болѣе мѣста. И такая пустота вдругъ охватила его, такъ всюду и во всемъ почувствовалась ему эта пустота, такъ тяжело стало ему жить... Та же жизнь, блестящая, веселая и разнообразная, разстилается передъ нимъ, а онъ, сколько ни глядѣлъ онъ на нее—ничего уже не находилъ онъ въ ней привлекательнаго, все въ ней казалось ему старымъ, уже извѣстнымъ и ненужнымъ; куда ни обращалъ онъ взоры, нигдѣ ничего не видѣлъ онъ, что хотя въ будущемъ посулило бы ему что-нибудь, и казалось, конца не будетъ тяжелому, грустному его настоящему, казалось, ничто уже не позоветъ его къ себѣ, ни въ чемъ не найдетъ онъ не только счастья, но даже и удовольствія.

Полная пустота, полное отсутствіе всякихъ желаній вдругъ заступило мѣсто недавнихъ свѣтлыхъ его надеждъ,

безпредѣльнаго наслажденія жизнью и жажды этого наслажденія.

Такъ говорилъ онъ однажды Константину Платоновичу.

Оба они сидѣли въ кабинетѣ Алгасова. Былъ вечеръ теплаго апрѣльскаго дня. Солнце уже сѣло и свѣтлыя сумерки спустились на землю, своимъ полумракомъ окутавъ и городъ, и нѣжную весеннюю зелень. Окно комнаты, выходившее въ небольшой садикъ Вёдровыхъ, было отворено, и чудный запахъ распускающихся березъ широкой волной врывался въ комнату, наполняя ее ароматомъ и мягкой весенней свѣжестью.

Огня въ комнатѣ не было. Константинъ Платоновичъ полулежалъ, облокотившись на спинку широкаго дивана; Алгасовъ сидѣлъ на подоконникѣ, наслаждаясь весной, тепломъ и свѣжимъ душистымъ воздухомъ.

— Да, хорошо тебѣ, тебѣ и не придется никогда испытать ничего подобнаго, говорилъ Алгасовъ, махая сорванной березовой вѣткой съ мелкими, душистыми и липкими листьями. Но право, это состояніе пустоты ужасно: какой-то покой чувствуешь, но не покой отдыха, а скорѣе покой могилы или отчаянія. Нѣтъ ни надеждъ, ни желаній, почти даже нѣтъ и сожалѣній. Ничего не хочется, ничто не занимаетъ, а между тѣмъ ясно видишь, что ничто вокругъ не измѣнилось. Все осталось попрежнему, старое, знакомое, все то же, однимъ словомъ, что недавно еще такъ манило къ себѣ, и обѣщало, и давало столько отрады и наслажденій, а теперь смотришь на эту жизнь, какъ смотритъ ребенокъ на надоѣвшую игрушку...

— А почему со мной не можетъ случиться ничего подобнаго? живо заговорилъ Константинъ Платоновичъ. Потому что я занятъ, у меня есть дѣло...

— Занятъ!.. печально перебилъ его Алгасовъ. Нѣтъ, скажи лучше, что ты не способенъ такъ всецѣло отдаться одному чувству, какъ я. Ты благоразумнѣе меня, ты и въ самомъ даже горячемъ чувствѣ всегда оставилъ бы себѣ лазейку для выхода. Я понялъ бы, если бы какой-нибудь Вильгельмъ Оранскій или Вашингтонъ сказалъ мнѣ, что его дѣло поможетъ ему забыть всякую измѣну и вынести всякое горе. Это я понимаю, и будь я на ихъ мѣстѣ, я,

можетъ, и не замѣтилъ бы даже, что̀ княжна и нравится ли ей кто... А что до твоего прокурорства... Да неужели думаешь ты, что, будь я прокуроромъ, я былъ бы теперь въ состояніи хоть одного человѣка спровадить на каторгу? Да меня не только адвокатъ, а блаженной памяти крапивное сѣмя—и то загоняло бы совсѣмъ...

— Ну да вѣдь ты и хватилъ тоже: Вильгельмъ Оранскій да Вашингтонъ! Ужъ сказалъ бы прямо—Наполеонъ или Александръ Македонскій!

— Положимъ, Александръ Македонскій съ тоски даже пить началъ. Но все равно. Я назвалъ тѣ, а не другія имена, потому что они первыя пришли мнѣ на языкъ. Можно вспомнить имена и помельче, а кромѣ того, у Вильгельма Оранскаго были вѣдь и помощники, не одинъ же воевалъ онъ съ испанцами, и послѣдній его солдатъ, даже послѣдній солдатъ герцога Альбы—и тотъ имѣлъ болѣе живое и наполняющее жизнь дѣло, чѣмъ все твое прокурорство.

— Больно ужъ низко ставишь ты насъ! обиженно замѣтилъ Константинъ Платоновичъ.

— Вовсе не низко, но я отличаю дѣло отъ занятія: дѣло поглощаетъ всего человѣка, съ его любовью, со всѣми его мыслями, желаніями и ощущеніями, а занятіе лишь наполняетъ его ничѣмъ другимъ не занятые часы. Занятъ! Это старая теорія, извѣстная еще со дней Чернышевскаго, но и тотъ понималъ ее крайне ошибочно. Вовсе не потому легче Вѣры Павловны переносилъ Кирсановъ свою несчастную любовь, что онъ занимался медициной, а Вѣра Павловна—нѣтъ, а потому, что медицина влекла его не какъ ремесло или занятіе, а какъ наука, поглощая всю его жизнь, занимая въ ней несравненно болѣе мѣста, чѣмъ сама даже Вѣра Павловна, которую онъ такъ любилъ. А Вѣра Павловна, когда она стала баловаться медициной—счастье ея, что жизнь не представила ей болѣе никакихъ испытаній: узнала бы она тогда, что ни баловство, ни даже занятія никогда не поглощаютъ и не могутъ поглотить человѣка, и если ужъ мало было ей сына, то баловство медициной просто и забылось бы въ трудную пору тяжелаго душевнаго волненія. Въ этомъ одна изъ безчисленныхъ ошибокъ Черны-

шевскаго, вслѣдствіе которыхъ и всѣ его выводы крайне ошибочны и ложны. Некрасовская Катя не баловалась женитвомъ, а дѣлала такое же всего человѣка поглощающее дѣло, какъ и дѣло Вильгельма Оранскаго, и Вашингтона, и Кирсанова, только другого рода: она работала, чтобы жить. Вѣра Павловна можетъ и бросить баловство медициной, это въ ея волѣ и, начиная съ нея самой, ровно никто и ничего не потеряетъ отъ этого, но Катя, если бы она бросила работать, она умерла бы съ голода, чего, разумѣется, нисколько не хотѣлось ожидающей жениха невѣстѣ. Выводъ изъ работы Кати Чернышевскій сдѣлалъ совершенно вѣрный, но примѣненіе этого вывода къ жизни Вѣры Павловны въ видѣ медицинскаго ея баловaнія—это болѣе даже, чѣмъ ложное примѣненіе, это примѣненіе оскорбительное для Кати, выказывающее полнѣйшее непониманіе внутренней сути того дѣла, которымъ жила Катя.

— Странно, а ты, кажется, поклонникъ Чернышевскаго?

— Я поклонникъ его таланта, пожалуй, и нѣкоторыхъ его идей, но никакъ не его промаховъ.

— Ну брось его, перебилъ Константинъ Платоновичъ, плохо знакомый съ романомъ Чернышевскаго и потому ничего не разобравшій въ длинной рѣчи своего друга. Ты мнѣ одно объясни: ну, Вильгельмъ Оранскій—это все прекрасно, но, къ сожалѣнію, мы не принадлежимъ Испаніи, и потому нечего смущаться примѣромъ Вильгельма Оранскаго. Ты-то чего же хочешь?

— Въ томъ-то и бѣда, про то и толкую я тебѣ, что ничего не хочу. Прежде я хотѣлъ веселья, удовольствій, любви—и я имѣлъ ихъ. Теперь прежнія удовольствія уже не манятъ, они и не надоѣли даже, и не противны, а просто не нужны, скучны, выдохлись. Другихъ нѣтъ, и въ результатѣ является ужасная какая-то пустота...

— Погоди, забудешь о княжнѣ—и опять все пойдетъ по-старому!

— Костя, Костя, если бы не твердилъ я себѣ этого на каждомъ шагу, тогда, пожалуй, и силъ не хватило бы у меня жить!..

— Но послушай, съ раздраженіемъ началъ Бачуринъ, все это въ тебѣ крайности: то вынь да положь ему свободу,

наслажденье, счастье, очертя голову, кидается на что ни попало, то вдругъ все у него пустота... Нельзя такъ, въ жизни нужна умѣренность...

— Въ какомъ магазинѣ продается самая лучшая?

— Смѣйся, пожалуй. Мнѣ-то что?

— Ты чудакъ! Да гдѣ же взять мнѣ то, чего нѣтъ во мнѣ? Послѣ этого трусу ты пропишешь храбрость, лѣнтяю—трудолюбіе, больному—здоровье?

— А ты воспитай ее въ себѣ! На то въ тебѣ умъ и воля, чтобы взять себя въ руки и не давать развиваться природнымъ недостаткамъ. Трусъ! Да, если трусливый, но умный человѣкъ своей или чужой волей попадетъ на военную службу, я всегда посовѣтую ему работать надъ собой и развивать въ себѣ храбрость.

— Иной и разовьетъ ее, но это будетъ значить, что онъ съ ней и родился и не имѣлъ лишь случая проявить себя раньше. А изъ ничего—ничего и не выйдетъ. Трусъ настоящій никогда не выработаетъ изъ себя храбреца.

Константинъ Платоновичъ ничего не возразилъ ему на это.

— А почемъ ты знаешь, что твоя необузданность неисправима? вдругъ спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Потому что никакой силы воли—а во мнѣ ея много—не хватило бы мнѣ теперь, чтобы вникнуть, напр., въ дѣло и составить обвинительный актъ. Кстати, вотъ разсказъ, я слышалъ его отъ князя Александра Ивановича: онъ вѣдь, какъ ты знаешь, не изъ самыхъ передовыхъ и не особенно сочувствуетъ вашимъ новымъ судамъ. Ты слушай, тебѣ это полезно. Проживаетъ на Руси нѣкій коллежскій регистраторъ. Въ допотопныя еще времена служилъ онъ когда-то въ Сенатѣ, былъ оттуда выгнанъ за пьянство и съ тѣхъ поръ слоняется по лицу земли русской, питаясь, чѣмъ Богъ послалъ, на тѣ же самыя средства вѣчно пьяный, ночуя, когда подъ заборомъ, а когда и совсѣмъ на большой дорогѣ. Въ одинъ прекрасный день этотъ коллежскій регистраторъ, голодный и трезвый (ни поѣсть, ни выпить было рѣшительно не на что), проходя по селу, замѣтилъ висящій на заборѣ старый бабій сарафанъ, прельстился имъ, стянулъ и пропилъ его. На бѣду его, день былъ базарный, увидѣли добрые люди подвигъ коллежскаго регистратора,

изловили его благородіе, но не повѣсили, какъ совѣтовалъ поймавшій Гришку Отреньева приставъ и что было бы гораздо, пожалуй, цѣлесообразнѣе. Такъ какъ коллежскій регистраторъ—привиллегированное сословіе, то о покражѣ составили протоколъ, явилась баба, владѣтельница сарафана, и сама оцѣнила свою собственность въ 30 копѣекъ. Протоколъ препроводили къ слѣдователю. Слѣдователь, жившій за 50 верстъ оттуда, скачетъ на мѣсто преступленія, вызываетъ свидѣтелей, дѣлаетъ допросы, осмотры и пр. и затѣмъ торжественно постановляетъ о заключеніи коллежскаго регистратора въ тюрьму, дабы не уклонился онъ отъ суда и слѣдствія, что, какъ бродячій человѣкъ, и дѣйствительно, могъ сдѣлать очень легко. И вотъ начинается дѣло, прокуроръ составляетъ обвинительный актъ, Палата его разсматриваетъ, ѣдетъ Окружной Судъ, собираются гг. присяжные, тащатся изъ-за десятковъ верстъ свидѣтели, прокуроръ и адвокатъ расточаютъ перлы краснорѣчія и т. д., а пожалуй, можетъ вѣдь послѣдовать и кассаціонная жалоба... Князь разсказываетъ: „я говорю этому слѣдователю: да какъ вамъ не совѣстно? Ужъ если сама баба оцѣнила свой сарафанъ въ 30 копѣекъ, дали бы вы ей пятиалтынный да велѣли бы сотскому накласть хорошенько въ шею коллежскому регистратору—и дѣлу конецъ. Не лучше ли это, чѣмъ скакать взадъ и впередъ, писать ненужные протоколы, взваливать на казну безполезныя издержки, тревожить православныхъ и сажать въ тюрьму несчастнаго коллежскаго регистратора?“ А ты что скажешь, Костя? Не правда ли, если бы послушать князя, какой вышелъ бы тутъ роскошнѣйшій кассаціонный поводъ?

— Разумѣется, бываютъ и пустыя дѣла. Но вѣдь не всѣ же такія...

— Потому не всѣ, что сумма болѣе 30 копѣекъ, да развѣ потому еще, что тутъ сразу слишкомъ уже очевидна абсолютная невинность коллежскаго регистратора, которому только вѣдь и оставалось, что украсть сарафанъ или умереть съ голода, и нѣсколько совѣстно карать человѣка за нежеланіе умирать. Да развѣ я что говорю? Но если попадется такое дѣло? Въ обыкновенное время—ничего, расхохочешься только, а вотъ въ такомъ состояніи, какъ я

сейчасъ? Да я бы и дѣло это изорвалъ, и слѣдователя изругалъ, и коллежскаго регистратора избилъ, избилъ бы, пожалуй, и бабу, и поймавшихъ регистратора, да и самый сарафанъ изничтожилъ бы въ клочки.

— Ну и тоскуй на своей свободѣ! Желалъ бы я знать, что дала она тебѣ кромѣ этой возможности съ утра до ночи тосковать и сумасбродствовать безъ помѣхи?

— Много давала, Костя! И, какъ подумаешь, что вся жизнь поставлена кверху ногами изъ-за каприза хорошенькой дѣвчонки... Знаешь, даже обидно какъ-то... Неужто такъ хрупка была моя жизнь? А вѣдь я любилъ ее!

— Ты, кажется, совсѣмъ ужъ рехнулся! Теперь и вся жизнь кверху ногами?! Для приличія хоть бы съ мѣсяцъ погодилъ это говорить.

— А между тѣмъ, это совершенно вѣрно! Разумѣется, я не рыцарь Тогенбургъ и не пойду всю жизнь сидѣть подъ окнами княжны, но старое уже не вернется... Что придетъ ему на смѣну, да и придетъ ли что—этого я не знаю, но старое, то, чѣмъ я жилъ до сихъ поръ и что давало мнѣ жизнь и радости, оно умерло и уже не воскреснетъ.

— А между тѣмъ, не случилось ничего неожиданнаго: по всѣмъ даннымъ, княжна не могла быть твоей женой.

— Была бы, если бы любила.

— Наврядъ ли: ея бы не отдали за тебя, а похищенія теперь не въ модѣ.

— Лишь бы любила, а я бы зналъ ужъ, что дѣлать... Костя, а какъ я любилъ ее!.. Ну гдѣ этому идіоту хоть вполовину такъ ее любить?

— Ну, Саша, ну къ чему эти рѣзкости? Графъ, разумѣется, не выдающихся какихъ-нибудь способностей, этого я не стану говорить, но это воспитанный и честный человѣкъ, джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Вотъ развѣ, что джентльменъ... А выдаваться—гдѣ ужъ ему выдаваться? Я даже не знаю, возможно ли подобрать такую коллекцію человѣческихъ экземпляровъ, среди которыхъ графъ блисталъ бы хоть чѣмъ-нибудь, кромѣ красивой рожи, титула да мундира...

— А, ревнуешь!.. А кто говорилъ, что ревность—чувство безсмысленное и безцѣльное?

— Развѣ говорить правду—значитъ ревновать?

— Да вѣдь это, положимъ, правда, но правда все-таки преувеличенная!

— Для счастья княжны—отъ всего сердца желалъ бы я, чтобы ты былъ правъ! А для меня, право, все равно, за джентльмена или за генія выходитъ она. Легче отъ этого мнѣ уже не будетъ.

— Да, кстати, я хотѣлъ тебѣ сказать, да вѣдь ты, кто тебя знаетъ, какъ ты это примешь. Что ты все пристаешь къ ней, какъ, напр., третьяго дня на балу? Она говорила мнѣ и просила передать тебѣ, чтобы ты оставилъ ее въ покоѣ.

— Она говорила!.. поблѣднѣвъ, съ разстановкой произнесъ Алгасовъ. Такъ она думаетъ, что я еще буду искать ее видѣть? Да, это было необдуманно, глупо, но мнѣ слишкомъ уже было тяжело... Но больше этого не будетъ, она можетъ быть покойна, потому не будетъ, что теперь я совершенно уже отрѣшился отъ всякой мысли о ней. До сихъ поръ я все не могъ этого, все еще помнилось былое... Теперь все прошло. Дай Богъ ей счастья, дай Богъ всего хорошаго въ жизни, и повѣрь, Костя, никто искреннѣе меня не пожелаетъ ей счастья.

Онъ замолчалъ и сталъ глядѣть въ окно, на смѣнившую сумерки, ясную и мягкую весеннюю ночь.

Приближался день сватьбы княжны. Всѣ готовились къ этой сватьбѣ: Анна Григорьевна желала отпраздновать ее какъ можно торжественнѣе, и сотни приглашеній разсылались всѣмъ, которые были записаны у швейцара Анны Григорьевны, какъ ея знакомые. Вѣнчаніе назначено было въ одной изъ церквей во дворцѣ, откуда всѣ, и молодые, и гости, должны были ѣхать къ Аннѣ Григорьевнѣ, гдѣ предполагался обѣдъ и великолѣпный балъ.

Наканунѣ этого дня, встрѣтивъ у Вёдровыхъ Авринскаго, Алгасовъ спросилъ его:

— Николай Сергѣевичъ, вы, кажется, имѣете сношенія съ консерваторскимъ міромъ?

— Да, я тамъ знаю кое кого, самого даже Рубинштейна знаю. А что?

— Скажите пожалуйста, что это за Кадмина, которая дебютируетъ завтра?

— Да, можете себѣ представить, какая досада: не придется быть на ея дебютѣ!..

— А что?

— Это красивая и очень талантливая дѣвушка, отъ нея многаго ожидаютъ...

— Ну, я радъ, значитъ, партія Вани не будетъ завтра испорчена, а это моя любимая партія. Эйбоженко была недурна, но не замѣняла Оноре.

— А вы развѣ будете завтра въ театрѣ?

— Неужели же пропущу я дебютъ, да еще въ такой партіи, какъ Ваня?

— А сватьба? Развѣ вы не получили приглашенія?

— За кого же вы меня принимаете, чтобы я не получилъ приглашенія на балъ къ Бертово? Но я туда не поѣду.

— Послушайте, какъ-то неловко хотите вы это сдѣлать, особенно если вы еще въ театръ поѣдете... Выйдетъ, какъ будто нарочно это...

— Ничего не выйдетъ... У Елецкихъ и не вспомнятъ завтра обо мнѣ, а если, паче чаянія, и вспомнятъ, такъ не трудно будетъ имъ догадаться, почему я не пріѣхалъ... Удовольствія же предстоитъ мнѣ тамъ не особенно много...

— Право, какъ вы любите все на показъ выставлять! И что тутъ хорошаго? Мало развѣ и безъ того уже говорятъ о васъ въ Москвѣ?

— Что дѣлать, поговорятъ и перестанутъ. На сватьбу я ни въ какомъ бы случаѣ не поѣхалъ, а изъ-за того, что имъ вздумалось вѣнчать завтра княжну, не пропускать же мнѣ интереснаго спектакля...

— Я ужъ ничего и не говорю ему, развѣ онъ человѣкъ, развѣ онъ что понимаетъ? отозвался молчавшій дотолѣ Вёдровъ.

Алгасовъ улыбнулся и ничего ему не сказалъ на это.

— Пріѣзжайте разсказать, обратился онъ къ Авринскому, хороша ли была невѣста и вообще, что было на сватьбѣ...

— Конфетку даже привезу, если хотите!

— Пожалуйста!.. Я ее спрячу на память.

Съ утра еще началась у Елецкихъ суета. Княжну одѣ-

вали, ея вещи перевозили въ домъ Бертово, гдѣ молодые предполагали поселиться до своего отъѣзда за-границу. Среди этой суеты незамѣтно прошло утро—и вотъ стоитъ уже княжна въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ, молодая и прелестная, среди роскошно разодѣтой толпы, въ ярко освѣщенной церкви, возлѣ красавца-жениха. Безпечно, весело отвѣтила она на вопросъ священника, и все уже кончено: подъ руку съ мужемъ выходитъ она изъ церкви, и поздравленія, обѣдъ, роскошный балъ заканчиваютъ для нея этотъ день, полный веселья, шума и радости...

А Алгасовъ провелъ его дома, наединѣ съ печальными своими мыслями. Онъ мало думалъ о томъ, что происходитъ въ данную минуту въ церкви, но вообще, еще тоскливѣе было ему, чѣмъ всегда. Мучительно дѣйствовали на него все тѣ же думы, и некуда было уйти отъ нихъ, и силъ не было за что-нибудь взяться...

Насилу дождался онъ вечера и, какъ только стрѣлка часовъ приблизилась къ семи, пѣшкомъ отправился въ театръ.

Онъ вошелъ въ пустую почти залу и медленно шелъ между креслами, оглядываясь по сторонамъ. Кое съ кѣмъ поздоровавшись, сѣлъ онъ на свое мѣсто, и тутъ въ этой столь знакомой ему зрительной залѣ, снова тутъ охватило его гнетущее чувство пустоты всей окружающей, такъ безнадежно уже выдохшейся для него жизни, ужасное, отталкивающее, безотрадное чувство... Тѣ же кресла, тѣ же ложи, та же въ нихъ разряженная публика. Какъ, бывало, съ какимъ интересомъ оглядывалъ онъ всѣхъ, отъискивая знакомыхъ и любуясь незнакомыми красавицами, сколько провелъ онъ здѣсь чудныхъ, веселыхъ часовъ, сколько вечеровъ осталось у него въ памяти... Вотъ ложа, въ которой когда-то, въ самомъ еще началѣ ихъ знакомства, увидѣлъ онъ Нину Измайлову, и сколько чистой радости доставила ему тогда эта нечаянная встрѣча... Теперь Нина замужемъ, и Алгасовъ зналъ, что въ данную минуту она на балу у Бертово. Вотъ ложа, гдѣ тоже въ началѣ еще ихъ знакомства, до переѣзда ея на дачу, такой веселый вечеръ провелъ онъ возлѣ Вѣры Юрьевны. Какая хорошенькая и милая была она въ этотъ вечеръ, какъ оживлена, какъ съ нимъ кокетничала, какъ онъ любилъ ее, какъ глядѣлъ на нее, какъ

счастливъ былъ тогда!... Теперь Вѣра Юрьевна за-границей, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ все такая же хорошенькая и веселая, но, повидимому, близкая уже къ концу своей бурной и печальной жизни. Вотъ первая съ лѣвой стороны ложа бель-этажа, гдѣ полгода тому назадъ въ первый разъ увидѣлъ онъ княжну, сватьбу которой празднуютъ сегодня. И все это промелькнуло, какъ сонъ, и, какъ сонъ, исчезло изъ его жизни... Снова ждать все того же— и смысла нѣтъ, да и нельзя, прежней радости, прежняго восторга уже не ощутить ему послѣ всего имъ пережитаго, не вѣдать уже ему прежняго молодого счастья... И, какъ на бѣду, и пьеса шла въ этотъ вечеръ старая, уже знакомая Алгасову, *„Гувернеръ“* Дьяченко, какъ на бѣду и Акимова, которая иногда такъ художественно исполняла въ ней свою роль приживалки, была до-нельзя на этотъ разъ каррикатурна и пересаливала до невозможности, получая въ награду шумные апплодисменты райка. Не двигаясь и почти не глядя на сцену, просидѣлъ Алгасовъ все время, пока шла эта пьеса, и еще назойливѣе лѣзли ему въ голову неотвязныя думы.

Но вотъ заиграла знакомая и любимая, вѣчно-юная музыка. Поднялся занавѣсъ. На сценѣ уединенный монастырь въ лѣсу, среди сугробовъ снѣга.

Какъ только поднялся занавѣсъ, всѣ невольно направили бинокли налѣво, ожидая выхода дебютантки. Появилась Ваня-Кадмина; громкія рукоплесканія огласили залу, но смутившаяся, растерявшаяся дебютантка остановилась у рампы и сначала не могла пѣть отъ волненія: только съ третьяго стиха начала она свою знаменитую арію. Но потомъ она овладѣла собой и въ этой сценѣ съ такой поразительной правдой передала волненіе, страхъ и молитву красиваго мальчика, ея собственные страхъ и волненіе такъ помогали ей въ этомъ, что театръ задрожалъ отъ рукоплесканій и вызововъ, провожавшихъ удаляющійся хоръ. Кадмину вызывали безъ конца, ей поднесли роскошный букетъ изъ розъ и неловкіе, неумѣлые ея поклоны еще болѣе расположили къ ней публику.

Хорошо исполняла Кадмина роль Вани: кромѣ своей красоты и симпатичнаго своего голоса, она вносила еще

истину и жизнь въ эту фальшивую въ драматическомъ отношеніи роль. Замѣчательная драматическая актриса была въ ней видна въ каждой ея роли, но болѣе всего именно въ трудной роли Вани выказывала она всю силу своего генія. Но никогда уже потомъ не играла она такъ дивно-хорошо, такъ тепло и недосягаемо правдиво, какъ въ этотъ первый свой выходъ передъ публикой. Она мало думала объ игрѣ, не до игры было ей тутъ, и самъ собою, по вдохновенію создавался ею поэтическій образъ Вани. Ея страхъ и волненіе были въ этотъ вечеръ настоящіе, неподдѣльные; стихъ: „замерло сердце, ноги дрожатъ!“ она произнесла дѣйствительно дрожащая, съ замершимъ отъ волненія сердцемъ, вся припавъ къ стѣнѣ монастыря. Потомъ всегда играла она это мѣсто точно такъ же, но такой полной, чарующей правды мы уже болѣе не видали...

Къ концу сцены, послѣ выхода хора, Кадмина нѣсколько оправилась; полная жизни, юношеской живости и беззавѣтной любви къ Сусанину, игра ея была поразительна, и заключительные стихи: „я, какъ Божій посолъ...“ она исполнила необыкновенно красиво и мягко. Всѣ тонкія, неуловимыя мелочи въ исполненіи этой части сцены, гордость при имени Сусанина, негодованіе, когда Сусанина посмѣли заподозрить въ измѣнѣ, и потомъ переходъ отъ страха къ надеждѣ и торжеству—и это никогда уже не выходило у нея такъ просто, такъ искренно и безупречно-правдиво, какъ въ этотъ вечеръ. Ея дебютъ, въ нѣкоторомъ родѣ это былъ единственный, уже не повторившійся болѣе спектакль.

Ея красота, ея игра—и то, и другое одинаково поразило Алгасова. На минуту онъ все забылъ, не спуская бинокля съ пѣвицы, любуясь ею и въ то же время съ наслажденіемъ, какъ любитель и знатокъ, слѣдя за каждой мелочью ея игры, за интонаціей каждаго слова, за каждымъ ея движеніемъ. И долго послѣ того, какъ въ послѣдній разъ послѣ безчисленныхъ вызововъ опустился занавѣсъ, долго еще сидѣлъ Алгасовъ, полный восторга, весь отдавшись одному впечатлѣнію...

Когда же онъ очнулся при звукахъ оркестра, игравшаго увертюру передъ послѣднимъ водевилемъ [3]), еще тоск-

ливѣе стало на душѣ у него и онъ поспѣшилъ уйти, чтобы не видѣть водевиля и нетронутымъ вынести изъ театра полученное имъ цѣльное художественное впечатлѣніе.

Ночь была тихая, теплая и свѣтлая, чудная лунная ночь. Алгасову не хотѣлось домой, и безцѣльно пошелъ онъ бродить по улицамъ, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ дивной игры, которая одна, пожалуй, и была еще способна отвлечь его отъ безотвязныхъ его думъ.

Долго ходилъ онъ такимъ образомъ и случайно очутился недалеко отъ дома Бертово. Алгасовъ не устоялъ и пошелъ взглянуть на него.

Вся улица передъ домомъ была уставлена экипажами. Онъ весь былъ ярко освѣщенъ, въ окнахъ его мелькали силуэты гостей и далеко вокругъ разносились веселые звуки бальной музыки. Грустно стало Алгасову. Тяжело вздохнулъ онъ и пошелъ домой.

На другой день всѣ восторженно описывали ему блестящую свадьбу и поразительную красоту княжны въ подвѣнечномъ платьѣ. Ее называли уже графиней. Сразу Алгасовъ не понялъ, о комъ это говорятъ, о какой графинѣ?

Итакъ, нѣтъ уже болѣе его княжны. Когда въ первый разъ назвали ее при немъ графиней—какъ будто оторвалось что-то отъ его сердца, какъ будто снова и окончательно уже лишился онъ ея...

Это было у Вёдровыхъ. Онъ поспѣшилъ уйти къ себѣ.

Черезъ нѣсколько дней молодые пріѣхали къ Вёдровымъ съ визитомъ. Надежда Семеновна послала сказать объ этомъ брату, но онъ не пошелъ къ ней.

Вскорѣ послѣ этого графъ и графиня уѣхали за-границу.

Одиннадцатаго мая, въ бенефисъ В. И. Живокини, былъ третій дебютъ Кадминой, и Алгасовъ, разумѣется, пошелъ въ театръ.

Второй дебютъ онъ пропустилъ: она пѣла въ одной сценѣ изъ *Трубадура*, а Алгасовъ не любилъ этой оперы, но тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ *Снѣгурочки* [4]).

И ожиданія его оправдались. Помимо Кадминой, помимо общей блестящей игры всѣхъ актеровъ, сильно тронулъ его веселый, весь пропитанный юностью, весной и весенней

страстной любовью сюжетъ этой пьесы, такой необыденной и красивой. Публикѣ, впрочемъ, она тогда не понравилась, ее нашли какой-то странной и даже нелѣпой, и вскорѣ ее перестали давать.

Но тѣмъ не менѣе, какъ нельзя лучше, удался послѣдній бенефисъ Живокини. Өедотова, Ермолова, Никулина, Самаринъ—всѣ они играли превосходно, а самъ бенефиціантъ въ роли боярина Бермяты былъ рѣшительно неподражаемъ; это была даже не обычная его, столь прославленная имъ, единственная въ своемъ родѣ игра—это было художественное созданіе типа, подобное которому въ репертуарѣ Живокини можно только указать его исполненіе ролей Груміо, Загорѣцкаго и Кочкарева.

Но всѣхъ красивѣе, всѣхъ лучше и по игрѣ, и по характеру граціозной своей роли была сама дебютантка. Съ волненіемъ, какъ за собственными, весь вечеръ слѣдилъ Алгасовъ за увлеченіями хорошенькаго Леля, не спуская съ него глазъ, съ замирающимъ сердцемъ выслушивая то грустные, то безпечно-веселые его напѣвы, одинаково любуясь и полной простоты и правды игрой дебютантки, и ея ролью, и ею самой, и общимъ великолѣпнымъ ensemble'емъ.

Снова всего захватило его то же цѣлостное художественное впечатлѣніе, еще усиленное красотой и голосомъ Кадминой и радостнымъ, свѣтлымъ характеромъ самой пьесы. Болѣе чѣмъ когда-либо дорожилъ теперь Алгасовъ подобными впечатлѣніями: они лишь и давали еще ему минуты восторга и забвенія.

Е. П. Кадмина была высокая, красивая брюнетка, смуглая, съ чуднымъ цвѣтомъ лица, съ большими и прекрасными черными глазами, нѣсколько суровыми—и суровость эта была единственнымъ въ ней недостаткомъ, если была недостаткомъ... Но на сценѣ и онъ пропадалъ, и красивые, выразительные глаза молодой дѣвушки казались со сцены еще болѣе прекрасными.

Ни одного представленія *Снѣгурочки*, пока не закрылись театры, не пропустилъ Алгасовъ, и каждый разъ съ одинаковымъ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ ее, болѣе близкое знакомство съ пьесой и съ игрой нисколько не ослабило перваго впечатлѣнія. И это были единственныя отрадныя

его минуты, а вообще тоскливо жилось ему въ пустѣющей Москвѣ. Ни за какое дѣло не хотѣлось приниматься, ничто не забавляло и не звало къ себѣ, ничто не служило противовѣсомъ его тоскѣ, не тѣшила его и нарядная весна, и только письма къ Костыгину—они лишь и облегчали его немного. Въ нихъ изливалъ онъ свою грусть и какъ бы отдыхалъ, описывая другу тяжелое свое состояніе.

Глубоко трогало его участье Костыгина и онъ былъ ему безконечно за него благодаренъ. Зная, какъ дорожитъ Алгасовъ его обществомъ и по возможности желая облегчить ему первое и самое тяжелое время, Костыгинъ, ради друга, отказался даже отъ поѣздки въ Швейцарію и Германію, гдѣ онъ хотѣлъ побывать до возвращенія въ Россію.

Онъ написалъ Алгасову, что изъ Парижа, куда онъ долженъ былъ ѣхать изъ Ліона, онъ заѣдетъ лишь въ Вѣну на выставку, и онъ обѣщалъ по возможности сократить свое пребываніе въ Парижѣ и Вѣнѣ.

Съ нетерпѣніемъ сталъ его ждать Алгасовъ.

XXX.

Еще около новаго года покончилъ Сергѣй Игнатьевичъ свои занятія на фабрикѣ Нери и ждалъ только денегъ, чтобы навсегда уже разстаться съ этой фабрикой.

Два съ половиной года провелъ онъ на ней, болѣе, чѣмъ онъ и Почаевъ предполагали сначала. Костыгинъ свыкся съ ней и весело жилось ему тамъ. Давно уже забылась тоска перваго времени, давно уже освоился онъ съ новой жизнью и новой страной и онъ узналъ и полюбилъ Италію, насколько вообще возможно было ему полюбить чужую страну.

Почаевъ былъ доволенъ его занятіями, и дѣйствительно, добросовѣстно и поляно разрабатывалъ Костыгинъ данную ему программу; основательно, во всѣхъ ея частяхъ и подробностяхъ изучивъ техническую сторону дѣла, въ то же время онъ всесторонне былъ знакомъ при отъѣздѣ съ положеніемъ шелковой промышленности въ Европѣ вообще и въ Сѣверной Италіи въ частности—и строго обдумалъ, что изъ видѣннаго имъ примѣнимо въ Россіи, что должно измѣнить

и какъ, и что создать новаго. Въ общемъ онъ уже намѣтилъ планы своихъ будущихъ занятій, и Почаеву нравились его смѣлые проэкты.

Попрежнему, той же теплой и тихой любовью любилъ Костыгинъ свою Лизу. И онъ, и Лиза, оба легко переносили разлуку, терпѣливо дожидаясь свиданія, ибо одинаково сознавали они оба необходимость разлуки и оба вѣрили и другъ другу, и въ себя и свои силы. Бояться разлуки было имъ нечего: идеалъ жены воплощался для Костыгина въ Лизѣ, въ Костыгинѣ она видѣла идеалъ мужа, и они знали это, зная другъ друга. Одинаково смотрѣли они на жизнь и смѣло, безъ колебаній и сомнѣній, зная, что одно только счастье ждетъ ихъ впереди, подали они другъ другу руки, чтобы рука объ руку идти въ жизни, дружно дѣля всѣ ея радости и напасти. Оба не были способны къ увлеченіямъ, оба не знали, что такое слѣпая, не разсуждающая страсть.

Они часто переписывались, и письма ихъ—это были спокойныя, теплыя письма, полныя дружбы и любви, дышавшія твердой вѣрой въ будущее: заботы о будущемъ ихъ устройствѣ занимали порядочное мѣсто въ письмахъ и того, и другой.

Понятно, что при этихъ условіяхъ жизнь Костыгина въ Италіи могла быть и дѣйствительно была покойна и счастлива: ничто не мѣшало ему брать отъ нея все хорошее, что она ему предлагала. Разумное дѣло, молодость, здоровье, любовь, обезпеченная, извѣстная будущность, чистое и ясное прошлое—всѣ элементы счастья были у него на лицо.

Но какъ ни привыкъ онъ къ этой жизни, какъ ни полюбилъ своихъ новыхъ итальянскихъ друзей, а все-таки радостно забилось его сердце, когда пребываніе его въ Миланѣ стало приближаться къ концу и съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ денегъ на дальнѣйшую поѣздку. Деньги эти пришли наконецъ въ половинѣ января. Почаевъ самъ написалъ ему при этомъ очень лестное письмо, въ которомъ выражалъ свое полное удовольствіе его занятіями и успѣхами и къ деньгамъ на предстоящую поѣздку прилагалъ еще 1000 франковъ отъ себя, совѣтуя Костыгину употребить ихъ на путешествіе по Италіи.

Костыгинъ и самъ уже мечталъ объ этомъ и даже скопилъ на это нѣсколько денегъ; теперь онъ окончательно рѣшилъ побывать во Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ и, радостный и счастливый, въ самомъ началѣ итальянской весны, въ концѣ января, покинулъ Миланъ.

Онъ нигдѣ не заживался, но и не особенно торопился, основательно знакомясь съ городами, которые онъ посѣщалъ съ ихъ памятниками и окрестностями. Одинаково смотрѣлъ онъ и соборы, и музеи, и развалины, все это занимало его, но болѣе всего его трогали картины южной природы и чудные итальянскіе виды, на которые онъ подолгу любовался. Вообще же Италія не произвела на его трезвую душу особенно восторженнаго впечатлѣнія, хотя узналъ онъ ее хорошо и никогда уже потомъ не забывалъ.

Вотъ, напр., что писалъ онъ Алгасову изъ Рима:

„Что мнѣ особенно нравится въ Римѣ—это его собственная яркая физіономія. Въ немъ не найдешь прямыхъ, широкихъ улицъ, обставленныхъ дворцами, архитектурныя прелести которыхъ сплошь закрыты вывѣсками магазиновъ. Римъ—не Вѣна. Можетъ-быть, вѣнскія улицы и красивы, и даже идеальны съ точки зрѣнія городского благочинія, но право, мнѣ болѣе по душѣ кривыя, узкія и грязныя улицы Рима, гдѣ люди, лошади, ослы—все мѣшается въ одну кучу: за этими улицами чуется вѣковое прошлое... Я еще мало здѣсь видѣлъ, но былъ уже на древнемъ форумѣ и невольно заглядѣлся на его изящныя развалины. Право, если бы античныя зданія дошли до насъ даже неповрежденными, и тогда, мнѣ кажется, не производили бы они такого сильнаго впечатлѣнія. Какъ-то больше ихъ любишь, видя ихъ въ развалинахъ. Былъ я и въ Колизеѣ. Это грандіозная развалина, гордо все подавляющая вокругъ себя. Въ грандіозности ея главная красота. Соборъ Петра тоже необыкновенно величественъ. Я не съумѣю описать этого чуднаго зданія, да къ тому же я видѣлъ его сегодня лишь мелькомъ, но красота и гармонія всѣхъ его частей подѣйствовала и на мою даже непоэтическую душу. Вечеромъ я былъ на Монте-Пинчіо. Это роскошный садъ съ почти тропической растительностью, здѣшнее общественное гулянье, но что составляетъ его главную прелесть—это видъ съ пе-

редней террасы. У ногъ ея лежитъ piazza dei Popoli, площадь, съ которой по какой-то необыкновенно-симпатичной красотѣ я могу сравнить только площадь св. Марка въ Венеціи. За piazza dei Popoli тянется необъятная панорама Рима, на которую, право, трудно насмотрѣться, такъ она величава и хороша. Этотъ видъ—это лучшее изо всего, что я видѣлъ до сихъ поръ въ Римѣ. Завтра еще пойду въ соборъ св. Петра и въ Ватиканъ, потомъ до вечера буду гулять по Риму, а вечеромъ отправлюсь на виллу Боргезе. Въ недѣлю думаю увидѣть все, что есть въ Римѣ самаго замѣчательнаго, потомъ не надолго въ Неаполь и домой, какъ можно скорѣе домой, ты не повѣришь, какъ мнѣ хочется къ вамъ! Кстати, анекдотъ, который я слышалъ сегодня отъ одного русскаго, моего сосѣда по table d'hôte'у: жилъ въ Римѣ художникъ, русскій. Пріѣзжаетъ къ нему другой русскій, путешественникъ, и, какъ къ знакомому съ Римомъ лицу, обращается къ нему съ вопросомъ: „скажите пожалуйста, сколько времени придется мнѣ пробыть въ Римѣ? Мнѣ хотѣлось бы видѣть все самое здѣсь замѣчательное, а вы знаете, время мнѣ дорого и я очень спѣшу!“—„Если вы очень уже торопитесь,“ пресерьезно отвѣтилъ ему художникъ, „то два года: за это время, при усердіи, вы успѣете, я думаю, осмотрѣть все самое по крайней мѣрѣ главное.“ Слышишь? А я хочу въ недѣлю обмахать весь Римъ, да вѣдь я изъ тѣхъ, которые смотрятъ только то, что у Бедекера обозначено двумя звѣздочками. Прощай, до завтра.“

Вернувшись изъ Неаполя въ Геную и покончивъ тамъ съ своими занятіями, Костыгинъ поѣхалъ въ Туринъ и затѣмъ черезъ Ниццу отправился въ Ліонъ. Въ Ниццѣ онъ остановился, но скучная Ницца съ чахоточными своими пальмами не отняла у него много времени; онъ вскорѣ же переселился въ Монако и съ удовольствіемъ провелъ тамъ нѣсколько дней. Тутъ все нравилось ему: и дивная мѣстность, и волшебные сады Монте-Карло, и море, и блестящая толпа вокругъ рулетки. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ въ залахъ казино, вглядываясь въ эту толпу и въ ея волненія; онъ и самъ пробовалъ играть, но проигралъ 300 франковъ и бросилъ. Къ тому же болѣе всякой игры привлекали его тогда еще незастроенныя, украшенныя паль-

мами, покрытыя оливковыми рощами и апельсинными садами окрестности Монте-Карло, и много ходилъ онъ, то по берегу моря, то по горамъ, по дорогамъ, по знаменитой route de la Corniche, даже въ Ментону и въ оригинальный старинный Рокбрюнъ, живописно усѣвшійся на горной кручѣ, среди огромныхъ скалъ, и такъ съ ними перемѣшанный, что издали не сразу даже отличишь какой-нибудь обросшій отъ времени мохомъ каменный сѣрый домъ отъ торчащей съ нимъ рядомъ скалы. Костыгинъ обошелъ всѣ узкіе и, какъ лѣстница, крутые переулки этого типичнаго итальянскаго городка и долго вверхъ и внизъ ходилъ онъ по нимъ, прощаясь тутъ съ Италіей, быть-можетъ, и навѣки...

Но какъ ни полюбилось ему Монако, а пора было ѣхать. Наканунѣ отъѣзда онъ всталъ пораньше и тотчасъ же пошелъ гулять, чтобы успѣть обойти всѣ любимыя свои мѣста въ окрестностяхъ Монте-Карло и вдоволь въ послѣдній разъ насмотрѣться на чудные эти виды. Сходилъ онъ между прочимъ и въ городъ, въ княжескій дворецъ, гдѣ ему нравился густой и тѣнистый садъ съ видомъ на морской берегъ и на дикія, пустынныя его скалы.

Вернувшись въ Монте-Карло, онъ позавтракалъ и пошелъ въ казино; раздобывъ себѣ кучу пятифранковыхъ монетъ, онъ присѣлъ къ столу, поиграть на прощанье. Ему повезло, и скоро онъ выигралъ около 100 франковъ. Это совершенно удовлетворило его и, походивъ еще по заламъ и по саду, полюбовавшись видомъ и моремъ, посмотрѣвъ на пеструю толпу играющихъ и прочитавъ «Московскія Вѣдомости», онъ отправился обѣдать, а послѣ обѣда снова пошелъ гулять, на этотъ разъ выбравъ route de la Corniche въ сторону Ниццы.

Онъ былъ довольно уже далеко отъ Монте-Карло, когда увидѣлъ мчавшуюся ему навстрѣчу кавалькаду. Костыгинъ сошелъ съ дороги и остановился, чтобы дать всадникамъ проѣхать.

Быстрымъ галопомъ неслась кавалькада. Хохотъ и громкіе разговоры показывали веселое настроеніе всѣхъ ѣхавшихъ. Впереди скакалъ всадникъ съ типичной англійской физіономіей; рядомъ съ нимъ ѣхала среднихъ лѣтъ, некрасивая и плоская, какъ доска, англичанка. Ловкій всадникъ

слѣдовалъ за ними, молодой и красивый. Потомъ ѣхали двѣ молодыя дамы. Одна изъ нихъ, обернувшись, что-то говорила подъѣхавшему къ ней кавалеру, а вдали скакалъ еще всадникъ, отставшій отъ кавалькады и теперь ее догонявшій.

Въ то время, какъ вся эта кавалькада быстро проносилась мимо Костыгина, одна изъ дамъ взглянула на него, потомъ снова оглянулась, остановила лошадь и, сказавъ своему спутнику:

— Allez toujours, je reste ici, рѣшительно подъѣхала къ Костыгину.

— Здравствуйте, Сергѣй Игнатьевичъ, вы не узнаете меня? къ нему обратилась она, протягивая ему маленькую свою ручку.

Не ожидая тутъ встрѣтить никакихъ знакомыхъ, Костыгинъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее и не сразу узналъ въ ней Вѣру Юрьевну.

Румяная, еще болѣе разгоряченная быстрой ѣздой, въ красивой амазонкѣ, она была мила и хороша, попрежнему веселая и живая, и такъ привѣтливо глядѣли на него обрадованные ея глазки...

— Вѣра Юрьевна! воскликнулъ онъ.

— Такъ вы помните меня? радостно сказала она. Какъ вы попали сюда? Откуда вы?

И онъ еле успѣвалъ отвѣчать на живые, быстро сыпавшіеся ея вопросы.

— Знаете, здѣсь неудобно говорить, сказала наконецъ Вѣра Юрьевна, а мнѣ обо многомъ хочется разспросить васъ. Идите въ Монте-Карло, вы найдете меня въ казино, и тамъ мы наговоримся вволю. А пока, до свиданія!

И, ударивъ лошадь, галопомъ помчалась она по дорогѣ.

Костыгинъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и повернулъ назадъ, думая о неожиданной этой встрѣчѣ. Изъ писемъ Алгасова онъ зналъ уже о концѣ его любви къ Вѣрѣ Юрьевнѣ.

Когда Костыгинъ вошелъ въ казино, все общество уже сидѣло у одного изъ столовъ. Дамы переодѣлись и были теперь въ роскошныхъ туалетахъ. Костыгинъ подошелъ къ Вѣрѣ Юрьевнѣ.

— Здравствуйте, встрѣтила она его. А я все проигрываю! Завтра опять придется мужу телеграфировать...

— А вы любите играть?

— Да, но очень несчастно. Скажите, куда мнѣ поставить?

— Право, я не знаю...

— Все равно, говорите какое-нибудь число, первое, какое придетъ на умъ, скорѣе только...

— Да ужъ не знаю, что бы вамъ сказать...

— Э, скорѣе говорите, скорѣе, ну же...

— Ну, 24.

— Хорошо, поставимъ вмѣстѣ на 24, съ волненіемъ говорила Вѣра Юрьевна, торопливо хватая горсть золота.

Костыгинъ посовѣстился ей отказать или рядомъ съ ея кучей золота поставить скромную 5-франковую монету. Съ сожалѣніемъ вынулъ онъ золотой и положилъ его, говоря:

— Я вѣдь не игрокъ, Вѣра Юрьевна...

Но Вѣра Юрьевна ничего ему не отвѣтила: жадно слѣдила она за катившимся шарикомъ.

— Vingt-quatre! возгласилъ крупье.

Вѣра Юрьевна откинулась на спинку и восторженно, радостно вздохнула. И только когда подали ей нѣсколько билетовъ и свертковъ съ золотомъ, тутъ лишь опомнилась она и съ торжествующей улыбкой взглянула на присутствующихъ. Всѣ стали ее поздравлять.

Костыгинъ взялъ свои 36 золотыхъ. Онъ былъ очень радъ этому неожиданному выигрышу.—„Неужели она еще заставитъ меня играть?“ подумалъ онъ.

Близко наклонившись къ ней, съ ней говорилъ красивый молодой англичанинъ. Вѣра Юрьевна сидѣла, машинально перебирая лежавшія передъ ней золотыя монеты; она улыбнулась на слова англичанина и сказала по-французски:

— Сегодня я хочу вернуться съ выигрышемъ и больше не буду играть. Спрячьте мои деньги, обратилась она къ англичанину и встала.

Англичанинъ собралъ билеты и золото, счелъ ихъ и положилъ въ карманъ.

— Пойдемте въ садъ, обратилась между тѣмъ Вѣра

Юрьевна къ Костыгину и, взявъ его подъ руку, вышла съ нимъ изъ залы.

— Какъ это не встрѣчались мы до сихъ поръ? спросилъ Костыгинъ, когда они спускались по дорожкамъ сада.

— Я живу около Ниццы, отвѣтила Вѣра Юрьевна. Сегодня намъ вздумалось прокатиться и мы верхомъ отправились въ Монте-Карло. Мы славно проѣхались, а больше всего я рада, что васъ встрѣтила. Вы когда ѣдете?

— Завтра...

— Такъ скоро!.. печально воскликнула она. Но посмотрите, какъ здѣсь хорошо!.. восторженно вдругъ перемѣнила она разговоръ.

Они были на нижней террасѣ сада. Солнце уже скрылось за горами, еле уже виднѣлись, окутанные туманомъ, далекіе итальянскіе горы и берега и темнѣть начала морская даль, но тѣмъ красивѣе выступали въ мягкомъ свѣтѣ догорающаго дня столпившіяся надъ моремъ чудно-живописныя ближнія горы, плескавшіяся у ихъ подножья все еще синія волны и тихо на нихъ покачивавшіеся бѣлые паруса рыбачьихъ лодокъ. Все темнѣе и темнѣе, чѣмъ далѣе отъ берега, становились эти волны, мѣстами лишь слабо озаренныя отблескомъ заката—и, какъ огнемъ, вдругъ вспыхивалъ, попадая подъ его лучи, какой-нибудь парусъ, чтобы тотчасъ же потухнуть и исчезнуть во меракѣ...

Невольно оба остановились они передъ этой картиной и долго молча глядѣли на темнѣющую даль.

— Каждый день смотрю я на все это, тихо произнесъ наконецъ Костыгинъ, и все не могу насмотрѣться...

— Да, смотрите! Въ Москвѣ уже не увидите этого. А вѣдь пожалѣете, да? оборачиваясь къ нему, спросила она.

— Какъ вамъ сказать?.. Нѣтъ. Это все хорошо, но посмотрѣлъ на это—и будетъ, а тамъ ждетъ меня то, что дороже всякихъ заграничныхъ чудесъ: родная жизнь.

— Да, счастливый вы человѣкъ, ѣдете въ Москву, къ невѣстѣ, къ Сашѣ... Я завидую вамъ, тихо кончила она, усаживаясь на скамейку.

— Такъ зачѣмъ же вы здѣсь?.. спросилъ Костыгинъ и, спохватившись, что этого не слѣдовало спрашивать, смѣшался и покраснѣлъ.

— Я? Что мнѣ Москва? Воспоминаніе!.. Только дѣтей жаль, но въ Москвѣ я проживу еще вѣдь меньше, чѣмъ здѣсь.

— А какъ ваше здоровье?

— Что Саша? не отвѣчая на его вопросъ и вся повернувшись къ нему, вдругъ сказала она, печальная и блѣдная и еще болѣе милая въ полусумракѣ вечера.

И безпрестанно вспоминая прошлое и всѣ подробности того счастливаго времени, разсказывая ихъ Костыгину, жадно спѣша скорѣе все узнать и все вспомнить, переходя съ одного на другое, сбиваясь и путаясь въ своихъ вопросахъ, разспрашивала она его про Алгасова—что съ нимъ, счастливъ ли онъ, любитъ ли кого, искренно прося ничего не скрывать отъ нея и говорить ей все, всю правду.

— Говорите, все говорите, все равно, меня вѣдь онъ ужъ не любитъ, то и дѣло съ грустью повторяла она, и слушала, слушала, вся устремившись къ Костыгину, всѣмъ сердцемъ мучительно-страстно переживая все слышанное. Долго такъ говорили они. Наконецъ Вѣра Юрьевна замолчала, задумчиво глядя на море, еле уже видное во мракѣ быстро наступавшей ночи.

— Ну, а вы какъ, Вѣра Юрьевна, спросилъ Костыгинъ. Какъ ваше здоровье?

— Я ничего, стараясь успокоиться, отвѣтила она. Здоровье мое плохо, только и живу, что воздухомъ этимъ, но и онъ не поправляетъ меня... А впрочемъ, я рада, что я здѣсь. Видите, какъ я живу—весело, хохочу, играю, катаюсь... Въ Москвѣ я уже не могла такъ жить и думала, что все уже кончено для меня. Тамъ преслѣдовали меня воспоминанія, тамъ все напоминало мнѣ время моего счастья и не давало веселиться. Здѣсь все другое, другая жизнь, другіе люди, здѣсь шире живется—ну и ко мнѣ вернулись моя молодость и прежнее мое веселье. Впрочемъ, нѣтъ, это уже не то, не прежнее, полное жизни беззаботное веселье, но все-таки живешь, хоть минутами, да бываетъ иногда весело, а въ Москвѣ и этого не было и не могло бы уже быть. Вотъ почему и тяну еще я свою здѣшнюю жизнь, не найди я этого въ Ниццѣ, давно бы уже была я въ Москвѣ. Ахъ, хоть пожить ужъ по крайней мѣрѣ, какъ слѣдуетъ, послѣдніе деньки!..

И она замолчала, судорожно сжавъ руки и опустивъ голову. Костыгинъ съ грустью глядѣлъ на нее.

— Только дѣтей жаль, снова заговорила она. Да я увижу ихъ, продолжала она, лѣтомъ мужъ опять привезетъ ихъ ко мнѣ въ Швейцарію, а потомъ, здѣсь вѣдь я не умру. Чуть мнѣ хуже станетъ—я сейчасъ же домой, и я не пропущу этого, мнѣ обманывать себя нечего, свое положеніе я знаю хорошо и слѣжу за нимъ.

Тутъ къ нимъ подошелъ англичанинъ.

— Madame, началъ онъ, il vous faut rentrer, il fait trop froid...

Вѣра Юрьевна съ неудовольствіемъ къ нему обернулась.

— Laissez-moi tranquille, сердито сказала она, j'ai besoin de parler avec monsieur.

— Mais j'espère que monsieur ne refusera pas de vous suivre au casino ou à l'hôtel? возразилъ англичанинъ. Il est déjà trop tard pour revenir à Nice, et la comtesse et lady Berford ont décidé de passer la nuit ici.

— Ecoute, Alfred, laisse-moi tranquille, съ прежнимъ сердцемъ продолжала Вѣра Юрьевна. Je veux rester ici. Va jouer, ne m'ennuie pas...

— Mais votre santé...

— Cela ne te regarde pas. Je t'ai dit, va-t'en!

Англичанинъ посмотрѣлъ на нее, потомъ на Костыгина, пожалъ плечами и отошелъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Вѣра Юрьевна, началъ Костыгинъ, вѣдь очень свѣжо, а вы такъ легко одѣты...

— Ахъ, оставьте, съ досадой произнесла она. Здѣсь такъ хорошо! Что за ночь! Что за воздухъ!.. А не все ли равно, годомъ больше или меньше проживу я? Молодость проходитъ—пора умирать. Да, пора, тихо продолжала она, помолчавъ.

И долго еще оставались они въ саду, то разговаривая о прошломъ, то дѣлясь заграничными впечатлѣніями. Вѣра Юрьевна разспрашивала Костыгина о его невѣстѣ, о планахъ на будущее и безпрестанно все возвращалась къ Алгасову, видимо желая наговориться о немъ.

— Не съ кѣмъ и поговорить о немъ, жаловалась она. Въ началѣ зимы былъ здѣсь одинъ баринъ изъ Москвы, онъ

его зналъ немного, но очень мало, какіе-то общіе знакомые у нихъ есть...

Было уже поздно, когда Костыгинъ простился съ нею у подъѣзда hôtel de Paris.

На другой день еще разъ увидѣлъ онъ Вѣру Юрьевну. Она была весела, хороша, молода, оживленно болтала съ окружающими и, смѣясь, съ излишкомъ уже спустила всѣ выигранныя наканунѣ деньги.

Послѣ обѣда кавалькада вернулась въ Ниццу. Костыгинъ поѣхалъ въ Ліонъ.

Уже изъ Ліона, гдѣ ему приходилось пробыть довольно долго, написалъ онъ Алгасову:

„Видно, уже судьба мнѣ, другъ мой Саша, сообщать тебѣ изъ за-границы развязки твоихъ романовъ. На дняхъ я встрѣтилъ въ Монако Вѣру Юрьевну, и весь вечеръ проговорили мы съ ней о тебѣ. Она еще не забыла тебя и, насколько я могу судить—врядъ ли разлюбила. Она все такъ же мила. Когда я встрѣтилъ ее, она ѣхала верхомъ въ компаніи какихъ-то англичанъ и однимъ изъ нихъ, довольно красивымъ молодымъ человѣкомъ, она, кажется, сильно заинтересована. Она попрежнему весела и оживлена, по ея словамъ, другая обстановка, другіе люди и жизнь—вотъ что вернуло ей молодость и способность веселиться. Но я боюсь, что веселье это—это лишь маска, лихорадочная, болѣзненная какая-то жажда забвенія... Мнѣ кажется, она глубоко несчастна, и въ этомъ весельи, въ пикникахъ, въ игрѣ, въ увлеченіяхъ спасается она отъ самой себя. Здоровье ея плохо, она не долго проживетъ и она это знаетъ, готовится къ этому и, какъ видно, мало этимъ интересуется. Вотъ тебѣ отчетъ. Выводы дѣлай, какіе хочешь.“

Письмо это Алгасовъ получилъ незадолго передъ тѣмъ, какъ онъ узналъ отъ Авринскаго о помолвкѣ княжны, и потому некогда было ему раздумывать о судьбѣ Вѣры Юрьевны.

По горло занятый въ Ліонѣ, Костыгинъ и вниманія сначала не обратилъ, что Алгасовъ ничего не отвѣчаетъ ему. Наконецъ, когда окончательно выяснилось, сколько времени придется ему пробыть въ Ліонѣ, онъ снова написалъ Алгасову, спрашивая о причинѣ молчанія и извѣщая о себѣ, что изъ Ліона онъ поѣдетъ въ Парижъ, гдѣ пробудетъ двѣ

или три недѣли и этимъ закончить возложенное на него Почаевымъ порученіе. Затѣмъ онъ собирался спуститься внизъ по Рейну, побывать въ Швейцаріи, взглянуть на Германію, осмотрѣть по дорогѣ Вѣнскую выставку и къ началу августа обѣщался быть въ Москвѣ.

Но тутъ онъ получилъ самое отчаянное письмо, въ которомъ Алгасовъ изливалъ ему свое горе и описывалъ тяжелое свое состояніе.

Зная впечатлительность и живость своего друга, Костыгинъ былъ увѣренъ, что Алгасовъ самъ преувеличиваетъ свое горе, и что событія и встрѣчи жизни не замедлятъ сгладить первое впечатлѣніе, а можетъ-быть и совсѣмъ даже помогутъ ему забыть его несчастную любовь. Въ этомъ духѣ и написалъ онъ Алгасову, прибавляя, что, полюбивъ уже княжну по его разсказамъ, тѣмъ живѣе сочувствуетъ онъ его горю, хотя и не вѣритъ въ его долговѣчность.

Въ отвѣтъ пришло длинное письмо; видно было, что Алгасовъ написалъ его не въ первомъ уже порывѣ отчаянія, а въ иную, болѣе спокойную минуту, когда онъ вполнѣ могъ сознавать, что онъ пишетъ. Между прочимъ, въ томъ же письмѣ былъ и восторженный отзывъ о новой пѣвицѣ и яркій, обстоятельный отчетъ о ея первомъ дебютѣ—все это показывало, что Алгасовъ болѣе или менѣе пришелъ уже въ себя.

Костыгинъ еще разъ перечелъ письмо. Это было грустное, безнадежное посланіе. Подробно описывалъ Алгасовъ свое положеніе и то чувство безотрадной пустоты, которое охватило его.

„Теперь я уже не въ отчаяніи,“ писалъ онъ между прочимъ. „Я живу и веселюсь, какъ подобаетъ порядочному человѣку, ѣзжу въ гости, дѣлаю визиты, танцую, бываю въ театрѣ, смѣюсь—видишь, это не признаки отчаянія. Но теперь это уже не жизнь для меня, а лишь внѣшняя форма, въ которую отлилась моя жизнь. Съ выходомъ замужъ княжны (теперь она уже графиня Сафонова), словно душа отлетѣла, та душа, которая доселѣ живила и красила мою жизнь. Тогда все радовало меня, теперь всюду одна лишь пустота, ничто не только не радуетъ, но и не влечетъ, и не сулитъ даже радостей.“

Костыгинъ увидѣлъ, что онъ ошибался въ размѣрахъ горя своего друга, и теперь положеніе Алгасова и его любовь къ княжнѣ—все представилось ему въ иномъ совершенно свѣтѣ. Онъ все-таки думалъ, что Алгасовъ преувеличиваетъ, что жизнь его снова пойдетъ попрежнему, но онъ увидѣлъ, что, если и случится это, то случится не скоро и что много еще тяжелыхъ дней предстоитъ Алгасову.

И такъ жаль стало ему своего блестящаго друга, такъ захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь облегчить ему его горе! Костыгинъ зналъ, какъ любитъ его Алгасовъ и какъ цѣнитъ онъ его присутствіе, и, чтобы скорѣе съ нимъ увидѣться, рѣшилъ пожертвовать для него частью своего путешествія.

Итакъ, рѣшено: изъ Парижа онъ ѣдетъ прямо въ Москву, никуда, кромѣ Вѣны, не заѣзжая. Теперь ничто уже, кромѣ дѣлъ, не заслоняло отъ него родины и, весь отдавшись мечтамъ о скоромъ возвращеніи, онъ уже не жалѣлъ, что не увидитъ швейцарскихъ горъ и долинъ. Съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе хотѣлось ему поскорѣе домой, онъ считалъ дни и часы, отдѣлявшіе его отъ дня возвращенія и въ Парижѣ такъ спѣшилъ, что не видалъ тамъ многаго, что предполагалъ увидѣть, да и въ Вѣнѣ пробылъ всего лишь три дня, наскоро обѣжавъ выставку и болѣе или менѣе подробно осмотрѣвъ одинъ только шелковый отдѣлъ.

XXXI.

Съ неменьшимъ нетерпѣніемъ ждали Костыгина и въ Москвѣ; и Алгасовъ, и Лиза, они тоже считали дни и часы, остававшіеся до его пріѣзда.

Алгасовъ не забывалъ невѣсты своего друга и ради нея, чтобы не быть съ нею совсѣмъ незнакомымъ, время отъ времени навѣщалъ иногда Стекловыхъ. Онъ бывалъ бы у нихъ и чаще, но бѣдная семья всегда нѣсколько стѣснялась при немъ, хотя, знакомый съ бѣдностью товарищей-студентовъ, бывая у Стекловыхъ, и вниманія не обращалъ онъ на невзрачную ихъ обстановку. Но тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ, что они стѣсняются его, ближе съ ними сой-

тись и особенно съ братомъ Лизы ему не удавалось и потому онъ не надоѣдалъ имъ своими посѣщеніями.

До крайности самолюбивый, молодой Стекловъ былъ поэтому въ высшей степени робокъ, молчаливъ и застѣнчивъ со всѣми внѣ тѣснаго кружка своихъ друзей и товарищей. Бѣднякъ и плебей, по демократическимъ своимъ убѣжденіямъ одинаково гордился онъ и тѣмъ, и другимъ и въ каждомъ высшемъ по рожденію или богатству болѣзненно видѣлъ всегда желаніе относиться къ нему непремѣнно свысока во имя мнимаго своего превосходства. Алгасовъ былъ свѣтскій человѣкъ, и этого уже достаточно было для Стеклова, чтобы усиленно сторониться отъ него и тщательно скрывать при немъ свои убѣжденія и взгляды, которыхъ, по его мнѣнію, Алгасовъ не могъ понимать и даже не былъ достоинъ слышать. Лишь ради сестры терпѣлъ онъ у себя на квартирѣ этого „дэнди съ Тверского бульвара", какъ презрительно называлъ онъ Алгасова, и онъ всегда былъ съ нимъ сдержанъ и холодно, изысканно вѣжливъ, сурово оберегая отъ него свое человѣческое достоинство, на которое Алгасовъ и не думалъ покушаться.

Стекловъ былъ очень молодъ. Попавъ въ кружокъ людей съ крайнимъ образомъ мыслей, всей душой увѣровалъ онъ и въ безконечныя страданія народа, и въ гнетъ, надъ нимъ тяготѣющій, и въ несправедливость всякаго преимущества, будь то преимущество рожденія или состоянія; какъ и всякій честный, горячій юноша, онъ доводилъ свои взгляды до крайности и во всемъ старался согласовать свою жизнь съ своими убѣжденіями. Разъ убѣдившись, что всякія преимущества одинаково безнравственны и преступны, глубокимъ презрѣніемъ и ненавистью проникся онъ ко всѣмъ, имѣвшимъ низость пользоваться этими преимуществами, и онъ не признавалъ даже и способности за ними на какіе-либо человѣческіе поступки или чувства. Насколько это было возможно, старался онъ избѣгать этихъ избранныхъ и въ домахъ, гдѣ онъ давалъ уроки, никогда не оставался онъ лишней минуты и не сказалъ ни одного лишняго, посторонняго своимъ обязанностямъ слова. Трудно бывало узнать добродушнаго и веселаго этого юношу, когда, такъ или иначе, приходилось ему сталкиваться съ

кѣмъ-либо изъ презираемаго имъ класса общества. Въ эти минуты онъ говорилъ, сидѣлъ и смотрѣлъ съ такимъ гордымъ видомъ и чувствомъ собственнаго достоинства, что ни одинъ испанскій грандъ не перещеголялъ бы его въ этомъ отношеніи.

Какъ ни старались Костыгинъ и Лиза увѣрить его, что Алгасовъ хорошій, вполнѣ достойный уваженія и дружбы человѣкъ—Стекловъ такъ сторонился отъ Алгасова, что, не смотря на все желаніе этого послѣдняго сблизиться съ нимъ, не смотря на всѣ уступки Алгасова и на весь его тактъ, знакомство ихъ не выходило изъ границъ самой леденящей вѣжливости, и у Стекловыхъ Алгасовъ чувствовалъ себя принужденнѣе, чѣмъ въ самой даже чопорной гостинной какихъ-нибудь черезчуръ уже напыщенныхъ господъ средней руки, неизвѣстно почему вдругъ возмнившихъ себя аристократами.

Съ одной только Лизой было хорошо Алгасову. Они легко и скоро подружились, и Лиза всегда встрѣчала его съ радостью, всячески стараясь смягчить холодность брата и жалкое смущеніе ихъ матери.

Лиза терпѣливо ждала своего жениха и, когда на цѣлый годъ задержалось его возвращеніе, она только вздохнула да заплакала, но въ первомъ же письмѣ старалась уже ободрить и утѣшить Костыгина, сильно досадовавшаго на эту задержку. Думая только о немъ, спокойная за свое будущее, она первая подала ему мысль посмотрѣть за-границей что-нибудь кромѣ Милана и Ліона и въ каждомъ письмѣ всегда спрашивала его, сколько накопилъ онъ денегъ на это будущее свое путешествіе. Но съ какой радостью получала она его письма, какъ ждала ихъ, какъ по этимъ письмамъ мысленно объѣзжала съ нимъ Италію и Францію...

Получивъ отъ Костыгина телеграмму о выѣздѣ его изъ Вѣны, Алгасовъ, бывшій уже на дачѣ, тотчасъ же отправился въ Москву показать эту телеграмму Лизѣ и весело любовался онъ радостью и счастьемъ хорошенькой Лизы...

Ея узнать нельзя было въ эти дни, такъ была она счастлива и хороша своимъ счастьемъ. Алгасовъ бывалъ у нихъ каждый день. Лиза такъ привязалась къ нему, что не отдѣляла уже его отъ Костыгина и каждый день съ нетер-

пѣніемъ всегда ждала его прихода. Вмѣстѣ проводили они цѣлые вечера, гуляя или катаясь гдѣ-нибудь за городомъ, разговаривая о Костыгинѣ, догадываясь, какимъ-то увидятъ они его, мечтая, какъ весело будетъ съ нимъ и какъ интересны будутъ его разсказы...

Въ день пріѣзда Костыгина Алгасовъ еще утромъ зашелъ къ Стекловымъ и сказалъ Лизѣ, чтобы она не безпокоилась, что вовремя, какъ они условились, заѣдетъ онъ за ней и повезетъ ее на вокзалъ. Зная неаккуратность Смоленской дороги, онъ послалъ въ Можайскъ дворника, который и долженъ былъ телеграфировать ему оттуда о приходѣ въ этотъ городъ заграничнаго поѣзда. Алгасовъ сказалъ это Лизѣ, предупреждая ее, чтобы она не волновалась, если онъ не пріѣдетъ къ часу, назначенному по росписанію. Лиза обѣщала, но чѣмъ ближе подходилъ этотъ часъ, тѣмъ болѣе овладѣвали ею нетерпѣніе и волненіе и, совсѣмъ уже готовая, не отходила она отъ окна, ожидая Алгасова, безъ него даже порываясь ѣхать на вокзалъ—такъ медленно тянулось для нея время.

И Смоленская дорога основательно испытала ея терпѣніе, хотя поѣздъ опоздалъ не особенно потогдашнему много — всего на семь съ половиною часовъ, и вмѣсто полудня пришелъ уже къ вечеру. Въ теченіе дня Алгасовъ два раза посылалъ сказать Лизѣ, чтобы она не безпокоилась, что поѣздъ не приходилъ еще въ Можайскъ, но и это плохо успокаивало нетерпѣливую дѣвушку.

Не менѣе, впрочемъ, медленно тянулось время и для Алгасова и не менѣе Лизы волновался онъ ожиданіемъ. Цѣлый день проходилъ онъ изъ угла въ уголъ и пролежалъ на диванѣ—ни читать, ни чѣмъ-либо заняться, ничего не могъ онъ, и нечего говорить, какъ онъ обрадовался, когда пришла наконецъ телеграмма. Тотчасъ же велѣлъ онъ поскорѣе запрягать и отправился за Лизой.

Когда коляска подъѣхала къ крыльцу Стекловыхъ, Лиза, уже нѣсколько часовъ тому назадъ окончательно потерявшая послѣднее терпѣніе, выбѣжала на дворъ и, не давая лошадямъ остановиться, какъ слѣдуетъ, стала садиться, упрекая Алгасова въ медленности и увѣряя, что они непремѣнно опоздаютъ.

— Ужъ положились на меня, такъ не безпокойтесь, съ улыбкой говорилъ ей Алгасовъ, помогая садиться. А если даже и опоздаемъ, вѣдь мимо же Москвы онъ не проѣдетъ!

— Да, вамъ хорошо разсуждать, а право, если бы еще немного вы не пріѣхали, я бы одна поѣхала на вокзалъ. Ждать, такъ ужъ лучше тамъ.

— И тамъ еще подождемъ, этого не минуемъ!.. Вѣдь поѣздъ всего лишь изъ Можайска еще вышелъ, а тутъ болѣе ста верстъ...

— Что за противная дорога! И какъ имъ не стыдно такъ опаздывать?...

— А это ужъ у нихъ спросите! Да вы благодарите-ка Бога, что они вашего Сережу цѣлымъ да живымъ вамъ доставили, а что опоздали—бѣда не большая.

Какъ и говорилъ Алгасовъ, и на вокзалѣ пришлось имъ подождать. Наконецъ показался поѣздъ. Не обращая вниманія на толчки, порывисто бросилась Лиза впередъ. Она вся покраснѣла, глаза ея блестѣли, она тяжело дышала и судорожно сжимала руку Алгасова, которую схватила, чтобы не потеряться въ толпѣ. Алгасовъ еле поспѣвалъ за ней, тщетно уговаривая ее быть покойнѣе.

— Сережа! громко вдругъ крикнула Лиза, издали еще увидѣвъ бѣлокураго съ небольшой и красивой бородкой молодого человѣка, неторопливо, пристально во всѣхъ вглядываясь, шедшаго имъ навстрѣчу по платформѣ.

— Гдѣ, гдѣ вы его видите? поспѣшно спросилъ Алгасовъ, но Лиза не слушала его и даже руку его оставила, бросившись впередъ.

Услышавъ звавшій его знакомый голосъ, молодой человѣкъ остановился, посмотрѣлъ впередъ и быстро пошелъ навстрѣчу бѣжавшей Лизѣ. Онъ бросилъ на полъ плэдъ и бывшій у него въ рукахъ изящный сакъ-вояжъ—и дѣвушка очутилась въ его объятіяхъ.

Алгасовъ стоялъ въ сторонѣ, не желая мѣшать имъ въ эту первую минуту радости, и подошелъ къ Костыгину тогда только, когда этотъ послѣдній нагнулся, чтобы поднять свои вещи. Костыгинъ тотчасъ же узналъ его, протянулъ ему руки, и крѣпко поцѣловались они прежде, чѣмъ сказать хоть слово.

Никого уже, кромѣ сторожей, не было на платформѣ, когда они опомнились наконецъ и пошли въ залу. Съ счастливой улыбкой, со слезами на сіяющихъ глазкахъ не переставала Лиза глядѣть на своего жениха и, когда онъ сталъ брать свои вещи, она взяла и понесла его плэдъ.

Костыгинъ, разумѣется, поѣхалъ прямо къ Стекловымъ. Ничего не видя, не переставая любоваться другъ другомъ, говоря въ одно время и другъ друга перебивая, ѣхали Костыгинъ и Лиза. Цѣлый вечеръ провелъ онъ у Стекловыхъ, все время говоря почти съ одной только Лизой, и все-таки ничего не успѣли они сказать изъ того, что они хотѣли и готовили. Поздно уже ночью простился наконецъ Костыгинъ съ своей невѣстой и поѣхалъ домой.

Тутъ лишь опомнился онъ и почувствовалъ себя въ родной и любимой Москвѣ. Все не смѣя какъ-то вѣрить, что онъ точно въ Москвѣ, ѣхалъ онъ по тряской мостовой, радостно глядя на выступавшія въ полусумракѣ лѣтней ночи знакомыя улицы и зданія, и, какъ старыхъ друзей, привѣтствовалъ ихъ Костыгинъ, провожая ихъ глазами, оглядываясь по сторонамъ, заглядывая въ перекрестныя улицы, тотчасъ же замѣчая всѣ малѣйшія перемѣны; каждую минуту все полнѣе охватывало его пріятное чувство возвращенія домой и все дальше и дальше отходило въ прошлое только что конченное это путешествіе, словно и не было его, и не выѣзжалъ онъ никогда изъ Москвы...

Но вотъ и Арбатскія ворота. Ударивъ возжами лошадь, рысью проѣхалъ извощикъ по площади и повернулъ на Молчановку. Вдали Костыгинъ увидѣлъ большой каменный домъ Вёдровыхъ и, полный новаго нетерпѣнія, сталъ понукать извощика, и безъ того уже хлеставшаго свою заморенную клячонку.

Быстро сбѣжалъ Алгасовъ по лѣстницѣ, услышавъ подъѣхавшую пролетку, съ которой торопливо слѣзалъ Костыгинъ, и еще разъ обнялись они тутъ же, на улицѣ.

— Ну, Сережа, какъ радъ я тебѣ, какъ ждалъ тебя! говорилъ Алгасовъ, усаживая своего друга въ очищенныхъ для него прежнихъ его комнатахъ и осматривая его со всѣхъ сторонъ.

— А ужъ я-то какъ радъ, что вернулся! Ты не повѣришь, какъ надоѣло таскаться!

— Ну что твоя Лиза? Какая она прелесть у тебя! Вотъ, я думаю, рада тебѣ!..

— Какъ хорошо вернуться на родину и чувствовать себя дома! Вотъ вы, счастливцы, никогда не покидавшіе своего гнѣзда, вы не знаете этого чувства!

— Разскажи мнѣ все, что ты видѣлъ за-границей, что тамъ, хорошо ли... Да какъ ты перемѣнился! Обросъ бородой, загорѣлъ, возмужалъ...

— А ты думаешь, ты такъ студентомъ и остался?

— Да, братъ, на то и живемъ, чтобы старѣть и дурнѣть!

— Однако, ты молодцомъ! Я ожидалъ совсѣмъ другимъ тебя встрѣтить...

— Э, оставимъ это, еще времени много, все тебѣ разскажу. Да, много безъ тебя пришлось мнѣ пережить и радости, и горя...

И долго такъ говорили они, спѣша наговориться послѣ разлуки, и даже, когда Костыгинъ легъ уже въ постель, Алгасовъ все еще ходилъ по его комнатѣ, продолжая говорить. Давно уже день смѣнилъ короткую лѣтнюю ночь, когда наконецъ Алгасовъ пожелалъ своему другу покойной ночи.

Веселые дни пошли для Костыгина—первое время возвращенія домой. То съ невѣстой, то съ друзьями, то на дачѣ у Вёдровыхъ, то у Почаева, онъ только и дѣлалъ, что отъ однихъ переѣзжалъ къ другимъ и одни живыя впечатлѣнія мѣнялъ на другія. Почаевъ купилъ уже для новой, имѣвшей поступить подъ управленіе Костыгина фабрики мѣсто съ плотиной на Клязьмѣ. Тамъ былъ уже огромный каменный корпусъ, и Костыгину пришлось руководить нужными передѣлками и постройками и установкой прибывавшихъ изъ-за-границы машинъ. Строились большіе корпуса для помѣщенія фабричныхъ и служащихъ, работа кипѣла, съ ней спѣшили, чтобы все кончить къ зимѣ и какъ можно скорѣе пустить фабрику въ ходъ.

Костыгинъ передалъ Почаеву свой глубоко обдуманный проэктъ. Въ техническомъ отношеніи, само собою разумѣется, новая фабрика будетъ безусловно образцовой—ни-

чего не будетъ упущено, чтобы ускорить и улучшить производство и въ то же время удешевить его насколько возможно, до minimum'а сокративъ потребленіе человѣчэской силы, причемъ работать на фабрикѣ преимущественно будутъ женщины, къ обоюдной выгодѣ и ихъ, какъ наиболѣе нуждающагося въ заработкѣ пола, и самого фабриканта. Въ своемъ размѣрѣ заработная плата будетъ сообразоваться не только съ рыночными цѣнами, но и съ выгодой, приносимой каждымъ изъ работающихъ. Такимъ образомъ, при нѣсколько большей платѣ, строже можно будетъ и взыскивать съ нихъ, ибо понятно, они будутъ дорожить своими мѣстами. Помѣщеніе дано будетъ имъ свѣтлое и хорошо вентилируемое, съ достаточнымъ кубическимъ содержаніемъ воздуха, отдѣльное для мужчинъ и женщинъ, и для каждаго будетъ койка съ постельными принадлежностями, столъ и запирающееся помѣщеніе для пожитковъ. Семейные получатъ отдѣльныя комнаты. Особая прислуга будетъ приставлена слѣдить за чистотой въ спальняхъ и за опрятнымъ содержаніемъ коекъ, и за малѣйшую нечистоту или безпорядокъ строго будетъ взыскиваться съ виновныхъ, кто бы ни были они. Харчи обильные и свѣжіе, отдыхъ безусловно достаточный. При фабрикѣ будутъ церковь, больница, читальня и школа для дѣтей, а для желающихъ взрослыхъ— воскресные классы и по временамъ—общедоступныя чтенія съ туманными картинами. Для праздничнаго отдыха рабочихъ будутъ устроены разныя простыя увеселенія, вродѣ ледяныхъ горъ, качелей, Петрушки и пр., а также и чайная съ продажей пива, сбитня и меда. Всѣ необходимые для рабочихъ припасы и вещи будутъ пріобрѣтаться конторой изъ первыхъ рукъ и лучшаго качества. При конторѣ учреждается сберегательная касса, что, кромѣ пріученія рабочихъ къ бережливости, должно повліять и на уменьшеніе случаевъ воровства, а доставляя большую выгоду, будетъ привлекать на фабрику больше рабочихъ и создастъ такимъ образомъ возможность болѣе строгаго выбора. Рабочіе, безпорочно прослужившіе извѣстное число лѣтъ, награждаются пенсіей: это создастъ контингентъ старыхъ, привычныхъ къ дѣлу и знакомыхъ фабричному управленію рабочихъ. Тщательно будутъ приняты всѣ мѣры для предо-

храненія отъ несчастныхъ случаевъ, но если и затѣмъ окажутся пострадавшіе не по своей винѣ, они получатъ отъ конторы достаточное вознагражденіе или пенсіонъ, по выбору. Для желающихъ часть задѣльной платы замѣняется предоставленіемъ въ ихъ пользу отдѣльнаго домика съ огородомъ. Всѣмъ семейнымъ дается право держать по коровѣ, которымъ фабрика даетъ помѣщеніе и выгонъ. Фабричное управленіе будетъ имѣть въ виду возможное до извѣстнаго предѣла улучшеніе участи рабочихъ и вмѣстѣ оно поставитъ себѣ задачей сдѣлать фабрику школой для нравственнаго ихъ перевоспитанія, для развитія въ нихъ духа порядочности, чистоплотности, бережливости, чувства собственнаго достоинства и вѣрности своему слову.

И т. д., много еще говорилъ объ этомъ Костыгинъ, подробно развивая свой проэктъ, указывая и на заграничные примѣры, и на собственныя свои соображенія, истекавшія изо всего имъ видѣннаго. Онъ особенно настаивалъ на томъ, что предпріятіе непремѣнно должно давать хорошіе барыши и, слѣдовательно, при всѣхъ льготахъ, предоставляемыхъ рабочимъ, будетъ выгодно и для предпринимателя. Костыгинъ подробно высчитывалъ выгоды, которыя онъ надѣется получить отъ болѣе тщательнаго подбора рабочихъ, отъ болѣе правильной и старательной ихъ работы и отъ подъема ихъ здоровья и духа вслѣдствіе хорошей и здоровой жизни и пищи. Дальнѣйшія же усовершенствованія какъ самой фабрики, такъ и быта рабочихъ, какъ-то: улучшеніе больницы и школы, имѣющихъ стать образцовыми безъ всякой показной роскоши, улучшеніе пищи, возвышеніе заработной платы, устройство болѣе занимательныхъ развлеченій для рабочихъ—все это будетъ заводиться постепенно, сообразно съ доходностью фабрики. Костыгинъ прямо объявилъ, что онъ врагъ всего показного и всякой безполезной роскоши; все нужное будетъ у него хорошо, даже болѣе, ничего плохого не допуститъ онъ на фабрику, но не допуститъ и ничего роскошнаго. Всякій расходъ будетъ тщательно взвѣшиваться, соотвѣтствуетъ ли онъ ожидаемой отъ него матеріальной или нравственной пользѣ, и какъ бы ни было что соблазнительно съ внѣшней стороны, но рублемъ копѣйки онъ добывать не станетъ и не будетъ под-

даваться никакимъ соблазнамъ. Въ доказательство Костыгинъ приводилъ примѣры видѣнныхъ имъ затѣй, прямо имѣвшихъ видъ простыхъ шалостей милліонеровъ-фабрикантовъ, а не серьезнаго дѣла.

— Вы мнѣ выразили желаніе имѣть образцовую фабрику, говорилъ онъ. Послѣ всего, что я видѣлъ, и располагая вашими средствами, я легко могъ бы устроить вамъ игрушку, а не фабрику. Но я люблю настоящее дѣло, только оно и занимаетъ меня. Если вы позволите мнѣ выполнить мой планъ, я попытаюсь создать образцовую доходную фабрику, основанную не на филантропическомъ, а на правильномъ коммерческомъ основаніи. Понятно, я могу ошибаться, но вѣдь я дѣлаю опытъ, а развѣ опыты обходятся безъ ошибокъ?

Много и часто говорили они на эту тему, и главнымъ слѣдствіемъ этихъ бесѣдъ было безграничное довѣріе Почаева къ Костыгину. Почти каждый день бывая на постройкахъ, Костыгинъ всегда пріѣзжалъ сообщать Почаеву о всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ приспособленіяхъ и улучшеніяхъ, которыхъ нельзя предвидѣть заранѣе, но которыя приходятъ въ голову при самомъ выполненіи дѣла. Каждый разъ начинались у нихъ безконечные разговоры о будущей фабрикѣ и съ каждымъ днемъ оба увлекались ею все болѣе и болѣе.

У Вёдровыхъ Костыгина приняли, какъ родного: отсутствіе ничего не измѣнило въ ихъ отношеніяхъ и, вернувшись изъ-за-границы, Костыгинъ нашелъ въ Надеждѣ Семеновнѣ такую же сестру, какъ въ Алгасовѣ—брата. Павелъ Ивановичъ и Надежда Семеновна поѣхали съ нимъ къ Стекловымъ и сами сдѣлали первый визитъ его невѣстѣ. Лиза хотя и знала о ихъ посѣщеніи и готовилась къ нему, но страшно все-таки растерялась, когда они пріѣхали, и еще болѣе растерялась ея мать: эту послѣднюю совершенно уничтожили генеральскія эполеты Павла Ивановича. Но Павелъ Ивановичъ заговорилъ съ ней просто и ласково, разспрашивая о службѣ ея мужа. Оказалось, что Павелъ Ивановичъ хорошо знаетъ бывшаго главнаго начальника ея мужа, а начальникъ этотъ, благоволившій къ покойному Стеклову, былъ для нея самымъ интереснымъ пред-

метомъ разговора. Кстати же, какъ и у всякой старухи, нашлось у нея грошовое какое-то дѣло, съ которымъ она не знала, куда обратиться, и Вёдровъ не только посовѣтовалъ ей, но и взялся даже поговорить съ кѣмъ нужно объ этомъ дѣлѣ. Потомъ разговоръ перешелъ на похвалы Костыгину и его невѣстѣ, и старуха въ конецъ была очарована Вёдровымъ, даже и робѣть перестала, хотя все-таки на каждомъ шагу называла его „ваше превосходительство". Въ свою очередь и Надежда Семеновна разговорилась съ Лизой; у нихъ легко нашлась точка соприкосновенія— ихъ общее призваніе къ семейной жизни, и съ такимъ жаромъ принялись онѣ толковать объ устройствѣ будущаго хозяйства Лизы, что съ трудомъ лишь розняль ихъ собравшійся домой Павелъ Ивановичъ. Слѣдствіемъ этого было то, что старуха не знала, какъ благодарить ихъ за ихъ посѣщеніе, а Лиза съ радостью приняла приглашеніе Вёдровыхъ пріѣхать погостить къ нимъ на дачу.

Что же касается Ивана Ивановича—то съ утра еще ушелъ онъ изъ дому, объявивъ сестрѣ, чтобы она скорѣе выходила замужъ, что ли, а то скоро квартира ихъ станетъ совершенно невозможной для порядочнаго человѣка. Но его досада была такъ комична, что Лиза громко разсмѣялась и бросилась его цѣловать.

Костыгинъ отвезъ Лизу къ Вёдровымъ и она оставалась у нихъ болѣе недѣли. Своей любовью къ дѣтямъ и возней съ ними окончательно пріобрѣла она расположеніе Надежды Семеновны и по цѣлымъ днямъ проводили онѣ съ Лизой возлѣ дѣтей, толкуя о будущемъ Лизы.

Время это было самой поэтической и вмѣстѣ идеально-прекрасной эпохой въ жизни Лизы. Ее окружали родные и друзья, всѣ относившіеся къ ней съ самой искренней и безкорыстной привязанностью. Она любила, любимый женихъ былъ возлѣ нея и сколько чуднаго счастья давали ей сдержанныя его ласки! Всѣ любовались и ею самою, и ея любовью, такой робкой при другихъ и потому особенно милой, полной молодости и счастья. Лиза и дѣйствительно какъ бы расцвѣла и похорошѣла, охваченная восторженной любовью невѣсты, и, въ ожиданіи еще лучшаго будущаго, вся отдалась она своему тихому счастью. Это былъ полный

расцвѣтъ ея молодости, ясный, тихій, полный радостей и счастья конецъ дѣвической ея жизни. Безсознательно чувствуя, что ничего уже подобнаго ни подъ какимъ видомъ не придется ей переживать въ ея жизни, тѣмъ полнѣе наслаждалась она своимъ счастьемъ и потому еще плѣнительнѣе казалось окружающимъ ее внѣшнее проявленіе этого счастья. Веселая, счастливая, хорошенькая и влюбленная, немного сконфуженная этой любовью и потому вдвойнѣ ею счастливая—невольныя симпатіи всѣхъ ее видѣвшихъ привлекала Лиза къ себѣ и къ своей любви и врядъ ли кому случалось получать болѣе искреннія пожеланія счастья. Даже Ирина, и та радовалась на Лизу.

Всѣ у Вёдровыхъ занимались приготовленіями къ ея свадьбѣ: ей шили наряды, готовили приданое, покупали подарки. Свадьба назначена была въ августѣ, тотчасъ же послѣ Успенскаго поста. Костыгину приходилось переѣзжать въ Чудново, какъ называлось село, возлѣ котораго строилась новая фабрика. Постройки настолько уже подвинулись тамъ впередъ, что постоянное присутствіе Костыгина стало тамъ необходимымъ, и ему хотѣлось уже съ молодой женой переѣхать въ только что отстроенный и отдѣланный для него флигель. Но княгиня Апалева написала, что и она желала бы быть на свадьбѣ Сережи, и просила, если можно, отложить эту свадьбу до сентября. Въ угоду ей свадьбу назначили 12 сентября.

Но такъ хорошо было Лизѣ, что нисколько не огорчила ея эта отсрочка и она сейчасъ же дала на нее согласіе, какъ только узнала, что этого желаетъ другая сестра ея Сережи. Такимъ образомъ въ половинѣ августа Костыгинъ одинъ переѣхалъ въ Чудново. Алгасовъ, жившій съ нимъ въ городѣ, вернулся на дачу. Впрочемъ Чудново было недалеко отъ Москвы, около часа ѣзды по желѣзной дорогѣ, и всѣ они часто видались и въ Москвѣ, и въ Чудновѣ, и у Вёдровыхъ, куда съ Костыгинымъ иногда пріѣзжала и Лиза.

Живя вмѣстѣ, Алгасовъ и Костыгинъ много и часто говорили, высказывая другъ другу все продуманное и прочувствованное за три года ихъ разлуки, и съ радостью видѣли они, что дружба ихъ нисколько не пострадала отъ этой разлуки.

Костыгинъ говорилъ и о заграничныхъ впечатлѣніяхъ, и о будущемъ устройствѣ фабрики, невольно завлекая Алгасова горячимъ своимъ отношеніемъ къ дѣлу. Алгасовъ разсказывалъ событія и случаи тревожной своей жизни, говорилъ, насколько окрѣпли его взгляды, провѣренные опытомъ и жизнью.

Но о послѣднихъ дняхъ, о концѣ своей любви къ княжнѣ—объ этомъ онъ говорилъ мало, не потому, чтобы не хотѣлось ему говорить объ этомъ, но онъ не зналъ, что сказать, какъ передать словами тотъ хаосъ, который вслѣдствіе этого событія воцарился теперь въ его душѣ.

— Первые дни мнѣ было тяжело, больно, такъ живо чувствовалъ я свое горе, и знаешь, Сережа, мнѣ чуть не жаль этого времени. Какъ ни страдалъ я тогда, но я зналъ, что я чувствую. А что со мной было—этого тебѣ не передать, спроси у Павла Ивановича да у Кости, они чудеса тебѣ разскажутъ про меня. Теперь нѣтъ ужъ этой острой боли, я свыкся съ своимъ горемъ. Но теперь другое. Словно все отлетѣло отъ меня съ надеждой на ея любовь; лично для себя я ничего уже не вижу въ жизни, я, какъ трупъ, ничего не чувствую, ничего не желаю, все мнѣ чуждо... Я не знаю, поймешь ли ты меня... Моя прежняя жизнь умерла для меня, взамѣнъ ничего не явилось, и я уже не живу, а только существую...

Такъ говорилъ Алгасовъ лѣтней теплой ночью, сидя съ своимъ другомъ на бульварѣ. Они вмѣстѣ возвращались отъ Стекловыхъ и, соблазнившись мягкой ночной прохладой и тишиной пустого бульвара, усѣлись на скамейку, продолжая говорить.

— То ясное, покойное, извѣстное будущее, которое есть у тебя, не только его нѣтъ у меня, но у меня нѣтъ и настоящаго, нѣтъ никакой даже временной цѣли, никакихъ, хотя бы минутныхъ желаній. И все это изъ-за хорошенькой дѣвчонки!..

— Погоди, ты еще не забылъ ея, да и нельзя такъ скоро. Время излѣчитъ тебя, а пока сноси свою боль терпѣливо и не жалуясь.

— Вотъ то-то и нѣтъ! Время! Разумѣется, время вылѣчитъ, объ этомъ и спора нѣтъ, но не такъ, какъ ты дума-

ешь. Прежняя жизнь моя умерла, я это чувствую, какъ я жилъ, такъ ужъ мнѣ больше не жить. Время укажетъ мнѣ другую жизнь, вотъ какъ оно вылѣчитъ меня. А пока? Да и укажетъ ли?

— Вотъ что значитъ исключительно личная жизнь, посвященная одному только личному счастью, видишь, до чего она довела тебя? Не княжна виновата въ теперешнемъ твоемъ дѣйствительно грустномъ положеніи, а та ложная дорога, по которой ты пошелъ. Ты поставилъ себѣ цѣль и ложную, и вмѣстѣ почти несбыточную—и другого результата не могло и выйти. Видишь, какъ шатко одно только личное счастье? И это еще хорошо, если оно зависитъ отъ хорошенькой дѣвчонки, оно можетъ зависѣть и отъ каждой случайности, гораздо болѣе оскорбительной и мелкой. А ты хочешь положить его въ основу жизни общей...

— Охъ, Сережа, знаешь, вся моя жизнь и особенно теперешнее мое состояніе—все болѣе и болѣе убѣждаютъ они меня, что я стою на истинной дорогѣ, и даже сейчасъ, среди этой окружающей меня пустоты, я все-таки не сомнѣваюсь, что приду наконецъ къ истинѣ. Но оставимъ меня. Мало ли какія случайности бываютъ въ жизни человѣка? Крушеніе корабля еще не доказываетъ невозможности мореплаванія. Скажи пожалуйста, неужели твое счастье именно оттого такъ прочно, что, кромѣ любви къ Лизѣ, у тебя еще есть и эта фабрика?

— Да, хорошее и честное дѣло, которому я преданъ всей душой, оно дастъ смыслъ моей жизни, а слѣдовательно—и прочность моему счастью.

— Взглядъ слишкомъ поверхностный. Я уже не говорю о томъ, что мѣсто у Почаева тебѣ выпало совершенно случайно, ты одинъ не только изъ твоего выпуска, но изъ десятка выпусковъ получилъ такое мѣсто. Но кромѣ того, вдумайся въ самый смыслъ этого „хорошаго и честнаго“ дѣла: вѣдь въ концѣ концовъ все-таки все сводится у тебя къ доставленію наибольшаго и наиболѣе вѣрнаго барыша Почаеву, у котораго и безъ того уже 500.000 дохода, т. е. въ пятьдесятъ почти разъ больше, чѣмъ у меня, а я богатый человѣкъ. Постой, дай мнѣ досказать. Ты станешь говорить объ улучшеніи участи рабочихъ, да другъ мой, вѣдь

это все пустое! Ты одной рукой даешь хлѣбъ, который отнимаешь другой. Вспомни хоть о цѣли всѣхъ техническихъ твоихъ усовершенствованій: возможный минимумъ въ расходованіи человѣческой силы. Т. е., иначе говоря, къ тебѣ приходятъ 1000 голодныхъ, нуждающихся въ работѣ. Опираясь на свои машины, ты отбираешь изъ этой тысячи пятьсотъ и, правда, платишь имъ честно и хорошо, а остальные 500, которые безъ твоихъ машинъ нашли бы работу на твоей фабрикѣ, думаешь ты о нихъ? Но и это все не то. Если мнѣ скажутъ: вотъ тебѣ фабрика, управляй ею и чѣмъ болѣе дохода ты мнѣ дашь, тѣмъ болѣе буду я доволенъ тобой—это совершенно ясная цѣль и я ее понимаю. Но когда мнѣ говорятъ: вотъ тебѣ моя фабрика, улучшай ею условія жизни и быта рабочихъ—воля твоя, я тутъ ничего не понимаю! Если задаваться этой цѣлью, сколько можно найти къ ней другихъ, гораздо болѣе прямыхъ путей! Я тамъ не знаю, что дѣлается на Западѣ, но у насъ, гдѣ нѣтъ рабочихъ, а есть лишь мужики и гдѣ есть въ то же время такое блестящее указаніе на способъ улучшенія условій жизни этихъ мужиковъ—кустарная промышленность, у насъ мало, что нелѣпо—преступно и грѣшно даже заводить съ этой цѣлью фабрики. Барышъ—другое дѣло. Онъ въ самомъ уже себѣ несетъ и свое оправданіе. Захочу я барыша—я построю фабрику, но захочу сдѣлать добро, я уже не стану примѣшивать къ нему мысли о собственной выгодѣ. То, что единственно только и нужно для поднятія народнаго благосостоянія—это-то и убиваетъ фабрики: съ ними уже не могутъ конкуррировать кустари. Знаешь, устроена какая-то коммиссія для улучшенія положенія Павловцевъ. По моему, дѣло очень просто: я запретилъ бы всѣ фабрики стальныхъ издѣлій въ Россіи, а въ самомъ Павловѣ—подъ страхомъ смертной казни, запретилъ бы простой даже наемъ рабочихъ подъ какимъ бы то ни было видомъ. И какъ легко прививается въ Россіи кустарная промышленность! Вѣдь иной разъ на анекдоты походятъ разсказы, какъ и по какому поводу въ той или другой мѣстности возникла вдругъ та или другая промышленность! Вотъ тебѣ поле дѣятельности, если ты хочешь послужить народу. И пусть фабрика даетъ большіе барыши, пусть она съ большей экономіей расходуетъ

человѣческую силу, пусть она больше прибавляетъ къ національному нашему богатству—національное богатство не есть еще народное благосостояніе—пусть даже работница получаетъ у тебя больше и лучше содержится, чѣмъ занимаясь дома, но одно то уже дорого, что кустарь ни отъ кого не зависитъ, что онъ свободенъ въ своемъ днѣ, что живетъ онъ дома, у себя, въ своей семьѣ, не отрываясь отъ хлѣбопашества и жизни, и за лишеніе этихъ благъ не вознаградишь ты его никакой задѣльной платой и никакими воскресными классами, ни туманными картинами. Вотъ истинная мѣра для поднятія его нравственности—дай ему работу у него дома. Ты собираешься на своей фабрикѣ хлопотать о народной нравственности. Не потому безнравственны фабричные, что никто не заботится о нихъ, а потому, что они оторваны отъ семьи и отъ дома, т. е. отъ единственнаго источника нравственности. А то сгонитъ онъ къ себѣ на фабрику нѣсколько сотъ дѣвокъ и бабъ, оторванныхъ отъ мужьевъ и дѣтей, и будетъ имъ проповѣдовать нравственность! А, чортъ возьми, Сережа, я къ тебѣ часто буду ѣздить, пожалуй, и поселюсь даже у тебя! Только ты сдѣлай уже для меня послабленіе, будь другомъ, не взыскивай строго, знаешь, вѣдь человѣкъ я безнравственный!.. А ужъ я тебѣ ручаюсь, не только твоя школа биткомъ будетъ набита, а какъ бы и другой, и третьей не пришлось тебѣ строить! Видишь, и тебѣ занятіе... Да и выгода: сколько я шелка накуплю у тебя на подарки!

— Ну а къ чему все это? спросилъ Костыгинъ.

— Къ тому, что твое дорогое и честное дѣло, какъ его ни верти, а все-таки это ни болѣе, ни менѣе, какъ доставленіе хозяину лишняго барыша, т. е. очень простое и давно уже извѣстное занятіе. И у меня въ Веденяпинѣ мой Курмаевъ занимается тѣмъ же самымъ, и я имъ очень доволенъ, можешь себѣ представить, въ прошломъ году онъ далъ мнѣ четырнадцать тысячъ! Этого и при отцѣ даже никогда не получалось. Ну-съ, а всѣ ваши побрякушки, это стремленіе получать не только лишній, но и болѣе пріятный, болѣе ласкающій совѣсть барышъ—все это ничто иное, какъ забава богатаго купца, а я еще не знаю, можетъ, за это и кресты даютъ? Оно бы Владиміра куда

какъ лестно получить! При его средствахъ, да я бы и не знаю чего ни далъ бы за Владиміра. И нечего забавы путать съ дѣломъ и глумиться надъ народомъ, дѣлая видъ, что помогаешь ему.

— Положимъ, ты говоришь правду. Но при данныхъ соціальныхъ условіяхъ фабрика, устроенная по моему проэкту, все-таки будетъ въ помощь, а не во вредъ народу, и потому въ данную минуту она несомнѣнно полезна.

— Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ! Я помню, когда я былъ еще мальчикомъ, сшили мнѣ однажды голубую шелковую рубашку. Ужъ какъ я ей радовался! Только нечаянно какъ-то разорвалъ я ее, или, проще говоря, она и послужила ужъ мнѣ довольно, я даже и выросъ изъ нея. Но мама приставила рукава, а прорванное мѣсто заштопала. Не захотѣлось мнѣ носить заштопанной и приставленной рубашки, и я сообразилъ, что для праздниковъ сдѣлаютъ же мнѣ другую шелковую, помнишь, въ ситцевыхъ мы вѣдь ходили только въ будни. Тогда я нарочно такъ разорвалъ свою рубашку, что ея нельзя уже было починить. Меня наказали, но все-таки я получилъ новую шелковую рубашку. Такъ и тутъ: если хочешь служить хозяину —улучшай фабрику, это имѣетъ смыслъ и цѣль. Но чтобы фабрикой дѣйствительно помочь народу, тутъ я вижу одно только средство: постараться поставить фабрику въ самыя невозможныя для ея существованія условія.

— Помилуй, Саша, да ты проповѣдуешь цѣлую соціальную революцію! Вотъ бы Стекловъ обрадовался, если бы услыхалъ тебя! Даже и съ бояриномъ-предкомъ твоимъ помирился бы. Но, къ сожалѣнію, не имѣя желанія видѣть Сибирь послѣ Италіи, я не чувствую склонности къ революціямъ.

— Кажется, во мнѣ мало похожаго на революціонера, но я прямо смотрю на вещи: хочешь помогать народу—помогай, хочешь получать барыши - получай, но не смѣшивай два эти ремесла и не лицемѣрь. У меня въ Веденяпинѣ отданъ строгій приказъ не притѣснять мужиковъ, да ты помнишь Курмаева: онъ и неспособенъ на это. Но ни онъ, ни я, мы не станемъ говорить, что мы дѣлаемъ это съ цѣлью поднятія крестьянскаго благосостоянія. Своего я имъ

не уступаю и мои выгоды хорошо соблюдаются, они же и главная цѣль въ моемъ хозяйствѣ. Какъ и ты, я не стану явно прижимать мужика, но и не задумаюсь оставить его безъ работы, замѣнивъ его, если это выгодно, какой-нибудь машиной.

— Но согласись, что если ужъ управлять фабрикой, такъ лучше ужъ такой, какъ моя, какъ и Курмаеву лучше служить у тебя, чѣмъ у какого-нибудь кулака.

— Да, ты вотъ ужъ на что съѣхалъ! Это такъ. Но вотъ еще притча, мой другъ. Есть, положимъ, двѣ оранжереи: въ одной стоятъ пеларгоніи, фуксіи, гортензіи и пр. Въ другой пальмы, орхидеи и всѣ чудеса тропическихъ лѣсовъ и, если выбирать—разумѣется, всегда предпочелъ бы я оранжерею съ пальмами. Если же на основаніи этихъ пальмъ я стану себя увѣрять, что я не садовникъ, а какой-нибудь индіецъ и живу подъ сѣнью кокосовъ и подъ небомъ экватора—меня въ этомъ разувѣритъ первый же морозъ, когда я выйду изъ оранжереи...

— Не выходи изъ нея!

— И это не поможетъ: ты знаешь, какъ часто бьются въ оранжереяхъ стекла... А, какъ цыганъ, увѣрять себя, что подъ бреднемъ тепло, это возможно только въ сказкѣ.

— Ну, братъ, намъ, людямъ рабочимъ, не до этихъ философій!

— А, проговорился! Такъ вотъ оно, твое дѣло, не имѣющее ничего общаго ни съ барышами, ни съ затѣями Почаева: необходимость служить. И противъ этого возражать нечего. Не будь у меня Веденяпина, и я бы служилъ. Но ни въ какомъ горѣ не помогаетъ служба изъ-за денегъ, и служи я сейчасъ изъ-за денегъ, не стало бы мнѣ легче отъ этого.

— Въ чемъ же въ такомъ случаѣ состоитъ то ясное будущее, въ которомъ ты мнѣ такъ завидуешь?

— Только не въ твоей фабрикѣ. И у меня была жизнь, которой я былъ доволенъ и счастливъ и которая, повидимому, была мнѣ обезпечена гораздо прочнѣе, чѣмъ тебѣ твоя служба у Почаева. Но и твоя фабрика, и мои балы, все это еще не жизнь, это лишь рамка жизни. Жизнь есть счастье. Тебѣ удалось, мнѣ—нѣтъ. Ты счастливъ и покоенъ,

а я—я не знаю, куда дѣваться отъ тоски. Полюби меня княжна, выйди безъ тебя замужъ Лиза или умри она—и наши роли перемѣнились бы...

— Едва ли! Оставимъ разсужденія о фабрикахъ, ты вѣдь изрекъ не послѣднее еще слово науки, но возражать тебѣ я буду потомъ. Сейчасъ скажи мнѣ вотъ что: хороша моя Лиза?

— Да, и главное—очень симпатична, чудо какая миленькая!..

— Нравится она тебѣ?

— Очень.

— Я спрашиваю, не лицомъ, а душой?

— Она добрая и милая дѣвушка.

— Хорошо. Могъ бы ты полюбить ее?

— Т. е. какъ, полюбить?

— Ну полюбить, какъ ты любилъ княжну...

— Что за вопросъ? Не знаю, я никогда и не думалъ объ этомъ...

— Подумай!

— Не знаю, можетъ-быть, и нѣтъ...

— А я, и не думая, скажу, что нѣтъ. Ни ты ея, ни она тебя, вы не можете любить другъ друга. Между тѣмъ, она милая и красивая дѣвушка и нравится тебѣ, и ты ей нравишься и даже очень. Но любить ее тебѣ не къ чему, она ничего не дастъ тебѣ, кромѣ нѣсколькихъ самыхъ первыхъ дней, а ихъ и тебѣ, пожалуй, даже и мнѣ, и почти всякому дастъ любая молодая дѣвушка. А почему это? Что я полюбилъ въ Лизѣ? Я полюбилъ въ ней дѣвушку, способную дать мнѣ тихое счастье, теплый семейный очагъ, говоря ей о любви, я больше ни о чемъ и не думалъ. Трудъ для содержанія семьи, отдыхъ въ семьѣ отъ труда, вотъ мой идеалъ жизни, и мудрено ли, что я полюбилъ Лизу и что мое будущее такъ ясно? И дѣйствительно, Почаевъ и его фабрика тутъ ни при чемъ, это не болѣе какъ подробности. А ты, чего ты ищешь въ любви? Не семейнаго счастья, а наслажденія. Я не знаю княжны, но, судя по твоимъ же разсказамъ, это дѣвушка веселая, красивая, умная, но вѣтреная и легкомысленная; она и мизинца моей

Лизы не стоитъ, и ты это знаешь, но изъ двухъ всегда выбралъ бы ты княжну: въ ней столько блеска, столько огня, столько веселья и кокетства, всѣмъ, и рѣчью, и манерами, и красотой, и нарядами—всѣмъ затмитъ она мою бѣдную Лизу, и не потому только, что она богаче Лизы: дай Лизѣ титулъ и наряды княжны—и они пропали бы на ней, никто и не замѣтилъ бы ихъ на ней. Но зато и теперь даже, не любя тебя, и то вволю дала уже тебѣ княжна наслажденья и радостей, столько радостей, сколько никогда не дала бы тебѣ самая искренняя, самая чистая любовь моей Лизы. Вотъ чего ты ищешь въ любви, вотъ въ чемъ разница между тобой и мной. Ты правъ, горюя о княжнѣ. Если даже и найдешь ты другую дѣвушку, столь же красивую и соблазнительную—ты уже не будешь такъ полно наслаждаться ея любовью: для тебя это будетъ уже не первая, а вторая. Ты правъ: въ этомъ отношеніи твоя пѣсня спѣта, и держу какое хочешь пари, ты останешься холостымъ, развѣ что вспомнишь когда-нибудь, когда тебѣ будетъ ужъ за сорокъ, что ты послѣдній изъ Алгасовыхъ. А я, если бы и измѣнила даже мнѣ Лиза, что невозможно, если бы я и не встрѣтилъ ея—каждая неглупая, простая, добрая дѣвушка была бы мнѣ вѣрной женой и хорошей матерью моимъ дѣтямъ. Вотъ въ чемъ кроется прочность и ясность моего будущаго. Ты гоняешься за наслажденіемъ, т. е. за призракомъ, за суетой. Взгляни иначе на жизнь, и ты тоже найдешь и миръ, и покой.

— На дняхъ съ тобой же видѣли мы оперетку. Помнишь куплеты про мельника, какъ на седьмомъ небѣ былъ онъ отъ счастья, когда родился у него первый ребенокъ, и какія потомъ корчилъ онъ рожи, когда стали являться undeci, dodeci, tredeci. Я невольно о тебѣ тутъ подумалъ. Что я не противъ семейной жизни, доказываетъ уже то, что жениться на княжнѣ—это было единственной моей мечтой.

— Говори ужъ правду. Не потому ли, что безъ этого нечего было и думать о ней?

— Нѣтъ. Я мечталъ жить съ ней одной жизнью, дѣлить все, жизнь, удовольствія, выѣзды, мысли. Будь она моей любовницей, а не женой, возможно было бы развѣ только послѣднее.

— Вотъ видишь, соображенія совершенно постороннія семейству!.. Мое желаніе освятить нашъ союзъ съ Лизой истекаетъ единственно изъ моего къ нему уваженія. Для меня семья—святыня, я вѣрю въ Бога и я искренно желаю, чтобы Онъ освятилъ и благословилъ мой бракъ. У тебя и тутъ на первомъ планѣ суета. Если бы ты женился на княжнѣ, впереди всего у тебя была бы ея красота и веселье и, пока оба были бы вы молоды—ваша жизнь, не смотря и на бракъ, была бы одной безпрерывной поэмой страсти. Затѣмъ вѣрю, что княжна не глупая дѣвушка: иначе она и не понравилась бы тебѣ. Съ тобой она невольно развилась бы, стала бы интересоваться твоими идеями и понимать ихъ, и вотъ еще новое для тебя наслажденіе: говорить любимой женщинѣ, воображать ее своимъ товарищемъ въ жизни, потому что она слушаетъ тебя...

— Ты выставляешь меня какимъ-то болтуномъ: точно вся цѣль моей жизни только въ томъ, чтобы говорить!

— Нѣтъ, я знаю и вѣрю тебѣ, что ты искренно отдался поставленной себѣ цѣли и глубоко вѣришь въ нее. Но я не вѣрю въ твою цѣль. Ей нельзя служить, ибо это не цѣль въ прямомъ смыслѣ этого слова, а лишь исканіе цѣли, и ты ищешь ее, говоря, думая, читая. Но больше и дѣлать тебѣ нечего на этомъ пути, и очень естественно, что ты любишь говорить... Для тебя это дѣло...

— Нѣтъ, Сережа. Я люблю говорить, но потому, что я вѣрю въ свою идею, вѣрю страстно, что въ ней истина и что я говорю истину... Ты правъ: семья не то, чтобы нѣчто второстепенное для меня, но одна—она не можетъ удовлетворить меня. Мнѣ нужна еще личная жизнь, полная наслажденья или дѣла. Ну ты знаешь, что я понимаю подъ этимъ словомъ. Иначе я не понимаю жизни и вѣрю, что, разъ мы живемъ, намъ должно быть доступно все, что дѣлаетъ жизнь прекрасной. Дѣти! Ты весь и всецѣло имъ отдаешься, въ нихъ вся твоя жизнь, ты только для нихъ и живешь, и работаешь. Они выростутъ и станутъ жить по твоему идеалу, въ свою очередь всецѣло отдавшись своимъ дѣтямъ: послушай, вѣдь это идеалъ полиповъ, а не людей!..

— А что мы такое въ общей міровой экономіи, какъ не тѣ же полипы?

— Ну это ужъ извини! Я человѣкъ, и хочу жить, а не прозябать, хочу полной личной жизни, помимо семейной. Повѣрь, можно и жить, и любить и воспитывать дѣтей. Но жизнь не въ дѣтяхъ. Жизнь въ ея красотѣ, въ полномъ личномъ ею довольствѣ, и къ нему-то и стремлюсь я.

— А если я нахожу это довольство въ семьѣ?

— И благо тебѣ! Для всѣхъ это невозможно, разные бываютъ люди. Я ищу большаго, а меньшее, какъ тебѣ извѣстно, заключается въ большемъ. Если я приду къ своему идеалу жизни, равно ко всѣмъ подходящей, каждому равно доступной, каждому дающей полную возможность извѣдать счастье во всемъ его величіи и во всей полнотѣ—однимъ словомъ, если я найду жизнь, которая вполнѣ удовлетворила бы меня, требующаго отъ нея болѣе, чѣмъ ты, то нечего и принимать въ разсчетъ твоихъ требованій: они сами уже собою будутъ удовлетворены.

— И ты всего этого ищешь въ личномъ счастьи?

— Въ полной личной жизни, дающей себѣ чувствовать, стоющей названія жизни, прекрасной и счастливой.

— Вернемся къ началу разговора. Чѣмъ же твоя жизнь убѣждаетъ тебя, что ты стоишь на истинной дорогѣ?

— Вы всѣ и ото всего прописываете трудъ, работу, занятія, службу. Я говорю, что все это не то, что естественная цѣль каждаго—удовлетворить своей главной личной страсти, если жизнь не даетъ ему такой всепоглощающей цѣли, въ которой исчезнетъ и потонетъ всякая личная страсть. Для меня это дорого. Я называю личной страстью то, что даетъ мнѣ ясное и несомнѣнное счастье, что необходимо мнѣ для жизни и счастья. И если возможно счастье всеобщее, оно возможно только на этомъ пути, въ примиреніи между собою этихъ главныхъ страстей, при полномъ просторѣ для нихъ. Живя согласно съ своими взглядами, я спросилъ себя: въ чемъ моя главная страсть? Отвѣтъ ясный: свободное наслажденіе жизнью, заключающееся въ полномъ довольствѣ ею. Мнѣ нравилась веселая свѣтская жизнь, она мнѣ нравилась, она давала мнѣ довольство, и я отдался ей, не думая о томъ, навсегда, или же только на время даетъ она мнѣ это довольство. И жизнь эта вполнѣ

оправдала мои ожиданія: я жилъ весело и счастливо. Тогда я примѣрилъ свое счастье на другихъ: оказалось, что мое счастье—веселая общественная жизнь—она всѣмъ одинаково доступна и желательна, такъ или иначе, но ею всѣ живутъ, до послѣдняго мужика. Если бѣдность не даетъ имъ пользоваться ею, какъ слѣдуетъ, то вѣдь бѣдность явленіе ненормальное и ея нечего принимать въ разсчетъ, какъ не станешь же ты на своей фабрикѣ разсчитывать пищу по потребностямъ больного человѣка. Въ моей жизни мое состояніе ничего не значитъ. Положимъ, мужикъ не знаетъ роскошнаго бала, но вѣдь на этомъ балу ему было бы такъ же скучно, какъ и мнѣ на какихъ-нибудь посидѣлкахъ или въ хороводѣ, гдѣ онъ такъ веселится. Цѣна веселью не матеріальная, а нравственная. Вотъ первый выводъ изъ моей жизни и повѣрь, что бы ни случилось со мной впереди—этихъ годовъ я никогда не забуду. Но вотъ случилось нѣчто, вслѣдствіе чего все это рушилось. Прежняя моя жизнь умерла для меня. Послѣднее время до переѣзда на дачу я жилъ той же свѣтской веселой жизнью, и я увидѣлъ, что она уже не та для меня, что отлетѣло отъ нея то, что оживляло ее до сихъ поръ. Я пристально вглядывался во все, и повѣрь, я умѣю отличать впечатлѣнія первой минуты ото всего остального, болѣе основательнаго и прочнаго. Впрочемъ, зимой я еще провѣрю себя... Но я понялъ одно, что прежняя шумная моя свѣтская жизнь потому и была такъ хороша и манила къ себѣ, что главнымъ ея содержаніемъ было для меня ожиданіе теперь уже совершившейся встрѣчи съ дѣвушкой, которую одну только изо всѣхъ и хотѣлъ бы я назвать своей женой. Вотъ что одушевляло для меня эту жизнь, и эта душа отъ нея отлетѣла. Какъ прежде, такъ же страстно жаждать другой подобной встрѣчи, этого я уже не могу, не потому, что я однажды обманулся, а потому, что двухъ разъ этого нельзя. Я не согласенъ съ тобой, врядъ ли останусь я холостымъ, но прежде я жаждалъ любви и сватьбы, я искалъ ихъ, теперь же это дѣло лишь случая, встрѣчи, какъ для вдовца, напр., и я уже не стану попрежнему рваться къ этой встрѣчѣ: полюблю кого—хорошо, а нѣтъ—и не надо. Я уже любилъ, и снова такъ же страстно и беззавѣтно любить,

какъ я любилъ княжну, даже и не спрашивая себя, за что я люблю ее, могу ли я быть съ ней счастливъ, такъ любить я уже не могу. Итакъ, вотъ и рушилась вся моя жизнь. Въ этомъ новомъ своемъ положеніи я тщательно примѣрялъ къ себѣ всѣ ваши совѣты заняться чѣмъ-нибудь, т. е., проще говоря—такъ или иначе служить. Повѣрь, ничто не спасло бы меня. Занятія для занятій, а не ради страстной любви именно къ этому дѣлу—они не помогаютъ въ минуты горя и душевныхъ волненій, и не наполняютъ они пустоты жизни. И я говорю это не потому, что я богатъ: будь я бѣденъ, я бы, разумѣется, служилъ, но все такъ же несчастливъ былъ бы я и такъ же чувствовалъ бы я свое горе, ибо занятія наполняютъ, къ сожалѣнію, только время, а не жизнь. Какъ ни будь велики эти занятія, всегда оставятъ они достаточно свободнаго времени, чтобы чувствовать личное свое горе, жить имъ и думать о немъ. Чтобы забыть его, нужно, чтобы дѣломъ поглощены были сердце и умъ, а это возможно при страстно только любимомъ дѣлѣ, а не при чуждыхъ намъ, хотя бы и значительныхъ даже занятіяхъ. Не дай тебѣ Богъ испытать горя, но если придется—ты увидишь, что я говорю правду, и никогда не дастъ тебѣ твоя фабрика ни забвенья, ни исцѣленья. Но сколько ни всматривался я въ жизнь, до сихъ поръ не показала она мнѣ *ни единаго* несомнѣннаго, всепоглощающаго дѣла.

— Положимъ, такъ, но вѣдь и жизнь тебя обманула.

— Нѣтъ, она не обманула. Частности ничего не значатъ. Я уже опредѣлилъ тебѣ свою жизнь за эти годы, какъ исканіе любви, не увлеченія, а любви, ведущей къ браку. Раньше или позже, но искомое должно было найтись, и прежняя жизнь, т. е. внѣшнее ея проявленіе умирало въ ту же минуту, какъ умираютъ лепестки, когда завяжется плодъ. Во всякомъ случаѣ моя жизнь должна была принять иной оборотъ. Разница та, что, любимый, стастливый—я бы не почувствовалъ такъ рѣзко перемѣны, занятый любовью во все переходное время. Теперь я одинъ, я несчастливъ и потому-то такъ живо и чувствую я эту перемѣну, непремѣнное условіе каждаго переходнаго времени, когда старое уже умерло, а новое еще не родилось.

— Ну не знаю, а врядъ ли проживешь ты одной только этой любовью къ обществу и общественнымъ увеселеніямъ...

— Болѣе зрѣлые годы разовьютъ во мнѣ иные, свойственные имъ, интересы и страсти, эти новые интересы войдутъ въ первую страсть и опредѣлятъ направленіе моихъ будущихъ дней. Вотъ какъ излѣчитъ меня время, а не то, что я забуду княжну, какъ вы говорите, вѣдь я почти уже и не думаю о ней.

— А все-таки помнишь!

— Ну, Сережа, сразу, совсѣмъ ее выкинуть изъ сердца— вѣдь этого нельзя же...

— А какіе другіе интересы намъ доступны, кромѣ интересовъ науки, искусства и общественной службы? Придешь ты все къ тому же, къ намъ.

— Можетъ-быть. Изъ искусствъ я могу заниматься одной только литературой. Для нея, какъ и для науки, необходима ясная идея, и потому-то и не доступны мнѣ ни та, ни другая, по крайней мѣрѣ теперь, пока главная моя идея вполнѣ и стройно не уяснилась еще мнѣ. Хаосъ, исканія—это легко, и нужно, и пріятно передавать въ разговорѣ, гдѣ возраженія помогаютъ уясненію идеи, но неясная идея никогда не можетъ побудить къ творчеству. А служба или иное что въ этомъ родѣ—развѣ я отрекаюсь отъ нея? Если она обѣщаетъ и дастъ мнѣ довольство жизнью, я отдамся ей, и отдамся такъ же безкорыстно и страстно, какъ, бывало, отдавался я танцамъ и баламъ. Но снова повторяю, въ жизни я буду искать лишь того, что обѣщаетъ мнѣ каждое мое мгновеніе сдѣлать прекраснымъ или же возьметъ себѣ мою любовь—я умру вѣрнымъ своей идеѣ. Убивать время я могу и безъ службы, на то есть у меня и шампанское, и преферансъ, и гранъ-пассьянсы. И пока я буду ждать указаній отъ жизни; когда же мнѣ станетъ ясно, что мой образъ жизни не дастъ и не можетъ мнѣ дать этихъ указаній, тогда уже я буду ихъ самъ искать, пробуя все, что мнѣ доступно въ жизни. Тогда придется, можетъ-быть, испробовать и службу... Но это все въ будущемъ, а настоящее тяжело, Сережа, очень тяжело...

— Найти и свое даже личное счастье—и это почти уже невозможно, а ты хочешь найти счастье всеобщее... Саша,

нельзя не уважать человѣка, задавшагося подобной цѣлью, это великая цѣль, но вѣдь это такое же исканіе недостижимаго идеала, какъ и усилія изобрѣсти perpetuum mobile... Какъ тамъ физическія препятствія уничтожаютъ всѣ самые точные разсчеты, такъ тѣ же внѣшнія препятствія остановятъ и тебя. Можетъ-быть, теоретически и достигнешь ты цѣли, но мало ли существуетъ perpetuum mobile, неоспоримо, казалось бы, вѣрныхъ въ теоріи?

— Человѣку не дано создать ничего совершеннаго, медленно и съ разстановкой произнесъ ему въ отвѣтъ Алгасовъ. Но жизнь человѣчества—она отъ Господа и можетъ быть совершенна.

Ничего не сказалъ ему на это Костыгинъ.

— Нѣтъ, счастье всеобщее невозможно, задумчиво проговорилъ онъ наконецъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Но иначе я не могу понять истины, иначе жизнь земная не имѣетъ въ моихъ глазахъ смысла...

XXXII.

Въ самую Казанскую, въ два часа пополудни скончалась Анна Григорьевна Бертово. Смерть ея была тихая, Анна Григорьевна незамѣтно и постепенно угасала, но до послѣдней минуты все время была въ твердой памяти. За два дня до смерти у нея не хватило уже силъ встать съ постели. Наканунѣ смерти, чувствуя уже ея приближеніе, она пожелала исповѣдоваться и причаститься. Слабость ея все увеличивалась и къ утру Анна Григорьевна заснула. Докторъ, слѣдившій за нею, сказалъ, что она не переживетъ ужъ этого дня. Ее стали соборовать. Она не просыпалась и такъ незамѣтно и безъ страданій перешла въ лучшую жизнь.

Какъ только стало Аннѣ Григорьевнѣ хуже, графу Борису Михайловичу немедленно же телеграфировали объ этомъ; онъ поспѣшилъ въ Москву и засталъ еще Анну Григорьевну въ живыхъ, хотя жизнь эта выражалась однимъ только слабымъ дыханіемъ. Вскорѣ и оно прекратилось.

Тихо было въ комнатѣ. Безмолвно смотрѣли всѣ на отходившую старуху. Графъ, сидѣвшій возлѣ нея, наклонил-

ся къ ней, всталъ, перекрестился и, поцѣловавъ покойницу, сказалъ присутствующимъ:

— Скончалась!

Раздались рыданія... Графъ вышелъ изъ комнаты. Стали готовиться къ похоронамъ.

Молодымъ графу и графинѣ уже телеграфировали въ Швейцарію, вызывая ихъ въ Москву. Похороны отложили до ихъ пріѣзда.

Всѣ, знавшіе Анну Григорьевну, явились съ нею проститься. Не только съ дачъ, изъ деревень даже пріѣхали многіе къ ея похоронамъ. На панихидахъ, утромъ и вечеромъ, большая бальная зала, гдѣ лежало тѣло, всегда была полна посѣтителей, которыхъ принималъ графъ, въ глубокомъ траурѣ. Наконецъ пріѣхали молодые и 11-го назначены были похороны.

Страшно взволновало Алгасова извѣстье, что графиня Евгенія Александровна въ Москвѣ: пропало все его спокойствіе и тяжело было ему чувствовать ее вблизи и въ то же время совершенно уже чужою для себя... Вновь мучительно переживалъ онъ все только что пережитое. Ему и хотѣлось ее видѣть, и силъ не было рѣшиться смотрѣть на нее, жену другого. Въ числѣ прочихъ, знавшихъ Анну Григорьевну, и онъ получилъ приглашеніе на похороны и долго все собирался онъ съ силами поѣхать въ церковь, даже одѣлся— но остался дома.

— Да поѣзжай, что ли, говорилъ ему Костыгинъ. Ну чего ты мечешься?

— Да, хорошо тебѣ говорить: поѣзжай! Ты думаешь, это легко?

— Ну такъ не ѣзди.

— Когда еще придется ее увидѣть?

— Ну поѣзжай!

— Да что толка смотрѣть? Ея лицо — я никогда его не забуду! Еще разъ ее увидѣть, ты и не поймешь, какъ это мнѣ дорого, но видѣть ее съ мужемъ... Нѣтъ, лучше совсѣмъ ужъ не видѣть. Да и нѣтъ ужъ ея, той княжны, съ которой мнѣ было такъ хорошо... Ахъ, Сережа, и сейчасъ не могу вспомнить, какъ въ первый разъ при мнѣ на-

звали ее графиней... Кажется, когда я узналъ о ея помолвкѣ, и то легче мнѣ было, тогда все-таки не вся еще была она потеряна для меня, а тутъ все уже было кончено, все и навсегда.

— Ну что же, ѣдешь, или нѣтъ? Вѣдь опоздаешь!

— Нѣтъ, не поѣду. Или поѣхать, какъ ты думаешь, Сережа?

— Что же, поѣзжай! Тамъ столько будетъ народа, что никто и не замѣтитъ тебя. Посмотри на нее...

— Нѣтъ, не поѣду, рѣшительно сказалъ Алгасовъ. Я слишкомъ уже много смотрѣлъ на нее, чтобы ѣхать смотрѣть украдкой, а иначе нельзя, не говорить же съ ней, не поздравлять же ихъ съ мужемъ... Нѣтъ, не надо.

Заѣхавшій съ похоронъ Бачуринъ разсказывалъ, что графиня еще похорошѣла и была очаровательна въ трау̀рѣ. Она казалась совершенно счастливой и болѣе чѣмъ когда-либо влюбленной въ своего мужа.

Алгасовъ жадно слушалъ эти слова и, пока графиня была въ Москвѣ, все время не переставалъ онъ грустить и волноваться; по цѣлымъ днямъ со всѣми подробностями разсказывалъ онъ Костыгину исторію недолгаго своего счастья, вновь переживая его въ этихъ разсказахъ. На эти-то дни и намекалъ ему Костыгинъ въ разговорѣ.

Похороны Анны Григорьевны были великолѣпны. Были тутъ и архіереи, и пѣвчіе, и торжество вполнѣ соотвѣтствовало высокому положенію въ обществѣ покойной и ея богатству. Похоронили ее въ Донскомъ монастырѣ.

И разомъ, тотчасъ же за похоронами, опустѣлъ огромный домъ Анны Григорьевны. Завѣщаніе ея вскрыли, графъ выплатилъ всѣмъ ея домашнимъ назначенныя въ немъ суммы и велѣлъ имъ выбираться изъ дома. Взрослые разбрелись съ полученными деньгами по Руси, малолѣтнихъ отвезли къ ихъ роднымъ или отдали въ пріюты.

Часть своихъ имѣній Анна Григорьевна оставила полюбившейся ей Евгеніи Александровнѣ и за выплатой всѣмъ теткинымъ домочадцамъ, изъ которыхъ никто не былъ ею забытъ, завѣщанныхъ имъ денегъ, на долю самого графа

пришлось не особенно много, такъ что, если бы и захотѣлъ онъ, то не могъ бы содержать ея штата. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы и самый домъ запродалъ графъ одному разбогатѣвшему жиду.

Всѣ лучшія и наиболѣе цѣнныя вещи и картины графъ увезъ съ собой, остальное же сполна поступило подъ Сухареву башню. Старинная мебель Анны Григорьевны, всѣ ея вещи, которыхъ не успѣли растащить приживалки—все это загромоздило собой лавки старьевщиковъ. Были тутъ вещи историческія, памятники сношеній Анны Григорьевны и ея мужа съ разными замѣчательными людьми ихъ эпохи, были мелочи съ высокимъ художественнымъ значеніемъ, остатки минувшаго вѣка, и долго потомъ ходили москвичи-любители подъ Сухареву башню пополнять свои коллекціи вещами Анны Григорьевны.

Тамъ же, подъ Сухаревой, очутились и фамильные портреты Бертово—все важныя особы въ парикахъ и пудрѣ, многія со звѣздами; нѣкоторые портреты были произведеніемъ кисти лучшихъ художниковъ своего времени.

Разсѣялась и библіотека Анны Григорьевны, на которую спѣшившій графъ не обратилъ никакого вниманія. Восемь тысячъ роскошно переплетенныхъ томовъ большею частью французскихъ авторовъ конца прошлаго и первой половины настоящаго вѣка попали въ лавки букинистовъ. Между прочимъ, было тутъ много рѣдкихъ изданій, были письма Вольтера, Дидро, M-me Сталь, Шатобріана и другихъ знаменитостей, огромная коллекція автографовъ, интересные альбомы и богатое собраніе рисунковъ и гравюръ прошлаго вѣка. Все это старье купившій домъ жидъ вмѣстѣ съ мебелью и прочими вещами гуртомъ продалъ за безцѣнокъ подъ Сухареву башню.

И самый домъ неузнаваемо измѣнился. Жидъ все передѣлалъ въ немъ по своему, и нетронутыми остались лишь толстыя, несокрушимыя стѣны, толщиной почти въ сажень, строенныя для многихъ вѣковъ...

Внизу были устроены великолѣпные магазины; парадный подъѣздъ Анны Григорьевны служилъ имъ входомъ. Бельэтажъ занялъ самъ жидъ, роскошно отдѣлавъ его. Дорогіе обои закрыли стѣны, доселѣ просто расписанныя. Карнизы

украсились новой лѣпной работой, правда, нѣсколько аляповатой. Щегольская модная мебель отъ Шмидта наполнила комнаты, новыя блестящія картины въ сіявшихъ позолотой рамахъ смѣнили прежнія, почернѣвшія отъ времени и за то проданныя на Толкучку. Удивительное серебро работы Сазикова и Хлѣбникова замѣнило старинное, увезенное графомъ въ Петербургъ. Всѣ комнаты переполнились необыкновенно дорогими предметами роскоши, купленными въ лучшихъ магазинахъ и даже выписанными прямо изъ Парижа: жидъ былъ богатъ и ничего не жалѣлъ, онъ желалъ окружить себя царской роскошью.

Спальня Анны Григорьевны, въ которой она и умерла, при новомъ распредѣленіи комнатъ обратилась въ столовую. Ея образная, гдѣ ежедневно цѣлые часы простаивала она въ усердной молитвѣ передъ старыми родовыми иконами— эта образная сдѣлалась буфетомъ.

Ея любимая голубая гостинная, въ которой она проводила свои дни, окруженная приживалками и собачонками, раскладывая пассьянсы и принимая визиты, осталась, правда, гостинной, но, отдѣланная съ сказочной роскошью, съ позолотой на обитыхъ дорогимъ парижскимъ штофомъ стѣнахъ, съ потолкомъ, тоже украшеннымъ богатой позолотой и расписаннымъ самимъ Маковскимъ, уставленная золоченой парижской мебелью и вся переполненная золоченой же парижской бронзой баснословной цѣны—стала уже называться Золотой гостинной. Стала она жиду не въ копѣйку, за то же и стояла затворенная, съ опущенными шторами и съ чехлами на дорогихъ креслахъ и бронзахъ. Жидъ принималъ въ ней самыхъ лишь почетныхъ посѣтителей или очень ужъ богатыхъ, которыхъ особенно желалъ онъ поразить своей роскошью. Для обычныхъ пріемовъ было нѣсколько другихъ гостиныхъ, попроще, но тоже необыкновенно-роскошныхъ.

Сама Анна Григорьевна не узнала бы теперь своего дома, ни своихъ комнатъ.

Въ третьемъ и надстроенномъ еще четвертомъ этажахъ жидъ устроилъ квартиры съ паровымъ отопленіемъ, съ проведенной водой, съ газомъ и прочими чудесами: въ то время электрическій свѣтъ еще не былъ придуманъ, и послѣднимъ словомъ прогресса числился еще газъ.

Снаружи тоже измѣнился домъ. Розовый и простой при Аннѣ Григорьевнѣ, онъ сталъ теперь необыкновенно наряденъ. Каріатиды работы знаменитаго штукатурныхъ дѣлъ мастера, Пуда Силыча Проходимцева, поддерживали балконы. Гирлянды цвѣтовъ и плодовъ его же работы украсили фасадъ; медальоны съ женскими головками, урны и статуи на всѣхъ выступахъ—Версальскій дворецъ, да и только! Отличился Пудъ Силычъ: даже самъ жидъ пришелъ въ восторгъ отъ его работы и прибавилъ ему нѣсколько радужныхъ, да ребятамъ на чай. Правда, что и работалъ Пудъ Силычъ по рисункамъ знаменитаго архитектора, Соломона Самуиловича Эдельштейна. Выкрасили домъ дикой краской. Впрочемъ, вывѣски такъ щедро усѣяли весь его фасадъ, что chef d'oeuvre Пуда Силыча плохо и только отчасти былъ виденъ публикѣ; черезъ годъ суровый нашъ климатъ еще понизилъ нѣсколько уровень художественнаго достоинства всѣхъ украшеній, и полинявшія статуи безъ носовъ, полуобвалившіяся гирлянды, каріатиды съ блиномъ вмѣсто лица—вотъ печальные остатки дивнаго, оставшагося невѣдомымъ міру созданія Соломона Эдельштейна, исполненнаго подрядчикомъ Пудомъ Проходимцевымъ.

Мѣсто роскошнаго герба Бертово, нѣкогда единственнаго украшенія фасада, занялъ теперь щитъ, на которомъ въ лавровомъ вѣнкѣ, подъ чѣмъ-то похожимъ па корону, готическими буквами красиво изображенъ былъ вензель новаго хозяина, Исаака Авраамовича Зильберзсона. Къ сожалѣнію, на самомъ этомъ мѣстѣ пришлась вывѣска зубного врача и закрыла собой почти весь вензель.

Половина тѣнистаго стариннаго сада была вырублена: жидъ рѣшилъ утилизировать даромъ пропадающее мѣсто и началъ тутъ строить громадный пятиэтажный домъ съ безчисленными квартирами, домъ, обѣщавшій весьма и весьма солидный % на затраченный капиталъ.

Пожалуй, не меньше, чѣмъ и при Аннѣ Григорьевнѣ, стояло теперь каретъ у ея дома, все новыя щегольскія кареты. Не было, правда, на ихъ дверцахъ ни гербовъ, ни коронъ, но какимъ зато шелкомъ обита внутренность, какія рессоры, какіе рысаки...

Такъ все измѣнилось въ старомъ домѣ и вокругъ него. Ничто уже не напоминало болѣе Анны Григорьевны—вся ея жизнь умерла вмѣстѣ съ нею и исчезла безъ слѣда.

XXXIII.

Въ концѣ августа начались холода. Свѣжія ночи давали себя чувствовать. Лѣто кончалось.

Дачники мало-по-малу стали возвращаться въ городъ. Одни изъ первыхъ переѣхали Бачурины.

Внутренняя жизнь этой семьи шла за послѣднее время не совсѣмъ какъ-то ладно. Константинъ Платоновичъ былъ недоволенъ своей службой, жалуясь на интриги и находя, что слишкомъ уже долго не даютъ ему обѣщаннаго повышенія. Ирина скучала безсодержательной и безцѣльной своей жизнью. Аделаида Филипповна, здоровье которой становилось все хуже и хуже, была постоянно раздражена, всѣмъ рѣшительно недовольна, никакъ не могла привыкнуть къ Москвѣ, все преувеличивала и тоже скучала: тускло и грустно догорала ея когда-то блестящая жизнь.

Но изо всѣхъ трехъ всего тяжелѣе жилось Иринѣ: у Константина Платоновича все-таки были дѣла и обязанности, были ожиданія и хитроумныя комбинаціи; Аделаида Филипповна была больная старуха, Ирина же, молодая, полная силъ, полная жажды жизни—и съ невольнымъ ужасомъ глядѣла она на пустые, однообразные и безцвѣтные свои дни: тѣ же ничтожныя заботы, тѣ же знакомыя развлеченія, то же отсутствіе всякаго дѣла, всякихъ интересовъ и желаній, вотъ ея жизнь въ теченіи многихъ уже лѣтъ. А впереди видѣлось одно только худшее... Впрочемъ, Ирина всегда избѣгала думать о будущемъ и разбирать свое положеніе, предпочитая жить съ закрытыми глазами.

Съ братомъ уже не было у нихъ прежней дружбы, когда-то ихъ соединявшей въ дѣтствѣ и юношествѣ. Тогда никакіе внѣшніе интересы не мѣшали этой дружбѣ. Ея основой было то, что оба они вмѣстѣ росли и развивались, вмѣстѣ думали и готовились къ жизни. Теперь сама жизнь заняла мѣсто приготовленія. Ирина слишкомъ уже долго все вела ту же пустую и уже безъинтересную для нея

жизнь свѣтской дѣвушки. Константинъ Платоновичъ служилъ. Разные интересы волновали ихъ. Какіе бы ни были ея интересы, они были ему чужды. Она интересовалась только внѣшней стороной его службы, его карьерой, а въ самую суть этой службы почти не вникала. Обмѣнъ мыслей не могъ уже такимъ образомъ имѣть для нихъ прежняго значенія, знали они другъ друга хорошо и мало-по-малу мѣсто дружбы заняла обыкновенная привычка брата къ сестрѣ, отъ былой ихъ дружбы осталось одно только воспоминаніе и въ силу его—названіе. Къ тому же явился уже другой, ставшій Иринѣ дороже брата, а скрытая отъ брата любовь ея, о которой Константинъ Платоновичъ такъ ничего и не узналъ, эта ставшая между ними тайна окончательно ихъ разъединила. Сдержанная и прежде, Ирина стала еще сдержаннѣе, имѣя тайну, и еще строже замкнулась въ самой себѣ.

Все, однимъ словомъ, разъединяло членовъ семьи и создавало въ ихъ отношеніяхъ что-то натянутое и холодное. Жизнь вмѣстѣ не согрѣвала уже ихъ, напротивъ, каждая непріятность, болѣзненное или тоскливое состояніе одного изъ нихъ, каждая пустая размолвка—одинаково отзывались они на всѣхъ и только увеличивали эту холодность, замѣтнѣе дѣлая совершившійся разладъ. Въ тяжелыя минуты никто не искалъ утѣшенія въ семьѣ, но или таилъ свое горе про себя, или же внѣ дома искалъ себѣ развлеченій. Семья дожила, однимъ словомъ, до той поры, когда, созрѣвъ, она распадается и новыя семьи образуются на ея развалинахъ.

Ирина свыклась уже съ мыслью, что Алгасовъ не любитъ ея, свыклась до того, что ея похороненное чувство не только не проявлялось ни въ чемъ наружу, но не сказывалось и ей даже самой. Она знала только, что любитъ Алгасова, никогда и не думая объ этомъ, и до того отстранилась она отъ него, что, видаясь и говоря съ нимъ, она видѣла въ немъ не любимаго, а только умнаго и интереснаго человѣка, горячіе разговоры и разнообразные интересы котораго хоть сколько-нибудь вносили оживленья въ ея тусклую жизнь. Онъ все такъ же любилъ съ ней говорить, ее попрежнему занимали оригинальные его взгляды, она по-

вѣряла ему свое недовольство жизнью и только съ нимъ была она до нѣкоторой степени откровенна—такъ мало-помалу снова установились между ними простыя, дружескія отношенія. Ихъ недавняя любовь совершенно уже забылась—по крайней мѣрѣ съ его стороны—и ничто уже не омрачало ихъ дружбы, словно и не бывало никогда этой любви...

Когда такъ печально кончилась его любовь къ княжнѣ— невольно шевельнулась тутъ надежда въ сердцѣ Ирины. Тщательно затаенная, надежда эта ни въ чемъ не проявлялась; Ирина и сама не вѣрила, что возможно сбыться этой надеждѣ, но порой, наединѣ, не могла не отдаваться ей и хотя въ мечтахъ не переживать воображаемаго счастья... Но время шло, и скоро окончательно замерла въ ней и послѣдняя эта надежда.

Въ послѣднихъ числахъ августа съ курьерскимъ поѣздомъ Николаевской дороги пріѣхалъ въ Москву молодой человѣкъ, довольно красивый, стройный, свѣжій, выбритый и отъ того казавшійся еще болѣе моложавымъ, одѣтый въ особый какой-то заграничный дорожный костюмъ. Онъ остановился въ гостинницѣ Дюссо и, занявъ отведенный ему номеръ, велѣлъ пріѣхавшему съ нимъ нѣмцу-лакею приготовить одѣваться, а между тѣмъ, основательно вымывшись съ дороги, спросилъ себѣ кофе и завтракъ. Затѣмъ онъ старательно одѣлся, со всѣхъ сторонъ осмотрѣлся въ зеркало и вышелъ на подъѣздъ. Лихачъ-извощикъ подалъ ему пролетку. Молодой человѣкъ сѣлъ и велѣлъ ѣхать на Поварскую.

Съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ осматривался онъ по сторонамъ, словно дивила его Москва. Онъ ничего не упускалъ по дорогѣ и многое вызывало у него насмѣшливую улыбку.

Лихо прокатилъ его извощикъ по всей Поварской, но даже и къ этой красавицѣ-улицѣ молодой человѣкъ остался совершенно равнодушенъ. Подъѣхавъ къ Вдовьему дому, извощикъ остановился и спросилъ своего сѣдока:

— Да вамъ куда, ваше сіятельство?

Молодой человѣкъ вынулъ изъ кармана адресъ и прочелъ: Поварская, д. X.

— Да вотъ Поварская, мы ее всю проѣхали, возразилъ извощикъ.

— Такъ гдѣ же это?

— Дома-то, выходитъ, вы не знаете?

— Нѣтъ.

Извощикъ переспросилъ фамилію домовладѣльца, повернулъ лошадь, спросилъ городового, вернулся назадъ и подъѣхалъ къ большому сѣрому дому, гдѣ жили Бачурины.

Приказавъ извощику подождать, молодой человѣкъ скрылся въ подъѣздъ.

— Какъ прикажете доложить? спросилъ его швейцаръ.

— Сергѣй Ивановичъ Давыдовъ.

Швейцаръ позвонилъ, и Сергѣй Ивановичъ пошелъ по лѣстницѣ.

Аделаида Филипповна была въ гостинной. Съ обычной холодной своей любезностью встрѣтила она гостя, вспомнила, какъ давно не видались они, спросила, гдѣ онъ теперь служитъ и откуда онъ, надолго ли въ Москву и т. д.

Скоро появилась и Ирина. Увидавъ Сергѣя Ивановича, она не сразу его узнала, но, узнавъ, очень обрадовалась ему и отъ души поблагодарила его, что онъ не забылъ ихъ и разъискалъ въ Москвѣ.

А онъ—съ ея появленія онъ не спускалъ уже съ нея глазъ. Почти три года не видалъ онъ ея, но помнилъ и любилъ ее попрежнему, съ тоской мечтая о ея любви. Увидѣвъ ее наконецъ послѣ трехлѣтней разлуки, онъ нашелъ ее еще болѣе похорошѣвшей, и съ новой силой оживила его любовь ея красота и особенно та радость, съ которой встрѣтила его Ирина. Восхищенный красотой любимой дѣвушки, съ трудомъ лишь могъ онъ слѣдить за разговоромъ и отвѣчать на вопросы хозяекъ. Ему хотѣлось бы сидѣть и глядѣть на нее, любоваться, безъ конца любоваться дивной этой и дорогой для него красотой, и особенно тутъ, въ эту первую минуту свиданія...

На вопросъ Аделаиды Филипповны, какъ попалъ онъ въ такую глушь, какъ Москва, онъ отвѣтилъ, что личныя дѣла вызвали его въ Россію и, будучи въ Москвѣ проѣздомъ въ Тамбовъ, онъ счелъ долгомъ засвидѣтельствовать почтеніе.

И для этого засвидѣтельствованія Давыдовъ застрялъ въ Москвѣ на нѣсколько недѣль.

Сергѣй Ивановичъ служилъ при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ, и служилъ съ успѣхомъ: въ дипломатическомъ мірѣ ему предсказывали будущность. Ему даже и предлагали довольно видное мѣсто, но только въ Бернѣ, и онъ отказался.

Разумѣется, не испугалъ бы его Бернъ, и особенно, какъ основа дальнѣйшей блестящей карьеры, но всѣми его поступками всегда руководила одна мысль, мысль объ Иринѣ. Онъ любилъ Ирину, ради нея служилъ, ради нея радовался отличіямъ и служебнымъ успѣхамъ. Не смотря на неоднократные ея отказы, все не переставалъ онъ надѣяться и такъ весь былъ онъ занятъ и поглощенъ Ириной, что безъ нея и счастье, и даже самая жизнь казалась ему немыслимой и совершенно невозможной. Ему представлялись прекрасныя партіи, но онъ остался вѣренъ Иринѣ, лелѣя надежду когда-нибудь дождаться ея любви и согласія. Въ противномъ же случаѣ онъ предпочиталъ уже холостую жизнь, какъ единственную, способную дать ему по крайней мѣрѣ спокойствіе.

Руководимый мыслью объ Иринѣ и всегда соображаясь съ тѣмъ, что сдѣлалъ бы онъ, если бы она была его женой, онъ отказался отъ мѣста въ Бернѣ и остался въ Вѣнѣ: слишкомъ уже невозможнымъ показалось ему поселить великолѣпную Ирину въ скромномъ и скучномъ мѣщанскомъ Бернѣ, а Сергѣй Ивановичъ желалъ всегда быть готовымъ назвать ее своей женой.

Давно уже хотѣлось ему увидѣть ее, но онъ все не рѣшался, помня всѣ упорные ея отказы и предпочитая жить въ своихъ мечтахъ, чѣмъ еще разъ свалиться на землю. Онъ зналъ о смерти Платона Александровича и переѣздѣ Бачуриныхъ въ Москву, и даже въ Петербургъ пересталъ ѣздить: безъ Ирины ничто уже не привлекало его туда.

Лѣтомъ умеръ одинъ дальній его родственникъ. Давыдовъ былъ въ числѣ наслѣдниковъ и другіе наслѣдники вызывали его въ Россію для раздѣла наслѣдства. Сергѣю Ивановичу и хотѣлось, и нужно было ѣхать, но онъ зналъ, что,

будучи въ Россіи, онъ не утерпитъ и поѣдетъ въ Москву, къ Бачуринымъ, а увидѣвъ Ирину, снова станетъ говорить ей о своей любви и просить ея руки. Съ тоской предвидѣлъ ужъ онъ ея отвѣтъ, и такой мучительный страхъ напалъ на него въ послѣднюю минуту, что цѣлое лѣто все откладывалъ онъ поѣздку въ Россію и никакъ не могъ рѣшиться выѣхать изъ Вѣны. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ взялъ отпускъ, и во весь длинный переѣздъ отъ Вѣны до Петербурга одна только дума и занимала его—тоскливая дума объ Иринѣ...

Въ Петербургѣ онъ увидѣлся съ своими сонаслѣдниками и сговорился съѣхаться съ ними въ Тамбовѣ для совершенія раздѣльнаго акта: въ Тамбовской губерніи была самая цѣнная часть наслѣдства и тамъ же долженъ былъ получить свою долю Сергѣй Ивановичъ.

Узнавъ адресъ Бачуриныхъ, въ первый разъ въ жизни пустился онъ въ глубь Россіи. Его состояніе заключалось главнымъ образомъ въ деньгахъ, и единственное небольшое его имѣньице, въ которомъ онъ никогда и не бывалъ, находилось въ арендѣ у мужа его сестры: вполнѣ довѣряя зятю, Сергѣй Ивановичъ спокойно получалъ свою аренду за совершенно ему невѣдомый клочокъ земли. Теперь ему доставалось другое имѣнье, гораздо болѣе значительное, и онъ хотѣлъ его самъ осмотрѣть, разумѣется, съ помощью зятя, котораго и просилъ пріѣхать для этого въ Тамбовъ.

Въ Москвѣ Сергѣй Ивановичъ остановился, чтобы видѣть Ирину. И возвращаясь отъ Бачуриныхъ, радостный, счастливый уже тѣмъ, что онъ увидѣлъ ее, еще мучительнѣе почувствовалъ онъ страхъ передъ вѣроятнымъ новымъ ея отказомъ, и съ болью въ сердцѣ не давалъ онъ себѣ наслаждаться своей радостью...

Каждый день сталъ онъ бывать у Бачуриныхъ. Ирина, повидимому, была ему рада и всегда съ удовольствіемъ съ нимъ видалась. Это нѣсколько оживило его надежды. Онъ рѣшилъ остаться въ Москвѣ и посмотрѣть, что будетъ. Чтобы не быть вынужденнымъ ѣхать въ Тамбовъ, Сергѣй Ивановичъ послалъ зятю полную довѣренность, извѣщая его, что въ данную минуту самъ никакъ не можетъ онъ пріѣхать и прося замѣнить его при совершеніи раздѣла. При-

чину, задерживавшую его въ Москвѣ, онъ объяснилъ зятю въ общихъ лишь чертахъ, пока не входя еще въ подробности.

Въ первое же его посѣщеніе Ирина сейчасъ увидала, что онъ любитъ ее попрежнему, и нельзя сказать, чтобы не была ей пріятна эта постоянная любовь, которую она съумѣла внушить. При всей ея холодности, это и льстило Иринѣ, и очень ей нравилось. Скоро же догадалась она, что онъ не оставилъ своихъ видовъ на нее. Сначала эта мысль испугала ее. Ирина сейчасъ же подумала, что, пока она свободна, она можетъ еще любить Алгасова и питать хоть тѣнь надежды, хоть на какое-нибудь самое отдаленное будущее, выйдя же замужъ, навсегда уже ото всего должна она будетъ отказаться... И тутъ лишь, когда проснулись въ ней эти мысли, тутъ лишь поняла Ирина, какъ велика еще ея любовь, какъ мало еще забыла она и какъ упорно держится за несбыточныя свои надежды... Но благоразуміе одержало въ Иринѣ верхъ. На любовь Алгасова нечего уже надѣяться, печально сказала она самой себѣ. А безъ этихъ надеждъ, что такое безъ нихъ ея жизнь? Скука, пустота, безцѣльное и безплодное увяданіе. Что ждетъ ее? Грустное положеніе старой дѣвы. Она хороша, она еще молода, но ей уже 24-й годъ. Никакихъ блестящихъ партій не представлялось ей до сихъ поръ, и что же, до которыхъ же поръ ихъ ждать? Сергѣй Ивановичъ хорошій и не глупый человѣкъ, онъ любитъ ее, онъ будетъ такъ счастливъ, если она согласится быть его женой. Прежде, отказывая ему, она ждала не только болѣе блестящей партіи, но и человѣка, котораго она полюбила бы. Теперь этого ждать уже нечего. Не все ли ей равно теперь, за кого ни идти, и не въ тысячу ли разъ лучше выйти за Сергѣя Ивановича, котораго она уже знаетъ и уважаетъ и который такъ доказалъ ей свою любовь? А выйдя замужъ, она станетъ женой и матерью, вся жизнь ея получитъ смыслъ и цѣль, у нея будетъ своя семья и она избавится наконецъ отъ гнетущей этой пустоты и томительной, всюду преслѣдующей ее тоски. Всѣ доводы были такимъ образомъ въ пользу согласія и разсудокъ приказывалъ ей принять предложеніе Сергѣя Ивановича.

И когда она дошла до этого вывода, такой холодъ вдругъ охватилъ ее, такой ужасъ сжалъ ея сердце, съ такой си-

лой сказалась въ ней ея любовь къ Алгасову... И въ эту минуту, когда она почти уже рѣшила, что должна навѣки отказаться отъ него, въ эту минуту вдругъ явилась ей мысль, что можетъ-быть Алгасовъ все еще любитъ ее и безпрепятственное только пользованіе ея дружбой не даетъ ему этого сознать...

Она сама не знала, какъ и откуда явилась ей эта мысль, но эта мысль была такъ хороша, что Ирина не въ силахъ была прогнать ея.

Ирина стала припоминать время его любви, это лучшее время своей жизни. Онъ любилъ ее, въ этомъ нечего сомнѣваться, что бы ни говорилъ онъ. Было ли что-нибудь, за что онъ могъ бы разлюбить ее, хоть что-нибудь, кромѣ этого увлеченія княжной? Ничего не было. Могъ ли онъ серьезно полюбить, не увлечься, а полюбить княжну, эту легкомысленную дѣвушку, совершенно неспособную понять его и его геніальныя мысли? Нѣтъ, онъ не могъ полюбить княжны, не за что ему любить ея. Ясно, онъ только увлекся ею. И легко объяснить въ немъ эту потребность увлеченія: онъ такъ еще молодъ! Онъ такъ глубоко и сильно чувствовалъ свое горе и нельзя ожидать, чтобы въ такое короткое время успѣлъ онъ успокоиться и сознать, что, не смотря на всѣ свои увлеченія, онъ все-таки любитъ одну только ее, Ирину; къ тому же ея дружба и слишкомъ свободное пользованіе этимъ наиболѣе (въ глазахъ Ирины) дорогимъ преимуществомъ любви, она-то главнымъ образомъ и удерживаетъ его отъ этого сознанія, не вызывая въ немъ потребности подумать объ истинномъ характерѣ своего чувства къ Иринѣ. Препятствія, возможность утраты—другое дѣло...

Ирина перечла его письмо. Но вѣдь оно было писано въ минуту увлеченія другой женщиной, красивой и блестящей кокеткой, и нельзя вѣрить этому письму: Агласовъ самъ не сознавалъ, что онъ пишетъ, когда писалъ эти жестокія слова...

Сколько отрады давала ей эта мысль! И чѣмъ болѣе убѣждалась Ирина, что Алгасовъ не могъ серьезно полюбить княжны, тѣмъ болѣе надѣялась она, что онъ не разлюбилъ ея, Ирины, а только увлекся другой и на минутку лишь за-

былъ свою истинную любовь. Ему не за что ея разлюбить, а разлюбить безъ причины нельзя, думала Ирина.

И она рѣшила заставить его сознать свою любовь. Страстно хотѣлось ей вѣрить этой неожиданной надеждѣ—и минутами дѣйствительно ей вѣрила она.

Между тѣмъ оставшійся въ Москвѣ Давыдовъ продолжалъ почти каждый день бывать у Бачуриныхъ и Алгасовъ часто заставалъ его у нихъ. Дѣлая это совершенно, повидимому, ненамѣренно, Ирина всячески старалась обращать вниманіе Алгасова на частыя посѣщенія Давыдова, а когда Алгасовъ заставалъ его у нихъ, Ирина отдавала Давыдову все свое вниманіе, была съ нимъ любезна, весела, даже кокетлива, сдержанно, тихо—но тѣмъ увлекательнѣе было это кокетство и тѣмъ болѣе бросалось оно въ глаза всякому, хоть сколько-нибудь слѣдившему за Ириной.

Никогда еще до сихъ поръ такъ не вела себя Ирина, и не думала, и не умѣла она завлекать, и даже, чтобы привлечь къ себѣ любимаго человѣка—и то не стала бы она съ нимъ кокетничать. Но желаніе возбудить ревность въ Алгасовѣ, оно научило ее всѣмъ тайнамъ кокетства, наиболѣе къ ней шедшаго. Это былъ послѣдній порывъ ея къ счастью и все, что могла, сдѣлала Ирина, чтобы удержать за собой это счастье.

Сергѣй Ивановичъ не зналъ руководившихъ ею побужденій и много отрады давало ему тихое ея кокетство, суля ему надежду и счастье. Алгасовъ же, плохо наблюдавшій за Ириной, ничего и не замѣтилъ. Онъ видѣлъ только частыя посѣщенія Давыдова, а отъ Константина Платоновича зналъ, что Давыдовъ самый упорный искатель руки Ирины и не разъ уже дѣлалъ Иринѣ предложеніе.

Однажды Давыдовъ и Алгасовъ были вмѣстѣ у Бачуриныхъ. Когда Давыдовъ уѣхалъ, Алгасовъ, оставшись наединѣ съ Ириной, шутливо замѣтилъ ей:

— А ты, кажется, совсѣмъ плѣнила Сергѣя Ивановича, Ирина?

Такъ и упало сердце Ирины при этомъ вопросѣ, и не въ силахъ была она хоть что-нибудь отвѣтить Алгасову.

— Онъ слишкомъ часто у васъ бываетъ. Мнѣ кажется, онъ снова хочетъ сдѣлать тебѣ предложеніе, такъ же легко

продолжалъ Алгасовъ, никакой видимо важности не придавая этимъ словамъ и потому лишь говоря это, что ничего иного не представилось ему въ данную минуту для разговора.

— Мнѣ кажется, слабымъ голосомъ отвѣтила Ирина, дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобы не выдать своего волненія. Слегка лишь поблѣднѣла она.

— И что же ты? спросилъ Алгасовъ.

— Если онъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе, я приму его, въ послѣдній разъ оживляясь надеждой, тихо сказала Ирина.

Алгасовъ помолчалъ немного.

— Развѣ онъ тебѣ нравится? нерѣшительно произнесъ онъ наконецъ.

— Ахъ, не все ли мнѣ равно, за кого идти?

— Но какъ же это, идти за человѣка, не любя его?

— А по твоему лучше остаться старой дѣвкой?

— По моему—лучше, чѣмъ жить съ нелюбимымъ мужемъ.

— Онъ хорошій человѣкъ, онъ любитъ меня, я его знаю и глубоко уважаю. И что же лучше, быть женой такого человѣка и матерью его дѣтей, или же таскаться по баламъ, цѣлые дни сидѣть сложа руки и мучиться скукой и пустотой... Что лучше?

Даже дыханье захватило у нея... Отвѣтъ Алгасова или дастъ ей счастье, или же будетъ могилой всѣхъ ея надеждъ. Секунды казались ей часами, а Алгасовъ медлилъ отвѣтомъ и сидѣлъ задумавшись.

— Что съ тобой? не вытерпѣла и спросила она, чтобы только заставить его говорить.

— Мнѣ грустно, Ирина... Я вижу, ты глубоко несчастна, и я этому причиной, я сдѣлалъ тебя несчастной...

Ирина почувствовала даже облегченіе—такъ томительно тяжела была для нея минута ожиданія. Теперь ясно, что все уже кончено. Ирина сдѣлала одно страшное усиліе воли, мгновенно отстранила отъ себя всѣ свои мечты и надежды и, такъ сказать, привела себя въ порядокъ. Но если бы Алгасовъ смотрѣлъ на нее въ эту минуту, онъ увидѣлъ бы болѣзненную гримасу, исказившую все красивое лицо ея, гримасу, исторгнутую неимовѣрными душевными стра-

даніями... Но все прошло, съ виду Ирина снова спокойна, и одна только блѣдность обличаетъ все ею пережитое.

— Богъ не судилъ мнѣ твоей любви, Саша, заговорила она слабымъ, нѣсколько упавшимъ голосомъ, которому тщетно силилась придать бодрости. Его святая воля! А за меня не бойся: никакое несчастье не заставитъ меня сдѣлать того, что противно мнѣ самой. Съ Давыдовымъ я буду счастлива, насколько могу быть счастливой, и счастливѣе, чѣмъ съ нимъ, мнѣ ни съ кѣмъ уже не быть.

Алгасовъ замолчалъ и вскорѣ ушелъ.

Оставшись одна, Ирина долго неподвижно сидѣла на томъ же мѣстѣ, съ остановившимся, полнымъ страданія взоромъ. Слезы показались у нея на глазахъ и покатились по блѣднымъ щекамъ: съ дѣтства не знала она слезъ. Сначала она ихъ не удерживала, но потомъ вытерла ихъ, тряхнула головой, словно отстраняясь отъ чего-то, и встала, наружно совершенно уже спокойная. Участь Сергѣя Ивановича была рѣшена.

Во все это время она думала только о себѣ, о немъ и нечего было ей думать. Она знала, что онъ любитъ ее, и знала, что, разъ обѣщавъ, она будетъ ему вѣрной и преданной женой и сдѣлаетъ все, чтобы дать ему счастье. Своей жизни у нея нѣтъ, нѣтъ никакихъ интересовъ, никакихъ привязанностей, и тѣмъ легче будетъ ей раздѣлить жизнь, интересы и привязанности мужа, по крайней мѣрѣ наружно. А до того, что таится на глубинѣ ея души—до этого нѣтъ ему дѣла, ни онъ и никто другой никогда этого не узнаетъ. Ирина знала, что у нея всегда хватитъ силъ и воли исполнить все, что она хочетъ и должна исполнить. Съ пути долга ни соблазны, ни несчастья—ничто не собьетъ ея.

Прекратилось ея кокетство съ Сергѣемъ Ивановичемъ, ея обращеніе съ нимъ стало сдержанно и ровно и почти не было въ немъ разницы отъ обычнаго ея обращенія съ ея знакомыми, кромѣ тѣхъ развѣ, на которыхъ совсѣмъ уже не обращала она никакого вниманія. Она ждала его предложенія, но въ душѣ была бы почти рада, если бы онъ не сдѣлалъ его.

Черезъ три дня послѣ ея разговора съ Алгасовымъ Сергѣй Ивановичъ Давыдовъ былъ объявленъ ея женихомъ.

Безгранично-счастливъ былъ Сергѣй Ивановичъ и ни на шагъ не отходилъ онъ отъ своей красавицы-невѣсты. Такъ былъ онъ счастливъ, и такъ трогательно выражалась его любовь и радость, что даже Ирина была ими тронута, и невольно ласковѣй стала она съ своимъ женихомъ.

Въ числѣ прочихъ поздравилъ ее и Алгасовъ. Отъ души пожелалъ онъ ей счастья и прибавилъ, что ея отъѣздъ лишитъ его дорогого друга, котораго никто уже не замѣнитъ ему. Молча выслушала его Ирина и улыбкой лишь могла она поблагодарить его. При этихъ его словахъ ей вспомнились всѣ недавнія безумныя ея надежды и отчаянные порывы къ счастью, и ей стало и больно, и стыдно самой себя... Она поспѣшила отойти отъ Алгасова.

Алгасовъ часто навѣщалъ Костыгина въ Чудновѣ и иногда проводилъ тамъ по нѣскольку дней, охотясь и гуляя по берегамъ Клязьмы и по рощамъ, подходившимъ къ самой почти фабрикѣ. Работы по постройкѣ фабрики были въ самомъ разгарѣ, спѣшили скорѣе все кончить и пустить фабрику въ ходъ; цѣлые дни безотлучно находился Костыгинъ на этихъ постройкахъ, но Алгасовъ всегда бралъ съ собой книги и такимъ образомъ не скучалъ, оставаясь одинъ.

Костыгинъ старательно устраивалъ свою квартиру, приготовляя ее къ пріему молодой хозяйки. Небольшая, но уютная, въ только что построенномъ домѣ, обставленная новой мебелью, это была превеселенькая квартирка. Среди мебели особенно выдавались два большихъ дубовыхъ шкафа съ избранными роскошно-переплетенными сочиненіями по литературѣ и исторіи, подарокъ Алгасова, буфетъ съ прекрасной работы серебромъ и полнымъ очень хорошимъ сервизомъ отъ Надежды Семеновны, великолѣпный рояль, подаренный только что пріѣхавшей княгиней Софьей Семеновной и изящный туалетный столъ отъ Бачуриныхъ.

Лизѣ захотѣлось взглянуть на свое будущее жилище и однажды она обѣщала жениху пріѣхать къ нему съ своимъ братомъ. Наканунѣ этого дня Костыгинъ и Алгасовъ долго возились въ квартирѣ, стараясь убрать ее какъ можно лучше, чтобы она понравилась Лизѣ. Нѣсколько разъ переставляли они съ мѣста на мѣсто всю мебель, мѣняя даже назначеніе комнатъ, пока не остались наконецъ довольны своей рабо-

той. Осматриваясь въ комнатахъ, они пришли къ заключенію, что не хватаетъ еще трехъ вещей: цвѣтовъ на окнахъ, картинъ на стѣнахъ и нотъ къ роялю. Костыгинъ сосчиталъ свои деньги, Алгасовъ добавилъ, чего не хватало, и поѣхалъ въ Москву за покупками. Утромъ слѣдующаго дня всѣ комнаты украсились цвѣтами и пальмами; на полу въ гостинной появился коверъ; возлѣ рояля поставили этажерку съ нотами, а на стѣнѣ противъ него повѣсили большую гравюру, изображавшую пріемъ Бетховена при Вѣнскомъ дворѣ. Размѣстивъ все это, друзья еще разъ все осмотрѣли и сами стали накрывать и убирать столъ для чая. Алгасовъ не забылъ захватить у Надежды Семеновны разнаго варенья, которое и наложили они въ новыя хрустальныя вазочки, разставленныя среди стола, вокругъ корзины, красиво убранной грушами, персиками и виноградомъ, съ большимъ ананасомъ наверху.

Лиза пріѣхала и пришла въ восторгъ отъ ихъ трудовъ. Милой улыбкой благодарила она ихъ обоихъ и съ нѣкоторымъ смущеніемъ принялась разливать чай, вступая такимъ образомъ въ свою будущую роль. Весь день прошелъ у нихъ дружно и весело, такъ что и пріѣхавшій даже съ сестрой Иванъ Ивановичъ пересталъ сторониться отъ Алгасова и примкнулъ къ общему оживленному настроенію: молодость и юношеская жажда веселья пересилили тутъ въ Стекловѣ его нетерпимость и убѣжденія. Весело разговаривали молодые люди, пѣли, гуляли, бѣгали, смѣялись, и никто и не замѣтилъ, какъ подкрался вечеръ и часъ возвращенія въ Москву. Съ сожалѣніемъ уѣзжали всѣ изъ Чуднова, гдѣ оставался одинъ Костыгинъ. Чтобы подолѣе не разставаться, всѣ вмѣстѣ пѣшкомъ отправились они на станцію, бывшую въ верстѣ отъ фабрики. Костыгинъ проводилъ своихъ гостей, и какъ легко было на душѣ у него, когда одинъ возвращался онъ на опустѣвшую свою квартиру! Этотъ чудный день былъ для него предвкушеніемъ будущаго и уже близкаго счастья, и до разсвѣта проходилъ Костыгинъ по берегу Клязьмы, весь отдавшись волшебнымъ мечтамъ о свѣтломъ ожидающемъ его счастьи...

Такъ же счастлива была и Лиза, и ей еще дороже и ближе стало ея будущее счастье, начало котораго она уви-

дѣла въ только-что кончившемся днѣ. На минутку лишь затуманилась она, прощаясь съ Костыгинымъ, но вскорѣ же снова развеселилась и всю дорогу до самой Москвы оживленно всѣ трое болтали они и громко смѣялись, и такъ весело было имъ, что и въ Москвѣ втроемъ же пошли они пѣшкомъ съ вокзала, продолжая разговаривать. Лиза позвала Алгасова напиться у нихъ чая, и до поздней ночи просидѣлъ онъ у Стекловыхъ.

Ему удалось даже разговориться съ Иваномъ Ивановичемъ. Стекловъ не вытерпѣлъ и по-юношески высказалъ Алгасову всѣ свои взгляды, желая узнать, какъ смотритъ онъ на соціальные вопросы, чтобы вывести его на свѣжую воду и уже прекратить съ нимъ всякія сношенія, если и понимать даже этихъ вопросовъ не въ состояніи окажется Алгасовъ.

Алгасовъ долго слушалъ убѣжденную и горячую рѣчь молодого человѣка и, покачавъ головой, сказалъ наконецъ:

— Да вѣдь это уже крайности...

И потомъ прибавилъ:

— Я потому и не раздѣляю вашихъ взглядовъ, что я не сторонникъ крайностей и рѣзкихъ переворотовъ. Ходъ исторіи былъ и будетъ постепеннымъ, и долженъ имъ быть. Міръ стоитъ не одну уже тысячу лѣтъ, а крайности никогда еще не создавали ничего прочнаго—и слѣдовательно, онѣ не нужны.

— Такъ по вашему, не слѣдовало бы быть и французской революціи? спросилъ Стекловъ, уже начиная раздражаться.

— Быть-можетъ, мой взглядъ на исторію и ложенъ, помолчавъ, отвѣтилъ Алгасовъ, но, по моему, въ общемъ ходѣ мірового прогресса французская революція — сущая мелочь, не стоившая потраченныхъ на нее усилій. Идеи, одушевлявшія ея дѣятелей, онѣ созданы не ими и не подъ ея вліяніемъ, и повѣрьте, что и безъ нея съумѣли бы онѣ проложить себѣ дорогу въ жизнь. Ей, правда, приписываютъ обыкновенно порожденіе современныхъ либеральныхъ европейскихъ учрежденій, но были вѣдь революціи и до французской, и въ общемъ схожія даже съ нею, однако же

никакихъ парламентовъ послѣ нихъ не развелось. По моему, не французская революція породила существующіе теперь порядки, а духъ времени, который вызвалъ бы ихъ и безъ нея, можетъ-быть, на полстолѣтія и позже, но зато въ гораздо болѣе совершенномъ и зрѣломъ видѣ и во всякомъ уже случаѣ безъ столькихъ войнъ и такого невѣроятнаго количества крови. А затѣмъ, гдѣ плоды французской революціи? Богатая буржуазія? Воля ваша, я предпочитаю дворянство. Что же касается дворянскихъ привиллегій — всмотритесь хоть въ постепенное ихъ сокращеніе во Франціи со временъ Ришелье, и вы увидите, что и безъ революціи были уже онѣ обречены на естественную и скорую смерть.

— Я не могу съ этимъ согласиться. Великіе принципы французской революціи...

— Ни въ чемъ существенно не измѣнили жизни и духовныхъ ея условій. Что касается свободы—и вы, и я, мы оба свободны, какъ свободны были и наши дѣды до революціи. Положимъ, васъ сошлютъ въ Сибирь, если вы вздумаете заводить въ Россіи республику, но и меня вѣдь не пустятъ во Франціи гулять по улицамъ, если я слишкомъ уже ревностно буду дѣйствовать въ пользу Генриха V. Въ обоихъ случаяхъ одно и то же. Республика въ Россіи немыслима, немыслима и во Франціи реставрація, но и тамъ, и здѣсь могутъ выйти смуты, а обязанность каждаго правительства охранять существующій порядокъ вещей, пока за него большинство: семеро одного не ждутъ. Когда же большинство не будетъ уже за данное правительство, какое бы ни было оно—тогда это правительство и не въ силахъ будетъ ничего защищать и никого ссылать. За проповѣдь коммунизма васъ, разумѣется, сошлютъ въ городъ Буй, но въ странѣ „свободныхъ" коммунистовъ, если бы таковая была, туда же сослали бы васъ и за проповѣдь собственности... Мученики мысли всегда были и будутъ, и что же это за служитель мысли, если онъ боится креста? Вотъ что дала идея свободы. Идея равенства безсмыслица, разъ признается собственность: бѣдный мнѣ не ровня, сколько ни толкуй мы съ нимъ объ этомъ, ни въ чемъ не ровня, ни въ правахъ, ни въ жизни, ни въ развитіи, развѣ что сойдемся мы на почвѣ

ума и душевныхъ качествъ, но и тутъ оцѣнка является настолько уже иная, что, въ свою очередь, я, пожалуй, окажусь ему неровней. А если ужъ равенство соціальное невозможно (про умственное я и не говорю), воля ваша, мнѣ легче и пріятнѣе видѣть высшаго въ князѣ Одоевскомъ, ибо я по крайней мѣрѣ знаю, что предки его болѣе моихъ проявили доблести и оказали заслугъ отечеству, чѣмъ въ какомъ-нибудь Губонинѣ или Поляковѣ, которые только пронырливѣе да ловчѣе, и потому богаче меня—и больше ничего. Что же касается братства—еще Христосъ проповѣдовалъ его, а братства все нѣтъ. Я не могу видѣть брата въ мужикѣ и любить его, какъ брата, ибо я его не знаю и онъ меня не знаетъ. Тутъ возможно только равнодушіе, а равнодушіе исключаетъ братство...

— И по вашему, все надо оставить, какъ есть? желчно проговорилъ Стекловъ.

— Развѣ я это говорилъ? Я говорилъ только, что крайности даже и при удачѣ не создаютъ ничего прочнаго. Прогрессъ подвигается впередъ постепенно. Сначала было рабство и оно было необходимо въ свое время—и освобожденіе рабовъ, т. е. крайность, только остановило бы тогда поступательный ходъ цивилизаціи. Между тѣмъ самъ собою міръ выросъ изъ рабства, и рабство исчезло, а кто скажетъ, въ какой именно моментъ оно прекратилось, кому извѣстенъ день смерти послѣдняго раба въ Италіи? Устарѣвшее учрежденіе умерло, вотъ и все, а попытка Спартака освободить рабовъ кончилась ничѣмъ—и къ счастью для цивилизаціи—ибо она была преждевременна. Рабство замѣнилось крѣпостнымъ правомъ, т. е. болѣе мягкой формой рабства, и въ свою очередь, когда кончились Средніе вѣка, стало отмирать и крѣпостное право: во Франціи, напр., ко времени революціи оставалось уже ничтожное число крѣпостныхъ, и опять-таки замѣтьте—ни въ Россіи, ни за-границей, нигдѣ никогда и ни къ чему не приводили ни Пугачевщины, ни Жакеріи, ни всякія иныя крестьянскія войны всевозможныхъ наименованій. Теперь мы имѣемъ народъ свободный, но въ пользованіи этой свободой ограниченный бѣдностью. Дальнѣйшая ступень прогресса, къ которой онъ также придетъ вѣками—это исчезновеніе съ лица земли

бѣдности. Какими путями придетъ къ этому прогрессъ, что будетъ затѣмъ—кто знаетъ будущее?

— Значитъ, вы признаете, что въ концѣ концовъ побѣда все-таки останется за нами, за нашимъ ученіемъ?

— Въ главномъ—да, т. е. нашъ строй, тотъ, который мы теперь знаемъ, онъ неизбѣжно замѣнится другимъ, болѣе совершеннымъ.

— Скажите, какъ же, вѣря въ истину вашего ученія, какъ же не принадлежите вы къ намъ? Какъ же можете вы жить безъ равновѣсія между убѣжденіями и жизнью?

— Иванъ Ивановичъ, не всякій созданъ для борьбы. У меня иныя задачи въ жизни, кромѣ уже того, что настоящее мнѣ дороже будущаго, а въ настоящемъ я вѣрю въ истинность существующаго порядка вещей. Вы меньшинство, даже и не меньшинство, а пока всего еще только единицы. Истина вырабатывается въ борьбѣ. Ея защитники гибнутъ, но она торжествуетъ. Нельзя, чтобы всѣ одинаково смотрѣли на вещи...

— И васъ не смущаютъ контрасты между нуждой и роскошью?

— У меня болѣе крѣпкіе нервы... Объ этихъ контрастахъ и не думается. Сейчасъ я не вижу возможности иного устройства міра, ибо нельзя же разомъ сбросить съ плечъ наслѣдье столькихъ вѣковъ... Но я вижу, что исторія идетъ къ иному устройству, болѣе совершенному. Уже одна возможность появленія людей вашего образа мыслей доказываетъ, что нашъ теперешній строй, основанный на неравенствѣ состояній, ветшаетъ. Пройдутъ вѣка, и онъ или обновится, съумѣвъ удовлетворить порывамъ людей къ счастью, или же умретъ...

— И еще вѣка терпѣть?

— Что дѣлать? Но опять вамъ повторяю, исторія не даетъ намъ примѣровъ насильственной смерти извѣстнаго строя, а всегда все умирало въ свое время.

— Оставаться пассивнымъ зрителемъ, ждать... Но вѣдь это невозможно!

— Что же дѣлать? Но тутъ мы всѣ совершенно уже безсильны. Скажу вамъ одно—пока люди будутъ видѣть свое благополучіе и счастье въ богатствѣ, какъ видятъ они его

сейчасъ, до тѣхъ поръ по меньшей мѣрѣ безплодна будетъ всякая ваша дѣятельность, и проповѣдь ваша останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Къ вамъ пристанутъ бѣдняки, я съ этимъ не спорю, тѣ, которымъ нечего терять, но это не торжество еще соціальныхъ идей, а все та же старая идея собственности, какъ источника всяческаго блага и всякаго счастья. Нѣтъ, укажите на счастье, которое не зависѣло бы отъ богатства и денегъ, счастье, равно всѣмъ доступное и всѣхъ удовлетворяющее—и милліонера, и мужика—вотъ когда создадите вы равенство и братство на землѣ и совершите настоящую, прочную соціальную революцію. Вы напираете главнымъ образомъ на „контрасты" и на несправедливость богатства: на этомъ пути вы далеко не уйдете!.. Нѣтъ, докажите безполезность богатства, его безсиліе и ничтожество! Упраздните сегодня наши богатства—и завтра явятся новыя. Я не спорю, вы можете отнять у меня мое имѣніе, но если въ результатѣ переворота оно лишь перейдетъ отъ меня къ какому-нибудь Аршинникову, какъ это было во Франціи, шагъ ли это впередъ для вашей идеи? Чтобы покончить съ собственностью, вамъ достаточно добиться власти: тогда однимъ почеркомъ пера уничтожите вы всю въ данную минуту существующую собственность. Но иное дѣло—стремленіе къ наживѣ: съ нею никакая власть не въ силахъ бороться. Другое дѣло, уничтожьте смыслъ въ наживѣ, укажите людямъ счастье и жизнь, независящія отъ денегъ—тогда и власти добиваться вамъ нечего: и нажива, и собственность, и даже самая власть, онѣ тотчасъ же упразднятся сами собою...

— Послушайте, Александръ Семеновичъ, воскликнулъ Стекловъ, право, легче сдѣлать я уже не знаю что—произвести любую революцію или водворить даже въ мірѣ самый крайній коммунизмъ, чѣмъ найти счастье и жизнь, какъ вы ихъ понимаете...

— Но только безъ указанія иной, полной красоты и счастья жизни, возразилъ Алгасовъ, можно водворить не самый коммунизмъ, а одно лишь имя его. Хотя для фразы и говорятъ иногда противное, но въ душѣ всѣ глубоко увѣрены, что счастье въ деньгахъ или по крайней мѣрѣ совершенно невозможно безъ нихъ—и на этой увѣренности ос-

нована вся эта окружающая насъ жизнь. Докажите, что оно въ чемъ угодно, но только отнюдь не въ деньгахъ, и тогда сожгите всѣ ваши коммунистическія книги, онѣ уже не понадобятся вамъ больше. Если же вы этого доказать не можете, т. е. не то, если вы признаете, что доказать этого *нельзя*—тогда все равно сожгите ихъ, нечего безполезно рисковать знакомиться съ городомъ Буй, Костромской губерніи...

— А вы считаете, что это возможно доказать?

— Я не вижу другого способа утвердить въ мірѣ иной порядокъ вещей, и повѣрьте, что если свыше суждено уже непремѣнно кому-нибудь да владѣть моимъ Веденяпинымъ, то во всѣхъ отношеніяхъ лучше уже мнѣ, чѣмъ господину Аршинникову. Прощайте, кончилъ Алгасовъ, вставая.

Молча пожалъ ему руку Иванъ Ивановичъ. Конецъ ихъ разговора произвелъ на него сильное впечатлѣніе и съ этихъ поръ Стекловъ пересталъ чуждаться Алгасова, даже уступилъ сестрѣ и согласился быть на обѣдѣ у Вёдровыхъ въ день ея свадьбы, отъ чего раньше онъ упорно отказывался. Впрочемъ, уступая сестрѣ, онъ замѣтилъ, что изъ любви лишь къ ней и не желая огорчать ея, соглашается онъ ѣхать къ этимъ генераламъ.

Узнавъ объ этомъ, Костыгинъ засмѣялся и сказалъ Алгасову, что онъ вполнѣ заслужилъ Станислава 4-й степени за возвращеніе заблудшаго въ лоно истины и порядка.

— Что дѣлать, не даютъ, жаловался Алгасовъ. Такой ужъ я безталанный человѣкъ уродился. Павелъ Ивановичъ скоро звѣзду получитъ, а я все коллежскій секретарь tout court.

— Ну и будетъ съ тебя, я и вовсе XV класса...

Наступилъ день сватьбы Костыгина и Лизы. Лиза такъ и сіяла счастьемъ и молодостью. Такъ искренно вся отдалась она ожидавшему ее торжественному празднику, единственному въ ея жизни, такую рѣзкую противоположность представлявшему съ тихимъ ея будущимъ, что невольно при взглядѣ на веселую невѣсту, зарождалось у всѣхъ чувство особой къ ней любви и нѣжности, и всѣмъ одинаково хотѣлось, чтобы какъ можно веселѣе и радостнѣе былъ для нея этотъ день, чтобы навѣки оставилъ онъ ей свѣтлое впечатлѣніе праздника. Она сама и наслаждалась своимъ праз-

дникомъ, и красила его. Эго былъ именно ея праздникъ, торжество ея молодости и любви, и каждый чувствовалъ, что не для себя, а для нея присутствуетъ онъ на этомъ праздникѣ.

Когда она надѣла подвѣнечное платье, сама себѣ удивилась она, увидѣвъ себя такой хорошенькой и нарядной. До слезъ трогали ее получаемые ото всѣхъ подарки; между прочимъ и Почаевъ прислалъ ей дорогую брошь и серьги.

У жениха посаженными отцомъ и матерью были князь Апалевъ и Надежда Семеновна, у невѣсты—Павелъ Ивановичъ и Софья Семеновна. Шаферами у жениха были Алгасовъ и Бачуринъ, у невѣсты—ея братъ и одинъ изъ его товарищей.

Всѣ поѣхали въ церковь, Алгасовъ отправился за невѣстой. Невѣста была уже готова и встрѣтила его съ полной счастья, застѣнчивой и милой улыбкой.

Кромѣ родныхъ и гостей, въ церковь не мало набралось и постороннихъ. Алгасовъ пріѣхалъ съ извѣстьемъ, что сейчасъ будетъ невѣста, и женихъ вышелъ къ ней навстрѣчу. Громкій шопотъ одобренія пробѣжалъ по церкви, когда женихъ и невѣста, оба молодые, радостные и счастливые, прошли къ аналою. Ласковые, полные любви взгляды даже и незнакомыхъ провожали невѣсту и слышались теплыя пожеланія ей долгаго и безмятежнаго счастья...

Когда священникъ обратился къ жениху съ страшнымъ вопросомъ, женихъ и невѣста взглянули другъ на друга, улыбнулись и громко, оба въ одно время, отвѣтили: „да!“ Страха никто изъ нихъ не чувствовалъ, съ чистымъ сердцемъ, искренно и радостно произнесли они передъ престоломъ Господа обѣтъ въ любви и вѣрности на всю жизнь.

Изъ церкви всѣ поѣхали къ Вёдровымъ. Послѣ веселаго обѣда начались оживленные танцы, пока, съ послѣднимъ уже поѣздомъ, не уѣхали наконецъ молодые въ Чудново. Алгасовъ, Бачуринъ и Иванъ Ивановичъ провожали ихъ на вокзалъ.

Весело зажили молодые въ своемъ уединеніи. Мужъ весь день былъ на работахъ, но Лиза не скучала одна: и по хозяйству было ей много дѣла, а она за всѣмъ смотрѣла

сама, потомъ она читала, играла, гуляла, ждала мужа къ завтраку и къ обѣду, навѣщала его на его работахъ. Вечера они всегда проводили вмѣстѣ, и какой чудный отдыхъ находилъ возлѣ молодой жены усталый отъ хлопотливыхъ своихъ занятій мужъ! По праздникамъ навѣщали ихъ московскіе друзья и время проходило у нихъ такъ же весело и дружно, какъ и въ тотъ незабвенный день, когда, еще невѣстой, въ первый разъ посѣтила Лиза своего жениха и свой будущій домъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ Лизы вѣнчалась Ирина. Въ дорогомъ, изъ Парижа выписанномъ подвѣнченомъ платьѣ, она была такъ хороша, что шаферъ ея, Алгасовъ, когда она вышла къ нему, остановился передъ нею въ изумленіи. Бѣлое платье, цвѣты, длинный вуаль—такъ возвышали они царственную красоту ея, что Алгасовъ точно въ первый разъ увидѣлъ Ирину...

Она замѣтила его восторгъ и въ послѣдній разъ въ ея жизни тревожно забилось ея сердце... А онъ, въ эту самую минуту онъ думалъ о томъ, какъ хороша, должно-быть, была княжна въ такомъ же подвѣнечномъ уборѣ...

Пріѣхалъ шаферъ жениха съ извѣстьемъ, что женихъ уже въ церкви.

Ярко-освѣщенная церковь была полна разряженныхъ гостей—весь московскій свѣтъ присутствовалъ на сватьбѣ Ирины. При появленіи Ирины всѣ обернулись въ ея сторону и, какъ и Алгасовъ, всѣ были поражены ея изумительной красотой. А Ирина медленно шла возлѣ восхищеннаго своего жениха, спокойная, холодная, словно и не она шла вѣнчаться, и, если бы не платье, немногіе узнали бы въ ней невѣсту...

Такая же спокойная стояла она и у аналоя, немного лишь блѣднѣе обыкновеннаго была она. И не видала еще старая церковь эта болѣе холоднаго и формальнаго поцѣлуя, даннаго новобрачной молодому своему мужу.

Но тѣмъ не менѣе, безгранично-счастливъ былъ Сергѣй Ивановичъ, такъ счастливъ, что даже и теперь, цѣлуя ее, все не смѣлъ онъ повѣрить своему счастью, не смѣлъ повѣрить, что сбылись наконецъ его мечты, что великолѣпная, красивая эта Ирина—его жена... Гордый и сіяющій, торже-

ственно шелъ онъ по церкви подъ руку съ красавицей-женой.

Послѣ вѣнчанья у Бачуриныхъ былъ обѣдъ. Молодая все время была сдержанно-весела и оффиціально-ласкова съ мужемъ, и никто не замѣтилъ никакой въ ней перемѣны, всѣ только восхищались ея дивной красотой.

Въ тотъ же вечеръ съ курьерскимъ поѣздомъ Николаевской дороги всѣ Бачурины уѣхали въ Петербургъ. Ирина съ мужемъ ѣхали въ Вѣну и Аделаида Филипповна тоже уѣзжала съ ними за-границу: до зимы она предполагала пробыть у дочери, а на зиму собиралась въ Ниццу, куда давно уже посылали ее доктора. Константинъ Платоновичъ провожалъ ихъ до Петербурга; кстати, ему нужно было напомнить о себѣ въ министерствѣ, тѣмъ болѣе, что открывалась вакансія, которую ему очень хотѣлось занять.

И точно: хотя много пришлось ему ѣздить, многихъ просить, во много мѣстъ являться, много выслушивать любезныхъ отказовъ, но черезъ мѣсяцъ онъ вернулся уже товарищемъ предсѣдателя.

Съ грустью и съ сожалѣніемъ прощался Алгасовъ съ Ириной, которую заботливо усаживалъ въ вагонъ ея мужъ. И когда тронулся поѣздъ, навсегда увозя ее изъ Москвы— долго провожалъ его глазами Алгасовъ...

XXXIV.

Алгасовъ дѣйствительно жалѣлъ объ Иринѣ. Въ его тяжеломъ состояніи всего нужнѣе были ему друзья, а онъ успѣлъ уже привыкнуть къ дружбѣ Ирины, дѣлиться съ Ириной мыслями стало потребностью для него, и ея отъѣздъ былъ чувствительнымъ для него лишеніемъ.

Занятый службой, свѣтомъ и ухаживаньемъ за хорошенькой Масловой, Константинъ Платоновичъ не могъ много времени посвящать своему другу, рѣдко заходилъ къ нему и почти не бывалъ дома. Съ Сергѣемъ Игнатьевичемъ Алгасовъ видался хотя и часто, но относительно только часто, насколько дозволяли это разстояніе и занятія Костыгина, совершенно поглощеннаго своей фабрикой. Такимъ образомъ, съ отъѣздомъ Ирины, Алгасовъ остался почти

одинъ. Въ обществѣ были у него пріятели, но уже не было друзей. Лучшіе университетскіе его друзья разсѣялись по разнымъ концамъ Россіи и мало-по-малу окончательно порвались его связи и съ ними, а также и съ университетомъ. Болѣе трехъ лѣтъ прошло, какъ оставилъ его Алгасовъ, и никого уже почти не оставалось тамъ изъ его прежнихъ знакомыхъ. Если и встрѣчались еще студенты въ числѣ его гостей, то больше такіе, съ которыми онъ былъ знакомъ по свѣту, а не по университету.

Попрежнему шумно и весело было у Алгасова. Самъ хозяинъ былъ еще молодъ и молодежь охотно къ нему собиралась, но не прежнія уже были это студенческія сходки и не прежняя, рвавшаяся къ свѣту, къ истинѣ и къ жизни молодежь, любившая хозяина не за богатство его, не за дорогое вино или гаванскія сигары, а за выдающійся умъ, за его веселье и увлекательную бесѣду. Рѣдко затѣвался теперь въ кабинетѣ Алгасова интересный, серьезный разговоръ, но часто зато шла тамъ карточная игра, часто поднимались оживленные споры о лошадяхъ и скачкахъ или же раздавалась безцеремонная болтовня подкутившей богатой молодежи.

То были иныя времена, когда Алгасовъ и его гости взаимно помогали другъ другу рости и развиваться, и сколько чудныхъ незабвенныхъ часовъ пережилъ тогда Алгасовъ въ этомъ же самомъ кабинетѣ, горячо разговаривая или споря съ молодыми товарищами, до самозабвенія увлекаясь въ этихъ разговорахъ... Тѣ времена прошли безвозвратно, прежнихъ товарищей уже не было съ нимъ, а гости были необходимы ему, они помогали ему коротать время и не зналъ бы онъ, что и дѣлать безъ нихъ. Впрочемъ, и самъ онъ сталъ уже другимъ и, пожалуй, нужнѣе были ему теперь такіе гости, какъ эти его новые пріятели и знакомые. Словно даже и весело было ему съ ними, но только, съ уходомъ ихъ, тотчасъ же безслѣдно исчезало и это вызванное ихъ присутствіемъ оживленіе, и еще тоскливѣе становилось на душу у Алгасова, безотрадно-пустымъ казался ему только что кончившійся, ненужный и потерянный день...

Не веселили его и свѣтскія удовольствія. Съ тревогой и нетерпѣніемъ ждалъ онъ зимы и начала обычнаго оживленія

свѣтской жизни, думая, что-то дастъ она ему и сбудутся ли его предчувствія, что уже нечего ему ждать отъ нея. Къ несчастью, дѣйствительно такъ и вышло. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ больше убѣждался Алгасовъ, что прежнее уже не вернется, что не дастъ уже ему эта жизнь того, что когда-то давала: душа ея отлетѣла для него. Онъ много ѣздилъ, бывая вездѣ, гдѣ могъ только бывать, онъ старался казаться оживленнымъ и веселымъ и привычка къ свѣтской жизни помогала ему въ этомъ, но внутренняго влеченія уже не было у него къ этимъ выѣздамъ. Онъ скучалъ, дѣлая визиты, и страшно тяготился своимъ обширнымъ знакомствомъ, которое принуждалъ себя поддерживать. Не ждалъ уже онъ съ прежнимъ нетерпѣніемъ вечеровъ и баловъ, равнодушно смотрѣлъ на разряженныхъ красавицъ, безъ радости участвовалъ въ танцахъ, безъ интереса разговаривалъ, безъ сожалѣнія уѣзжалъ домой. Часто, бывая на вечерахъ, онъ не принималъ даже участья въ танцахъ, садясь за карты; онъ сталъ отказываться отъ приглашеній, чего прежде никогда съ нимъ не бывало. По старой привычкѣ онъ былъ веселъ и любезенъ съ дамами, ухаживалъ даже за нѣкоторыми изъ нихъ, но ко всѣмъ былъ одинаково равнодушенъ. Красота ихъ не трогала, не волновала уже его, какъ въ прежніе годы, и слегка даже не затронула ни одна его сердца и для него, всегда привыкшаго видѣть средоточіе своихъ дней въ одной особенно нравившейся ему красавицѣ—еще болѣе опустѣла для него окружавшая его, теперь столь уже чуждая ему свѣтская жизнь.

Ничто уже въ ней не радовало его и окончательно убѣдился онъ тутъ, что все прежнее его увлеченіе этой жизнью дѣйствительно было вызвано однимъ лишь страстнымъ исканіемъ любимой дѣвушки, какою была для него княжна. Жажда полюбить, вотъ что красило ему тогда свѣтскія удовольствія. Теперь ему оставалась отъ нихъ одна только давно уже извѣстная, лишившаяся содержанія внѣшность, и въ его глазахъ покинуло ихъ прежнее очарованіе. Все, что было въ нихъ лучшаго, онъ уже взялъ у нихъ и теперь ничего не потерялъ бы онъ, если бы и совсѣмъ отъ нихъ отказался.

Но прежде удовольствія эти не только наполняли и кра-

сили его дни, но были также и цѣлью его дней, даже цѣлью и всей его жизни. Очарованный ими, видя въ ихъ дорогихъ для него радостяхъ идеалъ жизни, Алгасовъ искалъ въ нихъ счастья, къ которому онъ такъ горячо стремился. И вдругъ веселая эта жизнь, блестящимъ радостямъ которой не будетъ, казалось, и конца, вдругъ она умерла для него, вмѣстѣ съ собою увлекая въ могилу и всѣ его основанныя на ней надежды. Оказалось, что его идеалъ счастья былъ построенъ на пескѣ и рушился отъ первой же бури.

Но имѣя этотъ идеалъ счастья, по крайней мѣрѣ имѣя хоть какое-нибудь о немъ представленіе, съ помощью котораго до сихъ поръ искалъ онъ счастья, Алгасовъ страстно и много работалъ, читая, думая, стремясь къ уясненію этого представленія и его истинности. Теперь же, когда выработанный имъ идеалъ самъ доказалъ свою полнѣйшую несостоятельность, теперь Алгасовъ потерялъ руководящую нить для работы своей мысли, а между тѣмъ пламенное убѣжденіе, что счастье есть и должно быть единственной цѣлью нашей жизни, что кромѣ него ничто не можетъ дать ей смысла, цѣны и красоты—это убѣжденіе не покидало Алгасова. Но гдѣ и въ чемъ искать теперь счастья?

Очевидно, веселая, полная удовольствій жизнь — она не можетъ дать счастья. Не собственная неудача убѣдила въ этомъ Алгасова; онъ понялъ, что привлекательность этой жизни состоитъ въ молодости пользующагося ею, въ исканіи любимой женщины, т. е. во временномъ. А никакое временное никогда и никому не въ силахъ дать полнаго счастья.

Болѣе полугода прошло со времени его разрыва съ княжной. Алгасовъ уже забылъ свое горе и рѣдко вспоминалъ о княжнѣ, и ему было ясно, что несчастная любовь его уже не вліяетъ на его расположеніе духа и не мѣшаетъ ему жить, и не она, слѣдовательно, вызываетъ это настоящее его равнодушіе къ радостямъ свѣтской жизни; равнодушіе это истекаетъ изъ того, что не прежними уже очарованными глазами первой молодости и жажды любви глядитъ онъ теперь на эту жизнь и она явилась ему такою, какой она есть на самомъ дѣлѣ, безъ всякихъ прикрасъ. Онъ со-

знавалъ, что, увѣнчайся любовь его полнымъ успѣхомъ—и тогда, какъ только прошло бы первое время любви, тѣми же самыми глазами взглянулъ бы онъ на эту жизнь. Сколько счастья ни нашелъ бы онъ въ любви, но все-таки охладѣлъ бы къ радостямъ свѣтской жизни и все по той же причинѣ: уже не стало бы того, что заставляло его такъ страстно ихъ любить и желать—первой молодости и жажды любви.

Но другіе до конца же наслаждаются этой жизнью. Неужели пустыя и суетныя ихъ занятія даютъ имъ эту возможность постоянно одинаково наслаждаться жизнью и свѣтскими удовольствіями, т. е. иными словами—неужели вѣчную молодость души даютъ человѣку эти занятія, неужели могутъ они такъ много?

Этотъ вопросъ сильно мучилъ Алгасова, но сколько Алгасовъ ни думалъ, не могъ онъ признать такой силы за занятіями, совершенно посторонними душѣ занимающагося ими. Алгасовъ понималъ, что любимое дѣло можетъ побѣдить всякое личное горе и быть дороже всего въ жизни, дороже и самой жизни, но не признавалъ онъ такимъ дѣломъ какой-нибудь прокурорской или адвокатской службы, а никакого иного дѣла не являла ему жизнь. Правда, мы видимъ дѣло, напр. Некрасова, Тургенева, Рѣпина, Рубинштейна и др., но о нихъ и не думалъ Алгасовъ. Ихъ творческій даръ есть нѣчто исключительное, и не зависитъ отъ воли человѣка сдѣлаться Тургеневымъ, или хотя бы Рубинштейномъ. Ихъ счастье, что выпалъ имъ ихъ рѣдкій и славный удѣлъ, но Алгасовъ искалъ лишь того, что могло быть всѣмъ и каждому одинаково доступнымъ.

Что удовольствія и радости дороги человѣку, что они манятъ его и даютъ ему счастье, хотя бы и неполное, и временное—это было нѣчто ясное и понятное, да и для Алгасова остались они тѣми же, лишь пересталъ онъ видѣть ихъ въ томъ, въ чемъ видѣлъ прежде, другихъ же не успѣлъ еще пока найти. Но признать, что жизнь человѣка получаетъ красоту и смыслъ и дѣлается счастливой отъ постороннихъ и зачастую совершенно пустыхъ и ничтожныхъ занятій, когда не только любви къ нимъ нѣтъ, но нѣтъ и матеріальной въ нихъ нужды, когда они претятъ под-

часъ душѣ—этого онъ не могъ признать и ничего въ этомъ не понималъ. Положимъ, можно еще признать, что они занимаютъ время и до нѣкоторой даже степени голову, но вѣдь это же не жизнь--спасаться отъ нея среди чуждыхъ и ненужныхъ дѣлъ, это бѣгство отъ жизни. Гдѣ же сама жизнь?

Внимательно сталъ ко всѣмъ присматриваться Алгасовъ, и онъ ясно увидѣлъ, что, если поближе взглянуть на ихъ жизнь—то окажется, что и они не живутъ, не наслаждаются жизнью и не знаютъ полнаго счастья, а только, спокойно и не разсуждая, идутъ навстрѣчу смерти, вечеромъ равнодушно провожая кончившійся и тотчасъ же забытый день и также равнодушно встрѣчая утромъ день наступающій и заранѣе уже ненужный. Такой жизнью не могъ довольствоваться Алгасовъ.

Вотъ, напр., Вёдровъ. Это прекрасный, не глупый, вполнѣ достойный уваженія человѣкъ, а хороша ли, полна ли его жизнь? Служба, въ сущности, кромѣ развѣ жалованья, ему ненужная и къ которой относится онъ безъ всякаго увлеченія, съ которой возвращается усталый и скучный, нерѣдко раздраженный и недовольный. Потомъ визиты, пріемы и, наконецъ—клубъ, гдѣ онъ проводитъ всѣ свои вечера, до двухъ часовъ ночи играя тамъ въ карты. Это вялое отбываніе сутокъ, жизнь ли это? И къ этому присоединяются еще всевозможныя непріятности отъ какого-нибудь неполученнаго ордена, чина или мѣста, хлопоты, заботы, обязательныя отношенія и пр. А между тѣмъ это отецъ семейства, счастливый въ своей семьѣ, безусловно ей преданный, любящій жену и дѣтей. И жизнь Вёдрова не исключеніе, а скорѣе типъ жизни всякаго свѣтскаго чиновника, т. е. большинства обезпеченныхъ дворянъ—людей, поставленныхъ въ наилучшія въ жизни условія. Другіе живутъ еще однообразнѣе и скучнѣе. Въ жизни третьихъ больше внѣшняго блеска, но суть жизни та же самая.

Такимъ образомъ, хаосъ и полная пустота царили въ мысляхъ Алгасова. Онъ не зналъ, на что ихъ обратить. Онъ хотѣлъ жить и не зналъ, гдѣ и въ чемъ найти жизнь. Упорно не покидалъ его идеалъ свободной, полной радостей и счастья жизни, но гдѣ найти осуществленье этого

идеала? Въ удовольствіяхъ? Но не видѣлъ онъ достаточно содержательныхъ удовольствій. Въ дѣлѣ? Онъ не видѣлъ и дѣла, которое могло бы наполнить собою жизнь, а не служило бы ей только рамкой. А въ то же время, и отказаться отъ жизни—этого онъ тоже не могъ...

Что дѣлать, куда обратиться, чѣмъ замѣнить прежнее— вотъ что занимало его, и мучительно-безотрадны были эти думы, и не было имъ исхода... Хоть убѣжать бы ужъ куда отъ нихъ, да куда, на какой балъ или въ какой Неаполь убѣжишь отъ безотвязно-преслѣдующихъ думъ? А между тѣмъ съ этими думами, съ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ соединялось все для Алгасова, вся жизнь... Нѣтъ имъ рѣшенья—и жизнь лишается въ его глазахъ смысла и цѣли, а какъ хороша казалась она прежде, какъ манила къ себѣ, сколько роскошнаго счастья сулила... И неужто же все это сонъ, неужто нѣтъ на землѣ ничего, кромѣ безъисходной нужды и вѣчныхъ страданій для однихъ, а для другихъ—томительной пустоты и суетливаго отбыванія сутокъ, словно скучной какой-то повинности?

Проклятые это вопросы о цѣли жизни... Много уже наговорили о нихъ, стараясь какъ-нибудь ихъ разрѣшить. Благочестіе, молитва, жизнь въ Богѣ, добродѣтель и доблесть, семья, служеніе родинѣ, обществу и ближнимъ, служеніе истинѣ и наукѣ, да и мало ли что еще? Но одно подъ силу лишь немногимъ, другое... Другое хорошо, прекрасно, но... но неужели же вся цѣль нашей жизни только въ томъ, чтобы отрекаться отъ нея и жертвовать ею другимъ? Да и тутъ вопросъ: чему и какъ ею жертвовать? Отказаться отъ себя, отдать себя дѣлу, къ которому нѣтъ ни призванія, ни склонности, въ которомъ не видишь ничего, что достойно вознаградило бы человѣка за великую жертву собственной его жизнью—и это цѣль, для которой мы родимся на свѣтъ? Силъ нѣтъ повѣрить этому.

И неужто счастливая, полная личная жизнь несовмѣстима для человѣка съ служеніемъ обществу и ближнимъ? Но только служеніе это не должно сопровождаться самопожертвованіемъ. Вопросъ, гдѣ эта жизнь; найти ее, найти, въ чемъ и гдѣ счастье, и тогда самъ собою рѣшится вопросъ о всякой службѣ общественной, ибо никто и никогда

не откажется безъ стѣсненія для себя принести своимъ ближнимъ пользу, удовольствіе, радость—все, что онъ въ силахъ.

А служеніе ближнимъ, какъ единственная цѣль жизни, это еще не рѣшеніе вопроса. Благо тѣмъ, кому не въ тягость это служеніе; еще болѣе хвалы и славы имѣющимъ силу чему бы то ни было пожертвовать собой, своей жизнью и счастьемъ, но ото всѣхъ нельзя этого требовать. Курцій потому и заслужилъ безсмертіе, что въ цѣломъ Римѣ одинъ только онъ имѣлъ силу броситься въ пропасть.

Кругомъ себя Алгасовъ видѣлъ полное отсутствіе счастья, а если гдѣ и видѣлъ счастье, то счастье исключительное или случайное.

Живой человѣкъ, любившій одно только живое, практикъ, на все смотрѣвшій исключительно съ практической стороны, этимъ уже самымъ былъ онъ огражденъ отъ рѣшеній отвлеченныхъ и всякихъ туманныхъ и неудобопонятныхъ фразъ, такихъ обыкновенно спасительныхъ въ трудныя минуты жизни. Каждое являвшееся ему рѣшеніе онъ примѣнялъ во-первыхъ—къ себѣ, а во-вторыхъ, и ко всѣмъ безъ исключенія и тотчасъ же отвергалъ его, какъ только замѣчалъ, что рѣшеніе это непримѣнимо, хотя бы и къ ничтожному меньшинству. Почти уже отчаявшись въ рѣшеніи завѣтнаго вопроса, онъ все-таки искалъ яснаго, простого и удобоисполнимаго и въ то же время всеобщаго, все, всѣ явленія жизни, всѣ страсти и характеры обнимающаго рѣшенія и не хотѣлъ онъ рѣшенія половиннаго или исключительнаго.

— Должно быть общее правило, говорилъ онъ, а исключенія всегда найдутся и устроятся сами, о нихъ заботиться нечего.

Итакъ, оставалось одно положеніе: если возможно найти счастье, то единственно лишь въ настоящемъ и разумномъ дѣлѣ или же въ свободной и полной радостей жизни. Но Алгасовъ былъ слишкомъ твердо убѣжденъ, что нѣтъ у насъ, да и невозможно быть дѣлу, достойному стать единственной цѣлью и содержаніемъ всей нашей и всѣхъ насъ жизни, и всѣ свои думы направилъ онъ на то, чтобы найти свободную, полную радостей жизнь. Это казалось ему возможнѣй и въ то же время подобное счастье—доступнѣе для людей.

Но рѣшить вопросъ такъ гадательно, это хуже, чѣмъ не рѣшить его совсѣмъ. Легко сказать: найти такую жизнь. Гдѣ найдешь ее, да и не только это—съ чего начать, какъ приступить къ созданію хоть какого-нибудь о ней представленія, какъ приступить къ исполненію этого теоретическаго рѣшенія—отъискать иную жизнь, полную иныхъ радостей? Положимъ, и найдется даже она, но почему же ея радости должны быть прочнѣе и содержательнѣе обаятельныхъ радостей первой жизни?

Прежде, когда такъ манила его жизнь среди общества, когда эта жизнь казалась ему идеаломъ жизни, тогда въ его мысляхъ была полная гармонія между теоріей и практикой. Теперь же ему оставались одни только теоретическіе выводы, вполнѣ, повидимому, ясные, убѣдительные и логичные, но до того расходились они съ практикой и жизнью, что страшно даже становилось Алгасову, и тѣмъ страшнѣе, чѣмъ истиннѣе казались эти выводы и чѣмъ болѣе въ нихъ вѣрилось.

Такимъ образомъ жизнь, которую продолжалъ еще вести Алгасовъ, для него она была уже въ прошломъ, въ настоящемъ же ничего не явилось ей на смѣну. Безпорядочной толпой тѣснились мысли въ его головѣ, и онъ чувствовалъ, что онъ не можетъ придти ни къ какому ясному и опредѣленному рѣшенію, а въ то же время не могъ онъ разъубѣдить себя и въ истинѣ этого основного положенія, что цѣль нашей жизни есть счастье, счастье же заключается въ полномъ довольствѣ жизнью. Пустота, окружавшая его въ жизни дѣйствительной, сопровождалась пустотой и въ жизни созерцательной, и среди этой окружавшей его полной пустоты, когда только друзья да книги и давали еще ему хоть нѣсколько отрадныхъ мгновеній—тутъ особенно тяжелъ былъ для него отъѣздъ Ирины.

Тоскливо жилось Алгасову. Онъ не обращалъ и вниманія на шумныя удовольствія свѣта, не веселили и не занимали они его, и вся его жизнь сосредоточилась на однихъ только безотвязныхъ и безплодныхъ его думахъ. По наружности онъ казался оживленнымъ и веселымъ, особенно въ обществѣ и постороннимъ, но источникомъ этого веселья была одна только до крайности впечатлительная страстность

Алгасова, тотчасъ же отзывавшаяся на самыя даже легкія и лишь поверхностно затрогивавшія его впечатлѣнія. Онъ былъ веселъ, видя веселыми другихъ. Его страстная жажда жизни и веселья была такъ велика, что невольно увлекался онъ чужимъ весельемъ, но главнаго уже не было: не ждалъ онъ веселья, не встрѣчалъ его съ радостью, не провожалъ съ сожалѣніемъ, не вспоминалъ о немъ, не замѣчалъ его отсутствія. Не затрогивало уже оно его души, и часто, въ полномъ даже разгарѣ веселья и въ которомъ онъ принималъ такое, повидимому, дѣятельное участіе—и тогда не покидали его его думы.

Но и это лишь въ началѣ—къ серединѣ же зимы совсѣмъ почти отстранился онъ отъ свѣтской жизни, почтиересталъ бывать у хорошихъ даже своихъ знакомыхъ, пересталъ звать къ себѣ гостей и цѣлые дни проводилъ дома, одинъ, всецѣло отдавшись мучительнымъ думамъ, страстно желая найти исходъ изъ нихъ и придти хоть къ какому-нибудь опредѣленному и неопровержимому рѣшенію, хотя бы и къ тому, что полное счастье намъ не доступно, что жизнь наша должна проходить внѣ его, лишь въ безплодномъ къ нему стремленіи, и внѣ его искать себѣ смысла и цѣли. Ужасно было бы для Алгасова подобное рѣшеніе, но все-таки это было бы нѣчто опредѣленное, а не пустота и не хаосъ.

Даже и не рѣшенія желалъ онъ. Онъ сознавалъ, что невозможно одному человѣку найти рѣшеніе этого великаго вопроса, что рѣшить его могутъ лишь жизнь и совокупныя усилія всего человѣчества. Алгасовъ говорилъ и вѣрилъ, что истина въ счастьи, и истина жизни, единая, доступная человѣку на землѣ—она станетъ извѣстна, какъ скоро извѣстно будетъ, что можетъ дать—и дастъ—людямъ счастье полное и всеобщее.

Рѣшить такой вопросъ единичными своими силами, не это было ближайшей цѣлью Алгасова: онъ желалъ много меньшаго, онъ желалъ бы найти хоть какую-нибудь руководящую нить, которая указала бы ему путь къ рѣшенію вопроса. Алгасовъ понималъ, что и это уже много...

Прежній способъ, исканіе въ себѣ самомъ своей главной страсти, чтобы такимъ образомъ найти истину своей жизни

и отъ нея идти дальше, теперь этотъ способъ уже не годился Алгасову: всѣ его страсти и желанія погибли въ общемъ крушеніи, и никакія другія не явились имъ на смѣну.

Не помогалъ ему и разборъ чужой жизни, чужихъ страстей и чужихъ страданій и не приводилъ онъ его къ новымъ какимъ-либо даннымъ. Вотъ, напр., Печоринъ. Что такое его жизнь, какъ не страстная и безплодная погоня за счастьемъ и въ то же время тщетное исканіе всепоглощающаго дѣла, въ себѣ самомъ имѣющаго жизнь, не существующую внѣ его? Что она такое, какъ не яркое доказательство безсилія тѣхъ наслажденій, съ которыми, неудовлетворенный ими, разставался теперь самъ Алгасовъ? И съ этой точки зрѣнія какъ понятна была Алгасову и тоска, и вся жизнь Печорина, эта страстная трата своихъ требующихъ исхода силъ въ волокитствѣ и въ разговорахъ!

И всѣ остальные примѣры, Онѣгинъ, самъ Лермонтовъ, всѣ типы хандрящаго, разочарованнаго, лишняго человѣка, все это сводится къ одному, къ безсилію наслажденія и къ отсутствію въ нашей жизни настоящаго дѣла. Всѣ скорбныя думы Лермонтова, любимаго поэта Алгасова—эти думы говорятъ все о томъ же и очевидно одно лишь мрачное отчаяніе могло исторгнуть у юнаго поэта созданный имъ идеалъ покоя подъ сѣнью любви и природы, идеалъ, бывшій послѣднимъ почти словомъ поэта.

И въ 26 лѣтъ, въ то время, когда всего болѣе хочется жить, наслаждаться жизнью и чувствовать ее—въ эти годы придти къ подобному идеалу...

А тѣ немногіе, которые, если и не были счастливы, то по крайней мѣрѣ, умирая, могли назвать свою жизнь великимъ именемъ жизни, они дѣйствительно нашли это рѣдкое счастье въ дѣлѣ: такими счастливцами были, напр., дѣятели 40-хъ годовъ, Герценъ, Бѣлинскій, Грановскій и др., но помимо уже того, что нельзя же, создавая идеалъ счастья, въ одну гармонію имѣющаго слить жизнь всѣхъ, до послѣдняго человѣка—нельзя, создавая этотъ идеалъ, принимать въ разсчетъ исключительныя дарованія исключительныхъ людей, кромѣ этого невозможно не признать, что ихъ дѣло потому и было такъ хорошо и полно, давая имъ и жизнь, и счастье, и пожалуй даже наслажденье, что оно

было вызвано самой жизнью, тѣми ненормальными условіями жизни Россіи, противъ которыхъ они боролись. Безспорно, эти люди были счастливы, или, вѣрнѣе, они жили, но вѣдь милліоны должны были невыносимо страдать, чтобы эти нѣсколько человѣкъ могли насладиться полной, разумной и горячей своей жизнью. Такой жизни нечего завидовать и грѣшно ея желать.

И вновь ото всѣхъ безотрадныхъ этихъ думъ невольно возвращался Алгасовъ все къ тому же, что, разъ мы живемъ, у насъ должна быть жизнь, стоющая этого названія, а не вялое какое-то, сдобренное занятіями, газетами да преферансомъ прозябаніе. А разъ есть эта жизнь, слѣдовательно, ее можно и найти. Гдѣ?..

Алгасовъ мало заботился объ отвлеченныхъ вопросахъ, о загробной жизни и безсмертіи души. Онъ говорилъ, что нечего напрасно терять время, думая о тайнахъ, намъ недоступныхъ. Загробная жизнь пусть будетъ, какъ ей угодно, когда умремъ, тогда и узнаемъ ее и, буде нужно, и о ней станемъ думать и устраивать ее къ лучшему. Никакой философіей не проникнешь въ ея тайны, самыя логически-доказательныя и непосредственно изъ послѣдняго слова естественныхъ наукъ истекающія гипотезы все-таки будутъ всего лишь гипотезы, а изо всѣхъ гипотезъ самымъ гармоничнымъ, наиболѣе говорящимъ сердцу и наиболѣе поэтому способнымъ овладѣть душой и внушить къ себѣ вѣру все-таки навсегда останется ученіе церкви. Но, не думая о жизни загробной, Алгасовъ много думалъ зато о земной и страстно любилъ ее. Разъ Творецъ намъ далъ ее, значитъ, мы должны пользоваться этимъ самымъ драгоцѣннымъ Его даромъ и жить, а не прозябать и не пренебрегать жизнью, жертвуя ею чему ни попало...

Одно только это убѣжденіе и поддерживало Алгасова въ упорномъ его исканіи жизни, только оно и подавало ему увѣренность, что ее возможно найти... Все, всѣ его идеалы опровергла жизнь, но это убѣжденіе осталось неприкосновеннымъ и, повидимому, ничто не въ силахъ было сокрушить его.

По цѣлымъ днямъ оставался Алгасовъ одинъ, никого не желая видѣть. Послѣ чая, онъ уходилъ въ свой каби-

нетъ и принимался читать, но обыкновенно чтеніе шло вяло. Алгасовъ плохо вникалъ въ читаемое, и чуть лишь какая фраза давала толчокъ его думамъ—оставлялъ книгу и снова принимался обдумывать старое и не разъ уже передуманное. Но такъ уже легко и складно текли его мысли, такъ тщательно и столько разъ обсудилъ уже онъ всѣ возраженія, какія только возможно было сдѣлать противъ его теорій, что, не встрѣчая никакихъ препятствій, всегда приходилъ онъ все къ тому же выводу и принимался думать не объ уясненіи уже самому себѣ своихъ взглядовъ на жизнь, но о новыхъ и новыхъ возраженіяхъ, доискиваясь, нѣтъ ли какой, можетъ-быть, ошибки въ самыхъ основахъ его теорій. Не всегда являлись ему эти возраженія, но всего чаще праздная, ничѣмъ не занятая его мысль оставалась въ полномъ бездѣйствіи, неподвижно устремившись на что-нибудь одно, словно отказываясь отъ всякой дальнѣйшей работы

Продолжать прерванное чтеніе было уже невозможно; тогда Алгасовъ или бралъ первый томъ Лермонтова и ложился съ нимъ на диванъ, въ сотый разъ наслаждаясь чудными стихами любимаго и такъ хорошо знакомаго поэта, или же принимался ходить изъ угла въ уголъ, въ полголоса и на распѣвъ повторяя привычные стихи: *Споръ*, *Колыбельная пѣснь*, а всего чаще—*Воздушный корабль*, любимое свое стихотвореніе, машинально, словно къ музыкѣ, прислушиваясь къ яснымъ удареніямъ и красивымъ, звучнымъ риѳмамъ.

Однажды его думы, которыя плавно текли подъ стихъ Лермонтова, такъ именно и совершили свой обычный кругъ и пришли къ концу. Незамѣтно съ ними разставшись, Алгасовъ сталъ прислушиваться къ стихамъ и слѣдить за возвращающимся на родину Наполеономъ, на зовъ котораго никто уже тамъ не откликнулся. Алгасовъ особенно любилъ задушевное это стихотвореніе и всегда перечитывалъ его съ новымъ удовольствіемъ; съ незапамятныхъ уже временъ все твердилъ онъ эти стихи: и ребенкомъ, въ часы отдыха отъ игръ, и юношей, въ гимназіи, во время скучныхъ латинскихъ уроковъ, и затѣмъ, въ чаду радостей и счастья, и теперь, когда не только счастья, но и несчастья даже не было у него...

— Когда выучилъ я эти стихи? вдругъ сталъ онъ припоминать, и вопросъ этотъ такъ занялъ его, что долго все думалъ онъ объ этомъ и понемногу стало тутъ воскресать передъ нимъ его дѣтство.

— Да, вспомнилъ! Мама научила меня, она все пѣла мнѣ ихъ во время моей болѣзни и они такъ нравились мнѣ, что я незамѣтно и заучилъ ихъ съ ея словъ...

Ему было тогда 6 лѣтъ. И такъ живо вдругъ вспомнилось ему все, какъ онъ былъ тогда боленъ. У него была скарлатина. Его мать, только что передъ этимъ потерявшая двухъ старшихъ своихъ сыновей, очень боялась за него и почти не отходила отъ его постели; какъ ему потомъ говорили, своей любовью и заботами она положительно спасла его отъ смерти. Ея доброе и печальное, съ улыбкой наклоненное надъ нимъ лицо, ея глаза, полные любви и страха, полумракъ отъ спущенныхъ шторъ, лѣкарства на столѣ, тишина во всемъ домѣ и среди этой тишины, обнявъ его одной рукой, она тихо напѣваетъ: „По синимъ волнамъ океана...“, и онъ внимательно слушаетъ ее, не спуская съ нея глазъ, стараясь вникнуть въ звучные стихи—до малѣйшихъ подробностей возстала въ его памяти эта картина, и какъ она завладѣла имъ...

До сихъ поръ, въ вихрѣ шумной и веселой жизни, Алгасовъ рѣдко вспоминалъ Веденяпино и свое дѣтство, да и то какъ-то вскользь, не останавливаясь на этихъ воспоминаніяхъ. Но теперь онъ отдался имъ со страстью—и въ рядѣ яркихъ картинъ предстало передъ нимъ его дѣтство и вся тогдашняя Веденяпинская жизнь.

Игры съ сестрами, лѣтнія прогулки, гувернантки, проводы старыхъ, ожиданіе и встрѣча новыхъ, толки съ прислугой, первое появленіе Сережи—дикаго, запуганнаго, худого мальчика, долго все плакавшаго отъ страха при каждомъ приближеніи кого-либо изъ господъ, первые уроки, пріѣзды Кости Бачурина и радость при встрѣчѣ съ другомъ, красивая Ирина—первая дѣтская любовь Алгасова, разбитная, веселая Дунька—да и мало ли сколько еще воспоминаній явилось тутъ Алгасову? Но всѣ они одинаково красовались на фонѣ счастливой и широкой жизни, всѣ запе-

чатлѣны были миромъ и тепломъ, присущимъ большой и дружной семьѣ и вѣковой тишинѣ деревни.

И одна за другой стали тѣсниться въ его памяти забытыя, милыя картины. Вотъ, напр., Рождество, молебенъ и этотъ плохо написанный образъ, изображавшій хлѣвъ съ овцами и Марію съ Іосифомъ и пастухами возлѣ Ребенка въ ясляхъ... Алгасовъ словно видѣлъ передъ собой этотъ образъ, такъ живо было воспоминаніе. Оно переносило Алгасова въ далекіе дѣтскіе годы, домой, въ родную семью, и съ тихой улыбкой вновь пережилъ онъ радостное праздничное утро и милую его суету. Со всѣми своими подробностями припомнилось оно Алгасову—и какъ же дороги и милы показались ему теперь эти подробности, повидимому, ничтожныя, но столько тепла придававшія празднику!

Потомъ другой праздникъ, Пасха, приготовленія къ нему, хлопоты, дѣланье куличей и пасохъ, крашенье яицъ, торжественно-тихая Страстная, еще ярче оттѣнявшая торжественность Свѣтлаго праздника, заутреня ночью, прелесть ранней весны, первой зелени и первыхъ прогулокъ на волѣ—все вспомнилось ему тутъ и снова вспомнились розовые дни беззаботнаго дѣтства...

Особенно живо вспомнилъ онъ Страстную, послѣднюю, которую они проводили съ Сережей въ Веденяпинѣ. Былъ вечеръ четверга; въ церкви шло стояніе Двѣнадцати Евангелій. Изъ Алгасовыхъ никто не пошелъ на этотъ разъ въ церковь, потому что Ольга Александровна еще съ обѣда ждала мужа, бывшаго въ городѣ. Всѣ по обыкновенію сидятъ вмѣстѣ. Ольга Александровна что-то вяжетъ, тихо переговариваясь съ Миной Францевной и съ читавшимъ книгу семинаристомъ-учителемъ. Дѣвочки усердно щиплютъ разноцвѣтные лоскутки, выдергивая изъ нихъ нитки для крашенья яицъ. Самъ Алгасовъ и Сережа готовятъ заданные имъ къ Ѳоминой уроки. Передъ Алгасовымъ лежитъ географія Ободовскаго, и онъ учитъ свой урокъ, припоминая разсказы учителя и шопотомъ безпрестанно повторяя:

— Тегеранъ, столица Персіи, 130.000 жителей, лѣтомъ всѣ уѣзжаютъ оттуда въ окрестности, ибо климатъ въ Тегеранѣ очень нездоровъ—невыносимыя жары и множество особыхъ ядовитыхъ клоповъ. Испагань, прежняя столица,

囘Рештъ, Тавризъ, Ширазъ, главный городъ Фарсистана, гдѣ ростутъ извѣстныя ширазскія розы и гдѣ вообще такая чудная растительность...

И онъ задумывается объ этихъ розахъ, объ этой растительности и о самомъ Фарсистанѣ и собирается, когда выростетъ, непремѣнно съѣздить въ этотъ Фарсистанъ, почему-то изо всей Азіи особенно волновавшій его дѣтское воображеніе. Мечтаетъ онъ о Фарсистанѣ и прислушивается: вотъ уже два раза ударили, два, значитъ, Евангелія отстояли въ церкви.

А рядомъ Сережа шепчетъ свой урокъ:

— Авраамъ раскинулъ шатры у дубравы Мамрійской. Однажды, когда онъ сидѣлъ у входа въ шатеръ, явились ему Три Странника...

Алгасовъ особенно любилъ начало священной исторіи, этотъ простодушный разсказъ о родоначальникахъ еврейскаго народа. Разсказъ этотъ всегда производилъ на Алгасова свѣтлое, радостное такое впечатлѣніе и почему-то неизмѣнно напоминалъ ему ясное весеннее утро, можетъ-быть и потому, что именно въ маѣ и въ такое именно утро началъ онъ учить священную исторію. И слыша шопотъ Сережи, Алгасовъ оставляетъ свой Фарсистанъ и невольно прислушивается къ знакомому и столь милому дѣтскому его сердцу разсказу...

Уже семь разъ ударили, семь Евангелій отстояли, когда послышался наконецъ колокольчикъ.—„Папа!" воскликнули дѣти и бросились въ переднюю. Это дѣйствительно былъ Семенъ Степановичъ, запоздавшій по случаю весенней распутицы. Тройка остановилась у крыльца, еще минута радостнаго нетерпѣливаго ожиданія—и въ дверяхъ показался забрызганный грязью, закутанный въ полушубокъ и шубу Семенъ Степановичъ, а за нимъ гость, пріѣхавшій съ нимъ докторъ Алгебраистовъ. Съ веселымъ крикомъ бросились дѣти цѣловать отца, мѣшая ему раздѣваться, и весь вечеръ ласкались они къ нему, слушая оживленные разговоры старшихъ, съ любопытствомъ разбирая привезенныя изъ города покупки.

А теперь, гдѣ все это—счастливая, тихая эта жизнь, эти уроки, эти мечты о Фарсистанѣ, эта дѣтская радость, это

отсутствіе всякихъ думъ и вопросовъ?.. Все прошло, и какъ далекъ онъ теперь ото всего этого!.. А лучше ли теперь?

Отъ дѣтскихъ воспоминаній онъ перешелъ къ юношескимъ, болѣе сознательнымъ, но и тутъ главное мѣсто занимала все та же широкая веденяпинская жизнь, живо и ярко, хотя и въ отдѣльныхъ картинахъ, постепенно возстававшая въ его памяти. Усталый отъ безответныхъ своихъ думъ, онъ находилъ въ этихъ воспоминаніяхъ и успокоеніе, и отдыхъ. Эта жизнь, доселѣ никогда и не вспоминавшаяся ему, какъ будто снова была имъ теперь найдена.

Такъ проходили его дни и съ тѣхъ поръ, какъ нашелъ онъ эти воспоминанія, еще отраднѣе стало ему запираться дома, всецѣло отдавшись воспоминаніямъ и думамъ; дошло наконецъ до того, что постомъ по цѣлымъ недѣлямъ не выходилъ онъ изъ своей комнаты, никого не видая, кромѣ родныхъ, да изрѣдка заходившихъ къ нему немногихъ пріятелей.

Павелъ Ивановичъ не зналъ, что и думать объ Алгасовѣ. Мудреныхъ его объясненій онъ не понималъ и все приписывалъ старой причинѣ—его несчастной любви.

— Помилуй, Саша, это ни на что не похоже, говорилъ онъ. Да что съ тобой? Вѣдь нельзя же такъ жить! Ну надоѣло все, какъ ты говоришь, стрѣляйся, что ли, это хоть на дѣло похоже, а то возиться съ этой тоской, какъ ты возишься, да ты пойми, что ты всѣ жилы изъ меня вытянулъ! Вѣдь на тебя смотрѣть тошно! Брось ты свою философію, примись за службу и увидишь, какъ само все забудется...

Но послѣдовать благому этому совѣту было немыслимо для Алгасова и никакой службой не избавиться ему не отъ тоски, не отъ разочарованія, а отъ этого чувства пустоты, его охватившаго и въ иномъ свѣтѣ явившаго ему пустую и суетную нашу жизнь.

Одна только радость и оставалась еще ему—это театръ. Страсть къ театру не покинула его и онъ бывалъ тамъ насколько возможно часто, не пропуская ни одной новой пьесы, ни одного интереснаго спектакля и попрежнему оставаясь горячимъ поклонникомъ красоты и таланта Кадминой. Но сезонъ 73—74 годовъ не отличался ничѣмъ выдающимся, а 18 января 1874 года Малый театръ понесъ неза-

мѣнимую утрату: незабвенный для всѣхъ его видѣвшихъ Василій Игнатьевичъ Живокини сошелъ въ могилу...

Кромѣ театра, было еще одно мѣсто, гдѣ Алгасовъ любилъ отдыхать отъ тяжелыхъ своихъ думъ и скучной свѣтской суеты: это Чудново, куда онъ ѣздилъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю.

Костыгины жили тихо и дружно. Мужъ цѣлые дни проводилъ на фабрикѣ, жена занималась домашнимъ хозяйствомъ и одна только забота была тутъ у нея—чтобы, послѣ труда, мужъ нашелъ у себя дома отдыхъ и полный, ничѣмъ невозмутимый покой. Съ лаской и радостью встрѣчала она возвращающагося мужа, съ веселой улыбкой и съ поцѣлуемъ провожала его, помогала ему, въ чемъ могла, и ни слова противорѣчія никогда не слыхалъ онъ отъ нея, никогда не высказывала она ни малѣйшаго недовольства, хоть и не во всемъ соглашалась съ мужемъ и никогда не скрывала отъ него своего мнѣнія. Чтобы настаивать на своемъ— и въ голову не приходило этого Лизѣ. Въ этой семьѣ мужъ былъ главой дома по обоюдному и разумному ихъ согласію; но участье жены въ его жизни и ея необходимость въ этой жизни такъ чувствовалась обоими, что ни жена не смущалась подчиненной своей ролью, ни мужъ не величался своимъ главенствомъ. Миръ и теплая любовь царили между ними. Каждый зналъ свое дѣло и оба пользовались плодами трудовъ одинъ другого. Не было у нихъ никакихъ нелѣпыхъ условій, вродѣ тѣхъ, какими снабдилъ Чернышевскій супруговъ Лопуховыхъ, но никто изъ нихъ ни въ чемъ не стѣснялъ другого, да и не поняла бы Лиза, если бы сказали ей, что мужъ когда-нибудь и въ чемъ-нибудь можетъ ее стѣснить или что для нея унизительно быть экономкой мужа. Впрочемъ, на послѣднее она возразила бы, что хозяйка въ домѣ необходима, что и сама же въ свою очередь пользуется она удобствами домашняго порядка, а навѣщая кухню и слѣдя за бѣльемъ, въ то же время она дѣлитъ жизнь и всѣ интересы мужа, она знаетъ, что нѣтъ у него друга дороже и ближе ея—и къ чему же замѣчать ей первое и забывать второе? Такъ дружнымъ содѣйствіемъ и разумнымъ согласіемъ закладывали они въ первые эти дни любви прочную основу будущаго своего благополучія и счастья.

Съ ноября фабрика пошла въ ходъ. Лиза живо интересовалась этимъ дѣломъ и скоро такъ уже понимала его, что сознательно могла слѣдить за дѣятельностью фабрики и наравнѣ даже съ мужемъ читала спеціальныя сочиненія по технологіи и шелкопроизводству. Но, кромѣ этого, много хлопотъ по фабрикѣ выпало и на долю самой Лизы: она слѣдила за чистотой и порядкомъ въ помѣщеніяхъ рабочихъ, она завѣдовала ихъ содержаніемъ, она же занималась больницей и школой, исполняя всѣ распоряженія мужа и говоря ему обо всемъ, что по ея мнѣнію слѣдовало тамъ измѣнить или устроить. Мужъ цѣнилъ ея практическій умъ и во многомъ поступалъ по ея совѣтамъ. Ей повѣрялъ онъ всѣ свои надежды и планы, ей спѣшилъ показать все имъ сдѣланное, въ ея восторгѣ находя первую награду своимъ трудамъ, новыя силы почерпая въ живомъ и осмысленномъ ея сочувствіи; къ ней же всегда приходилъ онъ и съ разными неизбѣжными во всякомъ дѣлѣ огорченіями, особенно при всякихъ столкновеніяхъ съ рабочими и служащими—и гдѣ лаской, гдѣ совѣтомъ, но всегда умѣла она ободрить и успокоить его, удержать отъ ненужной строгости и смягчить его гнѣвъ. Если онъ слишкомъ горячился въ подобныя минуты, Лиза не смущалась этимъ и спокойно выносила его горячку, находя возмездіе въ томъ, что, когда горячка эта проходила, онъ же первый сознавался, что, благодаря лишь женѣ, избѣжалъ онъ разныхъ промаховъ и опрометчивыхъ поступковъ.

И какъ же баловалъ ее мужъ, какъ онъ заботился о ней и угождалъ ей... Но взамѣнъ, всѣ его привычки и всѣ даже слабости и мелкіе капризы уважались женой, и она старалась создать ему жизнь, какъ можно болѣе покойную и пріятную, лишенную всякихъ главнымъ образомъ мелочныхъ огорченій, возраженій и непріятностей. Крупныхъ и безъ того не было между ними, но эти мелкія, повидимому, безслѣдно и скоро исчезающія, на дѣлѣ же осаждающіяся на самое дно души и, по мѣрѣ накопленія, переходящія въ горечь—Лиза вполнѣ сознавала ихъ важность, и если невзначай и случалось ей сдѣлать иной разъ что-либо не по вкусу мужа, она молчала и тихой лаской, милымъ вниманіемъ спѣшила скорѣе изгладить непріятное впечатлѣніе. Потомъ она же

первая смѣялась надъ его капризами, но такъ добродушно и мило, съ такой любовью, что окончательно все забывалъ Сергѣй Игнатьевичъ и давалъ ей слово впредь уже болѣе не капризничать. Лиза шутливо не вѣрила этому слову, какъ ни увѣрялъ ее мужъ, поцѣлуями даже подкрѣпляя свои увѣренія, и выходило такъ, что права всегда почти бывала она.

Свои мелочныя привычки съ перваго же дня стала она подчинять привычкамъ мужа, разсуждая, что, послѣ трудовъ и работы—болѣе ея имѣетъ онъ права на отдыхъ и полный покой. Любовь же ихъ была такъ сильна, что въ главномъ и не могли они стѣснять другъ друга и, безъ фразъ и уговоровъ, уважали они жизнь и свободу одинъ другого.

На фабрикѣ были и другіе служащіе—помощникъ директора, бухгалтеръ, докторъ, учительница, фельдшерица, все народъ молодой и веселый, были и еще фабрики въ сосѣдствѣ, жили разные служащіе, и вскорѣ же образовалось у Костыгиныхъ многочисленное знакомство. Всѣ полюбили веселыхъ Костыгиныхъ и часто собирались къ нимъ гости по вечерамъ, особенно окрестная молодежь, всѣ съ работы на отдыхъ и на веселье, хорошее веселье—гдѣ были музыка, пѣніе, книги, а также и плясъ, и просто бѣганье по комнатамъ. Подавался чай съ обильнымъ къ нему холоднымъ ужиномъ; оживленный общій разговоръ за чаемъ красиво заканчивалъ вечеръ, и расходились они, дѣйствительно отдохнувъ—отдохнувъ душой—и съ новымъ запасомъ силъ на новую работу и главное на то, чтобы *дѣлать* ее, вкладывая въ нее душу и радостно любуясь сдѣланнымъ, а не безучастно лишь отбывая урочные часы.

Такъ жили Костыгины, и въ этой-то семьѣ отдыхалъ Алгасовъ отъ суеты свѣта и столицы. По два и по три дня проводилъ онъ иногда въ Чудновѣ, наслаждаясь благодатнымъ миромъ, царившимъ въ домѣ Костыгиныхъ. И Лиза, и Сергѣй Игнатьевичъ, оба они любили его и его общество, одинаково всегда радуясь его пріѣзду, Алгасовъ тоже любилъ ихъ обоихъ, любилъ и ихъ тихую жизнь, но, какъ ни нравилась ему идиллическая ея красота и какъ ни понималъ онъ настоящую ей цѣну—для себя не мечталъ онъ о подобной жизни, не умѣя какъ-то примѣнить ее къ себѣ, ни возвести ее въ идеалъ, собою осѣняющій всю жизнь...

Такъ прошла зима. Кончилась она для Алгасова печальнѣе даже, чѣмъ началась: въ ея началѣ онъ могъ еще надѣяться, что безотрадное это чувство пустоты и тоска, изъ него истекающая, что они вызваны лишь измѣной княжны, что взглядъ его на свое положеніе ошибоченъ, что зимняя веселая жизнь докажетъ ему эту ошибку и снова увлечетъ его, и былое вернется такимъ образомъ во всей своей красотѣ. Надежды эти не сбылись, а Алгасовъ не могъ и не желалъ себя обманывать. Теперь яснѣе, чѣмъ когда-либо, понималъ онъ то, что онъ говорилъ еще лѣтомъ, въ то время, когда только что начиналъ онъ оправляться отъ неожиданно поразившаго его удара. Надеждъ у него уже не было, старое онъ схоронилъ безвозвратно и безпомощно, покорно ждалъ невѣдомаго новаго.

Въ концѣ мая онъ получилъ отъ своего управляющаго письмо. Описывая положеніе хозяйственныхъ дѣлъ и разъясняя нѣкоторыя свои распоряженія, которыми Алгасовъ не былъ доволенъ, Курмаевъ писалъ между прочимъ, что хорошо бы, если бы самъ Алгасовъ хотя не надолго пріѣхалъ въ Веденяпино. Много тамъ было такихъ вопросовъ, которые требовали разрѣшенія самого хозяина. Боясь отвѣтственности, Курмаевъ не предпринималъ многаго, очень по его мнѣнію полезнаго. Многое лишь на мѣстѣ могло быть разъяснено вполнѣ удовлетворительно.

Дѣла все были несомнѣнно важныя. Часть земли Курмаевъ предлагалъ сдать въ аренду крестьянамъ, ибо земля эта была не подъ руками и не приносила выгоды. По одной дачѣ никакъ не могло состояться размежеваніе; требовались уступки одному кляузному совладѣльцу, тормозившему все дѣло, но понятно, самъ Курмаевъ не могъ рѣшиться ни на какія уступки, а между тѣмъ черезполосность этой дачи представляла большія неудобства. Одну пустошь покупалъ купецъ и давалъ по мнѣнію Курмаева хорошую цѣну. Конный заводъ шелъ въ убытокъ. Было полезно передѣлать поля. Кое на что требовались нѣкоторыя затраты. Кромѣ этихъ, было еще много и другихъ, болѣе мелкихъ дѣлъ, которыя тоже слѣдовало бы разсмотрѣть и разрѣшить на мѣстѣ.

Давно уже и мимоходомъ даже не являлась Алгасову мысль о поѣздкѣ въ Веденяпино—такъ свыкся онъ съ мо-

сковской своей жизнью—и теперь почти испугала его эта мысль. Тотчасъ же представился ему заброшенный пустой и безлюдный старый его домъ и неминуемая тамъ скука— это страшное для Алгасова слово—а такъ дороги были ему его воспоминанія, въ которыхъ воскресалъ этотъ домъ полнымъ любви, тепла, веселья и людей, что менѣе уже всего хотѣлось ему видѣть хотя бы какое-нибудь на этихъ воспоминаніяхъ пятно. Страшно было ему рѣшиться поѣхать туда, гдѣ прежде было такъ весело и людно и гдѣ теперь такъ скучно и пусто. Ему казалось, что грустныя воспоминанія окончательно отравятъ ему послѣднее, что еще могла бы ему дать поѣздка въ Веденяпино. При мысли о Веденяпинѣ невольно представлялась ему гробовая тишина, могильный покой, тоскливое запустѣніе и печальныя воспоминанія на каждомъ шагу, и среди всего этого—онъ, одинокій и скучный, подъ стать унылому виду заброшенной усадьбы.

Таковы были первыя его мысли, когда онъ прочелъ это звавшее его на родину письмо, и, послѣ недолгаго раздумья, онъ почти уже рѣшилъ остаться въ Москвѣ, дѣла же всѣ предоставить на волю Курмаева. Но вдругъ такой плѣнительной показалась ему мысль вновь увидѣть родныя мѣста, такъ захотѣлось посѣтить эту пугавшую его своей угрюмостью усадьбу, что не зналъ уже онъ, на что ему рѣшиться. Веденяпино пугало его, какъ могила, и въ то же время, какъ дорогая могила, неотразимо влекло къ себѣ... То страстно хотѣлось ему ѣхать, то, пугаясь одиночества и грусти, скорѣе спѣшилъ онъ отказаться отъ этой поѣздки.

Узнавъ о его колебаніяхъ, Павелъ Ивановичъ рѣшительно посовѣтовалъ ему ѣхать. Онъ давно уже былъ недоволенъ положеніемъ дѣлъ въ имѣніи зятя и находилъ, что многое слѣдовало бы тамъ измѣнить.

— Помилуй, Саша, нельзя же такъ небрежно относиться къ своимъ дѣламъ, говорилъ онъ. Ну разумѣется, жить тамъ—это уже крайность, тутъ можно и съ убыткомъ помириться, потому что свое спокойствіе все-таки дороже всего, но какъ же и не заглянуть даже туда? Вѣдь ты цѣлыхъ шесть лѣтъ тамъ не былъ! Надо же посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Положимъ, твой Курмаевъ и дѣльный малый, да вѣдь за нимъ смотрѣть надо! Нельзя давать имѣнію раззо-

ряться... Даже самъ уже управляющій зоветъ тебя. Вѣдь это уже не шутки, это все тысячныя дѣла, и ты хочешь бросить ихъ на произволъ мужика!

— Да, много я тамъ понимаю! возражалъ Алгасовъ.

— Затѣмъ-то и надо поѣхать, чтобы научиться понимать. Если бы и не было даже тамъ никакихъ важныхъ дѣлъ, развѣ это пустая вещь—познакомиться съ своимъ хозяйствомъ? И кстати, развлечешься этой поѣздкой, можетъ, и хандру свою забудешь. Нѣтъ, Саша, это и не хорошо, если ты не поѣдешь.

Наконецъ практическія соображенія о необходимости поѣздки доставили желаніямъ Алгасова съѣздить въ Веденяпино побѣду надъ страхомъ, который продолжала ему внушать эта поѣздка. Онъ рѣшилъ ѣхать и написалъ объ этомъ въ Веденяпино.

Но страхъ его былъ такъ великъ, что со дня на день все откладывалъ Алгасовъ отъѣздъ и пропустилъ уже нѣсколько назначенныхъ имъ сроковъ. Ему казалось гораздо пріятнѣе жить въ ожиданіи близкаго свиданія съ родиной, въ мечтахъ наслаждаясь красотами Веденяпина, чѣмъ дѣйствительно вдругъ тамъ очутиться, среди всѣхъ тяжелыхъ этихъ воспоминаній о безвозвратно канувшемъ въ вѣчность прошломъ. Къ тому же, до того отвыкъ онъ за эти шесть лѣтъ отъ Веденяпина, что никакъ не могъ себѣ представить, что тамъ ожидаетъ его и какъ онъ будетъ тамъ жить, и тѣмъ еще тяжелѣе вліяла на него эта неизвѣстность, что все-таки не могъ онъ смотрѣть на Веденяпино, какъ на что-то постороннее для себя и чужое.

Уже іюль перевалилъ за половину, когда, безпрестанно понукаемый Вёдровымъ, Алгасовъ собрался наконецъ въ путь.

XXXV.

Съ тяжелымъ какимъ-то чувствомъ уѣзжалъ Алгасовъ изъ Москвы и до послѣдней минуты все думалъ онъ, не лучше ли остаться, отказавшись отъ грустнаго свиданія съ родиной. Но поѣздъ тронулся — и невольно перенеслись мысли Алгасова туда, куда онъ ѣхалъ. Теперь все кончено, что бы ни нашелъ онъ тамъ — онъ уже ѣдетъ въ Веденяпино,

раздумывать и рѣшаться уже нечего, и тревожно забилось его сердце при мысли, что, еще день—и онъ увидитъ Веденяпино... Ярче, чѣмъ когда-либо, воскресло оно въ его памяти, домъ, садъ, село, церковь, роща, поля, дорога, всѣ любимыя мѣста его дѣтскихъ игръ и прогулокъ—каковы-то они теперь, какимъ-то найдетъ онъ Веденяпино, думалъ онъ, лёжа въ вагонѣ, и такъ волновали его воспоминанія, что всю ночь не могъ онъ заснуть и конца, казалось, не будетъ этой ночи...

Рано утромъ пришелъ поѣздъ въ городъ, гдѣ надо было пересаживаться на пароходъ, и, озаренныя лучами восходящаго солнца, предстали Алгасову забытыя уже имъ скромныя губернскія улицы, скоро же смѣнившіяся необъятными городскими лугами. И вспомнилось ему, какъ радостно, будучи гимназистомъ, глядѣлъ онъ, бывало, на эти же самые луга, говорившіе ему, что Москва далеко уже позади и нечего теперь думать о ней...

Скучно тянулось время на пароходѣ. Пыхтя и содрогаясь, медленно плылъ онъ вдоль неинтересныхъ, большею частью пустынныхъ луговыхъ береговъ. Работы въ лугахъ уже кончались, и лишь изрѣдка кое-гдѣ послѣднія группы косцовъ оживляли еще прибрежные виды да нѣсколько разнообразили ихъ встрѣчавшіяся усадьбы и села, но вообще красоты этихъ видовъ были не таковы, чтобы любоваться ими подъ палящими лучами іюльскаго солнца. На палубѣ тихо. Часть пассажировъ улеглась спать, приткнувшись гдѣ ни попало, не брезгуя и тѣнью отъ кипъ вонючихъ шкуръ, а то и прямо на полу и на солнцѣ, даже возлѣ самаго паровика, вмѣсто подушки зачастую пользуясь какимъ-нибудь боченкомъ или связкой чугуна. Остальные вяло бродятъ по палубѣ, машинально глядя на берега или провожая глазами мимо идущія барки, перекидываясь отрывочными фразами, развлекаясь безконечнымъ чаемъ, а кто и просто подсолнухами или жеваніемъ чернаго хлѣба. Въ каютахъ тоже, одни спятъ, другіе ѣдятъ или пьютъ чай, или придумываютъ, чего бы имъ поѣсть отъ скуки. Во второмъ классѣ устроилась стуколка.

Въ первомъ классѣ Алгасовъ нашелъ пассажировъ изъ тѣхъ же большею частью мѣстъ, куда ѣхалъ и онъ—изъ Са-

райскаго и сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ. Двое оказались старинными даже его знакомыми, при Семенѣ Степановичѣ бывавшими въ Веденяпинѣ, и разомъ такимъ образомъ вдругъ очутился Алгасовъ въ самомъ центрѣ провинціальной жизни. Съ живымъ участьемъ слушалъ онъ своихъ спутниковъ, обрадовавшихся свѣжему человѣку и наперерывъ спѣшившихъ посвятить его въ свою жизнь и во всѣ уѣздные свои интересы и злополучія. И въ Москвѣ иногда приходилось ему слышать подобные разговоры, читалъ онъ и въ журналахъ и о хозяйствѣ, и о земствѣ, но тамъ, въ Москвѣ, тамъ это былъ одинъ лишь изъ числа многихъ интересовъ, которыми жило и волновалось общество. Вѣсти о деревенскихъ дѣлахъ и порядкахъ доходили до столицы откуда-то издалека, отрывочныя и неполныя, и потому впечатлѣніе получалось отъ нихъ не особенно яркое; теперь же, слыша разговоры и толки самихъ провинціаловъ, видя ихъ волненіе, чувствуя, что это преобладающій интересъ ихъ жизни, невольно и самъ увлекся Алгасовъ предметомъ и, подъ вліяніемъ всѣхъ слышанныхъ за день толковъ и извѣстій о старыхъ знакомыхъ, одно за другимъ понемногу стали воскресать въ его памяти смутныя юношескія объ этихъ людяхъ и объ этой жизни воспоминанія.

Насталъ тихій, прохладный вечеръ. Алгасовъ вышелъ на палубу. На смѣну заходящему солнцу поднялась съ другой стороны луна, и, облокотившись на перила, задумчиво сталъ глядѣть Алгасовъ на смутно выступавшіе въ блѣдномъ ея свѣтѣ пробѣгавшіе мимо берега и на всѣ медленно смѣнявшіеся картины и виды. Вотъ барка проплыла, вотъ село раскинулось по волнистому скату, вотъ безконечные заливные луга, густо усѣянные только что сметанными душистыми еще стогами, тонкій запахъ которыхъ доносился и до парохода; кое-гдѣ виднѣлись яркіе костры, озаряя собравшихся вокругъ нихъ людей; кое-гдѣ слышались веселыя пѣсни, отчетливо передаваемыя ночной тишиной; на большой дорогѣ, которую пересѣкала рѣка, зазвенѣлъ колокольчикъ, и показалась у парома почтовая тройка; вдругъ просторные луговые виды смѣнились обрывистыми, крутыми берегами, а тамъ, вдали, быстро надвигается лѣсъ...

Эти сельскія виды и цѣлый день среди уѣзднаго люда,

такъ живо напомнившаго Алгасову полу-забытыхъ гостей его отца—сразу перенесло это его въ новую обстановку. Отрадно и легко стало на душѣ у него, словно подъ вліяніемъ охватившей его вѣковой тишины глубины Россіи, навсегда замолкли всѣ его тревоги и покинули его безотвязныя думы. Москва куда-то вдругъ отдалилась отъ него, былое живо воскресло въ его памяти, и радостно забилось его сердце при мысли, что завтра же будетъ онъ дома...

Долго сидѣлъ онъ на палубѣ. Спать ему не хотѣлось, а такъ хорошо было тутъ, такъ чудно дрожала и переливалась луна на темной, слегка волнующейся поверхности рѣки, такъ таинственно-красиво полу-освѣщала она все вокругъ и такъ отрадно было, забывшись въ чарахъ волшебной ея красоты, всецѣло отдаться мечтамъ и воспоминаніямъ...

Рано проснулся онъ на слѣдующій день и тотчасъ же снова поспѣшилъ на палубу. Берега становились все болѣе и болѣе ему знакомыми, и съ трепетомъ узнавалъ онъ забытые, но такъ живо вдругъ вспомнившіеся признаки, по которымъ когда-то, еще гимназистомъ, опредѣлялъ онъ разстояніе, остававшееся до Сараевъ. До того усилилось его нетерпѣніе, что онъ не могъ уже сидѣть въ каютѣ и, не смотря на жару, все время не сходилъ съ трапа, съ волненіемъ, съ радостью слѣдя за приближеніемъ знакомыхъ селъ, лѣсовъ и пригорковъ.

Вотъ большое село съ огромнымъ барскимъ домомъ на крутомъ берегу и съ церковью въ отдаленіи. Алгасовъ зналъ это село: это Ольхи, имѣнье богатаго и важнаго барина Свиньина. Ольхи еще не въ Сарайскомъ уѣздѣ, но близко уже отъ него, и Алгасовъ помнилъ даже самого Свиньина, изрѣдка навѣщавшаго иногда Веденяпино. Онъ спросилъ о Свиньинѣ; оказалось, что Свиньинъ умеръ и въ Ольхахъ никто теперь не живетъ.

За Ольхами начинались луга. Рѣка дѣлала поворотъ, за которымъ, украшенный рощами, берегъ становился живописнѣе и круче и вдали, на высокомъ холмѣ, показалась колокольня другого села. За этимъ селомъ когда-то начинались непроглядные вѣковые лѣса, тянувшіеся до самыхъ почти Сараевъ, и съ грустью вмѣсто нихъ увидѣлъ Алгасовъ оголенный, покрытый пнями и тощимъ кустарникомъ некрасивый

берегъ... Вотъ показалась гора, скрывающая Сараи, вотъ обогнулъ ее наконецъ пароходъ—и на горизонтѣ сверкнули издалека видные кресты и главы сарайскихъ церквей. Отъ этого мѣста до Сараевъ оставалось не болѣе уже 2-хъ часовъ хода.

Нѣсколько разъ собираясь выѣхать изъ Москвы и все откладывая отъѣздъ, Алгасовъ такъ и не написалъ въ Веденяпино, чтобы выслали за нимъ лошадей. Въ Сараяхъ онъ взялъ почтовыхъ; пока ихъ запрягали, онъ отправился походить по городу и долго ходилъ онъ по знакомымъ когда-то улицамъ. Все тѣ же онѣ, ничто, повидимому, не измѣнилось въ нихъ за послѣднія шесть лѣтъ. Тѣ же скромные, большею частью—одноэтажные деревянные дома, та же мертвая повсюду тишина, тѣ же немощеныя, пыльныя, пустыя улицы, по которымъ рѣдко-рѣдко пройдетъ прохожій или проѣдетъ крестьянская телѣга. Та же густая трава на площадяхъ, та же крапива вдоль заборовъ, тѣ же коровы и свиньи, мирно пасущіяся на улицахъ—и подъ стать патріархальной внѣшности города была и сама патріархальная лѣнивая жизнь горожанъ, за которой легко было наблюдать въ откровенно-открытыя окна ихъ низенькихъ домиковъ. Съ тихой улыбкой во все вглядывался Алгасовъ. Вотъ у одного окна толстый старикъ съ сѣдыми усами, по всѣмъ признакамъ—былой кавалеристъ, на полной свободѣ, даже и безъ халата, благодушествуетъ за жирными щами; съ любопытствомъ посмотрѣлъ онъ на Алгаеова и даже высунулся изъ окна, глядя ему вслѣдъ. Вотъ семейная сцена исправленія дѣтей собственными ладонями родителей; вотъ, тихо напѣвая, разглаживаетъ платье просто одѣтая, съ засученными рукавами, хорошенькая дѣвушка; вотъ подается на столъ дымящійся самоваръ; вотъ, растянувшись на диванѣ, во всю мочь храпитъ всклокоченный какой-то рыжій господинъ, вотъ старуха-хозяйка бранитъ за что-то босоногую кухарку, а подъ окномъ стоитъ баба, предлагающая крыжовника и раковъ—и много еще подобныхъ же сценъ увидѣлъ Алгасовъ изъ-за пеларгоній, олеандровъ и китайскихъ розъ, которыми безъ исключенія уставлены были всѣ окна. Всего захватила его неторопливая и безмятежная эта жизнь, и даже грустно стало ему... Онъ повернулъ назадъ и пошелъ на станцію

идя огромной, прорѣзанной оврагомъ городской площадью, съ одинокимъ среди нея величественнымъ вязомъ. Однимъ концомъ своимъ площадь эта выходила на берегъ рѣки и тутъ, прямо надъ рѣкой, возвышалось мрачное зданіе острога. Алгасовъ зашелъ за него и сѣлъ на полусгнившую скамью, которую онъ еще помнилъ на этомъ же мѣстѣ. Рѣдкій видъ открывался съ нея: широкая рѣка была видна на большомъ протяженіи и далеко вдаль уходили на противоположномъ ея берегу безконечные, покрытые множествомъ разбросанныхъ по нимъ озеръ, ярко-зеленые луга; за ними мрачно поднимался темной своей массой необъятный еловый лѣсъ, и на самомъ лишь горизонтѣ, какъ единственный признакъ жизни, еле виднѣлось вдали нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ.

Недолго, впрочемъ, просидѣлъ тутъ Алгасовъ, любуясь этимъ видомъ: страшно вдругъ захотѣлось ему поскорѣе въ Веденяпино, и онъ поспѣшилъ на станцію.

Но, какъ нарочно, лошади попались ему до-нельзя плохія, крошечныя, худыя, ободранныя клячонки. Какъ ни понукалъ Алгасовъ ямщика, веселаго, кудряваго мальчика лѣтъ 15, какъ ни старался подѣйствовать на него и обѣщаніями, и бранью, какъ ни кричалъ и ни хлесталъ лошадей самъ ямщикъ—привыкшія къ подобному обращенію лошади уныло только мотали головами и продолжали трусить, еле семеня ногами, довольно, впрочемъ, искусно притворяясь, будто ѣдутъ рысью.

— Да что съ нихъ взять? обратился наконецъ къ Алгасову ямщикъ. Вѣдь сейчасъ только пришли, полчаса развѣ постояли... Лошадь кормить надо, ну она и повезетъ, а эти что? Овса-то, сердешныя, и не видали еще ноньче, а вторую ужъ станцію бѣгутъ...

— Да мнѣ-то какое до этого дѣло? возражалъ Алгасовъ. За что же я деньги заплатилъ?

— Вѣстимо, дѣло хозяйское... соглашался ямщикъ.

Алгасовъ жадно глядѣлъ впередъ. За городомъ вскорѣ же должно было показаться вдали Веденяпино.

— Да поѣзжай же скорѣе, когда же мы наконецъ доѣдемъ? снова началъ онъ, въ еще большее нетерпѣніе приведенный видомъ родного села.

— Поспѣемъ! утѣшалъ ямщикъ и для большаго удовольствія сѣдока неистово заоралъ на лошадей, замахалъ кнутомъ, задергалъ возжами и даже всталъ на ноги для большаго проявленія своей дѣятельности.

Остававшіяся 15 верстъ ѣхали болѣе двухъ часовъ, и вдоволь могъ насмотрѣться за это время Алгасовъ на медленно выступавшее передъ нимъ Веденяпино.

— Вонъ и Веденяпино! успокаивалъ его ямщикъ. Вишь, какъ скоро доѣхали, продолжалъ онъ, чтобы скрыть медленность своихъ лошадей.

— Да поѣзжай же, вѣдь это пѣшкомъ скорѣе дойдешь!

— Теперь почитай и доѣхали, увѣренно отвѣтилъ ямщикъ, хотя оставалось еще около 10 верстъ. Вамъ куда, въ Веденяпино, али дальше куда?

— Въ Веденяпино. Да ты не разговаривай, а поѣзжай!

— Такъ, въ Веденяпино! Куда же это тамъ? Къ попу, что ли?

— На барскій дворъ мнѣ надо.

— На барскій?.. А я думалъ къ попу. Намеднись тоже возилъ одного въ Тарасьево, такъ тотъ къ попу пріѣхалъ. А сами-то вы чьи будете?

— Тебѣ зачѣмъ?

— Да такъ, къ слову пришлось... А вѣдь тамъ и нѣтъ никого, въ Веденяпинѣ-то, на барскомъ! вдругъ весь обернулся онъ къ Алгасову. Господа-то, сказываютъ, всѣ померли, такъ вотчина и осталась пустая...

Наконецъ добрались и до Веденяпина. Шагомъ взобравшись въ гору, лихо крикнулъ ямщикъ на лошадей и, словно чуя, что насталъ конецъ ихъ мученіямъ, лошади проѣхали по селу непритворной уже рысью. Ямщикъ круто повернулъ повозку на барскій дворъ и, сопровождаемый оглушительнымъ лаемъ собакъ, остановился у крыльца.

И вотъ передъ Алгасовымъ его старый домъ, сѣрый и унылый, съ закрытыми ставнями, съ запертымъ крыльцомъ, полинявшій и постарѣвшій. Рѣшетка, закрывавшая балконъ, стояла пустая, безъ обвивавшихъ ее когда-то цвѣтовъ, съ выпавшими кое-гдѣ рѣшетинами. Отъ готическаго вензеля, украшавшаго ея середину, осталась только половина; на самомъ балконѣ дворныя собаки основали, какъ видно, свою

главную квартиру; на покосившемся крыльцѣ не хватало одной ступеньки, которая валялась, впрочемъ, тутъ же, у крыльца. Печать полнѣйшаго запустѣнія лежала на всей внѣшности дома, и болѣзненно сжалось сердце Алгасова, когда онъ взглянулъ на свой старый домъ...

Алгасовъ осмотрѣлся. Дворъ, прежде содержавшійся въ образцовомъ порядкѣ, весь заросъ теперь гигантскими лопухами, травой и крапивой; отъ убитой щебнемъ дороги къ крыльцу не оставалось и слѣда. Красивый цвѣтникъ, занимавшій середину двора, рѣшительно исчезъ подъ массой лопуховъ и крапивы, величественно тутъ разросшихся на жирной землѣ бывшихъ клумбъ. Отъ изящной рѣзной рѣшетки, когда-то окружавшей этотъ цвѣтникъ, кое-гдѣ лишь виднѣлись изъ-подъ бурьяна догнивавшіе какіе-то, жалкіе остатки. Заборъ сада тоже мѣстами развалился и былъ замѣненъ гдѣ плетнемъ, гдѣ кольями, а гдѣ и ничѣмъ даже не замѣненъ.

На дворѣ никого не было, кромѣ собакъ да нѣсколькихъ индѣекъ. Домъ былъ запертъ. Алгасовъ не могъ даже сойти съ повозки, ибо яростно лаявшія собаки выказывали относительно его самыя враждебныя намѣренія, и на свободѣ могъ онъ любоваться этимъ царившимъ вокругъ запустѣніемъ.

— Ишь, нѣтъ никого! Покричать, что ли? началъ наконецъ ямщикъ, оборачиваясь къ Алгасову.

— Да ты поди, вонъ людскія, навѣрно, тамъ есть кто-нибудь...

— Вишь, собакъ что развели, какъ тутъ пройдешь? задумчиво возразилъ ямщикъ, искоса поглядывая на собакъ и оборачиваясь на людскія.

Но тутъ на крыльцѣ одной изъ нихъ показалась молодая женщина, посмотрѣла на пріѣхавшихъ и тотчасъ же скрылась. Потомъ показалась другая, постарше. Наконецъ выскочилъ оттуда какой-то старикъ и побѣжалъ къ дому, на ходу торопливо натягивая на себя грязный кафтанъ.

— Вамъ кого? произнесъ онъ, вглядываясь въ Алгасова. Я васъ, подлыя!.. тутъ же обратился онъ на собакъ, бросая въ нихъ какой-то попавшейся ему палкой.

— Да что это, ни души человѣческой нѣтъ! Куда это всѣ пропали? сердито началъ Алгасовъ.

— Прикащикъ въ полѣ... Снопы возятъ... бормоталъ старикъ. Да никакъ баринъ нашъ, Александръ Семеновичъ! воскликнулъ онъ, узнавая наконецъ Алгасова. А я-то! И не узналъ даже... Да какъ же мнѣ быть-то? Вѣдь домъ-то запертъ, а ключъ у прикащика, а прикащикъ въ полѣ, версты три будетъ, у Лисунова врага...

И, проговоривъ это, старикъ безпомощно заметался на мѣстѣ, не зная, что ему дѣлать, и кончилъ тѣмъ, что бросился цѣловать у барина руку.

Между тѣмъ, пріѣхавшій съ Алгасовымъ Василій соскочилъ съ козелъ и сталъ возлѣ повозки, насмѣшливо глядя на старика, которому доводился двоюроднымъ внукомъ. Долго проживъ въ Москвѣ, Василій превратился тамъ въ настоящаго москвича и больше даже барина забылъ родное Веденяпино, куда и поѣхалъ-то неохотно, всячески отговаривая Алгасова отъ этой поѣздки и увѣряя, что тамъ одно только необразованіе и больше ничего.

— Да какъ же быть, ну пошли кого-нибудь, началъ Алгасовъ. Не сидѣть же мнѣ на дворѣ...

— На грѣхъ-то и кучера нѣтъ, лошадь проѣзжать поѣхалъ... продолжалъ старикъ. А на дворѣ только бабы и остались, да я съ ними... Развѣ внучку послать? Она живо сбѣгаетъ...

И не дожидаясь отвѣта, бросился онъ въ людскую и энергично вытолкнулъ оттуда молоденькую дѣвушку въ ситцевомъ платьѣ, которая тотчасъ же изо всѣхъ силъ пустилась бѣжать, на ходу съ любопытствомъ оглядываясь на барина; послѣ этого подвига старикъ снова побѣжалъ къ дому.

— Она у меня шустрая, живо добѣжитъ, еще издали утѣшалъ онъ Алгасова, а прикащикъ на лошади, сейчасъ же прискачетъ. Да, не ждали мы васъ, батюшка-баринъ, Александръ Семеновичъ! Изволили въ началѣ еще лѣта писать, что пожалуете, мы тогда и ждали, а потомъ и перестали...

— Это вы меня, значитъ, ждали? отвѣтилъ Алгасовъ, показывая на крапиву и на обвалившіеся заборы и вылѣзая

изъ повозки. Да отгони же наконецъ собакъ! Ты-то, Василій, чего стоишь?

Василій взялъ у ямщика кнутъ и бросился на собакъ, не перестававшихъ яростно лаять. А старикъ махнулъ только рукой, вздохнулъ и отвернулся.

— Глаза бы мои, батюшка-баринъ, не глядѣли, заговорилъ онъ. Все валится! То ли при покойномъ-то баринѣ, при Семенѣ Степановичѣ, было? Да что подѣлаешь! Вы насъ покинуть изволили...

— Ну хорошо. Я въ садъ пойду, а пока приготовь мнѣ самоваръ. Тебя вѣдь, кажется, Гаврилой зовутъ?

— Такъ-съ точно!

— Ну такъ вотъ съ Василіемъ все приготовьте.

— Баринъ, на чаекъ бы надо! вдругъ встрепенулся ямщикъ, дотолѣ безучастно сидѣвшій на козлахъ.

— Ну да, за твою только ѣзду и даютъ, возразилъ Алгасовъ. Ты бы еще покормить гдѣ-нибудь остановился?..

— Эхъ, баринъ!.. Да нѣшто это я? Ужъ, кажись, старался! Вишь какихъ лошадей даетъ хозяинъ, какъ на нихъ поѣдешь? И такъ на одномъ, почитай, кнутѣ и доѣхали...

Алгасовъ далъ ему полтинникъ и пошелъ въ садъ. Между тѣмъ собрались изъ людской убогіе остатки веденяпинской дворни, мирно доживавшіе свой вѣкъ старики и старухи. Многихъ тутъ не досчитался Алгасовъ...

Одинъ только садъ порадовалъ его: Алгасовъ нашелъ его еще болѣе густымъ и роскошнымъ. Лучше и гуще стали тѣнистыя его аллеи, давно не стриженыя липы и ели приняли живописно-уродливый какой-то видъ, широко раскинули свои вѣтви деревья, которыя Алгасовъ оставилъ еще молодыми, переплелись и перепутались кусты, все поднялось и разрослось въ старомъ саду, и зелени, тѣни всюду было въ немъ вдоволь. Но какъ ни хорошъ сталъ онъ теперь, какъ ни разукрасило его время—и въ саду повсюду встрѣчалъ Алгасовъ утраты и слѣды запустѣнья: не увидалъ уже онъ многихъ вѣковыхъ деревьевъ, о которыхъ печально напоминали ихъ полусгнившіе пни; не стало и любимой его бесѣдки, на мѣстѣ которой росла теперь густая крапива; дорожки заросли травой, осыпались курганы, исчезли клумбы, хрѣнъ, чистотѣлъ и лопухи испестрили бы-

лыя ровныя и чистыя лужайки, и особенно возлѣ дома бросалось въ глаза это запустѣніе. Тутъ и нечищенныя дорожки были замѣтнѣе, и больше было тутъ сорныхъ травъ, и отвратительнѣе казались эти травы, нагло занявшія мѣсто красивыхъ душистыхъ цвѣтовъ, и такъ уныло, вдобавокъ, выглядывалъ тутъ и самый домъ, полинялый и старый, съ закрытыми ставнями, съ заколоченной дверью, съ покривившейся балконной лѣстницей... Печальный видъ представлялъ этотъ цвѣтникъ, такой въ прежніе годы блестящій, веселый и пестрый—и Алгасовъ поспѣшилъ оттуда уйти.

Онъ обошелъ весь садъ и пошелъ въ фруктовое отдѣленіе: и тамъ уже не было прежняго порядка, и тамъ не нашелъ онъ многихъ любимыхъ своихъ яблонь и грушъ. Онъ направился къ оранжереямъ, съ трудомъ пробираясь сквозь густой бурьянъ, подъ которымъ скрылись такъ тщательно когда-то содержавшіяся грядки съ артишоками и цвѣтной капустой. Возлѣ самыхъ оранжерей уныло глянули на своего хозяина еще замѣтныя изъ-подъ крапивы ямы бывшихъ парниковъ, и тутъ же валялся старый другъ его—вѣковой, громадный лимонъ: даже слезы показались на глазахъ у Алгасова, когда онъ подошелъ къ засохшему и выброшенному гиганту...

И въ теплицахъ было пусто. Много цвѣтовъ погибло, новыми ихъ не замѣняли и оставшіеся немногіе старики почти терялись на обширныхъ полкахъ. Только оранжереи были нѣсколько еще въ большемъ порядкѣ; въ одной изъ нихъ Алгасовъ встрѣтилъ еле уже передвигавшаго отъ старости ноги, полу-слѣпаго, оглохшаго Макарыча: съ трубкой въ зубахъ, сидѣлъ онъ на боровѣ, глядя на двухъ обрѣзавшихъ деревья работниковъ. Насилу узналъ онъ Алгасова, а его помощники, оставивъ работу, съ нескрываемымъ изумленіемъ выпучили глаза на невѣдомо откуда вдругъ взявшагося барина.

— Что мало персиковъ, дѣдъ? кричалъ Алгасовъ Макарычу.

Сурово взглянулъ на него Макарычъ, потомъ на персики.

— А вотъ отчего ихъ мало, сердитымъ какимъ-то голосомъ зашамкалъ онъ, съ трудомъ придвигаясь къ Алгасову. Только что, значитъ, сѣли они у меня, а тутъ-то, какъ на

грѣхъ, я и запей!.. Вотъ и бѣжитъ ко мнѣ Мишка, продолжалъ онъ, указывая на одного изъ работниковъ. „Дѣдко!“ говоритъ, „а вѣдь персики-то валятся!“— „Валятся?“ говорю. „Хорошо“. Пошелъ это я, пришелъ. Сѣлъ, закурилъ трубку. Сижу и смотрю—а они валятся. Такъ что же бы ты думалъ? даже весь оживившись, громко вдругъ заговорилъ старикъ. Узналъ вѣдь я, отчего они валятся! Вода подошла. Ну а ихъ вотъ и мало. Да они будутъ, продолжалъ онъ, оборачиваясь къ деревьямъ и любовно захватывая въ горсть нѣсколько вѣтокъ разомъ, вишь, какіе разрослись! Рѣжу вотъ ихъ...

Поговоривъ такъ съ Макарычемъ, Алгасовъ вернулся въ садъ, сѣлъ на дубовый столбъ, единственный остатокъ любимой своей бесѣдки, и задумался, глядя на заходящее солнце и на разстилавшіеся вокругъ просторные виды. Грустно было ему. Невольно вспомнилось ему Веденяпино такимъ, какимъ оно было въ цвѣтущія свои времена, и не соотвѣтствовали этимъ воспоминаніямъ картины окружающаго запустѣнія. Какъ шумно и весело бывало здѣсь прежде, въ этомъ же саду, въ которомъ теперь сидитъ онъ, одинокій и грустный, въ ожиданіи, когда отопрутъ ему его домъ! Все прошло и миновало, не сохранился и внѣшній даже обликъ былого...

Грустно было Алгасову. А въ старые годы, свободный школьникъ, такъ ли пріѣзжалъ онъ тогда въ Веденяпино? Но теперь, что и могъ онъ ожидать иного отъ своего пріѣзда? Заброшенная, пустая усадьба, которой онъ являлся единственнымъ, да и то лишь временнымъ обитателемъ, какъ могла бы она радостнѣе встрѣтить своего владѣльца?

Наконецъ прискакалъ Курмаевъ и отперли домъ. Пока Алгасовъ, стоя на крыльцѣ, говорилъ съ Курмаевымъ и приказывалъ Василію, куда нести вещи, ставни стараго дома поспѣшно отворялись и вечерній свѣтъ понемногу проникалъ въ забытые покои. Съ стѣсненнымъ сердцемъ вступилъ Алгасовъ въ сѣни и переднюю: все было тамъ по-старому, всѣ предметы на старыхъ мѣстахъ, словно и не покидали хозяева этого дома, и рѣзкій лишь запахъ сырости—только онъ и напоминалъ о послѣднихъ шести годахъ.

Отпустивъ Курмаева и распорядившись, чтобы чай подавали на балконѣ, Алгасовъ одинъ обошелъ пустыя комнаты. Онъ ихъ сейчасъ же узналъ, въ нихъ тоже ничего не измѣнилось, и до послѣдней мелочи все сохранилось въ томъ же порядкѣ и въ томъ же видѣ, въ какомъ ихъ оставили шесть лѣтъ тому назадъ: у окна стояли даже пяльцы съ недоконченной работой; на столѣ передъ диваномъ лежала коробка со спичками и рядомъ была пепельница съ брошеннымъ въ нее окуркомъ; въ подсвѣчникахъ уцѣлѣли еще полу-обгорѣвшія свѣчи; въ замкѣ одного комода виднѣлся ключъ; въ кіотѣ лежали передъ образами двѣ просфоры и торчалъ пучокъ вербъ... Все оставалось по-старому, и еще лишь сильнѣе волновали Алгасова сохранившіеся эти слѣды былой, когда-то широкой и шумной жизни. Невольно переносились его мысли назадъ, въ прежніе годы, казалось, вчера еще дружно и мирно жили тутъ и самъ онъ, и всѣ его близкіе, и гнетущимъ образомъ дѣйствовали на его душу пустота и мертвая тишина въ этихъ, такъ мало измѣнившихся и такихъ, бывало, людныхъ комнатахъ...

Онъ дошелъ до угольной, бывшаго кабинета его матери, и открылъ окно; долго, весь погруженный въ свои воспоминанія, глядѣлъ онъ на темнѣющую даль, и подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній и всего имъ пережитаго за день такъ живо вдругъ почудились ему въ полусумракѣ вечера дорогія тѣни, что невольно оглянулся онъ, очнувшись...

Онъ пошелъ наверхъ, въ комнаты сестеръ, Костыгина и въ свою бывшую комнату. На эти комнаты обратили еще меньше вниманія, и онъ нашелъ ихъ въ томъ же совершенно безпорядкѣ, въ какомъ оставили ихъ, уѣзжая. На комодѣ валялись забытые гребенка и галстухъ, на гвоздѣ возлѣ рукомойника висѣло пожелтѣвшее полотенце, открытая книга лежала на одномъ изъ столовъ, на окнѣ стоялъ стаканъ съ засохшимъ букетомъ ландышей и лишь густой, все покрывавшій слой пыли краснорѣчиво свидѣтельствовалъ, сколько лѣтъ пролежали тутъ всѣ эти предметы, никѣмъ не тревожимые. Алгасовъ постоялъ, посмотрѣлъ и пошелъ внизъ.

Между тѣмъ остатки дворни успѣли уже водвориться въ лакейскихъ и дѣвичьихъ. Взадъ и впередъ забѣгали по коридору люди, въ буфетѣ загремѣли посудой, заговорили.

Эти звуки словно оживили пустой домъ, и несказанно обрадовался имъ Алгасовъ, сойдя сверху.

На балконѣ кипѣлъ уже самоваръ; напившись чая и еще поговоривъ съ Курмаевымъ, Алгасовъ пошелъ въ кабинетъ отца, гдѣ на диванѣ приготовили ему постель. Двѣ горѣвшія на письменномъ столѣ свѣчи слабо освѣщали комнату. Алгасовъ оглянулся. Прямо передъ нимъ висѣлъ на стѣнѣ большой во весь ростъ портретъ его дѣда въ старинной домашней столярной работы рамѣ краснаго дерева. Невысокій, худенькій, въ мундирномъ фракѣ начала нашего вѣка, старикъ глядѣлъ на внука маленькими черными своими глазками, словно привѣтствуя его въ домѣ, который онъ же для него построилъ.

На столѣ въ порядкѣ и цѣлости находились всѣ письменныя принадлежности Семена Степановича: большая старинная чернильница съ высохшими чернилами, песочница, полная еще песка, два мраморныхъ прессъ-папье, бронзовый разрѣзной ножикъ, перочинный ножикъ въ костяной оправѣ, счеты, линейка; возлѣ чернильницы лежала ручка съ вставленнымъ въ нее заржавѣвшимъ перомъ; половина карандаша и початая палка сургуча были тутъ же. Рамки съ пожелтѣвшими фотографіями тоже стояли на своихъ мѣстахъ, только вмѣсто обычныхъ бумагъ (ихъ самъ Алгасовъ разобралъ послѣ похоронъ и нѣкоторыя спряталъ, нѣкоторыя уничтожилъ) подъ однимъ изъ прессовъ лежалъ нераспечатанный номеръ Московскихъ Вѣдомостей 1867 года да валялся на столѣ пустой конвертъ съ почтовымъ штемпелемъ того же года.

Алгасовъ пересмотрѣлъ фотографіи. Это было все ихъ семейство. Вотъ онъ самъ въ черномъ гимназическомъ сюртукѣ 60-хъ годовъ; вотъ Костыгинъ, тоже гимназистомъ, Надежда Семеновна еще невѣстой, подъ руку съ женихомъ, Софья Семеновна—совсѣмъ еще молоденькая, худая, несложившаяся дѣвушка.

— Какъ это не спряталъ я ихъ тогда? подумалъ Алгасовъ, вглядываясь въ знакомыя эти лица, подъ стать со всѣмъ остальнымъ такъ живо переносившія его въ прошлые годы.

Распечаталъ и прочелъ онъ и номеръ Московскихъ Вѣдомостей и даже улыбнулся, читая телеграммы и извѣстья,

въ которыхъ главную роль игралъ еще Наполеонъ III. И сколько изъ этихъ лицъ, тогда управлявшихъ судьбами царствъ и народовъ, не дававшихъ спать журналистамъ и политикамъ, сколько изъ нихъ уже исчезло и забыто, и такъ забыто, что рѣдкій, пожалуй, политикъ и имя-то ихъ вспомнить, сколькихъ нѣтъ уже въ живыхъ...

Алгасовъ еще разъ просмотрѣлъ газету, останавливаясь на каждомъ собственномъ имени и стараясь припомнить судьбу каждаго лица.

Но и это не разсѣяло его, и долго еще сидѣлъ онъ, облокотившись на письменный столъ. Впечатлѣнія цѣлаго дня, воспоминанія, постороннія мысли, отрывками и безсвязно проносилось все это въ его головѣ. Было уже поздно, когда онъ раздѣлся и легъ наконецъ, но долго еще не могъ онъ заснуть и не очень-то покойна была эта первая ночь, снова проведенная имъ подъ кровомъ его дѣда.

Яркое, веселое утро встрѣтило его, когда онъ проснулся. Открывъ глаза, быстро вскочилъ онъ съ постели—такъ поразила его комната, которой онъ сразу и не узналъ, но скоро же сообразилъ онъ, гдѣ онъ и что это, и снова овладѣла имъ та же вчерашняя томительная грусть...

Одѣвшись, снова обошелъ онъ весь домъ. При яркомъ утреннемъ свѣтѣ не такими уже унылыми показались ему пустыя комнаты, хотя все также мучительно дѣйствовала на него царившая въ нихъ мертвая тишина... Но некогда, къ счастью, было ему отдаваться тяжелымъ этимъ впечатлѣніямъ: не успѣлъ онъ напиться чая, какъ явился къ нему прикащикъ съ докладомъ, и весь этотъ день провелъ Алгасовъ въ толкахъ съ Курмаевымъ, въ разъѣздахъ по полямъ и въ осмотрѣ хозяйства.

На слѣдующій день то же самое, и такъ, день за днемъ, тихо и мирно потекла его жизнь. Онъ устроился въ кабинетѣ; эта комната скоро приняла жилой видъ, въ остальныя же онъ почти и не заглядывалъ. Много времени занимали у него дѣла и хозяйство, онъ много гулялъ, посѣщая всѣ любимыя свои мѣста, погода же стояла въ то лѣто прекрасная. Вспомнилъ онъ и почти уже забытую среди треволненій послѣднихъ лѣтъ охоту и со страстью вновь отдался

любимой забавѣ, по цѣлымъ днямъ проводя съ ружьемъ и собакой въ окрестностяхъ Веденяпина.

Такимъ образомъ онъ не скучалъ въ Веденяпинѣ, напротивъ, благотворно подѣйствовала на него деревенская обстановка. Миръ и покой словно пролили въ мятежную его душу эти виды и мѣста, среди которыхъ прошло такое хорошее, согрѣтое любовью его дѣтство; всего охватила его невозмутимая деревенская тишина, и покойнѣе жилось ему тутъ, легче стало на душѣ у него, не такъ уже лѣзли всякія ненужныя думы, не такъ гнело безотрадное чувство пустоты. Онъ присмотрѣлся ко всѣмъ произведеннымъ въ Веденяпинѣ временемъ перемѣнамъ и равнодушно, не замѣчая, проходилъ теперь мимо того, что такъ мучительно на каждомъ шагу поражало его въ день пріѣзда. Понемногу сталъ онъ сживаться съ тѣмъ новымъ Веденяпинымъ, которое онъ нашелъ послѣ шестилѣтняго отсутствія; съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе волновали его сравненія настоящаго съ прошлымъ, и въ Веденяпинѣ онъ почувствовалъ себя дома, тамъ, гдѣ все ему знакомо, гдѣ сосредоточены всѣ его интересы, гдѣ всѣ его знаютъ и онъ всѣхъ знаетъ, гдѣ, наконецъ, онъ имѣетъ наслѣдственное значеніе и вліяніе, а не теряется, какъ въ Москвѣ, въ многочисленномъ и пестромъ столичномъ населеніи. Онъ и не располагалъ долго пробыть въ Веденяпинѣ, но ничего не мѣняло это въ томъ прочномъ положеніи, которое онъ тамъ занималъ, и такъ хорошо, отрадно было ему чувствовать себя дома... Яснѣе стали ему всѣ его ощущенія, вызываемыя воспоминаніями о былой Веденяпинской жизни, да и сама жизнь эта стала ему понятнѣе и ближе. И скоро до послѣднихъ мелочей все вспомнилось ему и въ самомъ Веденяпинѣ, и въ его окрестностяхъ, словно всю жизнь не разставался онъ съ Веденяпинымъ—только родныя мѣста могутъ такъ скоро вспоминаться и такъ полно завладѣвать человѣкомъ.

Пріѣхавъ въ Веденяпино на короткое лишь время, Алгасовъ не возобновлялъ своихъ старыхъ знакомствъ и былъ у одного только предводителя. Къ нему онъ поѣхалъ тотчасъ же по пріѣздѣ—такъ хотѣлось ему поскорѣе увидѣть Поляны, домъ и садъ покойной Вѣры Григорьевны.

Но Полянскаго не оказалось дома, и Алгасовъ былъ очень этому радъ. Всецѣло отдавшись воспоминаніямъ, одинъ обошелъ онъ комнаты и вышелъ въ садъ. Ничего почти не измѣнилось въ Полянахъ, и домъ, и садъ остались тѣми же, какими были и при Вѣрѣ Григорьевнѣ, и долго ходилъ Алгасовъ по саду, вспоминая то время, тѣхъ людей и свѣтлую первую свою любовь..

А время шло впередъ и впередъ, и незамѣтно подкралась осень съ дождливыми и пасмурными своими днями, но, охотясь и читая, Алгасовъ мирился и съ осенью. Ему захотѣлось узнать, что это такое—деревенская осень, и онъ рѣшилъ было остаться въ Веденяпинѣ до зимы, но извѣстье о сватьбѣ Константина Платоновича вызвало его изъ деревни ранѣе, чѣмъ онъ думалъ, и въ половинѣ сентября покинулъ онъ Веденяпино.

XXXVI.

Еще зимой настойчиво и серьезно принялся Константинъ Платоновичъ ухаживать за хорошенькой и богатой Анной Сергѣевной Масловой. Она ему нравилась, онъ ей тоже, и когда, встрѣтившись съ нею въ Крыму, онъ сдѣлалъ ей предложеніе—оно тотчасъ же было принято съ радостью. Счастливые и влюбленные, весело провели они мѣсяцъ въ Крыму и въ началѣ сентября вернулись въ Москву, гдѣ назначена была сватьба и куда къ этому времени ждали изъ за-границы Аделаиду Филипповну.

Не задаваясь никакими особыми задачами, не стремясь ни къ чему неизвѣстному и новому, не зная ни вопросовъ, ни сомнѣній, и Константинъ Платоновичъ, и Анна Сергѣевна— оба вполнѣ довольны были они своимъ настоящимъ и прошлымъ и твердо вѣрили, что по той же широкой, еще дѣдами протоpенной дорогѣ опредѣленно и безмятежно пойдутъ и будущіе ихъ дни. Что ждетъ ихъ впереди, счастье или горе—объ этомъ никто и не думалъ изъ нихъ. Они нравились другъ другу, покой, довольство и почетъ имъ были обезпечены, во имя только этого и соединялись они, и врядъ ли дальше этого шли ихъ идеалы счастья.

Пріѣхавъ въ Москву передъ самой ихъ сватьбой, Алгасовъ нашелъ ихъ на вершинѣ блаженства и счастья, пол-

ными воспоминаній о поэтической зарѣ ихъ любви, взошедшей для нихъ на чудномъ морскомъ берегу—и отъ души поздравилъ онъ ихъ обоихъ.

— Ну какъ понравилась тебѣ моя Аня? спросилъ его Бачуринъ, когда вмѣстѣ вышли они отъ Масловыхъ.

— Развѣ я въ первый разъ ее вижу? Я всегда находилъ ее хорошенькой, отозвался Алгасовъ.

— Но какъ она мила! Право, она еще похорошѣла за послѣднее время!

— Г. товарищъ предсѣдателя! воскликнулъ Алгасовъ. Ты, кажется, забываешь свое генеральское мѣсто! Развѣ прилично подобному тебѣ великому мужу выражаться столь восторженно?

— Что же, развѣ я и не человѣкъ ужъ по твоему?

— Человѣкъ, но человѣкъ сановный. Тебѣ приличны рѣчи и поступки важные, а поэтическій восторгъ—оставь ужъ его намъ, несчастнымъ отставнымъ X класса...

— Ты все смѣешься! Но въ самомъ дѣлѣ, Аня такъ мила, что я до сихъ поръ все не могу на нее насмотрѣться...

— Э, всѣ онѣ милы...

— Какимъ философомъ ты заговорилъ! Или ужъ княжна заставила тебя совсѣмъ разочароваться въ женщинахъ?

— Что княжна? Я ни въ комъ и ни въ чемъ не разочаровывался, но какая недурная собой 18-лѣтняя дѣвушка не мила? Но съ Масловой ты будешь счастливъ, а это все, что надо. Будешь ты наживать генеральскіе чины, будетъ у васъ 30 или 40 тысячъ въ годъ, ну и заживете вы прекрасно...

— И не лучше ли это, чѣмъ метаться, какъ ты, и вѣчно къ чему-то все стремиться? По крайней мѣрѣ это ясная, опредѣленная жизнь, съ извѣстными интересами и съ извѣстной цѣлью.

— Развѣ я что говорю? Иное дѣло—цѣна этой цѣли...

— Э, другъ мой, хоть дешевая, да лишь бы цѣль... Безъ цѣли жить, какъ ты, повѣрь, это хуже всего. Ты цѣлую, пожалуй, проповѣдь скажешь, если спросить тебя о твоей цѣли, но короткаго и яснаго отвѣта не дашь...

— Что же дѣлать, когда всѣ эти доступныя намъ, ясныя ваши цѣли не выдерживаютъ ни малѣйшей критики?

— Однако же, всѣ ими живутъ—и въ этомъ ихъ оправданіе.

— Было время, когда всѣ вѣрили въ движеніе солнца вокругъ земли, и всѣ преспокойно ошибались.

— И ты одинъ не ошибаешься? Не слишкомъ ли это много, Саша?

— Во-первыхъ, я не вижу, почему я долженъ болѣе довѣрять всѣмъ, чѣмъ себѣ и своему разсудку. Если же окажется, что я ошибаюсь, если докажутъ мнѣ это не „всѣ", а жизнь и мой собственный разумъ—я съумѣю сознаться въ своей ошибкѣ и никогда не покраснѣю за нее. Но кромѣ этого, мы видимъ, что, преслѣдуя свои ясныя цѣли, эти „всѣ" дѣйствительно живутъ, но живутъ ли они счастливо? А въ этомъ и весь вопросъ.

— Какъ же ты говоришь, что мы съ Аней будемъ счастливы?

— По своему—да, вы будете счастливы... Вы богаты... Опять, какъ и въ прошломъ году, поѣдешь ты въ Петербургъ, покланяешься тамъ, потаскаешься по пріемнымъ, попросишь, вымолишь себѣ мѣстечко или орденъ, и будете вы радоваться этому благополучію, какъ дѣти радуются новой игрушкѣ, не вдумываясь въ суть этой игрушки... Вмѣстѣ со „всѣми" будете вы жаловаться на скуку, не замѣчая, откуда проистекаетъ она, удовольствіями и забавами стараясь заглушить невольное чувство неполноты и недовольства жизнью... Однимъ словомъ, не вдумываясь въ жизнь, ты проживешь ее незамѣтно и покойно, и съ Масловой лучше, чѣмъ со всякой другой, вотъ что я хотѣлъ сказать.

— Ты выставляешь меня какимъ-то пошлякомъ...

— Ничуть. Но ты самъ сказалъ, что живешь и хочешь жить той же жизнью, которой живутъ и всѣ, а общія черты этой жизни именно таковы, какъ я ихъ обрисовалъ. Что такое—стремленіе къ цѣли, мнѣ совершенно посторонней? Но ты правъ, всѣ такъ живутъ, и между всѣми есть прекрасные, достойные всякаго уваженія люди. Но повѣрь, не раздѣлять жизни всѣхъ—это тяжелый крестъ, а не имѣть въ то же время и своей жизни, не имѣть ни одного даже яснаго представленія и только видѣть несо-

стоятельность жизни всѣхъ и исходить изъ этого начала, на каждомъ шагу сомнѣваясь въ самомъ себѣ—это еще тяжелѣй.

— Да! И откровенно скажу—я не понимаю этого. Мнѣ кажется, ты слишкомъ уже избалованъ свободой, ты никогда не зналъ никакихъ обязанностей и всегда думалъ объ одномъ только себѣ... Это развило въ тебѣ эгоизмъ. Потому что, согласись, твоя теорія личнаго счастья, какъ цѣли жизни, въ ней много эгоизма!

— Можетъ-быть, но право, я не вижу его. Я не отказываюсь отъ обязанностей, но не могу допустить, чтобы онѣ были единственной цѣлью всей нашей жизни. Я не отказываюсь отъ жертвъ и собой, и даже своимъ счастьемъ, но тогда только, когда я вижу, что жертва эта необходима для счастья моихъ ближнихъ, что сама жизнь привела меня къ этой жертвѣ. Мое счастье, какъ я его понимаю, не мѣшаетъ человѣку исполнять свои обязанности, но только не подчиняетъ его имъ.

— Да, но ты не знаешь, что такое обязанности: у тебя не было семейныхъ, и ты самъ отстраняешь себя отъ гражданскихъ. Обязанности несовмѣстимы съ свободой и слѣдовательно необходимо требуютъ нѣкоторыхъ жертвъ.

— По моему, жертва—тутъ слишкомъ уже громкое слово: не жертвъ, а стѣсненій, неудобствъ, т. е. такихъ мелочей, которыя съ избыткомъ вознаграждаются разными матеріальными или нравственными выгодами, проистекающими изъ самого же исполненія обязанности. Положимъ, напр., ты исполняешь свою гражданскую обязанность, служа товарищемъ предсѣдателя. Естественно, завтра утромъ ты долженъ быть въ судѣ, а не у невѣсты, хотя послѣднее тебѣ и пріятнѣе. Но вѣдь это же не жертва, а именно только стѣсненіе... Другое дѣло, если бы ради исполненія этой своей обязанности приходилось тебѣ совсѣмъ отказаться отъ невѣсты—это уже была бы жертва, и я думаю, при подобныхъ условіяхъ, и ты, какъ и я, пожертвовалъ бы службой, а не невѣстой... Если, Костя, исполненіе гражданскихъ обязанностей требуетъ жертвы и безъ нея невозможно, это значитъ, что общество, къ которому я принадлежу, живетъ при ненормальныхъ условіяхъ, а тогда и логика является совершенно уже иная.

— Знаешь, Саша, съ улыбкой заговорилъ Бачуринъ, по моему единственное для тебя средство избавиться отъ этихъ философій—это жениться. Тогда твоя жизнь сама собой пойдетъ гладко и правильно...

— Что и хотѣлъ я сдѣлать года полтора тому назадъ, но врядъ ли жизнь моя пошла бы правильно... Философія, какъ ты ее называешь, осталась бы. Нѣтъ ужъ, Костя, вы женитесь, а я буду вѣнчать васъ, да благословлять на брачную жизнь. А въ самомъ дѣлѣ, сколько ужъ народа перевѣнчалъ я на своемъ вѣку: двухъ братьевъ, да трехъ сестеръ...

— Вотъ и пора самому!

— Хорошо, на досугѣ поищу невѣсту, а пока до свиданія!

Онъ повернулъ на Молчановку и скоро исчезъ въ темнотѣ осенней ночи.

Великолѣпно отпраздновали сватьбу Константина Платоновича и Анны Сергѣевны—старикъ Масловъ ничего не пожалѣлъ для этого. На медовый мѣсяцъ молодые уѣхали въ Италію и вернулись въ Москву уже зимой.

— Эхъ, Саша, Саша, говорилъ въ день сватьбы Павелъ Ивановичъ, а вѣдь я такъ и думалъ, что ты женишься на Масловой... Съ которыхъ еще поръ я прочилъ ее за тебя!

— Не суждено, должно быть, отвѣтилъ Алгасовъ, а то вѣдь суженой и конемъ, говорятъ, не объѣдешь...

— Да, а самая по тебѣ была бы невѣста, разумѣется, если бы ты путнымъ человѣкомъ былъ!

— А развѣ я безпутный? улыбаясь, возразилъ Алгасовъ.

— Кто тебя разберетъ, какой ты...

Какъ шаферъ жениха, обязанный принимать участье во всѣхъ сопровождавшихъ сватьбу празднествахъ, послѣ отдыха и деревенскаго уединенія вновь увидѣлъ Алгасовъ оживленное веселье блестящаго бала и вновь убѣдился, какъ мало даетъ и сулитъ оно ему самому. Безучастно и равнодушно смотрѣлъ онъ на это веселье; не увлекало уже оно его, какъ въ прежніе годы, и большихъ порой усилій стоило ему хотя наружно казаться веселымъ.

И какъ только проводилъ онъ молодыхъ, снова совсѣмъ почти отстранился онъ отъ свѣтской жизни, оставивъ огром-

ное свое знакомство, тщательно избѣгая всякихъ многолюдныхъ собраній, уклоняясь даже и отъ вечеровъ своихъ родныхъ: еще слишкомъ живо было въ немъ воспоминаніе о томъ времени, когда столько удовольствія и радостей давали ему эти же самые вечера и балы, и больно было ему видѣть чужое веселье, въ которомъ самъ не могъ уже онъ принимать прежняго искренняго участья. Къ себѣ онъ тоже никого не звалъ, и лишь немногіе пріятели, изрѣдка безъ зова къ нему заходившіе, навѣщали его иногда. Съ книгой въ рукахъ, одинъ просиживалъ онъ цѣлые дни и, повидимому, кромѣ книгъ, ничего уже и не требовалось ему. Впрочемъ, онъ не отказывался и отъ развлеченій: каждый день катался онъ верхомъ, онъ часто бывалъ въ Чудновѣ, бывалъ и у родныхъ, и у нѣкоторыхъ хорошихъ своихъ знакомыхъ, и въ небольшомъ кружкѣ пріятныхъ ему людей всегда являлся попрежнему веселымъ, остроумнымъ и любезнымъ, непритворнымъ своимъ весельемъ оживляя все общество. Онъ посѣщалъ всѣ выставки, всѣ публичныя лекціи и чтенія и въ театрахъ попрежнему не пропускалъ ни одного выдающагося спектакля, ни одной новой пьесы, ни одной оперы съ участьемъ Кадминой. Съ удовольствіемъ игралъ онъ при случаѣ въ преферансъ, бывалъ и въ маскарадахъ въ Собраніи, съ пріятелями ѣздилъ иногда и за городъ въ Стрѣльну.

Такимъ образомъ жилось ему не то, чтобы однообразно или скучно, и дѣйствительно, скуки онъ не ощущалъ; но эта тихая и покойная, безгорестная, но и безрадостная въ то же время жизнь, не только безъ завѣтной цѣли, но даже и безъ какихъ бы то ни было желаній—это ли исполненіе всѣхъ его идеаловъ счастья? Объ этомъ ли мечталъ онъ, готовясь когда-то къ жизни, съ такой страстью порываясь къ ней?

А какъ хороша, какъ близка и возможна ему казалась тогда жизнь, полная счастья, и счастья безумнаго, безграничнаго... Куда же дѣвалась она теперь?

Неужели же одна только любовь въ состояніи создать эту полную безграничнагэ счастья жизнь? Неужели любовь —это все, что намъ дано на землѣ, единое, наполняющее нашу жизнь, единое, красящее ее? И кромѣ нея ничего нѣтъ у насъ? Изъ собственнаго его опыта это выходило именно

такъ: любовь, оставшаяся безъ отвѣта, разрушила всю его жизнь и всякаго смысла лишила всѣ ея радости. Но умъ отказывался вѣрить, чтобы все въ нашей жизни зависѣло отъ одной только любви: Алгасовъ понималъ счастье, какъ нѣчто полное содержанія и красоты, всѣмъ равно доступное, всю жизнь и жизнь всѣхъ въ одномъ объединяющее. Уже на этомъ фонѣ счастья должны выступать радости жизни, своимъ разнообразіемъ и блескомъ украшая и жизнь, и самое счастье.

Любовь не удовлетворяла этому представленію о счастьи. Счастье—это то, что наполняетъ нашу жизнь. Можетъ ли наполнить ее одна любовь? Нѣтъ, любовь можетъ ее только украсить. Слѣдовательно, любовь не есть еще то счастье, которое должно стать цѣлью нашей жизни, она есть лишь лучшая и высшая изо всѣхъ земныхъ радостей. Кромѣ того, любовь случайна, а по понятіямъ Алгасова жизнь не можетъ и не должна зависѣть отъ случайностей, она должна быть полна, настолько полна, что и самыя неудачи въ любви должны тонуть въ ея полнотѣ.

Эту полноту жизни Алгасовъ понималъ въ ея опредѣленности и гармоніи, какъ въ частяхъ, такъ и въ цѣломъ, въ обиліи въ ней радостей и наслажденій. Такова и была его жизнь до разрыва съ княжной, но, какъ онъ понималъ теперь—то была жизнь временная: она соотвѣтствовала юности и сама собою, и безъ княжны, должна была кончиться съ концомъ его юности. Что же осталось ему, гдѣ и въ чемъ искать другой, столь же гармоничной, но болѣе содержательной, прочной и зрѣлой жизни?

Искать... Страшное слово для Алгасова, всегда утверждавшаго, что насильно ничего нельзя требовать отъ жизни и ничего нельзя искать, что жизнь сама предъявляетъ намъ свои задачи и требованія и нужно только умѣть ихъ понимать. Какую же задачу ему предъявляетъ она теперь, куда зоветъ его? Или не умѣетъ онъ понимать ея требованій? Но онъ ихъ не видѣлъ, и ничего не видѣлъ онъ въ своей жизни, кромѣ пустоты и отсутствія всякихъ цѣлей, всякихъ задачъ и призывовъ жизни.

И неужели все, о чемъ онъ мечталъ, все это невозможно, немыслимо и ничего этого нѣтъ, ни полной счастья и ра-

достей жизни, и вообще ничего, кромѣ должности товарища прокурора да биржи?

Выходило такъ; но Алгасовъ не понималъ въ такомъ случаѣ, къ чему же дана намъ жизнь? А между тѣмъ она дороже намъ всего на землѣ, и неужели же единственно изъ-за того лишь и дорожимъ мы ею, чтобы по приказу свыше исполнять обязанности товарища прокурора и въ свое время радоваться повышенію въ товарищи предсѣдателя и. т. д., и. т. д.?

Слишкомъ велики были ожиданія и надежды Алгасова, чтобы могъ онъ помириться на такой скромной долѣ, а ничего, повидимому, иного и не оставалось ему.

И даже, если бы и улыбнулась ему судьба, если бы не увлеклась княжна красотой и мундиромъ графа и предпочла бы его, Алгасова, былъ ли бы онъ тогда счастливъ, вполнѣ и дѣйствительно счастливъ?

Не разъ ужъ задавалъ онъ себѣ этотъ вопросъ. Онъ живо помнилъ княжну и всѣ подробности счастливыхъ своихъ дней; онъ былъ увѣренъ, что хоть въ первое время, хоть немного, не сознавая, но въ душѣ княжна все-таки чувствовала къ нему не одну только дружбу, и слѣдовательно, не трудно было ему представить себѣ, сколько счастья дала бы ему ея любовь, если бы чувство ея высказалось яснѣе: за нѣсколько даже дней такого счастья и теперь, не задумываясь, отдалъ бы онъ всю остальную свою жизнь. Но подобный торгъ невозможенъ. Никакой жертвой не пріобрѣсти уже ему ея любви, а если бы тогда полюбила его княжна, если бы суждено ему было изведать это счастье...

Къ сожалѣнію, Алгасовъ слишкомъ уже привыкъ все разбирать. Онъ понималъ, что за нѣсколькими днями, за которые онъ готовъ былъ отдать свою жизнь, что за ними должна была послѣдовать эта самая не взятая у него жизнь— и глубокая тьма окружала ее. Сколько ни думалъ Алгасовъ, никакъ не могъ онъ представить себѣ этой жизни.

И въ голову не приходила ему мысль, что современемъ разлюбилъ бы онъ княжну, да и смѣшно было бы загадывать такъ далеко, когда и разлюблять-то некого. Но и любя даже другъ друга, какъ стали бы они жить, что, создавая ее, наполняло бы ихъ жизнь?

Алгасовъ ясно могъ себѣ представить жизнь Костыгина съ Лизой—и ихъ тихая, согласная жизнь шла именно такъ, какъ онъ ее себѣ представлялъ. Онъ ясно видѣлъ обезпеченное и почетное будущее Бачурина съ его молодой женой. И не спрашивая, зналъ онъ, какъ идетъ жизнь Ирины съ Давыдовымъ, даже, что страннѣе всего, онъ представлялъ себѣ и свою жизнь съ Ириной, если бы исполнилось скороспѣлое ихъ рѣшеніе, но своей жизни съ княжной онъ никакъ не могъ себѣ даже и представить. Съ Ириной онъ былъ бы несчастливъ, ненавидѣлъ бы свою жену, тяготился бы брачными узами, какъ высшаго блаженства, ждалъ бы минуты, когда развяжетъ ихъ смерть, но съ княжной... Молодая, прелестная, любимая жена, единая желанная—и тутъто яснѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалось Алгасову, что одна любовь не въ силахъ наполнить всей нашей жизни. А что было бы еще у нихъ, кромѣ любви—именно этого-то и не могъ онъ представить себѣ, и болѣе даже, чѣмъ неизвѣстность, встрѣчалъ онъ тутъ.

И чѣмъ кончили бы они? Полнымъ ли охлажденіемъ, спокойнымъ ли равнодушіемъ, теплой ли привычкой, или же передъ смертью, прощаясь съ престарѣлой своей подругой, отъ души могъ бы онъ сказать ей, примѣняя къ ней, эти чудные стихи изъ *Жидовки*:

Рахиль, ты мнѣ дана
Небеснымъ Провидѣньемъ.
Всю жизнь ты мнѣ была
Отрадой, утѣшеньемъ!

Тогда, когда княжна была еще съ нимъ, тогда у него было одно желанье, одна мечта—быть любимымъ и знать это, и тогда не думалъ онъ о будущемъ. Но полнота настоящей минуты невольно, хотя и безсознательно сопоставлялась въ его головѣ съ пустотой будущаго, и это была одна изъ причинъ, почему такъ дорожилъ онъ тогда настоящимъ и, желая продлить его—потерялъ все. Не думая, инстинктивно такъ поступалъ онъ тогда и теперь только ясно понялъ онъ, что руководило имъ въ ту зиму.

Откуда же эта неизвѣстность? Отчего все такъ ясно въ жизни другихъ и такъ темно въ его собственной жизни?

И опять приходилъ онъ все къ тому же, что ясность эту производятъ ихъ опредѣленныя требованія отъ жизни и ихъ покорныя жизни задачи. Но отвѣтъ этотъ не удовлетворялъ Алгасова и снова приводилъ къ старому вопросу: что же такое жизнь, для чего намъ далъ ее Господь, что заставляетъ насъ любить ее и дорожить ею? Лицомъ къ лицу стоялъ Алгасовъ съ этимъ вопросомъ, не умѣя отвѣтить на него, но упорно отказываясь вѣрить, что ненужныя, чуждыя душѣ, а подчасъ и ненавистныя даже занятія составляютъ цѣль и красоту земной нашей жизни. Кромѣ же нихъ онъ ничего не видѣлъ.

До чего же довели его его гордыя мечты и стремленія? Къ чему пришелъ онъ? Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ веселой свѣтской жизни, которой онъ даже не научился и презирать, которую любилъ, какъ дорогого покойника, послѣ нихъ онъ пришелъ къ безграничной и унылой какой-то пустынѣ и живетъ, не зная ни счастья, ни радостей, ни горя, ни веселья, ни скуки, ни даже какихъ-либо желаній, днемъ читая, вечеромъ играя въ карты или разговаривая о новомъ министерствѣ въ Англіи, о войнѣ Альфонса съ Донъ-Карлосомъ, о начинающихся волненіяхъ среди турецкихъ славянъ, о процессѣ Митрофаніи и т. п. посторонних и совершенно неинтересныхъ для него предметахъ, равнодушно провожая отходящія въ прошлое сутки и ничего не ожидая отъ наступающихъ. О такой ли жизни мечталъ онъ? Не онъ ли всегда удивлялся, какъ могутъ люди жить и довольствоваться такой жизнью?

И вотъ самому пришлось ему жить ею... Пришлось смириться, и объ одномъ уже только старался Алгасовъ—жить какъ можно тише. До нѣкоторой степени это удавалось ему, и невольно сравнивалъ онъ искусственную эту, окруженную шумомъ тишину съ невозмутимой тишиной деревни, съ наслажденіемъ всегда вспоминая тихіе мѣсяцы, проведенные имъ въ Веденяпинѣ.

Вообще, онъ часто вспоминалъ о Веденяпинѣ. Поѣздка туда оживила въ его памяти воспоминанія дѣтства, и цѣлые часы проводилъ онъ въ разговорахъ о прошломъ съ Костыгинымъ или съ сестрами: это были любимые его разговоры.

Родные его были очень недовольны этой его новой при-

чудой, какъ они называли упорное его отчужденіе отъ свѣта и людей. Даже Костыгинъ, и тотъ былъ противъ него.

— Я не понимая тебя, Саша, говорилъ онъ. Что съ тобой? Любовь твоя забыта, говоришь ты, старое горе прошло безъ слѣда. Что же сдѣлало изъ тебя чуть не мизантропа?

— Развѣ я похожъ на мизантропа?

— Ты просто ни на что не похожъ. Мнѣ кажется, все твое несчастье только въ томъ, что ты получилъ слишкомъ большое наслѣдство, вотъ ты и блажишь...

— Ты знаешь, Сережа, есть должность—надзиратель за уличными женщинами. Положимъ, тебѣ оставался бы единственный исходъ—пойти въ эти надзиратели: иначе не могъ бы ты заработать себѣ денегъ, а деньги тебѣ необходимы. Какъ ты думаешь, былъ ли бы ты счастливъ и доволенъ своей жизнью? А вѣдь должность такая, что и дѣла много, пожалуй, и полезнаго даже дѣла, а сколько добра можно тутъ сдѣлать, и сдѣлать его наиболѣе изо всѣхъ насъ отверженнымъ и несчастнымъ...

— Ну ты привыкъ на все возражать подобными фразами...

— Положимъ, фразами возражать нельзя, ибо онѣ не возраженіе; а безъ фразъ, сколько уже твердилъ я, что дѣло, чуждое душѣ, какъ бы ни было оно хорошо и какая ни была бы въ немъ финансовая нужда—никогда не займетъ и не наполнитъ оно жизни.

— Эхъ, Саша, говорить хорошо, но взгляни на себя, ты вѣдь и себя, и свою жизнь—ты все изуродовалъ... А какъ могла бы она быть хороша!

— Ну, Сережа, погоди судить: я вѣдь не старикъ и не собираюсь еще умирать, и какъ бы ни было мнѣ плохо сейчасъ—еще неизвѣстно, какъ пойдетъ моя дальнѣйшая жизнь!

— Ты не потерялъ еще надежды на будущее—и это хорошо... Я думалъ, у тебя и надежды уже нѣтъ!

— Вотъ погоди, причислятъ Костю къ министерству—тогда у него точно и надежды уже не останется. А у меня есть нѣчто, что даетъ и всегда мнѣ будетъ давать несокрушимую надежду: это вѣра въ истину моего взгляда на жизнь и на ея цѣли. Въ силу этой вѣры и въ 80 лѣтъ не перестану я надѣяться на будущее, и на смертномъ одрѣ все-таки буду мечтать о немъ—оно будетъ жить для меня

въ грядущей жизни другихъ людей, а для меня это все равно: что такое моя личная жизнь передъ счастьемъ всѣхъ, всего міра?..

Костыгинъ ничего ему на это не отвѣтилъ.

— Ты или сумасшедшій, или геній, сказалъ онъ, помолчавъ.

Но какъ ни тиха и ни безъинтересна была жизнь Алгасова, а дни его быстро летѣли. Никогда и среди бѣшенаго даже веселья не летятъ они такъ скоро, какъ среди подобной однообразной и тихой жизни. День похожъ на другой, какъ двѣ капли воды, въ обоихъ, что называется, ни сучка, ни задоринки, такъ что и не замѣтишь даже, когда и какъ суббота смѣнилась воскресеньемъ, а воскресенье—понедѣльникомъ. Никакихъ желаній, ничего не ждешь, а вмѣстѣ съ этимъ не имѣешь и никакихъ данныхъ для сужденія о дѣйствительномъ протяженіи времени. Человѣку все равно, утро ли, вечеръ ли, какъ же узнаетъ онъ, большее или меньшее количество времени отдѣляетъ его отъ обѣда или ужина? Собственно, время тянется какъ будто и медленно, а между тѣмъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности замѣтить, какъ прошелъ часъ, и когда оглянешься на этотъ прошедшій часъ, когда вспомнишь: „давно ли, кажется, я чай пилъ, и было 10 часовъ, а вотъ уже и 12, и завтракать пора... И когда только успѣли пройти эти два часа?"—когда вспомнишь это, подивишься только, какъ быстро летитъ время, дни, мѣсяцы, годы, и вотъ къ сѣдому старику является вдругъ священникъ съ послѣднимъ утѣшеніемъ, а сѣдой старикъ—чуть ли не вчера еще помнитъ онъ себя молодымъ, и при видѣ лишь священника въ первый разъ спохватывается онъ, что не молодой уже онъ человѣкъ, и не можетъ онъ понять, какъ это проскочила такъ скоро его жизнь, какъ это и самъ даже не замѣтилъ онъ ея?..

Говорятъ, что всего скорѣе живется въ тюрьмѣ. Но тюрьма—это уже крайность: Обломовка—вотъ гдѣ легко, незамѣтно и скоро пролетаетъ по числу годовъ и долговѣчная жизнь...

А не лучше ли это? Громадное большинство тѣхъ, кому жизнь даетъ себя чувствовать, не согласились ли бы они

также незамѣтно и почти внезапно дожить до сѣдыхъ волосъ, не позавидують ли они счастливцу, схоронившему свои годы въ тихомъ болотѣ покоя, регулярности, обезпеченности матеріальной и нравственной, однимъ словомъ, въ жизни вполнѣ гигіеничной, сулящей долгіе и долгіе, хотя и незамѣтные и ни на что не нужные годы?

Тяжело горе, не сокращаетъ оно времени. Но и радости, и счастье, когда есть чего ждать отъ жизни, какъ научаетъ это ожиданіе узнавать протяженіе безконечнаго часа!.. Какъ нестерпимо длиненъ кажется день, когда съ трепетомъ ждешь вечера!.. Какъ ясно все протяженіе года, прошедшаго въ подобныхъ ожиданіяхъ, въ встрѣчахъ и проводахъ счастливыхъ или веселыхъ минутъ! Какъ верстовые столбы, всего точнѣе и лучше помогаютъ намъ эти минуты измѣрять истекающее время и замѣчать, много ли еще осталось его.

Алгасовъ положительно не успѣлъ и оглянуться, какъ уже настала зима, и подошли святки.

XXXVII.

День рожденія князя Дмитрія Алексѣевича—29 декабря—всегда праздновался у Апалевыхъ съ большимъ торжествомъ: съ утра начинались поздравленія и визиты, потомъ слѣдовалъ многолюдный обѣдъ и кончался день блестящимъ баломъ.

Въ этомъ году еще болѣе было поводовъ праздновать Апалевымъ: недавно пожалованный въ камергеры, князь только что вернулся съ выборовъ и вернулся съ побѣдой: громаднымъ большинствомъ былъ онъ выбранъ губернскимъ предводителемъ.

Эта должность какъ нельзя болѣе подходила къ князю. Она льстила его самолюбію и въ то же время не обременяла его, давая ему полную возможность жить въ Москвѣ, заниматься ботаникой, собирать свои коллекціи и, бывая иногда по должности въ губернскомъ городѣ, заѣзжать къ себѣ, въ село Богоявленье, и осматривать тамъ обширныя, великолѣпныя свои оранжереи. Лучше этой жизни и представить ничего не могъ себѣ князь.

Но еще болѣе его была рада его успѣху гордая княгиня и тѣмъ болѣе рада, что князь ѣхалъ на выборы далеко не съ такими блестящими надеждами и боялся быть забаллотированнымъ даже и въ уѣздные предводители.

Его положеніе въ уѣздѣ было весьма не прочно. Столкнувшись на земскомъ собраніи съ партіей, видѣвшей въ земствѣ лишь оклады и разные другіе барыши, князь энергично возсталъ противъ этой партіи, всячески стараясь освободить изъ-подъ ея вліянія земскія дѣла. Почти весь уѣздъ единогласно привѣтствовалъ его избраніе, и послѣ перваго же земскаго собранія отстранились отъ него всѣ, которымъ онъ сталъ поперекъ дороги, а, помимо уже численности, партія эта была сильна и единствомъ своихъ интересовъ. Кромѣ этого, строгій этикетъ, заведенный Софьей Семеновной въ ихъ деревенскомъ домѣ, въ свою очередь оттолкнулъ отъ князя многихъ, оскорбленныхъ мнимой важностью молодого предводителя, и такимъ образомъ на сторонѣ князя осталось лишь нѣсколько аристократовъ, нѣсколько мелкихъ захолустныхъ дворянъ, ослѣпленныхъ величіемъ княжескаго дома, и наконецъ нѣсколько человѣкъ, видѣвшихъ въ честности и независимости князя залогъ лучшаго будущаго земскихъ дѣлъ и ради этого поддерживавшихъ князя.

Недовольствомъ противъ князя воспользовался богатый помѣщикъ Левшинъ, давно уже мечтавшій о почетномъ званіи предводителя. Онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ недовольныхъ княземъ и образовалъ изъ нихъ могущественную партію; всевозможныя интриги пускалъ онъ въ ходъ, чтобы еще ее усилить и забаллотировать князя, своего ближайшаго сосѣда, съ которымъ наружно былъ и оставался въ наилучшихъ отношеніяхъ. Князь не хотѣлъ ему уступать и рѣшилъ бороться до послѣдней крайности.

На выборахъ обѣ партіи сошлись лицомъ къ лицу. Князь былъ выбранъ незначительнымъ большинствомъ, и Левшинъ получилъ всего однимъ только шаромъ меньше князя. Тогда, не смотря на всѣ уговариванья своихъ сторонниковъ, князь въ тотъ же день подалъ въ отставку и уступилъ предводительство Левшину. Левшинъ тоже счелъ нужнымъ отказаться, говоря, что не желаетъ получать отъ князя подарковъ. На

новыхъ выборахъ ни князь, ни Левшинъ не выступали уже сами, но выставили каждый по одному изъ своихъ сторонниковъ; снова всѣ свои силы стали напрягать и тотъ, и другой, чтобы доставить торжество своей партіи—и князю удалось провести своего кандидата, Батманова. Такимъ образомъ князь вторично одержалъ надъ Левшинымъ побѣду.

Такъ закончились уѣздные выборы, и начались новыя волненія при выборахъ губернскихъ. Губернскій предводитель Челищевъ зналъ уже, что противъ него образовалась сильная партія, и исходъ уѣздныхъ выборовъ показалъ ему, что дѣйствительно, во многихъ уѣздахъ въ предводители прошли лица, принадлежавшія къ числу его враговъ. Не желая быть забаллотированнымъ послѣ 9-лѣтней службы, Челищевъ рѣшительно отказался баллотироваться, но у него оставалось еще достаточно вліянія, чтобы не дать восторжествовать своимъ противникамъ, и двое изъ нихъ, выступившіе кандидатами, были забаллотированы. Послѣ этого никто уже не рѣшался баллотироваться, къ кому ни обращались дворяне—всѣ отказывались отъ этой чести. Наконецъ кто-то произнесъ имя, примирившее всѣ партіи: назвали князя Апалева. Противъ него ничего не имѣли дворяне: онъ такъ еще недавно сталъ принимать участье въ дворянскихъ дѣлахъ и въ строгомъ смыслѣ не принадлежалъ еще ни къ какой опредѣленной партіи и никто изъ губернскихъ тузовъ не смущался мыслью имѣть предводителемъ богатаго и знатнаго князя. Самъ Челищевъ, старый другъ его отца, услыхавъ его имя, подошелъ къ нему и вмѣстѣ съ прочими просилъ его баллотироваться. Князь началъ было отказываться, но Челищевъ не сталъ его слушать, взялъ за руку и вывелъ изъ залы: приступили къ баллотировкѣ, и князь былъ блистательно выбранъ.

Въ день рожденія князя Алгасовъ и Костыгинъ еще утромъ пріѣхали его поздравить; они позавтракали у Апалевыхъ, но, какъ ни просила его сестра, Алгасовъ рѣшительно отказался остаться обѣдать.

— На что я тебѣ, Соня? говорилъ онъ. Ты знаешь, я нигдѣ не бываю, отъ этихъ обѣдовъ я уже отвыкъ, и къ чему же ты хочешь, чтобы цѣлыхъ два часа проскучалъ я у тебя за обѣдомъ—и совершенно зря? Притворяться я не

умѣю и не люблю, и неужели тебѣ доставитъ удовольствіе смотрѣть на мою кислую физіономію?

— Что это, Саша, вѣдь это ни на что не похоже, какъ ты сталъ жить...

— Это уже другой вопросъ...

— И право, я не могу понять такого полнаго отчужденія отъ общества! Ну тебѣ надоѣла слишкомъ разсѣянная жизнь, это я понимаю, но поставить себѣ за правило нигдѣ и ни у кого не бывать, даже у родныхъ... Саша, къ чему эти крайности и рѣшительно во всемъ? Всю твою жизнь испортили крайности...

— А у тебя, Соня, слишкомъ уже много непослѣдовательности: начала съ званаго обѣда, а кончила чуть не философскимъ вопросомъ!

— Наконецъ, я прошу тебя...

— Но вѣдь и я прошу тебя избавить меня отъ этого обѣда!

— О чемъ вы? спросилъ подошедшій князь.

— Да вотъ, ваше превосходительство, заступитесь: позвольте мнѣ дома пообѣдать...

— Да! Но мнѣ было бы очень пріятно, Александръ Семеновичъ, если бы вы сдѣлали мнѣ удовольствіе провести этотъ день со мной...

— Вѣрю, князь, но вы знаете, какой я неохотникъ до всякихъ шумныхъ собраній... Вѣдь и сами вы не слишкомъ ихъ жалуете! Да, какъ времена-то перемѣнчивы! Помните, какъ я взялъ васъ однажды подъ свое покровительство и доставилъ вамъ случай видѣть Соню? *Я* вамъ покровительствовалъ! А теперь самъ прошу я вашей протекціи: выхлопочите мнѣ отпускъ у моей строгой сестрицы!

— Но по крайней мѣрѣ, Саша, ты будешь у насъ вечеромъ? сказала Софья Семеновна.

— Изъ огня, да въ полымя! Вмѣсто обѣда—балъ! Но сегодня я въ театрѣ.

— Надѣюсь, ты не скажешь, что и на балу тебѣ тоже будетъ скучно?..

— Ты знаешь, какъ въ былые годы веселился я у тебя, Соня! Что же дѣлать, не могу я теперь... Я бы и радъ пове-

селиться, да гдѣ взять веселья? У себя въ кабинетѣ мнѣ еще легче всего.

— Ну, рѣшилъ князь, мы не хотимъ васъ стѣснять, но вы доставите намъ—и мнѣ, и женѣ—истинное удовольствіе, если будете у насъ.

— И если ты не пріѣдешь, мнѣ это будетъ очень грустно, добавила княгиня.

— Обѣщать не могу, но, пожалуй, пріѣду къ тебѣ изъ театра, отвѣтилъ Алгасовъ, если только буду не въ неприлично по крайней мѣрѣ тоскливомъ настроеніи духа: въ противномъ же случаѣ ты сама поймешь, какую смѣшную фигуру изображалъ бы я на твоемъ балу, явившись къ тебѣ такимъ рыцаремъ Печальнаго Образа. А пока—прощай! Сережа, ѣдемъ!

— Нѣтъ, ужъ Сережи я не пущу, вступилась княгиня. Ты разочарованный—ну что съ тобой дѣлать, а Сережа можетъ и обѣдать остаться.

— Нѣтъ, Соня, отпусти ужъ и меня, возразилъ Костыгинъ. Мнѣ необходимо быть вечеромъ дома, а съ обѣдомъ я пропущу поѣздъ...

— И вдобавокъ, что онъ станетъ у тебя дѣлать? сказалъ Алгасовъ. Соберутся у тебя князья да генералы, будутъ рѣшать судьбы Россіи и всего міра, а онъ-то здѣсь при чемъ? Ты знаешь, запросто мы всегда бываемъ у тебя съ удовольствіемъ.

— И это называются братья! шутливо замѣтила княгиня.

— И замѣть, мы идеальные братья по силѣ любви къ сестрамъ! Сорокъ тысячъ такихъ братьевъ, какъ мы, оставятъ далеко позади любовь Гамлета къ Офеліи...

— Ну да, не пожелала бы я никому такихъ братьевъ, засмѣялась княгиня.

— Что дѣлать, надо мириться съ тѣмъ, что есть! Прощай, Соня.

— Такъ я жду тебя вечеромъ, сказала ему вслѣдъ Софья Семеновна.

— Не обѣщаю, отвѣтилъ Алгасовъ, уже выходя изъ комнаты.

Съ завистью проводила его глазами Надежда Семеновна: ей приходилось весь этотъ день пробыть у сестры, а бывая

и на короткое даже у нея время, и то сильно тятотилась она строгимъ этикетомъ княжескаго дома. Обѣдая у княгини, Надежда Семеновна, любившая вволю покушать, всегда вставала изъ-за стола голодная, за чаемъ боялась спросить лишнюю чашку, совѣстилась лишній разъ приказать что-нибудь великолѣпному лакею или франтихѣ-горничной. Въ дни, подобные 29 декабря, Надежда Семеновна такъ уже съ утра и обрекала себя въ жертву, но уѣхать отъ сестры не смѣла: она нѣсколько побаивалась важной княгини.

Алгасовъ и Костыгинъ поѣхали домой. Алгасовъ былъ въ духѣ. За обѣдомъ въ лицахъ представилъ онъ чинный обѣдъ у Апалевыхъ и такъ удачно передразнивалъ и гостей, и лакеевъ, и всѣ разговоры, что Костыгинъ все время такъ и покатывался со смѣха.

Послѣ обѣда Костыгинъ уѣхалъ. Оставшись одинъ, Алгасовъ напился чая, навѣстилъ по данному Надеждѣ Семеновнѣ обѣщанію ея дѣтей, собственными глазами удостовѣрился, что всѣ они живы и здоровы, и сталъ собираться въ театръ.

Не хотѣлось ему ѣхать на балъ, но онъ зналъ, какъ недовольна будетъ сестра его отсутствіемъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшилъ поступить по вдохновенію и на всякій случай надѣлъ фракъ, чтобы можно было, если вздумается, прямо изъ театра ѣхать къ Апалевымъ.

Удачный спектакль поддержалъ его хорошее настроеніе духа и, выходя изъ театра, Алгасовъ рѣшилъ сдѣлать сестрѣ удовольствіе—не надолго заѣхать къ ней на балъ.

Танцы были въ полномъ разгарѣ, когда вошелъ Алгасовъ. Поговоривъ кое съ кѣмъ и заглянувъ мимоходомъ въ бальную залу, онъ вернулся въ гостинную.

Княгини тамъ не было. Отъискивая сестру, Алгасовъ прошелъ еще нѣсколько комнатъ и дошелъ до маленькой круглой гостинной, гдѣ княгиня обыкновенно принимала своихъ короткихъ знакомыхъ. Въ эту гостинную выходили двери ея будуара. Двери эти были затворены и въ гостинной не было никого.

Алгасовъ сѣлъ и задумался. Толпой нахлынули на него воспоминанія, и низко опустилась подъ ихъ напоромъ красивая голова его... Но некогда было ему раздумывать: почти

слѣдомъ за нимъ въ гостинную вбѣжалъ красивый юноша въ пажескомъ мундирѣ. Это былъ меньшой Остелецкій.

— Саша, у тебя есть vis-à-vis? быстро спросилъ онъ, не здороваясь съ Алгасовымъ.

— Нѣтъ, а что? съ удивленіемъ спросилъ Алгасовъ, не понимая сразу вопроса.

— Ну такъ ты будешь моимъ vis-à-vis, слышишь? Не забудь.

И онъ повернулся, чтобы уйти.

— Постой, постой, куда ты, Коля? крикнулъ ему вслѣдъ Алгасовъ. Вѣдь у меня не только vis-à-vis, у меня и дамы нѣтъ, я же вѣдь не танцую...

— Ну? возразилъ остановившійся Остелецкій. Ну, Саша, пойди пригласи кого-нибудь!

— Да что ты суетишься, развѣ мало здѣсь народа?

— Ты пойми, съ волненіемъ торопливо началъ Коля, кадриль сейчасъ начнется, я танцую съ Обуховой, да заговорился съ нею и у кого ни спрошу теперь—у всѣхъ уже есть vis-à-vis...

Всѣ родные любили Колю и особенно любили его въ семействѣ Вёдровыхъ. Это былъ добрый, веселый, безпечный мальчикъ, страстно влюбленный въ хорошенькую и молоденькую Марусю Обухову, влюбленный, какъ влюбляются въ его только лѣта и первой любовью. Ради Маруси и пріѣхалъ онъ на святки въ Москву, и Алгасовъ понялъ его тревогу. Невольно улыбнулся онъ, глядя на взволнованнаго юношу.

— И что тебѣ стоитъ? продолжалъ его уговаривать Коля. Всего вѣдь одну кадриль! Вѣдь ты пойми, какъ я ждалъ этой кадрили... Тебѣ-то все равно, а мнѣ...

Алгасовъ вспомнилъ свою юность, свою такую же любовь и такія же волненія, и не захотѣлъ онъ смущать недолгаго счастья молодого пажа. Страшно обрадовало Колю его согласіе.

— Такъ я надѣюсь на тебя, радостно крикнулъ ему Коля, тотчасъ же исчезая изъ гостинной.

Алгасовъ всталъ, чтобы идти отъискивать даму, но въ это самое время двери будуара отворились, и въ гостинную вошли величественная красивая княгиня и съ нею хоро-

шенькая небольшого роста граціозная блондинка, въ свѣтло-синемъ сильно открытомъ бархатномъ платьѣ.

Это была Варвара Павловна Левшина, жена сосѣда и главнаго противника князя Дмитрія Алексѣевича—но Левшинъ съиздавна былъ знакомъ съ Апалевымъ, и чѣмъ болѣе враждовали они на собраніяхъ, тѣмъ любезнѣе всегда встрѣчались въ своихъ гостинныхъ; княгиня и Варвара Павловна держались той же политики и какъ можно всегда предупредительнѣе старалась быть княгиня съ Варварой Павловной, хотя въ душѣ строгая княгиня и презирала ее нѣсколько за ея не совсѣмъ чистое прошлое. Съ своей стороны и веселая Варвара Павловна не долюбливала важной княгини, но это не мѣшало имъ часто видаться, особенно въ деревнѣ, гдѣ онѣ жили довольно близко другъ отъ друга. Къ тому же Варвара Павловна была въ уѣздѣ единственной настоящей свѣтской женщиной съ головы до ногъ, и многое все-таки прощала ей за это княгиня.

Варвара Павловна была уже немолода, ей было лѣтъ около 35, но казалась она много моложе своихъ лѣтъ—такъ была она стройна и хороша, столько огня и безпечнаго веселья свѣтилось въ большихъ и красивыхъ темно-синихъ ея глазахъ, такъ увлекательна была милая улыбка ея. Оживленная и красивая, Варвара Павловна могла нравиться, но болѣе даже красоты ея привлекалъ къ ней полный ума, остроумный, живой и свободный ея разговоръ и, если она хотѣла кого завлечь—она умѣла и могла это сдѣлать.

Алгасовъ давно уже зналъ ее и всегда удивлялся обворожительной ея красотѣ. Одно время и Варвара Павловна обратила на него вниманіе и не на шутку принялась было съ нимъ кокетничать, но такъ былъ онъ увлеченъ тогда княжной, что и не замѣтилъ даже кокетства Варвары Павловны и очень удивился, когда ему потомъ объ этомъ сказали.

Глубокимъ поклономъ встрѣтилъ онъ обѣихъ дамъ.

— Ты пріѣхалъ, Саша, вотъ благодарю! сказала ему по-французски княгиня.

— Не посмѣлъ ослушаться твоихъ приказаній и, какъ видишь—явился!

— Очень, очень тебѣ благодарна за эту жертву! Представьте, Варвара Павловна, этотъ новый затворникъ даже и ко мнѣ не хотѣлъ пріѣхать!

— Наконецъ-то, М-г Алгасовъ, покинули вы свое уединеніе и вернулись къ намъ, грѣшнымъ, съ красивой улыбкой обратилась къ нему Варвара Павловна.

— Одно то вполнѣ уже вознаграждаетъ меня за это, что вы замѣтили мое возвращеніе, отвѣтилъ Алгасовъ, съ удовольствіемъ ею любуясь.

— И ваше отсутствіе тоже, сказала Варвара Павловна.

— Я потому только и не благодарю, что не нахожу даже словъ для выраженія благодарности!

— Такъ ли это? Къ чему хотите вы ознаменовать свое возвращеніе... неправдой?

— Мнѣ очень грустно, что вы мнѣ не вѣрите! Но чтобы доказать вамъ искренность моихъ словъ, позвольте попросить у васъ эту кадриль!

— До чего ужъ дошло! Вы танцуете съ нами, старухами! Когда это бывало прежде?!..

Алгасовъ даже руками развелъ.

— Ужъ если вы считаете себя старухой, сказалъ онъ, хотѣлъ бы я посмотрѣть на молодыхъ! Но еще болѣе хотѣлъ бы я посмотрѣть на тѣхъ, которые вамъ въ этомъ повѣрятъ!

— Знаете, ваша лесть не возвратитъ уже мнѣ молодости и потому—не трудитесь.

— Опять вы мнѣ не вѣрите, а я въ жизни еще не говорилъ искреннѣе!..

Тутъ заиграла музыка. Алгасовъ подалъ Варварѣ Павловнѣ руку и повелъ ее въ залу.

— Варвара Павловна, поручаю вамъ вернуть обществу этого мизантропа, сказала имъ вслѣдъ княгиня.

— Боюсь, княгиня, что вы даете мнѣ порученіе не по силамъ, весело отвѣтила Варвара Павловна, удаляясь съ Алгасовымъ.

— Въ такомъ случаѣ, кому же оно по силамъ? наклоняясь къ ней, тихо спросилъ Алгасовъ.

— Будто? А я помню совсѣмъ иное...

— Къ чему помнить, Варвара Павловна? любуясь ею, произнесъ Алгасовъ, входя уже съ нею въ залу. Въ дверяхъ встрѣтилъ ихъ встревоженный Остелецкій, но тотчасъ же успокоился, увидя Алгасова подъ руку съ дамой. Танцующіе стали разсаживаться по мѣстамъ.

Участье Алгасова въ танцахъ было всѣми замѣчено, особенно барышнями, и въ разныхъ концахъ залы заговорили о немъ.

— Вотъ какъ, и Александръ Семеновичъ рѣшился наконецъ танцовать, обратилась Маруся Обухова къ своему кавалеру.

— Что же тутъ особеннаго?

— Еще недавно какъ звали его Чагины, и онъ не поѣхалъ къ нимъ; даже и на сватьбѣ Масловой онъ почти не танцовалъ...

— Не знаю, сегодня день рожденія князя, ну, можетъ-быть, онъ счелъ неловкимъ не пріѣхать, объяснялъ Коля.

— Вотъ вернулся къ намъ и царь нашихъ баловъ, говорила одна барышня, насмѣшливо глядя на долговязаго и нескладнаго своего кавалера. Воображаю, какъ обрадуются барышни!

— И вы въ томъ числѣ?

— И я! Что же, мы всѣ его поклонницы... Но посмотрите, какъ онъ танцуетъ! Да, безъ него наши собранія много теряли...

— Весьма жалѣю тѣхъ, которымъ M-r Алгасовъ такъ плохо отплачиваетъ за ихъ вниманіе, отвѣтилъ ей кавалеръ, стараясь быть какъ можно язвительнѣе. Или, можетъ-быть, онъ хочетъ возвысить себѣ цѣну и потому и прячется ото всѣхъ?

— Вы думаете, что сказали что-нибудь очень колкое? Но я знаю многихъ, которымъ никакими способами не достигнуть даже и какой-нибудь цѣны...

— Я думаю только о томъ, что барышни, если только ваши слова справедливы, напрасно будутъ радоваться, съ досадой возразилъ ей кавалеръ. Алгасовъ попался въ такія ручки, которыя не дадутъ ужъ ему обращать вниманія на другихъ.

— Ужъ не заботьтесь о насъ...

— Видѣла, Лиза, обратилась бойкая и хорошенькая одна барышня къ своей подругѣ, Алгасовъ, кажется, перестаетъ хандрить...

— Да, онъ танцовалъ, я видѣла.

— Какая счастливая эта Левшина! Чего бы ни дала я, чтобы онъ со мной пошелъ танцовать!

— Ну, Наташа, ты всегда ужъ, когда заговоришь о немъ...

— Ну что же, я всегда и была влюблена въ него, ты это знаешь... Да ты посмотри, какъ онъ хорошъ! Ну кто съ нимъ сравнится здѣсь?

— А твой Елагинъ? Развѣ ты...

— Лиза, ты просто глупа. Что же—Елагинъ? Алгасовъ, я увѣрена, теперь забылъ даже, какъ меня зовутъ, поневолѣ съ Елагинымъ будешь кокетничать, не сидѣть же такъ или не подражать же Алгасову! И какая дура эта княжна! Предпочесть кого-нибудь Алгасову!

— Что же, она сдѣлала прекрасную партію!

— Если бы онъ меня такъ любилъ, какъ любилъ ее, я не знаю, да не только за Сафонова, я бы ни за какого принца не пошла...

— Не вытерпѣлъ! говорилъ одинъ молодой человѣкъ другому, глядя на Алгасова. Что значитъ Варвара-то Павловна? А?

— Да, счастливецъ этотъ Алгасовъ, отвѣтилъ ему его пріятель. Посмотри, какъ она глядитъ на него! Ужъ повѣрь, что такъ не обойдется у нихъ дѣло...

— А что? Ты думаешь?..

— Пари!

— А помнишь бѣднаго Свѣчина? Что съ нимъ теперь, не знаешь?

— Раны зажили, весной его повезутъ за-границу, но Алгасовъ не Свѣчинъ! Это малый не промахъ, онъ своего не упуститъ, а стрѣляться—это уже атандѐ!

— А какъ же, помнишь, въ какомъ онъ отчаяніи былъ послѣ помолвки графини?

— Не застрѣлился же! Повѣрь, Алгасова я знаю хорошо: это разбитной малый, кутила, какихъ немного. И ты думаешь, это онъ съ горя, отъ любви съ ума-то тамъ сходилъ? Вздоръ! Просто, досадно было, что не удалось под-

цѣпить такой невѣсты, да и стыдно, я думаю, какъ носъ-то наклеятъ... Ну посмотри на него, похожъ онъ на несчастнаго влюбленнаго? Посмотри, какъ онъ, подлецъ, съ Левшиной... Какъ и всякій, съ которымъ случилась непріятная исторія, хотѣлъ, чтобы она немного забылась, а теперь, вотъ видишь, преспокойно и вернулся къ старому.

А между тѣмъ Алгасовъ и Левшина продолжали говорить, и не умолкалъ среди нихъ веселый, остроумный разговоръ, полный намековъ, кокетства и тонкихъ, изящныхъ двусмысленностей. Алгасовъ не спускалъ глазъ съ красивой своей собесѣдницы, и чѣмъ болѣе кокетничала она съ нимъ, чѣмъ веселѣе было ему возлѣ нея, тѣмъ съ большимъ восторгомъ любовался онъ ею. Левшина замѣтила это, и его вниманіе не было ей непріятно.

— Такъ какъ вы уже покинули ваше затворничество, начала она, не буду ли я настолько счастлива—видѣть васъ какъ-нибудь у себя?

— Моя сестра слишкомъ много наговорила вамъ о моемъ мнимомъ затворничествѣ. Но если бы и дѣйствительно даже существовало оно, не только вашего приглашенія—одного намека на него достаточно было бы, чтобы вызвать меня изъ затвора, отвѣтилъ ей Алгасовъ, жадно любуясь ею.

— Monsieur, vous me comblez! со смѣхомъ воскликнула Левшина.

Кадриль кончилась; продолжая разговаривать, ходили они по залѣ, но вскорѣ же пригласили Варвару Павловну на слѣдующій танецъ, и она оставила Алгасова.

— Alors, à beintôt?.. съ веселой улыбкой ему сказала она, принимая руку новаго своего кавалера.

Алгасовъ молча ей поклонился и пошелъ въ гостинную; потомъ онъ оглянулся и посмотрѣлъ на часы. Былъ второй часъ въ началѣ. Полагая, что сестра не можетъ уже на него жаловаться, онъ вышелъ изъ гостинной и незамѣтно уѣхалъ.

Радостно вздохнулъ онъ, очутившись на свѣжемъ воздухѣ.

— Что за веселая эта Левшина, думалъ онъ всю дорогу. И какая хорошенькая, какъ сложена! Непремѣнно надо будетъ къ ней поѣхать.

Левшина очень ему нравилась и съ удовольствіемъ, хотя спокойно и безъ волненія, думалъ онъ о предстоящемъ веселомъ свиданіи. Вернувшись домой, онъ раздѣлся и почти тотчасъ же заснулъ: не помѣшали ему заснуть все время ему мерещившіеся красивые, полные огня, темно-синіе глаза... Во снѣ онъ видѣлъ Левшину, танцующую польку съ его сестрой, княгиней Апалевой, и Колю Остелецкаго, бѣгающаго за ними и уговаривающаго ихъ идти танцовать съ его vis-à-vis, оставшимся будто бы безъ дамы.

XXXVIII.

Исторія Варвары Павловны не совсѣмъ обыкновенная, по крайней мѣрѣ для того времени. Дочь бѣднаго уѣзднаго лѣкаря, кромѣ красоты, она не имѣла другого приданаго. Отецъ самъ занимался ея образованіемъ, читалъ ей, говорилъ съ ней по-французски и, когда она стала подростать—устроилъ такъ, что одна важная губернская барыня взяла ее къ себѣ. Тамъ, вмѣстѣ съ дочерьми этой барыни докончила Варвара Павловна свое образованіе и начала свѣтскую свою карьеру. Красивая, умная, живая—она имѣла значительный успѣхъ: и въ ихъ губернскомъ городѣ, и въ Петербургѣ, куда онѣ стали ѣздить, всюду молодежь была безъ ума отъ нея. За нею ухаживали, въ нее влюблялись, ею восторгались—ея умомъ, красотой, воспитанностью, тактомъ—но... но это было и все: свататься за нее никто и не думалъ. На ея глазахъ вышла старшая дочь ея покровительницы и вышла за человѣка, котораго Варвара Павловна считала самымъ надежнымъ изъ своихъ поклонниковъ. Далѣе пошло еще хуже. Вторая ея подруга, молоденькая, взбалмошная дѣвушка, влюбилась въ одного молодого человѣка, не обращавшаго на влюбленную дѣвушку никакого вниманія и, какъ и всѣ, ухаживавшаго за Варварой Павловной. Дѣвушка не на шутку стала ревновать, на каждомъ шагу говорила Варварѣ Павловнѣ колкости, ссорилась съ ней, называла ее кокеткой, интриганткой и т. д. На зло ей, Варвара Павловна еще болѣе принялась кокетничать съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Дѣвушка, любимица матери, все сказала этой послѣдней. Мать, очень желав-

шая выдать дочь именно за того, въ кого влюбилась и дочь, мать распорядилась очень просто: она отослала Варвару Павловну къ отцу, въ глухой уѣздный городишко. Варвара Павловна покорилась и гордо, безропотно вынесла этотъ ударъ. Изнемогая отъ скуки и бѣдности, но громко никогда не жалуясь, стала она жить съ отцомъ. Но еще болѣе нужды и горя узнала она, когда вскорѣ умеръ ея отецъ, оставивъ ей всего лишь окруженный прекраснымъ плодовымъ садомъ, теплый и свѣтлый хорошенькій домикъ да три тысячи серіями—плодъ всей его жизни. На это должна была жить привыкшая къ веселью и роскоши 19-лѣтняя дѣвушка, оставшаяся совершенно одна.

Въ тупомъ отчаяніи, не зная, что ей дѣлать и что съ ней будетъ, цѣлыя ночи проводила она въ слезахъ, но никто не видѣлъ этого: спокойная, гордая—вотъ какой знали ее всѣ.

Недалеко отъ города, гдѣ жила Варвара Павловна, была изрядная деревенька, недавно лишь благопріобрѣтенная на безгрѣшные доходы совѣтникомъ губернскаго правленія. Совѣтникъ былъ не молодъ и не красивъ, но очень любилъ молодыхъ и красивыхъ и, увидѣвъ однажды Варвару Павловну, сталъ за ней сильно увиваться. Варвара Павловна схватилась за него, какъ за якорь спасенія, но совѣтникъ былъ себѣ на умѣ и однажды намекнулъ ей довольно ясно, что онъ, пожалуй, не пожалѣлъ бы и тысячъ, если бы она согласилась переѣхать къ нему въ его деревеньку. Не смотря на свою молодость, Варвара Павловна поняла намекъ, но сдержалась. Потомъ, когда ушелъ совѣтникъ, всю ночь просидѣла она съ сжатыми руками, съ отчаяніемъ во взорѣ. Ударъ, нанесенный ея самолюбію, былъ такъ великъ, что у нея не хватало даже слезъ и, казалось, невозможно уже быть несчастнѣе. Если ужъ эта обезьяна осмѣлилась ей сдѣлать подобное предложеніе, что же тогда всѣ тѣ, другіе, которые недавно еще такъ за ней ухаживали? И никого, кто бы помогъ ей и заступился за нее!.. Но все это потомъ, а при совѣтникѣ она сдѣлала видъ, что не понимаетъ его намековъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала она съ нимъ говорить и кокетничать, но дала такой оборотъ разговору, что совѣтникъ, не переставая таять передъ нею,

уже не осмѣливался предлагать ей гостепріимство въ своемъ домѣ. А не выгнала его Варвара Павловна затѣмъ, что совѣтникъ былъ единственной ея надеждой на какую-нибудь перемѣну въ ея жизни.

Совѣтникъ продолжалъ довольно часто навѣщать свою деревеньку и облизываться на Варвару Павловну; онъ все еще колебался, но послѣ веселаго одного пикника, въ которомъ принимали участье и онъ, и Варвара Павловна, такъ вдругъ захотѣлось ему имѣть ее, что немедленно же принялъ онъ энергичныя мѣры: сослалъ жившую у него въ домѣ красивую ключницу съ ея дѣтьми на скотный, поѣхалъ къ Варварѣ Павловнѣ и сдѣлалъ ей предложеніе. Черезъ двѣ недѣли они были уже обвѣнчаны.

Снова переселилась Варвара Павловна въ губернскій городъ и зажила, хоть не такъ богато, какъ прежде, но все-таки хорошо, не обращая ни малѣйшаго вниманія на финансовые доводы совѣтника. Впрочемъ, въ первое время влюбленный совѣтникъ самъ далъ ей слишкомъ много воли, а когда онъ спохватился потомъ—было уже поздно: безгрѣшные доходы не только не вносились уже въ Сохранную казну для прирощенія процентами, но ихъ и не хватало даже теперь, и двойной данью пришлось ему обложить откупщиковъ, исправниковъ и становыхъ, чтобы только спасти благопріобрѣтенную деревеньку и капиталы, уже внесенные въ Сохранную казну.

Варвара Павловна жила открыто и весело. Она съумѣла окружить себя избраннымъ обществомъ и первыя лица въ городѣ наперерывъ добивались чести, легко, впрочемъ, доступной, быть ей представленными. Но вела себя Варвара Павловна очень осторожно, она понимала, что со всѣхъ сторонъ доступна она для клеветы, и она держала себя такъ, что даже въ губернскомъ городѣ не коснулась ея сплетня.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Въ числѣ ея поклонниковъ появился богатый помѣщикъ Левшинъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 40, отставной гусаръ, лихой кавказецъ, беззаботный кутила, одинаково любившій всѣ удовольствія міра сего: женщинъ, вино, охоты, карты, лошадей и, благодаря своему состоянію, имѣвшій полную возможность пользоваться этими

благами. Ни въ чемъ не любилъ онъ стѣснять своей широкой натуры и всѣ его фантазіи всегда исполнялись мгновенно—иной жизни онъ не понималъ и не зналъ.

На этого-то человѣка и обратила вниманіе Варвара Павловна. Не трудно было ей увлечь его, и когда влюбленный Левшинъ былъ уже у ея ногъ—Варвара Павловна стала говорить о несчастной своей долѣ, о тяжелой жизни съ извергомъ мужемъ, о безконечныхъ мученіяхъ, претерпѣваемыхъ ею отъ человѣка, который не понимаетъ и не можетъ ея понять, о томъ, наконецъ, какъ пламенно, страстно любитъ она его, Левшина. Разговоры эти были таковы, что Левшинъ то пылалъ негодованіемъ къ крапивному сѣмени совѣтнику, то таялъ отъ восторга, чувствуя себя любимымъ этой обольстительной женщиной, но кромѣ нѣжныхъ взглядовъ и увѣреній въ любви бѣдный Левшинъ не получалъ ничего болѣе существеннаго: всего одного только поцѣлуя и удалось ему добиться, но зато какого поцѣлуя! Варвара Павловна говорила, что бракъ для нея святыня, что никогда не рѣшится она измѣнить однажды данной клятвѣ—и въ то же время разными намеками ловко наводила Левшина на мысль о возможности развода.

Безъ Варвары Павловны жизнь не въ жизнь была въ эту минуту влюбленному Левшину и онъ недолго раздумывалъ. Руководствуясь единственно лишь презрительнымъ своимъ понятіемъ о сословіи крапивнаго сѣмени, къ которому онъ причислялъ и совѣтника, въ одно прекрасное утро Левшинъ явился къ этому послѣднему и безъ дальнихъ объясненій съ перваго же слова предложилъ ему за его жену 50.000.

Совѣтникъ нисколько не удивился этому нѣсколько странному предложенію, словно оно было въ порядкѣ вещей. Живо сообразивъ, что въ сущности онъ довольно уже натѣшился женой, вспомнивъ всѣ безобразные ея расходы и траты, принявъ также во вниманіе плохія времена и, чего добраго, прекращеніе въ недалекомъ будущемъ безгрѣшныхъ доходовъ и кстати подумавъ о хорошенькой 15-лѣтней Лизѣ, горничной Варвары Павловны—совѣтникъ тутъ же рѣшилъ, что въ принципѣ слѣдуетъ принять предложеніе Левшина, и только сдѣлалъ въ немъ маленькую, какъ онъ выразился,

поправочку, изъявивъ желаніе получить 100.000. Слово за слово, уступая и прибавляя, они сошлись на шестидесяти пяти и ударили по рукамъ. Сдѣлку тутъ же, какъ слѣдуетъ, спрыснули—совѣтникъ не прочь былъ покутить, разумѣется, не на свой счетъ. Въ порывѣ великодушія, безъ всякой за это приплаты, къ женѣ онъ даже прибавилъ и собственную свою дочь, не желая разлучать малютки съ матерью, какъ онъ говорилъ, и самъ благословилъ новую чету.

Разводъ выхлопотали скоро, совѣтникъ полностью получилъ слѣдуемую ему сумму и Варвара Павловна Огурцова—ужъ какъ же ненавидѣла она эту фамилію!—сдѣлалась Левшиной.

Сбылись ея мечты: она стала богатой барыней, женой человѣка съ старинной дворянской фамиліей. Скоро и легко вошла Варвара Павловна въ свою новую роль. По внѣшности это была настоящая свѣтская дама, всегда хорошо и со вкусомъ одѣтая, съ безукоризненными манерами, великолѣпно говорившая по-французски—и при всемъ этомъ донельзя оживленная и веселая. Она была умна, молода, получила порядочное образованіе, много видала въ своей жизни, много читала и вдобавокъ еще такъ хороша—и не трудно было ей кого бы то ни было заинтересовать своимъ разговоромъ: она дѣйствительно умѣла и говорить, и спорить, и слушать, и не пугалъ ея никакой самый веселый разговоръ, всему, всякому намеку и шуткѣ умѣла она придать изящный и увлекательно-красивый оборотъ. И въ ихъ огромномъ деревенскомъ домѣ, и въ губернскомъ городѣ, и въ Москвѣ, гдѣ она иногда появлялась, и за-границей—всюду вносила она жизнь и веселье, вездѣ окружало ее множество поклонниковъ. Шли годы, но замѣчательная красота ея нисколько, повидимому, не страдала отъ времени; правда, и Варварѣ Павловнѣ пришлось наконецъ прибѣгать къ разнымъ косметическимъ средствамъ, но охотно прощали ей это за красивые глаза, за граціозную фигурку, за ея веселье и умную, увлекательную бесѣду и влюблялись въ нее попрежнему. Всѣ знавшіе ее мужчины были безъ ума отъ нея. Безспорно считалась она первой красавицей въ губерніи и была царицей всѣхъ губернскихъ баловъ.

Знакомство у нея было обширное, впрочемъ, изъ дамъ

она мало съ кѣмъ была знакома, да и то съ самыми лишь избранными изъ губернской аристократіи. Зато мужчинъ знала множество и безъ разбора принимала ихъ всѣхъ въ своей гостинной, убранной необыкновенно изящно: у Варвары Павловны было много вкуса.

Какъ и совѣтникъ Огурцовъ, и второй ея мужъ точно также вполнѣ скоро насытилъ свою страсть и охладѣлъ къ женѣ: продолжительная любовь была не въ его характерѣ. Но Варвара Павловна нисколько не опечалилась этимъ, напротивъ, сама же ловко потакала всѣмъ страстямъ и слабостямъ мужа, достигая этимъ двухъ цѣлей: сохраняя съ нимъ хорошія отношенія и взамѣнъ въ свою очередь получая отъ него полную свободу. Такимъ образомъ, мужъ кутилъ, игралъ и охотился, жена вела разсѣянную свѣтскую жизнь, и оба были довольны другъ другомъ. Правда, и безъ того уже разстроенное состояніе Левшина видимо таяло съ каждымъ годомъ, но на ихъ жизнь по всей вѣроятности должно было хватить, дѣтей же у Варвары Павловны не было, кромѣ одной дочери, еще отъ совѣтника Огурцова.

Достигнувъ такого положенія, при которомъ она могла уже не бояться ни клеветы, ни сплетенъ, Варвара Павловна перестала себя сдерживать. Сама она неспособна была слишкомъ увлекаться. „Зачѣмъ любить, зачѣмъ страдать, намъ жизнь для радости дана!“ — было ея девизомъ, но она любила нравиться, любила поиграть въ любовь и чувство, любила, чтобы за ней ухаживали—и не отказывала себѣ ни въ чемъ, особенно за-границей. Говорили о новыхъ ея увлеченіяхъ, но такъ какъ мужъ, рѣдко трезвый, не обращалъ на это вниманія и, кромѣ разговоровъ, не было рѣшительно никакихъ доказательствъ подлиннаго существованія этихъ увлеченій, то на нихъ и смотрѣли сквозь пальцы и къ тому же скоро всѣ къ нимъ привыкли и перестали имъ удивляться. Въ глазахъ мужчинъ еще болѣе возвышали эти слухи прелесть и соблазнительную привлекательность Варвары Павловны. Дамы, которыхъ она не удостаивала знакомствомъ, утѣшались злословіемъ, совершенно для нея безвреднымъ, а тѣ, съ которыми она была знакома, открыто никогда не высказывали своего мнѣнія о ней—и такимъ образомъ все шло хорошо.

Варвара Павловна вела себя съ тактомъ и умѣла скрывать отъ глазъ свѣта свои увлеченія, ничѣмъ и никогда себя не выдавая. Правда, кое что про нее и знали, кое про что догадывались, но на это она не обращала вниманія, нахально игнорируя все, что не высказывается громко.

И за всю ея долгую, полную разнообразныхъ приключеній жизнь, единственнымъ непріятнымъ для Варвары Павловны событіемъ была трагическая развязка веселенькой ея интрижки съ Свѣчинымъ. Свѣчинъ застрѣлился, хотя и неудачно. Но Варвара Павловна и тутъ съумѣла вывернуться, такъ что въ обществѣ всѣ напали на самого же Свѣчина. Оно и понятно: Свѣчинъ былъ никому ненужный, ничтожный какой-то подпоручикъ, а Варвара Павловна—всѣми любимая, веселая и красивая женщина, и каковы бы тамъ ни были ея грѣхи, несомнѣнно одно, что много бы потеряло въ ней общество, если бы ея не стало...

Это всѣ чувствовали и этимъ выкупала она свои ошибки. Ей многое прощали за то, что много получали отъ нея.

На другой же послѣ бала день Алгасовъ поѣхалъ къ ней съ визитомъ и вернулся еще болѣе очарованнымъ ея красотой, ея умомъ и весельемъ. Неотразимо привлекаемый шаловливымъ ея кокетствомъ, день за днемъ, все чаще и чаще сталъ онъ бывать у нея или тамъ, гдѣ онъ могъ ее встрѣтить, ради нея, чтобы видѣть ее, сталъ бывать на вечерахъ и балахъ, а Варвара Павловна дѣлала все, чтобы завлечь его: онъ ей нравился и съ удовольствіемъ любовалась она имъ и кокетничала съ нимъ.

Вообще, и безъ того уже красивая, Варвара Павловна не пренебрегала ничѣмъ для усиленія производимаго ею впечатлѣнія. Она умѣла и въ мѣру подчеркнуть свое вниманіе, и показаться еще болѣе привлекательной и хорошенькой. Одѣвалась она съ большимъ вкусомъ и всегда къ лицу, особенно умѣя выказать всю соблазнительную прелесть гибкой и стройной своей фигурки. Ея взгляды, слова, улыбки—все выходило у нея такъ кстати и такъ игриво, задорно и мило, что трудно было устоять противъ обаятельной этой красавицы...

И Алгасовъ не устоялъ. Сначала онъ мало думалъ о Варварѣ Павловнѣ, но скоро же сталъ думать слишкомъ уже

много. До-нельзя хорошенькой и привлекательной ему казалась она и не могъ, да и не старался онъ противиться ея чарамъ. Неотразимо влекла его къ себѣ ея красота, на которую онъ не могъ наглядѣться, и весь отдался онъ Варварѣ Павловнѣ, со всѣми своими помыслами и желаніями.

Много поклонниковъ всегда окружало ее, но это лишь возвышало въ глазахъ Алгасова цѣну ея вниманія, котораго онъ страстно желалъ добиться. Варвара Павловна то подавала ему тѣнь соблазнительной надежды, то вдругъ становилась съ нимъ холодна и суха, то на его же глазахъ начинала кокетничать съ кѣмъ-нибудь другимъ и такъ кокетничать, что бѣшеная ревность невольно овладѣвала Алгасовымъ, и еще дороже становилась ему сама Варвара Павловна, еще сильнѣе загоралась въ его сердцѣ безумная къ ней страсть...

Алгасовъ давно уже нравился Варварѣ Павловнѣ и теперь, влюбленный въ нее, сталъ нравиться еще больше. Никогда не забывала она, какъ два года тому назадъ не обратилъ онъ на нее никакого вниманія, и чѣмъ больше ей нравился онъ теперь, тѣмъ живѣе вспоминала она то непріятное чувство досады, обиды и затронутаго самолюбія, которое онъ заставилъ ее тогда испытать: Варвара Павловна привыкла сама пренебрегать своими поклонниками, а не къ тому, чтобы они пренебрегали ея вниманіемъ, и невниманіе Алгасова впервые навело ее тогда на страшную для нея мысль, что уже проходитъ ея пора и красота ея начинаетъ терять свою силу... И вотъ покоренъ Алгасовъ этой же самой красотой—Варвара Павловна это видѣла—и воспоминаніе объ обидѣ, имъ когда-то ей нанесенной—минутами оно вызывало въ ней страстное желаніе отомстить ему, въ свою очередь оттолкнуть его теперь... И она принималась усиленно съ нимъ кокетничать, чтобы чувствительнѣе была для него месть, но слишкомъ уже ей нравился онъ и, любуясь имъ, порой невольно думала она—вмѣстѣ съ нимъ, не накажетъ ли она и себя, и не лучше ли простить усмиреннаго красавца?

А Алгасовъ и дѣйствительно былъ уже усмиренъ и страстно хотѣлось ему ея любви и ласкъ. Варвара Павловна была такъ хороша и главное—такъ соблазнительно хороша,

столько нѣги было въ красивомъ ея взглядѣ, столько жгучаго, беззаботнаго счастья сулили ея поцѣлуи—и только о ней, о ея красотѣ, о ея поцѣлуяхъ, о счастьи быть ею любимымъ, объ этомъ только и могъ онъ думать въ эти дни, а Варвара Павловна все не переставала дразнить его, ловко разжигая его страсть.

Такъ заставила его Варвара Павловна полюбить ее. Онъ самъ принялъ свое чувство къ ней за любовь и несказанно обрадовался этой любви. Живо помнилъ онъ, чѣмъ въ прежніе годы была для него любовь. Лучшее, что ему давала тогда жизнь, это было то, что въ одной дорогой для него женщинѣ воплощалась для него вся жизнь, всѣ ея радости, эта женщина, какъ центръ, притягивала къ себѣ всѣ его мысли и поступки, она освѣщала собою всѣ его дни. Давно уже не испытывалъ онъ ничего подобнаго, потому ли, что сердце его все еще было занято княжной, потому ли, что полное отсутствіе жизни не давало ему возможности ни на чемъ сосредоточить вниманія, потому ли, что вышелъ уже онъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда сердце легко и скоро мѣняетъ свои привязанности, удовлетворяясь самой даже легкой—но только это отсутствіе всякой привязанности еще ощутительнѣе дѣлало для него пустоту его жизни. И вотъ онъ снова любитъ—не юность ли возвращается къ нему, не воскресаетъ ли онъ для жизни со всѣми ея грёзами и радостями?..

Порабощенный Варварой Павловной, весь принадлежалъ онъ ей, готовый любить ее, ни о чемъ и не думая, кромѣ ея любви, и ничего, кромѣ нея, не желая. Не юношеская робость мѣшала ему—нѣтъ, и давно бы уже признался онъ въ любви, если бы не сама же Варвара Павловна, словно удовольствіе какое находившая сдерживать его, какъ ушатомъ воды, обдавая его своей холодностью въ тѣ самыя минуты, когда невольно прорывалась его страсть. Такъ мстила она ему за прошлое его невниманіе, и отчасти она достигала цѣли: непріятныя мгновенія заставляла она переживать Алгасова. Но препятствія только разжигали его чувство и къ тому же въ непонятной для него холодности Варвары Павловны почему-то не видѣлось ему ничего, что лишало бы его всякой надежды. Въ сущности и самой Вар-

варѣ Павловнѣ хотѣлось его любить и быть имъ любимой, самой требовалось ей много силы воли, чтобы отталкивать его, такъ нравился онъ ей, и однажды, когда въ нерѣшительности она промолчала на его признаніе и, ободренный ласкающимъ ея взглядомъ, будучи не въ силахъ себя сдерживать, онъ обнялъ и поцѣловалъ ее раньше, чѣмъ она опомнилась—Варвара Павловна осталась въ его объятіяхъ и отвѣтила ему такимъ же страстнымъ, горячимъ поцѣлуемъ.

И они были счастливы, много радостей, много наслажденій извѣдали они, блестящихъ, завидныхъ, ничѣмъ не омраченныхъ наслажденій.

Но все на свѣтѣ проходитъ. Проходитъ дурное, зато проходитъ и хорошее, и съ нимъ, къ сожалѣнію, приходится разставаться. Прошли недѣли безумнаго увлеченія. Алгасовъ первый опомнился. Варвара Павловна была хороша и нравилась ему все такъ же; и мысли еще не было у него о концѣ своей любви къ ней и не менѣе восторга находилъ онъ въ ея объятіяхъ, а ужъ вернулась къ нему его способность все на свѣтѣ разбирать и первое, что поразило его тутъ—это была пустота и поверхностность его новаго чувства. Многаго не хватало въ этомъ чувствѣ, а главное, не было у Алгасова искренней вѣры, что въ немъ, въ этомъ именно чувствѣ, заключается вся его жизнь и все его счастье. Не влекла его къ Варварѣ Павловнѣ полная страсти юношеская жажда любви, когда весь міръ заслоняетъ собою любимая женщина, и своею любовью не только не наполняла его жизни Варвара Павловна, но не занимала и никакого даже въ ней мѣста: во имя только наслажденія и сошлись они, и не было у нихъ ничего, кромѣ немногихъ часовъ наслажденія.

А наслажденіе—не вино: время не дѣлаетъ его дороже и лучше. Одно наслажденіе—связь очень и очень слабая.

И увидѣлъ Алгасовъ, что не сбылись его недавнія ожиданія, не вернулась и не вернется уже къ нему юность съ беззавѣтными ея увлеченіями. Онъ любилъ еще, а снова уже завладѣли имъ прежнія его думы; въ его жизни онѣ стали рядомъ съ любовью и даже заняли въ ней болѣе мѣста, чѣмъ занимала любовь. Съ каждымъ днемъ все сильнѣе

чувствовалась ему неполнота его любви. Какъ ни хороша была Варвара Павловна, какъ ни весело было ему съ ней, какъ ни старалась она нравиться ему и какъ даже ни нравилась она, но не давали уже ему забвенья ея ласки и не спасали онѣ его отъ думъ и прежнихъ страстныхъ порывовъ къ жизни и счастью. Не въ силахъ уже былъ онъ всецѣло и все забывъ отдаться своему чувству, а для Алгасова это значило то же, что и не отдаваться ему совсѣмъ—и искусственно вызванная его любовь стала быстро угасать. Невѣроятныя усилія дѣлала Варвара Павловна, чтобы удержать ее, но это было уже невозможно.

Варвара Павловна слишкомъ трезво смотрѣла на вещи и не обманывалась она, да и не позволили бы ей этого ея лѣта и опытъ. Отъ жизни она требовала лишь одного—легкихъ радостей, веселья и наслажденій, и всегда старалась отдаляться ото всего непріятнаго и тяжелаго. Она сама не измѣнилась къ Алгасову, онъ ей нравился попрежнему, но скоро же замѣтила она начинающееся его охлажденіе и поняла, что безсильна уже она остановить это охлажденіе. Отчего это такъ, а не иначе—объ этомъ Варвара Павловна не стала раздумывать и къ тому же хорошо знала она, что невозможно уже вновь возбудить разъ угасшую любовь. И когда Варвара Павловна окончательно убѣдилась, что еще недѣля, другая, а можетъ быть и раньше, и Алгасовъ самъ ее оставитъ, она рѣшила заблаговременно съ нимъ разстаться, чтобы избѣжать по крайней мѣрѣ всѣхъ тяжелыхъ сценъ и объясненій и во всякомъ случаѣ за собою удержать иниціативу и честь разрыва.

Не сразу далось ей это рѣшеніе. Алгасовъ еще нравился ей и много еще могъ бы онъ ей дать хорошихъ дней... Но разсудокъ ясно говорилъ ей, что дней этихъ все равно уже не будетъ и что безполезно гоняться за призракомъ, рискуя, пожалуй, вмѣсто хорошихъ получить очень скверные дни.

Долго сидѣла она въ раздумьи. Потомъ встала, тряхнула хорошенькой головкой и промолвила:

— Жаль... Ну что же теперь дѣлать!..

Въ тотъ же день она сдѣлала нѣсколько прощальныхъ визитовъ, сказала, что нездоровье мужа вызываетъ ее въ деревню, и на другое утро ея не было уже въ Москвѣ. Алга-

сова она не видала передъ отъѣздомъ и не желала его видѣть, стараясь не думать о немъ.

Когда Алгасовъ узналъ о ея отъѣздѣ, въ первую минуту страшно поразила и огорчила его эта неожиданная разлука; безумно цѣлые дни тосковалъ онъ по утраченномъ счастьи, но потомъ отъ души поблагодарилъ Варвару Павловну за такой исходъ дѣла. Отчасти онъ догадывался, что заставило ее такъ поступить.

XXXIX.

Такъ ничтожно было это послѣднее, что дала Алгасову свѣтская жизнь, и если бы хоть какія-нибудь еще надежды на нее оставались у него—всѣ должны были онѣ исчезнуть теперь.

А должно быть, надежды эти дѣйствительно были, таясь гдѣ-то въ глубинѣ его души, ибо онъ продолжалъ жить въ Москвѣ и, если не прямо, то косвенно участвовалъ въ свѣтской жизни, такъ какъ онъ жилъ, окруженный представителями свѣта, постоянно слыша разсказы о немъ и вѣсти оттуда, и даже интересуясь этими вѣстями и разсказами. Но яснѣе и убѣдительнѣе всякихъ отвлеченныхъ разсужденій доказала ему эта только что кончившаяся любовь, что нечего уже ждать ему отъ свѣтской жизни. Любовь—это еще лучшая изъ радостей, которыя она могла бы ему дать, и вотъ она, эта любовь, что въ ней привлекательнаго, что она дала ему?

Правда, она дала ему около трехъ мѣсяцевъ надеждъ, желаній, веселья, торжества и восторговъ, но что такое три мѣсяца? Стоитъ ли жить и томиться, ожидая, когда-то вздумается судьбѣ ихъ подарить ему? И что новаго можетъ ему дать любовь, а всѣ обычныя ея надежды, волненія и радости, не извѣстны ли онѣ ему, и даже въ видѣ гораздо болѣе привлекательномъ и чистомъ, скрашенномъ вдобавокъ и его собственной юностью?

Нѣтъ, не стоятъ хлопотъ и ожиданій подобныя мимолетныя увлеченія. Они хороши, но въ жизни они не болѣе, какъ излишняя роскошь; можно жить и безъ нихъ и не о нихъ та мечта, которая невольно волнуетъ каждаго изъ насъ. Вол-

новала она и Алгасова, но вопросъ еще, хватило ли бы у него силъ отвѣтить на иную любовь, болѣе молодую и глубокую?

Вопросъ этотъ явился Алгасову и заставилъ его содрогнуться отъ ужаса и боли. Алгасовъ ясно увидѣлъ, что, живя такъ, какъ онъ прожилъ эти послѣдніе два года, не вѣдать уже ему иной любви, а можетъ ли быть хоть какое-нибудь сравненіе между поверхностнымъ подобнымъ увлеченіемъ и той всепоглощающей страстью, обнимающей всю жизнь, которую онъ чувствовалъ къ княжнѣ? То была любовь, возможная лишь при опредѣленной, ясной и любимой жизни, которую любимая дѣвушка призвана раздѣлить и украсить. Такой жизнью тогда была для Алгасова свѣтская жизнь—и онъ полюбилъ княжну, и въ этой любви его свѣтская жизнь достигла апогея своей чарующей красоты. Тамъ былъ идеалъ счастья всей жизни, воплощенный въ любимой дѣвушкѣ, а тутъ мгновенная лишь прихоть, скукой и праздностью вызванная и съ той, и съ другой стороны.

И не любить уже ему, какъ онъ любилъ княжну. Свѣтская жизнь уже не существуетъ для него, иная не явилась ей на смѣну, и что же дастъ содержаніе его новой любви, даже больше—что дастъ ему побужденіе полюбить, какую жизнь пригласитъ онъ любимую дѣвушку раздѣлить съ нимъ? Вокругъ него пустота, полное отсутствіе всякихъ цѣлей, надеждъ и желаній. Тутъ нечего дѣлить съ нимъ дѣвушкѣ, и ничто не въ состояніи тутъ заставить его полюбить, ничто, кромѣ прихоти... А эта прихоть и воплотилась въ порожденномъ ею увлеченіи Левшиной и, надо признаться, воплотилась блестящимъ образомъ, дала много болѣе, чѣмъ можно вообще ожидать отъ удовлетворенія пустой прихоти. Подобныя увлеченія еще возможны для него, и пожалуй, не на три только мѣсяца, но вѣдь это будетъ все то же самое, скучное повтореніе стараго, уже извѣстнаго и извѣданнаго, и даже охоты нѣтъ желать и ждать этого повторенія.

И вспомнилось Алгасову нѣсколько дней изъ далекаго прошлаго, вспомнилъ онъ другую подобную же игру въ любовь—свою встрѣчу съ Susanne и то, какъ молодо, свѣжо и полно юношеской страсти было тогда его такое же недолгое увлеченіе... Вспомнилъ—и горько усмѣхнулся. Нѣтъ,

навсегда уже прошло для него—прошло и не вернется—то время, когда такъ искренно способенъ былъ онъ отдаваться увлеченіямъ и чарамъ любви, находя въ нихъ, если и короткое, то все же полное и совершенное счастье.

Единственно лишь безсильные порывы къ любви и затаенное ея ожиданіе—вотъ что привязывало еще Алгасова къ свѣтской жизни, давая ему силы жить среди окружавшей его пустоты. Теперь же, когда исчезло послѣднее украшеніе этой пустоты, теперь жить въ ней стало уже невозможнымъ для Алгасова. Или совсѣмъ и съ жизнью надо разстаться, или же найти иную жизнь. Ея нельзя найти, ея нѣтъ нигдѣ и ни въ чемъ—разъ убѣдившись въ этомъ, нечего и жить, да ничто уже и не помѣшаетъ спустить курокъ или принять постригъ.

Послѣ отъѣзда Варвары Павловны, какъ и до встрѣчи съ нею, снова зажилъ Алгасовъ тою же покойной и ровной жизнью, которую онъ всегда называлъ прозябаніемъ. Но каково бы ни было счастье, найденное имъ въ объятіяхъ Варвары Павловны, съ ней онъ провелъ много хорошихъ дней, и эти только что пережитыя имъ наслажденія еще ярче оттѣнили смѣнившее ихъ тусклое отбываніе сутокъ. Прежде не такъ еще чувствовался имъ весь ужасъ подобнаго прозябанія, но теперь...

Особенно ясно сознавъ это Алгасовъ, когда, проснувшись однажды, онъ рѣшительно не могъ припомнить ни дня, ни числа. Какъ ни напрягалъ онъ памяти—ничего не помнилъ онъ. Онъ сталъ припоминать прошедшіе дни, но оказалось, что много уже дней, хотя и не зналъ онъ сколько именно, не случилось ему подумать ни о днѣ, ни о числѣ. Единственное, что могло бы ему напомнить день и число—это газета, но, ежедневно просматривая за утреннимъ чаемъ Московскія Вѣдомости, давно уже привыкъ Алгасовъ не обращать вниманія на слишкомъ ему знакомый заголовокъ. Наскоро всегда пробѣгалъ онъ объявленія, ища, нѣтъ ли объявленій о новыхъ книгахъ, потомъ въ биржевомъ бюллетенѣ просматривалъ цѣны тѣхъ бумагъ, какія у него имѣлись, и, минуя передовую статью, обращался прямо къ телеграммамъ и прочимъ извѣстіямъ. Такимъ образомъ и газета не напоминала ему ни дня, ни числа.

Мало того, Алгасовъ не зналъ даже съ точностью мѣсяца, ибо послѣдній день, который онъ помнилъ, было Благовѣщеніе, и то потому только, что у него былъ тогда священникъ съ молебномъ. Но сколько дней тому назадъ было Благовѣщеніе, и не начался ли уже апрѣль—этого Алгасовъ тоже не могъ припомнить. Онъ даже обрадовался, что не забылъ по крайней мѣрѣ года; его онъ еще помнилъ: 1875 годъ.

— Ну, хорошо хоть это! подумалъ онъ. Вотъ жизнь-то! Пожалуй, еще съ мѣсяцъ такъ пожить—и годъ забудешь... Да и правда: не все ли мнѣ равно, воскресенье ли сегодня, понедѣльникъ ли, мартъ или апрѣль? Но хороша жизнь, когда и календаря даже не надо! Дядя Онѣгина, и тотъ все-таки имѣлъ календарь 8-го года...

И Алгасовъ не сталъ и справляться о днѣ, рѣшивъ, что это ни на что ему не нужно.

Это было слишкомъ уже ясное указаніе, что нельзя такъ жить, какъ онъ живетъ, что надо или найти иную жизнь, или же покончить съ жизнью, если нѣтъ никакой иной.

Никто изъ окружавшихъ его не зналъ, какъ былъ онъ близокъ въ эти дни къ самоубійству.

Тоскливо и скучно жилось ему, и среди этой скуки съ особеннымъ всегда удовольствіемъ останавливался онъ на мысли, что весной онъ снова поѣдетъ въ Веденяпино. Сравнивая вялую московскую свою жизнь съ тѣми днями, которые онъ провелъ прошлымъ лѣтомъ въ деревнѣ, Алгасовъ не могъ не видѣть яркой между ними разницы. И тамъ былъ тоже покой, но какъ хорошо и свободно жилось ему тамъ, въ тишинѣ, среди раздолья лѣсовъ и полей... И если даже и теперь живется тамъ такъ хорошо, каково же было тамъ прежде, когда въ уснувшей теперь усадьбѣ шумно и весело неслась широкая, привольная жизнь отцовъ и дѣдовъ!

Живо представлялъ ее себѣ Алгасовъ и такъ же шумно и весело неслась она и въ его воспоминаніяхъ. Его частыя обращенія къ былой веденяпинской жизни пріучили его къ ней, а недавняя поѣздка въ Веденяпино оживила въ его памяти самый театръ, на которомъ разъигрывалась эта жизнь, и, благодаря этому, теперь, когда снова обратился

къ ней Алгасовъ, она явилась ему не въ видѣ уже отрывочныхъ, отдѣльныхъ воспоминаній, а въ одной цѣльной картинѣ, со всѣми своими радостями, заботами и печалями.

Для него это было важно: вдругъ явилась ему иная какая-то жизнь и именно въ ту минуту, когда эта жизнь была ему всего нужнѣе.

Со всей страстью своей набросился онъ на эту внезапно явившуюся ему мысль, обѣщавшую ему исходъ изъ его положенія. Не смѣя себѣ вѣрить, долго и тщательно вдумывался онъ во всѣ явленія этой новой жизни, во все, что давало ей содержаніе, силу и красоту, и чѣмъ болѣе вдумывался онъ въ нее, тѣмъ красивѣе, содержательнѣе и величественнѣе казалась ему картина этой жизни.

На просторѣ, среди собственныхъ обширныхъ полей, среди живописныхъ видовъ и роскошной природы, въ огромномъ, окруженномъ садомъ домѣ проходитъ эта жизнь. Все, что служитъ къ украшенію нашихъ дней, все собрано тутъ же, вокругъ дома, и все свое, все по собственному желанію создается и совершенствуется подъ собственнымъ присмотромъ. Создавая, видишь плоды своихъ начинаній и радуешься осуществленью собственной мысли, а кромѣ того—сколько радости даетъ хозяину увѣренность, что здѣсь не пропадетъ его работа, что трудится онъ у себя дома, въ своемъ родовомъ гнѣздѣ, для себя, для своихъ дѣтей и внуковъ.

Кругомъ просторъ. Онъ весь къ услугамъ человѣка и человѣкъ живетъ здѣсь на свободѣ, не зная всю жизнь сковывающихъ свѣтскихъ мелочныхъ приличій. Тутъ одинъ только хозяинъ, его воля—законъ для всѣхъ и все существуетъ для него одного.

Привольна, просторна, богата эта жизнь, полна она радостей и еще болѣе украшаютъ ее необходимыя заботы о поддержаніи и украшеніи своего родового гнѣзда и наконецъ собственное свое хозяйство, незамѣтно сливающееся съ жизнью, входя въ ея составъ и наполняя ее.

И на этомъ фонѣ разстилается жизнь общественная, призванная не только украсить, но и дополнить домашнюю. Общество не такъ здѣсь многочисленно, не такъ блестяще, какъ общество свѣтское, но зато тѣснѣе сплачивается оно

одинаковой жизнью, одинаковымъ дѣломъ и одинаковыми интересами, болѣе мелкими, чѣмъ міровые интересы столицы, но плотнѣе зато охватывающими жизнь и, слѣдовательно, болѣе намъ близкими и дорогими. И вызванныя этими интересами общественныя дѣла тутъ становятся дѣйствительно живымъ, каждаго за живое затрогивающимъ дѣломъ и служатъ довершеніемъ всей картины, еще болѣе разнообразя интересы и радости, наполняющіе жизнь, еще крѣпче привязывая человѣка и къ дому, и къ окружающему обществу.

Такимъ образомъ, свобода, свой домъ, общество, общественныя дѣла и наконецъ вся роскошь настоящей, неприкрашенной природы—вотъ кругъ безконечныхъ радостей, въ которыхъ проходитъ здѣсь жизнь. И это не случайныя, разрозненныя лишь радости, нѣтъ, всѣ зависятъ онѣ одна отъ другой, одна изъ другой истекаютъ и сливаются въ одну прекрасную и цѣлостную, въ одну широкую жизнь.

Здѣсь все ясно и ясенъ смыслъ всего. Ясно и то, почему радуетъ свой домъ, и то, чего можно ждать отъ природы и общества, и то, почему затрогиваютъ и волнуютъ общественныя дѣла и почему посвящаешь имъ силы и время. Ни въ чемъ нѣтъ ни вопросовъ, ни сомнѣній и еще болѣе красоты и гармоничности придаетъ это жизни, которая является здѣсь совокупнымъ созданіемъ всѣхъ ею живущихъ: каждый, находясь подъ ея вліяніемъ, и самъ въ то же время непосредственно вліяетъ на нее. Неприкосновенной сохраняя свою личную жизнь, имѣя свое особое дѣло и въ домѣ, и въ хозяйствѣ, вмѣстѣ съ этимъ, нисколько не стѣсняя себя, участвуетъ здѣсь каждый и въ жизни всего общества, отъ которой даже и невозможно отстраниться. Можно идти во главѣ этой жизни, можно лишь участвовать въ ней, но необходимо всегда чувствуешь свою неразрывную съ ней связь.

Огорченія, неудачи, непріятныя минуты—онѣ неразлучны съ этой жизнью, еще живѣе даже затрогиваютъ онѣ здѣсь человѣка, но онѣ-то именно и доказываютъ, что живешь, соприкасаешься съ жизнью и пользуешься ею. Дни, полные разнообразныхъ радостей, даваемыхъ не безумной тратой денегъ, не модной дорогой роскошью или удовлетвореннымъ

тщеславіемъ, а сознаніемъ, что живешь дома, въ связи съ природой и со всей окружающей жизнью—эти дни текутъ здѣсь могучимъ потокомъ, полные живого дѣла и живыхъ стремленій, и еще неколебимѣе и яснѣе становится отъ этого жизнь.

И въ довершеніе всего, она проходитъ здѣсь на вершинѣ, въ переднихъ рядахъ, здѣсь не теряешься въ толпѣ, а во всей ихъ полнотѣ пользуешься преимуществами своего сословія и состоянія и родовымъ вліяніемъ...

Въ такихъ чертахъ сложился въ головѣ Алгасова образъ этой новой для него жизни, и еще болѣе возвысилась она въ его глазахъ, когда онъ сравнилъ ее съ прежней своей жизнью, той, которой онъ жилъ до сихъ поръ. Тутъ одни лишь удовольствія, и постоянно все одни и тѣ же. Отдыхъ отъ нихъ состоитъ не въ иныхъ удовольствіяхъ, дающихъ отдыхъ однимъ уже своимъ разнообразіемъ, а въ отсутствіи всякихъ удовольствій и необходимо образующейся отъ этого какъ бы какой-то прорѣхи въ жизни. Тутъ невольно приходишь въ столкновеніе съ излишнимъ множествомъ еле знакомыхъ людей, среди нихъ живешь, ничѣмъ не будучи съ ними связанъ, ради этихъ незнакомыхъ и поодиночкѣ даже ненужныхъ людей стѣсняешь и себя, и свою жизнь; ни въ чемъ, кромѣ удовольствій, не имѣешь здѣсь связи съ другими людьми, ни даже съ самой жизнью, нѣтъ здѣсь ни объединяющихъ интересовъ, ни объединяющей общей для всѣхъ жизни, ибо одинакова только жизнь показная и въ этой показной жизни тонетъ здѣсь все, ради нея все приносится въ жертву, даже и самое счастье, и въ ней только и знаютъ другъ друга такъ называемые здѣсь знакомые. Тутъ не имѣешь минуты, чтобы оглянуться на себя и на другихъ, весь день проходитъ въ мелочной суетѣ и въ исполненіи условныхъ свѣтскихъ приличій и мелочи занимаютъ здѣсь въ жизни слишкомъ уже важное мѣсто, онѣ даже вліяютъ на нее... Но самое главное—это то, что, кромѣ тѣхъ или иныхъ забавъ и удовольствій, нѣтъ иного содержанія въ этой жизни, и потому-то становится она вполнѣ несостоятельной, какъ только напомнятъ прибавляющіеся годы, что однихъ лишь удовольствій еще мало для жизни.

А кромѣ нихъ здѣсь нѣтъ ничего. Служба, торговля—

главныя занятія живущихъ этой жизнью, онѣ не входятъ въ нее, а идутъ мимо нея, какъ-то рядомъ съ нею. Искусство, поэзія—и онѣ здѣсь превращаются все въ тѣ же забавы.

Не дѣлаетъ этой жизни разнообразнѣе даже и обиліе впечатлѣній, ибо въ самой сути своей слишкомъ уже однородны всѣ впечатлѣнія, которыя она даетъ. Она слишкомъ опредѣленна и почти застыла въ однажды навсегда готовыхъ формахъ и въ массѣ даже и не замѣтна здѣсь личность отдѣльнаго человѣка. Нѣтъ ни простора въ этой жизни, ни свободы, ни простоты, не чувствуешь въ ней своего дома и семья не даетъ здѣсь всѣхъ своихъ радостей. Далеко не все здѣсь ясно и слишкомъ уже многое возбуждаетъ и вопросы, и сомнѣнія. Въ ней много излишняго, она волнуется только блескомъ и роскошью, и роскошь—ея идеалъ. Въ ней деньги—все. Ея радости—онѣ покупаются деньгами и, кромѣ денегъ, никому и ничего не стоятъ, т. е. ничего не стоятъ покупателямъ отдѣльныхъ удовольствій и радостей: вообще же для самого существованія своего неизбѣжно себѣ требуетъ эта жизнь даже человѣческихъ жертвъ и безъ этихъ жертвъ невозможна и немыслима она.

Да и много можно еще представить подобныхъ же доводовъ ея несостоятельности. Но кромѣ доводовъ логическихъ, она достаточно даетъ и фактическихъ тому доказательствъ въ видѣ людей больныхъ духомъ и волей, разочарованныхъ, недовольныхъ жизнью, не обстановкой, не какой-нибудь ея частностью, а именно самой жизнью, и, что важнѣе всего—въ видѣ людей, глубоко презирающихъ ее, ту жизнь, среди которой они выросли, жили и живутъ и которая, можетъ быть и недолго, но все-таки давала и даже даетъ имъ хорошіе часы...

Въ памяти Алгаеова деревенская жизнь воскресала въ томъ видѣ, какою онъ помнилъ ее, и воскресала преимущественно хорошими своими сторонами. Онъ не забывалъ и дурныхъ, онъ зналъ, что и онѣ необходимо существуютъ, хотя и не представлялъ ихъ себѣ достаточно ясно, ибо въ то время, бывая въ Веденяпинѣ, онъ не принималъ еще непосредственнаго участія въ жизни и не чувствовалъ ея толчковъ. Но эти неизбѣжныя дурныя стороны не смущали его.—„Что на свѣтѣ не имѣетъ своей обратной стороны?“ думалъ онъ.

Въ деревенской жизни онъ видѣлъ столько содержанія и главное—столько полноты, что въ этой полнотѣ должны были, по его мнѣнію, потонуть всѣ дурныя ея стороны, каковы бы ни были онѣ. Именно полнотой своей и привлекала она его, суля ему настоящую, радостную и полную жизнь. Онъ приложилъ къ ней всѣ свои идеалы и требованія, которыя вообще предъявлялъ онъ къ жизни, и деревенская жизнь ни въ чемъ не противорѣчила имъ, ни сдѣлокъ, ни натяжекъ, ничего не потребовалось ему, чтобы привести въ согласіе идеалъ съ ожидаемой дѣйствительностью.

Послѣднее и самое важное въ его глазахъ доказательство онъ приберегъ къ концу: онъ провѣрилъ эту жизнь своимъ новымъ взглядомъ на любовь. Дастъ ли ему деревенская жизнь внутреннее побужденіе полюбить и полюбить съ тѣмъ, чтобы любимую дѣвушку сдѣлать не любовницей своей подъ видомъ жены, а дѣйствительной подругой жизни? Будетъ ли эта жизнь настолько опредѣленна и ясна, чтобы можно было предложить любимой дѣвушкѣ раздѣлить ее съ нимъ? Отвѣтъ получился утвердительный. Да, любимая жена, хозяйка въ домѣ, который не только *его* домъ, но домъ, имъ самимъ устроенный и украшенный, полученный имъ отъ дѣдовъ для передачи внукамъ, еще болѣе украситъ она эту жизнь, сдѣлаетъ ее еще болѣе содержательной и полной.

Итакъ, эта новая жизнь обѣщала ему полное воскресеніе, она спасала его отъ смерти, къ мысли о которой недавно еще былъ онъ такъ близокъ. Тотъ день, когда, послѣ долгихъ упорныхъ думъ и обстоятельной серьезной провѣрки, Алгасовъ окончательно убѣдился, что явившаяся ему жизнь не обманъ его воображенія, что она именно такова, какою онъ видѣлъ ее—этотъ день былъ настоящимъ для него праздникомъ, праздникомъ обновленія. И когда вскорѣ сошлись у него его друзья, Костыгинъ и Бачуринъ, Алгасовъ воспользовался этимъ и объявилъ имъ, что онъ переѣзжаетъ въ Веденяпино на постоянное жительство.

— Т. е. на лѣто? переспросилъ Бачуринъ.

— Нѣтъ, я тамъ совсѣмъ ужъ останусь, отвѣтилъ Алгасовъ.

— Послушай, что ты станешь тамъ дѣлать, особенно зимой?

— А въ Москвѣ что я дѣлаю?

— Ну да вольно же тебѣ... Живи, какъ всѣ...

— Нельзя жить насильно, Костя, отвѣтилъ Алгасовъ, и въ яркихъ краскахъ сталъ имъ описывать ту жизнь, которую онъ собирался начать.

Друзья внимательно его слушали.

— Мнѣ кажется, ты увлекаешься, Саша, замѣтилъ ему Костыгинъ.

— Вспомни, развѣ не такъ жили мы при отцѣ?

— Да, но что тутъ особеннаго? Чѣмъ такъ восторгаться?

— Но развѣ не хороша эта жизнь?

— Хороша, но по внѣшности чѣмъ же плоха и твоя московская жизнь?

— Послушай, я ищу жизни. Ты знаешь, это моя цѣль—не занятій, не развлеченій, а именно жизни. Жизнь должна быть полна и, воля твоя, нигдѣ не вижу я иной, болѣе полной жизни.

— Можетъ быть, но ты и ею не удовлетворишься. Ты не хочешь понять, что одна жизнь, безъ дѣла и опредѣленной цѣли, не можетъ удовлетворить человѣка...

— Это уже другой вопросъ... Если ты правъ, то значитъ, что вообще несостоятельны всѣ мои идеалы... Можетъ быть это и такъ, но никакой споръ не рѣшитъ этого вопроса, рѣшить его можетъ сама только жизнь, и если она скажетъ мнѣ, что я ошибаюсь—ни минуты не стану я упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ. Чего я хочу? Я хочу жить. Я почти уже готовъ былъ повѣрить, что я ошибался, что невозможна полная и вмѣстѣ свободная и счастливая жизнь, но теперь я вдругъ увидѣлъ новый путь къ своему идеалу и что бы тамъ ни было, къ какому бы выводу ни пришелъ я, но я дойду до конца. Послушай, развѣ не хороша и не полна эта жизнь? Развѣ мало въ ней радостей, развѣ нельзя ею наслаждаться? Ты спросишь, гдѣ же въ ней счастье, которое я ставлю цѣлью жизни? Но счастье бываетъ двухъ родовъ. Одно острое, жгучее, его даетъ, напр., любовь. Это счастье не можетъ быть цѣлью, ибо, какъ бы ни было оно продолжительно, полно и хорошо, но оно зависитъ отъ случая и безъ помощи случая никакими усиліями не можетъ его добиться человѣкъ. Но есть иное счастье, менѣе блестящее,

зато болѣе прочное: его даетъ намъ сознаніе красоты и полноты нашей жизни. Довольство жизнью—вотъ основа этого счастья, и оно можетъ быть цѣлью нашей жизни, ибо во многомъ оно зависитъ и отъ самого человѣка.

— И ты надѣешься найти эту полноту жизни въ деревнѣ?

— Да, въ деревнѣ, но при условіи, что я буду пользоваться всѣмъ, что только можетъ мнѣ дать деревенская жизнь. А въ деревнѣ мы имѣемъ все, что нужно для полноты жизни: свой домъ и свое дѣло, общество и общественныя дѣла, тутъ ближе стоишь и къ жизни, и къ природѣ, и къ настоящему живому дѣлу. Тутъ можно все такъ соединить, что жизнь дастъ максимумъ того, что она можетъ дать. Если жизнь возможна, то она возможна только тамъ.

— Ну хорошо. Понятно, мы тутъ не рѣшимъ, правъ ты или нѣтъ: можетъ-быть, всѣ эти блага и дѣйствительно заключаются въ деревенской жизни—этого я не знаю. Но объясни мнѣ слѣдующее. Что мнѣ особенно нравилось въ твоихъ идеалахъ, это идеалъ всеобщаго, всѣмъ равно доступнаго счастья. Ты искренно вѣрилъ, что оно возможно, ты клалъ его въ основу своего ученія—и это было самое въ немъ привлекательное и лучшее. А теперь, подумалъ ты объ этомъ, создавая картину этой деревенской жизни?

— Ты знаешь, Сережа, жизнь невозможна для меня безъ полной гармоніи между ею и всѣми моими взглядами безъ исключенія.

— И ты съумѣешь примирить всеобщее счастье съ жизнью, выросшей на крѣпостномъ правѣ?

— Крѣпостное право тутъ ни при чемъ, оно же и не существуетъ болѣе. Но никакая иная жизнь не кажется мнѣ болѣе общедоступной, какъ именно деревенская. Ты знаешь, примиреніе между исключительными радостями нашей свѣтской жизни и простыми радостями полной счастья всеобщей жизни всѣхъ безъ исключенія людей я находилъ до сихъ поръ въ томъ, что всѣмъ одинаково доступны и дороги удовольствія общественной жизни. И это вѣрно, жаль только, что самі-то они оказались несостоятельными... Но еще болѣе всѣмъ доступны радости деревенской жизни, ибо въ нихъ главнымъ образомъ хорошо не внѣшнее

ихъ проявленіе, а самая ихъ суть, менѣе всего зависящая отъ общественнаго нашего положенія или нашихъ матеріальныхъ достатковъ. Можно, пожалуй, сказать, что балъ хорошъ не потому, что люди сошлись поговорить, потанцовать и повеселиться, а болѣе потому, что сошлись извѣстные люди и при исключительно-блестящей обстановкѣ, и если добираться до сути бала—неизвѣстно еще, въ чемъ она заключается, въ танцахъ ли, или же въ этой обстановкѣ и въ подборѣ танцующихъ? Вся наша свѣтская жизнь отлилась въ такія формы, которыя хороши и красивы, но хороши только въ свѣтѣ и становятся смѣшными и пошлыми въ классѣ даже и богатомъ, но не принадлежащемъ къ свѣту, а не въ этихъ ли исключительныхъ формахъ заключается значительная доля сути свѣтской жизни?... Вообще, въ нашей жизни много такого, что кромѣ насъ никому уже недоступно, хоть, напр., почетъ, власть, вліяніе, а въ этомъ чуть ли не главная вѣдь красота свѣтской жизни. Я опредѣлялъ ихъ, какъ внѣшнія украшенія все той же общественной жизни, но такъ ли это? Въ деревнѣ же, тамъ другое. Въ каретѣ ли поѣдешь ты въ рощу, въ телѣгѣ ли, или же пѣшкомъ придешь, Рюриковичъ ты, или разночинецъ — роща дастъ тебѣ все то же наслажденіе и все такъ же споетъ тебѣ соловей. Охота все та же, съ дорогимъ или дешевымъ ружьемъ ты охотишься, даже и псовая охота—это лишь роскошь въ охотѣ. Маленькое хозяйство доставляетъ своему хозяину больше даже радостей, чѣмъ большое—своему, ибо первый ближе стоитъ къ этому хозяйству. Если ты любишь цвѣты — какой-нибудь десятокъ горшковъ, за которыми ты самъ ухаживаешь, какая-нибудь тобою самимъ устроенная клумбочка, тобою посаженное дерево—они дадутъ тебѣ не менѣе радости, чѣмъ и цѣлая оранжерея съ толпой садовниковъ и огромными цвѣтниками. И у меня, и у мужика, наши знакомые собираются у насъ въ деревнѣ при тѣхъ же сравнительно простыхъ условіяхъ, при отсутствіи всякаго излишняго показного блеска, и эти знакомые—тамъ это дѣйствительно наши сограждане, сограждане не по имени только, но и на дѣлѣ, живущіе той же жизнью и волнующіеся тѣми же стремленіями. Точно такъ же, и у меня, и у мужика, тамъ

есть у насъ одинаково намъ близкіе и затрогивающіе насъ общественные интересы, во многомъ даже одни и тѣ же... Ты видишь, состояніе ничего не прибавитъ мнѣ къ сути тѣхъ радостей, совокупность которыхъ и составляетъ деревенскую жизнь. А признавая собственность, очевидно, я и не могу идти далѣе... На внѣшнее проявленіе этихъ радостей, на окружающую ихъ обстановку—на это необходимо и вездѣ должна вліять разница состояній.

— Ну, братъ, у мужиковъ-то мало, кажется, радостей... Почитай-ка, что въ газетахъ пишутъ, возразилъ Бачуринъ.

— Кто же говоритъ, что въ настоящемъ ихъ положеніи возможны радости? Но кто же и признаетъ это положеніе нормальнымъ? Для голоднаго никакая фантазія не изобрѣтетъ радостей. Моя задача—найти жизнь, которая сама по себѣ могла бы удовлетворить всякаго изъ насъ, а затѣмъ, возможно ли устранить бѣдность и какъ это сдѣлать—это уже не мое дѣло.

— Я только не могу себѣ уяснить, какую это жизнь хочешь ты найти? спросилъ его Бачуринъ, съ недоумѣніемъ на него взглядывая.

— Такую жизнь, Костя, которая давала бы намъ возможность довольствоваться ею, горячо отвѣтилъ Алгасовъ. Такую жизнь, чтобы всякій могъ ею пользоваться, брать ея радости и жить ею, чтобы въ ней былъ полный просторъ личности человѣка, чтобы она помогала всякому въ минуты горя и страданія и не мѣшала бы счастью тѣхъ, кому оно выпало на долю, а если ты получилъ отъ Бога силы, превышающія силы обыкновеннаго человѣка, чтобы та же жизнь давала тебѣ возможность развивать и примѣнять эти силы.

— Ну, Саша, такую Аркадію мудрено изобрѣсти, съ усмѣшкой замѣтилъ на это Бачуринъ.

— А между тѣмъ должно! продолжалъ Алгасовъ. Что въ жизни дороже намъ счастья? И чему, кромѣ счастья, приличнѣе красной нитью пройти черезо всю нашу жизнь? А какъ мало счастья видимъ мы въ окружающей насъ жизни... И что еще важнѣе, чѣмъ ничтожнѣе и пошлѣе человѣкъ, тѣмъ онъ счастливѣе у насъ. Если счастье дается у насъ въ награду пошлости, не есть ли это ясное указаніе,

что жизнь наша въ самой уже основѣ своей построена на ложныхъ началахъ?

— И все это ты хочешь разрѣшить простымъ переѣздомъ изъ Москвы въ Веденяпино? Хитрый же ты человѣкъ...

— Я только ищу жизни, возможно болѣе простой и полной, и иной полной жизни я не вижу. А ты угадалъ, въ томъ и весь вопросъ, чтобы найти жизнь, которая сама по себѣ была бы полна. Не хитрость сдѣлать ее полной, посвятивъ себя ну хоть наукѣ, что ли, да жаль, что не по силамъ, да и прямо невозможно это всѣмъ, а жить хотятъ всѣ...

— Я вижу одно, Саша, началъ Костыгинъ, что ты искренно и со страстью отдаешься этой новой жизни... Начинай же ее... Не скрою отъ тебя, я почти увѣренъ, что ты ошибаешься, хотя сейчасъ и не могу опровергнуть твоихъ доводовъ. Но что за бѣда? Путемъ лишь заблужденій и ошибокъ и вырабатывается истина...

— Истина... Это слишкомъ уже, Сережа, задумчиво проговорилъ Алгасовъ.

— Ну, Саша, если тамъ, въ Веденяпинѣ, ты откроешь вдругъ истину, со смѣхомъ воскликнулъ Бачуринъ, то благодарное человѣчество по справедливости должно будетъ воздвигнуть статую не тебѣ, а графинѣ Сафоновой: въ сущности ей будетъ оно обязано этой истиной.

— И ты зовешь меня оставаться въ Москвѣ, когда самъ же ты видишь, что вся здѣшняя жизнь, все счастье, все, однимъ словомъ, зависитъ здѣсь отъ каприза дѣвушки!

— Да, твоя жизнь, но не моя, напр.!

— А твоя еще хуже, она зависитъ отъ каприза барона Нобеля, министра или даже какого-нибудь его секретаря... Воля твоя, а я предпочту ужъ зависѣть отъ каприза княжны: по крайней мѣрѣ это была прехорошенькая дѣвушка и имѣла, слѣдовательно, несомнѣнное и полное право капризничать. А жаль, Сережа, что ты не видалъ ея! Что это была за дѣвушка!

— Только одно скажу я, Саша, перебилъ его Бачуринъ, никогда и тамъ не дойти тебѣ до истины: первая же смазливая дѣвчонка перекувыркнетъ кверху ногами всю твою деревенскую жизнь. Впрочемъ, мнѣ кто-то говорилъ, что въ

провинціи нѣтъ хорошенькихъ. Если это правда—тебѣ только и жить, что въ Веденяпинѣ.

— Нѣтъ, Костя, если жизнь тамъ будетъ такова, какою я вижу ее отсюда—много легче вынесу я тамъ всякія подобныя исторіи, вродѣ этой исторіи съ княжной.

— Почему это?

—Потому что сама жизнь тамъ полнѣе, и она поддержитъ меня. Съ измѣной княжны я все потерялъ. Первое время рѣшительно не подъ силу было мнѣ жить и веселиться, а разъ хоть немного отстанешь ты отъ свѣтской жизни и потомъ оглянешься на нее—и ничего уже отъ нея не осталось для тебя... А разъ ничего не осталось, скажи пожалуйста, когда нѣтъ у меня жизни, т. е. нѣтъ почвы подъ ногами, могу ли я полюбить, т. е. могу ли пожелать сдѣлать дѣвушку подругой въ несуществующей жизни? А тамъ жизнь останется, слѣдовательно, всегда будетъ надежда и возможность и еще полюбить, и потому несчастная любовь отзовется тамъ на жизни только временно.

— Не безпокойся, когда полюбишь—не станешь и спрашивать, какую жизнь она раздѣлитъ съ тобой.

— Совершенно вѣрно, а потомъ что выйдетъ изъ любви при подобныхъ условіяхъ? Ты не зналъ ея, но Сережа знаетъ, про кого я говорю. Это была женщина, милѣе и симпатичнѣе которой трудно и придумать, и женщина хорошая и умная—и она надоѣла мнѣ до тошноты, надоѣла черезъ годъ же, я даже не разлюбилъ ея, а просто она надоѣла мнѣ. И наша любовь кончилась такъ печально и такъ скоро именно потому, что у насъ не было жизни, которую мы могли бы раздѣлить. Нѣтъ, Костя, влюбляться, увлекаться—это легко, но полюбить можно тогда только, когда съ любимой дѣвушкой желаешь раздѣлить опредѣленную, ясную и любимую жизнь, а не туманный призракъ прозябанія, какого придется.

— Саша правъ, замѣтилъ Костыгинъ.

— Пожалуй, сказалъ Бачуринъ, но, откровенно говоря, я не понимаю его философіи: къ чему она, когда и безъ нея живется такъ хорошо? Но поѣзжай, посмотримъ, къ чему-то придешь ты въ Веденяпинѣ, что еще тамъ придумаешь подъ вой вѣтра и волковъ...

Алгасовъ только улыбнулся на эти слова.

Поспѣшно сталъ онъ собираться; ни одного лишняго дня не хотѣлъ онъ оставаться въ Москвѣ, такъ и тянуло его скорѣе въ Веденяпино, къ новой жизни...

Павелъ Ивановичъ въ ужасъ пришелъ, когда узналъ, что Алгасовъ навсегда переселяется въ Веденяпино.

— Помилуй, Саша, да вѣдь это сумасшествіе, говорилъ онъ. Съ твоей хандрой, да запропастить себя въ эту глушь! Да ты тамъ пропадешь совсѣмъ! Сопьешься или застрѣлишься!.. Ну я ничего не говорю—поѣхать, посмотрѣть, ну наконецъ провести лѣто, но совсѣмъ тамъ поселиться... Что у тебя все за фантазіи?

Да и всѣ остальные были противъ его рѣшенія, но Алгасовъ никого и ничего не слушалъ. Даже и лакей его, Василій, отказался съ нимъ ѣхать, увѣряя, что въ Веденяпинѣ и жить невозможно, ибо, кромѣ необразованія и скуки, тамъ нѣтъ ничего. Напрасно напоминалъ ему Алгасовъ, что самъ же онъ, Василій, веденяпинскій уроженецъ и имѣетъ родныхъ въ Веденяпинѣ. Образованный Василій стоялъ на своемъ—и Алгасовъ долженъ былъ его отпустить.

Какъ только вскрылись рѣки, въ половинѣ апрѣля, уѣхалъ Алгасовъ изъ Москвы, забравъ съ собою всѣ любимыя свои книги. Свою квартиру онъ оставилъ за собою на случай пріѣзда въ Москву.

XL.

Весна только что начиналась. Кое-гдѣ мѣстами лежалъ еще снѣгъ, еще шумѣли овраги, но было уже тепло и первой нѣжной зеленью стали одѣваться земля и деревья. Звонкія птичьи пѣсни неслись отовсюду, все расцвѣтало, распускалось, всходило, росло, все было полно жизни и силы, ликовало и радовалось солнцу, теплу и веснѣ.

Рѣка широко разлилась; то, подобная безбрежному морю, спокойно катила она свои мутныя волны по ровнымъ лугамъ, то глухо ревѣла, стѣсненная холмами. Еще неслись по ней то отдѣльныя льдины, то деревья, дрова и иные предметы, захваченные ею съ береговъ, и, спѣша

воспользоваться обиліемъ воды, одна за другой быстро плыли неуклюжія барки.

Любуясь величественнымъ разливомъ и отраднымъ зрѣлищемъ оживающей природы, Алгасовъ все время не сходилъ почти съ палубы. Полный радостныхъ надеждъ, ѣхалъ онъ въ Веденяпино, и не пугало уже оно его, какъ въ прошломъ году, напротивъ, еще лучшей подъ свѣтлымъ впечатлѣніемъ чуднаго весенняго дня явилась ему тутъ ожидавшая его въ Веденяпинѣ жизнь, и всю дорогу не переставалъ онъ мечтать, какъ хорошо устроится и заживетъ онъ въ деревнѣ.

Пріѣхалъ онъ въ Веденяпино, и закипѣла тамъ работа. Дворъ, домъ, садъ — все стало прибираться и принаряжаться. Возстановлялись разрушенные заборы, красились крыши и стѣны, чинились балконы. Дворъ расчистили и привели въ порядокъ. Сада не успѣли вполнѣ засадить цвѣтами, но всѣ дорожки вычистили и усыпали пескомъ, кое-гдѣ проложили новыя, кое-что подсадили, подчистили кусты и деревья, бесѣдку возобновили въ прежнемъ видѣ, уничтожили лопухи и крапиву и группами раскидали по вычищенному газону всѣ уцѣлѣвшіе въ оранжереяхъ лимоны, лавры, фуксіи, розы и другія растенія. Въ домѣ отворили окна и двери, съ мебели сняли чехлы, все вымели и вычистили, и хозяинъ занялъ теперь весь уже домъ, а не одну только комнату, какъ въ прошломъ году. Затѣмъ уцѣлѣвшіе остатки былой дворни пополнились новыми людьми — и наскоро, насколько это возможно, приведенное въ прежній видъ, Веденяпино стало понемногу оживать.

Покончивъ съ главными хлопотами, Алгасовъ поспѣшилъ возобновить свои старыя знакомства; онъ сдѣлалъ визиты всѣмъ своимъ сосѣдямъ—и снова стали появляться въ Веденяпинѣ гости, снова стало тамъ людно и шумно. Слѣдуя старымъ традиціямъ, торжественно отпраздновалъ Алгасовъ Петровъ день—и всѣ съ удовольствіемъ откликнулись на его приглашеніе, не менѣе, чѣмъ и при Семенѣ Степановичѣ, съѣхалось къ нему гостей на обѣдъ.

Таково было начало деревенской его жизни—и Алгасовъ былъ доволенъ этимъ началомъ. Въ высшей степени радушно встрѣтило его уѣздное общество, всюду и у всѣхъ былъ

онъ желаннымъ гостемъ. Помимо личныхъ его качествъ—красоты, ума и оживленья—право на особенное вниманіе общества ему давала память о его отцѣ и его состояніе, а кромѣ того, Алгасовъ являлся въ уѣздной глуши представителемъ свѣта и столицы, и не трудно было ему занять мѣсто въ самыхъ первыхъ рядахъ сарайскаго общества, сдѣлаться однимъ изъ почетнѣйшихъ его членовъ.

Задавшись цѣлью возстановить въ Веденяпинѣ былую жизнь Семена Степановича, Алгасовъ прежде всего постарался собрать вокругъ себя общество, какъ оно собиралось когда-то вокругъ его отца. Но много перемѣнъ въ сарайскомъ обществѣ нашелъ Александръ Семеновичъ... Многихъ стариковъ, былыхъ знакомыхъ его отца, уже не стало, ихъ мѣсто заняли ихъ дѣти. Многіе помѣщики совсѣмъ исчезли, разставшись съ Сарайскимъ уѣздомъ. Дома, гдѣ Алгасовъ бывалъ еще мальчикомъ и юношей, теперь онъ увидѣлъ необитаемыми, съ заколоченными окнами и дверями, а въ другихъ и того хуже—разбогатѣвшіе мужики и купцы смѣнили въ нихъ недавнихъ вліятельныхъ и гордыхъ владѣльцевъ. Многіе, въ прежніе годы жившіе открыто и весело, теперь сжались, сократили свою жизнь и скромно доживали свой вѣкъ среди остатковъ былой барской обстановки. Отцы умерли, сыновья подѣлились—и мѣсто былыхъ тузовъ заняли скромные помѣщики, совершенно забывшіе барскіе пиры и охоты отцовъ и всецѣло поглощенные одной мыслью, какъ бы дополнить скудные свои доходы какимъ-нибудь жалкимъ земскимъ жалованьемъ. Въ обществѣ стали появляться, и въ качествѣ равноправныхъ и даже почетныхъ его членовъ, разночинцы и купцы, которые въ былыя времена за особую сочли бы для себя честь, если бы Семенъ Степановичъ или кто другой вродѣ него пригласилъ ихъ когда отвѣдать его кулебяки. Наконецъ, много появилось и совершенно постороннихъ коренному сарайскому обществу лицъ въ видѣ разныхъ служащихъ по всевозможнымъ вѣдомствамъ—и совсѣмъ уже иное общество нашелъ теперь Алгасовъ въ Сарайскомъ уѣздѣ.

Но Алгасовъ не смутился этимъ и продолжалъ энергично работать надъ возстановленіемъ широкаго и веселаго прошлаго. Стараясь собрать вокругъ себя разношерстное

уѣздное общество, онъ дѣятельно трудился и надъ приведеніемъ въ порядокъ своей усадьбы. Лакейскія и дѣвичьи наполнились прислугой, былъ нанятъ въ Москвѣ хорошій поваръ. Стали заводиться всевозможные запасы варенья, наливокъ и пр., и эта часть изо всѣхъ сразу же поставилась у него образцовымъ образомъ, ибо ею завѣдовала старая Татьяна Петровна, еще школы Ольги Александровны. Оранжереи и теплицы украсились новыми растеніями, на большую сумму выписанными изъ Москвы. На смѣну совершенно уже одряхлѣвшему Макарычу оттуда же приглашенъ былъ дорогой садовникъ. Алгасовъ разобралъ остатки коннаго завода, продалъ всѣхъ плохихъ лошадей, подкупилъ другихъ, досталъ новаго наѣздника, и снова такимъ образомъ удалось ему составить порядочный заводъ и подобрать великолѣпную четверню для своей коляски. Завелъ онъ и охоту, хотя на первый разъ и небольшую, но очень хорошую. Къ немногимъ уцѣлѣвшимъ собакамъ онъ добавилъ новыхъ, за которыхъ, не жалѣя, платилъ большія деньги. Правда, не легко было ему ладить съ наемными людьми, не особенно старательно относившимися къ чужому дѣлу, и каждая ихъ оплошность или небрежность страшно волновала и раздражала Алгасова, помнившаго почти еще крѣпостныя времена Семена Степановича. Многое дѣлалось не такъ, какъ желалъ бы Алгасовъ, не съ той быстротой и тщательностью, какія рисовались въ воображеніи приказывавшаго барина, многое и совсѣмъ не удавалось, и многія затѣи пришлось оставить, но въ общемъ дѣло все-таки шло кое-какъ и, наполненные этими хлопотами, разъѣздами и пріемами, дни Алгасова проходили незамѣтно и легко. Съ прежней страстью отдался онъ охотѣ, цѣлые дни проводя съ ружьемъ и собакой въ окружавшихъ Веденяпино болотахъ и рощахъ, за десятки верстъ уѣзжая въ поискахъ изобиловавшихъ дичью мѣстъ. Онъ сталъ входить въ хозяйство, невольно интересуясь имъ; наконецъ, онъ много читалъ и еще больше гулялъ. Онъ любилъ природу, и много наслажденья доставляли ему зеленыя рощи, обширныя поля, душистые теплые вечера и лунныя ночи. Мелочныя дневныя заботы, непріятности и волненія кончались, тихо и покойно становилось на душѣ у него, ничто не тревожило, ничего не

хотѣлось, какія-то розовыя мечты смѣняли одна другую и такъ отрадно было отдыхать, вполнѣ отдавшись одному чувству—чувству красоты вѣчно-спокойной и вѣчно юной природы...

Въ концѣ лѣта неожиданно навѣстили его московскіе друзья, Костыгинъ и Бачуринъ. Бачуринъ недолго пробылъ въ Веденяпинѣ, всего нѣсколько дней. Раза два сходили они всѣ трое на охоту, потомъ Бачуринъ поѣхалъ въ Блазны и, вернувшись оттуда, сейчасъ же сталъ собираться къ тестю, въ его имѣнье, гдѣ онъ оставилъ жену. Какъ ни уговаривалъ его Алгасовъ не спѣшить отъѣздомъ и пробыть въ Веденяпинѣ хоть недѣлю—Бачуринъ не могъ исполнить его просьбы: отпускъ его кончался, а ему надо еще было заѣхать за женой.

— Пока-то еще она соберется, пока что—я и такъ опоздаю, отговаривался онъ.

— Вотъ и вся выгода отъ службы, что даже временемъ нельзя располагать, замѣтилъ ему Алгасовъ, прощаясь съ нимъ.

— Что дѣлать, все на свѣтѣ имѣетъ свои неудобства, отвѣтилъ Бачуринъ.

Костыгинъ еще оставался въ Веденяпинѣ, но и онъ пробылъ тамъ недолго.

Наканунѣ его отъѣзда вдвоемъ съ Алгасовымъ сидѣли они на балконѣ, выходившемъ въ садъ. Имъ подали сюда самоваръ, и они пили чай, любуясь заходящимъ солнцемъ—какъ чудно золотило оно безконечныя равнины окрестныхъ полей и какъ хороши казались ярко-озаренные послѣдними его лучами далекіе села и лѣса.

Костыгинъ задумчиво глядѣлъ на садъ и на всю разстилавшуюся за садомъ даль, словно досыта хотѣлъ онъ наглядѣться на этотъ родной ему видъ.

— Какъ тутъ хорошо, обратился онъ наконецъ къ Алгасову. Какъ я радъ, что я увидѣлъ Веденяпино! Давно уже хотѣлось мнѣ побывать здѣсь...

— И что ты пріѣхалъ на такое короткое время? возразилъ ему Алгасовъ. Привезъ бы съ собой Лизавету Ивановну съ дочкой...

— Это было бы отлично, если бы я на цѣлое лѣто могъ пріѣхать. Но даже на мѣсяцъ, и того я не могу.

— Право, заглянули на минутку, раздразнили только... продолжалъ Алгасовъ. И ты вѣдь обѣщалъ до воскресенья остаться, а теперь хочешь завтра ѣхать!

— Да нельзя, Саша, во-первыхъ, и Почаевъ будетъ недоволенъ, а потомъ и жена... Она тамъ осталась одна съ груднымъ ребенкомъ! Да наконецъ, и самому хочется повидать ихъ...

— И хорошенькая у тебя дѣвочка?

— Прелесть!

— Любишь ты ее, Сережа?

— Кого? Лизку? Еще бы! Вѣдь два почти года ждалъ я ее!

— Много! Или боишься, что мало ихъ будетъ, этихъ Лизокъ?

— Да ужъ много ли, мало ли, а мы съ Лизой безъ конца дочкѣ рады.

— Странно какъ, Сережа: вмѣстѣ мы росли, помню я тебя и мальчикомъ, и гимназистомъ, и студентомъ, и вдругъ ты—отецъ семейства! Никакъ не могу себѣ представить тебя съ ребенкомъ на рукахъ!

— А не пора ли и самому о ребятишкахъ тебѣ подумать, Саша! заговорилъ вдругъ Костыгинъ. Тебѣ ужъ 27 лѣтъ, теперь ты устроился...

Алгасовъ посмотрѣлъ на него, но ничего ему не сказалъ на это.

— Разъ опредѣлилась и окончательно установилась жизнь, продолжалъ Костыгинъ, человѣкъ долженъ жениться, это и по твоей же теоріи такъ выходитъ. Или, можетъ-быть, тебѣ и здѣсь не хорошо, и эта жизнь не удовлетворила тебя?

— Какъ тебѣ сказать? не сразу началъ Алгасовъ, задумчиво глядя куда-то въ даль. Вѣдь всего еще четыре только мѣсяца, какъ я здѣсь... Ну какъ на твой взглядъ, такъ же ли все въ Веденяпинѣ, какъ было при отцѣ?

— При Семенѣ Степановичѣ было больше порядка, больше жизни...

— Вотъ именно—больше жизни! воскликнулъ Алгасовъ. Жизни какъ-будто и нѣтъ вокругъ меня, оттого-то не особенно и ладится все...

— Но чѣмъ ты недоволенъ, что у тебя не ладится?

— На это трудно отвѣтить. Положимъ, все это мелочи, но... Напр., вонъ видишь, куры въ саду, а я строго приказалъ, чтобы этого не было. Вотъ кусты сирени: они должны быть выведены въ штамбъ, а видишь, всѣ почти пустили уже вѣтки ниже кроны. Ихъ давно бы надо подчистить, и я не разъ уже говорилъ объ этомъ, а сдѣлать больше приказа, настоять, чтобы онъ былъ выполненъ, это мнѣ не дается. Вчера намъ заложили невычищенную лошадь... Ты видѣлъ, какіе артишоки подали сегодня за обѣдомъ...

— Ну, братъ, ты и захотѣлъ тоже, чтобы тебѣ ничего никогда не портили!

— Нѣтъ, я хочу только, чтобы за мои деньги выводились настоящіе артишоки. Потомъ гляди: видишь этотъ цвѣтникъ передъ залой? Не правда ли, никуда не годится? А какое хорошенькое мѣстечко должно бы это быть, эта часть сада! Но что-то помѣшало мнѣ тогда присмотрѣть за работами и садовникъ перепуталъ всѣ мои приказанія и планы, клумбы подобралъ не по моему, дорожки проложилъ зря, кусты и деревья не такъ разсадилъ, и просто весь садъ опротивѣлъ мнѣ изъ-за этого цвѣтника! И главное—смѣетъ еще увѣрять, что онъ сдѣлалъ то самое, что я приказывалъ!..

— Ну ты слишкомъ уже строгъ: цвѣтникъ этотъ вовсе не такъ дуренъ, и мнѣ онъ очень даже нравится. А потомъ, если даже и такъ, осенью возьми, да и пересади всѣ кусты!

— Чтобы опять все перепутали? Нѣтъ, мнѣ ужъ это надоѣло, пусть остается, какъ есть.

— Что же, увѣряю тебя, онъ и такъ не дуренъ, ты же почти не бываешь въ саду...

— Это все равно, садъ все-таки долженъ быть въ порядкѣ и разбитъ по моимъ, а не чужимъ планамъ...

— По моему, лишь бы хорошо былъ разбитъ. Но вообще, если ты будешь обращать вниманіе на подобные пустяки...

— Сережа, да въ этихъ вѣдь пустякахъ вся жизнь! Но ихъ или не замѣчаешь, или же стараешься ихъ устранить. А вотъ, если раздражаешься только ими, волнуешься, видя ихъ, и ничего не умѣешь сдѣлать для ихъ устра-

нения—это плохой признакъ... Онъ показываетъ, какъ мало у меня связи съ моимъ домомъ и какъ мало искренней любви къ нему.

— Развѣ это... Но оставимъ мелочи. Онѣ всегда и вездѣ будутъ, и покрупнѣе даже тѣхъ, на которыя ты указываешь. Доволенъ ли ты самой жизнью? Вѣдь есть же въ ней что-нибудь поважнѣе плохихъ артишокъ или не на мѣстѣ посаженныхъ кустовъ?

— Да, ну это еще болѣе сложный вопросъ. Погоди, дай мнѣ хорошенько сначала осмотрѣться...

— Я вижу, Саша, что, какъ я говорилъ, ты и здѣсь ничего не получишь и не удовлетворишься одной только этой жизнью въ деревнѣ.

— Этого я не скажу. Въ концѣ концовъ мнѣ все-таки живется здѣсь недурно, а въ будущемъ я надѣюсь и на еще лучшее...

— Т. е., на что же?

— На то, что со временемъ Веденяпино оправдаетъ мои ожиданія и дастъ мнѣ то, чего я ищу—настоящую и полную жизнь.

— Я не хотѣлъ бы разочаровывать тебя, но я знаю, что это не такъ-то легко... По моему, если бы въ веденяпинской жизни была эта полнота—она бы сразу сказалась.

— Ты забываешь, что я ожидалъ этой полноты не отъ одного лишь переѣзда изъ Москвы въ Веденяпино, но отъ полнаго возстановленія жизни моего отца.

— Да, но то была жизнь исключительная...

— Этого я не вижу... Ея главная основа—любовь къ дому и заботы о домѣ, понимая домъ въ обширномъ смыслѣ, кому это не доступно?

— Видишь ли, это было бы слишкомъ уже простое рѣшеніе вопроса очень важнаго и сложнаго...

— Мнѣ кажется, всякое простое рѣшеніе есть въ то же время и наилучшее.

— Оно такъ, но я не въ томъ смыслѣ назвалъ это рѣшеніе простымъ; оно просто, потому что въ немъ нѣтъ ничего обновляющаго жизнь, а скорѣе это возвращеніе къ старому, да и въ старомъ-то—все-таки повторю—къ исключительному.

— Но, Сережа, гдѣ же искать тогда жизни? горячо заговорилъ Алгасовъ. Неужели же въ одной только службѣ? И ты не такъ это говоришь, не исключительна моя жизнь, нѣтъ, и напротивъ, нѣтъ иной болѣе общей жизни. Дѣйствительно, какъ будто не охватываетъ она всей свободной отъ призванія и долга жизни, но вѣдь и цѣль моя не въ томъ, чтобы создать одну и неизмѣнную для всѣхъ и каждаго жизнь, а въ томъ, чтобы найти фундаментъ, такъ сказать, жизни, всѣмъ указать исходъ и доступъ къ настоящей и цѣльной жизни. Разъ будетъ эта жизнь, всѣмъ открытая и доступная—она никому и ничему не помѣшаетъ и никого не возьметъ себѣ насильно. Она для каждаго будетъ прибѣжищемъ, когда все иное его обманетъ, и какъ легко должно житься, когда знаешь, что есть подобное прибѣжище! Въ жизни оно будетъ поддерживать всѣхъ, кто нуждается въ этой поддержкѣ, т. е. у кого нѣтъ генія или таланта, ясно указывающаго ему его дѣло, его мѣсто и жизнь. Люди геніальные всегда будутъ нравственно счастливы однимъ уже сознаніемъ, что они слѣдуютъ своему призванію и что работа ихъ необходима для человѣчества, и этого счастья ничто не отниметъ у нихъ, никакія невзгоды и треволненія. Но мы, люди толпы, мы другое дѣло. У насъ нѣтъ этого счастья и мы должны позаботиться о защитѣ противъ житейскихъ треволненій. У меня нѣтъ генія, который одинъ только и даетъ всепоглощающее дѣло; жизнь не даетъ мнѣ никакого дѣла, а если и даетъ, то такое маленькое, которое не можетъ наполнить моей жизни и необходимо требуетъ себѣ дополненій. А между тѣмъ жизнь мнѣ дана, и мнѣ надо ею пользоваться, ибо, если я не воспользуюсь ею—на что же она дана мнѣ? Ну тамъ, что какіе-нибудь голодные нищіе не пользуются ею—это я понимаю, но я понимаю также, *что именно* не даетъ имъ пользоваться жизнью. Но вотъ когда нѣтъ никакихъ такихъ причинъ, когда ничто, повидимому, не мѣшаетъ ею пользоваться и все-таки не пользуешься ею и чувствуешь, что не можешь даже ею воспользоваться—это еще ужаснѣе, Сережа. Тамъ есть хоть ничтожная надежда, а тутъ никакой и ни для кого. Разъ нѣтъ у меня дѣла, которому я могъ бы отдать себя и въ немъ найти счастье—я самъ хочу жить и ищу своей лич-

ной жизни. Одни удовольствія оказались несостоятельными—я ищу другой жизни, въ которой было бы что-нибудь еще, кромѣ удовольствій, была бы *привязанность и творчество...*

— Саша, повѣрь, ничего нѣтъ въ деревенской жизни такого, что давало бы ей право на подобныя ожиданія. Ты увлекаешься...

— Я вѣрю въ ея основу. Если самъ потерплю я неудачу—это будетъ частный лишь случай. Я одинъ—я ничего не значу, мое личное счастье, оно для меня только важно. Лишь бы выяснилось, что она дѣйствительно можетъ дать все то, чего я жду отъ нея... Вотъ моя цѣль...

Онъ замолчалъ. Самоваръ, давно уже холодный, все еще былъ на столѣ. Солнце уже зашло и вся разстилавшаяся передъ ними даль потонула въ полумракѣ наступавшей ночи. Кругомъ царила ничѣмъ не возмущаемая деревенская ночная тишина, и особенно рѣзко раздавались среди нея молодые голоса обоихъ друзей.

Костыгинъ подошелъ къ периламъ и сталъ глядѣть на усѣянное звѣздами темное небо, задумчиво слѣдя за безпрестанно падавшими звѣздочками. Алгасовъ взялъ было недопитый стаканъ, но замѣтивъ, что чай безнадежно уже простылъ, поставилъ его и молча заходилъ по балкону.

На минутку встревоженная свиданіемъ съ друзьями, жизнь его снова пошла тихо и мирно, немного даже однообразно, безъ особыхъ волненій и безъ особыхъ радостей. Въ обществѣ у него не было друзей, ни даже особенно близкихъ знакомыхъ, но не было зато и враговъ, со всѣми былъ онъ одинаково хорошъ и со всѣми видался съ одинаковымъ удовольствіемъ, понемногу все болѣе и болѣе знакомясь съ жизнью и интересами уѣзднаго общества. Всецѣло поглощенный мыслью о той цѣли, ради которой и переѣхалъ онъ въ Веденяпино, жилъ тамъ Алгасовъ, стараясь жить какъ можно шире и веселѣе, всей душой наслаждаясь деревенской тишиной, просторомъ и природой.

Наступила осень съ безконечными своими дождями и длинными вечерами. Алгасовъ нѣсколько побаивался этого времени, но даже и мрачные октябрь и ноябрь прошли мно-

го лучше и скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Вой вѣтра и волковъ, которымъ такъ его пугали въ Москвѣ, оказался не такимъ уже страшнымъ, а слякоть и дожди не мѣшали все-таки видаться съ сосѣдями; страстный охотникъ, цѣлыя недѣли проводилъ онъ въ отъѣзжихъ поляхъ; еще новичокъ въ хозяйствѣ, онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за выясненіемъ окончательныхъ результатовъ хозяйственнаго года—и незамѣтно прошла такимъ образомъ осень, и не успѣлъ еще Алгасовъ наглядѣться на нее, не успѣлъ докончить всего, что предполагалъ сдѣлать въ эти издалека такими безконечными казавшіеся мѣсяцы, какъ первый снѣгъ возвѣстилъ уже наступленье зимы.

Осенью же на земскомъ собраніи Алгасовъ былъ выбранъ въ почетные мировые судьи. Въ первую минуту очень польстило это ему, тѣмъ болѣе, что выбрали его почти единогласно, но когда стали его поздравлять—невольно вспомнилось ему, что завѣтной мечтой всей жизни его отца было предводительство, и такъ и не дожилъ до ея осуществленья Семенъ Степановичъ, какъ ни добивался онъ этого, какъ ни хлопоталъ и какъ ни старался. А теперь самъ Полянскій, дослуживавшій послѣднее, какъ онъ говорилъ, трехлѣтье, открыто называлъ его, Алгасова, своимъ преемникомъ—и пересталъ его радовать этотъ успѣхъ, доставшійся ему безъ борьбы, безъ заслугъ и безъ всякихъ усилій съ его стороны. Въ первый разъ засѣдая на съѣздѣ, Алгасовъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что даже безплодное и безуспѣшное исканіе отцомъ его предводительства—и оно интереснѣе такого слишкомъ уже легкаго успѣха...

Наступила зима, которой съ нетерпѣніемъ ждалъ Алгасовъ: давно уже не видалъ онъ деревенской зимы. Вновь смѣнила ее весна, и кончилась, кончилось и лѣто, и новая осень спустилась на землю.

XLI.

Была уже половина сентября, но все еще стояли ясные и теплые дни, столь дорогіе въ эту пору года: все вокругъ говоритъ, что это послѣднее уже тепло, послѣдняя про-

щальная улыбка умирающаго лѣта—и немногіе эти хорошіе дни угрюмаго сентября, они дороже и милѣе намъ и роскошнаго даже, полнаго блеска и зноя іюля. Жадно спѣшишь насладиться тихой ихъ прелестью и наглядѣться на послѣднюю зелень и послѣдніе цвѣты, и какъ жаль тутъ каждаго кончающагося дня, каждаго уходящаго часа, какъ пугаетъ каждая тучка, появляющаяся на ясной лазури...

Въ одинъ изъ такихъ дней, вечеромъ, когда солнце склонялось уже къ горизонту и дневной свѣтъ начиналъ уступать свое мѣсто вечернимъ сумеркамъ, Алгасовъ стоялъ на балконѣ съ биноклемъ въ рукахъ и съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на дорогу. Онъ ждалъ въ этотъ вечеръ Бачурина и Вёдрова: Вёдрову нужно было побывать въ Панковѣ, гдѣ кончался срокъ аренднаго контракта, и, пользуясь этимъ, Бачуринъ тоже съ нимъ собрался навѣстить своего деревенскаго друга.

Наконецъ вдали за селомъ показалась коляска. Алгасовъ поспѣшно навелъ на нее бинокль, но скоро же радость его смѣнилась тревогой; еще пристальнѣе сталъ онъ глядѣть на приближавшуюся коляску и долго не опускалъ бинокля—но коляска подъѣзжала уже къ селу и ясно было видно, что возвращается она пустая.

Алгасовъ положилъ бинокль на перила и продолжалъ стоять, грустнымъ взоромъ обводя и сжатыя нивы, и яркія, веселыя озими. Такъ прошло нѣсколько минутъ и, еще разъ взглянувъ на коляску, со вздохомъ пошелъ онъ въ комнаты. Вмѣсто радостнаго свиданія съ друзьями, вмѣсто веселыхъ разговоровъ и интересныхъ новостей, ему предстоялъ одинокій и скучный вечеръ—и страшная тоска вдругъ напала на Алгасова. Много подобныхъ же одинокихъ вечеровъ провелъ уже онъ въ Веденяпинѣ, но до сихъ поръ не замѣчалъ ихъ и не обращалъ на нихъ вниманія и въ первый еще разъ испугался онъ деревенской тишины и подумалъ о ней.

Взадъ и впередъ сталъ онъ ходить по залѣ, думая, что бы могло задержать всегда аккуратнаго Вёдрова. Наконецъ, кое-какъ убѣдивъ себя, что невозможно же заранѣе съ точностью опредѣлить день отъѣзда, что Вёдровъ и Бачуринъ легко могли опоздать на день, и что завтра же онъ ихъ

навѣрное увидитъ, Алгасовъ успокоился немного и, напившись чая, отправился гулять.

Вернулся онъ усталый и голодный. Чтобы сократить скучный вечеръ, тотчасъ же послѣ ужина легъ онъ спать, а чтобы поскорѣе усыпить себя—взялъ газеты и сталъ читать восторженныя статьи о подвигахъ и мученіяхъ братьевъ-славянъ. Средство это не разъ уже было имъ испытано, и дѣйствительно, не успѣлъ онъ прочесть и одного номера, какъ на живописномъ описаніи бѣдствій братьевъ и мученій, претерпѣваемыхъ ими отъ безчеловѣчныхъ турокъ, глаза его стали слипаться и онъ крѣпко заснулъ.

Но вечеромъ слѣдующаго дня не ждалъ уже Алгасовъ на балконѣ возвращенія коляски: еще передъ обѣдомъ принесли ему съ почты газеты и письма и между ними одно отъ Бачурина, въ которомъ Константинъ Платоновичъ извѣщалъ своего друга, что поѣздка ихъ разстроилась. Арендаторъ Панкова самъ явился къ Вёдрову и предложилъ ему прибавку къ арендной платѣ, вполнѣ удовлетворившую Павла Ивановича, и этотъ послѣдній нашелъ возможнымъ возобновить контрактъ въ Москвѣ, не ѣздя въ Панково, тѣмъ болѣе, что самъ же Алгасовъ хвалилъ ему этого арендатора, какъ дѣльнаго и добросовѣстнаго хозяина, не истощавшаго имѣнія. Про себя же Бачуринъ писалъ, что во всякомъ случаѣ не могъ бы онъ сопутствовать Вёдрову, ибо Анна Сергѣевна все еще не оправилась отъ родовъ и почти не вставала съ постели, и въ концѣ письма, выражая сожалѣніе, что не удалось имъ увидѣться, настойчиво звалъ Алгасова на зиму въ Москву.

И грустно, и досадно, и невыразимо скучно стало Алгасову, когда онъ прочелъ это письмо. Онъ вышелъ изъ дома и пошелъ на гумно.

Молотьба была въ полномъ разгарѣ. Алгасовъ любилъ смотрѣть на кипучую эту дѣятельность и часто, въ хорошую погоду, по нѣскольку часовъ просиживалъ онъ въ молотильномъ сараѣ, передъ оживленной картиной неустаннаго людского труда. Особенно осенью, въ ясные осенніе дни, любилъ онъ ходить на молотьбу: онъ усаживался на мягкіе снопы и, машинально слѣдя за работами и время отъ времени отдавая кое какія приказанія, глядѣлъ онъ въ

отворенныя широкія ворота на разстилавшееся за ними гумно и виднѣвшійся вдали клочокъ зарѣчной части Веденяпина. Онъ глядѣлъ на бронзовыя метелки конятника, на желтыя кисти дикой рябины, на сѣрую полынь—на всѣхъ этихъ неизмѣнныхъ друзей нашихъ гуменъ, уныло возвышавшихся надъ поблеклой травой и вмѣстѣ съ нею ярко освѣщенныхъ уже ненужнымъ имъ солнцемъ—и, куда-то въ неопредѣленную даль увлекая смутныя его думы, всецѣло всегда завладѣвалъ его душой печальный этотъ видъ умирающей природы, столь не похожій ни на шумный, полный работающаго люда сарай, ни на радостный, почти лѣтній день...

Но на этотъ разъ не успокоилъ его этотъ видъ, напротивъ, еще усилилъ онъ тоскливое его настроеніе. Алгасовъ подошелъ къ сараю какъ разъ въ минуту отдыха, и громкій говоръ и хохотъ работавшихъ бабъ и дѣвокъ встрѣтилъ Алгасова. Алгасовъ тотчасъ же повернулъ назадъ, пошелъ домой и сѣлъ обѣдать, но ѣсть ему не хотѣлось и, не дождавшись даже пирожнаго, всталъ онъ изъ-за стола и вышелъ въ залу. Задумчиво нѣсколько разъ прошелся онъ по пустымъ и тихимъ своимъ комнатамъ, потомъ снова вернулся въ залу, сѣлъ на подоконникъ и сталъ глядѣть на работавшихъ въ саду людей. Больше и дѣлать было ему нечего: ни силъ, ни охоты не было у него за что-нибудь взяться.

Стемнѣло. Ему доложили, что поданъ самоваръ, и Алгасовъ пошелъ въ столовую. По дорогѣ онъ остановился передъ старымъ роялемъ, на которомъ играла еще Вѣра Григорьевна. Онъ поднялъ крышку и взялъ было нѣсколько аккордовъ, но такъ уныло раздались эти звуки въ пустой залѣ и такъ непріятно рѣзко зазвучали въ тишинѣ и мракѣ, что еще больше тоски нагнали они на него и онъ поспѣшилъ закрыть скорѣе рояль.

Весело кипѣлъ самоваръ въ ярко освѣщенной, еще болѣе веселой среди непрогляднаго, окружавшаго ее, мрака сентябрьской ночи столовой. Алгасовъ сѣлъ къ столу, на которомъ нетронутыми лежали полученныя передъ обѣдомъ газеты и письма: всего одно только письмо и прочелъ онъ тогда и оно тоже лежало здѣсь вмѣстѣ съ другими.

Алгасовъ перечелъ его и, вздохнувъ, отложилъ въ сторону. Размѣшивая поданный ему стаканъ горячаго чая, равнодушно сталъ онъ пробѣгать остальныя письма, но интереснаго было въ нихъ мало. Счетъ изъ магазина на высланныя книги, письмо отъ одного московскаго пріятеля о разныхъ мелкихъ свѣтскихъ новостяхъ, еще одно, чисто дѣловое—вотъ и все. Наскоро пробѣжавъ эти письма, Алгасовъ взялся было за газеты, но тутъ славяне, болгары, сербы, Ристичъ, Христичъ, Миланъ и т. п. чепуха такъ запестрѣли у него въ глазахъ, что, почти не читая, бросилъ онъ оба номера, поспѣшно допилъ чай и вернулся въ неосвѣщенныя парадныя комнаты.

Тоскливо было ему. Долго ходилъ онъ по залѣ, потомъ вышелъ на балконъ, сѣлъ на перила и задумался, глядя на яркія осеннія звѣзды.

Невеселыя и нелегкія были это думы. Съ грустью почувствовалъ онъ полнѣйшее свое одиночество. Одинокій, никому не нужный, для чего живетъ онъ на землѣ? Ни счастья, ни радостей не знаетъ онъ. Нѣтъ возлѣ него близкаго человѣка, нѣтъ у него ничего дорогого на землѣ и даже ни къ чему нѣтъ привязанности. Его друзья и родные—у каждаго изъ нихъ своя жизнь, своя семья и свое дѣло. И братья, и сестры, несомнѣнно, всѣ они любятъ его, и какъ ясно въ то же время чувствуется, что въ сущности совершенно чужой онъ имъ человѣкъ! Умри онъ—и хоть въ чемъ-нибудь измѣнится ли ихъ жизнь, почувствуютъ ли они хоть какую-нибудь утрату? Впрочемъ, въ этомъ есть и своя хорошая сторона...

И понемногу незамѣтно перешли его думы на его деревенскую жизнь. До сихъ поръ онъ избѣгалъ о ней думать, безсознательно боясь этихъ думъ, да къ тому же такъ много было у него всевозможныхъ мелочныхъ заботъ и развлеченій, что и некогда было думать о ней, и наконецъ, такъ ровно и покойно текла она, что ничто и не вызывало никакихъ думъ.

Разстроенный въ этотъ вечеръ несбывшимся ожиданіемъ, впервые задумался онъ о своей жизни. Онъ жилъ ею, безъ помѣхи пользуясь ея радостями, и все-таки чувствовалъ

себя не только вполнѣ одинокимъ, но главное, совершенно свободнымъ отъ всякой къ чему бы то ни было привязанности. Того ли ожидалъ онъ отъ деревенской жизни? Что говорить, разумѣется, грустно, что не удалось увидаться съ друзьями, но въ сущности, не такое уже это особенное горе, чтобы стоило о немъ такъ сокрушаться. Во-первыхъ, если ему такъ ужъ очень хочется ихъ повидать—ничто не мѣшаетъ самому съѣздить ему на недѣльку-другую въ Москву, а главное — Бачуринъ и Вёдровъ, это не Костыгинъ, и кромѣ простого развлеченія, ничего не сулилъ Алгасову ихъ пріѣздъ. И вотъ въ цѣлой его жизни не нашлось ничего, что могло бы ему замѣнить это развлеченіе и заставить забыть досадную непріятность. Да и въ самомъ дѣлѣ, что можетъ предложить ему его жизнь такого, что согласился бы онъ взять взамѣнъ пріѣзда Бачурина и Вёдрова? Но неужели же дѣйствительно до того чуждъ онъ своей жизни, чтобы такъ дорожить всякими внѣшними, не изъ нея самой истекающими развлеченіями и не находить въ ней защиты противъ внѣшнихъ же непріятностей, не особенно даже и крупныхъ? Неужели до того безсодержательна и мелка она, что всю ее можетъ всколыхнуть любой же ничтожный толчокъ?

На этомъ вопросѣ Алгасовъ какъ бы очнулся. Онъ понялъ, какъ далеко зашелъ онъ, но было уже поздно. Въ страхѣ за покойную и тихую свою жизнь, сталъ онъ гнать отъ себя эти думы, но прогнать ихъ было уже невозможно. Вопросъ, что связываетъ его съ его жизнью, дѣйствительно ли можетъ она дать ему все то, чего онъ ожидалъ отъ нея—счастья и настоящей полной жизни, этотъ вопросъ явился Алгасову и настоятельно потребовалъ немедленнаго разрѣшенія.

А между тѣмъ взошла луна и чудно хороша стала свѣтлая ночь, вся упоенная рѣзкимъ запахомъ доцвѣтающихъ левкоевъ— послѣдимъ остаткомъ недавно еще такого роскошнаго цвѣтника. Свѣжій воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, было тихо, ни откуда ни звука — все смолкло уже въ природѣ въ виду близкой зимы...

Поздно легъ Алгасовъ спать, но, не смотря и на это, долго все-таки не могъ онъ заснуть. Не сталъ онъ читать

и статей о славянахъ: онъ зналъ, что это уже не поможетъ теперь...

Съ тѣми же думами проснулся онъ утромъ и снова не могъ ихъ прогнать и осилить. Чтобы хоть нѣсколько забыть ихъ и развлечься чѣмъ-нибудь, онъ отправился въ садъ и по хозяйству, но и тутъ все только злило его: яблони были плохо по его мнѣнію окопаны, нѣкоторыя камеліи стали сваливать бутоны, мышь подгрызла только что взошедшій cocos Weddeliana, картофель не весь еще былъ перепаханъ, въ лѣсу опять случилась порубка, кучеръ забылъ или, какъ онъ оправдывался, не успѣлъ проѣхать жеребца *Голубя* и чтобы не раздражаться уже по крайней мѣрѣ подобными пустяками, Алгасовъ поспѣшилъ вернуться домой.

Но какъ онъ обрадовался, когда во время завтрака послышался колокольчикъ и къ крыльцу подъѣхалъ тарантасъ! —„Вотъ", подумалъ Алгасовъ, „теперь все пройдетъ".

Вошелъ одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, Митрофанъ Ивановичъ Щепотевъ. Оказалось, что Митрофанъ Ивановичъ пробирается въ городъ на 17-е сентября и заѣхалъ узнать, не поѣдетъ ли съ нимъ и Алгасовъ? Алгасовъ тоже собирался туда и ѣхать согласились вмѣстѣ. Покончивъ съ этимъ, заговорили о хозяйствѣ. Алгасовъ жаловался на озими, а Щепотевъ хвалилъ свои и освѣдомился объ умолотѣ. Умолотъ у него тоже оказался лучше, чѣмъ у Алгасова. Еще поговорили о низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, которыя врядъ ли поднимутся, и о томъ, какъ трудно ладить съ нынѣшнимъ народомъ: бабы, еще два года тому назадъ нанявшіяся къ Щепотеву на жнитво и тогда же сполна получившія всѣ деньги, не вышли вовремя на работы, а явились, когда и жать было уже не къ чему: хлѣбъ весь осыпался.

— А почемъ вы ихъ нанимали? полюбопытствовалъ Алгасовъ.

— Затѣмъ и нанимаю заблаговременно, чтобы дешевле было, отвѣтилъ Щепотевъ. Да это все равно: нанялась, получила деньги—должна выходить. Вѣдь не за воротъ тащили ее наниматься... А что съ ними подѣлаешь? Къ мировому, что ли, пойдешь? Такъ хороши у насъ мировые! Слыхали вы о Ранскомъ, какъ онъ отличился?

— Нѣтъ.

— Постойте, я вамъ разскажу. Это прекурьезная вещь!

И, весь обернувшись къ Алгасову, Щепотевъ подробно сталъ ему разсказывать про новый подвигъ Ранского, добрѣйшаго, но весьма недалекаго старика, понятія не имѣвшаго ни о законахъ, ни о дѣлахъ, но тѣмъ не менѣе съ успѣхомъ всегда проходившаго на выборахъ. Его послѣдняя оплошность была новостью дня и Щепотевъ везъ ее въ городъ, на потѣху любившему посмѣяться надъ Ранскимъ уѣздному обществу, едва ли не для этого только и выбиравшему его въ судьи. Дѣло было въ томъ, что, руководствуясь 119 ст., по одному гражданскому дѣлу Ранской не только отказалъ въ искѣ, но, признавъ дѣйствія истца мошенническими, самого же приговорилъ его въ тюрьму. Когда же ему потомъ замѣтили, что дѣло гражданское, а статью онъ привелъ изъ Устава Уголовнаго Судопроизводства, то Ранской, ни мало не смущаясь, приписалъ между строкъ и соотвѣтствовавшія по его мнѣнію статьи законовъ гражданскихъ.

— Нѣтъ, вы поймите, надвигаясь на Алгасова, настаивалъ Щепотевъ, и снова сталъ разсказывать: Рублевъ по нотаріальному условію ищетъ съ нихъ неустойку, а Ранской по внутреннему убѣжденію объявилъ его мошенникомъ, да и въ тюрьму его... Да на три мѣсяца его туда закаталъ! Какъ вамъ это понравится?

— Молодецъ Ранской! съ улыбкой воскликнулъ Алгасовъ.

— Нѣтъ, какъ вамъ это понравится? повторилъ Щепотевъ.

— Да что же, вѣдь по совѣсти дѣло рѣшено правильно: Рублевъ извѣстный мошенникъ, это давно всѣ знаютъ, да и самое дѣло съ этой неустойкой я знаю хорошо, дѣйствительно, возмутительное дѣло...

— Онъ мошенникъ, это вѣрно, да позвольте, нельзя же такъ разсуждать! Вѣдь у него же условіе, вѣдь послѣ этого по внутреннему убѣжденію Ранской любого изъ насъ можетъ объявить мошенникомъ! Вѣдь народъ слышитъ эти рѣшенія и, какъ вы думаете, хорошо это дѣйствуетъ на него?

— Послушайте, Митрофанъ Ивановичъ, обратился къ нему Алгасовъ, вѣдь вы, кажется, гласный?

— Да!

— Ну такъ зачѣмъ же вы его выбирали?

— Я его не выбиралъ. Я ему налѣво положилъ.

— Съ кѣмъ ни поговоришь—всѣ ему налѣво положили, а прошелъ онъ одними почти бѣлыми!

— Это не мы! А разумѣется, если къ намъ мужичья этого напустили, развѣ они могутъ выбрать настоящаго человѣка?

Алгасовъ улыбнулся. Онъ зналъ, что Щепотевъ давно уже, хотя и безплодно, мечтаетъ о судейскомъ жалованьи.

— Вы мнѣ лучше вотъ что скажите, началъ Алгасовъ, чтобы перемѣнить разговоръ, неужели же и въ самомъ дѣлѣ придется намъ отдавать рожь за четыре рубля?

— А что же мудренаго? Нѣтъ настоящихъ цѣнъ, что вы хотите? Война мѣшаетъ!

— Намъ-то что до войны? Не мы вѣдь воюемъ!

— Не мы-то, не мы, а какъ хотите, все-таки нельзя же, вѣдь свои, братья... А молодцы сербы! вдругъ, оживившись, началъ Щепотевъ. Читали вы про Черняева, какъ онъ турокъ обработалъ? Обратили вы вниманіе на атаку...

— Митрофанъ Ивановичъ, пощадите! воскликнулъ Алгасовъ. Стану я про сербскія атаки читать? Что у меня, 48 часовъ въ суткахъ, что ли?

— Но какъ же, однако, вѣдь согласитесь, не можемъ же мы не сочувствовать нашимъ братьямъ?.. Вѣдь они же дерутся за свободу, за свою жизнь!

— И на здоровье, да мнѣ-то какое до этого дѣло?

— Что они вытерпѣли, вѣдь это просто ужасъ! Вотъ недавно проѣзжали здѣсь болгары, были они у васъ?

— Были.

— Такъ они разсказывали, что съ ними турки дѣлали... Повѣрите ли, мы всѣ плакали, я, жена, теща, дѣти! Какъ ихъ истязали, какъ ихъ раззоряли... Пятишницу имъ далъ, надо же имъ помочь. Вы сколько дали?

— Велѣлъ въ шею выгнать, довольно съ нихъ и этого.

— Ну какъ это такъ... Нѣтъ, я не знаю... Нѣтъ, если бы вы ихъ послушали, вы бы иначе заговорили! Что же съ ними будетъ? Турки ихъ на колъ сажаютъ, мы ихъ гонять будемъ...

— А это уже дѣло не мое... Видно ихъ на колъ не посадили, если они здѣсь попрошайничаютъ! А всегда скажу: напрасно это турки забыли ихъ на колъ посадить!

— Вѣдь поймите, у нихъ вся надежда только на насъ!

— И они были въ большой на меня претензіи и все время ругались, ссылаясь на другихъ хорошихъ господъ, которые по десяти даже рублей имъ давали.

— Да и нельзя не дать. Если бы вы ихъ послушали...

— Чего мнѣ ихъ слушать? У меня есть газеты, за нихъ деньги уже заплачены, а тамъ все въ подробности докладывается, кому башку раскроили, кого на колъ посадили, кого изнасиловали. Если вѣрить газетамъ, турки давно уже перерѣзали вдвое больше болгаръ, чѣмъ ихъ по географіи и на свѣтѣ существуетъ.

— Ну съ вами не сговоришь, рѣшилъ Щепотевъ.

Алгасову стало съ нимъ до невозможности скучно. Все это онъ давно уже слышалъ, и не разъ—и про необычайные сосѣдскіе урожаи, и про бабъ, уклонявшихся отъ жнитва, и про Ранского, путавшаго уголовные законы съ гражданскими, и про братьевъ-славянъ съ атаками Черняева, и все страшно ему надоѣло. И еще тоскливѣе стало ему, когда онъ подумалъ, что, вмѣсто Щепотева, у него могли бы теперь сидѣть его московскіе друзья, и какъ хорошо было бы съ ними, сколько интересныхъ новостей узналъ бы онъ... А Щепотевъ продолжалъ говорить, съ болгаръ снова перейдя на хозяйство и подробно разсказывая, какъ и почему вздумалось ему посѣять четыре десятины льна, что изъ этого вышло и какъ это выгодно.

— Мнѣ-то что до этого? думалъ Алгасовъ, поневолѣ выслушивая исторію четырехъ десятинъ льна, а Щепотевъ кончилъ уже обо льнѣ и восхвалялъ свою дивную кобылу *Ночь*.

Но какъ ни наскучилъ ему Щепотевъ, послѣ обѣда Алгасовъ все-таки поѣхалъ съ нимъ въ Сараи: быть одному казалось ему еще страшнѣе.

Много народа съѣхалось поздравить сарайскихъ именинницъ; утромъ всѣ отдали должную честь безподобнымъ пирогамъ Надежды Григорьевны Шабаевой, еще не старой и довольно богатой вдовы-помѣщицы, безвыѣздно жившей въ Сараяхъ, а вечеромъ собрались къ мировому судьѣ Ар-

дальону Павловичу Засѣкину, имѣвшему счастье обладать 40-лѣтней, но довольно еще свѣжей супругой Софьей Николаевной, тремя дочерьми-невѣстами, Вѣрой, Надеждой и Любовью, и крайне разстроеннымъ состояніемъ, которое онъ и спускалъ понемногу, вѣроятно, въ тѣхъ соображеніяхъ, что все равно не стоило уже его сохранять. Обѣдали у старушки Софьи Васильевны Кривцовой, а въ промежутки забѣгали къ другимъ именинницамъ, менѣе значительнымъ.

Вмѣстѣ съ другими и Алгасовъ завтракалъ у Шабаевой, обѣдалъ у Кривцовой и затѣмъ отправился къ Засѣкинымъ. И тамъ, и здѣсь вдоволь наслушался онъ все тѣхъ же разговоровъ о хозяйствѣ, о славянахъ, о лошадяхъ, о Ранскомъ, о близкомъ земскомъ собраніи, о Черняевѣ съ его молодецкой атакой, о предстоящихъ выборахъ, и вдобавокъ у Шабаевой въ подробности узналъ о томъ, что, не нынче—завтра непремѣнно продадутъ съ молотка послѣднее имѣнье Засѣкина, что недавно еще за ужасные проценты снова долженъ былъ онъ занять у мѣстнаго милліонера, 1-й гильдіи купца Конокрадова, тысячу рублей, и всему виной эта мотовка Софья Николаевна, которая, не смотря на свои 50 лѣтъ, все еще продолжаетъ танцовать и наряжаться, дочерей тоже пріучаетъ къ мотовству и всячески ухитряется выдать ихъ замужъ, но все неудачно, хотя старшей, Вѣрѣ, давно бы ужъ пора, ибо ей не 19 лѣтъ, какъ они говорятъ, а и цѣлыхъ, пожалуй, 25... За ними обѣщаютъ по двадцати тысячъ, но это вздоръ, ничего не дадутъ, да и давать-то нечего. Зато у Засѣкиныхъ Алгасовъ услышалъ интересныя новости о самой Шабаевой, которая только и дѣлаетъ, что собираетъ всѣ городскія сплетни, трясется надъ каждой копѣйкой, живетъ и одѣвается до невозможности грязно и бѣдно и вдобавокъ безъ стыда гоняется за докторомъ Прахинымъ, воображая, что она все еще молода и можетъ нравиться... Это съ ея-то носомъ!..

— Что мнѣ до этого? на каждомъ шагу думалъ Алгасовъ, прислушиваясь къ подобнымъ разговорамъ. Кругомъ его говорили, ѣли, пили, играли въ карты, танцовали. Самъ онъ тоже и говорилъ, и игралъ въ карты, и танцовалъ, и ухаживалъ за барышнями, всячески стараясь развеселиться, но это не удавалось ему и все лишь яснѣе съ каждой мину-

той сознавалъ онъ, до какой онъ степени чуждъ и этому обществу, среди котораго онъ живетъ, и всѣмъ интересамъ, волнующимъ это общество.

И словно чтобы еще болѣе увѣрить его въ этомъ, на другой и на третій день то и дѣло заѣзжали къ нему разъѣзжавшіеся изъ города помѣщики, и снова въ пятый разъ услышалъ онъ тѣ же самые разговоры. Цѣлыхъ два дня былъ полонъ гостей его домъ; поневолѣ хоть казаться долженъ былъ Алгасовъ любезнымъ и веселымъ, и никогда никакой балъ не радовалъ его такъ, какъ обрадовался онъ, проводивъ послѣдняго изъ своихъ гостей и оставшись наконецъ одинъ.

Да, чужой онъ человѣкъ этимъ людямъ и нечего ему съ ними дѣлить: чужимъ пришелъ онъ къ нимъ изъ Москвы, чужимъ и остался, не смотря на полтора эти года, проведенные среди нихъ, не смотря и на все искреннее его желаніе войти въ ихъ жизнь и раздѣлить ихъ интересы.

Непосредственно ничѣмъ не затрогивали его эти интересы, въ этомъ и была вся бѣда. Алгасовъ не былъ и не сдѣлался страстнымъ хозяиномъ; въ то же время онъ былъ достаточно богатъ, чтобы не волноваться мелочными хозяйственными удачами или неудачами и потому никакъ не могъ войти въ положеніе за живое задѣтаго ими хозяина и съ искреннимъ интересомъ и участьемъ выслушивать восторги и жалобы этого послѣдняго.

Не былъ онъ и фанатическимъ поклонникомъ земской дѣятельности; хотя онъ и построилъ въ Веденяпинѣ и школу, и небольшой пріемный покой, но самъ нисколько не интересовался ни народнымъ образованіемъ, ни медициной, ни иными земскими задачами. Будь онъ гласнымъ, безъ сомнѣнія, добросовѣстно исполнялъ бы онъ свои легкія обязанности, но исполнялъ бы ихъ чисто внѣшнимъ образомъ, отдавая имъ не душу свою, но только время, знанія и умъ: далѣе этого не шло его отношеніе къ земскимъ и инымъ общественнымъ дѣламъ. Онъ и не понималъ даже, какъ возможно это жить и волноваться подобными мелочами и серьезно видѣть въ нихъ что-то важное, а всего уже менѣе могъ интересовать его лично вопросъ о лишней копѣйкѣ или двухъ съ десятины.

Точно также и выборы. Это былъ насущный интересъ уѣзднаго общества, всѣхъ одинаково затрогивавшій и волновавшій. Лично Алгасову почти уже обезпечена была высшая должность въ уѣздѣ—предводителя, но и о той онъ не особенно мечталъ и, понятно, для себя ни въ какомъ уже случаѣ не могъ онъ стремиться быть выбраннымъ ни на какую другую должность. Дѣлъ у него никакихъ не было; его положеніе въ уѣздѣ было таково, что нечего было ему бояться какихъ-либо интригъ или подвоховъ, и потому, кто будетъ выбранъ и на какую должность—и это было совершенно ему безразлично. Когда при немъ заходилъ вопросъ о выборахъ, Алгасовъ искренно всегда проповѣдовалъ прописную мораль, что должно безпристрастно выбирать лучшихъ и наиболѣе достойныхъ изъ имѣющихся налицо кандидатовъ, и ему это было легко—ни съ какой стороны не былъ онъ заинтересованъ въ исходѣ выборовъ, ни къ какой партіи не принадлежалъ, ни къ кому не питалъ никакого неудовольствія. И къ тому же такъ скромны и мелки казались ему всѣ эти мѣста и должности съ громкими наименованіями: предсѣдатель, судья, съ отнесеніемъ къ V классу и т. д., что только смѣшили его интриги и волненія изъ-за подобныхъ должностей и присвоеннаго имъ, въ его глазахъ еще болѣе жалкаго содержанія. Глядя на эти интриги и удивляясь имъ, до сихъ поръ Алгасовъ цѣнилъ въ себѣ свое безпристрастіе и даже гордился имъ, готовясь примѣнить его къ дѣлу, но теперь увидѣлъ и понялъ онъ, что грошъ—цѣна этому его безпристрастію: это было не безпристрастіе гражданина, суровое, трудное и достойное хвалы, а безпристрастіе равнодушія и безразличія, безпристрастіе эксперта, призваннаго дать заключеніе въ дѣлѣ совершенно ему постороннихъ людей; онъ можетъ, понятно, ошибиться, но покривить душой—никогда... Зачѣмъ?

Что же было ему дѣлить съ своими сосѣдями, какіе интересы? Литературные и политическіе? Только это и оставалось. Даже и мелочныя событія общественной и частной жизни его сосѣдей—и тѣ не интересовали Алгасова, привыкшаго къ подобнымъ же, но гораздо болѣе только громкимъ и крупнымъ событіямъ жизни столичной, и не могъ уже онъ превратиться въ уѣзднаго человѣка. Такимъ обра-

зомъ одна лишь связь и оставалась у него съ его деревенскими знакомыми—развлеченія, та же, что была и въ Москвѣ...

И дѣйствительно, когда онъ присмотрѣлся къ ней поближе, онъ увидѣлъ, что его деревенская жизнь есть ничто иное, какъ продолженіе его прежней свѣтской жизни. Онъ бываетъ у людей, ему ненужныхъ и совершенно постороннихъ, и самъ принимаетъ ихъ у себя; они съ удовольствіемъ ѣздятъ къ нему, ибо у него хорошій поваръ и хорошія вина, и его зовутъ пообѣдать, поиграть въ карты, потанцовать—вотъ и все, что есть между ними общаго. Не то же ли самое было у него и въ Москвѣ?

И даже надежды нѣтъ, что время скрѣпитъ его связи съ обществомъ: случайный, пришлый онъ человѣкъ въ Сараяхъ, и не сдѣлаться уже ему тѣмъ, чѣмъ былъ его отецъ. Чужое, совершенно чужое никогда не станетъ роднымъ.

И неужели такъ и не уйдетъ онъ никуда отъ подобныхъ внѣшнихъ связей съ обществомъ? Онъ мечталъ жить съ обществомъ одной жизнью, одними интересами, и даже понять не могъ онъ этихъ интересовъ—такими ничтожными и жалкими казались они ему. Но по крайней мѣрѣ хоть жилъ ли онъ одной жизнью съ окружающимъ обществомъ?

Въ памяти Алгасова рисовалось общество дружное, богатое, вліятельное, веселое, безпечное, торжественно, среди пировъ и удовольствій, вмѣстѣ проходившее жизнь, дѣля всѣ удовольствія и радости деревенской жизни, тѣсно связанное съ нею и страстно ее любившее. Такимъ ли дѣйствительно было общество во времена Семена Степановича, или же только рисовали его такимъ далекія юношескія воспоминанія Алгасова, но именно такимъ его представлялъ онъ себѣ. На дѣлѣ же оказалось нѣчто совершенно другое.

Въ маломъ видѣ повторяя исторію всего русскаго барства, и Сарайское дворянство обѣдняло, лишилось прежняго вліянія, разъединилось, пополнилось новыми, пришлыми людьми, внесшими въ общество свои, чуждые помѣстному дворянству, интересы и взгляды, и, что главнѣе всего—оторвалось отъ деревни. Алгасовъ помнилъ еще барскую жизнь отцовъ, а вернувшись въ Сараи—нашелъ тамъ скромныхъ землевладѣльцевъ, сжавшихся, сократившихъ наслѣдственныя потребности и привычки, уже знакомыхъ съ

недостатками и лишеніями и почти уже забывшихъ барскіе идеалы иного времени, отъ которыхъ только и уцѣлѣли у нихъ, что жалкія, смѣшныя замашки. Тогда въ деревнѣ жили, ибо любили деревенскую жизнь и наслаждались ею, теперь же потому только, что нѣтъ иного ремесла, кромѣ хозяйства, и нѣтъ средствъ жить въ городѣ. Легкость сообщеній подошла на помощь измѣнившимся обстоятельствамъ—и всѣ идеалы жизни и радостей новаго поколѣнія находятся уже внѣ деревни. Оно и понятно: ихъ полная лишеній деревенская жизнь не можетъ уже дать имъ радостей, равносильныхъ театру, клубу, маскараду, ресторану и прочимъ благамъ цивилизаціи и городской жизни. Но блага эти стоятъ денегъ, и даже гораздо большихъ денегъ, чѣмъ стоили былыя барскія затѣи отцовъ—и вотъ является у дѣтей незнакомая барамъ-отцамъ усиленная и всепоглощающая погоня за каждымъ лишнимъ рублемъ въ хозяйствѣ, а внѣ хозяйства—за земскими окладами, этимъ единственнымъ, кромѣ земли, источникомъ денегъ въ деревнѣ, погоня, окончательно схоронившая барскую жизнь отцовъ и дѣдовъ. Такимъ образомъ, связь дѣтей-помѣщиковъ съ мѣстомъ ихъ жительства и съ обществомъ, которое они же и составляютъ, это связь чисто внѣшняя: злая судьба осудила ихъ жить въ деревнѣ, къ которой въ лучшемъ еще случаѣ они только равнодушны, и поневолѣ приходится имъ придумывать, чѣмъ бы развлечься и забыться и какъ бы повѣрнѣе убить свободные отъ хозяйства и службы дни. А какъ ихъ убить? У каждаго столько дѣлъ и заботъ, что не до веселья уже ему, говорить тоже не о чемъ, ибо такъ однообразны и мелки всѣ событія уѣздной жизни, такъ всѣмъ наскучили и такъ интимно и близко всѣмъ и каждому извѣстны они здѣсь, что и не хочется даже говорить о нихъ, и не увлекаетъ никого подобный разговоръ. И вотъ, кромѣ вина и лошадей, одна только забава и осталась деревенскимъ плѣнникамъ, одно только всеобщее и страстное желаніе съиграть нѣсколько пулекъ въ дешевенькій преферансъ—оно лишь и оживляетъ ихъ вялые, блѣдные съѣзды. А все-таки ѣдутъ въ гости, и не ожидая даже тамъ веселья, ибо дома слишкомъ уже тоскливо и тошно и надо же куда-нибудь дѣться...

Такова была жизнь въ ту эпоху крушенія и броженія, и ясно стало Алгасову, когда онъ оглянулся на нее, что не живетъ онъ одной жизнью съ своими сосѣдями. Онъ мечталъ о жизни, уже не существующей; правда, было еще нѣсколько стариковъ, понимавшихъ его и съ сочувствіемъ относившихся къ его попыткѣ воскресить въ Веденяпинѣ времена Семена Степановича, но ни помочь ему, ни стать его товарищами въ жизни они уже не могли; остальные и не замѣчали даже его стремленій и, окруженный знакомыми, онъ жилъ въ то же время совершенно исключительной жизнью. Но серьезнѣе всѣхъ своихъ сосѣдей относясь къ деревенской жизни—менѣе всѣхъ ихъ былъ онъ связанъ съ ней, а слѣдовательно, и со всѣми ея интересами. Его сосѣди по большей части не могли покинуть своихъ деревень и поневолѣ должны были тамъ жить, тогда какъ Алгасовъ былъ совершенно свободенъ и когда угодно могъ уѣхать изъ Веденяпина хоть на край свѣта. Завидуя ему, всѣ только дивились, что за охота ему жить въ деревнѣ...

Итакъ, что же у него общаго съ его знакомыми, что, кромѣ пустыхъ развлеченій? А если невозможна уже для него никакая иная, болѣе прочная связь съ обществомъ, если и въ деревнѣ уже приходится довольствоваться тою же самой свѣтской жизнью—то нечего, понятно, и думать, гдѣ ему жить, въ Сараяхъ или въ Москвѣ.

Послѣднее, о чемъ онъ мечталъ, уѣзжая въ Веденяпино—это любовь къ дому; ее онъ клалъ въ основу деревенской жизни, какъ могучее побужденіе къ творчеству, какъ прочную, неизмѣняющую *привязанность*, служащую неистощимымъ источникомъ радостей: онъ хорошо помнилъ, какое важное мѣсто въ жизни Семена Степановича занималъ его домъ и сколько радостей давалъ онъ Семену Степановичу. И это было первое, что замѣтилъ Алгасовъ, первое, что онъ почувствовалъ—тотъ же домъ не давалъ уже ему тѣхъ же радостей, какія онъ давалъ его отцу.

Еще годъ тому назадъ смутно сказалось это въ разговорѣ съ Костыгинымъ, тогда уже почувствовалъ Алгасовъ, что нѣтъ у него искренней любви къ дому и прочной съ нимъ связи. Правда, Алгасовъ любилъ Веденяпино, но любилъ по старымъ воспоминаніямъ. Это

была любовь къ комнатамъ, къ окрестностямъ, къ видамъ, но не любовь къ дому. Подобной любви хватило бы на нѣсколько пріятныхъ дней, но ея слишкомъ еще мало для цѣлой жизни. И теперь, трезво и безъ увлеченія взглянувъ на свою жизнь, Алгасовъ ясно увидѣлъ, что не обманывался онъ, что дѣйствительно нѣтъ у него любви къ дому, что и въ домѣ, какъ и въ обществѣ, точно такъ же чужой и пришлый онъ человѣкъ.

Стараясь возсоздать жизнь своего отца, Алгасовъ не жалѣлъ на это денегъ, лишь бы все было у него въ томъ же видѣ, въ какомъ было и у Семена Степановича, и надо отдать Алгасову справедливость—онъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать въ полтора года. Его московскій поваръ былъ первымъ въ уѣздѣ и ни у кого тамъ не было такихъ франтоватыхъ лакеевъ, какъ у Алгасова; у него были кровныя, дорогія лошади, безподобныя собаки, огромной цѣны камеліи и ацалеи, вѣковыя пальмы; диковинныя ковровыя клумбы смѣнили прежніе простые, но душистые цвѣты; по двору стали расхаживать пестрые и бѣлые павлины, завелись великолѣпные экипажи, на Уйжѣ появилась комфортабельная купальня и щегольская, вся полированная и украшенная рѣзьбой дубовая лодка, появились и въ домѣ разные предметы роскоши, совершенно незнакомой Семену Степановичу—но купленное такъ и оставалось купленнымъ и чужимъ, вмѣсто радостей давая своему хозяину одни только огорченія. Порученныя неизвѣстнымъ наемнымъ людямъ, въ ихъ рукахъ неузнаваемо портились и кровныя лошади, и на диво выведенныя, нѣкоторыя даже въ Гентѣ, ацалеи, и всѣ остальные, дорого заплаченные предметы. Замѣтивъ порчу, Алгасовъ выходилъ изъ себя, сердился и злился, но все испорченное упрямо замѣнялъ новымъ и столь же дорогимъ, этимъ путемъ думая достигнуть въ концѣ концовъ своей цѣли. Денегъ онъ на это не жалѣлъ, но не занималъ его самый процессъ созиданія. Онъ слышалъ отъ отца, что и Семенъ Степановичъ получилъ усадьбу далеко не въ томъ благоустроенномъ видѣ, въ какомъ онъ сдалъ ее сыну, что многое въ ней онъ улучшилъ, многое самъ завелъ и устроилъ. Много труда и любви положилъ Семенъ Степановичъ въ Веденяпино и до самой смерти не переставалъ все тамъ

улучшать и поддерживать; въ себѣ же Алгасовъ не чувствовалъ этой любви, и его личное участье въ возобновленіи разрушенной усадьбы ограничивалось выдачей лишь денегъ да множествомъ приказаній, щедро раздаваемыхъ направо и налѣво. Когда они въ точности исполнялись, что, впрочемъ, рѣдко случалось, Алгасовъ находилъ это въ порядкѣ вещей и не обращалъ на это вниманія. Когда же исполнялись они плохо или даже совсѣмъ не исполнялись—онъ волновался и сердился и приходилъ въ отчаяніе, не зная, какъ поправить дѣло, а безпрестанныя неудачи все болѣе и болѣе заставляли его охладѣвать къ своему дому. Но и приказанія онъ отдавалъ, какъ бы исполняя этимъ какую-то принятую на себя скучную обязанность, иной разъ принуждая даже себя пойти и чѣмъ-нибудь распорядиться или взыскать за неисполненіе какого-нибудь приказанія. На первыхъ порахъ горячо принялся онъ за дѣло, во всемъ желая достигнуть отчетливости и совершенства, но вскорѣ и самъ уже пожертвовалъ мелочами и подробностями, горькимъ опытомъ узнавъ, что на исполненіи подобныхъ, касающихся мелочей, приказаній всего труднѣе и скучнѣе настаивать; но, хотя и пожертвовалъ онъ ими, тѣмъ не менѣе онъ всегда замѣчалъ, гдѣ и въ чемъ не хватаетъ этихъ мелочей, и не могъ онъ относиться къ этому равнодушно и безъ раздраженія... Самому же что-нибудь сдѣлать, самому присмотрѣть за исполненіемъ своихъ приказаній или помочь въ ихъ исполненіи—никогда не являлось Алгасову подобное желаніе, да по правдѣ сказать, и не съумѣлъ бы онъ, пожалуй, этого сдѣлать. Ни къ саду, ни къ лошадямъ, ни къ хозяйству, ни къ другимъ какимъ-либо составнымъ частямъ *дома*—ни къ чему въ отдѣльности не чувствовалъ онъ страстной любви, которая побудила бы его лишній разъ сходить на конюшню или въ поле, самому объѣздить лошадь, посѣтить псарный дворъ и посмотрѣть, все ли тамъ въ порядкѣ, узнать, какъ выращиваются плоды и цвѣты и то ли дѣлаетъ съ ними садовникъ, что нужно дѣлать. Если Алгасовъ и любилъ еще всѣ эти частности, соединенныя въ одно цѣлое, то, что онъ называлъ *домомъ*, то лишь въ воображеніи его *домъ* этотъ являлся чѣмъ-то цѣлымъ, на дѣлѣ же онъ составлялся изъ множества разнородныхъ ча-

стей. Сначала нужно было полюбить каждую изъ этихъ частей отдѣльно и тогда только, объединенныя любовью, сплотились бы онѣ въ одно цѣлое. Алгасовъ же, равнодушный къ отдѣльнымъ частямъ, любилъ самое цѣлое и, какъ теперь оказалось, онъ любилъ не дѣйствительность, а нѣчто несуществующее, какую-то мечту, и понялъ онъ, почему не давалъ ему его домъ тѣхъ радостей, какія онъ давалъ его отцу.

Такъ ли относился къ дому Семенъ Степановичъ? Семенъ Степановичъ былъ совершенно слитъ не только съ домомъ, но и со всей окрестностью, и со всѣмъ окружающимъ обществомъ до послѣдняго мужика включительно, котораго онъ зналъ въ лицо со всей его жизнью и со всей обстановкой. Александръ Семеновичъ не умѣлъ даже и говорить понятно для мужиковъ и почти не зналъ ни ихъ нуждъ, ни ихъ быта, мало интересуясь всѣмъ этимъ. Напротивъ, Семенъ Степановичъ все въ Веденяпинѣ любилъ, всѣмъ интересовался, во всемъ зналъ толкъ. Каждая десятина его владѣній была ему извѣстна, и онъ любилъ ее, какъ родную. Каждую свою лошадь онъ самъ помогалъ выѣзжать, надъ каждой частью своего сада самъ потрудился, хоть немного — но это все равно. Правда, и его крѣпостные помощники, въ его домѣ выросшіе и съ дѣтства ему знакомые, тѣсно связанные и съ бариномъ, и съ роднымъ Веденяпинымъ, они съ большей любовью относились къ порученному имъ дѣлу, чѣмъ нанятые люди Александра Семеновича, но кромѣ этого, самъ Семенъ Степановичъ во всемъ зналъ больше толка, чѣмъ его помощники, и потому за всѣмъ умѣлъ слѣдить, приказанія умѣлъ отдавать вовремя и удобоисполнимыя, умѣлъ настоять на ихъ исполненіи и по возможности предупредить вредъ отъ нерадивости исполнителей, а главное—напередъ уже зналъ онъ, что пойдетъ у него хорошо и что —нѣтъ, и какъ сдѣлать, чтобы оно пошло хорошо.

Такимъ образомъ ничто въ деревенской жизни не оправдало ожиданій Алгасова. Чужимъ былъ онъ въ собственномъ своемъ домѣ, не умѣя ни къ чему приложить ни любви своей, ни труда. Чужимъ былъ онъ и въ обществѣ, не умѣя раздѣлить его жизни и войти въ его интересы.

Въ его воображеніи общественныя дѣла являлись ему чѣмъ-то вродѣ великолѣпныхъ дворянскихъ собраній прежняго времени и упорнаго исканія Семеномъ Степановичемъ чести быть предводителемъ — на дѣлѣ же оказались это скромныя задачи современнаго земства, неважныя въ глазахъ Алгасова и лично для него совершенно ненужныя. Онъ не отказывался посвятить имъ свои силы и свободное время, онѣ даже занимали его и, будь самая жизнь его содержательнѣе и полнѣе — занимали бы еще болѣе, какъ одно изъ украшеній этой жизни, но любить ихъ и увлекаться ими—этого уже не могъ онъ, не въ его власти была его любовь...

Итакъ, во всемъ обманула его дѣйствительность. Вмѣсто полной и гармоничной жизни, онъ нашелъ въ деревнѣ ту же надоѣвшую ему свѣтскую жизнь, только перенесенную въ другую, болѣе скромную обстановку и кое какъ приспособленную къ этой обстановкѣ. Очевидно, нечего продолжать этой жизни, ибо нечего ждать отъ нея и ничего уже не можетъ она дать ему, никакихъ радостей, кромѣ развѣ радостей, даваемыхъ природой.

И онъ сталъ провѣрять этотъ выводъ любимой своей мѣркой: дала ли и можетъ ли ему дать его деревенская жизнь потребность полюбить, чтобы раздѣлить эту жизнь съ любимой женщиной и передать впослѣдствіи своимъ дѣтямъ?

Онъ зналъ всѣхъ уѣздныхъ дамъ и дѣвушекъ; были между ними и хорошенькія, и неглупыя—и ни одна изъ нихъ даже на минуту не завладѣла его сердцемъ. Послѣ княжны, послѣ Ирины, послѣ всѣхъ другихъ любимыхъ имъ женщинъ и знакомыхъ ему свѣтскихъ красавицъ, ничего уже послѣ нихъ интереснаго не представляли для него уѣздныя дамы—и много помогало это его отчужденію отъ уѣзднаго общества. Понятно, не могли уѣздныя красавицы тягаться съ блестящими представительницами свѣта, но свѣтской женщинѣ нечего и дѣлать въ деревнѣ и никогда не могла бы ни одна изъ нихъ раздѣлить съ Алгасовымъ той жизни, о которой онъ мечталъ и ради кототорой покинулъ городъ. Новая жизнь, если бы она дѣйствительно была новая, она помогла бы ему создать но-

вый идеалъ женщины, и такъ какъ немыслима безъ любимой женщины идеальная и полная жизнь—то, если бы и не нашелъ онъ даже въ деревнѣ ни одной достойной любви, по крайней мѣрѣ все-таки явилась бы у него хоть мечта о любви... А мечты этой не было и ни разу за всѣ полтора эти года и не подумалъ даже онъ о любви, хотя и нравилась ему одна дѣвушка и при случаѣ всегда съ удовольствіемъ любовался онъ хорошенькимъ ея личикомъ и выразительными черными глазками.

И невольно подумалось ему:

— Все мое теперешнее настроеніе, всѣ эти думы—все началось съ досады, что не пріѣхали Костя и Павелъ Ивановичъ. Не потому ли это, что, живя уѣздной свѣтской жизнью, въ ихъ пріѣздѣ я дорожилъ самымъ привлекательнымъ изо всѣхъ свѣтскихъ развлеченій—свиданіемъ съ представителями еще высшаго свѣта и новостями изъ этого высшаго свѣта?

Теперь оставалось разрѣшить послѣдній вопросъ. Ему ли только не удалась деревенская жизнь, ибо не съумѣлъ онъ примѣниться къ ней, надолго будучи оторванъ отъ нея, живя и развиваясь помимо нея, или же она и вообще невозможна, и если невозможна, то почему?

Въ первомъ случаѣ онъ пожертвуетъ собой, чтобы по крайней мѣрѣ дѣтямъ и преемникамъ своимъ обезпечить возможность жить этой жизнью. Если же невозможна она—тогда не къ чему и оставаться въ Веденяпинѣ, тогда къ жизни и къ счастью надо искать новыхъ путей, а ихъ не найдешь въ деревенской глуши.

Налицо былъ фактъ, что цѣлыя поколѣнія жили той жизнью. Алгасовъ лично зналъ своего отца, который былъ ею счастливъ. Если она теперь невозможна, почему же тогда была она возможна и давала жизнь и счастье?

По возможности полнѣе старался Алгасовъ воскресить въ своей памяти жизнь своего отца со всѣми самыми даже мелкими ея подробностями. Онъ разспрашивалъ всѣхъ помнившихъ его отца, всѣхъ оставшихся въ живыхъ дворовыхъ, и мало-по-малу стало для него выясняться, какая ошибка была въ самыхъ основахъ его надеждъ.

Прежняя жизнь Семена Степановича была дѣйствительно гармонична, полна и хороша, но то, что давало ей красоту и цѣльность и главное—давало живущему ею возможность вполнѣ насладиться всей ея ширью, это было нѣчто, уже не существующее въ настоящее время и чего никакія деньги не могутъ замѣнить, а именно *власть*. Этого Алгасовъ не принялъ тогда въ разсчетъ, а это мѣняло все дѣло. Для Алгасова вездѣ и внѣ Веденяпина одинаково обезпечена все та же соразмѣрная его средствамъ свѣтская жизнь, и даже еще лучше, блестящѣе, покойнѣе и удобнѣе, Семенъ же Степановичъ внѣ Веденяпина не понималъ жизни, ибо только въ Веденяпинѣ и могъ онъ жить широкой и полной, украшенной властью жизнью. Понятно, и не чувствовалъ Алгасовъ той любви къ своему дому, какую чувствовалъ Семенъ Степановичъ.

Та же власть прочно привязывала къ деревнѣ и остальныхъ помѣщиковъ, давая имъ возможность, ни о чемъ уже не думая и не заботясь, предаваться однѣмъ только радостямъ жизни. Власть помогала имъ чувствовать себя въ деревнѣ дома и на своемъ мѣстѣ. Нигдѣ не могло имъ быть такъ же привольно и хорошо, какъ въ деревнѣ, и они устраивались въ ней на всю жизнь, никуда не порываясь изъ нея.

Та же власть помогала Семену Степановичу все любить въ своемъ домѣ, даже и то, къ чему лично и не чувствовалъ онъ особаго влеченія, ибо все, созданное по его приказанію и его людьми, а не купленное за деньги, черезъ это уже самое становилось роднымъ и близкимъ ему, какъ бы имъ самимъ сдѣланнымъ, словно, владѣя людьми, онъ владѣлъ и ихъ любовью и призваніемъ. Купить можно все, лишь были бы деньги, но то именно и дорого тутъ, что все его собственное, прочно за нимъ обезпеченное и никому уже другому недоступное... Не боясь, что черезъ пьянство, капризъ или уходъ какого-нибудь повара, кучера или садовника разстроятся его затѣи, Семенъ Степановичъ какъ бы жилъ во всемъ и съ годами все дороже и ближе становились ему всѣ радости его дома.

Такимъ образомъ все, всю ту жизнь красила власть, мало того—власть ее создавала и дѣлала возможной, на

власти и держалась она, и держалась такъ прочно, что пережила даже самую власть.

Самую эпоху власти Алгасовъ помнилъ очень смутно: ему было всего 12 лѣтъ, когда вышло освобожденіе. Но остатки власти, ея духъ и порядки, они сохранялись еще въ жизни его отца, бывшей отблескомъ предъидущей эпохи, и можетъ быть, и до его дней сохранились бы они въ Веденяпинѣ, если бы не порвалъ онъ неосторожно связи съ роднымъ домомъ, а по смерти отца продолжалъ бы его жизнь. По силѣ инерціи, она шла бы себѣ, постепенно, тихо, незамѣтно измѣняясь и угасая. Но измѣнить прошлое невозможно, и разъ уже допустилъ онъ ее угаснуть—нечего задаваться неисполнимой задачей и воскрешать трупъ, да и воскрешать-то его для новой только смерти...

Теперь понялъ Алгасовъ, почему всему чужой онъ у себя въ деревнѣ, и понялъ, что этому уже невозможно помочь, невозможно уже возстановить той вѣковой, изъ рода въ родъ переходившей связи, которая неразрывно связывала Семена Степановича съ каждымъ мужикомъ окрестныхъ деревень, съ каждой десятиной его полей, съ каждой лошадью въ его конюшнѣ, съ каждымъ деревомъ въ его саду, и которая одна только и давала прежней жизни силу и возможность пережить власть. Прежняя жизнь—жизнь власти, празднествъ и забавъ—это была одна гармонія, въ которой замѣтенъ самый даже незначительный фальшивый звукъ, и вдругъ ворвался въ нее цѣлый рядъ этихъ звуковъ... Спора нѣтъ, и теперь живется въ деревнѣ тихо, свободно и хорошо, и отлично можно тамъ прожить, особенно если не требовать многаго отъ жизни или же подъ старость, когда такъ дорогъ безмятежный покой—но нечего ставить этой жизни идеаломъ, такъ мало въ ней содержанія и красоты, и главное—сама по себѣ такъ абсолютно неспособна она дать человѣку счастье.

Сознавъ свою ошибку, Алгасовъ не сталъ упорствовать и легко отказался отъ неисполнимой мечты. Но нерадостенъ былъ для него этотъ выводъ: послѣдняя надежда его на жизнь была убита. Что же теперь ему дѣлать?

Объ этомъ, впрочемъ, можно и послѣ подумать и нечего отравлять этими думами отрадной деревенской тишины и

послѣдней оставшейся ему забавы—осенней охоты. Что съ нимъ будетъ—Алгасовъ и самъ не зналъ и, желая спасти себѣ хоть короткое настоящее, рѣшилъ пробыть въ Веденяпинѣ осень и вдоволь тамъ наохотиться, зимой же ѣхать въ Москву и тамъ уже приступить къ исканію новаго отвѣта все на тотъ же вопросъ о жизни.

Успокоенный этимъ рѣшеніемъ и всецѣло отдавшись дозволенному себѣ отдыху, всей душой наслаждался Алгасовъ охотой и деревенской тишиной, но недолго суждено было ему наслаждаться ими: въ половинѣ октября онъ получилъ отъ Костыгина письмо, въ которомъ этотъ послѣдній писалъ ему, что Вѣра Юрьевна въ Москвѣ и опасно больна, и что Алгасовъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы пріѣхалъ съ ней повидаться; врядъ ли останется она въ живыхъ, а увидать его—это единственная мечта ея.

Не особенно пріятно было это Алгасову. И безъ того уже было ему тяжело. Сожалѣніе о безполезно ушедшей молодости, близкій конецъ ея, сознаніе, что теперь, вступая въ пору мужества, еще дальше онъ отъ цѣли, чѣмъ былъ и при началѣ даже молодости и жизни, пустота и неизвѣстность будущаго—тяжелымъ бременемъ лежало все это на немъ и не въ такомъ настроеніи былъ онъ, чтобы облегчить умирающей ея послѣдніе часы. Онъ весь былъ занятъ собою, своею неудавшейся жизнью и вопросомъ о жизни и своемъ будущемъ; въ данную минуту этотъ вопросъ былъ для него важнѣе всего, и что скажетъ онъ женщинѣ, нѣкогда, въ юности, имъ любимой, теперь же почти уже забытой?

Но все-таки письмо Костыгина заставило его ускорить отъѣздъ изъ деревни. Алгасовъ зналъ, какъ дорого Вѣрѣ Юрьевнѣ увидать его, и не считалъ онъ себя въ правѣ отказать ей въ послѣдней этой радости.

Онъ отдалъ приказъ готовиться къ отъѣзду, а самъ въ послѣдній разъ поѣхалъ на охоту. На слѣдующій день его уже не было въ Веденяпинѣ.

Все-таки не безслѣдно прошли для него эти полтора года: онъ узналъ деревенскую жизнь и деревенскіе интересы, о мужикахъ сталъ имѣть хотя какое-нибудь понятіе, познакомился съ хозяйствомъ и съ земскими дѣлами, а главное, онъ уносилъ изъ деревни страстную любовь къ природѣ

и къ невозмутимой деревенской тишинѣ. И въ послѣднюю минуту, когда все уже было готово и запряженныя лошади стояли у крыльца, а самъ онъ сидѣлъ, задумавшись, въ тихой и свѣтлой угольной, невольно тутъ подумалось ему— не лучше ли, отказавшись отъ жизни, навсегда схоронить себя въ отрадной этой тишинѣ и спокойно доживать здѣсь до могилы, не зная ни счастья, ни волненій, ни радостей, но въ то же время не зная и желаній?..

И онъ почти уже готовъ былъ остаться и, отказавшись отъ всякихъ барскихъ затѣй и реставрацій крѣпостныхъ порядковъ, зажить въ деревнѣ тихо и покойно, эта безмятежная жизнь уже улыбалась ему и звала его, но онъ былъ еще молодъ и не считалъ себя въ правѣ спрятаться отъ жизни. Его долгъ—искать отвѣтовъ на завѣщанные ему Вѣрой Григорьевной вопросы, и, еще разъ взглянувъ на голыя деревья сада и на уныло зеленѣвшія за ними озими, окинувъ ихъ послѣднимъ этимъ взглядомъ, со вздохомъ всталъ онъ и вышелъ изъ комнаты и отправился къ людямъ, туда, гдѣ люди живутъ, желаютъ, наслаждаются и страдаютъ, отправился на новый бой и новыя исканія.

XLII.

Попрежнему, почти безъ перемѣнъ, жилось московскимъ друзьямъ Алгасова, да и вообще, такъ устойчиво и прочно сложилась ихъ жизнь, что и не было въ ней мѣста ни какимъ-либо существеннымъ перемѣнамъ, ни сомнѣніямъ и порывамъ, волновавшимъ дни Александра Семеновича.

Всего ровнѣе текла жизнь въ семействѣ Вёдровыхъ. Павелъ Ивановичъ недавно получилъ должность, о которой онъ давно уже мечталъ. Его замѣтили. Грудь его украсилась значительной звѣздой, которой Надежда Семеновна очень гордится и главное потому, что у князя Апалева еще не было никакой звѣзды. Надежда Семеновна не по лѣтамъ какъ-то отцвѣла и постарѣла за послѣднее время, черты ея огрубѣли, она растолстѣла, расплылась, и ничто уже не напоминаетъ въ ней прежней хорошенькой и стройной дѣвушки. Въ свѣтѣ она занимаетъ уже мѣсто среди солидныхъ пожилыхъ дамъ и пользуется нѣкоторымъ да-

же значеніемъ въ ихъ средѣ. На красоту и молодость и сама уже не имѣетъ она притязаній, да и некогда ей думать объ этомъ—столько у нея дѣла съ четырьмя дѣтьми и въ ожиданіи пятаго, съ хозяйствомъ, съ гостями и выѣздами. Вотъ и всѣ перемѣны въ жизни Вёдровыхъ, а въ общемъ все идетъ у нихъ по-старому. Всецѣло поглощенные любовью къ дѣтямъ, вполнѣ довольные другъ другомъ и своей жизнью, мирно и безмятежно-тихо живутъ они, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и радушно принимая у себя чуть не половину Москвы. Всѣ любятъ ихъ и съ удовольствіемъ у нихъ бываютъ, и рѣдкій день не обѣдаетъ у нихъ по крайней мѣрѣ пяти-шести человѣкъ.

Такова Надежда Семеновна, и еще большую разницу представляетъ теперь добродушная, растолстѣвшая эта барыня съ своей сестрой, все такъ же величаво-прекрасной, стройной, изящной и важной княгиней. Исполненная достоинства, въ мѣру веселая, холодно-любезная, съ гордостью носитъ Софья Семеновна свой титулъ и историческую фамилію мужа.

А самъ князь очень занятъ въ послѣднее время серьезной полемикой, по случаю одной его замѣтки завязавшейся у него въ одномъ англійскомъ ботаническомъ журналѣ съ извѣстнѣйшими европейскими ботаниками о какомъ-то растеніи, которое князь непремѣнно хочетъ выдѣлить изъ одного семейства и причислить къ другому, на что никакъ не соглашаются ботаники. Впрочемъ, одинъ изъ нѣмецкихъ авторитетовъ уже начинаетъ колебаться, и князь надѣется, что побѣда останется на его сторонѣ; онъ готовитъ по этому предмету статью, уже не допускающую никакихъ, по его мнѣнію, возраженій и окончательно долженствующую просвѣтить слѣпотствующихъ ученыхъ. Кромѣ этого, князь самъ опредѣлилъ, описалъ и назвалъ найденную имъ и никѣмъ еще дотолѣ незамѣченную травку, для изученія всѣхъ разновидностей которой онъ посѣтилъ лѣтомъ нѣсколько губерній. Статья объ этой травкѣ уже напечатана и обратила на себя вниманіе: князь выбранъ за нее членомъ Общества Любителей Естествознанія и еще какого-то итальянскаго общества. Наконецъ, въ его оранжереяхъ недавно выведена новая разновидность ацалеи—azalea *princesse Sophie Apaleff*— отличающаяся сильнымъ ростомъ и обиліемъ, величиной и

яркой окраской цвѣтовъ—темно-малиновыхъ съ молочно-бѣлымъ—но, къ сожалѣнію, плохо еще поддающаяся выгонкѣ. Князь готовитъ эту ацалею къ всемірной Парижской выставкѣ, гдѣ впервые изъ дебрей Богоявленья должна она будетъ явиться міру. Кромѣ этой ацалеи имъ выведенъ еще новый сортъ *Богоявленской*, какъ онъ назвалъ ее, дыни, нѣсколько похожей на канталупу, но очень крупной, вкусной и красивой, уже награжденной медалью, и въ скоромъ времени ожидается новая разновидность глоксиніи, по всѣмъ даннымъ обѣщающая отличаться небывалыми достоинствами.

Бачуринъ вполнѣ счастливъ. Онъ обожаетъ свою хорошенькую Аню, которая платитъ ему тѣмъ же, и оба не могутъ налюбоваться на новорожденнаго своего первенца. Они положительно безъ ума отъ слабенькаго, въ кружева и шелкъ завернутаго этого мальчика на рукахъ здоровой и нарядной красавицы-кормилицы, и оба вполнѣ убѣждены, что болѣе красиваго ребенка и не существовало, и не будетъ, и не можетъ никогда и нигдѣ существовать.

Живутъ они открыто: въ огромной, роскошно обставленной ихъ квартирѣ на Малой Дмитровкѣ въ домѣ Анны Сергѣевны то и дѣло смѣняются обѣды, вечера и балы, и вообще, домъ ихъ считается однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и веселыхъ въ цѣлой Москвѣ. Въ послѣднее время Константинъ Платоновичъ пристрастился къ картамъ и, какъ и Павелъ Ивановичъ, всѣ вечера свои проводитъ въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ ведетъ довольно крупную игру.

Онъ занимаетъ все ту же должность, хотя и находитъ, что пора бы ему получить и повышеніе; кромѣ того, его очень огорчило и обидѣло, что не пожаловали его въ камергеры, какъ онъ ожидалъ, и вообще, не совсѣмъ доволенъ онъ своей службой—это единственное облачко на его благополучной жизни. У него уже были кое-какія непріятныя столкновенія съ министерствомъ и во всѣхъ этихъ непріятностяхъ Константинъ Платоновичъ попрежнему все обвиняетъ барона. Впрочемъ, кредитъ барона нѣсколько пошатнулся за послѣднее время—барона холодно приняли, и одинъ вліятельный министръ былъ съ нимъ особенно какъ-то сухъ— и Константинъ Платоновичъ основываетъ на этомъ блестящія надежды.

Но тише и счастливѣе всѣхъ живутъ Костыгины. Сергѣй Игнатьевичъ дѣятельно и съ любовью хлопочетъ на фабрикѣ, увеличивая, устраивая и улучшая ее, постепенно и настойчиво приводя въ исполненіе всѣ свои намѣренія и планы. Онъ самъ даже изобрѣлъ какую-то очень полезную машину, и вообще, благодаря его знаніямъ и введеннымъ имъ техническимъ усовершенствованіямъ, фабрика приноситъ уже порядочный доходъ, и это не смотря на всѣ расходы по улучшенію участи и жизни рабочихъ. Хорошо живется этимъ послѣднимъ на Чудновской фабрикѣ: ихъ интересы, матеріальные и нравственные, ревниво оберегаются конторой. Рабочіе страшно дорожатъ своими мѣстами, и работы у Сергѣя Ингатьевича уже ищутъ, такъ что многимъ приходится ему отказывать, хотя онъ построилъ уже новый фабричный корпусъ и почти удвоилъ производство на фабрикѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ надѣется довести свою фабрику до такого состоянія, что по образцовому во всемъ порядку она сравнится съ лучшими видѣнными имъ заграничными фабриками, и не мудрено это при его любви къ дѣлу и знанію дѣла. Насколько это возможно, онъ съумѣлъ вполнѣ согласовать интересы хозяина и рабочихъ. Почаевъ очень имъ доволенъ и часто навѣщаетъ его фабрику.

Лизавета Ивановна помогаетъ мужу въ чемъ только можетъ. Вся хозяйственная часть фабрики лежитъ на директоршѣ и отнимаетъ у нея не мало времени, зато же и ведется она образцово: самъ Почаевъ засвидѣтельствовалъ, что ни на одной фабрикѣ не обходится ему такъ дешево содержаніе рабочихъ, и ни одной еще въ то же время жалобы не было со стороны этихъ послѣднихъ на качество или недостатокъ харчей, чѣмъ Лизавета Ивановна очень гордится. Попрежнему живо и съ любовью интересуется она фабрикой и дѣятельностью мужа, почти сравнявшись съ нимъ въ познаніяхъ по этой отрасли технологіи. Мужъ и жена съ той же силой и такъ же искренно любятъ другъ друга и все такъ же дружны; попрежнему любятъ ихъ сосѣди и съ прежнимъ удовольствіемъ собирается у нихъ веселая молодежь.

Дочь явилась новой радостью въ тихой ихъ жизни. И отецъ, и мать, оба стараются превзойти другъ друга въ

любви къ Лизкѣ и въ заботахъ о ней и даже ревнуютъ ее другъ къ другу. Лизка—здоровый, веселый ребенокъ и вся въ отца, что великое доставляетъ удовольствіе Сергѣю Игнатьевичу, который все подноситъ ее къ зеркалу и сравниваетъ съ собой. Мать увѣряетъ, что недовольна этимъ сходствомъ, ибо дочь ея выйдетъ дурнушкой, но въ душѣ не вѣритъ этому, твердо убѣжденная въ красотѣ своего мужа; втайнѣ она даже рада, что дочь похожа на отца, и говоритъ это, чтобы только подразнить чѣмъ-нибудь своего Сережу. Въ послѣднее время явилась надежда на новую Лизку и Алгасовъ приглашенъ уже въ крестные отцы, хотя до крестинъ и остается добрыхъ еще двѣ трети года. Алгасовъ и Костыгинъ переписываются довольно часто. Съ Бачуринымъ Костыгинъ тоже хорошъ, хотя и не въ такой степени, какъ съ Алгасовымъ: Бачуринъ слишкомъ уже баринъ для простого и скромнаго Костыгина, и Костыгинъ чаще даже видается съ Вёдровымъ, чѣмъ съ Бачуринымъ. Лизавета Ивановна и Надежда Семеновна такъ полюбили другъ друга, что по нѣскольку дней проводитъ иногда Лизавета Ивановна у Вёдровыхъ, разумѣется, захвативъ съ собой Лизку, а разъ, лѣтомъ, Надежда Семеновна явилась на фабрику со всѣми своими дѣтьми и провела тамъ цѣлый день. Она, пожалуй, и чаще навѣщала бы свою пріятельницу, но ни силъ, ни времени не хватаетъ у избалованной барыни на отдаленныя и хлопотливыя такія поѣздки.

Вѣра Юрьевна пріѣхала въ Москву еще въ началѣ весны. Не смотря на благодатный климатъ Неаполя и Ниццы, здоровье ея плохо поправлялось и надоѣло ей наконецъ быть вѣчно полу-больной и вѣчно всего остерегаться. Ей захотѣлось домой, къ дѣтямъ, и, не слушая докторовъ, сулившихъ ей вѣрную смерть въ Россіи, поѣхала она въ Москву.

Она такъ измѣнилась за послѣднее время, что не сразу даже узналъ ее встрѣтившій ее на вокзалѣ мужъ. Худая, блѣдная, плохо напоминала она недавнюю веселую и хорошенькую женщину.

До глубины души тронула ее радость, съ которой встрѣтили ее дѣти. Усталая отъ жизни и ея толчковъ, Вѣра Юрьевна рада была отдохнуть у себя дома, среди своихъ,

и, подъ вліяніемъ дѣтскихъ ласкъ, съ новой силой вспыхнула въ ней любовь къ ея дѣтямъ. Вся отдалась она имъ, безъ конца ихъ лаская, проводя съ ними цѣлые дни, уча ихъ, играя съ ними и разсказывая имъ, и такъ хорошо было ей съ ними, что и не хотѣлось даже выходить изъ дѣтской. Жизнь угомонила наконецъ Вѣру Юрьевну: она нашла себѣ тихую пристань и поняла ея отраду.

Вѣрѣ Юрьевнѣ хотѣлось видѣть Алгасова. Ея счастье, ея любовь—такъ уже далеко было все это, что свиданіе съ Алгасовымъ не могло уже возмутить ея покоя. Она послала за Алгасовымъ, но онъ оказался въ деревнѣ, и Вѣра Юрьевна окончательно затворилась дома.

Но предсказанія докторовъ сбылись. Пока было тепло, Вѣра Юрьевна чувствовала себя такъ же хорошо, какъ и въ Ниццѣ, нѣсколько даже лучше стало ей, родной воздухъ какъ будто поправилъ ее, а отдыхъ и покойная жизнь возстановили ея упавшія силы, но совершенно обратно подѣйствовали на нее осенніе холода и яснѣе обнаружились тутъ признаки ея жестокой болѣзни. Уступая настояніямъ мужа, Вѣра Юрьевна снова стала собираться за-границу, но такъ не хотѣлось ей уѣзжать отъ дѣтей, что сборы эти затянулись на цѣлый мѣсяцъ, а между тѣмъ, въ началѣ октября, она сильно простудилась и слегла въ постель. На этотъ разъ она уже чувствовала, что не встать ей больше, и отчасти даже рада была смерти — такъ мало ждала она отъ жизни.

Отъѣздъ поневолѣ пришлось отложить до ея выздоровленія, въ которое никто уже, впрочемъ, не вѣрилъ. Силы ея упадали съ каждымъ днемъ.

Тогда Вѣра Юрьевна велѣла разъискать Костыгина и написала ему, чтобы онъ къ ней пріѣхалъ. Сергѣй Игнатьевичъ зашелъ къ ней въ первую же свою поѣздку въ Москву. Вѣра Юрьевна сказала ему, что ей очень бы хотѣлось повидать Алгасова и просила написать ему объ этомъ.

Алгасовъ поспѣшилъ въ Москву—и не даромъ: всего недѣлю прожила при немъ Вѣра Юрьевна.

Конецъ ея быстро приближался, она видимо таяла съ каждымъ часомъ, и, полный невольнаго къ ней сожалѣнія, Алгасовъ почти не отходилъ отъ нея, проводя возлѣ нея

цѣлые дни. Того, чего онъ боялся, не случилось: она не жаловалась, не требовала отъ него ни утѣшеній, ни обѣщаній помнить ее и почти не говорила ни о прошломъ, ни о своей любви, хотя безконечной къ нему любовью попрежнему свѣтились глаза ея и были проникнуты всѣ ея рѣчи. Она видѣла искреннее его участье и этого съ нея было довольно. Спокойно переносила она свою болѣзнь, счастливая любовью дѣтей и присутствіемъ и участьемъ Алгасова, и, видя это, какъ радъ былъ онъ, что онъ поспѣшилъ пріѣхать и засталъ еще Вѣру Юрьевну въ живыхъ! Она говорила, что не боится смерти, и радовалась, что передъ смертью пришлось ей увидѣть его, дѣтей и мужа.

— Если бы я умирала тамъ, за-границей, одна, среди чужихъ, вдали отъ всѣхъ, которые мнѣ дороги—вотъ когда тяжело было бы умирать! А теперь не боюсь я смерти, и право, умереть лучше, чѣмъ жить...

— Вотъ онъ, исходъ жизни, думалъ Алгасовъ, слушая ее. У кого нѣтъ способа убѣжать отъ жизни и спрятаться отъ нея за какой-нибудь забавой, кто хочетъ только жить и больше ничего—всѣхъ приводитъ она все къ тому же, что смерть является избавительницей и желанной гостьей... Далекъ ли отъ этого я самъ? Если и нѣтъ еще у меня силъ и желанья застрѣлиться, то естественной смерти и я бы, пожалуй, обрадовался...

Съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе становилась Вѣра Юрьевна и тихо умерла она, окруженная близкими людьми, простившись со всѣми, причастившись, благословивъ и поцѣловавъ своихъ дѣтей. Умирая, она была бодрѣе всѣхъ окружающихъ, которые не въ силахъ были удержать своихъ слезъ.

— Наташа, Коля, милые вы мои, будьте счастливы, не плачьте, были ея послѣднія слова, сказанныя еле уже слышнымъ голосомъ.

XLIII.

Недолго грустилъ Алгасовъ по Вѣрѣ Юрьевнѣ: въ ней онъ не терялъ ничего и не было ему поводовъ грустить по ней, и почти тотчасъ же послѣ ея похоронъ обычнымъ своимъ порядкомъ пошла его прежняя свѣтская жизнь.

Впрочемъ, порядка этого именно и не было. Хотя у многихъ и пересталъ бывать Алгасовъ, сохранивъ ничтожную лишь часть былого обширнаго своего знакомства, но родныхъ и знакомыхъ домовъ все еще оставалось у него достаточно, и часто приходилось ему появляться на вечерахъ и балахъ. Онъ уже не избѣгалъ приглашеній, какъ два года назадъ: такъ далеко было отъ него прошлое, что ничего уже не напоминали ему эти балы и не волновали его. Равнодушно смотрѣлъ онъ на чужое веселье, жадно ловя каждую выпадавшую ему веселую минутку, но какъ ни старался онъ веселиться попрежнему—не удавалось уже это ему и болѣе чѣмъ когда-либо не зналъ онъ, что ему дѣлать, какъ жить, чего искать и чего просить отъ жизни. И прежде уже была вокругъ него пустота, но тогда хоть жива была въ немъ вѣра въ одинъ руководящій принципъ въ жизни, въ счастье, въ наслажденье, какъ цѣль и содержаніе жизни. И тогда тяжело было ему, но по крайней мѣрѣ онъ вѣрилъ, что если и не будетъ, то хоть *можетъ* быть хорошо, и онъ надѣялся на это хорошее и искалъ его, искалъ и въ своей, и въ чужой жизни, искалъ для себя и для всѣхъ своихъ ближнихъ. Тогда онъ зналъ, чего онъ хочетъ отъ жизни, и потому всегда и при всякихъ положеніяхъ зналъ, что ему дѣлать. Теперь поколебалась его вѣра въ тотъ руководящій принципъ, которому онъ служилъ до 28 лѣтъ своей жизни. Жить такъ, какъ онъ жилъ, Алгасовъ уже не могъ. Искать другой жизни—гдѣ и какъ ее искать?

Уже 28 лѣтъ ему, почти прошла уже молодость, а что она дала ему? Всю ее посвятилъ онъ исканію счастья и жизни, полной свободы, радостей и наслажденій, а что нашелъ онъ? Даже и вспомнить ему нечего, кромѣ пустоты и разочарованій ничего нѣтъ у него въ прошломъ, а между тѣмъ было время, когда ему казалось, что онъ нашелъ эту жизнь... Думая тогда придать своей жизни устойчивость и цѣльность, Алгасовъ ревниво оберегалъ ее ото всякихъ внѣшнихъ прикрасъ и постороннихъ, чуждыхъ его личному счастью цѣлей—и вотъ, въ то время, какъ всѣ друзья и ровесники его по крайней мѣрѣ прочно устроились, онъ и въ этомъ отсталъ отъ нихъ и, какъ жилъ онъ по выходѣ

изъ университета, такъ живетъ и сейчасъ, минутными порывами, неясными какими-то ожиданіями и смутными надеждами на будущее. Даже и въ 28 лѣтъ не наступило еще для него настоящее. Когда же наконецъ минетъ для него пора надеждъ и ожиданій, когда же познаетъ онъ жизнь?

И счастье еще для Алгасова, что хоть вѣра въ будущее не покинула его. Она упорно заставляла его жить и искать, онъ еще не отчаялся получить отъ жизни ясный отвѣтъ на свои вопросы, хотя и начиналъ уже бояться, что отвѣтъ этотъ будетъ отрицательный...

А гдѣ и чего искать? Одно было ясно Алгасову, что немыслимо на столько полное и безграничное наслажденіе, которое могло бы стать жизнью, что счастье въ нашей жизни случайно и, слѣдовательно, ни то, ни другое не можетъ быть содержаніемъ и цѣлью жизни.

Трудно было ему разстаться съ этой цѣлью. Она была такъ хороша и кромѣ того, столько лучшихъ лѣтъ своей жизни прожилъ онъ, стремясь къ наслажденью и къ счастью! Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ онъ себя помнить, онъ видѣлъ въ нихъ единственную цѣль и весь смыслъ жизни, другой цѣли не могъ онъ даже и понять и ее же получилъ въ наслѣдство отъ своего учителя и друга, отъ женщины, въ юности такъ восторженно имъ любимой.

Но пора уже было ему убѣдиться въ полнѣйшей несостоятельности этой цѣли. Онъ извѣдалъ всѣ наслажденья, доступныя человѣку въ нашей жизни. Молодой, здоровый, красивый, вполнѣ свободный, онъ жилъ независимо, богато, весело, среди общества, и столичнаго, и провинціальнаго, и въ обществѣ онъ былъ не ничтожнымъ какимъ-нибудь, незамѣтнымъ, затерявшимся въ толпѣ статистомъ, нѣтъ, онъ пользовался уваженіемъ и извѣстностью, онъ выдавался впередъ, былъ у всѣхъ на виду, возбуждая къ себѣ и любовь, и привязанность, и зависть, и ненависть, и что важнѣе всего—не огромному богатству, не знатному роду, не блестящей случайной карьерѣ, но лично себѣ и уму своему былъ онъ обязанъ тѣмъ мѣстомъ, которое занималъ онъ въ свѣтѣ. Онъ любилъ и былъ любимъ, и не можетъ сказать, что онъ былъ несчастливъ въ любви и не знаетъ

всѣхъ наслажденій и радостей, которыя въ силахъ дать любовь. Радости, даваемыя поэзіей и искусствомъ, и онѣ ему были доступны и наравнѣ съ прочими услаждали его дни. Все, что можетъ дать образованіе и развитіе—и этимъ вполнѣ насладился онъ. Немногіе лишь могутъ получить отъ жизни столько, сколько онъ получилъ отъ нея; онъ жилъ почти исключительной жизнью, онъ, въ исканіяхъ жизни всегда отвергавшій все, что носило на себѣ хотя какіе-нибудь слѣды исключительности, единственно допуская лишь исключительность богатства. Объ этомъ онъ такъ разсуждалъ, что стерляжья уха не станетъ вкуснѣе оттого, что подадутъ ее не въ простомъ глиняномъ горшкѣ, а въ мискѣ vieux-Sèvre, и что богатство, мѣняя обстановку, не можетъ и не въ силахъ измѣнить самой сути жизни и всѣхъ ея радостей.

А теперь онъ видѣлъ, что немногіе лишь могутъ жить, какъ онъ жилъ, что большинству даже и равныхъ его совершенно недоступна его жизнь. Но если, имѣя даже большее, не удовлетворился онъ имъ, то могъ ли бы онъ удовлетвориться меньшимъ?

Получивъ отъ жизни, всецѣло посвященной однѣмъ только радостямъ, всѣ радости, какія только она могла ему дать—а самъ Алгасовъ сознавалъ, что больше даже и пожелать ему уже нечего—все-таки пришелъ онъ къ скукѣ, къ сознанію мелочности и недолговѣчности всѣхъ радостей жизни и, что страшнѣе всего—къ полной пустотѣ и къ отсутствію всякихъ желаній. Онъ извѣдалъ всѣ доступныя людямъ радости жизни и ни на одной не остановился онъ, всѣ онѣ прискучили ему и выдохлись для него, и главное—слишкомъ уже скоро выдохлись. Онѣ были все тѣ же и все такъ же ему доступны, даже и самъ онъ все еще молодъ, а между тѣмъ онъ скучаетъ среди нихъ и даже тяготится ими. Это ли не доказательство ихъ несостоятельности?

И кромѣ своей жизни, въ болѣе или менѣе рѣзкихъ проявленіяхъ, но ту же скуку, ту же неудовлетворенность жизнью и то же недовольство ею и среди тѣхъ же богатыхъ и блестящихъ ея радостей видѣлъ Алгасовъ и вокругъ себя. Кто можетъ сказать, что онъ вполнѣ доволенъ

жизнью, что всегда одинаково радовали его жизнь и удовольствія и никогда не перестанутъ чаровать и радовать? Кто, кромѣ развѣ счастливца-Бальзаминова?

Неужели же нужно быть глупцомъ и ничтожествомъ, чтобы быть счастливымъ? А вѣдь почти можно сказать, что это такъ...

Это ли не достаточное доказательство несостоятельности всѣхъ нашихъ удовольствій и радостей?

Правда, оставались еще радости, не извѣданныя Алгасовымъ, но или нисколько не привлекали онѣ его, или же были недоступны ему, да и не только ему лично, а всѣмъ почти людямъ, кромѣ немногихъ, Самимъ Господомъ избранныхъ. Да и больше ли счастья даютъ эти радости, чѣмъ остальныя, менѣе яркія?

Напр., слава. Хороша и завидна жизнь, украшенная славой, но какъ достигнуть славы, если ее поставить себѣ цѣлью въ жизни? На какомъ пути? Всѣ одинаково, повидимому, открыты они и какой выбрать—объ этомъ приходится гадать хоть на кофейной гущѣ. За-границей есть по крайней мѣрѣ парламенты, куда попавъ, можно облегченнымъ уже способомъ добиваться извѣстности и барабаннаго боя блестящей славы, но въ Россіи, гдѣ даже изъ читателей газетъ, и то не всякій безошибочно перечтетъ всѣхъ въ данную минуту находящихся у власти министровъ, не говоря уже о сановникахъ менѣе крупныхъ?

Жилъ нѣкогда человѣкъ, какъ и Алгасовъ, страстно, вѣроятно, желавшій насладиться жизнью и всѣми ея радостями, между прочимъ и славой—и онъ достигъ своей цѣли, онъ прославился и даже обезсмертилъ свое имя: то былъ Геростратъ. Неизвѣстно, много ли радостей дала ему его слава, но при нынѣшнихъ нашихъ порядкахъ его современные подражатели могутъ разсчитывать развѣ что на славу посмертную, ту самую, 300 лѣтъ которой Вольтеръ отдавалъ за хорошее пищевареніе.

Говорятъ, для непреклонной воли нѣтъ невозможнаго. Спора нѣтъ, при энергіи можно добиться и извѣстности— не славы, а извѣстности — и тѣмъ болѣе такому богато одаренному человѣку, какъ Алгасовъ. Но развѣ не знаемъ мы примѣровъ людей, не удовлетворенныхъ извѣстностью, пре-

сытившихся ею, даже тяготящихся ею? Одна только слава завидна—слава генія, но она-то именно и недостижима ни для какой энергіи, ни для какой самой непреклонной воли. Истинныя радости славы заключаются въ сознаніи, что она дѣйствительно заслужена, что, удовлетворивъ хоть на мгновенье порывамъ человѣчества къ свѣту и счастью, все сдѣланное вами будетъ жить въ сердцахъ и памяти отдаленнѣйшихъ потомковъ, а не въ томъ, что на улицахъ будутъ указывать на васъ пальцами, будутъ раскупать ваши фотографіи, назовутъ вашимъ именемъ, отринувъ ради этого вѣковое его названіе, какой-нибудь переулокъ, въ день вашего юбилея дадутъ вамъ скучный обѣдъ съ скучными рѣчами, да неизящной персоной вашей обезобразятъ фонтанъ или площадь.

Или поэзія, искусство? Но еще болѣе требуютъ они призванія, исключительнаго дара. На нихъ нечего останавливаться.

Наука? Повидимому, для всѣхъ открыта она и всѣмъ доступны ея радости. Но наука для науки, безцѣльное накопленіе все новыхъ и новыхъ познаній для удовлетворенья пустого любопытства—это тоже своего рода забава, точь-въ-точь такая же, какъ и всѣ остальныя, и точно такъ же не выдерживающая критики. Съ другой стороны, творцы науки, тѣ, которые геніемъ своимъ двигаютъ ее впередъ—это тѣ же поэты и недоступно намъ ихъ счастье. Есть, правда, и мелкіе, второстепенные ученые, довольствующіеся или пересказываніемъ истинъ, открытыхъ геніями, или же собственными мелочными, ускользающими отъ вниманія геніевъ открытіями, но и такимъ ученымъ безполезно дѣлаться насильно. Дѣло не въ томъ, чтобы написать 4 тома in folio *De particula* „*a*"—написать ихъ не хитрость—а въ томъ, чтобы любить этотъ трудъ, искренно вѣрить въ него, видѣть въ немъ счастье—свое, и благо—человѣчества.

Нажива? Ею живутъ и наслаждаются многіе, но многіе и гнушаются ею. Къ тому же, цѣль самой наживы, особенно для Алгасова, имѣвшаго достаточно средствъ не только для комфорта, но и для нѣкоторой даже роскоши? Желалъ ли онъ большей роскоши? Нѣтъ, онъ и не мечталъ о ней и не допускалъ даже мысли, чтобы немного болѣе дорогая

обивка мебели или немного болѣе покойныя рессоры могли хоть что-нибудь прибавить къ его жизни. Къ тому же, все равно—недоступна ему настоящая роскошь: если уже мечтать о роскоши, если допустить, что какая-нибудь роскошь дѣйствительно можетъ дать и удовлетворенье, и счастье, и жизнь, то развѣ ужъ роскошь и богатство Ротшильда, его жизнь, міровое значеніе и наслѣдственный престижъ—быть даже Вандербильдтомъ, и этого слишкомъ еще мало, чтобы вполнѣ насладиться всѣми чарами богатства, говорилъ Алгасовъ. Но стать Ротшильдомъ и думать нечего, потому уже нечего, что Ротшильдъ великъ, пока одинъ, второй же явившійся Ротшильдъ неминуемо понизилъ бы всю красоту положенія и жизни Ротшильдовъ вообще.

Къ милліонамъ стремятся, ибо видятъ въ нихъ силу: такъ смотрятъ на нихъ всѣ, которые жаждутъ силы и значенія и никакими иными способами не могутъ ихъ достигнуть. Въ силѣ Алгасовъ не нуждался, и безъ нея жилось ему не плохо, и безъ милліоновъ нигдѣ не былъ онъ послѣднимъ человѣкомъ. Къ тому же, грошевую, жалкую цѣну имѣла въ глазахъ его сила, основанная на милліонахъ, сила, слишкомъ уже ограниченная и которой покорны только зло и ничтожество.

Власть? Насколько она можетъ украсить и наполнить жизнь—Алгасовъ это понялъ въ Веденяпинѣ. То была хоть и мелкая, и скромная, но все-таки власть. Но нѣтъ уже ея, скоро исчезнетъ и самая память о ней—и нечего, слѣдовательно, обсуждать ее.

Кромѣ этого угасшаго вида власти, другой мы не знаемъ. Власть полная, идеалъ власти, ее знаетъ одинъ только, отъ Бога ее получившій. Она не удѣлъ людей. Когда-то пышная власть Менщикова и Потемкина для современныхъ преемниковъ обоихъ Свѣтлѣйшихъ измельчала до неузнаваемости. Правда, много еще власти у министра, пожалуй, и у полкового даже командира есть она, но это уже пародія на власть, тутъ самую власть ограничиваетъ и заглушаетъ источникъ ея—должность: даже и неизмѣримо-скромнѣйшая власть помѣщика при крѣпостномъ правѣ была все-таки чище и полнѣе, и ближе подходила къ идеалу настоящей, неограниченной власти.

Много власти надъ толпой можно пріобрѣсти силой ума и убѣжденія, но мало для этого одной только непреклонной воли.

Кое какой, иногда, впрочемъ, и значительной даже власти можно добиться и съ помощью хитрости, интригъ и тайныхъ разныхъ происковъ, но можетъ ли даже радовать подобная власть, къ тому же купленная дорогой цѣной— цѣной потери собственнаго къ самому себѣ уваженія?

Честолюбіе? Алгасовъ не понималъ этой радости. Не понималъ онъ, почему бы его превосходительство или даже высокопревосходительство Александръ Семеновичъ Алгасовъ въ шитомъ золотомъ и звѣздами украшенномъ мундирѣ былъ счастливѣе его благородія Александра Семеновича Алгасова въ простомъ фракѣ, и не могъ онъ заставить себя повѣрить, что ордена и чины могутъ хоть что-нибудь прибавить къ его благополучію и счастью. Онъ понималъ еще честолюбіе римлянина, для котораго почетная должность являлась знакомъ вниманія владыки вселенной— великаго Рима, и неизбѣжно сопровождалась міровой извѣстностью и даже безсмертіемъ; но, не чувствуя въ себѣ генія, который выдвинулъ бы его изъ рядовъ никому невѣдомыхъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ и помогъ бы сдѣлаться историческимъ лицомъ, Алгасовъ не ощущалъ ни малѣйшаго влеченія къ какимъ-либо почетнымъ титуламъ, своей свободой дорожа болѣе, чѣмъ звѣздой или придворнымъ званіемъ.

Семья, наконецъ? Не имѣя ни жизни, ни счастья, не имѣя никакого даже представленія о жизни и счастьи, къ чему станетъ онъ желать имѣть семью, какъ будетъ воспитывать своихъ дѣтей, чему ихъ учить и къ чему готовить?

Нѣтъ спора, дѣти несравнимы, какъ забава, и много радостей могутъ они дать и такому даже бездомному человѣку, какъ Алгасовъ; но чтобы въ дѣтяхъ видѣть все въ своей жизни, чтобы страстно желать ихъ, для этого, кромѣ любви, еще надо что-то, изъ чего истекаетъ и самая сила, побуждающая человѣка любить жену и воспитывать дѣтей, не боясь за нихъ и за ихъ будущее. Вотъ это *что-то*, въ немъ и весь вопросъ...

И въ концѣ концовъ, лучшая изо всѣхъ земныхъ радостей, лучшее въ жизни человѣка—это все-таки любовь, безъ которой немыслима и самая семья. Но разъ нѣтъ жизни, *въ чемъ* лучшимъ будетъ любовь? Въ забавахъ? Къ сожалѣнію, и къ этой даже, лучшей и самой дорогой изо всѣхъ забавъ—и къ ней привыкаешь, и она перестаетъ забавлять.

Надо имѣть жизнь, ясную, опредѣленную и страстнолюбимую жизнь—и тогда только можно вполнѣ насладиться и семьей, и любовью. Хотя и не всѣ сознаютъ ея отсутствіе, но мало у кого есть такая жизнь—и оттого-то такъ рѣдко и видимъ мы счастливую любовь и счастливую семью.

Итакъ, надо признать, что отдѣльныя радости, отдѣльныя удовольствія существуютъ и даютъ счастливые минуты, часы, дни, недѣли, пожалуй, даже и годы. Но цѣлой, полной радостей и счастья жизни нѣтъ—въ этомъ Алгасовъ принужденъ былъ убѣдиться: не только самому не пришлось ему достигнуть ея, не смотря на всѣ его старанія и жертвы, но онъ даже и не видалъ ея нигдѣ, даже и не слыхалъ о ней, напротивъ, всюду и ото всѣхъ онъ слышалъ лишь отрицаніе этой жизни и даже порицаніе ея. И онъ готовъ былъ согласиться со всѣми, но одного только никакъ не могъ онъ понять—къ чему-же въ такомъ случаѣ дана намъ жизнь, если мы не можемъ ею пользоваться, и первѣе всего—для самихъ себя?

Но жизнь намъ дана, и должно же быть какое-нибудь въ ней содержаніе, это первое и самое необходимое условіе, безъ котораго жизнь—даже и не жизнь, а растительное прозябаніе. Чему же намъ отдать свою жизнь, въ чемъ искать ей содержанія?

Кажется, вся она открыта передъ Алгасовымъ, всѣ ея задачи извѣстны—и ни одна изъ нихъ не привлекала его, ни въ одной не видѣлъ онъ истины и ни одна не обѣщала ему жизни, полной труда или радостей, но во всякомъ случаѣ безъ оглядокъ и сомнѣній.

Друзья говорили ему, что онъ гоняется за призракомъ, вотъ откуда и проистекаютъ его неудачи. Онъ искалъ счастья, всѣмъ равно доступнаго и всѣхъ удовлетворяющаго, и жизни, состоящей въ стремленіи къ этому счастью и потому одной, общей для всѣхъ и всѣмъ одинаково ясной и доро-

гой. Это невозможно, говорили ему. Жизнь слишкомъ разнообразна въ своихъ проявленіяхъ и не можетъ уложиться въ одну опредѣленную рамку.

Но это было одно изъ самыхъ слабыхъ возраженій. Алгасовъ не отвергалъ разнообразія жизни, но и въ самомъ ея разнообразіи долженъ быть центръ, то, что безъ исключенія всѣмъ одинаково доступно и дорого. Вотъ это-то дорогое, способное жизни каждаго изъ насъ придать содержаніе, смыслъ и красоту—оно-то и создастъ одну, всѣмъ равно доступную и всѣхъ удовлетворяющую жизнь. Нисколько не исключаетъ оно иныхъ высшихъ цѣлей и задачъ въ жизни, напротивъ, оно удвоитъ энергію тѣхъ, которые пошли къ инымъ цѣлямъ, ибо для нихъ оно будетъ тѣмъ же, чѣмъ фундаментъ служитъ для зданія. Опираясь на это дорогое, еще смѣлѣе будутъ люди въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, ибо они будутъ знать, что, потерпѣвъ неудачу, уставъ, обманувшись, не останутся они на полдорогѣ, измученные, брошенные, съ исковерканной жизнью, никому и ничему не нужные, что есть жизнь, къ которой они всегда могутъ вернуться и найти въ ней отдыхъ, успокоеніе и даже радости. Одна, общая для всѣхъ и всѣмъ доступная жизнь, она всѣмъ дастъ счастье и никого не удержитъ при себѣ, если кто чувствуетъ въ себѣ силы и призваніе къ иному, болѣе высокому, трудному, сложному или блестящему.

Алгасовъ понималъ необходимость существованія жизни, не зависящей отъ случая или какихъ-либо исключительныхъ условій, ибо только она и могла бы устранить изъ нашей жизни всѣ эти слишкомъ уже рѣзко бросающіяся въ глаза несообразности, вродѣ, напр., недовольства жизнью, неудовлетворенности, разочарованія, исканія исполинскаго дѣла, погони за сильными ощущеніями и т. д. Но гдѣ эта жизнь?

Погасъ послѣдній фонарь, хотя тускло, но все-таки освѣщавшій ему путь, по которому онъ шелъ, ища ее. Прежде хоть мелькало что-то вдали, въ туманѣ, но туманъ разсѣялся, и за нимъ оказалась не жизнь, которой такъ страстно искалъ Алгасовъ, а пустота, скука и ничтожныя забавы. И какъ радъ былъ онъ теперь, какъ благодарилъ судьбу, что она не дала ему того, чего когда-то такъ

страстно желалъ онъ и такъ горячо просилъ у нея—любви княжны...

Навсегда останется въ его памяти милая, красивая, веселая дѣвушка. Что бы ни случилось съ нимъ, но время, которое онъ провелъ возлѣ нея, наслаждаясь ея красотой и весельемъ, мечтая о ея любви—это время останется лучшимъ въ его жизни. А что ожидало бы ихъ, если бы они повѣнчались—угадать не трудно: ожидавшая ихъ жизнь еще сто лѣтъ тому назадъ описана Бомарше въ его *Женитьбѣ Фигаро...* Да и невозможно иное, ибо что, какую жизнь раздѣлилъ бы онъ съ нею, какъ и графъ Альмавива—не живя самъ, не имѣя ничего, что наполняло бы хотя завтрашній день его? Эту окружающую его пустоту, безотрадное сознаніе, что нѣтъ и... и не можетъ даже быть, не видно нигдѣ цѣли, способной стать цѣлью и содержаніемъ жизни и дать намъ настоящую, разумную, полную жизнь? Что наполняло бы ихъ дни, которые они принуждены были бы проводить вмѣстѣ, что дало бы смыслъ и прочность ихъ любви? Ея красота? Она ему приглядѣлась бы, а въ концѣ концовъ и сама бы исчезла. Дѣти? На что они ему, чему научилъ бы онъ ихъ, въ чемъ указалъ бы имъ добро, что, кромѣ Веденяпина, оставилъ бы имъ въ наслѣдство? А Веденяпино не такое еще завидное наслѣдство, особенно если бы дѣтей было много.

Нѣтъ, лучше, въ тысячу разъ лучше, что не пошла за него княжна. По крайней мѣрѣ много хорошихъ, ничѣмъ не омраченныхъ дней спасено ему въ прошломъ, и образъ милой дѣвушки, юный, свѣтлый и радостный, сулящій счастье и много счастья—этотъ образъ проводитъ его до могилы.

Итогъ: радостей, наслажденій нѣтъ, не къ чему привязаться, нигдѣ и ни въ чемъ не видать цѣли жизни. Но если нѣтъ ни радостей, ни цѣли—стоитъ ли жить, стоитъ ли продолжать эту канитель, безконечную эту вереницу пустыхъ и ненужныхъ дней, полныхъ безотрадной тоски, мелочныхъ дрязгъ и пошлой скуки? Нѣтъ, въ такомъ случаѣ и жить не стоитъ.

Застрѣлиться-то, дѣло, пожалуй, и не мудреное, но вѣдь и это будетъ рѣшеніе только личнаго вопроса: жизнь, оче-

видно, дана людямъ не для того, чтобы стрѣляться, а чтобы жить, и мы должны жить. А разъ мы должны жить— такъ или иначе, но жизнь должна же давать себя чувствовать, ибо нельзя не только повѣрить, но даже и представить себѣ, чтобы Творецъ далъ намъ ее и вложилъ въ насъ душу и силы для безмятежнаго прозябанія, для ѣды и питья, для одного только ощущенія недовольства жизнью. Но что же дастъ, что же можетъ намъ дать возможность пользоваться жизнью и наслаждаться ею?

Опять попалъ Алгасовъ въ тотъ же заколдованный кругъ безконечныхъ противорѣчій. Съ одной стороны должна быть цѣль жизни, ибо есть сама жизнь, а съ другой — нигдѣ и ни въ чемъ не видать этой цѣли. Съ одной стороны—не стоитъ жить, а съ другой—уйти отъ жизни, значитъ испугаться задачи, предпочесть личное ея разрѣшеніе исканію рѣшенія общаго.

Основательны или нѣтъ подобныя разсужденія, но вѣрно одно, что не облегчаютъ они жизни, и трудно жилось Алгасову въ эти дни... Наружно ничѣмъ не проявлялъ онъ этого, оживленнымъ и веселымъ всегда видѣли его его знакомые, которые даже увѣрились, что наконецъ-то излѣчился онъ отъ глупаго своего увлеченія княжной. Но никогда, ни на какомъ балу не покидали Алгасова его думы и не таилъ онъ ихъ отъ своихъ друзей.

Сочувствія, впрочемъ, не встрѣчалъ онъ въ друзьяхъ и плохо даже понимали они его—такъ странны казались имъ всѣ его разсужденія. Ихъ приписывали исключительно одной только его праздности, и Павелъ Ивановичъ даже выслушать не захотѣлъ его до конца.

— Поневолѣ, если цѣлый день баклуши будешь бить, такъ и не это еще въ голову взбредетъ, сказалъ онъ.

— А не ты ли вчера ворчалъ, не ты ли жаловался и на скуку, и на усталость, и я уже не знаю, на что еще? возражалъ ему Алгасовъ.

— Жаловался!.. А ты, небось, хотѣлъ бы съ утра до ночи все плясать да хохотать? Этого нельзя, не знаю даже, откуда и набрался ты вздорныхъ такихъ понятій? Вчера точно было мнѣ скверно, потому что и безъ того уже дѣла эти надоѣли, а тутъ еще въ Правленіи разсердили меня, да изъ

Петербурга бумага эта, потомъ этотъ Гавриловъ... Ну все одно къ одному. А засѣли мы вечеромъ за преферансъ—и какъ рукой все сняло.

— Барышъ заниматься дѣлами, которыя надоѣли и сердятъ, замѣтилъ Алгасовъ.

— Это ничего, безъ нихъ еще было бы тошнѣе... Все-таки —занятіе! Вотъ въ будущемъ году возьму отпускъ, поѣду въ деревню, отдохну... И въ этомъ году хотѣлъ взять отпускъ, да эта новая должность, спѣшныя дѣла подошли, да тутъ еще мобилизація началась—ну какъ-то и неловко было уѣзжать.

— Какъ бы то ни было, а выходитъ, что твоя служба не только не спасаетъ тебя отъ недовольства и скуки, но и сама еще нагоняетъ ихъ, и не смотря даже на полу-военное теперешнее время...

— А безъ службы я давно бы ужъ, пожалуй, повѣсился!

— И это однѣ фразы! Я и безъ службы не вѣшаюсь, да и мало ли народа безъ нея обходится? Возьми хоть князя Дмитрія Алексѣевича: вся его служба только въ томъ и состоитъ, чтобы поскучать три-четыре дня на земскомъ собраніи, подписать два десятка бумагъ, да съѣздить въ Институтъ на барышень посмотрѣть. Если ему и это трудно, я готовъ ему помочь: посѣщеніе Института я, пожалуй, и на себя могу принять... Такъ вѣдь это все равно, что и совсѣмъ не служить, а живетъ же онъ, и какъ еще живетъ!..

— Такъ о чемъ же ты хлопочешь?

— Хочу тебѣ доказать, что вовсе не отъ праздности, какъ ты говоришь, пришелъ я къ такимъ взглядамъ.

— Ну, братъ, этого ты мнѣ никогда не докажешь!

Алгасовъ не продолжалъ доказывать, да и говорилъ-то онъ не для того, чтобы доказать; мысли его требовали исхода и единственнымъ для нихъ исходомъ были его разговоры съ друзьями.

Бачуринъ болѣе всѣхъ удивлялся мрачному настроенію Алгасова. Рѣшительно не могъ понять Константинъ Платоновичъ, какъ это возможно придти къ такому взгляду на жизнь, столь прекрасную въ его глазахъ: самъ никогда не задавался онъ никакими мудреными вопросами.

— Чего недостаетъ тебѣ? изумлялся онъ.

— Всего! коротко отвѣтилъ Алгасовъ.

— Ты уродъ! Вѣдь больно даже подумать, какъ могутъ люди сами испортить себѣ жизнь! Кажется, ты не можешь ни на что пожаловаться. Судьба дала тебѣ положеніе прекрасное, и еще улучшить его, сдѣлать его завиднымъ—это ужъ отъ тебя зависѣло, и если во всемъ ты всегда поступалъ какъ разъ наоборотъ тому, что требовало благоразуміе—пеняй ужъ на себя! Но и теперь твое положеніе далеко еще не безнадежно. Брось ты свои глупыя фантазіи, поселяйся въ Москвѣ, живи, какъ всѣ люди живутъ, не мечтай пересоздать міра, что только смѣшно. Возьми примѣръ съ меня. Я не стану тебѣ говорить про службу: тебя не переупрямишь, да и поздно ужъ. Но по крайней мѣрѣ создай себѣ почетное положеніе въ обществѣ. Женись, выбери дѣвушку со средствами и изъ хорошей фамиліи. Начни жить своимъ домомъ, пожалуй, служи по выборамъ, это служба почетная и не трудная, и не стѣснитъ твоей свободы, которой ты такъ дорожишь. Вотъ какъ надо жить и какъ всѣ мы живемъ, и повѣрь, иначе нельзя жить, никакія самыя лучшія разсужденія не приведутъ тебя ни къ какой иной жизни. Ты хочешь непремѣнно пересоздать жизнь, хочешь изобрѣсти что-то особенное. Скажи пожалуйста, къ чему это? Жизнь уже есть готовая, къ чему же еще создавать что-то?

— Костя, да въ этой жизни, которую ты мнѣ предлагаешь, куда въ ней уйти отъ пустоты и тоски, отъ всевозможныхъ вопросовъ и мучительныхъ сомнѣній?

— Взгляни на насъ, мы всѣ живемъ...

— А кто изъ васъ не знаетъ скуки? Кто изъ васъ не зналъ недовольства жизнью? Мало ли у васъ народа стрѣляется, топится, вѣшается? Ты можешь не разсуждать, не вдумываться во всѣ явленія жизни, въ ихъ смыслъ и разумность, а я не могу... Ну скажи, вполнѣ ли доволенъ ты своей жизнью, дѣйствительно ли нѣтъ въ ней ничего дурного, нѣтъ ни скуки, ни...

— Саша, да гдѣ же найдешь ты совершенство?

— А, вотъ ужъ какъ ты заговорилъ! Ну, Костя, если твоя жизнь даже и тебѣ не кажется совершенствомъ, я нашелъ бы въ ней еще больше изъяновъ.

— А къ чему? Надо брать отъ жизни, что она даетъ, и довольствоваться этимъ. Къ чему разсуждать, къ чему во все вдумываться, когда ясно вѣдь, что лучше не станетъ отъ этихъ разсужденій?

— Ну, Костя, на это я ужъ не съумѣю тебѣ отвѣтить. Къ чему бы, кажется, портить разсужденіями жизнь? А какъ жить-то можно хорошо, въ богатствѣ, въ роскоши, въ почетѣ, можно достигнуть и чиновъ, и вліянія, и денегъ, можно дойти до высшихъ ступеней доступнаго человѣку жизненнаго благополучія—и вотъ я не могу уже ничего этого, силъ нѣтъ, пустоту, суету одну вижу я тамъ, гдѣ вы видите благополучіе, и не въ силахъ я даже удержаться отъ разсужденій... Ты спрашиваешь—къ чему? И ты правъ, тебѣ это должно казаться страннымъ, ты никогда не ощущалъ въ себѣ назойливой этой потребности вдумываться въ жизнь. Но вспомни стихотвореніе Шиллера: *Истуканъ въ Саисѣ.* Тамъ два лица, которыя стоятъ передъ закрытой истиной: жрецъ и юноша. Жрецъ и мысли даже никогда не имѣлъ приподнять покрывало, и онъ провелъ безмятежную, долгую, почетную жизнь. Юноша — тотъ не могъ устоять: истина слишкомъ его манила и не остановился онъ передъ завѣтомъ Божества. Что онъ получилъ— ты знаешь: незавидную жизнь и раннюю могилу, но если бы и зналъ даже онъ это напередъ—и тогда не смогъ бы онъ не приподнять завѣсы, и если бы онъ испугался или не имѣлъ возможности приблизиться къ истукану и не узналъ бы, что скрывается за полотномъ, еще тяжелѣе была бы тогда его жизнь, еще скорѣе взяла бы его могила... Да, всматриваться въ жизнь, намъ уже данную, приподнимать покрывало, которое скрываетъ ея безсодержательность отъ васъ, покорно принимающихъ всѣ ея явленія— это такое же преступленіе, какъ и преступленіе Саисскаго юноши, и за него мы платимся такъ же, какъ поплатился и онъ: не вѣдать уже намъ долгой, безмятежной жизни, которой вы наслаждаетесь. Но не поднимать этого покрывала нельзя... Хуже будетъ. Теперь по крайней мѣрѣ я знаю, почему не удовлетворяетъ меня жизнь. Но любить жизнь и среди нея, дорогой и любимой, находить скучные, пустые, безъинтересные дни, невѣдомо какъ въ нее забравшіеся—

это должно быть еще томительнѣе! Я понимаю радость, счастье. Я понимаю страданіе, горе, несчастье, понимаю и потому, что вижу ихъ причину, и потому, наконецъ, что передъ ихъ грознымъ величіемъ мнѣ не унизительно смириться. Они даютъ жизнь, ибо ее чувствуешь при нихъ, хотя и болью, но все-таки чувствуешь, и наконецъ—съ ними можно бороться. Но вотъ эта томительная скука, безпричинная эта тоска, которая, не знаешь, откуда и какъ взялась, на которую и пожаловаться даже нельзя—вотъ что мучительно! Съ ней нельзя бороться, ибо она призракъ, покориться ей—слишкомъ уже унизительно, ибо я вижу, что она ниже меня, а между тѣмъ она овладѣваетъ мною и овладѣваетъ полнѣе, чѣмъ самое даже глубокое несчастье! При немъ хоть забыться можно, а тоска—отъ нея не спрячешься, ея не забудешь ни даже на минуту... Я испыталъ и то, и другое. Было время въ моей жизни, когда я былъ глубоко, безгранично несчастливъ, то время, когда дѣвушка, безъ конца мною любимая и на любовь которой я *могъ* и имѣлъ *основаніе* надѣяться, когда я узналъ, что эта дѣвушка приняла предложеніе другого. Это несчастье я пережилъ. Мои страданія кончились, я смирился. Но клянусь тебѣ, Костя, самыми тяжелыми днями въ моей жизни были не эти дни, а тѣ, когда, очнувшись отъ этого горя, я оглянулся на любимую дотолѣ жизнь и уже не увидѣлъ въ ней прежней красоты. Отчего то же самое, что давало мнѣ столько радостей и такъ еще недавно, вдругъ перестало ихъ давать, и откуда взялась тоска вмѣсто радости—ничего этого не зналъ я тогда, но тоска овладѣла мною, нигдѣ и ничѣмъ не могъ я спастись отъ нея, ибо самъ не понималъ ея источника; я стыдился ея, а между тѣмъ долженъ былъ ей подчиняться... Какъ тяжело это, Костя, тебѣ никогда не узнать и отъ души завидую тебѣ въ этомъ, такихъ тяжелыхъ минутъ даже и не въ силахъ заставить тебя испытать никакой баронъ, никакой министръ! Но тогда еще была у меня надежда на возможность жизни, хоть иной— это все равно, я стоялъ вѣдь за жизнь, а не за форму. Повидимому, положеніе мое было тогда лучше, чѣмъ теперь, но если бы не сорвалъ я наконецъ покрывала съ жизни и не узналъ бы всей ея пустоты и, пожалуй, полной для насъ

невозможности жить и быть счастливыми, если бы я продолжалъ тосковать, не понимая источника этой тоски и любя жизнь, ее породившую—я, вѣроятно, не имѣлъ бы теперь удовольствія бесѣдовать съ тобой. Когда я сорвалъ покрывало, положеніе мое стало ужаснѣе, ибо я лишился всѣхъ надеждъ, всѣхъ идеаловъ, всего, но мнѣ легче теперь. Той гнетущей, безпричинной тоски я уже не знаю. Я вижу, что нѣтъ настоящей, полной и радостной жизни; не могу постигнуть причины и цѣли отсутствія жизни, но смиряюсь передъ очевиднымъ, какъ передъ мощнымъ рокомъ, какъ передъ проклятьемъ, наложеннымъ на человѣка, какъ передъ глубокимъ несчастьемъ, которое выше меня. Ты видишь, я даже спокойнѣе сталъ, когда узналъ это, т. е., когда сорвалъ наконецъ покрывало съ жизни. Ты переживешь меня и, какъ Саисскій юноша, заповѣдаю я тебѣ не касаться этого покрывала, но видишь—я все-таки живу и не ощущаю ни малѣйшаго желанія застрѣлиться.

— Да! все это такъ, но гдѣ ручательство, что на твоей сторонѣ правда, что ты не заблуждаешься? А это легко, и вотъ въ чемъ, по моему, твоя ошибка: ты разсматриваешь отдѣльныя части жизни, видишь ихъ несостоятельность и смѣешься надъ ними. Но жизнь, хотя она и состоитъ изъ частей—она одно. Бери ее, какъ одно, и ты не увидишь этой пустоты. Тебѣ смѣшно, что меня огорчаетъ какая-нибудь служебная непріятность, ну хоть то, напр., что я не пожалованъ въ камергеры, какъ надѣялся, а между тѣмъ пожалованъ Кусаковъ, который моложе меня по службѣ. И пожалуй, это смѣшно, ибо камергерство многаго, разумѣется, не прибавитъ къ моей жизни, до Кусакова мнѣ дѣла нѣтъ, и Кусаковъ, хотя и камергеръ, а все-таки во всемъ завидуетъ мнѣ, ибо мое общественное положеніе все-таки лучше и завиднѣе его положенія. Но возьми не этотъ отдѣльный фактъ, взгляни на него въ связи съ другими, возьми всю мою жизнь, въ ней и камергерство имѣетъ извѣстное значеніе, и въ исканіи его есть своя цѣль. А ты всѣ факты разсматриваешь каждый отдѣльно и, понятно, приходишь къ невѣрнымъ выводамъ!

— Нѣтъ! Я разсматриваю не факты, а именно всю жизнь, и въ ней не вижу я ни содержанія, ни красоты, ни полноты,

я не вижу въ ней цѣли, которая могла бы объединить ее. Ты хочешь сдѣлать блестящую карьеру, и я хорошо понимаю, что въ достиженіи этой цѣли камергерство имѣетъ свое значеніе, какъ одинъ изъ фазисовъ карьеры. Но разъ я не вижу, чтобы карьера могла и была достойна стать цѣлью жизни, разъ я убѣдился въ полнѣйшей несостоятельности самой карьеры, какъ же хочешь ты, чтобы я безъ смѣха видѣлъ твою досаду на Кусакова, оказавшагося половчѣе тебя? Ты правъ, жизнь одно, но въ этомъ одномъ что-нибудь необходимо должно преобладать, служить средоточіемъ и къ себѣ уже пріурочивать все остальное. Въ жизни должно быть что-нибудь одно, что даетъ ей смыслъ и содержаніе, все же остальное только украшаетъ ее и помогаетъ первому. Въ твоей жизни такое средоточіе—карьера, карьера служебная, придворная, общественная, всѣ три вмѣстѣ и каждая изъ трехъ отдѣльно, а я именно и не вижу, что въ состояніи быть средоточіемъ моей жизни, въ томъ-то и весь вопросъ—найти это средоточіе! Прежде я видѣлъ его въ радостяхъ, въ наслажденіи удовольствіями и жизнью, но это средоточіе оказалось несостоятельнымъ, другого же нигдѣ и ни въ чемъ не могу я найти...

— Значитъ, полное разочарованіе въ жизни?

— Больше: я и жизни даже не вижу, и разочаровываться не въ чемъ...

— Ну ужъ не знаю, чѣмъ и помочь тебѣ!.. Ступай въ добровольцы, освобождай славянъ, вотъ все, что могу тебѣ предложить.

— Ужъ постараюсь какъ-нибудь прожить, не прибѣгая къ этому средству.

— Да, я вѣдь и забылъ, ты не сторонникъ славянской идеи. Но признаюсь, этого я не понимаю, какъ это не сочувствовать ихъ освобожденію, не сочувствовать народу, единоплеменному намъ, нашимъ братьямъ...

— Ужъ нечего сказать, если точно вся эта сволочь—братья наши, не лестное же родство у русскаго народа! Отъ души сочувствую ихъ освобожденію, но пусть освобождаются сами... Загляни въ любой календарь, въ любую географію—и ты увидишь, что этихъ трусовъ милліоны, и горсть турокъ держитъ ихъ въ страхѣ и трепетѣ. Если бы только

видѣлъ ты, Костя, этихъ братьевъ-славянъ, вмѣсто того, чтобы драться съ турками, разъѣзжающихъ по Россіи за милостыней! Не знаю, заходятъ ли они къ вамъ, въ Москву, но въ деревнѣ мы видимъ ихъ много. Положимъ, это отребье народа, но народъ, способный порождать нѣчто подобное— вполнѣ стоитъ онъ турокъ съ ихъ звѣрствами. Гаже, отвратительнѣе, нахальнѣе этихъ братьевъ я ничего и не видалъ, и не знаю. Разъ, единственный разъ съигралъ я дурака, далъ одной шайкѣ этихъ братьевъ цѣлковый. Такъ надо было видѣть, какъ они разгнѣвались и разобидѣлись! Не только благодарить, ругать принялись меня, приводя въ примѣръ „хорошихъ“ господъ, дававшихъ имъ по десяти рублей, и насилу вытолкали ихъ три лакея съ кучеромъ— братья-то дюжіе такіе... Рубль, впрочемъ, взяли. И сколько подобныхъ же мерзостей можно бы поразсказать про нихъ... И эту-то дрянь освобождать? Да подумай, вѣдь за подобную мразь будутъ умирать русскіе солдаты, т. е. дѣйствительные уже наши братья, изъ которыхъ каждый, дешево ужъ класть, стоитъ тысячи этихъ трусовъ!

— Какъ ты ихъ бранишь! Но нельзя же судить о цѣломъ народѣ по нѣсколькимъ десяткамъ нищихъ, которыхъ ты видѣлъ. Мы обязаны имъ помогать, ибо къ кому же и обратиться имъ, какъ не къ намъ, ихъ братьямъ?

— Еще болѣе опротивѣли они мнѣ отъ этого навязыванья всякой сволочи въ братья русскому народу... И объясни мнѣ слѣдующее. Война у насъ, можно сказать, на носу, не нынче — завтра можно ждать ея объявленья. По какому процессу мысли мы, которые только что неизвѣстно зачѣмъ помогли завоеванію Альзаса и Лотарингіи, сами, наконецъ лишившіе свободы кавказскихъ горцевъ, людей, искренно любившихъ ее и горячо за нее боровшихся—и мы собираемся теперь возвращать свободу чортъ знаетъ кому? Повѣрь, если бы численное отношеніе горцевъ къ Россіи хотя на одну десятую было таково, какъ отношеніе славянъ къ туркамъ—не видать бы намъ никогда Кавказа!

— А вотъ, въ самомъ дѣлѣ, если будетъ у насъ война, поступай на военную службу!

— Покорно благодарю! Будь это настоящая, русская война— первымъ пошелъ бы я въ солдаты, а ужъ отъ освобожде-

нья болгаръ уволь меня, пусть освобождаются сами, если это имъ нужно... Вѣдь и Россія была когда-то подъ властью и татаръ, и поляковъ, и французовъ, однако же ни у кого не клянчили мы на бѣдность... Наконецъ, добилась же свободы Грекія... И если бы дѣйствительно жаждали свободы эти *братья* наши, если бы они дѣйствительно видѣли въ ней благо и всѣмъ готовы были пожертвовать за нее, а не ждали бы, сложа руки, когда доброхотный какой датель поднесетъ имъ ее, какъ лишнее житейское удобство, то мало развѣ вели мы войнъ съ турками и что стоило бы имъ единодушно всѣмъ возстать во время любой изъ этихъ войнъ? Нѣтъ, вполнѣ вхожу я въ положеніе турокъ, не желающихъ лишаться своей собственности, и все не понимаю, отчего не возьмутся они наконецъ за умъ и не вырѣжутъ этихъ трусовъ поголовно?

— Ну, Саша, вдругъ перебилъ его Бачуринъ, ты вѣдь знаешь, какое теперь время, и пожалуйста, не вздумай при комъ-нибудь такія идеи проповѣдовать, особенно при Коркачевѣ!.. Со мной что угодно можешь говорить, я вѣдь все свое сочувствіе братьямъ ограничиваю пожертвованіями, да жена еще что-то въ какомъ-то комитетѣ дѣлаетъ...

— И что же, на много заставляютъ тебя раскошеливаться? съ насмѣшливой улыбкой спросилъ его Алгасовъ.

— Мы до утра будемъ говорить съ тобой и ни до чего не договоримся, вставая, отвѣтилъ ему Бачуринъ. Прощай, жена и такъ ужъ, я думаю, заждалась меня...

Всего болѣе сочувствія встрѣчалъ Алгасовъ въ Костыгинѣ. Оно и понятно: лучше, чѣмъ кто-либо, зналъ Костыгинъ и его самого, и весь ходъ развитія его мыслей и къ тому же онъ любилъ Алгасова и всегда близко къ сердцу принималъ все, что огорчало и волновало его друга. Но и Костыгинъ сочувствовалъ не взглядамъ его, которыхъ онъ тоже не понималъ, а тому жалкому состоянію, до котораго довели Алгасова эти взгляды: Костыгину жаль было Алгасова...

Алгасовъ попрежнему часто навѣщалъ Костыгиныхъ и иногда проводилъ у нихъ по нѣскольку дней; даже и Лизку полюбилъ онъ и по цѣлымъ часамъ игралъ съ ней и няньчилъ ее. Дѣвочка тоже привыкла къ нему и, когда онъ

пріѣзжалъ, всегда встрѣчала его съ радостной улыбкой и съ протянутыми ручонками, настойчиво просясь къ нему.

Когда, вернувшись въ Москву, въ первый разъ пріѣхалъ Алгасовъ на фабрику, Сергѣй Игнатьевичъ встрѣтилъ его съ Лизкой на рукахъ. Увидя его съ маленькой, изо всѣхъ силъ оравшей дѣвочкой, Алгасовъ не могъ удержаться отъ смѣха, такъ чудно показалось ему, что Сережа, тотъ самый Сережа, съ которымъ такъ еще, казалось, недавно играли они и зубрили латинскія спряженія—и этотъ Сережа вдругъ встрѣчаетъ его, держа на рукахъ свою собственную дочь... Долго не могъ Алгасовъ вполнѣ освоиться съ этой перемѣной въ положеніи своего друга.

Сначала Алгасовъ все только глядѣлъ на Лизку и не рѣшался даже поцѣловать ее, не только что взять на руки. Но разъ онъ и Лизавета Ивановна были одни: Костыгинъ былъ на фабрикѣ, а нянька Лизки обѣдала. Лизавету Ивановну вызвали въ кладовую и, уходя, она подала Лизку Алгасову.

— Подержите ее, сказала она.

— Да какъ я буду держать ее? съ изумленіемъ возразилъ Алгасовъ.

— Берите и держите, съ улыбкой повторила Лизавета Ивановна, цѣлуя дѣвочку и передавая ее Алгасову.

— Право, я и не умѣю держать, еще возразилъ онъ, но Лизавета Ивановна не стала его слушать, положила Лизку ему на руки и ушла, сказавъ:

— Осторожнѣе только, не уроните, а то Сережа вамъ задастъ!

— Я не ручаюсь, Лизавета Ивановна, сказалъ ей вслѣдъ Алгасовъ.

Но, къ удивленію, дѣвочка покорно перешла къ нему на руки и даже очень занялась медальономъ на его цѣпочкѣ. Долго вертѣла и разсматривала она этотъ медальонъ и отправила его въ ротъ. Придерживая ее одной рукой, Алгасовъ отцѣпилъ крючокъ и отдалъ въ ея распоряженіе и медальонъ, и всѣ прочія, вмѣстѣ съ нимъ висѣвшія на цѣпочкѣ украшенія. Украшенія эти очень понравились Лизкѣ; она долго перебирала ихъ и вдругъ, улыбнувшись и поднявъ ручонки, взглянула на Алгасова и съ тихимъ, радостнымъ

визжаніемъ сунула ему въ ротъ все, и ручонку свою, и медальоны. Съ этихъ поръ они стали друзьями и Алгасовъ полюбилъ даже играть съ Лизкой, такъ что Лизавета Ивановна спокойно оставляла ее съ нимъ, уходя куда-нибудь по хозяйству, и часто дѣвочка засыпала на его рукахъ.

Сергѣй Игнатьевичъ очень удивился, увидѣвъ свою дочь на рукахъ у Алгасова. Но еще болѣе удивился онъ, когда Алгасовъ сталъ возиться съ Лизкой не менѣе его самого.

— Такъ ты это все только притворяешься, что не любишь дѣтей, говорилъ онъ, любуясь на дочь и на друга.

— Люблю чужихъ, Сережа, но не имѣю ни малѣйшаго желанія обзавестись своими, отвѣтилъ ему Алгасовъ.

— А будутъ свои—и ихъ будете любить, сказала Лизавета Ивановна.

— Тогда ужъ дѣлать нечего, люби, не люби—не поможетъ...

— И какъ любить-то еще будете, продолжала Лизавета Ивановна. И неужели вамъ не завидно, глядя на насъ съ Сережей? Какъ мы славно живемъ, право, намъ можно позавидовать!..

Съ любовью взглянула она на мужа. Мужъ взялъ ея руку и поцѣловалъ ее.

— Что дѣлать, Лизавета Ивановна, не сразу произнесъ ей въ отвѣтъ Алгасовъ. Вы живете хорошо, но, не знаю почему—даже и не думается мнѣ о такой жизни. Да и врядъ ли она возможна для меня!..

Онъ замолчалъ. Лизавета Ивановна ничего не нашлась ему отвѣтить и съ сожалѣніемъ лишь взглянула на него. Костыгинъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Грустно, Саша, вдругъ началъ онъ, останавливаясь передъ Алгасовымъ, грустно, что твоя жизнь привела тебя къ такимъ печальнымъ результатамъ! Грустно потому еще, что начиналъ ты ее съ блестящими, широкими надеждами. Кажется, что было хорошаго въ твоей тогдашней жизни? Чѣмъ отличалась она отъ жизни хоть барона Ѳедора Николаевича? А между тѣмъ, всѣхъ покорялъ ты своей искренностью и благородствомъ своихъ стремленій и всѣ покорно разступались передъ тобой. Многіе порицали твою жизнь,

никто не хвалилъ ея, но всѣ невольно тебя любили. И какъ печально все кончилось! А между тѣмъ, лучшая половина жизни ужъ прошла...

Алгасовъ молча сидѣлъ на диванѣ и ничего не отвѣтилъ своему другу.

— Кажется, что можетъ быть лучше твоей веселой молодости? снова заговорилъ Костыгинъ. Сколькіе тебѣ завидовали, и такіе, которымъ по настоящему ты самъ бы долженъ завидовать! И вотъ, ты дошелъ до того, что даже головы преклонить тебѣ некуда, т. е. некуда въ нравственномъ смыслѣ: у тебя нѣтъ минуты, на разумности которой ты могъ бы отдохнуть душой. Саша, мнѣ больно за тебя! Когда-то мы жили вмѣстѣ и искренно, по-братски, дѣлили всѣ свои юныя радости, труды, жизнь—все. Потомъ мы разошлись на жизненномъ пути. Вступая въ жизнь, мы взглянули на нее разными глазами. Теперь сравни результаты жизни твоей и моей и суди, на чьей сторонѣ правда.

Онъ опять остановился. Алгасовъ молчалъ и не глядѣлъ на него. Лизавета Ивановна съ нѣкоторымъ изумленіемъ слушала оживленную рѣчь своего всегда спокойнаго мужа.

— Ты погнался за наслажденіями, продолжалъ Костыгинъ, ты забылъ даже, что можетъ быть иное назначеніе въ жизни, ты и не принялъ въ разсчетъ этого назначенія и не подумалъ о немъ. Это назначеніе—трудъ! Въ немъ наслажденіе! Въ отдыхѣ отъ труда радость! Ты правъ, не желая дѣтей. Ты былъ бы съ ними цѣлый день—и, естественно, они надоѣли бы тебѣ. Но если бы когда-нибудь узналъ ты радость, которую я знаю, радость усталому, голодному вернуться вечеромъ съ фабрики и дома найти жену, ожидающую тебя за кипящимъ самоваромъ, поцѣловать дочь, поиграть съ ней, отдохнуть среди нихъ, въ ихъ ласкахъ почерпая силы для завтрашняго трудового дня, если бы зналъ ты эту радость, ты не сталъ бы и думать объ иныхъ.

Торжественно, громко звучала рѣчь Костыгина. Тихо и нерѣшительно отвѣчалъ ему Алгасовъ:

— Ты ошибаешься, я не мало думалъ о трудѣ, но я не вижу его для себя. Я достаточно богатъ и не желаю боль-

шаго. Для чего же стану я трудиться? Трудъ для труда, выпиливанье рамокъ изъ орѣховаго дерева, это что ли?

— Нѣтъ, Саша. Тебѣ не нужно трудиться для себя—тѣмъ лучше, трудись для другихъ, отдавай имъ плоды своего труда. Повѣрь, въ трудѣ только найдешь ты истинное наслажденіе. Трудъ состоитъ не въ одномъ лишь добываніи денегъ, трудъ, направленный ко благу другихъ, на пользу общества, это тоже трудъ и онъ даетъ еще большія радости. Если бы на подобный трудъ употребилъ ты свой умъ и энергію, сколько счастья далъ бы ты другимъ, сколько благодарности и уваженія получилъ бы ты въ награду...

— А личная жизнь, Сережа? возразилъ Алгасовъ. Трудъ для необходимыхъ денегъ—это разумный трудъ, въ которомъ нечего сомнѣваться. Но для того труда, который ты мнѣ предлагаешь, для него нужно дѣло, дорогое душѣ дѣло, въ которое можно бы положить всѣ свои силы, всю вѣру, всю любовь свою, безъ этого никакой трудъ, не вызванный необходимостью, не наполнитъ жизни. Съ завистью смотрю я на людей, убѣжденныхъ, что нравственный долгъ нашъ—помогать славянамъ. Дорого далъ бы я, чтобы смотрѣть на вещи ихъ глазами, и тогда себя, жизнь, состояніе—все отдалъ бы я дѣлу освобожденія славянъ. Но представь, если бы я пошелъ въ добровольцы при моихъ теперешнихъ взглядахъ, что, какое удовлетвореніе и какую жизнь дало бы мнѣ это дѣло, или, вѣрнѣе, забава?

— Тамъ ты идешь на всевозможныя страданія и лишенія, даже прямо на смерть—это дѣло совершенно иное. Но въ томъ-то и ошибка твоя! Ты говоришь: или жизнь, или трудъ, вмѣсто того, чтобы сказать: и жизнь, и трудъ. Развѣ трудъ, не въ Сербіи, а въ своемъ отечествѣ, развѣ онъ исключаетъ личную жизнь? Нѣтъ, онъ только украшаетъ ее. Мой трудъ, напр., онъ вызванъ необходимостью, мнѣ надо заработать кусокъ хлѣба себѣ, женѣ и дочери. Подобный трудъ, совсѣмъ, казалось бы, долженъ сдавить человѣка, а на повѣрку, у меня не только есть личная жизнь, но даже и лучше и полнѣе твоей. Положимъ, какъ ни хотѣлось мнѣ, а лѣтомъ не могъ я пріѣхать къ тебѣ въ Веденяпино, но то наслажденіе, которое даетъ трудъ, оно съ избыткомъ вознаграждаетъ за подобныя мелочныя стѣсненія.

Ты свободенъ, а неужели совсѣмъ обходишься ты безо всякихъ стѣсненій и всегда дѣлаешь только то, что въ данную минуту тебѣ хочется дѣлать?

— Укажи мнѣ трудъ, сказалъ Алгасовъ.

— Изволь. Ты получилъ въ наслѣдство прекрасное имѣніе и ты его бросилъ на произволъ судьбы, то имѣніе, которое устраивали для тебя нѣсколько поколѣній твоихъ предковъ. Хорошо это?

— Сережа, да вѣдь я не проживаю и того, что получаю, и я поѣду хозяйничать? Для чего? Чтобы еще больше оставалось у меня отъ каждаго года, чтобы еще больше этихъ остатковъ откладывать?

— А развѣ, хозяйничая, нельзя думать не объ одномъ только себѣ? Во-первыхъ, лучше уже больше откладывать, чѣмъ бросать на вѣтеръ часть своихъ доходовъ, вѣдь они даже и не поступаютъ въ другіе карманы, а просто теряются отъ неумѣлаго и небрежнаго обращенія съ землей. Эти доходы, не только ты—вся страна ихъ теряетъ. И для тебя, и для страны будетъ выгоднѣе, если ты будешь больше откладывать, а кромѣ того, если не нравится тебѣ откладыванье—развѣ не можешь ты давать этимъ остаткамъ, какое хочешь, иное назначеніе? Но еще вотъ что. Ты богатъ. Возьми на себя тѣ хозяйственные опыты, которые требуютъ затратъ, а барышъ или убытокъ принесутъ они—это еще надо узнать. Не всякому доступны такіе опыты, но ты смѣло можешь отважиться на нихъ, пренебрегая убыткомъ. А эти опыты нужны. Россія нуждается въ томъ, чтобы выяснилось, какіе изъ заграничныхъ системъ и пріемовъ хозяйства примѣнимы у насъ, и какіе—нѣтъ. При старомъ трехпольѣ да при сохѣ нельзя намъ оставаться, надо ввести въ хозяйство новые элементы, но зря ихъ нечего вводить, не все, что хорошо за-границей, хорошо и практично и у насъ. Потомъ, хозяйничая, не забывай и крестьянъ, сдѣлай такъ, чтобы они получали отъ тебя возможно больше пользы, не старайся нанимать ихъ подешевле и не основывай на этомъ хозяйства, не выжимай у нихъ грошей, но соразмѣряй плату съ трудомъ и пользой и старайся, чтобы всегда и во всякое время года была у твоихъ крестьянъ возможность выгодно работать. Поставь себѣ такія задачи—и не только

себѣ одному, тысячамъ принесешь ты пользу. А что касается до личной жизни—жилъ же ты въ деревнѣ, прожилъ тамъ полтора года и опять туда собираешься, значитъ, есть же возможность тамъ жить, а какъ украситъ эту жизнь разумный трудъ!

Алгасовъ ничего не отвѣтилъ на это, но мысль Костыгина поразила его.

— Наконецъ, оставь хозяйство, продолжалъ Костыгинъ, не всѣ любятъ его, не всѣ и способны къ нему. Служи. Ты требуешь отъ службы чего-то невозможнаго; взгляни на нее проще, взгляни, какъ на трудъ. Выбери должность, не ту, которая пріятнѣй, почетнѣй или выгоднѣй, а ту, на которой твои знанія и твоя честность могутъ принести всего болѣе пользы. Не вдумывайся въ эту должность, не разбирай ея—во всякой можно найти какія-нибудь пятна. Разъ извѣстная должность существуетъ—значитъ, она нужна и вызвана потребностями жизни и, занимая эту должность, ты служишь людямъ и ихъ благу.

— Да въ томъ-то и дѣло, что потребности жизни бываютъ всякія! горячо возразилъ Алгасовъ. Вчера былъ я у Юнкера, заходилъ, по совѣту Боброва, обмѣнить однѣ бумаги на другія. Это тоже потребность—продавать, покупать и закладывать бумаги, и ей тоже надо удовлетворять, но я смотрѣть не могъ безъ ужаса на этихъ несчастныхъ, обреченныхъ судьбой удовлетворять этой потребности. Цѣлый день, съ утра до ночи, все считать чужія деньги, слышать и говорить названія всевозможныхъ бумагъ, слышать, писать, говорить все только цифры, цифры и цифры, да мало этого—ни единаго слова не услышать, которое не касалось бы цифръ и бумагъ... Я не знаю, что, Сережа, могутъ они говорить о чемъ-нибудь, кромѣ бумагъ? Что они, такъ же, какъ и мы, влюбляются, увлекаются, измѣняютъ? Мнѣ кажется, ихъ позорное, не во гнѣвъ будь сказано Конту, существованіе, лишаетъ ихъ всякихъ человѣческихъ порывовъ и чувствъ, это уже не люди, а какіе-то ходячіе биржевые бюллетени... Что ты ни говори про службу и трудъ, но если бы судьба поставила меня въ такое положеніе, что мнѣ не было бы иного исхода, кромѣ конторы Юнкера, я бы зарѣзалъ кого-нибудь, чтобы хоть на каторгу попасть, лишь бы избавиться отъ этого смрада.

— А между тѣмъ, я увѣренъ, они превесело живутъ, ибо получаютъ хорошее жалованье, смѣясь, отвѣтилъ Костыгинъ. Но развѣ такъ ничего ужъ и выбрать нельзя, кромѣ конторы Юнкера? Развѣ нѣтъ ни одной должности, которая нравилась бы тебѣ?

Алгасовъ не сразу ему отвѣтилъ.

— Мнѣ больше ничего и не осталось, Сережа, какъ приняться за тотъ или иной трудъ, началъ онъ наконецъ. Объ этомъ я ужъ и думалъ... Я жилъ для наслажденья— и оно мнѣ измѣнило... Мое несчастье въ томъ, что я не могу разувѣрить себя: попрежнему, я вѣрю, что наслажденье, радости, счастье, это одно только и дорого намъ, только это и прекрасно, и достойно быть содержаніемъ и цѣлью нашей жизни. Что дѣлать! Но я хочу испытать и другое. Одной вѣрой не проживешь, да, можетъ, и разувѣритъ меня жизнь... Я буду теперь жить для труда, но я ужъ отрекаюсь отъ личной жизни... до извѣстной степени, конечно... Соединить личную жизнь и трудъ, этого я не умѣю и только поэтому до сихъ поръ и не видѣлъ я дѣла, способнаго удовлетворить меня. Итакъ, я отрекаюсь отъ личной жизни, впрочемъ, и отрекаться не отъ чего, нѣтъ у меня личной жизни, можетъ-быть, и къ лучшему... Отнынѣ я отдаюсь труду, уже не думая о себѣ, насколько это возможно для меня. Удовлетворитъ меня трудъ, дастъ мнѣ жизнь—хорошо. Нѣтъ—опять останусь я безъ почвы и дороги. Какъ бы то ни было, но мнѣ выбора нѣтъ, и уже лучше хоть что-нибудь, чѣмъ ничего. Когда-то я другое говорилъ, но теперь я смирился. Но чтобы трудъ дѣйствительно украшалъ жизнь, какъ ты говоришь, нужно, чтобы трудъ этотъ состоялъ въ служеніи дорогому мнѣ дѣлу— или по крайней уже мѣрѣ былъ необходимъ для меня самого. Впрочемъ, продолжалъ онъ, помолчавъ, для меня трудъ будетъ полезенъ и въ томъ еще отношеніи, что онъ расширитъ мое пониманіе жизни, а мнѣ это надо, чтобы сдѣлать правильный выводъ...

— Итакъ, рѣшено? спросилъ Костыгинъ, протягивая ему руку.

— Рѣшено, отвѣтилъ Алгасовъ, пожимая ее.

— Ты будешь счастливъ, сказалъ Костыгинъ.

— Не знаю и не надѣюсь, печально проговорилъ Алгасовъ. Теперь выберемъ трудъ. Любимаго нѣтъ—значитъ, всѣ пути открыты и есть печальное право выбора, произнесъ онъ съ грустной улыбкой. Мнѣ больше нравится хозяйство, чѣмъ служба. Во-первыхъ, это дѣло живѣе, во-вторыхъ, по моему—оно полезнѣе, въ-третьихъ — не такъ все-таки стѣснитъ моей свободы, въ-четвертыхъ—тяжело было бы мнѣ привыкать къ подчиненію. Итакъ, отнынѣ я хозяинъ, хозяинъ-прогрессистъ и учитель хозяйству, т. е. сначала ученикъ, а потомъ уже учитель. Польза для другихъ впереди собственной выгоды. Что сказалъ бы мой отецъ!..

Безпокойный, лихорадочный огонь горѣлъ въ его глазахъ, когда быстро и отрывочно говорилъ онъ эти фразы. Онъ улыбался, но нерадостна была эта улыбка...

— Отъ души желаю тебѣ успѣха и... счастья, сказалъ Костыгинъ, съ любовью глядя на него. Повѣрь, трудъ, полезный для другихъ, дастъ тебѣ вѣрную и безошибочную цѣль въ жизни.

— Если бы только сбылось твое предсказаніе!... грустно произнесъ Алгасовъ.

Скоро, повидимому, принялъ онъ новое рѣшеніе, но не безъ сильной душевной борьбы обошлась ему эта перемѣна. Тяжело было ему отрекаться отъ старыхъ своихъ взглядовъ на цѣль жизни и на жизнь: хотя и опровергнутые, повидимому, жизнью, опровергнутые, кромѣ того, разсудкомъ, все-таки упорно продолжали они жить въ его душѣ. Онъ и самъ не понималъ, что даетъ имъ силу пережить самихъ себя и не мало смущалъ его вопросъ о причинѣ этой живучести, но онъ принудилъ себя разстаться съ ними и принять новые взгляды и новую цѣль. Удалось ему это не вполнѣ: онъ принялъ эти новые взгляды, да другого ничего и не оставалось ему, но съ старыми онъ не разстался, а только простился...

Соединить и то, и другое, и личную жизнь, и трудъ—этого онъ не умѣлъ, какъ ни желалъ онъ этого, но въ то же время не могъ онъ признать и того, что это вещи совершенно несоединимыя, до нѣкоторой по крайней мѣрѣ степени.

— Вѣдь это же не дѣло, это всего только трудъ, думалъ онъ, и невольно давала ему надежды эта мысль.

И когда, простившись съ старой жизнью, Алгасовъ рѣшилъ отдаться новой, онъ устремился къ ней со всей страстью горячаго своего сердца. Это новое—трудъ—вполнѣ завладѣло Алгасовымъ. Упоительно-прекрасныя картины будущаго рисовались въ его умѣ, картины труда и пользы. Онъ видѣлъ свое будущее хозяйство, онъ переживалъ уже всѣ его радости; агрономическіе опыты, новые порядки, благотворное вліяніе на цѣлый край—вотъ что носилось въ его воображеніи. Онъ создавалъ величественные планы, мечтая, до какой высокой степени совершенства доведетъ онъ свое хозяйство; никакіе труды, ни затраты—ничто не пугало его, лишь бы достигнута была цѣль, лишь бы хозяйство его для всѣхъ могло служить примѣромъ и школой, распространяя вокругъ благоденствіе и знанія.

Чтобы не терять времени и поскорѣе приняться за работу, онъ накупилъ земледѣльческихъ и касающихся земледѣлія книгъ и усердно сталъ читать ихъ, подготовляясь такимъ образомъ къ своей будущей дѣятельности. Вообще, хотя полтора года, проведенные имъ въ деревнѣ, и хорошо познакомили его съ простымъ, обыденнымъ русскимъ хозяйствомъ, извѣстнымъ ему еще по юношескимъ воспоминаніямъ, но тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, какъ плохо подготовленъ онъ къ предстоявшему ему дѣлу. Но это не смущало его: передъ нимъ были цѣлые годы и главное—искреннее желаніе трудиться.

Горячо толковалъ онъ съ друзьями, развивая свои надежды и планы. Плечами только пожимали Павелъ Ивановичъ и Бачуринъ, слушая его, но не перечили ему, радуясь, что хоть что-нибудь да заняло его. Но Алгасовъ и вниманія не обращалъ на холодное ихъ отношеніе къ его мечтамъ. Какъ можно скорѣе приняться за настоящее дѣло—это было тутъ единственной его мыслью, и, не смотря на зиму, сейчасъ же уѣхалъ бы онъ въ Веденяпино, если бы не ждали въ Москву Ирины Платоновны. Алгасову хотѣлось повидаться съ нею, и ради нея отложилъ онъ отъѣздъ.

XLIV.

Послѣ свадьбы сына Аделаида Филипповна осталась въ Москвѣ и поселилась съ молодыми. Заграничная поѣздка не поправила ея здоровья и Аделаида Филипповна видимо угасала.

Въ февралѣ 1877 года она заболѣла. Болѣзнь была легкая, и сначала никто, даже и сама Аделаида Филипповна не обратила на нее вниманія, но вдругъ состояніе больной неожиданно ухудшилось. Созвали консиліумъ. Доктора не называли ея положенія безнадежнымъ, но и не скрывали отъ сына опасности, тѣмъ болѣе, что болѣзнь ея усложнялась еще ракомъ, которымъ Аделаида Филипповна давно уже страдала. Константинъ Платоновичъ тотчасъ же написалъ сестрѣ, вызывая ее въ Москву.

Неизвѣстно, счастлива ли была Ирина замужемъ: ничего нельзя было прочесть въ ея глазахъ, а что таилось на душѣ у нея—этого никто не зналъ, кромѣ самой Ирины. Трудно было проникнуть въ сокровенныя ея мысли. Никому на повѣряла она ихъ и она умѣла ихъ скрывать.

Жилось ей, повидимому, хорошо. Жизнью на чужбинѣ она не тяготилась, ибо ничто не связывало ея съ родиной, да и мало было разницы между образомъ ея жизни на родинѣ и въ Вѣнѣ. Ирина и тамъ блистала своей дивной красотой. Давыдовы имѣли порядочныя средства и жили довольно открыто, и въ вѣнскомъ обществѣ ихъ очень любили.

Еще болѣе поклонниковъ окружало тамъ Ирину, но она не боялась за себя. Дѣйствительно, даже и не замѣчала она ихъ и мысли не было у нея, чтобы полюбить кого-нибудь или кого-нибудь завлечь, даже и мужа не старалась она полюбить. Впрочемъ, мало-по-малу привычка явилась тутъ на мѣсто любви и Ирина забыла даже, что существуетъ на свѣтѣ любовь. Объ Алгасовѣ она старалась не вспоминать и не думать, но если иногда и вспоминалось ей о немъ—воспоминанія эти не волновали ея. Не рвалась она къ прошлому, никогда не мечтала о будущемъ, даже не мечтала объ иномъ, лучшемъ, настоящемъ, которое могло бы у нея быть, и объ одномъ только старалась Ирина—

потѣснѣе слиться съ дѣйствительнымъ настоящимъ и забыть все, кромѣ него. Въ этомъ помогло ей рожденіе сына.

У нея былъ одинъ только ребенокъ, нарядный и хорошенькій мальчикъ. Звали его Сашей. Это имя ему дали по желанію матери.

Страстно привязалась Ирина къ маленькому своему Сашѣ. Все свое время отдавала она ему, наряжала его, любовалась имъ, ласкала его, цѣлыя ночи при малѣйшемъ его нездоровьи просиживала возлѣ его, какъ игрушечка, разубранной кроватки. Оживленнѣе даже стала она, когда появился у нея Саша.

Мужъ былъ съ нею счастливъ. Онъ любилъ ее, любилъ ея красоту, на которую не могъ наглядѣться, ея спокойный, холодный характеръ, надменное ея обращеніе и умный разговоръ, однимъ словомъ, всѣ ея достоинства и недостатки одинаково были ему милы. Жилось ему съ ней хорошо. Ирина ни въ чемъ никогда не стѣсняла его и даже старалась, чтобы ему было возлѣ нея спокойно и весело: она цѣнила спокойствіе, а слѣдовательно, и семейное согласіе, котораго никогда не нарушала.

Любитъ ли она его, любила ли кого, какія впечатлѣнія дало ей прошлое—Сергѣю Ивановичу осталось это неизвѣстнымъ, но такъ хорошо было ему съ нею, что и на умъ не приходило никогда сомнѣніе въ ея любви или желаніе проникнуть въ ея прошлое. Ирина казалась вполнѣ счастливой—и этого довольно было Сергѣю Ивановичу: онъ вѣрилъ, что она счастлива и любитъ его.

Ирина очень интересовалась его службой и, какъ могла, способствовала его карьерѣ, красотой, умомъ и любезностью стараясь очаровать всѣхъ, которые могли помочь ея мужу. Но Сергѣй Ивановичъ и безъ того былъ на виду и, пожалованный камергеромъ, вскорѣ затѣмъ онъ получилъ видное назначеніе въ Лондонъ. Въ это-то самое время и пришло извѣстье объ опасномъ положеніи Аделаиды Филипповны.

Алгасовъ и Бачуринъ вмѣстѣ отправились на Николаевскій вокзалъ навстрѣчу Иринѣ: она ѣхала изъ Петербурга, гдѣ оставила мужа и сына.

Алгасовъ совсѣмъ не понималъ того, что происходитъ въ сердцѣ Ирины. Онъ даже и не думалъ, что Ирина можетъ помнить о своей любви къ нему, и тѣмъ уже менѣе предполагалъ онъ, что любовь эта живетъ еще въ ея сердцѣ. Самъ совершенно уже забылъ онъ свою любовь и даже то время, когда онъ любилъ Ирину, и ничего уже не видѣлъ онъ въ Иринѣ, кромѣ сестры, соединенной съ нимъ узами дружбы и родства. Онъ очень обрадовался извѣстью, что Ирина ѣдетъ въ Москву, и съ нетерпѣніемъ ждалъ предстоящаго свиданія, но сердце его нисколько не участвовало въ этой радости.

Не то было съ Ириной. Она не забывала прошлаго и еще болѣе помнила о немъ теперь, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки вновь ожидая увидѣть любимаго человѣка. И чѣмъ безнадежнѣе была ея любовь—а она уже была совершенно безнадежна, Ирина это ясно сознавала: если бы и воскресло даже въ сердцѣ Алгасова его старое чувство, никогда не пожертвовала бы Ирина своему счастью счастьемъ мужа и сына—чѣмъ безнадежнѣе была ея любовь, тѣмъ тяжелѣе было Иринѣ, тѣмъ живѣе ощущала она ее, свое единственное чувство...

И съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе овладѣвали ею воспоминанія. Какія-то невѣдомыя ей сладкія желанія волновали и звали ее, въ чудныхъ грёзахъ она видѣла себя любимой, она видѣла себя, въ порывѣ горячей страсти бросающеюся въ объятія любимаго человѣка—и не въ силахъ была она прогнать эти грёзы и не любоваться ихъ чарующей красотой...

Задумчиво сидѣла она у окна вагона, машинально глядя на покрытые снѣгомъ незатѣйливые русскіе виды. Хотя она была и не одна въ отдѣленіи, но дорогой, среди незнакомыхъ, она не считала нужнымъ скрывать своего волненія и, безсильная противъ него—вся отдалась она неожиданно охватившему ее чудному сну живой любви. А волненіе ея все росло по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ: глаза Ирины блестѣли, ея щеки горѣли, дыханіе было неровно... Не узнали бы ея въ эту минуту и самые близкіе къ ней люди, впрочемъ, въ ихъ присутствіи она съумѣла бы сдержаться.

Случайно Алгасовъ и Бачуринъ стояли у того самаго

мѣста, гдѣ остановился вагонъ, въ которомъ ѣхала Ирина, такъ что Ирина, стоявшая у окна, неожиданнс вдругъ увидала передъ собой Алгасова. Она быстро опустилась на диванъ и откинулась въ уголъ, думая замедлить выходомъ и хоть нѣсколько оправиться, но было уже поздно. Оба они узнали ее, Бачуринъ отворилъ дверцу вагона и вошелъ туда. Алгасовъ послѣдовалъ за нимъ.

Подходя къ Иринѣ, онъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ. Она была все та же, такъ же хороша, такъ же изящна, только пополнѣла немного, но полнота эта очень шла къ надменному ея виду, и еще величественнѣе казалась отъ этого строгая красота ея, словно окончательно созрѣла она и достигла высшаго своего совершенства и силы.

Ирина не успѣла овладѣть собой и скрыть своего волненія, и возбужденное ея состояніе сразу бросилось Алгасову въ глаза: слишкомъ уже непривычны были тревога и волненіе на мраморномъ лицѣ Ирины.

Поцѣловавъ брата, съ улыбкой, нѣсколько, впрочемъ, принужденной, протянула она Алгасову руку и сказала ему:

— Здравствуй, Саша! Какъ я рада, что и ты пріѣхалъ меня встрѣтить...

Другого ничего не нашлась она сказать и на всѣ вопросы Алгасова старалась отвѣчать какъ можно короче, все заговаривая съ братомъ. Но какія ни дѣлала она надъ собой усилія, она чувствовала, что волненіе ея все растетъ и растетъ и что Алгасовъ это видитъ, и еще болѣе терялась она. Даже братъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ.

— Что съ ней? подумалъ Алгасовъ. Неужели?..

Наконецъ вышли они изъ вагона. На подъѣздѣ Алгасовъ простился съ Ириной, обѣщая вечеромъ же къ ней пріѣхать.

Волненіе Ирины невольно навело его на мысль, что не совсѣмъ еще забыла она прошлое. Это не обрадовало его: кромѣ томительныхъ упрековъ совѣсти, ничего не сулило ему это открытіе и, какъ ни увѣрялъ онъ себя, что онъ правъ передъ Ириной, что не могъ онъ тогда поступить иначе, все-таки онъ чувствовалъ, что на его душѣ останется ея разбитая жизнь. И онъ рѣшилъ какъ можно быть сдержаннѣе съ Ириной, чтобы ничѣмъ по крайней мѣрѣ не освѣжать въ ней старыхъ воспоминаній.

Но всѣ его опасенія тотчасъ же разсѣялись, какъ только увидѣлъ онъ вечеромъ Ирину. Она ждала его и встрѣтила его приготовленная, ласково, по-дружески, но совершенно спокойно. Не постигавшій такого искусства владѣть собой, Алгасовъ охотно повѣрилъ новому впечатлѣнію, усталостью и плохо проведенной ночью объясняя возбужденное состояніе Ирины на желѣзной дорогѣ.

На этотъ разъ они встрѣтились старыми друзьями—и только. Ирина затаила свою любовь, затаила даже и для самой себя. Еще яснѣе почувствовала она возлѣ Алгасова, какъ вполнѣ и безвозвратно прошло минувшее, что никому уже, кромѣ нея самой, не нужна ея любовь—и она спрятала ее для себя.

Тяжело достался ей первый день, проведенный ею въ Москвѣ, но потомъ стало легче.

Съ Алгасовымъ они видались почти каждый день и много говорили они. Ирина попрежнему интересовалась и имъ самимъ, и его жизнью, и всѣмъ, къ чему пришелъ онъ въ жизни. О себѣ она мало говорила и только въ общихъ чертахъ, то упоминая о вѣнскомъ обществѣ, то о мужѣ, то о сынѣ. Болѣе подробныхъ разговоровъ она избѣгала и ловко умѣла ихъ отклонять.

Выслушавъ отъ Алгасова повѣсть о томъ времени, которое непосредственно слѣдовало за ея сватьбой, когда впервые сталъ онъ сознавать свой совершившійся разрывъ съ свѣтской жизнью, Ирина сказала:

— Это и должно было случиться, я предсказывала тебѣ это. Ты велъ жизнь слишкомъ безсодержательную и мелкую и она не могла удовлетворить тебя.

— Что же дѣлать, Ирина, другой не было...

— Ты не нашелъ своей дороги: ты рожденъ быть учителемъ...

— Хорошъ учитель, Ирина, смѣясь, возразилъ Алгасовъ, который самъ не знаетъ, чему учить, и въ жизни спотыкается на каждомъ шагу!

— Ты не хочешь знать, это вѣрнѣе...

— Разъ ужъ *знаешь* или *можешь* знать, нельзя *не хотѣть* знать, Ирина. Скажи лучше, что я не обманываю себя и сознаюсь въ своемъ незнаніи.

— И теперь ты все-таки не знаешь?

— Болѣе, чѣмъ когда либо...

— А молодости ужъ нѣтъ... Это грустно, Саша!

— И если бы ты знала, какъ еще грустно!

— И что же впереди? Ни надежды, ничего?

Алгасовъ всталъ.

—Если бы не было даже и надежды, я бы и жить пересталъ, сказалъ онъ.

Ирина взглянула на него, но тотчасъ же опустила глаза и ничего ему не отвѣтила. Оба они замолчали. Ирину позвали къ матери. Алгасовъ простился и ушелъ.

Но когда зашла рѣчь о настоящемъ Алгасова, въ самыхъ яркихъ краскахъ сталъ онъ описывать Иринѣ свое будущее хозяйство и всѣ надежды, которыя онъ возлагалъ на это хозяйство. Ирина слушала его съ удивленіемъ.

— И только, Саша? Это все, къ чему ты пришелъ? воскликнула она.

Сразу Алгасовъ не нашелся даже, что ей отвѣтить.

— Я ожидала отъ тебя большаго, много большаго, тихо продолжала она.

— По крайней мѣрѣ я въ этомъ не виноватъ, съ нѣкоторой досадой произнесъ Алгасовъ. Я никогда и ничѣмъ не поддерживалъ твоихъ ожиданій.

— Трудъ! не слушая его, говорила Ирина. Его ты могъ бы оставить и тѣмъ, которые ни на что уже, кромѣ него, не годятся.

— Да не хочу я выдѣляться изъ ихъ числа, громко и съ удареніемъ на этихъ словахъ сказалъ Алгасовъ. Я не вижу, чтобы нѣсколько болѣе ума и развитія давали мнѣ право не считать себя въ числѣ простыхъ людей... Я не хочу принадлежать къ меньшинству, ибо только въ жизни большинства—только въ ней и можно найти правду и рѣшеніе задачи о жизни...

— Ты ищешь этого рѣшенія въ трудѣ? Знаешь ты, что такое трудъ?

— Я хочу его узнать.

— И если въ трудѣ низшаго порядка, если ты не найдешь въ немъ ничего, какъ и въ свѣтской жизни? Тогда убѣ-

дишься ли ты наконецъ, что трудъ учителя—тоже трудъ, но несравненно высшій?

— Очень можетъ быть, что и трудъ не удовлетворитъ меня, и не дастъ мнѣ жизни, но пока окончательно не потеряю я надежды узнать, что такое жизнь, до тѣхъ поръ не отойду отъ большинства и буду жить его жизнью.

— Все равно, какъ если бы Геркулесъ непремѣнно захотѣлъ быть, ну кузнецомъ, что ли. Изъ него вышелъ бы не болѣе, какъ плохой и несчастный кузнецъ, а подвиговъ своихъ онъ не совершилъ бы... Потеря для всѣхъ, и для него, и для большинства.

— Почему? должны же мы были изобрѣсти паровой молотъ: древнимъ сила пара была неизвѣстна, а Геркулесъ могъ-бы замѣнить ее съ успѣхомъ. Впрочемъ, подвиги такъ мало занимали у него времени, что въ праздники, между дѣломъ, онъ могъ бы и ихъ совершить. Видишь, и Геркулесъ, и міръ, обѣ стороны остались-бы въ барышахъ, а кстати, занятый дѣломъ, Геркулесъ былъ бы нѣсколько, можетъ-быть, постояннѣе въ любви и не попалъ бы къ Омфалѣ и не погибъ бы такъ печально!

— Какъ хочешь, Саша. Но ты намѣренно ведешь жизнь болѣе низкую, чѣмъ та, которая суждена тебѣ, и потому жизнь и не удовлетворяетъ тебя. Когда ты это поймешь наконецъ—тогда только узнаешь ты счастье.

— Я его узнаю, когда жизнь моя будетъ полна или радостями, или дѣломъ. И разъ внутреннее призваніе укажетъ мнѣ дѣло—хоть для журнала *Дѣло*, съ улыбкой продолжалъ онъ, романы или разухабистыя критики писать, все равно, лишь бы я почувствовалъ къ нимъ призваніе—я не откажусь отъ этого дѣла.

— И ты чувствуешь призваніе къ хозяйству?

— Я полагаю, что трудъ, живой самъ по себѣ и для всѣхъ полезный, наполнитъ мою жизнь этимъ самымъ сознаніемъ приносимой мною пользы.

— А если нѣтъ?

— Тогда видно будетъ...

До конца встрѣчалъ онъ съ ея стороны то же равнодушіе и ту же холодность къ его мечтамъ и планамъ, какъ и со

стороны ея брата и Павла Ивановича; все его краснорѣчіе не въ силахъ было убѣдить ея.

Одинъ лишь Костыгинъ вполнѣ сочувствовалъ ему, и какъ можно чаще старался онъ видаться съ Алгасовымъ, чтобы поддерживать и укрѣплять въ немъ его новое настроеніе. Алгасовъ и не нуждался въ этомъ, съ такой страстью рвался онъ къ труду и къ новой жизни, и все-таки отъ души былъ онъ благодаренъ Сергѣю Игнатьевичу за его сочувствіе и дружбу.

Но размолвка и въ такомъ даже важномъ вопросѣ не вызвала охлажденія между Алгасовымъ и Ириной. Оба они рады были, что увидѣлись, и спѣшили наговориться передъ новой разлукой: Алгасовъ собирался закопаться въ уѣздномъ захолустьи—и это не обѣщало имъ скораго свиданія.

Аделаида Филипповна недолго жила при Иринѣ. На другой же день послѣ похоронъ матери Ирина уѣхала въ Петербургъ и оттуда въ Лондонъ.

Тихо, по-дружески, простились они съ Алгасовымъ. Самой Иринѣ легче было разставаться съ нимъ, чѣмъ встрѣчаться.

XLV.

Нетерпѣливо желая поскорѣе начать новую жизнь, Алгасовъ уѣхалъ изъ Москвы въ тотъ же день, какъ уѣхала Ирина. Онъ спѣшилъ такъ, чтобы воспользоваться послѣднимъ саннымъ путемъ: пережидать распутицу и дожидаться пароходовъ—это казалось ему слишкомъ уже долгимъ, и онъ предпочелъ тащиться по портившейся дорогѣ, лишь бы поскорѣе попасть въ Веденяпино.

Невеселая это дорога. Сани еле тащатся по растаявшему рыхлому снѣгу, лошади на каждомъ шагу прошикаются, у каждаго овражка, у каждой зажоры часовыя и болѣе остановки, такъ что иной разъ въ цѣлый день можно сдѣлать не болѣе одной станціи и потомъ, въ награду за дорожную скуку, имѣть удовольствіе провести весь длинный мартовскій вечеръ въ жарко-натопленной, душной, грязной и тѣсной комнатѣ постоялаго двора.

Незавидный ночлегъ ожидаетъ тамъ путника. Почернѣвшія стѣны съ почернѣвшими же отъ пыли и мухъ лубочными картинами, почернѣвшія лавки, грязный, покрытый грязной клеенкой столъ, грязнѣйшій и до невозможности жесткій диванъ, совершенно черный отъ грязи и времени полъ, ужасающее множество всюду снующихъ таракановъ-прусаковъ и вѣроятное присутствіе не меньшаго количества клоповъ—вотъ обстановка современнаго постоялаго двора на глухомъ трактѣ. И въ подобной комнатѣ, по большей части проходной и вдобавокъ еще всегда почти находящейся рядомъ съ той, въ которой живутъ сами хозяева съ оравой поминутно снующихъ по комнатѣ и не спускающихъ глазъ съ заѣхавшаго путника ребятишекъ, зачастую и съ висящей даже среди нея люлькой—въ ней приходится провести и вечеръ, и ночь, иной разъ еще засвѣтло пріѣхавъ на станцію и оставаясь тамъ до разсвѣта, ибо ѣхать ночью въ эту пору года невозможно.

Но послѣ томительно-скучной ѣзды бываешь радъ и такому отдыху и съ наслажденіемъ расправляешь усталые отъ долгаго сидѣнія члены, расхаживая по тѣсной комнатѣ отъ безобразныхъ часовъ въ длинномъ футлярѣ, повѣряемыхъ по часамъ каждаго проѣзжаго и все-таки ухитряющихся отставать по меньшей мѣрѣ на часъ, до противоположной стѣны, сплошь улѣпленной изображеніями геенны огненной, Суворова-Рымникскаго или сценъ изъ какой-нибудь пѣсни, а въ тѣ годы—турецкихъ звѣрствъ, Дюнишьскаго и всякаго иного боя, которыя жадно тогда раскупались и потому появлялись въ продажѣ почти одновременно съ телеграфическимъ извѣстьемъ о звѣрствахъ или боѣ. Отъ нечего дѣлать перечитаешь всѣ надписи подъ этими картинами, пока не придешь наконецъ въ себя послѣ дороги. Далѣе извѣстно уже что: достаешь дорожную закуску, на которую съ завистью глядятъ хозяйскіе ребятишки, и спрашиваешь самоваръ. На хромой и грязный столъ, съ котораго хозяйка смахнетъ лишь рукой остатки недавняго своего обѣда, ставится нечищенный старый самоваръ. Стаканъ сомнительной чистоты, разрисованный цвѣтами чайникъ съ отбитымъ носкомъ и горшокъ сливокъ—вотъ и всѣ принадлежности чайнаго стола. Послѣ же чая

проѣзжему предоставляется, какъ ему угодно, коротать остальную часть вечера.

Утромъ васъ будятъ еще до восхода солнца. Наскоро напившись чая и заплативъ полтинникъ за всю благодать на постояломъ дворѣ, садитесь вы въ сани и снова передъ вами цѣлый день въ саняхъ и въ дорогѣ. Ѣдете шагомъ, медленно, медленно идетъ вамъ навстрѣчу дорога, а по сторонамъ голыя деревья да мокрый, грязный снѣгъ, изъ-подъ котораго мѣстами уже выглядываетъ черная земля; это уже не веселый и чистый зимній снѣгъ, сверкающимъ твердымъ пластомъ покрывающій землю—нѣтъ, весь видъ его производитъ впечатлѣніе жалкой какой-то и дряблой безпомощности, еще болѣе нагоняющей на душу тоски, такъ что и глядѣть не хочется по сторонамъ. Деревню ли встрѣтите—и она выглядываетъ такъ же уныло, сѣрая, съ грязнымъ снѣгомъ и мутными лужами на улицахъ; въ сѣрыхъ полушубкахъ бродятъ по нимъ люди, и ничто не оживляетъ этого сплошь сѣраго колорита, лежащаго на всемъ, и на строеніяхъ, и на деревьяхъ, и на людяхъ, и на землѣ, и на небѣ, закутанномъ облаками, сквозь которыя тускло проглядываетъ еле примѣтное солнце.

Длинный, мрачный день въ дорогѣ, длинный, мрачный вечеръ на постояломъ дворѣ, ночь среди самой неприглядной обстановки, холодъ, вѣтеръ, дождь, ѣзда шагомъ, купанье въ зажорахъ и вызываемое всѣми этими прелестями неизмѣнно-кислое настроеніе духа—вотъ что такое ѣхать по послѣднему пути.

На четвертый только день дотащился Алгасовъ до Веденяпина, но, погруженный въ свои думы, передъ другими онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что не такъ ощутительна была ему дорожная скука.

Всю доселѣ имъ пройденную часть жизни, время тревожныхъ исканій, все вспомнилъ онъ въ эти долгіе дни. Нельзя сказать, чтобы безъинтересно или однообразно прожилъ онъ молодые свои годы, напротивъ, шумно и весело прошли они, а что осталось ему отъ нихъ? Ничего, ни воспоминаній, ни даже полнаго разочарованія въ этой жизни, лишь не манитъ ужъ она, но еще лишь болѣе затрудняло это положеніе. Прошла его молодость, наступаетъ для него

пора, когда, прочно устроившись, люди живутъ у своего домашняго очага, живутъ мирно и покойно, забывъ юношескія тревоги и безпокойные порывы молодости. И точно, всѣ его сверстники устроились и заняты дѣломъ, всячески стараясь, чтобы еще теплѣе, удобнѣе и привольнѣе жилось въ будущемъ у этого очага и имъ самимъ, и ихъ дѣтямъ. А онъ? Онъ одинъ и нѣтъ у него домашняго очага. Дало ли ему безвозвратно ушедшее прошлое хотя надежную, ясную жизнь? Пожалуй—да, и онъ устроился или по крайней мѣрѣ ѣдетъ устраиваться, но въ то время, какъ все такъ извѣстно у другихъ и такъ ясно имъ, зачѣмъ они дѣлаютъ то-то и такъ-то и какъ поступить имъ въ такомъ-то случаѣ, ибо передъ глазами у нихъ тысячи примѣровъ и въ настоящемъ, и въ прошломъ, у него впереди все та же неизвѣстность. Его будущее—это все еще предстоящій ему опытъ, и опытъ, въ которомъ мало имѣлъ онъ предшественниковъ и немного примѣровъ, еще менѣе примѣровъ удачныхъ. Его цѣль—неопредѣленна и туманна. Удастся ли она ему—неизвѣстно, что будетъ онъ дѣлать въ случаѣ неудачи—извѣстно еще менѣе. А пора ужъ, пора наконецъ жить, а не готовиться къ жизни, пора отдохнуть, уже не прежнія юношески-свѣжія силы у него, полныя надеждъ на будущее и въ этихъ надеждахъ почерпающія свою мощь. Исканія, сомнѣнія, порывы, надежды и неясныя стремленія становятся не только ему не по силамъ, или, вѣрнѣе, настолько ниже возмужавшихъ его силъ, но даже и смѣшно все это въ его годы: не до сѣдыхъ же волосъ тѣшиться ему на балахъ, влюбляться въ барышень и ждать жизни впереди...

Скучно, грустно, тяжело, поневолѣ сомнѣніе закрадывается и въ то дѣло, которому посвятилъ онъ теперь свою жизнь, а куда дѣваться отъ этихъ сомнѣній, куда спрятаться отъ нихъ, гдѣ искать вѣры, разъ не имѣетъ настоящее ни твердаго оплота на твердынѣ прошлаго, ни ясной и сознательной цѣли въ будущемъ? Поневолѣ является это настоящее какимъ-то отрывкомъ безъ начала и конца. Можетъ-быть, и есть смыслъ въ этомъ отрывкѣ, можетъ, и много даже смысла, но не начнешь его читать безъ нѣкотораго предубѣжденія, и что кромѣ крайности, кромѣ неимѣнія никакого иного чтенія можетъ побудить засѣсть за этотъ отры-

вокъ? И вдвойнѣ грустно становится при этихъ мысляхъ, и жаль безполезно и безслѣдно ушедшихъ годовъ, и противно настоящее, и не смѣешь даже взглянуть въ лицо будущему...

Гдѣ исходъ, гдѣ? Молчитъ прошлое, непроницаемой пеленой задернуто будущее, и страшно передъ нимъ, какъ страшно было юношѣ передъ Саисскимъ истуканомъ, когда онъ стоялъ передъ этимъ послѣднимъ съ твердой рѣшимостью сдернуть съ него покрывало и увидѣть его.

И здѣсь та же рѣшимость, лишь дала бы жизнь дойти до истукана, и тотъ же страхъ: что увидишь за пеленой? Еще не совсѣмъ отдернута она. Неужели же возможно еще худшее?..

А кругомъ, словно нарочно, чтобы усугубить и усилить грусть, сѣрый снѣгъ, сѣрое небо, сѣрый день—какая-то насмѣшка надъ поэтическимъ временемъ года, и ничего не видать впереди, кромѣ пустой, безконечной и скучной дороги и еще болѣе скучнаго ночлега. И поневолѣ приходитъ вопросъ: не такова ли и жизнь?

Конецъ 2-й части.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 25. Адель Гранцева, знаменитая нѣмецкая балерина того времени, танцовавшая и въ Россіи, въ Петербургѣ и Москвѣ.

1. Къ стр. 50. Политехническая выставка въ Кремлевскомъ саду.

2. Къ стр. 62. Подобные толки ходили тогда (въ началѣ 80-хъ годовъ) про нѣкоего богача-охотника Лихачева.

3. Къ стр. 223. Оперетка „Въ погонѣ за прекрасной Еленой".—Спектакль 29 апрѣля 1873 года въ Большомъ театрѣ.

4. Къ стр. 224. Островскаго, музыка П. Чайковскаго.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ.

Стр.	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ*:
3—19 сн.	обрывая	обрываетъ
15— 3 св.	началъ Константинъ Платоновичъ	началъ наконецъ Константинъ Платоновичъ
49—16 св.	было мучительно,	было и мучительно,
116—17 св.	доставляла!	—ла.
217— 8 сн.	болѣе 30 копѣекъ,	побольше 30 копѣекъ,
377—14 сн.	я даже не разлюбилъ	я даже и не разлюбилъ
397— 6 св.	хорошихъ	„хорошихъ“
425—19 св.	и неизбѣжно сопровождалась	и потому уже самому неизбѣжно сопровождалась

